

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Владимиров И.В. Особенности функционирования абсолютизма в Эсватини 6

Иванов А.М., Михайленков С.Ю., Силина К.В. Институт борьбы с хищением государственной собственности в СССР: обобщение опыта Смоленского региона 1970-х годов 9

Красников И.В. Риски снижения социальной ориентированности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений: на примере внедрения технологий искусственного интеллекта 14

Малько А.В. Правовое сотворчество в СССР и современной России: сравнительный анализ 18

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Гридина М.Р. Развитие правового регулирования государственного надзора за деятельностью офшорного бизнеса 23

Алейник Д.В., Петров И.В. Развитие института правового регулирования государственных закупок: возможности применения международного опыта 27

Гридина М.Р. Регулирование привлечения инвестиций с применением криптовалюты: аспекты защиты прав инвесторов и предпринимателей 31

Дегтев Г.В., Билашенко Н.А., Золотухина Ю.В., Холкина Н.А. Правовые критерии оценки категории «качество жизни» населения столичного мегаполиса 35

Андреевская А.Н., Косторнов Д.А. Регулирование реализации избирательных прав гражданами с помощью дистанционного электронного голосования 40

Кузнецов Н.В. Понятие финансового мониторинга, осуществляемого кредитными организациями в сфере противодействия легализации денежных средств, полученных преступным путем 43

Ткачева В.Л., Кунина И.Л. Адаптация правовой системы РФ в условиях изменения финансово-экономических отношений в энергетике 47

Липски С.А., Нижник Л.С. Особенности принудительного изъятия земель сельхозназначения в современных условиях 51

Лучинин И.И. Институт применения категории «группа экономических интересов» (ГЭИ) в корпоративном праве Франции 56

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Мактаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павлюков Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.05.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Миросердов А.С.</i> Развитие конституционного права России: от имперского периода до века цифровых технологий.....	61	<i>Андреевская А.Н., Косторнов Д.А.</i> Субординация требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве юридических лиц.....	148
<i>Палин А.И.</i> Правовое регулирование судебной защиты конституционной категории «достоинство личности».....	66	<i>Красоусская П.Д., Лопатин Д.П.</i> Неопределенность правовой природы договора поручительства при признании его недействительным.....	151
<i>Прищепа Н.С.</i> Деятельность исполнительных органов государственной власти субъектов РФ в сфере содействия занятости (на примере Севастополя).....	70	<i>Кращенко В.Н.</i> Вопрос о правовом регулировании цифровых вещей.....	154
<i>Титов А.С.</i> Правовое регулирование технологии блокчейн при осуществлении публичной власти.....	76	<i>Мазарович Г.О.</i> Иск о признании зарегистрированного права отсутствующим как специальный способ защиты вещных прав.....	159
<i>Толкачева Н.С.</i> Развитие института применения мер профилактики административных правонарушений в области защиты интеллектуальных прав.....	81	<i>Минаков С.К.</i> Взыскание компенсации за потерю времени как санкция за злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе.....	164
<i>Украинцев С.В.</i> Этапы формирования института административного обжалования в России: историко-правовой анализ с XV по XX век.....	87	<i>Моисеенко С.А., Сомова О.В.</i> Возможности и ограничения применения института материальной консолидации при банкротстве предпринимательской группы: обобщение опыта США.....	170
<i>Фарзалиев М.Р.</i> Правовое регулирование запрета на осуществление расчетов цифровой валютой в Российской Федерации.....	93	<i>Лопатин Д.П., Красоусская П.Д.</i> Правовое регулирование взаимоотношений Российского авторского общества с зарубежными правообладателями в условиях санкций.....	175
<i>Чепкасова А.О.</i> Реализация принципа «участие пользователей» в российской системе налогообложения: на примере цифровых компаний.....	99	<i>Решетнёв А.В.</i> Комплаенс в области персональных данных как средство минимизации предпринимательского риска.....	179
<i>Шиш Е.А.</i> Соотношение категорий процесса и процедуры в административном праве: обобщение концепций в научном дискурсе.....	104	<i>Сергеева О.А.</i> Неуплата имущественных санкций как способ злоупотребления при банкротстве юридического лица.....	186
<i>Шпиндлер А.А.</i> Полномочия высших органов государственной власти Российской Федерации в области противодействия антироссийским санкциям.....	108	<i>Смирнов И.О.</i> Определение правовой природы краткосрочной аренды: на примере сравнительных характеристик договора каршеринга.....	192
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ			
<i>Бекиров Т.Р.</i> Формирование правовой категории и классификация видов дискриминации в сфере труда.....	115	<i>Суворова А.А.</i> Развитие правового регулирования социальной рекламы в российском законодательстве: аспекты формирования механизмов контроля.....	196
<i>Бигалиева Я.Г., Смирнов Н.Н.</i> Правовое регулирование применения цифровых технологий в государственных и муниципальных закупках.....	121	<i>Сулейменова А.Р.</i> Электронная разновидность письменной формы сделки.....	199
<i>Жижин П.А.</i> Некоторые проблемы правового регулирования имущественных прав супругов в свете соотношения гражданского и семейного законодательства.....	125	<i>Терехин И.С.</i> Определение критериев дифференциации договоров поставки и подряда.....	204
<i>Исаев Д.А., Бояндина В.В.</i> Соотношение в правоприменении категорий «сделка», «обязательство» и «договор».....	129	<i>Трынкина Д.В.</i> Развитие правового института определения форс-мажорных обстоятельств в обязательстве: на примере ситуации введения экономических санкций.....	210
<i>Бигалиева Я.Г., Смирнов Н.Н.</i> Режим применения смарт-контрактов в гражданско-правовом обороте.....	136	<i>Туманова А.Е.</i> Правовые аспекты формирования цифровых экосистем кредитных организаций.....	214
<i>Плутенко Д.С., Исаенко А.С.</i> Нормативное определение содержания признаков правовой категории предпринимательской деятельности.....	141	<i>Федорова Ю.А.</i> Определение критериев наступления гражданско-правовой ответственности: об обобщение позиций правоприменительной практики и научного дискурса.....	221
<i>Калин Г.К.</i> Осуществление и защита личных неимущественных прав при использовании облачных сервисов в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта.....	144	<i>Хамидуллина Е.В.</i> Основные направления в формировании правового режима беспилотных транспортных средств.....	225
		<i>Чарторийский Д.В.</i> Понятие убытков: в поисках определения и правовой сущности.....	231

Чаштанова Д.П. Дистанционная работа, осложненная иностранным элементом: проблемы правовой регламентации 235

Горбунов Т.Д., Шохова В.А. Развитие правового института признания корпоративного договора недействительным 239

Чаштанова Д.П. Проблемы обеспечения права платформенных занятых на объединение 242

Щегунц Н.Г. Идентификация элементов сложноструктурных сделок в гражданском праве Российской Федерации 246

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Горбунов Т.Д., Шохова В.А. Признаки субъекта международного преступления применительно к финансированию террористической деятельности 252

Даровских О.И., Даровских С.М. Реализация должностными лицами в ходе уголовно-процессуальной деятельности своих прав и обязанностей как способ обеспечения ее эффективности 255

Дроздов И.С. Признак принадлежности потерпевших к социальным группам в статье 282 УК РФ 260

Ковалева А.В. Критерии возмещения морального вреда и вреда деловой репутации в уголовном судопроизводстве 264

Коваленко А.А. Выявление признаков квалификации незаконного вооруженного формирования в уголовном праве 268

Кучерков И.А. Специальные технические действия дознания в уголовном процессе Франции 272

Лазук Д.С. Возможности введения в российское уголовное законодательство категории «уголовного проступка» 277

Пастухов Е.А. Подходы к нормативному определению категории «экономические преступления» в российской правовой системе 280

Попов Г.И. Проблемы и перспективы российской уголовной политики в контексте преступлений против интеллектуальной собственности 284

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бавин Д.Е., Кузьмина К.С., Симаков Е.В., Наринский А.В. Выявление дифференциации подходов к регулированию корпоративных отношений в гражданском праве России и ЮАР 289

Голушков С.В. Правовой механизм применения механизма отзыва признания государств в аспекте нормативного определения критериев государственности 294

Елбаева Н.А., Козырева Ю.Н. Правовые основы создания общего финансового рынка в ЕАЭС 298

Поваляев А.А., Беляков В.Г. Соотношение правового регулирования договорных отношений на техническое управление судна в законодательстве РФ и международном морском частном праве: на примере содержания проформы БИМКО «ШИПМЭН-2024» 305

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

Воробьева Ю.Ю. Правовое регулирование поведения государственных гражданских служащих в социальных сетях 310

Алхамед Абдулазиз. Легализация трудовых прав и условий для сирийских беженцев 314

Абрамов Д.О., Ишеков К.А. Юридическая ответственность за правонарушения в сфере компьютерной информации в англо-саксонском праве 318

Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Известные методологические вопросы криминологии, воздействующие на уголовную политику 324

Исаенко А.С., Плутенко Д.С. Правовое определение категории «фактические брачные отношения» 330

Кирьянова Л.В. Новые вехи Федерального закона «О персональных данных» 333

Кобелев Ю.Г. Некоторые рассуждения и рекомендации по назначению судебно-медицинских экспертиз по оценке качества оказания медицинской помощи 337

Колаев А.М. К вопросу о правовом регулировании сотрудничества Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии терроризму 344

Макеев С.Е. Правовой контроль административных процессов рынка коммерческой недвижимости 352

Матвеева Е.Ю. Энергосервисные договоры как правовое средство в сфере энергосбережения 355

Резчиков В.И. Дефекты (коллизии) института гражданско-правовой защиты (судебная практика) 359

Романова Н.В., Елкина О.С. К вопросу о правовом плюрализме в современной Европе 364

Седова Ж.И. Международные юридические лица и мягкое право как юридические механизмы реализации трансграничных инвестиционных проектов стран БРИКС 375

Яськов А.А. Законодательное регулирование электронной торговли на маркетплейсах в странах ЕАЭС в системе международного права 379

Нагайев А.Р., Колесников Ю.А., Стариков Д.А., Митина С.В., Вишневецкий К.В. Актуальные проблемы и тенденции развития права в России 389

Панкратова У.В. Специальное подстрекательство к организации массовых беспорядков 395

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Vladimirov I.V.</i> Features of the functioning of absolutism in Eswatini	6
<i>Ivanov A.M., Mikhailenkov S.Yu., Silina K.V.</i> Institute for combating the theft of state property in the USSR: generalization of the experience of the Smolensk region in the 1970s.....	9
<i>Krasnikov I.V.</i> Risks of reducing the social orientation of law enforcement in the context of digitalization of public relations: the example of the introduction of artificial intelligence technologies	14
<i>Malko A.V.</i> Law-making collaboration co-creation in the USSR and modern Russia: comparative analysis	18

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Gridina M.R.</i> Development of legal regulation of state supervision of offshore business activities.....	23
<i>Aleynik D.V., Petrov I.V.</i> Development of the institution of legal regulation of public procurement: opportunities for applying international experience	27
<i>Gridina M.R.</i> Regulation of attracting investments using cryptocurrency: aspects of protecting the rights of investors and entrepreneurs	31
<i>Degtev G.V., Bilashenko N.A., Zolotukhina Yu.V., Kholkina N.A.</i> Legal criteria for assessing the category “quality of life” of the population of a metropolitan metropolis.....	35
<i>Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.</i> Regulation of the exercise of electoral rights by citizens using remote electronic voting	40
<i>Kuznetsov N.V.</i> The concept of financial monitoring by credit organisations in the sphere of anti-money laundering measures	43
<i>Tkacheva V.L., Kunina I.L.</i> Adaptation of the legal system of the Russian Federation in the context of changes in financial economic relations in the energy sector.....	47
<i>Lipski S.A., Nizhnik L.S.</i> Features of forced seizure of agricultural land in modern conditions	51
<i>Luchinin I.I.</i> Institute for the application of the category «economic interest group» (EIG) in French corporate law.....	56
<i>Miloserdov A.S.</i> Development of constitutional law in Russia: from the imperial period to the age of digital technology	61
<i>Papin A.I.</i> Legal regulation of judicial protection of the constitutional category “personal dignity”	66
<i>Prishchepa N.S.</i> The activities of the executive authorities of state power of the subjects of the PF in the field of employment promotion (on the example of Sevastopol)	70
<i>Titov Alexey Sergeevich</i> Legal regulation of blockchain technology within the framework of public administration	76
<i>Tolkacheva N.S.</i> Development of the institution of application of measures to prevent administrative offenses in the field of protection of intellectual rights”	81
<i>Ukrainsev S.V.</i> Stages of formation of the institution of administrative appeal in Russia: historical and legal analysis from the 15th to the 20th centuries”	87

<i>Farzaliev M.R.</i> Legal regulation of the ban on settlements with digital currency in the Russian Federation	93
<i>Chepkasova A.O.</i> Implementation of the “user participation” principle in the Russian tax system: the example of digital companies	99
<i>Shish E.A.</i> Correlation between the categories of process and procedure in administrative law: generalization of concepts in scientific discourse.....	104
<i>Spindler A.A.</i> Powers of the highest bodies of state power of the Russian Federation in the field of countering anti-Russian sanctions.....	108

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Bekirov T.R.</i> Formation of a legal category and classification of types of discrimination in the world of work.....	115
<i>Bigalieva Ya.G., Smirnov N.N.</i> Legal regulation of the use of digital technologies in state and municipal procurement	121
<i>Zhizhin P.A.</i> Some problems of legal regulation of property rights of spouses in the light of the relationship of civil and family legislation.....	125
<i>Isaev D.A., Boyandina V.V.</i> Correlation in the enforcement of the categories “transaction”, “obligation” and “agreement”	129
<i>Bigalieva Ya.G., Smirnov N.N.</i> Mode of application of smart contracts in civil law	136
<i>Plutenko D.S., Isaenko A.S.</i> Regulatory definition of the content of signs of the legal category of entrepreneurial activity	141
<i>Kalin G.K.</i> Exercise and protection of personal non-property rights in the use of cloud services in the context of the introduction of artificial intelligence technologies	144
<i>Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.</i> Subordination of claims of affiliated creditors in bankruptcy cases of legal entities	148
<i>Krasousskaya P.D., Lopatin D.P.</i> Uncertainty of the legal nature of the surety agreement when it is declared invalid	151
<i>Krashchenko V.N.</i> The question of legal regulation of digital things	154
<i>Mazarovich G.O.</i> Claim for recognition of registered rights as being absent as a special type of property rights’ protection	159
<i>Minakov S.K.</i> Recovery of compensation for loss of time as a sanction for abuse of procedural rights in civil proceedings	164
<i>Moiseenko S.A., Somova O.V.</i> Possibilities and limitations of using the institution of material consolidation in the bankruptcy of an enterprise group: a synthesis of US experience	170
<i>Lopatin D.P., Krasousskaya P.D.</i> Legal regulation of the relationship between the Russian Copyright Society and foreign copyright holders under sanctions	175
<i>Reshetnev A.V.</i> Compliance in the field of personal data as a mean of minimizing business risk	179
<i>Sergeeva O.A.</i> Avoiding repayment of property liability as a way of abuse in the bankruptcy of a legal person	186

<i>Smirnov I.O.</i> Determining the legal nature of short-term rentals: using the example of comparative characteristics of a carsharing agreement	192
<i>Suvorova A.A.</i> Development of legal regulation of social advertising in Russian legislation: aspects of the formation of control mechanisms	196
<i>Suleimenova A.R.</i> An electronic version of the written contract form	199
<i>Terekhin I.S.</i> Determination of criteria for differentiating supply and contract agreements	204
<i>Trynkina D.V.</i> Development of the legal institute for determining force-majeure circumstances in an obligation: the example of the situation of introduction of economic sanctions	210
<i>Tumanova A.E.</i> Legal aspects of the formation of digital ecosystems of credit institutions	214
<i>Fedorova Yu.A.</i> Determination of criteria for the occurrence of civil liability: generalization of the positions of law enforcement practice and scientific discourse	221
<i>Khamidullina E.V.</i> The main directions in the formation of the legal regime of unmanned vehicles	225
<i>Chartorysky D.V.</i> Evidence in cases for compensation of losses: issues of practical application	231
<i>Chashtanova D.P.</i> Remote work complicated by a foreign element: problems and prospects for legal regulation	235
<i>Gorbunov T.D., Shokhova V.A.</i> Development of the legal institution for invalidating a corporate agreement	239
<i>Chashtanova D.P.</i> Problems of ensuring the right of platform workers to associate	242
<i>Sheguns N.G.</i> Identification of elements of complex structural transactions in the civil law of the Russian Federation	246

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Gorbunov T.D., Shokhova V.A.</i> Signs of a subject of an international crime in relation to the financing of terrorist activities	252
<i>Darovskikh O.I., Darovskikh S.M.</i> Realization by officials of their rights and responsibilities during criminal proceedings as a way to ensure its effectiveness	255
<i>Drozдов I.S.</i> Sign of the Victims' Belonging to Social Groups under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation	260
<i>Kovaleva A.V.</i> Criteria for compensation for moral damage and damage to business reputation in criminal proceedings	264
<i>Kovalenko A.A.</i> Identification of signs of qualification of an illegal armed group in criminal law	268
<i>Kucherkov I.A.</i> Special technical actions of the investigation in the French criminal procedure	272
<i>Lazuk D.S.</i> Possibilities of introducing the category of "criminal offense" into Russian criminal legislation	277
<i>Pastukhov E.A.</i> Approaches to the normative definition of the category "economic crimes" in the Russian legal system	280
<i>Popov G.I.</i> Problems and prospects of Russian criminal policy in the context of crimes against intellectual property	284

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Bavin D.E., Kuzmina K.S., Simakov E.V., Narinsky A.V.</i> Identification of differentiation of approaches to the regulation of corporate relations in the civil law of Russia and South Africa	289
<i>Golushkov S.V.</i> Legal mechanism for applying the mechanism for revoking recognition of states in the aspect of normative definition of criteria for statehood	294
<i>Yelbaeva N.A., Kozyreva Ju.N.</i> The legal basis for the creation of a common financial market in the EAEU	298
<i>Povaliaev A.A., Belyakov V.G.</i> The relationship between the legal regulation of contractual relations for the technical management of a vessel in the legislation of the Russian Federation and private international maritime law: using the example of the content of the BIMCO "SHIPMAN-2024" proforma	305

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Vorobyova Yu.Yu.</i> Legal regulation of the behavior of state civil servants on social networks	310
<i>Alhamed Abdulaziz</i> Legalization of labor rights and conditions for syrian refugees	314
<i>Abramov D.O., Ishakov K.A.</i> Legal responsibility for computer information offenses in anglo-saxon law	318
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.</i> Well-known methodological issues of criminology affecting criminal policy	324
<i>Isaenko A.S., Plutenko D.S.</i> Legal definition of the category "actual marital relations"	330
<i>Kiryanova L.V.</i> New trends in the Federal Law "On Personal Data"	333
<i>Kobelev Yu.G.</i> Some arguments and recommendations on the appointment of forensic medical examinations to assess the quality of medical care	337
<i>Kolaev A.M.</i> On the issue of legal regulation of cooperation of the Council of Ministers of Internal Affairs of the Member States of the Commonwealth of Independent States on countering terrorism	344
<i>Makeev S.E.</i> Legal control of administrative processes commercial real estate market	352
<i>Matveeva E.Yu.</i> Energy service agreements as a legal means in the field of energy saving.	355
<i>Rezchikov V.I.</i> Defects (collisions) arising within the institute of civil legal protection (based on the materials of judicial practice)	359
<i>Romanova N.V., Elkina O.S.</i> On the issue of legal pluralism in modern Europe	364
<i>Sedova Zh.I.</i> International Legal Entities and Soft Law as Legal Mechanisms for the Implementation of Cross-Border Investment Projects of BRICS Countries	375
<i>Yaskov A.A.</i> Legal regulation of electronic commerce on marketplaces in the eaeu countries in the system of international law	379
<i>Nagayev A.R., Kolesnikov Yu.A., Starikov D.A., Mitina S.V., Vishnevetsky K.V.</i> Current problems and trends in the development of law in Russia	389
<i>Pankratova U.V.</i> Special incitement to organize mass disorders	395

Особенности функционирования абсолютизма в Эсватини

Владимиров Игорь Викторович,

аспирант МФПУ «Синергия»

E-mail: ighor-ka.vl.98@mail.ru

Эсватини – современная абсолютная монархия, однако ее особенность в том, что это не исламская страна, а ряд экспертов выделяют ее в разряд «племенных» монархий, где монарх выбирается племенным советом из сыновей покойного монарха. В данной статье описаны юридические, политические и культурные примеры, доказывающие, что государство Эсватини является абсолютной монархией, через предложенную градационную шкалу, прослеживаются законодательные особенности данной системы и через них доказывается абсолютизм королевской власти этой страны.

Ключевые слова: абсолютизм, законы, обычаи, конституция, монархия, власть, традиционные институты, Эсватини.

Эсватини – современная абсолютная монархия, однако ее особенность в том, что это не исламская страна, а ряд экспертов выделяют ее в разряд «племенных» монархий, где монарх выбирается племенным советом из сыновей покойного монарха.

В юридической науке выделяют «африканское право», которое базируется на обычае. Как отмечает Ф.И. Долгих: «Юридические обязанности не отличаются от моральных. Африканцам неизвестно деление на право публичное и частное, гражданское и уголовное, на право и справедливость»¹.

Так в африканских конституциях и, в частности, в Эсватини видно, что право сформировано в виде «наследия» колонизаторов, по принципам западной конституционной модели демократии, «Но в сфере публичного права западная конституционная модель демократии оказалась неприемлемой для африканского общества»².

В преамбуле Конституции этой страны сказано, что она является «демократическим королевством». Но, здесь стоит отметить именно личность короля, его полномочия: «высшая законодательная власть Свазиленда принадлежит Королю в парламенте»³. Он в праве распустить Парламент (ст. 134). Однако, в целом, у Парламента имеется ряд важных автономных полномочий (обе палаты вместе имеют право вносить поправки в Конституцию).

В Главе 4, ст. 64 (1) сказано: «Исполнительная власть Свазиленда принадлежит королю как главе государства и осуществляется в соответствии с положениями настоящей Конституции»⁴. Что подчеркивает его верховенство в исполнительной ветви власти.

Что же касается судебной власти, то напрямую в Конституции не прописан тот факт, что ее возглавляет король, однако, исходя из ст. 11. Конституции, король имеет иммунитет от судебного процесса над ним.

В целом, в стране запрещены политические партии. Парламент двухступенчатый, но беспартийный. «Антиправительственные выступления с требованием демократизации режима и легализации»

¹ Долгих Ф.И. Теория государства и права: учебник – Москва: Университет «Синергия», 2023. – С. 306.

² Там же. С. 307.

³ The Constitution of the kingdom of Swaziland act. [Электронный ресурс] // <https://gov.sz>.

⁴ Там же. С. 50.

зации политических партий остаются значимым элементом политической жизни страны»¹.

Характерной особенностью является институт вождества. Положение, о котором в Конституции Эсватини называется «Традиционные институты».

Также ряд экспертов подчеркивают влияние колониального наследия Великобритании в законодательной базе страны. Помимо наличия и характерных полномочий двухпалатного парламента, в Конституции подробно прописаны обязанности госслужащих. «согласно Конституции Эсватини Кодекс поведения стремится обеспечить в отношении руководящих лиц (как избираемых, так и назначаемых) прозрачность их деятельности и подотчетность народу»². А для контроля за соблюдением в данной стране существует специальная Комиссия по добросовестности.

Однако, следует выдвинуть критерии, по которым можно определить реализацию абсолютизма в стране, на сколько король реально обладает верховенством власти.

Такими критериями могут послужить: 1) официальные постановления короля, 2) публичные выступления короля, 3) законодательство страны, 4) реальные действия органов власти в стране.

Исходя из них, можно построить градационную шкалу от 1 до 4 со следующими показателями: 1) власть короля ограничена институтами, 2) власть короля ограничена обычаями, 3) власть короля ограничена «семьей», 4) король фактически осуществляет верховенство власти в стране.

Итак, что касается законодательства, то выше уже было указано, что по Конституции, король Эсватини глава всех ветвей власти. Однако, это не является особенностью данной страны, в ряде абсолютных монархий имеются такие же постулаты в законах. Именно опираясь на эти черты исследователи и относят Эсватини к абсолютным монархиям современного мира.

В рамках статьи, задачей является показать «контекст» данного абсолютизма, выявить насколько можно считать правление короля действительно единоличным.

Можно заметить, что первый пункт решительно опровергается. Во-первых, исходя из Конституции, во-вторых, из реальной практики. Так, например, в Эсватини король имеет полномочия выносить судебные решения и принимать постановления, несмотря на наличие судебной системы. Например, король этой страны вынес решение о запрете политических партий и ограничении свободы слова. Этот пример является иллюстрацией того, как абсолютная власть короля может повлиять на законы и права граждан. Так же, король Эсватини принял решение о запрете мирных протестов и введении жестких мер по подавлению оппозиции, сказав:

¹ Что известно о королевстве Эсватини. [Электронный ресурс] // <https://tass.ru>.

² Чиркин С. В., Кошелева Е. В., Лебедева Я. И. Конституции Африки: особенности конституционного дизайна. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 5. – С. 21.

«им грозит еще больше неприятностей»³, также назвав протестующих «сатанистами». Закон, подписанный королем о «ненависти или презрению» к культурному наследию, позволяет полиции разгонять любые митинги и «подавлять критику правительства»⁴. Этот пример показывает, как король может использовать свою власть для поддержания своего политического режима.

А доказательством верховенства в судебной власти, служит, во-первых, то, что по конституции король имеет «иммунитет» от судебного преследования, и то, что король является главой Национального совета Свати, который консультирует короля по всем вопросам, даже тем, которые не регулируются Законом, а являются обычаями, «связанными с традициями и культурой Свазиленда»⁵.

Обратившись ко второму критерию градационной шкалы, мы можем заключить, что обычаи только увеличивают влияние короля, однако, формально оказывают на него давление, но такое давление можно отнести лишь к символическому, а не правовому.

Например, «первая жена короля Свазиленда должна быть представительницей клана матсебула, вторая – клана мотса»⁶. Это регламентирует уже вышеупомянутый Национальный Совет.

Тем не менее, в контексте правовой системы Эсватини, мы не можем не отметить, что традиционные институты смешиваются с Законом, и король тоже здесь имеет неограниченные полномочия, которые можно считать неправовыми. Например, дочь короля Мсвати Третьего – Сиханизо в 2005 г. «нарушая общественный порядок» праздновала отмену запрета на брак с несовершеннолетними в Свазиленде, за что ее отец приказал: «выпороть дочку. Что и было сделано специально на это уполномоченным дворцовым служащим»⁷. Этот момент соприкасается и с семейными отношениями в королевстве, что подводит нас к третьему пункту предложенной шкалы.

Итак, что же касается третьей степени, предложенной шкалы, то элементы наличия «семьи» действительно можно найти. Например, ограничения королевской власти в этом пункте можно считать положение, закрепленное как в Конституции, так и в традиционных институтах – правление короля вместе с «королевой-матерью», которую назначают из многочисленных вдов умершего предшественника, вожди из Национального Совета. Племенная этика считает, что женщина более милосердна по природе и поэтому: «Королева-мать выступает в качестве высшей апелляционной ин-

³ Eswatini: murder of pro-democracy activist prompts outrage [Электронный ресурс]: URL: <https://guardian>. (дата обращения: 23.04.2024)

⁴ UNCHR [Электронный ресурс]: <https://webarchive.archive.unhcr>. (дата обращения: 23.04.2024)

⁵ Britannica Mbabane national capital, Eswatini [Электронный ресурс]: <https://www.britannica.com>. (дата обращения: 23.04.2024)

⁶ Все могут короли. Кто правит бывшим Свазилендом [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 23.04.2024)

⁷ Там же.

станции в Свазиленде и обладает правом помилования на всех стадиях судопроизводства»¹.

Однако, все эти ограничения можно считать лишь декорацией перед «незыблемостью самодержавия». Фактически мы можем наблюдать, что власть короля является стержнем политической системы страны, юридической системы, а также системы обычаев данного общества.

В данной статье не обсуждаются плюсы и/или минусы такой системы, но подводя итог, можно сделать вывод, что абсолютная монархия в Эсватини очень оригинальна по своей структуре. А главное, что мы можем подтвердить – это то, что 4 пункт, предложенной шкалы можно считать подтвержденным, а следовательно, Эсватини можно считать абсолютной монархией как с юридической, так и с фактической точкой зрения.

Литература

1. Все могут короли. Кто правит бывшим Свазилендом [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/3618725?ysclid=lur16l6wam617274444> (дата обращения: 23.04.2024).
2. Долгих Ф.И. Теория государства и права: учебник / Ф.И. Долгих. – Москва: Университет «Синергия», 2023. – 464 с.
3. Саитова Э. Ф. К проблеме идентификации форм правления современных государств в условиях глобализации / Э.Ф. Саитова // Вестник БИСТ. – № 4 (16). –2012. С. 14–22.
4. Что известно о королевстве Эсватини. [Электронный ресурс] // <https://tass.ru>., свободный, поиск по сайту.
5. Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник / В.Е. Чиркин // – 2-е изд., испр. и доп. // М.: Юристъ, – 2000. – 384 с.
6. Britannica Mbabane national capital, Eswatini [Электронный ресурс]: <https://www.britannica.com/biography/Sobhuza-II> (дата обращения: 23.04.2024).
7. Eswatini: murder of pro-democracy activist prompts outrage [Электронный ресурс]: <https://guardian.gpepper.workers.dev/world/2023/jan/24/eswatini-of-pro-democracy-activist-prompts-outrage> (дата обращения: 23.04.2024).

8. The Constitution of the kingdom of Swaziland act. [Электронный ресурс]: https://www.parliament.gov.sz/legislation/Constitution_of_the_Kingdom_of_Swaziland_Act_No_001_of_2005.pdf (дата обращения: 23.04.2024).
9. UNCHR [Электронный ресурс]: <https://web.archive.archive.unhcr.org/about> (дата обращения: 23.04.2024).

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF ABSOLUTISM IN ESWATINI

Vladimirov I.V.
MFPU “Synergy”

Eswatini is a modern absolute monarchy, but its peculiarity is that it is not an Islamic country, and a number of experts classify it as a “tribal” monarchy, where the monarch is elected by a tribal council from the sons of the late monarch. This article describes legal, political and cultural examples proving that the state of Eswatini is an absolute monarchy, through the proposed gradation scale, the legislative features of this system are traced and through them the absolutism of the royal power of this country is proved.

Keywords: absolutism, laws, customs, constitution, monarchy, government, traditional institutions, Eswatini.

References

1. Kings can do anything. Who rules the former Swaziland [Electronic resource]: <https://www.kommersant.ru/doc/3618725?ysclid=lur16l6wam617274444> (access date: 04/23/2024).
2. Dolgikh F.I. Theory of state and law: textbook / F.I. Dolgikh. – Moscow: Synergy University, 2023. – 464 p.
3. Saitova E.F. On the problem of identifying the forms of government of modern states in the context of globalization / E.F. Saitova // Bulletin of BIST. – No. 4 (16). –2012. pp. 14–22.
4. What is known about the kingdom of Eswatini. [Electronic resource] // <https://tass.ru>., free, site search.
5. Chirkin V.E. Statecraft: textbook / V.E. Chirkin // – 2nd ed., revised. and additional // М.: Yurist, – 2000. – 384 p.
6. Britannica Mbabane national capital, Eswatini [Electronic resource]: <https://www.britannica.com/biography/Sobhuza-II> (access date: 04/23/2024).
7. Eswatini: murder of pro-democracy activist prompts outrage [Electronic resource]: <https://guardian.gpepper.workers.dev/world/2023/jan/24/eswatini-of-pro-democracy-activist-prompts-outrage> (date of access: 04/23/2024).
8. The Constitution of the kingdom of Swaziland act. [Electronic resource]: https://www.parliament.gov.sz/legislation/Constitution_of_the_Kingdom_of_Swaziland_Act_No_001_of_2005.pdf (access date: 04/23/2024).
9. UNCHR [Electronic resource]: <https://webarchive.archive.unhcr.org/about> (access date: 04/23/2024).

¹ Саитова Э. Ф. К проблеме идентификации форм правления современных государств в условиях глобализации // Вестник БИСТ. – № 4 (16). –2012. С. 17.

Институт борьбы с хищением государственной собственности в СССР: обобщение опыта Смоленского региона 1970-х годов

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарные науки; Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Доцент кафедры юриспруденции, Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail smolensk@fa.ru

Михайленков Сергей Юрьевич,

магистрант Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail pravo-smol@ranepa.ru

Силина Карина Владимировна,

магистрант Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail silina.carina2016@yandex.ru.

Статья посвящена институту социалистической собственности и борьбе с хищением социалистической собственности, авторами устанавливается правовая природа института. Советский законодатель и советское государство отдавали наибольший приоритет защите и охране социалистической форме собственности в сравнении с личной собственностью граждан, что является естественным для коммунистической общественно-экономической формации. Изучению подвергается правовая охрана и защита данного института, как в гражданском, так и уголовном законодательстве, с опорой на труды советских и российских правоведов. Для изучения регионального аспекта борьбы с хищением социалистической собственности в научной оборот введены ранее не использованные архивные материалы Государственного архива Смоленской области (далее ГАСО). Что позволяет проанализировать судебную практику по данной категории дел, следственные и оперативные действия сотрудников милиции, выявить криминологические детерминанты лиц, совершавших хищения социалистической собственности.

Ключевые слова: БХСС, закон, предварительное следствие, Советский Союз, социалистическая собственность, хищения, уголовно-правовая охрана.

В сознании современного обывателя 1970-е гг. истории Советского Союза времена так называемого «застоя» представляются, как рассвет хищения социалистической собственности и появления такого неблагоприятного для советского общества явления как «несуны» – жаргонное обозначение лиц, которые работая на предприятии и пользуясь своим служебным положением, занимались кражей товаров и т.п. Все это следствие дефицита, как продовольственного, так и товаров широкого потребления. По утверждению Реут Е.В. данное явление начало набирать большие обороты в СССР еще в послевоенное время, но предано освещению в печатных изданиях было только в конце 1970-х гг. Статистические и социологические исследования по данному вопросу не проводились, а мнение ученых юристов было идеологизированное и сводилось к тому, что повальные кражи с предприятий – следствие плохой воспитательной работы, сами хищения рассматривались как «мелкие кражи», а не как повальное расхищение государственного и колхозно-кооперативного имущества [7, с. 77–79].

В своей работе «Основы советского права» выдающийся советский ученый правовед – О.С. Иоффе определяет, что экономическую основу советского государства составляет ее социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия производства, данное положение вытекает из ст. 4–5 Конституции СССР в дальнейшем данное положение также будет закреплено в «Брежневской» Конституции 1977 г. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. утверждали две формы социалистической собственности: государственную (общенародную) и колхозно-кооперативную, что было также закреплено в вышеупомянутых Конституциях СССР, помимо этого также гарантировалась собственность профсоюзных и общественных организаций [4, с. 351].

Г.А. Мантул основываясь на трудах известного советского и российского ученого правоведа В.С. Нерсесянца делает по-своему интересное умозаключение, полагая, что социалистическую собственность можно обозначить как «антисобственность», поскольку субъектом права этой собственности является государство, а человек не может свободно пользоваться материальными благами этой собственности. Ст. 93 Гражданского Кодекса СССР (далее ГК СССР) гласит, что государство охраняет социалистическую собственность, создавая условия для ее приумножения, а также, что никто не вправе использовать социалистиче-

скую собственность в целях собственной наживы. Однако насколько данные положения гражданско-правовых норм соответствовали действительности, можно судить по итогу советского государства [6, с. 82].

Авторами были рассмотрены основные гражданско-правовые и конституционные нормы в рамках научного исследования, далее переходим к уголовно-правовой охране и защите социалистической собственности. Уголовная ответственность была, пожалуй, самой распространенной и действенной в отношении преступлений, связанных с хищением социалистической собственности. Уголовный кодекс РСФСР (далее УК РСФСР) от 27 октября 1960 г. в особенной части, предусматривал целую главу за преступления против социалистической собственности (ст. 89–101), так, например в Смоленской области за 1972–1973 гг. чаще применялись ст. 89 УК РСФСР и ст. 96 УК РСФСР. Следует также упомянуть тот факт, что сами по себе уголовно-правовые нормы были расплывчаты и одна норма могла содержать в себе несколько преступлений. Поэтому с целью единообразного применения уголовного закона 11 июля 1972 г. Пленум Верховного Суда СССР (далее ВС СССР) издает постановление N 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества».

Такое приоритетное значение охране социалистической (в большей степени государственной) по мнению авторов уделено в угоду общей идеологизированности советского законодательства, по степени тяжести данные преступления были на порядок выше, чем некоторые преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (перечисляются в гл. 3 особенной части) [2, с. 6–7].

Так, например учебник советского уголовного права от 1972 г. ссылаясь на материалы XXIV съезда КПСС, декларирует, что советское уголовное право от буржуазного отличает его экономическая основа. Материальную, или экономическую основу, советского уголовного права составляют социалистические производственные отношения, социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, утвердившиеся в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Являясь частью правовой надстройки, советское уголовное право помогает укрепляться и развиваться экономическому строю социалистического общества, охраняя от общественно опасных посягательств экономические устои социализма – социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, также советское уголовное право от буржуазного отличает и политическая основа, а именно революционные теории марксизма-ленинизма. Идеологизированность советского уголовного права возведена в абсолют, как некий пример для подражания остальному «буржуазному» миру [3, с. 3–7].

Трудно представить, чтобы в нынешнее время, ученые юристы ссылались в введении учебника,

например на речь Президента Российской Федерации, которая содержала бы определенные положения применимые в уголовном праве или же, чтобы учебное пособие устанавливало какую-либо политическую основу. Говоря об уголовно-правовой охране социалистической собственности, нельзя не упомянуть, что советским государством было создано специализированное милицейское подразделение по борьбе с хищением социалистической собственности (далее БХСС), свою историю которое берет еще с 16 марта 1937 г. Лобастов А.А. считает, что предпосылками создания стало укрепление общего благосостояния страны в 1930-е г. после гражданской войны, в связи с чем активизировались элементы, расхищающие, как государственную так и личную собственность. Более результативным данное подразделение было во времена «застоя», так по данным Лобастова А.А. с 1971 г. по 1980 г. количество выявленных БХСС преступлений возросло на 10,4%, а предотвращенных преступлений в 2,7 раза [5, с. 87–88].

Далее авторами затрагивается региональный аспект борьбы с хищениями социалистической собственности. Основной источниковой базой для этого послужат архивные материалы Государственного архива Смоленской области (табл. 1).

Таблица 1. Состояние судимостей по делам о хищении социалистической собственности по материалам Занепровского районного народного суда за 1972–1973 гг.

	1972 г.	1973 г.
ст.89 УК РСФСР	35 чел.	20 чел.
ст.92 УК РСФСР	8 чел.	-
ст.96 УК РСФСР	31 чел.	46 чел.
ст.170–172 УК РСФСР	-	-

Анализ судимости за хищения социалистической собственности свидетельствует о сокращении с аналогичным периодом за 1972 г. на 8 человек, судимость за мелкие хищения увеличилась на 15 человек т.е. на 33%. Удельный вес осужденных за мелкое хищение составляет 18% к общему числу осужденных. Всего авторами работы было изучено: 18 дел о мелких хищениях, совершенных на мясокомбинате и 8 дел, совершенных на ликеро-водочном заводе. Из анализа рассмотренных дел видно, что преступники были задержаны на проходной или на территории двора, в абсолютном большинстве дел хищения совершались из колбасного цеха мясокомбината и цеха разлива водки на ликеро-водочном заводе, было похищено: 68 кг. – мяса, 30 кг. 400 гр. – колбасы разных наименований, 13 кг. – муки, одна банка тушенки.

Таким образом ущерб, причиненный мясокомбинату, составил: 226 р. 20 коп. В свою очередь на ликеро-водочном заводе было похищено 20 л. водки разных наименований на сумму свыше 112 р. Всего расхитители похитили социалистической собственности на сумму 336 р. во всех случаях похищенное изымалось у преступников и возвраща-

лось на предприятия. Также следует обратить внимание, что в 20 из 25 случаев, как на комбинате, так и на заводе, задержание проводилось сотрудниками БХСС по Заднепровскому району г. Смоленска [1, л. 102–103].

Гендерное соотношение задержанных преступников, выглядит следующим образом: на мясокомбинате – 7 жен. пол, на заводе 6 жен. пол, на мясокомбинате – муж. пол – 11, на заводе муж. пол – 2. Проводя некоторую «гендерную детерминацию», можно сделать вывод, что на мясокомбинате преступления совершают чаще мужчины, чем женщины, а на ликеро-водочном заводе – наоборот. Удивляет и то обстоятельство, что кражами больше всего поражены особо охраняемые внутренней охраной объекты, так на мясокомбинате – колбасный цех, а на ликеро-водочном заводе – цех розлива. Из изученных дел, нет ни одного, где задержание было бы произведено охранником предприятия. Данный факт свидетельствует либо о сговоре охранников предприятия с преступниками, в случае выявления подобного, они также должны были бы быть подвергнуты уголовному преследованию по ст. 89 УК РСФСР, т.к. это предварительный сговор группы лиц. Либо же это свидетельствует о том, что она не выполняет возложенные на нее функции по защите соц. собственности. Чаще всего задержание с похищенными мясопродуктами производилось в 5 ч. утра либо в 23 ч. вечера, на ликеро-водочном заводе чаще всего задерживались преступники в обеденный перерыв. Эти данные свидетельствуют, что в данный период времени охране следует быть более бдительной, чаще всего кражи совершаются феврале, июне, ноябре, то есть в период отпусков, когда в цехах наименьшее количество свидетелей.

Как правило к уголовной ответственности привлекались лица зрелого возраста, в большинстве случаев до 40 лет, семейные, беспартийные, образование от 4 до 8 классов, как правило ранее не судимые, добросовестно относящиеся к трудовым обязанностям, но склонные к хищениям соц. собственности, не интересуются общественной жизнью и участия в ней не принимают. Есть среди них лица, активно интересовавшиеся общественной жизнью, например из характеристики на Кондрашова Н.Д. видно, что он писал стихи в стенгазету и являлся внештатным корреспондентом газеты «Рабочий путь», но был осужден за хищение 4 кг. колбасы и 3 кг. 800 гр. мяса, совершенную повторно, на 2 года лишения свободы. Ранее неоднократно судимый в том числе за хищение соц. собственности Копанев Н.Е. осужденный за хищение 5 кг. 200 гр. мяса, был народным дружинником. Николаенков И.Г. был наладчиком цеха розлива на ликеро-водочном заводе, был редактором цеховой стенгазеты. Ранее в 1971 г. был осужден товарищеским судом за аналогичную кражу 3-х бутылок водки «Экстра» [1, л. 102–104].

Государственное имущество похищалось с мясокомбината двумя способами: женщины шли на рабочее место с сумками, похищенное склады-

вают в них и выходили, а мужчины прятали похищенное за брючный ремень под одежду. Оригинальнее поступали женщины на ликеро-водочном заводе, заливая водочную продукцию в детские резиновые шарики. Все эти данные дают основание полагать, что некоторые должностные лица, не заинтересованы в сохранности соц. собственности, не принимали всех зависящих от них мер по предотвращению хищений. Вот цитата из архивных дел: «Имеют место факты либерального отношения к расхитителям народного хозяйства со стороны товарищеского суда, особенно на ликеро-водочном заводе». Так тов. Николаенков И.Г. за хищение 3-х бутылок вина был оштрафован на 5 р. На 15 р. был оштрафован Кондратов В.И. за кражу 3-х бутылок водки, Шаповалова А.Н. на 20 р. за кражу 4-х бутылок водки, Черных А.К. на 10 р. за кражу 1 л. водки. Все эти лица впоследствии совершили повторное хищение, превентивные и воспитательные меры в виде общественного порицания и товарищеского суда на них не повлияли, рецидив повторился. Общественный обвинитель Соловьев, во время судебного заседания пытался оправдать Кондрашова тем, что тот в свою очередь сам не злоупотребляет спиртными напитками и был исполнительен в работе, чем вводил суд в заблуждение, ведь ранее Кондрашову была дана отрицательная характеристика с места работы, где сообщалось о его прогулах и нетрезвом появлении на рабочем месте, данный факт ярко демонстрирует некоторую несостоятельность советского правосудия, поскольку общественный обвинитель, являясь членом рабочего коллектива способствовал наиболее «мягкому» приговору, чтобы наказание он отбывал на заводе, полностью не осознавая степень общественного деяния и личность преступника. Из этого делается вывод, что не случайно из 8 осужденных рабочих ликеро-водочного завода, 7 человек осуждены по ст. 96 УК РСФСР [1, л. 104–106].

Ст. 109 УПК РСФСР обязывала следственные органы принимать решение в срок не более 3 суток со дня получения заявления или сообщения о совершенном преступлении. В исключительных случаях в срок не более 10 суток. Так, например, Заднепровским РОВД г. Смоленска это требование систематически нарушалось. В 7 случаях из 26 (около 35%) уголовные дела возбуждались с явным нарушением процессуальных сроков (прим. дело № 1–15 по обвинению Якушева Н.Ф. преступление было зарегистрировано 4 ноября, а дело возбуждено 11 декабря, дело № 1–35 Михеевой А.И. поступило сообщение 5 января, а дело возбуждено 17 января). Кроме этого, в 14 случаях дела были возбуждены по истечении 3-х суток, хотя никаких предусмотренных процессуальным законодательством обстоятельств не было. Виновные задерживались с поличным, как правило сотрудниками Заднепровского РОВД. Только три дела из 26 возбуждены в 3-х дневный срок со дня поступления сообщения. Отсутствие оперативности, а порой и нарушение закона Заднепровским

РОВД, крайне негативно отразились в борьбе с хищением соц. собственности.

Сами сроки проведения предварительного следствия и дознания серьезных замечаний не вызывают. по 16 делам из 26 рассмотренных принимал участие прокурор (61%). При направлении дел в суд в абсолютном большинстве прокурор просил рассмотреть их с его участием, что говорит о заинтересованности гособвинения в вопросах защиты социалистической собственности, однако своего мнения о месте рассмотрения ни в одном случае не высказал, не ориентировал народный суд на целесообразность рассмотрения того или иного дела по месту совершения преступления или месту жительства виновного лица. Позиция гособвинения, как правило совпадает с приговором суда.

В ходе дознания и предварительного следствия по делам данной категории редко выяснялись обстоятельства, способствовавшие совершению преступления [1, л.106–107]. По 17 делам из 26 изученных (около 70%) не было вынесено представлений, а из материалов дела не видно, чтобы лицо проводившее дознание, выясняло причины и условия, которые способствовали хищению. Вынесенные представления однообразны по своему содержанию, составлены на низком профессиональном уровне и не отвечали требованиям ст. 140 УПК РСФСР далее следует цитирование ч. 1 данной статьи: «При установлении следствием причин и условий, способствующих совершению преступления, следователь вносит в соответствующие предприятия, учреждения и общественные организации представление о принятии мер по устранению этих причин и условий».

Так, например главной рекомендацией в представлениях следователей Стукальского П.В., Осиповой О.С. является повышение политико-воспитательной среди рабочих коллектива. Конечно, это обстоятельство можно было бы не отрицать, но по конкретному делу, где известен преступник, способ и место хищения следовало лучше вникать в обстоятельства совершения преступления и в представлениях избегать общих, «трафаретных» рекомендаций по устранению причин и условий, способствующих хищения, т.к. такие представления в действительности трудно в исполнении [1, л.107–108].

Рассмотрение дел было распределено между народными судьями следующим образом: Петроченко А.А. – 1 дело, Лукашова М.М. – 7 дел, Кар-

лов Ю.Е. – 13 дел, Пешков П.П. – 5 дел. Подавляющее большинство дел (50%) рассмотрено под председательством народного судьи Карлова Ю.Е. из них только 12 по фактам хищения на мясокомбинате. Однако ни одного частного определения им не вынесено. Обстоятельства, способствующие совершению преступления выяснены не были, хотя при более глубоком исследовании всех обстоятельств совершения преступления, была реальная возможность для вынесения представления и формирования судебной практики по данной категории дел. Более вдумчиво, обстоятельно рассматривала дела данной категории народный судья Лукашова М.М. Она стремилась во время судебного заседания восполнить пробелы предварительного следствия, выяснить причины и условия хищения, а выяснив, суд под ее председательством дважды выносил частные определения с указанием конкретных мер, которые следовало принять администрации предприятий, чтобы закрыть каналы хищения. Остальные народные судьи не утруждали себя вынесением частных определений для формирования единой судебной практики [1, л.108–109].

В выездных заседаниях было рассмотрено всего 7 дел: 3 под председательством народного судьи Лукашовой М.М. и 4 народным судьей Карловым Ю.Е. Выездные заседания были организованы только на мясокомбинате, на ликеро-водочном заводе не было рассмотрено ни одного выездного дела, хотя необходимость была. Сроки рассмотрения дел судом особых замечаний не вызывают. Народным судом было рассмотрено 7 дел с участием общественных обвинителей, что составляет 27% от общего количества рассмотренных дел. Участие общественных обвинителей регламентировалось ст. 250 УПК РСФСР, в ч. 1 сказано, что представители общественных организаций трудящихся могли быть допущены по определению суда в судебный процесс в качестве стороны общественного обвинения или защиты. Сама же позиция общественных обвинителей обычно сводилась к двум-трем фразам: «наказать по закону» или «оставить в нашем коллективе». Как правило в судебном разбирательстве принимал участие прокурор, который не всегда использовал возможность по оказанию помощи общественному обвинению в составлении речи. Также по некоторым делам, представленные общественные обвинители, попросту не явились на судебное заседание (табл. 2).

Таблица 2. Анализ мер наказания применимых народными судами г. Смоленска в 1972–1973 гг.

Исправительные работы	Штраф		Указ об амнист.	Условное осуждение, с привлечением к труду
	До 50 р.	До 100 р.		
ст.96 ч. 1	8 чел.	5 чел.	-	2 чел.
ст.96 ч. 2	4 чел.	-	5 чел.	-
				2 чел.

Анализ применения мер наказания свидетельствует о том, из 15 осужденных по ст. 96 ч. 1 УК РСФСР ни один человек приговорен к мере нака-

зания, связанной с лишением свободы. Из 11 осужденных ст. 96 ч. 2 УК РСФСР, к мере наказания, связанной с лишением свободы, приговорен лишь

один человек. К 4 гражданам применена ст. 43 УК РСФСР, норма которой предусматривает смягчение наказания, чем то, которое предусмотрено в законе, в процентном соотношении данная норма была применена к 43% осужденных. Ни один из приговоров обжалован или опротестован не был [1, л. 109–110]. Отмечается тот факт, что лекции по правовому просвещению народными судьями не велись, состояние законности и судимости на предприятиях не изучалось, народным судом не была оказана должная правовая помощь товарищеским судам на предприятиях, а также не изучалась общесоюзная судебная практика по делам, связанным с хищением соц. собственности.

Авторами делается вывод, что проблема хищения социалистической собственности действительно имела место быть в советском государстве, рассматривая ее на примере конкретного региона, подтверждается вступительный тезис и можно определить некоторые детерминанты преступности, следующим образом: дефицит товаров продовольствия и широкого потребления, низкая правовая культура, ошибки в работе предварительного следствия, отсутствие судебной практики по данной категории дел. Само же воровство в начале 1970-х гг. носило больше «бытовой» характер и имело мелкий объем, в отличие от общесоюзных тенденций в происходивших в более позднее, как например «рыбное дело» в Азербайджанской ССР, когда речь шла о хищении социалистической собственности на миллионы рублей. В свою очередь стоит выделить тот факт, что сам институт социалистической собственности гарантировался и закреплялся на Конституционном уровне и имел как гражданско-правовую защиту, так и уголовно-правовую, поскольку это проистекало из природы советского права, которое базировалось на экономической и политической основах.

Литература

1. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф.1120. Оп.1. Д.34. Материалы по обобщению судебной практике за 1973 г. Л.102–110.
2. Анисимов В.Ф. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому Уголовному Кодексу // Вестник Югорского государственного университета. – 2008. – Выпуск 4(11) – С. 5–8.
3. Гельфер М.А., Гришаев П.И. Советское уголовное право. Часть общая. Издательство Юридическая литература. 1972. 584 с.
4. Иоффе О.И. Основы советского права. Под общей редакцией профессора О.И. Иоффе. Минск, 1970. 600 с.
5. Лобастов А.А. Историко-правовое исследование деятельности подразделений по борьбе с хищениями социалистической собственности // Социология и право. – 2019. – № 2 (44). – С. 87–88.
6. Мантул Г.А. Институт собственности в советском государстве // Философия права. – 2014. – № 5 (66). – С. 82–85.
7. Реут Е.В. Социальное явление «несуны» на заводе № 820 в первые послевоенные годы (1946–1953) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 12. – С. 77–83.

INSTITUTE FOR COMBATING THE THEFT OF STATE PROPERTY IN THE USSR: GENERALIZATION OF THE EXPERIENCE OF THE SMOLENSK REGION IN THE 1970S.

Ivanov A.M., Mikhailenkov S.Yu., Silina K.V.

Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article is devoted to the institute of socialist property and the fight against theft of socialist property, the authors establish the legal nature of the institute. The Soviet legislator and the Soviet state gave the highest priority to the protection and protection of the socialist form of property in comparison with the personal property of citizens, which is natural for a communist socio-economic formation. The legal protection and protection of this institution is being studied, both in civil and criminal legislation, based on the works of Soviet and Russian jurists. To study the regional aspect of the fight against the theft of socialist property, previously unused archival materials of the State Archive of the Smolensk Region (hereinafter GASO) have been put into scientific circulation. This makes it possible to analyze judicial practice in this category of cases, investigative and operational actions of police officers, to identify criminological determinants of persons who committed theft of socialist property.

Keywords: BCSS, law, preliminary investigation, Soviet Union, socialist property, embezzlement, criminal law protection.

References

1. State Archive of the Smolensk Region (hereinafter referred to as GASO). F.1120. Op.1. D.34. Materials on summarizing judicial practice for 1973, L.102–110.
2. Anisimov V.F. Responsibility for theft of socialist property under the Soviet Criminal Code // Bulletin of the Yugra State University. – 2008. – Issue 4(11) – pp. 5–8.
3. Gelfer M.A., Grishaev P.I. Soviet criminal law. The part is general. Publishing house Legal literature. 1972. 584 p.
4. Ioffe O.I. Fundamentals of Soviet law. Under the general editorship of Professor O.I. Ioffe. Minsk, 1970. 600 s.
5. Lobastov A.A. Historical and legal study of the activities of units to combat the theft of socialist property // Sociology and Law. – 2019. – No. 2 (44). – pp. 87–88.
6. Mantul G.A. The Institute of Property in the Soviet State // Philosophy of Law. – 2014. – No. 5 (66). – pp. 82–85.
7. Reut E.V. The social phenomenon of “nonsense” at plant No. 820 in the first post-war years (1946–1953) // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. – 2014. – Issue. 12. – pp. 77–83.

Риски снижения социальной ориентированности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений: на примере внедрения технологий искусственного интеллекта

Красников Иван Вячеславович,

экстерн аспирантуры института экономики, управления
и права ГАОВО МГПУ

E-mail: van.v.krasnikov@gmail.com

Настоящая статья посвящена изучению проблем и рисков интеграции новых информационных технологий, в особенности таких как искусственный интеллект, в правоприменительную деятельность. Важность проблем, связанных с внедрением инноваций в правоприменение обусловлена социальной значимостью последнего, а также спецификой его институтов. В статье исследуются и оцениваются следующие риски, которые могут возникнуть в процессе внедрения искусственного интеллекта в правоприменение: потенциальный формализм ответственных лиц при разрешении дела, лишение правоприменительных актов их социальной ориентированности, невозможность оценки обстоятельств правовых ситуаций через призму внеправовых категорий, невозможность социальной оценки личности субъектов правоотношений, невозможность обеспечения полной информационной безопасности от внешнего влияния, а также от утечек данных.

Ключевые слова: правоприменение, цифровизация судопроизводства, искусственный интеллект в праве, судебное усмотрение

Деятельность государства по регулированию и организации общественных процессов крайне сложна и многогранна. На всех уровнях, от федерального до местного, создана многоступенчатая взаимосвязанная система органов власти, призванная эффективно поддерживать режим законности и правопорядка во всех сферах общественной жизни.

Особое место в этой системе занимают органы, осуществляющие правовое регулирование: *законодательные органы* – создающие нормы права, направленные на организацию нормального функционирования государства и *органы, осуществляющие непосредственное применение права* к конкретным отношениям определенных субъектов.

Активное развитие информационных технологий влечет справедливый интерес государства, обусловленный стремлением автоматизировать, улучшить, оптимизировать деятельность органов, снизить нагрузку на них, минимизировать издержки и ошибки.

Не переоценить то, как сильно изменилась деятельность правоприменителей за прошедшие тридцать лет, в особенности, в сфере отправления правосудия.

Повсеместное внедрение компьютерной техники, использование электронного документооборота, ведение аудио и видео протоколирования судебных заседаний, общая цифровизация правосудия, ставшая возможной после внедрения ГАС «Правосудие» в 2006 году, позволило преобразить деятельность судов, колоссально повысить их эффективность и качество принимаемых актов, равно как и повысить доступность правосудия.

Шундикова К.В. отмечает, что сейчас в государстве сформировалась электронно-информационная среда, способная предоставить дистанционный доступ к правосудию и получение информации о деятельности судов. «Цифровые технологии доказали свою социальную востребованность и продемонстрировали довольно высокий уровень эффективности функционирования» [1, с. 316]. Подобное заключение абсолютно обосновано, так как суды, в особенности арбитражные, в рамках системы «Электронное правосудие», отмечают стремительный рост заинтересованности сторон в использовании электронных (цифровых) технологий в процессе досудебного урегулирования, так и судебного разбирательства.

25 мая 2023 г., выступая на Совете судей России, Председатель Верховного суда России Вячеслав Михайлович Лебедев подчеркнул рост вос-

требованности цифровых технологий в судопроизводстве [2].

В настоящее время в доктрине и законодательстве не сформировано единого подхода к определению искусственного интеллекта.

В зарубежной и отечественной специальной литературе встречаются различные его определения. В наиболее общем виде искусственный интеллект понимается как набор технологий, позволяющий компьютерным машинам в той или иной степени имитировать интеллектуальные возможности человеческого разума. Среди определений искусственного интеллекта, сформулированных правоведами, одно из наиболее развернутых предложил П.М. Морхат. По его мнению это полностью или частично автономная самоорганизующаяся (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система, наделённая/обладающая способностями и возможностями: – антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смыслопорождающие и смысловоспринимающее) мышление, анализ и оценка; самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения; самоподдержания себя в гомеостазе; генетического поиска (genetic algorithm – эвристический алгоритм поиска, с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации), накопления информации и опыта; обучения и самообучения (в том числе – на своих ошибках и своём опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации; самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности; – антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем [3 с. 69].

Определение искусственного интеллекта в российском праве сформировалось совсем недавно. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» определено, что под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [4]. Приведенное определение представляется недостаточно исчерпывающими и требует установления дополнительных характерных черт рассматриваемого явления.

Но стоит заметить, что даже при существующих и потенциальных достижениях технического про-

гресса, вполне твердым и непоколебимым выступает тезис о том, что сфера правоприменения относится к виду человеческой деятельности, где решения и ответственность за них, равно как и контроль концентрируются именно на нем.

В этом контексте стоит рассмотреть такое явление как судебное усмотрение.

Судебное усмотрение можно представить в виде внутренней (субъективной) оценки событий и обстоятельств дела судьей.

Берг Л.Н., рассматривая вопросы, связанные с оценкой пределов судебного усмотрения, отмечает: «Пределы судебного усмотрения при рассмотрении конкретного юридического дела определены материально-правовыми средствами: 1) предписания материальной нормы закона; 2) обстоятельствами дела; 3) правовыми положениями судебной практики; 4) принципами права. Также пределы судебного усмотрения при рассмотрении конкретного юридического дела определены процедурно-процессуальными средствами: 5) полномочиями суда; 6) содержанием выдвинутых требований; 7) временными границами; 8) субъектными пределами» [5, с. 9]. Такой подход позволяет четко определить, где пролегают границы судебного усмотрения и какие факторы сдерживают его.

Как описывалось выше, важными в формировании пределов судебного усмотрения выступают внеправовые, общие, оценочные категории: «добросовестность», «справедливость», «правильность». В контексте этого, думается верным то, что допустить замену человека-правоприменителя программными средствами, искусственным интеллектом или иным техническим средством никак нельзя.

Именно возможность внутренней оценки человеком фактических обстоятельств, доказательств, процесс сопоставления имевших место событий и фактов, обосновывающих, описывающих их, равно как и оценка субъектов, в отношении которых такие акты принимаются, позволяет всецело достигнуть целей правового регулирования в целом, судопроизводства в частности.

На современном этапе развития российской правовой системы, широко представляется позиция, согласно которой, ученые и исследователи заявляют о возможности внедрения технологий искусственного интеллекта и иных программных и технических средств в правоприменении.

С одной стороны, такая тенденция кажется закономерной и обоснованной, так как прогресс в области цифровизации невозможно. С каждым днем, количество оборудованных рабочих мест лиц, обладающих правоприменительными полномочиями, растет, качество техники улучшается, цены на нее, в следствии развития производства, снижаются, что повышает доступность и целесообразность ее использования. Правоприменители все больше используют программные средства, электронные справочники и системы в процессе осуществления своей деятельности.

Однако, тенденция внедрения технологий искусственного интеллекта, программных и технических средств в деятельность правоприменителей, а конкретно в момент оценки обстоятельств и личностных качеств субъекта, в отношении которого издается акт, разумно полагать опасной для данного вида деятельности. Именно от человека-правоприменителя зависит то, насколько верно будут применены нормы права в контексте разумности, справедливости и социальной направленности правоприменительного акта.

Полагается разумным определить следующие основные риски внедрения технологий искусственного интеллекта в правоприменительную деятельность:

1. Отсутствие правосубъектности у программных средств,
2. Формализм ответственных лиц при разрешении дела,
3. Лишение правоприменительных актов социальной ориентированности,
4. Оценка обстоятельств правовых ситуаций в отрыве от внеправовых оценочных категорий,
5. Невозможность социальной оценки личности субъектов правоотношений,
6. Невозможность обеспечения полной информационной безопасности от внешнего влияния, а также от утечек данных.

В научной литературе отмечается: «сами по себе цифровые технологии – это только средство по улучшению работы всей системы. При этом базовые принципы правосудия – состязательность сторон в процессе, беспристрастность и объективность, независимость самих судей – должны остаться неизменными» [6, с. 230]. Этот тезис представляется неоспоримым, так как лежащие в основе правоприменения принципы служат гарантом нормального функционирования правовой системы.

Повсеместное внедрение таких технологий в правоприменение может повлечь риск излишнего формализма при рассмотрении правовых ситуаций. В случае внедрения таких технологий в правоприменение, субъект, осуществляющий его, может слишком поверхностно относиться к своей роли в нем, передавая все больше объем принимаемых решений программным средствам, заверяя их выводы лишь формально. Соответственно, для эффективного функционирования правоприменения необходимо будет разработать систему сдержек и ограничений, определить границы вмешательства технологий, механизмы контроля правоприменителя за ними.

По мнению В.В. Момотова, внедрение системы искусственного интеллекта в судебную деятельность может обеспечить: «а) повышение качества и эффективности судебной деятельности; б) повышение эффективности судебной защиты прав и законных интересов граждан, организаций, органов государственной власти; г) создание систем прогнозирования судебной нагрузки в зависимости от изменения законодательства» [6, с. 233].

Но приведенная позиция, ввиду вышеописанного, представляется спорной.

Важно отметить, что сама суть правоприменения не допускает возможности доверить совершение умозаключений, выводов в отношении связки факторов, образующих правоотношения субъектов, кому-либо, кроме человека-правоприменителя.

Социальная важность правоприменения обуславливается тем, что оно устанавливает, изменяет, завершает правоотношения людей, влияет на их интересы. Правоприменительные акты несут в себе, в том числе, информационную, воспитательную и образовательную функции. Они выражаются в том, что человек может оценить правоприменительный акт и получить информацию о мерах должного поведения, принципах оценки поведения, векторе государственного регулирования отношений и сделать собственные выводы о том, как необходимо действовать в той или иной ситуации наиболее оптимальным образом. Правоприменительный акт служит иллюстрацией того, как поведение человека оценивается с правовой точки зрения.

Фактор того, что именно люди оценивают действия людей носит важнейший характер при определении социальной природы правоприменения.

Учитывая это, изменение процессов правоприменения, вынесения правоприменительных актов без проработки вышеупомянутых вопросов приведет к падению уровня доверия к государству в целом и правоприменителям в частности. Велик риск того, что субъекты права перестанут обращаться в уполномоченные органы для разрешения их споров, что повлечет большой урон режиму законности в государстве. В условиях формирования и развития правового государства, допустить такое никак нельзя. Наоборот, государство заинтересовано и должно побуждать граждан к урегулированию отношений через органы государственной власти, дабы собирать статистическую информацию, следить за тенденциями развития отношений, контролировать наличие пробелов в законодательстве, чтобы своевременно реагировать и восполнять их.

Учитывая сложную геополитическую обстановку, уязвимость баз данных, программных средств к внешнему вмешательству, опасность утечек информации, все это стоит учитывать при разработке и внедрении новых технологий в правоприменительную деятельность, так как от этого не должны страдать базовые права и свободы граждан, организаций и государственных органов.

В текущем виде, внедрение подобных технологий способно нарушить устоявшуюся систему принятия правоприменительных решений – процедуры анализа обстоятельств и доказательств, выбора норм, подлежащих применению, выбора меры их применения (выбора санкции, при наличии вариативности), целесообразности их применения, а также оценки личности субъекта, в отношении которого они применяются.

Литература

1. Шундиков К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. С. 315–321.
2. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений. URL: <http://www.rg.ru>. (дата обращения: 15 апреля 2024 г.)
3. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
4. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения 17 апреля 2024 г.)
5. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. с
6. Концепция развития технологий машиночитаемого права (версия от 29.03.2021 г.) [Сайт Информационного центра Сколково]. URL: <https://sk.ru/legal/automation-of-law/> (дата обращения: 30 марта 2024)
7. Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета, № . 475, 2022. С. 229–237.

RISKS OF REDUCING THE SOCIAL ORIENTATION OF LAW ENFORCEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS: THE EXAMPLE OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Krasnikov I.V.
GAMOVO MGPU

This article is devoted to the study of problems and risks of integrating new information technologies, especially such as artificial intelligence, into law enforcement activities. The importance of the problems associated with the introduction of innovations in law enforcement is due to its social significance. The article covers the following risks that may arise in the process of introducing artificial intelligence in law enforcement: potential formalism of responsible persons, deprivation of law enforcement acts of their social orientation, the impossibility of assessing the circumstances of legal situations through the prism of extra-legal categories, the impossibility of social assessment of the personality of legal relations subjects, the impossibility of ensuring complete information security from external influence, as well as from data leaks.

Keywords: law enforcement, digitalization of proceedings, artificial intelligence in law, judicial discretion

References

1. Shundikov K.V. Artificial intelligence in Russian justice: state and prospects // Education and Law. 2023. No.8. pp. 315–321.
2. The courts plan to connect artificial intelligence to the drafting of decisions. URL: <http://www.rg.ru>. (date of appeal: April 15, 2024)
3. Morkhat P.M. Artificial intelligence: a legal view. M.: Buki Vedi, 2017. – 257 p.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” (together with the “National Strategy for the development of artificial Intelligence for the period up to 2030”). [Electronic resource] – Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed April 17, 2024)
5. Berg L.N. Judicial discretion and its limits: general theoretical aspect: Abstract of the dissertation. ... cand. Jurid. sciences’. Yekaterinburg, 2008.
6. The concept of development of machine-readable law technologies (version dated 03/29/2021) [Website of the Skolkovo Information Center]. URL: <https://sk.ru/legal/automation-of-law/> (accessed March 30, 2024)
7. Stepanov O.A., Basangov D.A. On the prospects of the influence of artificial intelligence on legal proceedings // Bulletin of Tomsk State University, No. 475, 2022. pp. 229–237.

Правовое сотворчество в СССР и современной России: сравнительный анализ

Малько Александр Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: alex25-58@mail.ru

Предметом исследования выступает такой институт правовой жизни, как правовое сотворчество государственных и общественных структур. С помощью сравнительно-правового метода выявлены признаки сходства и различия, а также достоинства и недостатки, присущие правовому сотворчеству как в период СССР, так и в современной России. Доказывается, что в Советском Союзе особое место в системе нормативных правовых актов принадлежало тем из них, которые издавались органами государственной власти и государственного управления совместно с ЦК КПСС, которые принимались по наиболее важным вопросам, содержали как нормы права, так и партийные директивы и обеспечивались не только государственными мерами, но и авторитетом и силой партийной дисциплины. Учитывая преемственность советской правовой системы, российская правовая политика должна иметь в виду ту практику, которая была раньше. Для исследования проблем правового сотворчества этот опыт имеет определенное значение, ибо показывает, как субъекты подобного сотворчества строили свое сотрудничество, в чем заключалась их специфика и т.п. Это можно считать положительным опытом. Отрицательный же опыт участия в правовом сотворчестве политизированных партийных структур – это тоже опыт, который лучше в принципе не повторять. Обосновывается, что в сегодняшнем государстве правовое сотворчество поднялось на новый, более высокий уровень, ибо наша страна выступает более демократичной, чем СССР, и институты народовластия в ней осуществляются в достаточно полной мере.

Ключевые слова: сотрудничество, правовое сотворчество, правовое сотворчество в СССР, правовое сотворчество в современной России, сравнительно-правовой анализ.

В условиях, когда наше государство находится в режиме значительных преобразований (вызванных становлением многополярного мира, проведением специальной военной операции на Украине и т.п.), органы публичной власти находятся в поиске новых возможностей для того, чтобы более адекватно реагировать на вызовы и угрозы времени. В такой ситуации необходима мобилизация всех государственных и общественных сил, требуется более тесное сотрудничество структур власти и социума.

Особую роль здесь призвано сыграть правовое сотворчество, которое понимается как «процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привлечением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)»¹.

Правовое сотворчество позволит сообща решать многие возникающие сложные проблемы и тут важно задействовать все имеющиеся у нас ресурсы, в том числе и тот определенный опыт, который сложился еще в СССР. В частности, советское правовое сотворчество находило свое наиболее яркое воплощение в совместных нормативных решениях партии (ЦК КПСС), профсоюзных (ВЦСПС) и комсомольских (ЦК ВЛКСМ) организаций и государственных органов (Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР).

В СССР особое место в системе нормативных правовых актов принадлежало тем из них, которые издавались органами государственной власти совместно с ЦК КПСС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ. Чаще всего принимались совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР; реже – совместные постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР; иногда – акты ЦК КПСС, Совета Министров СССР совместно с ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ². Правовая природа таких актов, их положение в иерархической структуре законодательства, авторитет и политическая значимость, а также другие свойства до-

¹ Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109.

² См.: Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / Отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1987. С. 64.

статочно основательно исследованы в советской юридической науке¹. В качестве примера можно привести совместные постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «Вопросы Свода законов СССР» от 23 марта 1978 года² и «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве» от 19 марта 1981 года³.

Действительно, в Советском Союзе важнейшие нормативно-правовые акты на общесоюзном уровне принимались ЦК КПСС совместно с Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР. На республиканском же уровне высшие руководящие органы компартий союзных республик тоже принимали важные акты совместно с высшими органами государственной власти союзных республик⁴. В тот период в литературе выделяли комплексные, или производные от основных, виды, характеризующиеся участием разных субъектов в создании правовых норм. К комплексным видам относили, во-первых, установление норм права совместными решениями государственных органов и общественных организаций (например, совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» от 22 января 1981 года⁵), во-вторых, образование норм права общественными организациями с особой, индивидуальной санкции государственных органов (например, утверждение Примерного Устава колхоза совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 ноября 1969 года придало ему правовую силу).

Исходя из сказанного, советское правовое со-творчество можно охарактеризовать следующими признаками.

- 1) Наряду с государственным органом в качестве субъекта такого сотворчества выступали центральные органы либо партийной (ЦК КПСС), либо профсоюзной (ВЦСПС), либо комсомольской (ЦК ВЛКСМ) общественных организаций.
- 2) Названные центральные органы тем самым выражали волю данных общественных организаций, определенной части советского народа.
- 3) Совместные постановления с участием центральных органов общественных организаций (прежде всего ЦК КПСС) принимались по наиболее важным вопросам, ибо коммунистическая партия, согласно Конституции СССР 1979 года, была руководящей и направляющей силой общества.

¹ См., например: Корельский В.М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Правоведение. 1957. № 8. С. 23–24; Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 53–58; Коршунов Ю.Н. Советские профсоюзы: Защита интересов трудящихся // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 126–127 и другие.

² СП СССР. 1978. № 9. Ст. 60.

³ СП СССР. 1981. № 13. Ст. 78.

⁴ См. подробнее об этом: Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевича. М., 1974. С. 88.

⁵ СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75.

- 4) Они выступали в качестве основной формы советского правового сотворчества.
- 5) Кроме государственных мер их обеспечивали авторитет и сила партийной дисциплины
- 6) Они содержали не только нормы права, но и партийные директивы. «Особенность совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР и иных совместных постановлений партийных и государственных органов состоит не в их особой юридической силе, а в том, что они прямо распространяются также и на внутрипартийные отношения, которые законом не регулируются, устанавливаются не только правовые, но и партийные обязанности для членов КПСС. Это и дает возможность оперативно направлять совместными актами одновременно государственную и внутрипартийную деятельность, сферы которых тесно переплетаются в советском обществе...»⁶.

Другими словами, наряду с правовыми нормами подобные решения содержали и прямые поручения в адрес государственных, хозяйственных, партийных или профсоюзных структур. Так, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании хозяйственного законодательства» от 25 мая 1975 года⁷ указаны существенные недостатки хозяйственного законодательства, связанные с тем, что в процессе ведомственного правотворчества не соблюдались необходимые требования, предъявляемые к уровню правового регулирования, к правовой культуре и юридической технике. В частности, в нем устанавливалось, что многие акты устарели, противоречат друг другу или не увязаны между собой, что количество ведомственных нормативных правовых актов неоправданно велико. Постановление обязывало министерства и ведомства провести ряд мероприятий по упорядочению издаваемых ими документов.

После развала СССР в России кардинально изменилась социально-экономическая и политико-правовая жизнь. В экономической системе стали доминировать рыночные отношения с элементами многоукладного хозяйства, в политической системе выстраивается система народовластия с заметным повышением в ней роли гражданского общества, в правовой системе постепенно реализуются на практике идеи правового государства с его принципами наиболее полной защиты прав человека и верховенства закона.

В такой ситуации существенно трансформировался и институт правового сотворчества. Если, например, в СССР его итогом были только нормативные правовые акты, то в условиях современной России – еще и нормативные договоры публично-правового характера. Особое место здесь занимает, в частности, Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2021–2023 годы, в кото-

⁶ Мицкевич А.В. Природа совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Избранное. М., 2010. С. 109.

⁷ СП СССР. 1975. № 16. Ст. 98.

ром прямо установлено, что «соглашение является составной частью коллективно-договорного процесса в системе социального партнерства и служит основой для разработки и заключения отраслевых соглашений на федеральном уровне и региональных соглашений».

Если в СССР правовое сотворчество осуществлялось в основном на уровне Правительства и центральных органов общественных организаций (ЦК КПСС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ), то в России уже фигурируют ведомства с субъектами рыночной экономики. Все большее распространение получают соглашения федеральных министерств с крупными акционерными обществами и компаниями. Так, Министерство финансов РФ и Всероссийский союз страховщиков подписали соглашение, предусматривающее сотрудничество в области развития страховой системы. Договор возлагает на стороны обязательства о взаимопомощи в развитии страхования, в совместном прогнозировании тенденций развития страхового рынка и разработке проектов нормативных правовых актов¹. Если в СССР правовое сотворчество выражалось как в правовых нормах, так и в партийных директивах, то в России – «партийный параметр» в этой сфере в силу многопартийности политико-правовой жизни просто отсутствует. Если раньше оно осуществлялось преимущественно с политизированными структурами (КПСС, ВЛКСМ), то сейчас – уже с самыми разными институтами гражданского общества, с многочисленными представителями российского народа.

Следовательно, правовое сотворчество в современной России поднялось на новый, более высокий уровень, ибо наша страна выступает более демократичной, чем СССР, и институты народовластия в ней осуществляются в достаточно полной мере. Вместе с тем, учитывая преемственность советской правовой системы, российская правовая политика должна иметь в виду ту практику, которая была раньше. Для исследования проблем правового сотворчества этот опыт имеет определенное значение, ибо показывает, как субъекты строили свое сотрудничество, как были распределены у них права и обязанности, в чем заключалась их специфика и т.п. Это можно считать положительным опытом. Отрицательный же опыт участия в правовом сотворчестве политизированных партийных структур – это тоже опыт, который лучше в принципе не повторять.

Как бы там ни было, российское правовое сотворчество стало другим, ему уже присущи иные признаки, которые в наиболее полной мере его характеризуют.

К подобным признакам отнесем следующие.

1. Правовое сотворчество – разновидность как творчества, так и в большей степени сотрудничества. Сотрудничать же, согласно словарям, «действовать вместе, принимать участие в об-

щем деле»². Поэтому, естественно, отношения между сторонами в подобных условиях основаны на согласии, взаимном понимании и взаимной поддержке.

2. Оно выступает высшей формой («вершиной») сотрудничества, вовлекая в государственное управление (с помощью наибольшей степени сотворческого процесса) граждан и структуры общества, где требуется проявлять особую волю и ответственность. Высшей эта форма может считаться потому, что в рамках нее осуществляется правотворчество, призванное создавать новые правила – нормативно-правовые основы как для всех остальных форм взаимодействия, так и для всей правовой жизнедеятельности.
3. Субъекты – это, с одной стороны, органы публичной власти, а с другой, институты гражданского общества, выступающие в виде активных самостоятельных участников правотворчества и одновременно в качестве «совместного» своего рода гибридного (смешанного) актора.
4. Объект – общественные отношения, которые должны быть организованы в результате данного сотворчества, что воплощается в конечном счете в принятии юридической нормы.
5. Содержание выражается в совершении субъектами действий, «соучаствующих» вместе в управлении государственными и общественными делами.
6. Правовое сотворчество осуществляется в правовой сфере и прежде всего в правотворческой деятельности.
7. Правовое сотворчество – это один из важнейших способов правовой (а точнее правотворческой) консолидации институтов гражданского общества и структур публичной власти.
8. Оно призвано содействовать достижению совместных целей при принятии правотворческого продукта (нормативных правовых актов, нормативных договоров и т.д.), в которых согласовываются и удовлетворяются интересы сторон (государства и гражданского общества). В этой связи верно подмечено, что для «инициации и реализации плодотворного взаимодействия обе стороны должны уметь сопоставлять свою функционально-целевую ориентацию с целевым предназначением другой стороны, чтобы найти «дополняющую» и взаимоприемлемую нишу в своей повседневной работе с участием другой стороны...»³.
9. Будучи высшей формой сотрудничества, которая базируется на согласии, доверии, взаимности, оно привносит позитивное содержание в правовую жизнь общества. «Негативные и позитивные свойства правовой жизни общества зависят от того, в каких по характеру

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 750.

³ Никовская Л.И., Якимец В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 98–99.

¹ См.: Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие. М., 1999. С. 303.

социально-интерактивных отношениях между собой находятся люди и их организации. Негативное содержание правовой жизни возникает, если в основе социально-правовых отношений присутствует явный или скрытый (латентный) конфликт между социальными субъектами (конфликт юридически значимых действий, конфликт интересов, конфликт правоприязнаний и пр.). В свою очередь, позитивное содержание в правовую жизнь привносится тогда, когда социальные субъекты (субъекты права) вступают в отношения сотрудничества (солидарности), выражают намерение сообща решать существующие проблемы и задачи, строить свои отношения на началах доверия, взаимопонимания и взаимной поддержки»¹.

10. Правовое сотворчество в определенной мере есть один из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости не только гражданского общества, но и государственной власти. «Участвуя в выработке и принятии политических и правовых решений, граждане фактически становятся соавторами таковых, разделяя с государством (муниципальной властью) ответственность за их реализацию, у них самих же повышается заинтересованность в исполнении нормативных предписаний или в более активном использовании предоставляемых политическими институтами и правом возможностей. Реализация возможностей активного и ответственного участия граждан, гражданских институтов в происходящих в государстве процессах... составляет один из главных показателей идентичности и степени зрелости современного гражданского общества»².

Исходя из названных признаков, предлагаем под правовым сотворчеством считать высшую форму сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванную согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающую составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума.

Таким образом, с помощью сравнительно-правового анализа мы выявили признаки сходства и различия, а также достоинства и недостатки, присущие правовому сотворчеству как в период СССР, так и в современной России, что необходи-

мо учитывать при дальнейшем совершенствовании данного института.

Литература

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 53–58.
2. Корельский В.М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Правоведение. 1957. № 8. С. 23–24.
3. Коршунов Ю.Н. Советские профсоюзы: Защита интересов трудящихся // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 126–127.
4. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967.
5. Мицкевич А.В. Природа совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Избранное. М., 2010. С. 109.
6. Никовская Л.И., Якимец В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 98–99.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 750.
8. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / Отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1987. С. 64.
9. Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевича. М., 1974. С. 88.
10. Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие. М., 1999. С. 303.
11. Трофимов В.В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовых конструкций // Государственно-правовые исследования. Ежегодник. 2022. Вып. 5. С. 42.
12. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109.

LAW-MAKING COLLABORATION CO-CREATION IN THE USSR AND MODERN RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS³

Malko A.V.
Tambov State University

The subject of the research is represented by such a legal life institution as the law-making collaboration between public and social structures. The author applies comparative legal method to identify similarities and differences, as well as advantages and disadvantages, inherent in law-making collaboration in the period of USSR and in modern Russia. The author proves that in the Soviet Union a special place in the system of normative legal acts belonged to those that were issued by state authorities and public administration jointly with the Central Committee of the CPSU, which were adopted on the most important issues, contained both legal norms and party

³“The research was carried out with a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–00271, <https://rscf.ru/project/24–28–00271/>».

¹Трофимов В.В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовых конструкций // Государственно-правовые исследования. Ежегодник. 2022. Вып. 5. С. 42.

²Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 76.

directives and were not ensured only by state measures, but also by the authority and force of party discipline. The author believes that in accordance with succession of the Soviet legal system, the Russian legal policy has to have in view the previous practice. This experience has a special meaning the issues of legal co-creation as it shows how the entities of such kind of activities have built their collaboration, its specificity and so on. It can be viewed as a positive experience. Thus the negative experience of participating in the legal co-creation of politicized party structures is also a kind of experience that, in principle, is better not to repeat. The author argues that in today's state, legal co-creation has risen to a new, higher level, because our country is more democratic than the USSR, and the institutions of democracy in it are implemented quite fully.

Keywords: collaboration, law-making collaboration, law-making collaboration in the USSR, law-making collaboration in modern Russia, comparative legal analysis.

References

1. Alekseev S.S. Problems of legal theory. Sverdlovsk, 1973. Vol. 2. pp. 53–58.
2. Korel'skij V.M. On the features and significance of the norms contained in the joint resolutions of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR // Jurisprudence, 1957. No. 8. pp. 23–24.
3. Korshunov Yu.N. Soviet trade unions: Protecting the interests of workers // Soviet state and law, 1981. No. 4. pp. 126–127.
4. Mickevich A.V. Acts of the highest bodies of the Soviet state. M., 1967.
5. Mickevich A.V. The nature of joint resolutions of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers // Selected works. M., 2010. pp. 109.
6. Nikovskaya L.I., Yakimec V.N. From conflict to intersectoral partnership // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2003. Vol. VI. No. 1. pp. 98–99.
7. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M., 1991. P. 750.
8. Polenina S.V., Sil'chenko N.V. Scientific foundations of the typology of normative legal acts in the USSR / editor in charge R.O. Halfina. M., 1987. P. 64.
9. Lawmaking in the USSR / under edition of A.V. Mickevich. M., 1974. P. 88.
10. Tihomirov YU.A., Kotelevskaya I.V. Legal acts. Educational, practical and reference manual. M., 1999. P. 303.
11. Trofimov V.V. Conflict law and the law of cooperation as an expression of basic social strategies: the problem of the validity of systemic legal structures // State legal studies. Yearbook. 2022. Issue 5. P. 42.
12. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process // Legal policy and legal life. 2018. No. 4. P. 109.

Развитие правового регулирования государственного надзора за деятельностью офшорного бизнеса

Гридина Маргарита Руслановна,

студент кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский университет
E-mail: margoluu@mail.ru

Офшорный бизнес является широко распространенным феноменом в современном мировом хозяйстве, представляя собой особую форму организации бизнеса за пределами страны регистрации компании. В связи с этим возникает ряд рисков и проблем, связанных с правовым регулированием офшорного бизнеса.

Статья фокусируется на российском опыте контроля и регулирования офшорного бизнеса, анализируя основные проблемы и риски, с которыми сталкиваются органы власти и бизнес-сообщество. Одним из основных рисков является уклонение от уплаты налогов через офшорные компании, что негативно сказывается на финансовой устойчивости государства.

Статья также рассматривает сложности в контроле офшорного бизнеса, связанные с отсутствием механизмов сотрудничества между различными юрисдикциями и недостаточным обменом информацией.

В заключение, статья предлагает ряд практических рекомендаций для улучшения контроля за офшорным бизнесом в России, включая ужесточение законодательства, улучшение механизмов обмена информацией и повышение эффективности надзора государственных органов. Работа поможет специалистам в области налогообложения и финансовой безопасности лучше понять и оценить текущую ситуацию и разработать стратегии по улучшению контроля над офшорным бизнесом.

Ключевые слова: правовое регулирование, офшорный бизнес, проблемы, решение, риски.

Введение

Риск – это неотъемлемая часть любой деятельности, будь то бизнес, финансы или обычная повседневная жизнь. В России риски также присутствуют повсюду, однако их контроль часто оставляет желать лучшего. Проблемы в области контроля рисков касаются как государственных структур, так и частных компаний. В данной статье мы разберем основные риски, с которыми сталкиваются российские организации, а также рассмотрим возможные пути их управления и предотвращения.

Основная часть: Вопрос правового регулирования офшорного бизнеса в настоящий момент приобрел особую актуальность. [2].

История развития офшорного бизнеса начинается с появления первых офшорных зон в середине XX века. В это время, многие страны начали создавать специальные офшорные территории для привлечения иностранных инвестиций и облегчения налоговой нагрузки для предпринимателей.

Один из примеров первых офшорных зон – это Бермудские острова, официально начавшие применяться для офшорной деятельности в 1948 году. Бермуды предлагали низкие налоги, юридическую защиту и репутацию надежной юрисдикции. Это привлекло множество иностранных компаний и инвесторов. [11]

Следующий важный этап в развитии офшорного бизнеса пришелся на 1960-е годы, когда португальские колонии Макао и Гоа стали появляться в качестве офшорных территорий для инвестиций. Это было обусловлено отсутствием налогов и легкостью создания компаний.

В 1970-х годах, офшорные зоны исчезли из-за роста международных регуляторных требований, однако, в 1980-е годы они снова оживились. В это время, офшорные зоны в Центральной Америке, Южной Америке и Карибском бассейне стали популярными благодаря своей фискальной привлекательности. [10]

С началом цифровой эры в 1990-х годах, офшорный бизнес получил новый импульс. Теперь компании и организации могли легко создавать офшорные счета и фирмы через Интернет, что существенно способствовало росту офшорного сектора.

В 2000-х годах офшорный бизнес продолжал развиваться, несмотря на ужесточение междуна-

родных требований по прозрачности и борьбе с отмыванием денег. Многие юрисдикции внедряли новые законы и меры для противодействия незаконным практикам. [1,10].

Офшорный бизнес привлекает российских предпринимателей возможностью оптимизации налоговых обязательств и сохранения конфиденциальности собственности. Экономическая роль офшоров значительна, поскольку через них проходит значительная часть капитала, уходящего из страны. Это обусловлено гибкими условиями регистрации компаний, отсутствием строгих регулятивных требований и низкими налогами. С одной стороны, использование офшорных зон способствует привлечению инвестиций и развитию международного бизнеса. С другой, оно косвенно подрывает налоговую базу России, уменьшая поступления в бюджет и способствуя выводу капиталов за рубеж. Такая деятельность требует повышенного внимания со стороны государственных органов в контексте борьбы с нелегальной экономической активностью и отмыванием средств.[6]

В рамках правового регулирования офшорного бизнеса в России приняты нормативные акты, направленные на контроль и надзор за офшорной деятельностью. Например, Федеральный закон «О контроле и борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма» устанавливает меры по идентификации и пресечению незаконной финансовой деятельности, включая деятельность офшорных компаний.

Кроме того, Правительство Российской Федерации регулярно принимает постановления и приказы, устанавливающие правила и требования для компаний, занимающихся офшорной деятельностью. Например, приказом Федеральной службы по финансовому мониторингу утверждены правила, определяющие порядок осуществления контроля за деятельностью офшорных зон и обязанности субъектов контроля.

Однако, эффективность данных нормативных актов часто вызывает сомнения. Это связано, во-первых, с тем, что многие офшорные зоны, используемые российскими компаниями, находятся за пределами юрисдикции РФ. Во-вторых, офшорный бизнес имеет международные аспекты, и вопросы его регулирования требуют сотрудничества со многими странами.

В международном контексте, борьба с уклонением от налогов и прозрачностью офшорного бизнеса также является приоритетными вопросами. Так, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала ряд стандартов и мер, направленных на прозрачность и борьбу с уклонением от налогов. Например, стандарт «Автоматический обмен финансовой информацией» предусматривает обмен информацией о доходах и активах физических лиц между странами.[2,3]

Кроме того, существует ряд двусторонних и многосторонних соглашений, целью которых является усиление сотрудничества и обмена инфор-

мацией в рамках борьбы с финансовыми преступлениями. Например, Россия сотрудничает с другими странами в рамках соглашений о взаимопонимании, обмене финансовой информацией и взаимной правовой помощи.

Офшорный бизнес в России несет в себе существенные риски и угрозы как для экономики страны, так и для самого бизнеса. Во-первых, использование офшорных схем может привести к значительной утечке капитала из страны, что негативно сказывается на национальной экономике и пополнении государственного бюджета. Во-вторых, офшорные операции часто ассоциируются с уклонением от налогообложения и другими видами финансовых махинаций, что подрывает принципы справедливости и прозрачности в экономических отношениях. К тому же, недостаточная регламентация и контроль за офшорным бизнесом создают благоприятную почву для отмывания денег и финансирования терроризма. В свете этих рисков важным шагом в контроле за офшорным бизнесом является совершенствование законодательной базы, усиление мер надзора и сотрудничество на межгосударственном уровне.[5]

В России контроль за офшорным бизнесом сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют эффективное регулирование. Одной из основных проблем является отсутствие прозрачности финансовой информации. Офшорные юрисдикции часто не раскрывают информацию о бенефициарных владельцах компаний, что значительно усложняет процесс идентификации реальных собственников активов и контролирующих структур. Во-первых, отсутствие прозрачности финансовой информации усложняет контроль и надзор со стороны государства. Неразглашение сведений о налоговых обязательствах и финансовых операциях офшорных компаний создает благоприятные условия для уклонения от уплаты налогов и скрытой передачи денежных средств. Это приводит к упущению значительных бюджетных средств, которые могли бы быть использованы для социальных программ и развития страны.

Во-вторых, неясность финансовой информации офшорных компаний увеличивает риск финансовых махинаций, включая отмывание денег и финансирование терроризма. Отсутствие прозрачности делает невозможным отслеживание и контроль за перемещением капитала и его источника. Это может иметь серьезные последствия для безопасности и стабильности страны, а также для международного сообщества.

В-третьих, отсутствие прозрачности в финансовой отчетности офшорных компаний создает неблагоприятные условия для развития внутреннего предпринимательства. Недостаток информации о конкурентах и финансовом положении офшорных партнеров затрудняет принятие обоснованных решений в бизнесе. Это может привести к неоправданным рискам и упустить возможности для более эффективного развития.

Также крупным препятствием является наличие прямых и косвенных связей между офшорными компаниями и российскими бизнес-структурами, что уводит значительную часть капитала из национальной экономики в теневой сектор. Офшорные компании, такие как островные налоговые убежища, обладают определенными льготами и привлекательными условиями для российских бизнесменов и компаний. В результате, средства и капитал, которые могли бы быть использованы для развития отечественной экономики, отправляются за границу, где они часто хранятся в офшорных счетах или инвестируются в другие офшорные активы. [8]

Наличие таких связей между офшорами и российскими бизнес-структурами вызывает нарушение прозрачности финансовой системы и создает условия для развития теневой экономики. В результате, государство теряет возможность контролировать обороты крупных финансовых средств и привлекать их обратно на территорию России для инвестирования в реальный сектор экономики и социальные программы.[7]

Сложности законодательного регулирования, а также различия в юридических системах разных стран дополнительно осложняют контроль офшорных операций. Кроме того, существующие законодательные меры иногда оказываются неэффективными из-за бюрократических процедур и коррупционных факторов, что еще больше усугубляет ситуацию. Всё это делает необходимым пересмотр подходов и методик в законодательной и правоприменительной практике.[4]

Заключение: В перспективе, правовое регулирование офшорного бизнеса в России предполагает ужесточение контроля и проведение всесторонних проверок деятельности российских компаний, использующих заграничные юрисдикции. Возможное введение новых налоговых правил и законодательное ограничение использования офшоров должны способствовать повышению прозрачности операций и борьбе с отмыванием денег. Также обсуждаются меры по обязательной уплате налогов с доходов, полученных через иностранные компании, что может уменьшить привлекательность офшорных схем. Важной задачей остаётся разработка эффективного механизма обмена информацией с иностранными налоговыми органами для идентификации реальных владельцев капиталов, скрытых за иностранными юридическими лицами.

Литература

1. Гамбеева Ю.Н. Регулирование процесса деофшоризации в Российской Федерации на современном этапе / Ю.Н. Гамбеева, нефть С.Н. Медведева // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 2. С. 351–368.
2. Саргсян Л.М. Структура международной системы регулирования офшорных зон: современное состояние и перспективы развития / Л.М. Саргсян // Вестник Московского универ-

ситета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8, № 2. С. 31–54.

3. Смирнов Е.Н. Экономика Европейского союза: инновационный аспект развития: монография / Е.Н. Смирнов. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2013. 163с.
4. Яковлев А.А. Особенности антиофшорных мер в рамках современной системы наднационального и внутригосударственного регулирования / А.А. Яковлев // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 331–334.
5. Чугунов В.И., Начаркин В.В., Захаров А.В. Офшорный бизнес в России и за рубежом: проблемы и пути их разрешения // Инновационная наука. 2016. № 6–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/offshornyy-biznes-v-rossii-i-za-rubezhom-problemy-i-puti-ih-razresheniya> (дата обращения: 30.04.2024)).
6. Руйга И. П., Шрейдер А.С. Современные аспекты регулирования офшорного бизнеса на международном уровне // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2013. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-regulirovaniya-ofshornogo-biznesa-na-mezhdunarodnom-urovne> (дата обращения: 29.04.2024).
7. Суслина Александра Леонидовна, Леухин Роман Сергеевич Борьба с теневой экономикой в России: частные аспекты общих проблем // Финансовый журнал. 2016. № 6 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-tenevoy-ekonomikoy-v-rossii-chastnye-aspekty-obshih-problem> (дата обращения: 07.05.2024).
8. Филиппова, Я.С. Офшоризация национальной экономики России: угроза экономической безопасности или бизнес-необходимость? / Я.С. Филиппова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 16 (202). – С. 172–175. – URL: <https://moluch.ru/archive/202/49460/> (дата обращения: 06.05.2024).
9. Матусевич А.П. Офшорные зоны: история, тенденции развития, влияние на российскую экономику // Вестник Международного института экономики и права. – 2013. – № . 1 (10). – С. 37–48.
10. Матусевич А.П. Международный офшорный бизнес. – 2016.
11. Адаменко А. А., Клетенчук К.Н., Кузнецова А.Л. Офшорные зоны, история их возникновения и правовое регулирование офшорного бизнеса в россии // Цифровизация экономики и ее информационное обеспечение. – 2020. – С. 316–321

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF STATE SUPERVISION OF OFFSHORE BUSINESS ACTIVITIES

Gridina M.R.
North Caucasus University

Offshore business is a widespread phenomenon in the modern world economy, representing a special form of business organization outside the country of registration of the company. In this regard, a number of risks and problems arise related to the legal regulation of offshore business.

The article focuses on Russian experience in monitoring and regulating offshore business, analyzing the main problems and risks faced by authorities and the business community. One of the main risks is tax evasion through offshore companies, which negatively affects the financial stability of the state.

The article also examines the difficulties in controlling offshore business due to the lack of cooperation mechanisms between different jurisdictions and insufficient information exchange.

In conclusion, the article offers a number of practical recommendations for improving the control of offshore business in Russia, including tightening legislation, improving information exchange mechanisms and increasing the effectiveness of government supervision. The work will help tax and financial security professionals better understand and assess the current situation and develop strategies to improve control over offshore businesses.

Keywords: Legal regulation, offshore business, problems, solutions, risks.

References

1. Gambееva Yu.N. Regulation of the process of deoffshorization in the Russian Federation at the present stage / Yu.N. Gambeyeva, oil S.N. Medvedeva // Russian next entrepreneurship. 2018. T. 19, no. 2. pp. 351–368.
2. Sargsyan L.M. The structure of the international system for regulating offshore zones: current state and development prospects / L.M. Sargsyan // Bulletin of Moscow University. Episode 25: International relations and world politics. 2016. T. 8, No. 2. P. 31–54.
3. Smirnov E.N. Economy of the European Union: innovative aspect of development: monograph / E.N. Smirnov. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2013. 163 p.
4. Yakovlev A.A. Features of anti-offshore measures within the framework of the modern system of supranational and intra-state regulation / A.A. Yakovlev // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 3. P. 331–334.
5. Chugunov V.I., Nacharkin V.V., Zakharov A.V. Offshore business in Russia and abroad: problems and ways to resolve them // Innovative science. 2016. No. 6–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/offshornyy-biznes-v-rossii-i-za-rubezhom-problemy-i-puti-ih-razresheniya> (date of access: 30.04.2024).
6. Ruiga I. R., Shreider A.S. Modern aspects of regulation of offshore business at the international level // Problems of modern economics (Novosibirsk). 2013. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-regulirovaniya-ofshornogo-biznesa-na-mezhdunarodnom-urovne> (date of access: 29.04.2024).
7. Alexandra Leonidovna Suslina, Roman Sergeevich Leukhin Fighting the shadow economy in Russia: particular aspects of general problems // Financial journal. 2016. No. 6 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-tenevoy-ekonomikoy-v-rossii-chastnye-aspekty-obschih-problem> (date of access: 7.05./2024).
8. Filippova, Ya.S. Offshorization of the national economy of Russia: a threat to economic security or a business necessity? / Ya.S. Filippova. – Text: direct // Young scientist. – 2018. – No. 16 (202). – pp. 172–175. – URL: <https://moluch.ru/archive/202/49460/> (access date: 6.05.2024).
9. Matusevich A.P. Offshore zones: history, development trends, impact on the Russian economy // Bulletin of the International Institute of Economics and Law. – 2013. – No. 1 (10). – P. 37–48.
10. Matusevich A.P. International offshore business. – 2016.
11. Adamenko A. A., Kletenchuk K.N., Kuznetsova A.L. Offshore zones, the history of their appearance and legal regulation of offshore business in russia // Digitalization of the economy and its information support. – 2020. – P. 316–321

Развитие института правового регулирования государственных закупок: возможности применения международного опыта

Алейник Даниил Валерьевич,

студент, Кубанский государственный аграрный университет
E-mail: 52003daniil@gmail.com

Петров Игорь Валентинович,

доктор экономических наук, профессор, Кубанский
государственный аграрный университет
E-mail: p474@yandex.ru

Проблемы и перспективы регулирования государственных закупок в контексте гражданского права – это исследование, посвященное анализу текущего состояния и будущих направлений развития законодательства в области государственных закупок. В работе рассматриваются основные сложности, возникающие при закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд, освещаются вопросы нормативных противоречий, проблемы контроля и коррупционные риски. Предложены методы оптимизации законодательной базы, включая внедрение электронных тендерных платформ, которые могут повысить прозрачность и эффективность процессов, а также укрепление правовых гарантий для всех участников закупок. Кроме того, исследование затрагивает потенциальные преимущества интеграции международного опыта в национальную систему для увеличения прозрачности и снижения уровня коррупции. Стоит акцентировать внимание на важности создания условий для открытого и честного конкурса, предотвращения конфликтов интересов и усиления мер ответственности за нарушения. Исследование предлагает комплексный подход к реформированию системы государственных закупок, который включает как изменения в законодательстве, так и внедрение современных информационных технологий.

Ключевые слова: государственные закупки, гражданское право, законодательное регулирование, коррупция, электронные тендеры.

Актуальность исследования заключается в том, что государственные закупки занимают значительную долю в экономике большинства стран и влияют на эффективность использования государственных средств. На практике система государственных закупок сталкивается с многочисленными вызовами, такими как коррупция, сложности в интерпретации законодательства и проблемы в обеспечении равного доступа к государственным заказам. Эти вызовы делают необходимым пересмотр и оптимизацию нормативно-правовой базы.

Научная значимость работы заключается в комплексном подходе к анализу правовых аспектов государственных закупок и в разработке предложений по усовершенствованию нормативной базы, что способствует повышению прозрачности и снижению уровня коррупционных рисков в данной сфере. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки законодательства и практики его применения.

Методология включает анализ существующего законодательства, а также изучение правоприменительной практики в области государственных закупок. Исследование базируется на правовом анализе, системном подходе и использовании статистических данных для оценки эффективности текущих механизмов регулирования.

Цель исследования – выявить основные проблемы в регулировании государственных закупок в контексте гражданского права и предложить конкретные меры для их решения. Это включает в себя улучшение законодательной рамки, внедрение современных технологий и интеграцию успешных международных практик.

Государственные закупки имеют важное значение в современной экономической практике, поскольку они обеспечивают нужды государственных и местных органов власти в товарах и услугах. Однако, практика осуществления такого рода деятельности показывает, что существует ряд проблем и вызовов монополистического характера, которые серьезно влияют на эффективность и прозрачность использования государственных средств [8]. Несмотря на то, что существует обширный нормативный законодательный фонд, проблемы могут варьироваться от нормативных противоречий, до высоких уровней коррупции.

Как следствие, процессы закупок должны постоянно анализироваться и оптимизироваться. Этот анализ поможет идентифицировать ключевые проблемные аспекты и предложить некоторые альтернативные решения, чтобы улучшить общую эффективность и легитимность государственных

закупок [6]. Основные компоненты системы государственных закупок представлены далее:

1. **Нормативные противоречия:** Одна из ключевых проблем в системе государственных закупок заключается в наличии противоречий и несоответствий в законодательстве. Различные нормативные акты могут содержать разные требования к процедурам закупок, что создает правовую неопределенность и затрудняет их применение.
2. **Коррупционные риски:** Государственные закупки часто ассоциируются с высоким уровнем коррупции из-за больших объемов финансовых потоков и слабого контроля. Проблемы включают в себя откаты, конфликты интересов и манипуляции с тендерными процессами, что подрывает доверие общества и эффективность системы.
3. **Отсутствие прозрачности:** Закрытость информации о тендерах и закупках мешает обеспечению открытости и доступности процесса для всех заинтересованных сторон. Это приводит к ограничению конкуренции и возможности участия малых и средних предприятий.
4. **Сложности в исполнении контрактов:** после заключения контрактов возникают проблемы с их исполнением, связанные с недобросовестностью поставщиков или изменениями в условиях исполнения. Это может приводить к задержкам, перерасходу средств и снижению качества товаров и услуг.
5. **Неадекватность правовых санкций:** Существующие санкции за нарушения в области государственных закупок зачастую оказываются неэффективными для предотвращения и наказания злоупотреблений, что стимулирует повторение правонарушений.

Современные вызовы требуют от правовой системы не только реакции на текущие проблемы, но и прогнозирования будущих тенденций, чтобы обеспечить устойчивое и эффективное функционирование государственных закупок. В этом контексте особенно актуально становится вопрос о внедрении новых технологий, таких как электронные тендерные платформы, и адаптации зарубежного опыта, способного улучшить практику и законодательную базу.

1. **Усиление законодательной базы:** Принятие новых или уточнение существующих законов, направленных на устранение противоречий и упрощение процессов, может существенно улучшить систему государственных закупок.
2. **Внедрение электронных платформ:** Развитие и расширение использования электронных тендерных систем может повысить прозрачность процедур, упростить доступ к тендерам и уменьшить коррупционные риски.
3. **Международное сотрудничество:** Интеграция международных стандартов и практик, а также участие в международных антикоррупционных инициативах, может помочь в борьбе с коррупцией и повышении эффективности закупок.

4. **Обучение и повышение квалификации:** Подготовка квалифицированных специалистов, способных эффективно управлять процессами государственных закупок, критически важна для улучшения всей системы.

5. **Привлечение общественного контроля:** Расширение возможностей для общественного контроля и участия в мониторинге закупок может значительно уменьшить коррупционные риски и повысить доверие к системе.

Комплексное решение проблем в системе государственных закупок, включая законодательные изменения, технологическое развитие, образовательные инициативы и укрепление общественного контроля, может привести к значительному улучшению ситуации и повышению эффективности использования государственных ресурсов.

Вместе с тем, в области государственных закупок в рамках гражданского права существует большое количество проблем, которые требуют устранения не только в юридическом отношении, но и в рамках системного подхода.

Главной из них является несоответствие современных экономических требований и законодательства: такая коллизия приводит к сложностям при применении законов и регламентировании закупок. Именно такое отсутствие гармоничного сочетания генерирует правовую неопределенность и способствует запуску механизма возникновения коррупционных схем. Специалисты, которые ведут закупки, часто не компетентны или не обладают необходимыми навыками, что снижает уровень обоснованности проведения торгов и прозрачность проведения государственных тендеров. Также не стоит забывать о том, что многие процессы возмещения остаются скрытыми, не поддаются общественному контролю, а значит, увеличивают проблематичность существующей трансперенсификации.

В России процесс государственных и муниципальных закупок активно развивается в направлении использования цифровых технологий. Примером такой модернизации может служить платформа «Электронный бюджет», которая интегрирована с единой информационной системой в сфере закупок (ЕИС). Эта система позволяет не только публиковать тендеры и управлять процессами закупок, но и проводить онлайн-аукционы и мониторинг контрактов. Перспективы развития регулирования в этой сфере включают несколько ключевых аспектов, которые представлены в таблице 1.

Официальный сайт ЕИС нуждается в доработке и улучшении, так как при его использовании пользователь может столкнуться с рядом проблем и определенными рисками. Одной из важнейших проблем является безопасность, особое внимание следует уделять защите данных. По мимо этого мы можем выделить ряд следующих рисков: временной риск, связанный с нестабильной и неоптимизированной работой сайта, коррупционный риск, финансовый риск, организационно-правовые риски, технические риски [1].

Таблица 1. Перспективы развития

Аспект	Пример
Увеличение открытости и доступности системы закупок	Законодательные инициативы по обязательной публикации всех государственных контрактов в открытом доступе на платформе «Госзакупки».
Внедрение цифровых технологий	Развитие и внедрение системы электронных аукционов в рамках ЕИС, обеспечивающее цифровое проведение всех этапов тендеров.
Мониторинг в реальном времени	Реализация системы «Контроль закупок», интегрированной с ЕИС для мониторинга выполнения контрактов и поставок в реальном времени.

Решением данных проблем может стать внедрение новых функций, таких как электронные подписи для повышения безопасности, механизмы автоматизации с использованием технологии искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматизации процессов, внедрение системы управления контентом для автоматической обработки документов и упрощения административных процессов, интеграция с другими системами для обмена данными и отчетности. Обеспечьте возможность проведения всех этапов тендеров онлайн, включая размещение извещений, подачу заявок, аукцион и заключение контрактов.

Повышение ответственности операторов электронных площадок за устойчивость их работы способствует эффективному проведению государственных закупок, что в свою очередь способствует более эффективно и рационально использовать бюджетные средства. Обязательная регистрация в ЕИС и включение информации о поставщиках в ЕРУЗ, позволит упростить доступ малого и среднего бизнеса к госзакупкам [3].

Внедрение международных стандартов, практик, а также обучающих программ может улучшить законодательную базу и повысить общую эффективность данной системы. Другим полезным шагом является усиление ответственности и введение более жестких мер наказания для нарушителей законодательства о государственных закупках, что также можно обеспечить через образовательные программы для специалистов в этой области. Без комплексного подхода к реформированию данной сферы, включающего все основные аспекты, действенная и честная система публичных закупок не создается.

Литература

1. Аналитические материалы «Цифровая трансформация корпоративных закупок: достижения, потенциал, проблемы». 8 апреля 2021 года, Москва
2. Байрашев В. Мониторинг закупок: о чем позабыл Минфин России // Прогосзаказ.рф. 2019. № 6. С. 44–48.

3. Бакулина А. А., Карпова С.В. Цифровизация в сфере закупок: особенности и эффективность // Проблемы современной экономики, N 3 (75), 2020. Стр. 35–39
4. Беляева О.А. Конфликт интересов в публичных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 13–18.
5. Боброва Н.А. Цифровая экономика в борьбе с коррупцией // В сборнике: Взаимодействие власти, бизнеса и общества в развитии цифровой экономики Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 27–3.
6. Договорное право в частных и международных отношениях: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / И.В. Петров, Е.Л. Симатова, Е.Н. Романова, О.В. Шаповал. – Краснодар: Южный институт менеджмента, 2014. – 143 с.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1
8. Петров, И.В. Демонополизация рынков в процессе воспроизводства экономической безопасности макрорегиона: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономическая безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Петров Игорь Валентинович. – Москва, 2006. – 336 с.
9. Письмо Минфина России от 13.09.2017 г. № 24–05–08/59009 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Правительства РФ от 14.09.2019 г. № 1202 «О порядке взаимодействия участника закупки и оператора электронной площадки» // СЗ РФ. 2019. № 38. Ст. 5315
11. Рахманина Т.Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 30–36.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC PROCUREMENT: OPPORTUNITIES FOR APPLYING INTERNATIONAL EXPERIENCE

Aleynik D.V., Petrov I.V.
Kuban State Agrarian University

Problems and prospects for regulating public procurement in the context of civil law” is an extensive study devoted to the analysis of the current state and future directions of development of legislation in the field of public procurement. The work examines in detail

the main difficulties arising in the procurement of goods, works and services for public needs, highlights issues of regulatory contradictions, control problems and corruption risks. Methods for optimizing the legislative framework are proposed, including the introduction of electronic tender platforms that can increase the transparency and efficiency of processes, as well as strengthening legal guarantees for all procurement participants.

In addition, the study addresses the potential benefits of integrating international experience into the national system to increase transparency and reduce corruption. It is worth emphasizing the importance of creating conditions for open and fair competition, preventing conflicts of interest and strengthening penalties for violations. The study offers a comprehensive approach to reforming the public procurement system, which includes both changes in legislation and the introduction of modern information technologies.

Keywords: public procurement, civil law, legislative regulation, corruption, electronic tenders.

References

1. Analytical materials "Digital transformation of corporate procurement: achievements, potential, problems." April 8, 2021, Moscow
2. Bayrashev V. Monitoring of purchases: what the Ministry of Finance of Russia forgot about // *Progoszakaz.rf*. 2019. No. 6. P. 44–48.
3. Bakulina A. A., Karpova S.V. Digitalization in the field of procurement: features and efficiency // *Problems of modern economics*, N 3 (75), 2020. Pp. 35–39
4. Belyaeva O.A. Conflict of interest in public procurement // *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. 2019. No. 1. P. 13–18.
5. Bobrova N.A. Digital economy in the fight against corruption // In the collection: *Interaction of government, business and society in the development of the digital economy* Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. 2018. pp. 27–3.
6. Contract law in private and international relations: a textbook for students of higher educational institutions / I.V. Petrov, E.L. Simatova, E.N. Romanova, O.V. Shapoval. – Krasnodar: Southern Institute of Management, 2014. – 143 p.
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 6, 2024) // *SZ RF*. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1
8. Petrov, I.V. Demonopolization of markets in the process of reproducing the economic security of the macroregion: specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy (by industries and areas of activity, including: economics, organization and management of enterprises, industries, complexes; innovation management; logistics; economics of population and demography; economics of entrepreneurship; economic security; land management; degree of Doctor of Economic Sciences / Igor Valentinovich Petrov. – Moscow, 2006. – 336 p.
9. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated September 13, 2017 No. 24–05–08/59009 [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
10. Decree of the Government of the Russian Federation of September 14, 2019 No. 1202 "On the procedure for interaction between the procurement participant and the operator of the electronic platform" // *SZ RF*. 2019. No. 38. Art. 5315
11. Rakhmanina T.N. Current issues of codification of Russian legislation // *Journal of Russian Law*. 2008. No. 4. P. 30–36.

Регулирование привлечения инвестиций с применением криптовалюты: аспекты защиты прав инвесторов и предпринимателей

Гридина Маргарита Руслановна,

студент кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский университет
E-mail: margoluu@mail.ru

Данная статья освещает актуальные вопросы регулирования криптовалютных схем финансирования бизнеса, известных как ICO (Initial Coin Offering), особое внимание уделено защите интересов инвесторов и предпринимателей. Также анализируются другие аспекты данного явления, такие как роль государства в регулировании ICO, защита от мошенничества и уклонения налогообложения, а также поднимается вопрос «прозрачности и ответственности».

В ходе написания статьи был осуществлен подробный анализ действующих законов и правоприменительной практики в различных странах, их воздействие и последствия для всех заинтересованных сторон. ICO.

Путем исследования выявляются наилучшие методы и стратегии, способствующие более эффективному контролю криптовалютных схем финансирования предприятий, с учетом потребностей инвесторов и бизнесменов.

В общем, данный материал представляет полный обзор вопросов контроля криптовалютных схем финансирования предприятий и основывается на тщательном анализе, способном внести значительный вклад в создание эффективных мер для защиты интересов инвесторов и предпринимателей в рамках ICO.

Ключевые слова: финансирование, акционер, цифровая валюта, контроль, обеспечение защиты прав.

Введение

Привлечения инвестиций. Однако необходимо строгое регулирование этого процесса, чтобы защитить инвесторов от мошенничества и обеспечить соблюдение законодательства в области финансов. В настоящее время вопрос регулирования ICO вызывает огромный интерес у специалистов и правительственных органов по всему миру. привлечения финансирования в начинающие и устоявшиеся компании в различных отраслях бизнеса.

Однако, несмотря на все плюсы, такие схемы также привлекают мошенников и нечестных предпринимателей. Многие инвесторы сталкиваются с возможностью потерять свои вложения из-за отсутствия должной регулятивной защиты и недостаточной прозрачности в данной сфере.

Основная часть

В современном мире финансов все чаще звучит термин ICO, который расшифровывается как Initial Coin Offering. Что представляет собой ICO? Это метод привлечения инвестиций через выпуск токенов или монет нового проекта на блокчейн-платформе. ICO позволяет молодым компаниям получить необходимое финансирование, а инвесторам – шанс вложить деньги в перспективные проекты и получить прибыль от их роста.

До 2017 года вопрос о нормативном регулировании ICO (Initial Coin Offering) не был столь актуальным и широко обсуждаемым. Однако быстрый рост цен на основные криптовалюты и популярность нового метода привлечения инвестиций через ICO привлекли внимание регуляторов различных стран.

Нельзя не отметить, что ICO стал очень популярным средством привлечения финансирования для российских компаний на мировом рынке. По данным компании Ernst & Young, в 2017 году Россия занимала второе место в мире по количеству проведенных проектов ICO (с учетом гражданства основателей проектов). Большинство этих российских ICO были реализованы за пределами страны. По данным агентства ICO Bench, в октябре 2018 года российские граждане привлекли общую сумму \$2,3 млрд через ICO, проведя 311 компаний.

В соответствии с системой классификации токенов, принятой ОЭСР, можно выделить несколько категорий.

Платежные токены, также известные как криптовалюты, являются средством платежа и используются в различных сферах.

На рынке криптовалют можно выделить два основных типа: децентрализованные и централизованные.

Децентрализованный рынок предполагает приобретение криптовалюты за деньги, где все операции осуществляются напрямую между покупателем и продавцом. После оплаты и поступления платежа, продавец передает криптовалюту в виде токена покупателю. Несмотря на риск мошенничества, связанного с таким способом покупки, он также предоставляет возможность для переговоров с продавцом.

Централизованный рынок основан на использовании онлайн-платформ, где все операции происходят в рамках этих платформ. Данный рынок можно разделить на две категории: криптовалютный и фиатный.

Один из видов криптовалют предполагает обмен между участниками сети. Однако нельзя приобрести эту криптовалюту за обычные национальные валюты, такие как евро или доллары.[1,11]

Фиатный подвид, наоборот, предоставляет возможность приобретать криптовалюту за обычные деньги. В данном случае пользователь имеет возможность выбирать из надёжных криптовалют, которые прошли отбор на рынке.

В 2013–2014 годах криптовалюта стала объектом широких дискуссий, привлекая внимание многих, кто ранее не знал о ее существовании. Китай можно считать родиной биткоина, первой криптовалюты, так как именно там она была создана и впервые использована для оплаты товаров. с момента появления криптовалюты цена на биткоин неоднократно колебалась, иногда резко падая в десятки раз, иногда стремительно возрастая в сотни раз. Компания idelta system является разработчиком биткоина.[6,7]

Другой тип токенов – это продуктовые токены, которые выпускаются конкретным проектом и предназначены для оплаты услуг или товаров в рамках этого проекта.

Модель утилитарных токенов, которая часто вызывает проблемы для конечных пользователей, заинтересованных исключительно в использовании услуг сети, представляет собой одно из основных препятствий. Еще одной значительной проблемой с утилитарными токенами является их регуляторная природа. Нарушение законов о ценных бумагах и неравенство информации между инвесторами и эмитентами затрудняют правильную оценку успеха и рисков проектов. Это приводит к искажениям относительно будущего токенов и стимулирует мошенничество в данной области.

Внутри криптомоделей утилитарные токены подразделяются на два типа: валютные и коллекционные. Валютные токены выполняют функции единицы счета, средства сохранения стоимости или средства обмена. Коллекционные предметы являются уникальными цифровыми или физическими товарами.

При анализе этих вопросов и разногласий в области утилитарных токенов становится очевидно,

что требуются значительные усилия для развития и контроля этой сферы с целью обеспечения безопасности и доверия со стороны пользователей.

Третий тип токенов представляет собой ценные бумаги (security token), которые предоставляют право на долю в компании, получение дивидендов и другие привилегии.

Существует четыре основных категории безопасности токенов: производные токены, долговые (кредитные) токены, токены-акции и гибридные токены.

Как было упомянуто ранее, токены безопасности подразделяются на четыре категории. Токены-акции представляют собой акции основной компании, действующие аналогично акциям на бирже.

Существует два вида долговых токенов: токенизированный долг и долг по цепочке. Токенизированный долг представляет собой измененную форму уже существующих инструментов долга, таких как корпоративные или государственные облигации. Долг по цепочке, в свою очередь, является полностью автоматизированным процессом передачи средств на блокчейне.

Токены, которые зависят от базового актива или группы активов, представляют собой производные инструменты, цена которых определяется их базовыми активами.

Гибридные токены представляют собой синтез двух или более финансовых инструментов, объединяющих особенности и уровень риска каждого из них, что может привести к появлению инноваций, не имеющих аналогов. В настоящее время они выделяются как отдельная категория токенов, вместе с утилитарными и токенами безопасности.

Токенов в ICO подразумевает не только выбор подхода к их регулированию, но и соблюдение международных стандартов и законов России. Это позволяет участникам рынка криптоэкономики оперировать в рамках законодательства и соблюдать правила игры, установленные мировым сообществом. токены подпадают под действие законодательства о ценных бумагах, налогов и о защите прав потребителей.

В области законодательства о ценных бумагах существуют два основных подхода к нормативному регулированию ICO, которые были сформулированы в период с 2017 по 2018 год.

Один из методов заключается в управлении отношениях, возникающими в результате проведения ICO. При этом регулирующий орган анализирует права и обязанности владельцев токенов и применяет к ним действующие законы. Следует отметить, что такой подход уже выбрали США, Германия, Сингапур и другие государства.

Второй метод связан с управлением процессом проведения ICO независимо от отношений между инвесторами и участниками проекта. Например, в этом случае не применяется законодательство о ценных бумагах к токенам, которые могут быть классифицированы как ценные бумаги, а применяется специальное законодательство об ICO. Франция является одной из стран, которые применяют

такой подход. Аналогичная концепция частично присутствует в законопроекте о цифровых финансовых активах в России. [2,3]

Однако с увеличением популярности ICO возникли новые вызовы. Одной из ключевых проблем является нехватка адекватного регулирования этой сферы, что увеличивает риски для инвесторов. Недостаток прозрачности и гарантий может способствовать мошенничеству и убыткам от инвестиций.

Должны быть установлены механизмы контроля за использованием привлеченных средств и обязательное предоставление отчетности об использовании средств. Эти меры помогут уменьшить риски для инвесторов и повысить доверие к проектам, проводящим ICO. необходимо ужесточить наказания за нарушения законодательства в области ICO, чтобы предотвратить возможные случаи мошенничества.[4,5]

Однако необходимо также учитывать интересы предпринимателей, которые применяют ICO для привлечения инвестиций в свои проекты. Регулирование ICO должно быть сбалансированным, чтобы не создавать излишних препятствий для развития инноваций. Важно учитывать особенности технологии блокчейн и стремиться к созданию гибкой системы нормативного регулирования, способствующей развитию финансовых инноваций.

Заключение

В завершение, контроль над криптовалютными схемами финансирования бизнеса, такими как Initial Coin Offering (ICO), является ключевым аспектом в обеспечении защиты интересов как инвесторов, так и предпринимателей. С учетом быстрого развития криптовалют и широкого использования ICO в качестве альтернативного источника финансирования, необходимость эффективного регулирования становится более чем явной.

В первую очередь, управление ICO способствует установлению четких правил игры для всех участников, что помогает снизить риски создания нестабильных или недобросовестных проектов. Регулирующие положения обеспечивают правовую и операционную прозрачность, что увеличивает доверие инвесторов и способствует притоку капитала в инновационные проекты.

Защита интересов инвесторов является основной целью регулирования ICO. Установление требований к раскрытию информации о проекте, его финансовом состоянии и рисках помогает инвесторам принимать обдуманные решения и избегать возможных мошеннических схем. Регулирование также предоставляет инвесторам возможность обратной связи и защиты своих прав в случае неисполнения проектом своих обязательств.[8,9]

Однако, при регулировании ICO необходимо учитывать интересы предпринимателей. Слишком строгие правила могут ограничить доступ предпринимателей к финансированию и инновационным возможностям, что может замедлить темпы разви-

тия и инноваций в экономике. Поэтому важно найти равновесие между защитой инвесторов и устранением излишних административных барьеров для предпринимателей.

В заключение, необходимость и важность регулирования криптовалютных схем финансирования бизнеса для защиты интересов инвесторов и предпринимателей неоспоримы. Такие меры способствуют созданию прозрачной и устойчивой среды для развития инноваций и финансирования, а также защищают инвесторов от возможных мошеннических схем. Главная цель регулирования заключается в обеспечении правовой и операционной прозрачности в сфере ICO, сохранении баланса между защитой интересов инвесторов и поощрением предпринимательства. На долгосрочной перспективе, разумное и эффективное регулирование ICO способно способствовать развитию инноваций, стимулировать экономический рост и создание новых рабочих мест.[10]

Литература

1. Обухова Е. Иco является инновационным методом финансирования проектов в сфере высоких технологий. Есо [Онлайн]. 9 июля 2018 года. Ссылка активна до 10 апреля 2024 года. Том 48, выпуск 3, страницы 181–192. Доступно по ссылке: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/1180> (дата обращения: 04.04.2024)
2. Иван Алексеевич Беларев и Елена Борисовна Стародубцева рассматривают ICO как инновационный метод привлечения финансирования для бизнеса в своей статье «ICO: новый подход к финансированию инноваций» в журнале «Финансовый журнал» № 5 (51) за 2019 год. Статья доступна по ссылке: [URL <https://cyberleninka.ru/article/n/ico-kak-novaya-forma-finansirovaniya-innovatsionnogo-biznesa> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Антонина Левашенко, Иван Ермохин и Александра Коваль рассмотрели возможности правового регулирования криптоэкономики и ICO в России и других странах. статья о перспективах правового регулирования криптоэкономики и ICO в различных государствах была опубликована в журнале «Экономическая политика» в 2019 году. Доступ к материалу можно получить по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-kriptoekonomiki-i-ico-v-rossii-i-drugih-stranah> (дата обращения: 10.04.2024).
4. Татьяна Аркадьевна Федорова, в своей статье «ICO и аспекты экономической безопасности», опубликованной в журнале ТТПС в 2018 году, затрагивает проблемы, связанные с использованием ICO в контексте обеспечения экономической стабильности. Доступ по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/ico-i-problemy-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 10.04.2024).

5. Игорь Лукаевич анализирует в статье «ICO как способ финансирования компаний: мифы и факты» в журнале «Экономика. Налоги. Право.» за 2018 год. Статья доступна по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/ico-kak-instrument-finansirovaniya-biznesa-mify-i-realnost> (дата обращения: 10.04.2024).
6. Магомгазиев А.А. Рынок криптовалют: история и области применения цифровых валют. // Форум молодых ученых. 2021. № 12 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-kriptovalyuty-istoriya-i-sfery-vliyaniya-kriptovalyuty> (дата обращения: 12.04.2024). /
7. Классификация моделей токенов и подходы к оценке. Доступ по ссылке: <https://medium.com/@pogorelyaaataksonomia-modelей-токенов-и-методологии-оценки:часть-1-28.acefe38fa6/>
8. Лактюшина Арина Павловна Характеристики, проблемы и перспективы рынка криптовалют: основные аспекты. Журнал E-Scio, выпуск 11 (62) за 2021 год, доступен по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-kriptovalyut-osnovnyie-harakteristiki-problemy-i-perspektivy> (проверено 12.04.2024).
9. Информация о количестве токенов. Доступно онлайн: <https://icotokennews.com>
10. Аюпов А.А., Бадыкова А.Р. Гибридный токен представляет собой перспективный финансовый инструмент, который активно развивается на рынке. ICO // Инновации и инвестиции. 2021. Том 1. Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnyy-token-kak-perspektivnyy-finansovyy-instrument-na-rynke-ico> (дата посещения: 12 апреля 2024 года).
11. Харитоновна Юлия Сергеевна и Санникова Лариса Владимировна исследовали вопрос использования цифровых финансовых инструментов для социализации частного права в своей статье, опубликованной в журнале «Вестник Томского государственного университета. Право» в 2021 году. Ссылка на статью: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-instrumenty-dlya-sotsializatsii-chastnogo-prava> (дата обращения: 12.04.2024).

REGULATION OF ATTRACTING INVESTMENTS USING CRYPTOCURRENCY: ASPECTS OF PROTECTING THE RIGHTS OF INVESTORS AND ENTREPRENEURS

Gridina M.R.

North Caucasus University

This article delves into the latest challenges surrounding the regulation of funding models in the cryptocurrency industry, specifically focusing on Initial Coin Offerings (ICOs), and emphasizes the importance of safeguarding the interests of both investors and business owners. It also examines various other facets of this trend, including the government's involvement in overseeing ICOs, strategies to combat fraud and tax avoidance, and the significance of maintaining transparency and accountability.

During the process of composing the article, a thorough examination of current legal regulations and procedures in different regions was conducted to evaluate their efficiency and impact on all stakeholders participating in the ICO.

The study has uncovered optimal strategies and principles that can enhance the regulation of financing schemes in the cryptocurrency industry, while also considering the needs of both investors and entrepreneurs.

In general, this article offers a thorough examination of the regulation of cryptocurrency business funding methods and is grounded in extensive research that offers meaningful insights for enhancing measures to safeguard the interests of investors and entrepreneurs within the realm of ICOs.

Keywords: funding, stakeholder, digital currency, compliance, safeguarding interests.

References

1. Obukhova E. ICO friendly crowdfunding is gaining popularity. It involves raising small amounts of money from a large number of people through online platforms. This method allows individuals to invest in projects that align with their values and support sustainable innovation. [Online]. 2018–07–09 [Accessed 2024–04–10]; Volume 48, Issue 3, Pages 181–192. Retrieved from: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/1180> (date of access: 04/04/2024).
2. Belarev Ivan Alekseevich and Starodubtseva Elena Borisovna explore ICO as an innovative way to finance businesses in their article published in the Financial magazine in 2019. The authors discuss the potential of ICO as a new form of financing for innovative ventures. Source: <https://cyberleninka.ru/article/n/ico-kak-novaya-forma-finansirovaniya-innovatsionnogo-biznesa> (accessed on 04/10/2024).
3. Antonina Levashenko, Ivan Ermokhin, and Alexandra Koval explore the potential legal frameworks for regulating cryptoeconomics and ICOs in Russia and beyond in their article “Prospects for Legal Regulation of Cryptoeconomics and ICOs in Various Countries” published in Economic Policy in 2019. The article can be accessed at the following URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-kriptoekonomiki-i-ico-v-rossii-i-drugih-stranah> (accessed on 04/10/2024).
4. The study by Fedorova Tatyana Arkadyevna on ICOs and their impact on economic security // TTPS. 2018. No. 1 (43). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ico-i-problemy-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (accessed on: 04/10/2024).
5. Lukasevich Igor Yaroslavovich ICO as a means of financing businesses: separating fact from fiction // Economics. Taxes. Law. 2018. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ico-kak-instrument-finansirovaniya-biznesa-mify-i-realnost> (accessed on: 04/10/2024).
6. Magomagaziev A.A. The cryptocurrency market: its origins and impact on various sectors. // Forum of young scientists. 2021. No. 12 (64). URL: дата доступа к статье о рынке криптовалют: 04/12/2024.
7. Classification of token models and assessment methods. [Online].-Available at: <https://medium.com/@pogorelyaa/taxonomy-model-of-tokens-and-evaluation-methodology-part-1-28acefe38fa6/>
8. Laktyushina Arina Pavlovna Cryptocurrency market: key features, challenges, and future outlooks Журнал E-Scio. Выпуск 11 (62) за 2021 год доступен по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-kriptovalyut-osnovnyie-harakteristiki-problemy-i-perspektivy> (дата доступа: 04/12/2024).
9. Token Supply/[Electronic resource]. – Access mode: <https://icotokennews.com>
10. Ayupov A.A., Badykova A.R. Hybrid token as a promising financial instrument in the ico market // Innovations and investments. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnyy-token-kak-perspektivnyy-finansovyy-instrument-na-rynke-ico> (date of access: 04/12/2024).
11. Kharitonova Yulia Sergeevna, Sannikova Larisa Vladimirovna Digital financial instruments for socialization of private law // Vestn. Volume. state un-ta. Right. 2021. No. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-instrumenty-dlya-sotsializatsii-chastnogo-prava> (date of access: 04/12/2024).

Правовые критерии оценки категории «качество жизни» населения столичного мегаполиса

Дегтев Геннадий Валентинович,

Доктор юридических наук, доцент, МГУУ Правительства Москвы
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Билашенко Надежда Алексеевна,

Аспирант, научная специальность, МГУУ Правительства Москвы
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Золотухина Юлия Вячеславовна,

Кандидат экономических наук, МГУУ Правительства Москвы
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Холкина Наталья Александровна,

Кандидат физико-математических наук, МГУУ Правительства Москвы
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Увеличение уровня жизни граждан является одной из основных задач экономического и социального развития Российской Федерации. В научных публикациях в настоящее время отсутствует единый подход к определению сущности научной категории «качество жизни». Сущностное толкование данной категории можно рассмотреть с разных аспектов жизни: правовой, социальной, экономической, экологической и других. «Качество жизни» – именно та категория, сущность которой требует именно междисциплинарного подхода. Повышение качества жизни населения столичного мегаполиса, представленные в данной статье на основе реализации проектов поддержки промышленности и предпринимательства отвечает конституционным правам граждан и является убедительным фактором реализации конституционно – правовых ценностей. Разработка методологии подсчета и обоснования правовых критериев оценки категории «качество жизни» для изложения их в нормативной сфере – научная проблема, требующая теоретического и практического решения.

Ключевые слова: качество жизни, конституционно – правовые ценности, правовые критерии оценки, нормативная сфера.

В долгосрочном прогнозе экономического и социального развития России до 2030 г. одним из приоритетных направлений является повышение уровня жизни граждан и эффективное развитие человеческого капитала. Увеличение уровня жизни граждан является одной из основных задач экономического и социального развития Российской Федерации. Право на достойную жизнь закреплено Конституцией нашей страны. Д.О. Теплова отмечает, что «достойное качество жизни становится той социальной ценностью в политике государства, которая обеспечивает счастье и жизнеспособность каждой личности и общества» [4]. С точки зрения научного дискурса термин «качество жизни» первым из учёных использовал Дж. Гилбрейт в своём труде «Общество изобилия», опубликованном в 58 году XX века. В политической парадигме это понятие стали активно использовать после того, как Президент США Дж. Кеннеди в своём докладе применил его. Правовая сущность категории «качество жизни» – вопрос сегодняшнего дня. Активная работа над исследованием уровня жизни началась во второй половине двадцатого века в США. В самом начале, это понятие напрямую связывало со здоровьем нации, развитием урбанизаций и защитой окружающей среды.

В 60-х гг. сотрудники ООН разработали первую номенклатуру, относящуюся к качеству жизни. Уже в 90-х гг. специалисты ООН опубликовали обширный перечень индикаторов и параметров качества жизни, а работники отдельной программы развития под эгидой ООН стали публиковать ежегодные отчёты по вопросам развития человечества. Впервые в таких докладах была введена категория «развитие человечества», которая измеряется на основании индекса развития человечества. Он объединяет в себе развитие экономики, образования и медицины.

Согласно методике ООН, основные параметры, на основании которых анализируется качество жизни, являются:

- активность в экономической сфере (миграция граждан, основные причины миграции, распространённость безработицы);
- демографический и социальные (продолжительность жизни граждан, динамика смертности, рождаемости и заболеваемости);
- развитость социального направления (затраты на науку, образование, культуру и здравоохранение в ВВП, число студентов и учащихся);
- напряжённость в социуме (участие граждан в забастовках, политических мероприятиях, уровень преступности, процент теневой экономической системы от ВВП страны);

- экологическое (количество вредных примесей в воде, почве, атмосфере, продуктах питания, экологические расходы в ВВП страны, развитость системы охраны окружающего мира, степень рационализации при использовании ресурсов природы).

Р.Ф. Степаненко отмечает, что «правовая аналитика сегодня динамично генерирует множество научных и практических идей и предложений по совершенствованию ... нормо-творческих инициатив. Дискурсы, аргументы и выводы аналитико-правовой работы, значительным образом, содержат в себе серьезный конструктивный потенциал, выявляя эффективные и логически целесообразные критерии функционирования правового и социального государства, подкрепляя их эмпирическими данными мониторинговых и экспертных оценок специалистов в рассматриваемых областях» [4]. «Качество жизни» – именно та категория, сущность которой требует именно междисциплинарного подхода. В.М. Баранов рассматривает междисциплинарность как:

- главный тренд юридической науки и образования,
- гармоничное слияние разных познавательных миров,
- соединение точного естественно-технического знания и в значительной мере абстрактного, «текучего» правового мышления с его воображением и интуицией,
- эмоционально окрашенного юридического моделирования [9].

В научных публикациях в настоящее время отсутствует единый подход к определению социально-экономической сущности научной категории «качество жизни» [5;6]. Сущностное толкование данной категории можно рассмотреть с разных аспектов жизни: правовой, социальной, экономической, экологической и других. Качество жизни включает себя многообразие критериальных оценок и может выражать субъективно-объективное мнение ученых и экспертов. Интерес представляет сравнение и обобщение авторских трактовок понятий «достойное качество жизни» [5;6;7;8], «достойный уровень жизни» [2;3;7;8], «качество жизни» [6;7;8], а также оценка данных понятий в части актуальных проблем конституционного права [1]. Появление единого информационного пространства, в котором объединяется множество идей, даёт возможность исследователям обмениваться опытом и высказывать свои идеи, что привело к масштабным изменениям в массовом понимании рассматриваемых категорий. Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай в междисциплинарном исследовании «Россияне в условиях экономического кризиса» с позиций социальной философии и экономической социологии обоснованы проблемы методологического характера проблем изучения «качества жизни» на основе ресурсного подхода.

Лэнд К. и Майкалос А. считают, что большего результата в процессе исследования качества жизни получилось достичь за счёт парадигмальных

сдвигов, которые включают в себя институционализацию практических и научных направлений при изучении качества жизни, растущую популярность этого термина, развитие и расширение системы социальных индикаторов, масштабные процесс объединения исследовательских работ по изучению социальных показателей и работ по изучению субъективной парадигмы благополучия.

Сейчас понятие «качество жизни» ориентируется не только на качественных характеристиках исследуемого объекта, но и на его значимость и ценности. Данное понятие подразумевает открытие огромных возможностей в плане определения признаков высокого уровня жизни и ставит перед исследователями новый вопрос о возможности увеличения ценности жизни.

При изучении субъективных параметров качества жизни Сирджи Дж. оперирует парадигмой удовлетворения возникающих потребностей базируясь на классификаторе, составленном Маслоу А. Автор отмечает, что в недостаточно развитых обществах индивиды, в первую очередь, ориентируются на выполнение биологических потребностей и безопасности, а в более развитых, идёт акцентирование на потребностях порядком выше (потребность в личностной актуализации, уважении, социальные потребности).

Политика в сфере ресурсного развития населения в стране основывается на увеличении эффективности социальной защищённости населения, высокого уровня занятости населения, развития образовательной и медицинской систем. Основными задачами для такого развития можно назвать:

- эффективные изменения в области профессионального и высшего образования на основании актуальных требования экономики труда;
- уменьшение смертности;
- пропаганда здорового образа жизни;
- борьба с дискриминацией в области труда, занятости и образования;
- борьба с бедностью, разработка борьбы с её распространением;
- противодействие социального разрыва в обществе;
- развитие глобального взаимодействия и партнёрства;
- борьба с социальным отчуждением.

Для максимальной эффективности выполнения актуальных задач главные направления в области воспроизводства человеческого ресурсного потенциала должны разворачиваться на уровне регионов, т.е. в местах фактического проживания граждан. Важно понимать, что при сегодняшней экономике нельзя забывать о взаимосвязи между такими направлениями, как стоимость имущества граждан и уровень их заработка. Именно эти направления ряд исследователей считает возможным отнести к ведущим факторам, вызывающим неравенство в социуме.

В Российской Федерации есть множество способов и инструментов для распределения регионов на основании инвестиционной активности, эконо-

мического потенциала, обеспеченности бюджетными средствами. Новая парадигма оценки качества жизни на региональном уровне, которая базируется на определенных индикаторах, позволяющих оценить уровень жизни граждан в определенном регионе, была опубликована в РБК. Для расчёта степени качества жизни выбрали десять основных параметров, которые дают возможность определить итоговую оценку, где каждый показатель обладает определённым весом, отражающим его важность и критичность в единой системе материальных ценностей [13].

Р.Ф. Степаненко отмечает, что «благополучие человека, качество его жизни, условия, правовые стандарты и гарантии его социальной и экономической безопасности все более активно исследуются юридической наукой» [4]. По мнению исследователя «актуализация современных проблем экономико-правового характера» приобретает приоритетный интерес правоведов в современном проблемном поле сохранения человеческого капитала в новых условиях.

Новая волна урбанизации характеризуется появлением и ростом мегаполисов – крупных городов, являющихся деловыми, инвестиционными, культурными, административными, производственными центрами страны. В развитии экономики страны мегаполисы играют ведущую роль, формируя значительную долю ВВП. По итогам 2023 года Москва заняла первое место в 22 ведущих национальных рейтингах городов и субъектов Российской Федерации. В 2022 эксперты ООН признали Москву лучшим мегаполисом по качеству жизни. Мэр Москвы С.С. Собянин отметил, что «эксперты ООН-Хабитат поставили своей целью создать универсальный индекс достижений мировых городов, в основе которого лежит идея процветания – высокого качества жизни и равных возможностей для всех горожан в гармонии с окружающей природой. Принятый ООН-Хабитат подход к измерению качества городской жизни нам очень близок и понятен. Потому что в центре программы развития Москвы лежат интересы и потребности всех жителей города» [12].

Современный этап развития Москвы как крупнейшего мегаполиса базируется на рациональной организации городской территории [8]. Управление столицей строится на принципе конвергенции – сближении, взаимопроникновения разных сфер городской деятельности. Экономика мегаполиса требует сбалансированного развития, который базируется на комплексном подходе к управлению. Этот принцип вывел Москву на новый качественный уровень жизни. Сегодня столица является ориентиром для развития, субъекты Российской Федерации перенимают опыт столицы во всех областях городского управления.

Качество жизни горожан напрямую связано с рядом факторов, среди которых нельзя не назвать наличие предприятий со значительной долей наукоемкой продукции, повышенные объемы инвестиционных потоков. Москва входит в топ-5 самых

привлекательных для инвесторов европейских мегаполисов. Около 6,8 триллиона рублей составили инвестиции в экономику Москвы по итогам 2023 года. Наибольшая доля инвестиций – 33,4% была направлена в сферу производства машин и оборудования [11].

Одним из драйверов планомерного развития мегаполиса, безусловно, является сфера промышленности. По данным Комплекса градостроительной политики и строительства города Москвы промзоны занимают порядка 18,8 тыс. га, что составляет более 17% территории «старой» Москвы [1]. В целях повышения эффективности использования промышленных зон необходимо учитывать современные тренды на импортозамещение и развитие собственных производств. Москва, как мегаполис, не может не принимать во внимание интересы жителей столицы – необходимо проведение гибкой и сбалансированной политики по развитию промышленности, а именно – направленной на развитие инновационный и экологичных производств [1].

В столице работает более 4,2 тысячи промышленных предприятий. В Москве реализуется большое количество мер поддержки для субъектов промышленности [12]. На территории города Москвы создана особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Технополис Москва». Резидент данной особой экономической зоны вправе осуществлять технико-внедренческую или промышленно-производственную деятельность. Важно отметить, что на вышеуказанных площадках действует льготный режим ведения предпринимательской деятельности для резидентов особой экономической зоны. Резиденты, относящиеся к юрисдикции особой экономической зоны, имеют право не платить налоги на землю, имущество и транспорт на протяжении десяти лет. Есть расширенная льготная программа на аренду земли, после застройки которых можно приобрести этот участок за один процент от его кадастровой цены.

С 2016 г. в Москве получили особый статус промышленного комплекса более семидесяти предприятий, в которых работают более 80 000 сотрудников. Для этих предприятий был разработан особый режим налогообложения, согласно которому ставка налога на прибыль уменьшена до 13,5%. Налог на землю составляет 20%, на недвижимость 50%, ставка земли для аренды всего 0,3% от его кадастровой цены [12].

Московский Фонд поддержки промышленности и предпринимательства сотрудничает со столичными промышленными предприятиями, оказывает им поддержку [12].

Особым спросом пользуется такая мера поддержки Фонда как компенсация части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам. Эффективная ставка после компенсации составляет 3%. На 1 рубль поддержки приходится 55 рублей привлеченных инвестиций. По сравнению с 2022 годом (старт программы компенсаций)

сумма инвестиционных промышленных кредитов выросла в 4 раза [12].

Реализуемые меры поддержки не только поддерживают сферу промышленности, но и оказывают существенное влияние на качество жизни горожан:

- благодаря финансовой поддержке промышленники приобретают более дорогостоящее оборудование, обладающее высокотехнологичностью. Создание инновационной продукции порождает развитие экономики, что в свою очередь приводит к росту конкурентоспособности, занятости и доходов населения.

Особое внимание сегодня уделяется экологичности промышленного производства. Руководитель Департамента промышленной и инвестиционной политики столицы, министра Правительства Москвы Овчинский В.А. пишет, что за последние десять лет в Москве создаётся и развивается промышленная инфраструктура. Главные требования для промышленных объектов это компактность, экологическая чистота и безопасность для эффективного встраивания в среду города. Не так давно заводские комплексы занимали огромные территории, формируя вокруг себя промышленные зоны, которые добавляли дополнительные неудобства. Сегодня городские власти ориентированы на повышение положительного уровня экологии города, и одним из инструментов является поддержка промышленных предприятий.

Создание промышленной инфраструктуры также расширяет возможности жителей столицы – создаются новые рабочие места. Так, по итогам 2023 года количество человек, занятых в промышленном секторе столицы, увеличилось до 725 тысяч. Оказываемые меры поддержки промышленников также способствуют удовлетворению потребностей москвичей – сегодня на промышленных площадках выпускают как товары ежедневного пользования, так и жизненно важную продукцию. В 2023 году на 14% увеличилось число производителей продуктов питания и превысило отметку в 300 компаний. Московские производители занимаются выпуском кондитерской, хлебобулочной, молочной и мясной продукции, добавляя продукцию без содержания глютена и сахара. На 11% выросло число компаний, занятых в отрасли лёгкой промышленности.

Экономические исследования развития качества жизни населения столичного мегаполиса приведенное выше можно соотнести с правовыми индикаторами качества жизни, к которым Р.Ф. Степаненко [4] относит следующие

- степень и полнота признания, соблюдения и защиты государством конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- удовлетворенность граждан деятельностью системы правосудия, правоохранительных органов и иных государственных и общественных организаций;
- информированность общества о необходимости отмены и внесения изменений в действующее законодательство;

- уровень правовой культуры, правового сознания и правового воспитания;
- уважение и авторитет к законодательной, исполнительной и судебной ветвям власти;
- признание политики государства соответствующей интересам и потребностям реализации конституционной идеи «достойного уровня жизни» человека и гражданина;
- признание гражданским обществом эффективной государственной политики в политической, экономической, культурной и иных сферах общественной жизни;
- объективная оценка реализации правовых гарантий для личной, общественной национальной экономической и экологической безопасности;
- «измерение» качества действующего законодательства не величиной отмененных, вновь принятых или дополненных законов, а их способностью обеспечивать правовое качество жизни населения, то есть полноту удовлетворенности населения позитивным правовым характером нормотворчества и юридической практики, при реальном воплощении которых человеку и гражданину гарантируется и обеспечивается безопасное и устойчивое развитие [4].

Разработка методологии подсчета и обоснования правовых критериев оценки категории «качество жизни» для изложения их в нормативной сфере – научная проблема, требующая теоретического и практического решения.

Таким образом, повышение качества жизни населения столичного мегаполиса в реализации проектов поддержки промышленности и предпринимательства отвечает конституционным правам граждан и является убедительным фактором реализации конституционно – правовых ценностей.

Литература

1. Актуальные проблемы конституционного права: монография / А.Ю. Александров, А.П. Альбов, С.Б. Верещак и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева. -М.: РУСАЙНС, 2020. – 224 с.
2. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75
3. Ильин И.М. К вопросу о праве человека на достойный уровень жизни (конституционно-правовой аспект) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 4А. С. 95–103. D
4. Степаненко Р.Ф. Правовое содержание социально-экономической категории «качество жизни»: аналитический дискурс // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 376–394.
5. Теплова Д.О. «Достойное качество жизни» и «Благополучие личности» как конститу-

ционно-правовые ценности // Образование и право. – 2020. – № 1. – С. 63-

6. Томский Г. Категория качества жизни // «Concord». – 2015. – № 1. – С. 3–15.
7. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 274 с.
8. Успенская Т.Н., Корнилова М.В. Основные тенденции и показатели уровня и качества жизни пожилых москвичей // Пожилые в современном мире: институты и дискурсы. Монография / Под ред. Е.И. Холостовой, И.В. Мкртумовой. – М.: ГАУ ИДПО ДТСЗН, 2015. С. 58–76.
9. Baranov, V.M. (2019) Legal riskology in a technical and legal cut. *Yuridicheskaya tekhnika*. (13), 9–15. (in Russian).
10. Собянин: в 2024 году продолжим все программы поддержки предпринимателей – [Электронный ресурс]. – <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/10196050> (дата обращения 15.04.2024)
11. Эксперты: стимулы и поддержка от города двигают промышленность Москвы – [Электронный ресурс]. – РИА Новости, 25.03.2024 (ria.ru) (дата обращения 15.04.2024)
12. Московский фонд поддержки промышленности и предпринимательства – [Электронный ресурс]. МФППП (mfppp.ru) – (дата обращения 15.04.2024)
13. Где жить хорошо: для чего разработана система оценки качества жизни в России – [Электронный ресурс]. – <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/news> – (дата обращения 15.04.2024)
14. Собянин оценил признание Москвы лучшим городом в рейтинге ООН – [Электронный ресурс]. – Новости общества | Известия | 03.02.2022 (iz.ru) - (дата обращения 15.04.2024)

LEGAL CRITERIA FOR ASSESSING THE CATEGORY “QUALITY OF LIFE” OF THE POPULATION OF A METROPOLITAN METROPOLIS

Degtev G.V., Bilashenko N.A., Zolotukhina Yu.V., Kholkina N.A.
MSUU of the Moscow Government, Moscow

Increasing the standard of living of citizens is one of the main tasks of economic and social development of the Russian Federation. In scientific publications there is currently no unified approach to defining the essence of the scientific category “quality of life”. The essential interpretation of this category can be considered from different

aspects of life: legal, social, economic, environmental and others. “Quality of life” is precisely the category whose essence requires an interdisciplinary approach. Improving the quality of life of the population of the metropolitan metropolis, presented in this article on the basis of the implementation of projects to support industry and entrepreneurship, meets the constitutional rights of citizens and is a convincing factor in the implementation of constitutional and legal values. Developing a methodology for calculating and justifying legal criteria for assessing the category “quality of life” for presenting them in the regulatory sphere is a scientific problem that requires theoretical and practical solutions.

Keywords: quality of life, constitutional and legal values, forecast of economic and social development.

References

1. Current problems of constitutional law: monograph / A. Yu. Alexandrov, A.P. Al-bov, S.B. Vereshchak et al.; resp. ed. R.V. Shagieva. -M.: RUSAINS, 2020. – 224 p.
2. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About risks in the sphere of living standards of the population of Russia, opportunities and solutions to reduce them // *Living standards of the population of regions of Russia*. 2024. Volume 20. No. 1. P. 59–75
3. Ilyin I.M. On the issue of the human right to a decent standard of living (constitutional and legal aspect) // *Issues of Russian and international law*. 2023. Volume 13. No. 4A. pp. 95–103. D
4. Stepanenko R.F. Legal content of the socio-economic category “quality of life”: analytical discourse // *RUDN Journal of Law*. 2021. T. 25. No. 2. P. 376–394.
5. Teplova D.O. “Decent quality of life” and “Personal well-being” as constitutional and legal values // *Education and Law*. – 2020. – No. 1. – P. 63-
6. Tomsky G. Category of quality of life // “Concord”. – 2015. – No. 1. – P. 3–15.
7. Level and quality of life of the population of Russia: from reality to designing the future: [monograph] / V.N. Bobkov, T.E. Bobkova [and others]; edited by V.N. Bobkova (chief editor), N.V. Loktyukhina, E.F. Shamaeva; FNISC RAS. – M.: FNISC RAS, 2022. – 274 p.
8. Uspenskaya T.N., Kornilova M.V. Main trends and indicators of the level and quality of life of elderly Muscovites // *Elderly in the modern world: institutions and discourses*. Monograph / Ed. E.I. Kholostovoy, I.V. Mkrumova. – M.: GAU IDPO DTSZN, 2015. P. 58–76.
9. Baranov, V.M. (2019) Legal riskology in a technical and legal cut. *Yuridicheskaya tekhnika*. (13), 9–15. (in Russian).
10. Sobyenin: in 2024 we will continue all programs to support entrepreneurs – [Electronic resource]. – <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/10196050> (access date 04/15/2024)
11. Experts: incentives and support from the city drive Moscow industry – [Electronic resource]. – РИА Новости, 03/25/2024 (ria.ru) (access date 04/15/2024)
12. Moscow Fund for the Support of Industry and Entrepreneurship – [Electronic resource]. MFPPP (mfppp.ru) – (access date 04/15/2024)
13. Where to live well: why was the system for assessing the quality of life in Russia developed – [Electronic resource]. – <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/news> – (date accessed 04/15/2024)
14. Sobyenin appreciated the recognition of Moscow as the best city in the UN ranking – [Electronic resource]. – Society News | News | 02/03/2022 (iz.ru) – (date of access 04/15/2024)

Регулирование реализации избирательных прав гражданами с помощью дистанционного электронного голосования

Андриевская Арина Николаевна,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: a.andrievskaya@g.nsu.ru

Косторнов Денис Алексеевич,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: d.kostornov@g.nsu.ru

В статье рассматривается вопрос внедрения цифровых технологий в избирательный процесс Российской Федерации. Представлены этапы интеграции цифровых технологий в выборы разного уровня с 1990-ых годов. Проанализирован зарубежный опыт использования дистанционного электронного голосования. Критически исследуется вопрос о возможности реализации избирательных прав гражданами посредством использования дистанционного электронного голосования. Исследуется опыт применения дистанционного электронного голосования на выборах президента РФ 2024 года. На основе анализа отзывов избирателей делается вывод о его успешном характере. Рассуждая о дальнейшем влиянии внедрения цифровых технологий на избирательный процесс, высказывается мнение о том, что дистанционное электронное голосование должно стать надежной альтернативой традиционным выборам.

Ключевые слова: избирательный процесс, избирательные права, дистанционное электронное голосование, цифровизация, цифровые технологии.

Модернизация избирательной системы и избирательного законодательства стала закономерным результатом следования Российской Федерации в направлении общемировой тенденции цифровизации политических прав человека. Особенно ярко эта тенденция выражена в сфере избирательного права, ключевым институтом которого выступают выборы. Развитие цифровых технологий в России, используемых в избирательном процессе, происходило поэтапно. Еще в 1990-х в России появились сканеры избирательных бюллетеней, позднее развитие получила ГАС «Выборы», далее стали применяться комплексы для электронного голосования [1, 56]. Сейчас же наибольшую актуальность представляет вопрос о плюсах и минусах дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ), его роли в избирательном процессе РФ, результатах его использования на выборах Президента РФ в 2024 году.

Дистанционное голосование на выборах не является новой практикой для зарубежных государств, при этом, несмотря на то, что его внедрение в общественно-политическую жизнь общества происходит уже второе десятилетие, в зарубежной практике по-прежнему не сформировалось единого отношения к данному институту. Так, например, в Австралии для слепых избиратели предусмотрена возможность передачи голоса по телефону, в США военнослужащие, проходящие службу в других странах, могут проголосовать, используя факс. В целом, большинство европейских государств (Великобритания, Франция, Испания, Норвегия и т.д.) применяли, но отказались продолжать использование ДЭГ, аргументируя свое решение нематериальной природой цифрового голосования, влекущей за собой сложность обнаружения потенциального взлома избирательных систем. Ряд других государств, в частности, Новая Зеландия, Швейцария, Канада на данный момент находятся на этапе использования такого рода информационных технологий в качестве эксперимента. Можно утверждать, что общемировой тенденцией является применение системы электронного голосования лишь как альтернативного способа реализации активного избирательного права, используемого особыми категориями граждан.

Учитывая различные подходы к пониманию и значению электронного голосования в различных правовых системах, а также объективную необходимость адаптации под стремительно развивающиеся цифровые технологии, правовая регламентация технологий искусственного интеллекта в части применения в избирательном процессе высту-

пает одной из самых приоритетных задач для законодателя. В связи с этим, ряд новаторских предложений в части цифровизации выборов нашли отражение в Избирательном кодексе РФ, проект которого уже выносился на рассмотрение в Государственную Думу РФ в 2023 году. В России практика электронного голосования на выборах берет свое начало в 2019 году, когда в качестве правового эксперимента, технологии ДЭГ были применены на выборах депутатов Московской городской Думы. В 2024 году система впервые была апробирована на выборах президента РФ.

Цифровизация избирательного процесса, безусловно, является важным направлением модернизации института политических прав граждан. В качестве плюсов реформирования избирательной системы в направлении интеграции информационных технологий можно отметить обеспечение доступа к голосованию для людей с ограниченными возможностями, граждан, живущих в отдаленных районах, повышение заинтересованности молодых поколений в участии в выборах, постепенное сокращение сроков организации и проведения выборов [2, 126].

При этом, остается неразрешенным вопрос о том, способно ли в полной мере ДЭГ соответствовать базовым принципам избирательного права. Гласность и открытость выборов, обеспечиваемые, в том числе, посредством деятельности общественных наблюдателей, выглядят трудно реализуемыми, как минимум, с точки зрения достижения прозрачности для рядового избирателя.

Обеспечение принципа тайного голосования, исключая возможность влияния на волю избирателя кем-либо, а также сохранения за лицом права не разглашать содержание своего голоса также крайне затруднительно. Так, не представляется возможным установить, кто именно отдаст свой голос после процедуры идентификации на портале «Госуслуги». Плюс ко всему, нельзя исключить возможность оказания административного или служебного давления на избирателя в момент принятия им решения [3, 46].

При этом, самой главной проблемой является обеспечение информационной безопасности голосования, создание такой системы защиты, которая будет способна эффективно и своевременно отреагировать на попытки взлома, запуска фиктивного кода и подмены голоса избирателя. При таких условиях, экономия, связанная с сокращением расходов на проведение выборов в очном формате (работа комиссий, аренда помещений, печать бюллетеней, установка видеокамер), будет нивелирована огромными тратами на работу соответствующих специалистов и техническую поддержку автоматизированной системы.

Рассмотренные проблемы организационно-технического характера частично были продемонстрированы на практике. На ранее упомянутых выборах депутатов Московской городской Думы 2019 года в результате технических сбоев процедура дистанционного голосования была существен-

но сокращена, часть избирателей не смогли проголосовать. Несмотря на то, что непроголосовавшие граждане могли повлиять на результаты выборов (не смогли проголосовать 148 избирателей, итоговая разница голосов – 84 голоса), Чертановский районный суд не счел представленные нарушения существенными [4].

Применительно к выборам президента РФ 2024 года, граждане 29 регионов Российской Федерации получили возможность проголосовать дистанционно. Для этого было необходимо подать соответствующее заявление на портале «Госуслуг» и дождаться ответа ЦИК РФ. По словам председателя ТИК ДЭГ Олега Артаманова, на выборах президента РФ 2024 года установлен абсолютный рекорд по числу участников дистанционного электронного голосования – 4 миллиона 767 тысяч 974 избирателя. Данный показатель составил примерно 5% от общего числа избирателей. Граждане в социальных сетях делились преимущественно позитивными отзывами, отмечая удобство использования системы и возможность быстрого голосования, в том числе, для маломобильных граждан. Проблемы, связанные с перегрузом платформы из-за большого количества пользователей, также достаточно быстро решались [5]. В связи с этим, в целом, можно отметить успешный характер применения дистанционного электронного голосования на выборах президента 2024 года, даже несмотря на то, что большинство граждан по-прежнему отдают предпочтение традиционному формату голосования.

Таким образом, последние 20 лет цифровые технологии в России значительным образом влияют на избирательный процесс, осуществляется регулярная разработка мер по обеспечению эффективной реализации гражданами своих избирательных прав. При этом, развитие цифровых технологий должно осуществляться с учетом необходимости соответствия всем фундаментальным принципам электоральной системы. На данный момент нет предпосылок, что ДЭГ станет основным способом голосования при проведении выборов различного уровня. Об этом свидетельствуют как статистика избирателей, отдающих предпочтение очному формату голосования, так и комментарии представителей ЦИК РФ. При этом, система дистанционного голосования, успешно показавшая себя на выборах президента РФ 2024 года, должна стать надежной альтернативой традиционным выборам при наступлении непредвиденных обстоятельств, (например, Covid-19), а также стать механизмом реализации активного избирательного права для граждан, лишенных возможности посетить выборы очно.

Литература

1. Шушания Ш.С. Цифровизация избирательного процесса и избирательные права в цифровую эпоху // Юрист. – 2022. – № 1. – С. 55–61.

2. Минбалеев А.В. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник. – М.: Проспект, 2022. – 368 с.
3. Гриценко Е.В. Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 41–49.
4. Решение Чертановского районного суда от 30.10.2019 по делу № 02а-0296/2019
5. Дистанционное электронное голосование на выборах Президента РФ: анализ обсуждений пользователей в соцмедиа // Аналитическая система Brand Analytics: [официальный сайт]. – 2024. – URL: <https://brandanalytics.ru/blog/remote-electronic-voting/> (дата обращения: 16.05.2024)

REGULATION OF THE EXERCISE OF ELECTORAL RIGHTS BY CITIZENS USING REMOTE ELECTRONIC VOTING

Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.
Novosibirsk State University

The article discusses the issue of introducing digital technologies into the electoral process of the Russian Federation. The stages of in-

tegration of digital technologies into elections at various levels since the 1990s are presented. The foreign experience of using remote electronic voting is analyzed. The issue of the possibility of exercising electoral rights by citizens through the use of remote electronic voting is critically investigated. The article examines the experience of using remote electronic voting in the presidential elections of the Russian Federation in 2024. Based on the analysis of voter feedback, a conclusion is drawn about its successful nature. Discussing the further impact of the introduction of digital technologies on the electoral process, the opinion is expressed that remote electronic voting should become a reliable alternative to traditional elections.

Keywords: the electoral process, electoral rights, remote electronic voting, digitalization, digital technologies.

References

1. Shushania Sh.S. Digitalization of the electoral process and electoral rights in the digital era // Lawyer. – 2022. – No. 1. – pp. 55–61.
2. Minbaleev A.V. Information and technological support of legal activities (LegalTech): textbook. – М.: Проспект, 2022. – 368 p.
3. Gritsenko E.V. Ensuring basic guarantees of electoral rights in the conditions of informatization of the electoral process // Constitutional and municipal law. – 2020. – No. 5. – P. 41–49.
4. Decision of the Chertanovsky District Court dated October 30, 2019 in case No. 02a-0296/2019
5. Remote electronic voting in the elections of the President of the Russian Federation: analysis of user discussions in social media // Analytical system Brand Analytics: [official website]. – 2024. – URL: <https://brandanalytics.ru/blog/remote-electronic-voting/> (access date: 05.16.2024)

Понятие финансового мониторинга, осуществляемого кредитными организациями в сфере противодействия легализации денежных средств, полученных преступным путем

Кузнецов Никита Владимирович,

аспирант, кафедра финансового права, Российский государственный университет правосудия
E-mail: nkuznetsov2401@gmail.com

В статье рассматривается контрольная деятельность кредитных организаций как субъектов финансового мониторинга в сфере противодействия отмыванию денежных средств, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения.

В частности, данная статья освещает основные подходы к изучению такого правового явления как финансовый контроль, финансовый мониторинг в сфере научной концепции, а также предлагает авторское определение понятия финансового мониторинга в сфере противодействия отмыванию денежных средств, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения.

При этом автором так же дается авторское понятие квазипубличных полномочий, которое необходимо учитывать при формировании понятия финансового контроля в данной сфере с учетом роли субъектов, осуществляющих финансовый мониторинг при проведении банковских и иных операций.

Ключевые слова: противодействие отмыванию денежных средств, финансовый мониторинг, банки, финансовый контроль, правовой статус кредитных организаций, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения.

В существующей правовой реалии нельзя делать исключения из того, что финансовый мониторинг в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ является частью публичного права, в том числе, является составляющей финансового контроля. При этом стоит обратить внимание, что в область изучения любого специалиста, который исследует область финансового права в сфере финансового мониторинга, всегда возникает вопрос о соотношении таких понятий как контроль и мониторинг.

И так, первым и фундаментальным понятием, с которого необходимо начать исследовать правовые основы финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ является финансовый контроль.

Одна из первых в отечественной доктрине попыток осмысления финансового контроля принадлежит М.М. Сперанскому, которую он изложил в своем труде «Введение к Уложению государственных законов» 1809 г., а именно, основополагающей мыслью идеи М.М. Сперанского заключалась в создании полномасштабного финансового контроля над расходованием государственных денежных средств, который обеспечивал бы прозрачность движения денежных средств и служил бы превентивной мерой для злоупотреблений в их использовании [1].

В последующем, Р.С. Биктимиров и Р.Д. Винокуров также предпринимают попытки классификации финансового контроля, при этом, стоит отметить, что данные исследователи различали только такие понятия как советское и капиталистический финансовый контроль, что обусловлено тенденцией разделения мира на два полюса. В частности, данные исследователи указывали, что Сферы финансового контроля в странах капитализма имеют ограниченный характер. Он направлен на контроль над государственным бюджетом и финансами министерств, ведомств, организаций с государственным участием и частных организаций, а также то, что в основе финансового контроля лежит функция контроля движения денежных средств в процессе управления денежными фондами, которые участвуют в создании и распределении государственных и частных поступлений в бюджет [2].

В контексте определения финансового контроля ученые и правоприменители считают, что его главной целью является подтверждение эффективности использования как денежных фондов в целом, так и отдельных их частей, что соответствовало бы подходу построения социалистической государственной модели, где весь контроль

над денежными средствами принадлежал бы государству.

В свою очередь, другие яркие исследователи эпохи построения социалистического государства отражают следующие признаки финансового контроля.

В частности, С.Ф. Кечекьян, С.Н. Братусь, Н.Д. Казанцев, в своих научных трудах делали предположение, что финансовый контроль имеет своей целью осуществление контроля исключительно над государственным бюджетом, а также за своевременным исполнением обязательств по нему предприятиями и организациями, что не могло по факту отвечать вызовам, которые возникали перед действующими на тот момент проблемами контроля, однако, такая однобокость была обусловлена прежде всего политической идеологией существовавшего на ото момент государства. [3].

После эпохи социалистического права исследователи отходят от социалистической модели государства и правопорядка, меняется правовая система в России и начинают зарождаться новые подходы к пониманию финансового контроля.

В своем научном труде А.Г. Грязнова предполагает, что контроль за финансами является одной из основных функций государственного финансового управления. В этом случае финансовый контроль можно определить как совокупность действий и методов по контролю за соблюдением законов в области распределения и использования денежных государством и муниципальными образованияами [4].

Также А.В. Малько подразумевает под финансовым контролем ряд комплексных действий различных субъектов, которые занимаются управлением денежными фондами, по контролю за правильностью и целесообразностью использования денежных средств, формируемых и направляемых в бюджет, для осуществления целей, направленных на повышение эффективности функционирования экономики. [5].

А.Я. Сухарев также вводит свое понятие финансового контроля, где отмечает тот факт, что под финансовым контролем следует понимать как определенную форму контроль за законностью и целесообразностью действий, направленных на образование, распределение и использование денежных фондов в целом [6].

Если рассматривать данные исследования, то можно сделать вывод о том, что они делают вывод о том, что финансовый контроль в большей степени является государственной функцией. Она осуществляется специальными органами, которые имеют право на осуществление своей деятельности, а также муниципальными образованияами и другими субъектами финансового контроля, в которые в частности, включаются юридические лица с целью контроля над движением прежде всего бюджетных средств.

В свою очередь, финансовый мониторинг официально отсутствует как понятие на законодатель-

ном уровне, он несомненно является частью финансового контроля и известен исследователям и правоприменителям через такие понятия как налоговый мониторинг, валютный мониторинг и через призму некоторых полномочий государственных органов, например, через полномочия счетной палаты такие как анализ и мониторинг бюджетного процесса [7].

На сегодняшний день финансовый мониторинг в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ является малоизученным явлением как со стороны права, так и со стороны иных направлений науки. Основным представителем научного сообщества, занимающимся изучением финансового мониторинга является Ю.А. Чичханчин, М.М. Прошунин, А.Г. Братко, В.И. Глотов, Е.Н. Никулина, А.П. Иванов, С.А. Коминар.

Ю.А. Чичханчин рассматривает финансовый мониторинг как учение в виде совокупности правовых, экономических и социальных понятий, в которые также могут входить термины из других сфер знаний, которые отражают существующую политику и механизмы государства в рамках ПОД/ФТ/ФРОМУ [8].

Цель данной научной концепции обозначается как создание системы развития знаний, которая могла бы способствовать максимальной защите прав и законных интересов граждан, юридических лиц и финансового сектора страны от негативных последствий, которые могут быть нанесены им со стороны тех субъектов, которые занимаются отмыванием денежных средств и на действия которых распространяется законодательства о противодействии отмыванию денежных средств.

Действительно на сегодняшний момент можно рассматривать финансовый контроль в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ как науку, подразумевающая как юридические, так и специальные экономические и иные знания, которые будут способствовать развитию исследований в этой области, находить новые научные и практические решения на уровне правоприменения, что будет безусловно способствовать защите экономики от отмывание денежных средств, финансирование терроризма и распространение оружия массового уничтожения, а также развитию системе противодействия.

В первую очередь, для того чтобы данное направление стало более эффективным и позволило кредитным организациям более успешно вести контроль, необходимо сформировать и понять природу термина финансового мониторинга, который будет охватывать все аспекты деятельности в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ с правовой точки зрения.

Например, в научных трудах А.П. Иванов, В.И. Глотов, С.А. Коминар, Е.Н. Никулина, дают определить данной понятие как существование определенного алгоритма действий государствам в целом по учреждению законодательного регулирования, учреждению государственных органов, чьей основной целью функционирование было бы именно противодействие отмыванию денежных средств и иным направления незаконной деятельности, ко-

торые не раз упоминались в рамках данной статьи. [9].

При этом, к сожалению, такое определение не отвечает современным реалиям, которые сложились в обществе и мире, что делает систему финансового мониторинга отстающей и отсылающей к существовавшим понятиям в прошлом.

В условиях изменения экономики и появлению практического опыта, стоит выделить исследования Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко, М.М. Прошунина, которые верно подметили один важный факт, который заключается в том, что что финансовый мониторинг не стоит исследовать и применять только с точки зрения деятельности государства и/или государственных органов, а необходимо исследовать и видеть его как совокупность действий всех субъектов в рамках возникающих правоотношений в сфере противодействия отмыванию денежных средств и иных противоправных деяний на которые может быть направлен финансовый мониторинг.

Российским законодательством определены субъекты финансового мониторинга: кредитные организации, агентства недвижимости, факторинговые компании, нотариусы и иные субъекты, которые прямо указаны в законе. [10].

Отдельно стоит отметить роль международных организаций, чьи требования и стандарты становятся частью национального права, а также выступают мостом для функционирования банковской системы в условиях санкций. Из чего следует, что круг субъектов, который осуществляют финансовый контроль значительно шире, чем он представлялся в ранних научных исследованиях.

В научном труде М.И. Филимонова, формируется важный элемент финансового контроля, где указывается что данный термин стоит определять через систему правоотношений, которые складываются на различных этапах и звеньях кредитной системы между органами, агентами финансового мониторинга, которые должны достигать задачи противодействия отмыванию денежных средств. [11]. При этом, в действительности, круг субъектов гораздо шире, чем кредитные организации, в связи с чем такой подход должен быть раскрыт гораздо шире.

Ближе всего с учетом предыдущих несовершенств в определении понятия финансового мониторинга, стоит остановиться и отдельно выделить определение М.М. Прошуниним, где под финансовым мониторингом понимается объединение информационных, контрольных и правоохранительных процедур, которые будут способствовать успешному противодействию отмыванию денежных средств [12]. Данное определение точно описывает признаки и суть правоотношений, которые возникают в сфере противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма, однако оно упускает определение тех субъектов, кто осуществляет данный мониторинг, что существенно может и будет влиять на последующее формирование законодательного регулирования.

В этой связи, стоит подчеркнуть, что все проанализированные доктринальные понятия, уважаемых исследователей, не до конца раскрывают понятие финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ с точки зрения правовых существующего правового регулирования и тенденции его развития. Тем самым возникает необходимость в создании универсального определения финансового мониторинга в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ.

По своей правовой природе финансовый мониторинг без всяких сомнений является частью финансового контроля и обладает определенными признаками, которые присущи контролю. Прежде всего, данная деятельность осуществляется не только исключительно органами государственной власти, которые осуществляют функции по реализации финансового контроля, но и юридическими лицами и иными субъектами в связи с чем, данное определение должно содержать и деятельность иных субъектов финансового мониторинга.

Важным признаком будет являться перечень функций, который содержится в нормативно-правовых актах, которые касаются кредитных организаций. Это может быть отражено в их действиях, которые они используют в своей повседневной деятельности.

Обеспечение идентификации клиентов, оценка рисков при контроле операций на предмет осуществления операций по отмыванию денежных средств, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения, контроль соответствия уровня отнесения клиентов к различным категориям степени риска, в том числе при применении «банковского световфра» в рамках контроля осуществляемых операций клиентами, которые могут быть направленными на отмывание денежных средств, финансирование терроризма и распространение оружия массового уничтожения критериями Центрального банка Российской Федерации и иными функциям являются неотъемлемой частью деятельности кредитных организаций.

При этом, кредитные организации, которые не созданы как специальные субъекты, осуществляющие финансовый мониторинг в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, реализуют его через призму квазипубличных полномочий.

В свою очередь, под квази-публичными полномочиями в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ стоит понимать полномочия агентов финансового мониторинга в сфере противодействия отмыванию денежных средств, финансированию терроризма, финансированию распространения оружия массового уничтожения, не созданных специально для исполнения публичной функции, не являющихся публичными правовыми образованиями, которые осуществляют ограниченные публичные полномочия в целях защиты экономической системы государства.

Не менее важным элементом состава любого определения той или иной деятельности определенного круга субъектов, будет являться та самая конечная цель, которую можно назвать исходным

правовым началом, к которому стремится современное цивилизованное общество, которое закладывается в начало любого направления того или иного правового регулирования для законодателя, что в данной ситуации будет являться защита экономических прав и свобод граждан, защита государственной экономической системы, а также формирование безопасной среды для благоприятного существования последующих поколений. Это очень общая цель, нужна специфическая цель ФМ в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ.

Тем самым, под финансовым мониторингом в ПОД/ФТ/ФРОМУ, на наш взгляд, следует понимать контрольную деятельность уполномоченных международных, государственных и негосударственных субъектов права, наделенных определенными специальными публичными и квазипубличными полномочиями в сфере противодействия (легализации) отмыванию денежных средств, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения в целях обеспечения финансовой безопасности государства.

Литература

1. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. – М., 1905. – С. 102.
2. Прохоров А.М. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978
3. Братусь С.Н., Казанцев Н.Д., Качекьян С.Ф. Советский юридический словарь, 1953 г. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 82
4. Грязнова А.Г. Финансово-кредитный энциклопедический словарь. // 2004 г. <http://vocabulary.ru/dictionary/1049/word/kontrol-finansovyi> (дата обращения 20.01.2024)
5. Малько А.В. Большой юридический словарь // – М.: Проспект, 2009. – С. 336
6. Сухарев А.Я. Большой юридический словарь. – 3-е изд., перераб. и доп. // – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 858
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3823.
8. Чиханчин Ю.А., Братко А.Г. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата // – М.: Юстицинформ, 2018. Т. 1
9. Глотов В.И., Никулина Е.Н., Иванова А.П., Коминар С.А. Система финансового мониторинга в Российской Федерации // – Н.: 2005 С. 24
10. Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным

путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

11. Филимонов М.И. Роль Банка России в системе финансового мониторинга в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 Москва, 2006 176 с. РГБ ОД, 61:06–12/1890
12. Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: российский и зарубежный опыт: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: 2010. – С. 45

THE CONCEPT OF FINANCIAL MONITORING BY CREDIT ORGANISATIONS IN THE SPHERE OF ANTI-MONEY LAUNDERING MEASURES

Kuznetsov N.V.

Russian State University of Justice

This article examines the control activities of credit institutions as agents of financial monitoring in the field of combating money laundering, terrorist financing and the proliferation of weapons of mass destruction.

In particular, this article highlights the main approaches to the study of financial control, financial monitoring in the field of doctrine, and also offers the author's definition of the concept of financial monitoring in the field of combating money laundering, terrorist financing and the proliferation of weapons of mass destruction, with a separate important factor that is necessary when forming the concept of financial control in this area, quasi-public powers should be considered.

Keywords: financial monitoring, banks, financial control, legal status of credit institutions, combating money laundering, terrorist financing and the proliferation of weapons of mass destruction.

References

1. Speransky M.M. Plan of state transformation of Count M.M. Speransky. – M., 1905. – P. 102.
2. Prokhorov A.M. Great Soviet Encyclopedia: [in 30 volumes] – 3rd ed. – M.: Soviet Encyclopedia, 1969–1978
3. Bratus S.N., Kazantsev N.D., Kachekyan S.F. Soviet legal dictionary, 1953 – M.: Gosyurizdat, 1953. – P. 82
4. Gryaznova A.G. Financial and credit encyclopedic dictionary. // 2004 <http://vocabulary.ru/dictionary/1049/word/kontrol-finansovyi> (access date 01/20/2024)
5. Malko A.V. Big legal dictionary // – M.: Prospekt, 2009. – P. 336
6. Sukharev A. Ya. Large legal dictionary. – 3rd ed., revised. and additional // – M.: INFRA-M, 2006. – P. 858
7. Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 No. 145-FZ (as amended on December 27, 2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 08/03/1998. – No. 31. – Art. 3823.
8. Chikhanchin Yu.A., Bratko A.G. Financial monitoring: textbook for undergraduate studies // – M.: Justitsinform, 2018. T.1
9. Glotov V.I., Nikulina E.N., Ivanova A.P., Kominar S.A. System of financial monitoring in the Russian Federation // – N.: 2005 P. 24
10. Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ “On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism” // SZ RF. 2001. No. 33 (part I). Art. 3418.
11. Filimonov M.I. The role of the Bank of Russia in the financial monitoring system in the Russian Federation: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.14 Moscow, 2006 176 p. RSL OD, 61:06–12/1890
12. Proshunin M.M. Financial monitoring in the system of combating money laundering and the financing of terrorism: Russian and foreign experience: Author's abstract. diss. ... Doctor of Law. Sci. M.: 2010. – P. 45

Адаптация правовой системы РФ в условиях изменения финансово-экономических отношений в энергетике

Ткачева Вероника Леонидовна,

доктор экономических наук, профессор кафедры Информационного, энергетического права и уголовно-правовых дисциплин Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
E-mail: verona.tkacheva@yandex.ru

Кунина Ирина Леонидовна,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
E-mail: irina_kynina@mail.ru

Настоящее время, это время стремительного изменения уже существующих и вновь возникающих общественных отношений, связанных с глобальными событиями геополитического и финансово-экономического характера. Формируются новые форматы ведения бизнеса, осуществления расчётов, внедрения инноваций и др. Правовая регламентация ряда отношений теряет устойчивость, её реформирование, как правило, существенно отстаёт от самих, уже внедрённых, технологических процессов. Правовой системе сейчас настоятельно требуется более динамичная мобильность. Вектор решения этой проблемы в настоящее время связан с переводом правовой системы «на цифру». Но, пока, этот путь цифровизации права, в основном, направлен на уже сложившиеся социальные отношения. Необходим механизм актуализации правовых норм соответствующий высокой динамике изменения ряда общественных отношений на практике. Правовая норма должна опережать технологический процесс, а не наоборот. И это очень важный аспект в развитии юридической специализации.

Ключевые слова: Правовая система, общественные отношения, технологические процессы, динамика развития, правообладатель, юридическая ответственность, цифровизация права.

Правовая система призвана удовлетворять основные общественные потребности и регулировать их надлежащим образом. Основными характеристиками качествами системы являются её стабильность и устойчивость, но, к сожалению, имеет место отсутствие высокой динамики при необходимости её реформирования. В классическом определении – правовая система предназначена регулировать общественные отношения в повседневных условиях функционирования общества. Что касается «повседневных условий функционирования общества», то их характеристикой могут служить два определения, знакомые нам из физики: «статика» и «динамика».

XXI век настолько стремительно меняет общественные отношения практически по всем направлениям деятельности, а также условия в которых они осуществляются, что совершенно очевидно, пришло время неких кардинальных изменений в принципах формирования самой правовой системы, с целью максимально динамичного её реагирования на ежедневно меняющиеся экономические, финансовые, международные и другие отношения.

Общемировые политические события нескольких последних лет, привели к глобальной деградации системы международного права и международной безопасности. Обострились риски возникновения экономических и финансовых кризисов на мировых рынках производства и сбыта сырьевых ресурсов и продукции. Разрушаются цепочки поставок, которые выстраивались десятилетиями, а общественные отношения и их регулирование отечественными и мировыми нормами права находились в статической, то есть в, достаточно, устойчивой системе.

В настоящее же время, можно сказать, молниеносно формируются новые форматы ведения любого бизнеса, как внутри страны, так и на внешнем пространстве. Такая динамика в изменении общественных отношений коснулась практически всех отраслей национального хозяйства, включая базисные: нефтяную и газовую отрасли.

Глобализация товарного рынка углеводородов, в ходе которой этот рынок превратился в глобальную, как экономическую, так и правовую систему, сейчас болезненно перестраивает мировую транспортно-логистическую инфраструктуру, меняется система ценовых эталонов. Разрушены незыблемые экономические основы рыночных отношений, когда рынок сам устанавливает цены. А именно, некоторые страны сочли возможным устанавливать верхний предел цен (при этом, на-

много ниже рыночной конъюнктуры) на российские углеводороды.

Таким образом, США и страны Евросоюза попытались снизить доходы РФ путём введения санкций в виде так называемых «ценовых потолков» на российские углеводороды, что является откровенной попыткой изменить десятилетиями сложившуюся, в том числе и правовую, системы регламентации отношений на мировом товарном рынке углеводородов.

Таким образом, можно констатировать, что общественные отношения в производственных, торговых, финансовых, транспортно-логистических, операционных и других стратегиях попали в турбулентность тактического и стратегического управления бизнесом.

Рынок и его правовой статус на мировом уровне, практически в одночасье, потерял устойчивость и чёткую определённую. В условиях беспрецедентных санкций и фактически предпринимаемых западными странами попыток энергетической блокады России на мировом рынке энергоресурсов, наше государство проводит свою независимую энергетическую политику и правовое поле должно соответствовать этому вектору развития, включая правовое обеспечение независимой нефтяной и газовой трейдинговой политики и формирование гибкой системы самостоятельной ценовой политики на российские энергоресурсы и российскую продукцию в целом.

Энергетическая стратегия России до 2035 года, в качестве одной из основных задач ставит запуск организованной торговли российскими эталонными сортами нефти, в том числе, на российских биржах / 1 /.

В конце 2022 года, руководством страны была озвучена идея создания крупнейшего газового хаба в Турции и переноса в этот газораспределительный узел тех объёмов газа, которые ранее шли в Европу по дну Балтийского моря / 2 /. При этом, хаб имеет значительное количество взаимосвязей с объектами газовой инфраструктуры. Это точка, где устанавливается цена на природный газ и место откуда он будет поставляться / 3 /. Эти процессы также требуют актуализации своей правовой регламентации.

Ситуация усложняется ещё и тем, что помимо политического воздействия на общественные отношения, есть ещё и технологический вектор развития отечественной и мировой экономики.

Сейчас самым активным образом идёт эпоха технологических перемен. В их числе: компьютеризированные стратегии, искусственный интеллект (ИИ), повсеместная цифровизация, вводятся новейшие технические алгоритмы включающие «интеллектуальный анализ больших данных» и т.д. Всё вышперечисленное настоятельно требует и своевременной (работающей на опережение) правовой регламентации, порой кардинально отличающейся от существующей ранее.

К примеру, существующая концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на пери-

од до 2024 года / 4, 5 / затрагивает вопросы регулирования оборота данных, информационной безопасности, а также возможности применения таких технологий в различных сферах экономики. Вместе с этим, такой серьёзнейший аспект, как – меры ответственности за нарушения при внедрении ИИ в гражданский оборот не достаточно отрегулированы правовыми нормами.

Динамика развития соответствующего правового поля заметно отстаёт от самих инновационных процессов, которые в настоящее время происходят в обществе. Постоянной актуализации требуют уже существующие нормы, плюс разработка и введение в законную силу новых, ранее не применяемых норм регулирования общественных отношений в сфере новейших технологий. Как например, практическое отсутствие регламентированных правом мер ответственности за применение ИИ в преступных целях и др. / 6, 7 /.

Также важным направлением регулирования деятельности, связанной с технологиями ИИ, должна стать маркировка контента, который создают нейросети.

В процессе развития новейших инновационных технологий, как правило, возникают многочисленные и разнообразные факторы неопределённости и риска. При этом, правовое обеспечение должно гибко и быстро реагировать на изменения извне. Так, важнейшим аспектом при использовании ИИ является определение правообладателя генерируемого нейросетями цифрового контента. В этой связи, необходимо изучить лицензионные соглашения каждого производителя такого продукта. Учёт интересов автора исходной информации, который, очевидно, в той или иной степени является соавтором и правообладателем контента.

Парадоксально, но ожидаемые плюсы от использования ИИ, уже сейчас во многом нивелируются мошенническими действиями, манипуляцией информационными потоками, подлогом и другими правонарушениями и преступлениями, неограниченные возможности для которых даёт ИИ. Какой же должен быть правовой барьер в этой ситуации? Ответ на этот вопрос требует детальной проработки с учётом высокой динамичности регулируемых процессов.

Стремительная динамика изменения мировых общественных отношений является следствием не только геополитических и инновационных стратегий, но также начавшейся реформой глобального валютного рынка и финансовых инструментов, в целом.

Меняется парадигма инвестиций и международных расчётов. За достаточно короткий исторический период времени, наполненный комбинациями множества ситуаций, «сломались» устойчивые ранее шаблоны мировых финансовых взаимосвязей. Например, утверждение что в длинной ипотеке плавающая ставка более выгодна, чем фиксированная, бывшее раньше почти аксиомой корпоративных финансов, сейчас уже не работает. И таких примеров можно привести достаточно много.

В текущих реалиях наблюдается появление и активизация новых цифровых активов – абстрактных ссылок на коллекции материальных ресурсов, находящихся в собственности: таких как – виртуальные машины, серверы, приложения, большие данные и т.д. И финансовых инструментов, таких как криптовалюта и токены, которые пока не уложились в привычную схему принятия инвестиционных решений.

Изменения в сфере финансовых правоотношений в последние годы особо динамичны. Если к понятию «криптовалюта» общество как-то уже привыкло, то цифровой рубль сейчас – новая форма российской национальной валюты. Центральный банк РФ в 2022 году тестировал прототип платформы цифрового рубля и разрабатывал дорожную карту по его внедрению с учётом результатов тестирования. В 2023 году идёт пилотирование операций с реальными цифровыми рублями.

Но, опять приходится констатировать, что правовое обеспечение возникающих отношений опаздывает в сравнении с динамическим развитием технологического процесса по внедрению в оборот цифрового рубля в РФ.

Депутаты Государственной Думы только в начале июля 2023 года приняли во втором чтении поправки в ГК РФ, в соответствии с которыми с 1 августа 2023 года цифровые рубли будут считаться видом безналичных денег. При этом, к ним не будут применяться способы безналичных расчётов, например: платёжными поручениями, по аккредитиву, инкассо и др.

Однако, введение оборота любой новой валюты как в отечественных, так и международных расчётах – это определённый стресс для финансовой системы в целом, и её субъектов в частности. Тем более, когда субъектами правоотношений выступают физические лица.

Вводятся новые понятия. Например, такие как: «платформа цифрового развития рубля», «цифровой счёт», «цифровой кошелек», «эмиссия цифровых денег» и др. Возникают новые правоотношения, связанные, в том числе, с открытием и работой счетов в цифровых рублях, а также с разрешением возможных споров между участниками новых видов расчётов.

То есть, как правило, технологический процесс уже идёт в полной мере, а правовое обеспечение его «догоняет»? Но, на наш взгляд, наоборот было бы более продуктивно и безопасно.

Таким образом, правовое обеспечение новейших тенденций, технологий и стратегий в различных отраслях деятельности человека, должно опережать их практическую реализацию. А правовая система должна быть достаточно гибкой и легко восприимчивой к динамичному, а в некоторых случаях, революционному изменению общественных отношений.

Возможно решению этой задачи будет способствовать цифровизация самого права. Но правовая система настолько объёмна и многоаспектна, что, очевидно, в первую очередь необходимо опре-

делить приоритетные направления для введения в неё цифровых технологий.

Процесс взаимодействия права и цифровых технологий уже идёт. Его результатом является формирование механизма правового регулирования и перевода правовых норм в цифровой формат, а также интеграция цифровых технологий в юридическую практику с целью улучшения и автоматизации всех правовых процессов. Предмет правового регулирования под влиянием цифровизации постоянно преобразуется.

Цифровая трансформация затронула уже правовое обеспечение ряда общественных отношений. Так, в настоящее время формируется юридическая концепция роботизации, рассматриваются вопросы нарушения нормативно-правовых актов в новых цифровых режимах, изучается специфика и перспективы правового регулирования оборота больших данных в государственном управлении, исследуется трансформация институтов бюджетного права в условиях цифровой революции / 8, 9 /.

Но, пока, этот «путь» цифровизации права, в основном, направлен на уже сложившиеся социальные отношения, а должен однозначно предшествовать тенденциям прорывных, новейших изменений во многих сферах отношений в обществе.

Литература

1. Энергетическая стратегия России до 2035. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 г. N1523-р.
2. Путин В.В. Выступление на Пленарном заседании международного форума «Российская энергетическая неделя» 17.10.2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/69584>.
3. Серков М.А. Правовое обеспечение проекта по строительству газового хаба в Турции. Журнал «Вопросы экономики и права» N4 (178) 2023.
4. Интернет ресурс Comnews.ru/content/226464/2023-05-31.
5. Указ Президента РФ от 15.02.2024. <http://kremlin.ru/acts/bank/50326/print>
6. Интернет ресурс Economy.gov.ru> Приоритетные направления.
7. Главные изменения и тренды на финансовом рынке в 2023 году. finance.rambler.ru/markets/50430930. 23.05.2023.
8. Интернет ресурс vc.ru/legal/452838 – transformaciya-prava...
9. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020, N2129-р.

ADAPTATION OF THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF CHANGES IN FINANCIAL ECONOMIC RELATIONS IN THE ENERGY SECTOR

Tkacheva V.L., Kunina I.L.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

The present time is a time of rapid changes in existing and newly emerging social relations associated with global events of a geopolitical and financial-economic nature. New formats for doing business, making payments, introducing innovations, etc. are being formed. The legal regulation of a number of relations is losing stability, its reform, as a rule, lags significantly behind the already implemented technological processes. The legal system now urgently requires more dynamic mobility. The vector for solving this problem is currently associated with the transition of the legal system "to digital". But for now, this path of digitalization of law is mainly aimed at already established social relations. There is a need for a mechanism for updating legal norms that corresponds to the high dynamics of changes in a number of social relations in practice. The legal norm must be ahead of the technological process, and not vice versa. And this is a very important aspect in the development of legal specialization.

Keywords: Legal system, public relations, technological processes, development dynamics, copyright holder, legal responsibility, digitalization of law.

References

1. Energy strategy of Russia until 2035. Approved by Order of the Government of the Russian Federation dated 06/09/2020 N1523-r.
2. Putin V.V. Speech at the Plenary session of the international forum "Russian Energy Week" 10/17/2022. <http://kremlin.ru/events/president/nevs/69584>.
3. Serkov M.A. Legal support for the project to build a gas hub in Turkey. Journal "Issues of Economics and Law" N4 (178) 2023.
4. Internet resource Comnews.ru/content/226464/2023-05-31.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated February 15, 2024. <http://kremlin.ru/acts/bank/50326/print>
6. Internet resource Economy.gov.ru>Priority directions.
7. Main changes and trends in the financial market in 2023. finance.rambler.ru/markets/50430930. 05/23/2023.
8. Internet resource vc.ru/legal/452838 – transformaciya-prava...
9. Concept for the development of regulation of relations in the field of AI and robotics technologies. Approved by Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020, N2129-p.

Особенности принудительного изъятия земель сельхозназначения в современных условиях

Липски Станислав Анджеевич,

доктор экономических наук, доцент, врио проректора по научной работе, заведующий кафедрой аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»

Нижник Лада Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»

В статье исследованы особенности принудительного изъятия земель сельскохозяйственного назначения в современных условиях. Сформулирован вывод о том, что повышение со стороны законодателя внимания к вопросу совершенствования данной тематики способствует заинтересованности землеобладателей в рациональном и целевом использовании земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения.

Ключевые слова: изъятие, земли сельхозназначения, госземнадзор, муниципальный земконтроль, земельная доля.

Весьма актуальная задача правовой охраны земель сельхозназначения для будущих поколений нашей страны посредством организации их рационального и целевого использования¹ на сегодняшний день сопряжена с рядом трудоёмких и многоаспектных с точки зрения реализации подзадач, в т.ч. это необходимость реосвоить заброшенные в ходе реформ 1990-х и последующих годов сельхозугодья, значительная часть которых оказалась приватизирована². В частности, согласно статистическим данным Россельхознадзора, в период с 1 января 2020 года по 30 декабря 2021 года выявлено почти 11 тыс. участков, неиспользуемых по целевому назначению, либо же используемых с нарушением требований законодательства³.

К большинству подтверждённых нарушений закона Россельхознадзор относит следующие:

1) факты прорастания практически на всей площади участка сорных трав, а также древесной и кустарниковой растительности;

2) собственники участков не ведут на них сельхозпроизводство или же иную связанную с ним деятельность⁴.

Таким образом, выявление уполномоченными органами госземнадзора существенного массива сельхозучастков с этими нарушениями в очередной раз подтверждают актуальность применения в отношении недобросовестных собственников механизма изъятия земель сельхозназначения, а также его развития в современных условиях.

Представляется важным отметить, что «за период с 2010 по 2020 годы в Российской Федерации произошло сокращение площади земель сельскохозяйственного назначения с 400 млн гектаров до 382,4 млн. гектаров, то есть на 17,6 млн. гектаров, или на 4,6 процента...результаты анализа

¹ Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.; Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его воспроизводству. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2017. № 6, С. 14–17.

² Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: Монография. – М: ГУЗ, 2020. – 296 с.; Елисейев В.С. О праве собственности на земли сельскохозяйственного назначения и особенностях его классификации. // Аграрное и земельное право. 2017. № 1 (145). С. 60–64.

³ Пояснительная записка к законопроекту № 155722–8 о внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях совершенствования правового регулирования изъятия земельных участков) // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155722-8>

⁴ Там же.

двустороннего процесса ввода и вывода пахотных земель свидетельствуют о том, что за 2020 год по сравнению с 2019 годом площадь земель сельскохозяйственного назначения (пашни) увеличилась на 736,6 тыс. гектаров... по состоянию на 1 января 2021 г., по данным субъектов Российской Федерации, из имеющихся земель сельскохозяйственного назначения неиспользуемыми остаются около 19,4 млн. гектаров пашни (5,1 процента общей площади земель сельскохозяйственного назначения в стране)¹.

При этом следует отметить, что длительное время эффективная, в том числе своевременная, реализация механизма изъятия таких земель была затруднена ввиду следующих причин.

Во-первых, правообладателями участков осуществлялись неоднократные смены их собственников (продавая их другим лицам или отказываясь от своих прав) до момента инициирования судебного разбирательства на предмет изъятия земель, что не позволяло предъявить иск соответствующему лицу. Так, например, согласно статистическим данным Россельхознадзора только за два года (2020–2021) смена правообладателя или отказ от участка произошли в 1893 случаях (после выявления в отношении таких участков нарушений требований законодательства)².

Во-вторых, излишняя длительность сроков реализации самого механизма изъятия, поскольку в рамках осуществления федерального госземнадзора необходимо в течение трёх лет подряд было подтверждать использование участка с нарушениями закона, что способствовало фактическому увеличению в два раза сроков его изъятия.

В-третьих, с точки зрения правореализационного механизма судебные разбирательства об изъятии участков сельхозназначения в пределах только первой и апелляционной инстанций затягиваются на срок от 1 года и более. Этому способствуют длительность установленных процессуальным законодательством сроков обжалования судебных постановлений, а также злоупотребление процессуальными правами участниками судебного разбирательства – собственниками участков.

Таким образом, вышеуказанные обстоятельства, являясь не только причинами, затрудняющими эффективность реализации механизма изъятия участков сельхозназначения, приводят к повышению уровня деградации этих земель, что способствует в последующем увеличению расходов,

¹ Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 24 мая 2021 г., № 21, ст. 3583.

² Пояснительная записка к законопроекту № 155722–8 о внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях совершенствования правового регулирования изъятия земельных участков) // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155722-8>; Румянцев Ф.П. Особенности договора купли-продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения. // Журнал российского права, 2013. № 8, С. 25–33.

необходимых для выполнения восстановительных мероприятий по вовлечению их в хозяйственный оборот. Так, например, на землях, подвергшихся деградации, проводятся агротехнические работы, финансирование которых происходит за счёт средств федерального и регионального бюджетов в рамках реализации положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»³ о государственной поддержке области развития сельского хозяйства.

Наличие множественности вышеотмеченных проблем правореализации и отсутствие норм отраслевого законодательства, регламентирующего пути и способы их разрешения, способствовало повышенному вниманию законодателя к вектору совершенствования особенностей принудительного изъятия земель сельскохозяйственного назначения с учётом современных условий.

Так, с 2020 года принимаются важные стратегические нормативные правовые акты. В частности, Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р⁴, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»⁵; Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации»⁶; Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷, положения которых предусматривают комплексное разрешение проблем, существующих в рамках реализации механизма принудительного изъятия земель сельхозназначения.

Следует признать, что законодательство, регулирующее оборот земель и участков сельхозназначения вообще оказалось одним из наиболее динамично меняющихся в постсоветский период⁸.

³ «Собрание законодательства РФ», 1 января 2007 г., № 1 (1 ч.), ст. 27,

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ», 19 сентября 2022 г., № 38, ст. 6481.

⁵ «Собрание законодательства РФ», 27 января 2020 г., № 4, ст. 345

⁶ «Собрание законодательства РФ», 24 мая 2021 г., № 21, ст. 3583.

⁷ «Собрание законодательства РФ», 12 декабря 2022 г., № 50 (Часть III), ст. 8801.

⁸ Липски С.А. О развитии федерального законодательства, регулирующего оборот земель сельскохозяйственного назначения. // Аграрное и земельное право. 2013. № 2 (98). С. 81–86; Папаскири Т.В., Липски С.А. 20-летний опыт применения норм

Так буквально за последние несколько лет актуализированы подходы к определению и выявлению признаков использования участков сельхозназначения не по целевому назначению и с нарушением законодательства. Также обновлены критерии снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения с учётом социально-экономической ситуации в стране.

Характеризуя текущие особенности принудительного изъятия земель сельхозназначения, важно учитывать промежуточные итоги реализации (относительно периода принятия и действия – 2022 год) новой госпрограммы, направленной на повышение эффективности вовлечения земель сельскохозяйственного назначения в оборот, а также на повышение эффективности функционирования мелиоративного комплекса¹.

В частности, по состоянию на апрель 2024 г. «площадь вовлеченных в оборот сельхозземель составила более 638 тысяч гектаров, из них уже передано сельскохозяйственным товаропроизводителям 344,46 тысяч гектаров»². На реализацию вышеобозначенной новой государственной программы в 2024 году выделено около 41 млрд рублей, что на 20% больше уровня финансирования прошлого года³. Также на период с 2024–2026 годы выделено 14,6 млрд рублей в качестве капитальных вложений в строительство и реконструкцию объектов мелиоративного комплекса⁴.

Отмечается ежегодное повышение финансового обеспечения работ и на сферу лабораторных исследований почв: «в 2022 году на эти цели были предусмотрены средства федерального бюджета в сумме 142 млн рублей, в 2024 году – уже 151 млн рублей, то есть на 6,4% больше»⁵.

Отдельное внимание с точки зрения особенностей принудительного изъятия земель сельхозназначения в современных условиях представляется целесообразным обратить на порядок осуществления госземнадзора. Так, например, уже в течение трёх лет действует мораторий на проведение плановых проверок, поэтому предполагается, что деятельность органов по своевременному выявлению

рисков возможного совершения правонарушений в области земельного и аграрного законодательства станет способствовать повышению эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения.

Вместе с тем, наряду с вышеприведёнными данными, подтверждающими эффективность новой государственной программы, существуют проблемные аспекты. В частности, нарушение подрядными организациями (юридическими лицами) сроков выполнения работ на объектах мелиорации, что приводит к приостановке какой-либо деятельности на объектах, обусловленной необходимостью корректировки проектно-сметной документации.

Таким образом, подводя итог изучению особенностей принудительного изъятия земель сельскохозяйственного назначения в современных условиях, представляется, что повышение со стороны законодательства внимания к вопросу совершенствования данной тематики способствует заинтересованности землеобладателей в рациональном и целевом использовании земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения.

Отдельной темой законодательного обеспечения механизма принудительного изъятия земель сельхозназначения является совершенствование его землеустроительной составляющей⁶. Ведь именно недостаточность имеющихся данных о состоянии сельхозземель и их правообладателях (данных Росреестра для этого недостаточно, а ведение специального госреестра сельхозземель в системе Минсельхоза России началось только в 2022 г.; оба реестра ведутся согласно разным законам) имеет риск невыявления всех заброшенных земель (возможен весьма субъективный избирательный подход). Также сложны судебные процедуры и без землеустроительных обоснований (землеустроительных экспертиз) возникает проблема недостаточности доказательной базы при их прохождении. Еще одной сложностью, несколько выходящей за рамки данной статьи, но прямо с ней связанной, является проблема поиска новых хозяев для изымаемых участков, которые, скорее всего, находятся в запущенном состоянии и нуждаются в рекультивационных работах. Наконец, есть опасность того, что и новые хозяева ранее заброшенных участков (которые будут их реосваивать) повторят негативный опыт своих предшественников. И как раз землеустройство и является основным и универсальным инструментом решения этих

Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и ключевые землеустроительные аспекты реализации его положений в текущих условиях. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2023, № 4, С. 314–318.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 14.05.2021 N 731 (ред. от 27.12.2023) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 24.05.2021, N 21, ст. 3583.

² Парламентские слушания на тему «О мерах по повышению эффективности вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и о практике применения механизма изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, не используемых по целевому назначению» // <http://council.gov.ru/events/committees/155806/>

³ Сергей Мамедов: необходимо активизировать работу по вводу в оборот неиспользуемых земель сельхозназначения // <https://ach.gov.ru/news/Mamedov-o-vvode-v-оборот-neispolzuemykh-selkhozzemell>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Мисник Г.А. Землеустроительное проектирование в правовом механизме охраны земель. // Аграрное и земельное право. 2018. № 4 (160). С. 52–56; Нижник, Л.С. Правореализационный аспект перспективы принятия проекта федерального закона «о землеустройстве» / Л.С. Нижник // Земельный кодекс РСФСР 1922 года как фундамент современного отечественного земельного законодательства: сборник материалов международной научно-практической конференции В 2 т., Москва, 10 ноября 2022 года. Том 1. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет по землеустройству, 2022. – С. 66–69. – EDN NOTRHY.

проблем. Но для этого требуются скорейшее об-
новление и самого землеустройства.

В качестве ключевых факторов такого «обнов-
ления» сейчас выступают: 1) проведение комплекса
научных исследований в сфере землеустроительного
обеспечения реосвоения заброшенных земель;
2) совершенствование системы землеустроительного
образования (новые профили подготовки, обу-
чение передовым технологиям обследований зем-
ель, сбора и обработки информации; и, конечно
же, 3) принятие новой редакции действующего
с 2001 г. соответствующего закона¹ (и вытекающие
из этого пересмотр всего массива подзаконных ак-
тов, регулирующих эту деятельность). При этом ос-
новным препятствием в разработке этой новой ре-
дакции стали даже не принципиальные разногласия
относительно среднесрочных или стратегиче-
ских перспектив отечественного землеустройства,
а банальная межведомственная несогласованность,
обусловленная множественностью уполномоченных
в земельной сфере органов и изменениями в сис-
тем их подчиненности (подведомственности – че-
тыре лет назад Минэкономразвития России, оста-
вавшееся на протяжении почти двух десятилетий
наиболее влиятельным в вопросах нормативного
регулирования землеустройства и иных аспектов
земельных отношений, вообще перестало выпол-
нять эти функции, а роль и значение Росреестра, на-
оборот, значительно возросли). Парадоксом высту-
пает то, что функционал землеустройства на нача-
ло мая 2024 года сохраняется за этим ведомством,
но головным исполнителем, ответственным за раз-
работку новой редакции закона уже почти два года
как определен федеральный Минсельхоз. Это так-
же определённым образом сказывается и на при-
оритетах в направлениях доработки законопроекта.

Таким образом, текущая специфика совершен-
ствования порядка и процедур принудительного
изъятия земель сельхозназначения охватывает
две группы проблем: 1) продолжение совершен-
ствования норм федерального законодательства
(регионального тоже – все это вопросы совмест-
ного федерально-регионального ведения, но эти
аспекты в данной статье не затронуты); 2) прида-
ние дополнительной динамики правоприменитель-
ному механизму в рамках федерального госзем-
надзора и муниципального земконтроля, а также
дополнительных способов вовлечения в оборот не-
востребованных земельных долей².

Литература

1. Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы
предпринимательского, корпоративного, эко-

¹ Федеральный закон от 18.06.2001 N 78-ФЗ (ред.
от 30.12.2021) «О землеустройстве» // «Собрание законода-
тельства РФ», 25.06.2001, N 26, ст. 2582

² Липски С.А. Невостребованная земельная доля: текущий
правовой статус и перспективы. // Юридическая наука, 2024.
№ 1. С. 36–41; Румянцев Ф.П. Теоретико-правовой анализ ле-
гального определения понятия «невостребованная земельная
доля». // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегород-
ской академии МВД России.-2023.-№ 1(61).-С.65–69.

логического и трудового права: монография. –
М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.

2. Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии пло-
дородия земель сельскохозяйственного назна-
чения и мерах по его воспроизводству. // Меж-
дународный сельскохозяйственный журнал,
2017. № 6, С. 14–17.
3. Елисеев В.С. О праве собственности на земли
сельскохозяйственного назначения и особен-
ностях его классификации. // Аграрное и зе-
мельное право. 2017. № 1 (145). С. 60–64.
4. Липски С.А. Невостребованная земельная до-
ля: текущий правовой статус и перспективы. // Ю-
ридическая наука, 2024. № 1. С. 36–41.
5. Липски С.А. О развитии федерального зако-
нодательства, регулирующего оборот земель
сельскохозяйственного назначения. // Аграр-
ное и земельное право. 2013. № 2 (98). С. 81–
86.
6. Мисник Г.А. Землеустроительное проектиро-
вание в правовом механизме охраны земель. // А-
грарное и земельное право. 2018. № 4 (160).
С. 52–56.
7. Нижник Л.С. Правореализационный аспект
перспективы принятия проекта федерального
закона «о землеустройстве» // Земельный ко-
декс РСФСР 1922 года как фундамент совре-
менного отечественного земельного законода-
тельства: сборник материалов международной
научно- практической конференции В 2 т., Мо-
сква, 10 ноября 2022 года. Том 1. – Москва: Фе-
деральное государственное бюджетное обра-
зовательное учреждение высшего професси-
онального образования Государственный уни-
верситет по землеустройству, 2022. – С. 66–
69. – EDN NOTRHY.
8. Папаскири Т.В., Липски С.А. 20-летний опыт
применения норм Федерального закона
«Об обороте земель сельскохозяйственного
назначения» и ключевые землеустроительные
аспекты реализации его положений в текущих
условиях. // Международный сельскохозяй-
ственный журнал, 2023, № 4, С. 314–318.
9. Румянцев Ф.П. Особенности договора купли-
продажи земельных участков сельскохозяй-
ственного назначения. // Журнал российского
права, 2013. № 8, С. 25–33.
10. Румянцев Ф.П. Теоретико-правовой анализ ле-
гального определения понятия «невостребо-
ванная земельная доля». // Юридическая наука
и практика: Вестник Нижегородской академии
МВД России.-2023.-№ 1(61).-С.65–69.
11. Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовле-
чения в хозяйственный оборот неиспользуемых
и невостребованных земель сельскохозяй-
ственного назначения: Монография. – М: ГУЗ,
2020. – 296 с.

FEATURES OF FORCED SEIZURE OF AGRICULTURAL LAND IN MODERN CONDITIONS

Lipski S.A., Nizhnik L.S.
State University of Land Management

The article examines the features of the forced seizure of agricultural land in modern conditions. The conclusion is formulated that increased attention on the part of the legislator to the issue of improving this topic contributes to the interest of land owners in the rational and targeted use of land plots from agricultural lands.

Keywords: seizure, agricultural land, state land supervision, municipal land control, land share.

References

1. Adamenko A.P. and others. Current problems of entrepreneurial, corporate, environmental and labor law: monograph. – M.: RG-Press, 2019. T. 2. – 608 p.
2. Vershinin V.V., Lipski S.A. On the state of fertility of agricultural lands and measures for its reproduction. // International Agricultural Journal, 2017. No. 6, pp. 14–17.
3. Eliseev V.S. On the ownership of agricultural land and the features of its classification. // Agrarian and land law. 2017. No. 1 (145). pp. 60–64.
4. Lipski S.A. Unclaimed land share: current legal status and prospects. // Legal Science, 2024. No. 1. P. 36–41.
5. Lipski S.A. On the development of federal legislation regulating the turnover of agricultural land. // Agrarian and land law. 2013. No. 2 (98). pp. 81–86.
6. Misnik G.A. Land management design in the legal mechanism of land protection. //Agrarian and land law. 2018. No. 4 (160). pp. 52–56.
7. Nizhnik L.S. Legal implementation aspect of the prospects for the adoption of the draft federal law “on land management” // Land Code of the RSFSR of 1922 as the foundation of modern domestic land legislation: collection of materials of the international scientific and practical conference in 2 vols., Moscow, November 10, 2022. Volume 1. – Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education State University for Land Management, 2022. – P. 66–69. -EDN NOTRHY.
8. Papaskiri T.V., Lipski S.A. 20 years of experience in applying the norms of the Federal Law “On the Turnover of Agricultural Land” and key land management aspects of the implementation of its provisions in the current conditions. // International Agricultural Journal, 2023, No. 4, pp. 314–318.
9. Rumyantsev F.P. Features of the contract for the sale and purchase of agricultural land. // Journal of Russian Law, 2013. No. 8, pp. 25–33.
10. Rumyantsev F.P. Theoretical and legal analysis of the legal definition of the concept of “unclaimed land share”. // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.-2023.-No.1(61).-P.65–69.
11. Khlystun V.N. and others. Legal aspects of involving unused and unclaimed agricultural lands into economic circulation: Monograph. – M: GUZ, 2020. – 296 p.

Институт применения категории «группа экономических интересов» (ГЭИ) в корпоративном праве Франции

Лучинин Иван Игоревич,

аспирант, МФПУ «Синергия»

E-mail: luchininivan1998@hotmail.com

Группы экономических интересов (ГЭИ) представляют собой форму организации, открытую как физическим, так и юридическим лицам. Этот обзор охватывает различные аспекты создания, функционирования и прекращения ГЭИ в соответствии с законодательством о коммерческих организациях во Франции.

Среди основных тем рассматриваются: 1. Условия участия в ГЭИ: открытость для физических и юридических лиц, возможность создания без уставного капитала и возможность присоединения профессиональных ассоциаций. 2. Обязанности и права членов ГЭИ: включая голосовые права и финансовые обязательства. 3. Организация и управление: роль договора группы, собраний членов и органов управления. 4. Ликвидация и прекращение: причины роспуска, процесс ликвидации и возможные преобразования. Этот обзор поможет читателям понять ключевые аспекты создания и управления ГЭИ, а также основания для его прекращения, что важно для тех, кто интересуется коммерческим правом и организационными формами бизнеса во Франции.

Ключевые слова: группы интересов экономической (ГИЭ), участники, физические и юридические лица, обязательства и права членов, организация и управление, процесс ликвидации, французское коммерческое право, юридическая организация бизнеса.

Введение

Целью ГЭИ является облегчение или развитие экономической деятельности своих членов, улучшение или увеличение результатов этой деятельности, но не «получение прибыли для себя», в соответствии с положениями статьи L. 251–1 Торгового кодекса. Тот же законодательный акт уточняет, что деятельность ГЭИ должна быть связана с экономической деятельностью его членов и может иметь только вспомогательный характер по сравнению с ней. Например, ГЭИ, объединяющая несколько финансовых учреждений, обеспечивает функционирование системы банковских карт.

Следует отметить, что регулирование, касающееся ГЭИ, было внесено в Торговый кодекс, хотя этот союз может иметь как гражданскую, так и коммерческую цель.

Следует кратко упомянуть о существовании Европейской группы экономических интересов (EGEI), регулируемой статьями L. 252–1 и следующими Торгового кодекса.

Использование наименования «группа экономических интересов» и аббревиатуры «ГЭИ» регламентировано, поскольку только группы, подпадающие под статьи L. 251–1 и следующие Торгового кодекса, могут использовать их. Незаконное использование этого наименования, этой аббревиатуры или любого выражения, способного вызвать путаницу с ними даже каралось уголовно (тюремное заключение на один год, штраф в размере 6000 евро и, возможно, публикация приговора в прессе за счет осужденного и его обнаружение, согласно бывшей статье L. 251–23 Торгового кодекса), до принятия закона Warsmann II от 22 марта 2012 года. В своей измененной редакции статья L. 251–23 предусматривает прежде всего возможность запретить, в том числе под угрозой штрафа, незаконное использование наименования [1].

Этапы создания ГЭИ

Создание ГЭИ открыто как физическим, так и юридическим лицам. ГЭИ должно иметь как минимум двух членов. Члены свободных профессий, подпадающие под законодательный или регулирующий статус или имеющие защищенное звание, также могут создавать ГЭИ или вступать в нее. Такая ГЭИ, однако, не должна иметь коммерческой цели, поскольку объединение не может осуществлять деятельность, которую ее члены сами не могут осуществлять законным путем [2].

Если законодатель не предусмотрел иное, все виды вкладов допустимы. Следует особо отметить,

что ГЭИ может «создаваться без уставного капитала».

ГЭИ также может финансироваться путем выпуска облигаций, но для этого она должна состоять исключительно из компаний, соответствующих условиям, предусмотренным Торговым кодексом для выпуска облигаций, или ассоциаций, соответствующих условиям, предусмотренным законом № 85–698 от 11 июля 1985 года для выпуска облигаций.

Выпуск облигаций ГЭИ осуществляется в соответствии с общими условиями выпуска этих ценных бумаг компаниями или ассоциациями, в зависимости от состава ГЭИ.

Создание ГЭИ происходит на основе заключения письменного договора о группе, который затем должен быть опубликован в торговом реестре.

Договор группировки обычно включает в себя следующие указания:

- наименование группировки;
- фамилию, имя, фирму или наименование, юридическую форму, адрес места жительства или юридического адреса и, при необходимости, идентификационный номер каждого из членов группы, а также, в зависимости от случая, город, где находится реестр или место регистрации или город, где находится гильдия ремесленников или место их регистрации;
- срок, на который создается группа, поскольку ГЭИ обязательно создается на определенный срок;
- объект деятельности группы;
- юридический адрес группы.

Также возможно, чтобы существующая группа, созданная в другой форме, преобразовалась в ГЭИ. Первый абзац статьи L. 251–18 Торгового кодекса широко разрешает эту возможность, предусматривая, что «любая компания или ассоциация, цель которой соответствует определению ГЭИ, может быть преобразована в такую группу без ее ликвидации или создания нового юридического лица». Понятно, что такая мера должна была позволить быстро создать большое количество ГЭИ.

Регистрация ГЭИ в торговом реестре не предполагает коммерческого характера группировки. Таким образом, характер гражданский или коммерческий ГЭИ будет определен на основе ее объекта. Следует думать, что дополнительный характер деятельности ГЭИ по сравнению с деятельностью ее членов также будет подвергнут анализу гражданского или коммерческого характера деятельности последних (см. например в деле *CA Paris* от 29 ноября 2016 г., RG 16/04247, суд посчитал, что характер гражданский или коммерческий группировки «оценивается на основе характера деятельности группировки, а не качества его членов»). Законодатель также уточнил, что ГЭИ, цель которого является коммерческой, может осуществлять постоянно и в основном все коммерческие действия за свой счет и быть обладателем коммерческого договора.

ГЭИ является юридическим лицом. Как и в случае с обществами, признание этого юридического

лица зависит от регистрации в торговом реестре и обществах.

Для ГЭИ устанавливается такая же процедура, как для обществ в процессе формирования [3]. Лица, действовавшие от имени ГЭИ в процессе ее формирования перед ее регистрацией, несут ответственность за совершенные действия солидарно и неограниченно, пока группа, после регулярного создания и регистрации, не примет на себя сделанные обязательства. Эти обязательства считаются принятыми группой с самого начала. В отсутствие регламентирующих положений, уточняющих процедуры принятия актов, следует полагать, что только решение ГЭИ относительно акта, заключенного за ее счет в период формирования, может означать его принятие. Договор группы в идеале указывает, кто имеет компетенцию: собрание членов или администраторы ГЭИ.

Деятельности ГЭИ

ГЭИ обязана информировать третьих лиц о своем особом характере. Действия и документы, предназначенные для третьих лиц, должны, следовательно, содержать ее наименование, за которым следуют слова «группа экономических интересов» или аббревиатура «ГЭИ». За исключением этого обязательства, она обладает статусом юридического лица, который можно было бы сказать является ограниченным, но этот статус ограничен на самом деле из-за особой цели ГЭИ. Следует отметить, что ГЭИ не может осуществлять деятельность, которую ее члены не могут законно осуществлять, такую как профессия, несовместимая со статусом членов ГЭИ.

Что касается недействительности группы и ее действий или решений, ГЭИ подчиняется системе, аналогичной той, что предусмотрена для обществ. Недействительность может быть вызвана лишь нарушением обязательных положений главы, касающейся ГЭИ, или одной из причин недействительности договоров в целом. Однако недействительность ГЭИ, как видно, допускается более широко, чем недействительность обществ. В отношении функционирования ГЭИ, как и в случае с обществами, несоблюдение условий, содержащихся в уставе или во внутреннем регламенте ГЭИ, влечет недействительность только в том случае, если была использована возможность, предоставленная императивной нормой, вносить конвенциональные изменения в установленное ею правило [4].

Режим недействительности, характерный для обществ, распространяется и на ГЭИ. Таким образом, предусмотрено, что иск о недействительности утрачивает силу, когда причина недействительности перестает существовать в день, когда суд выносит решение по существу в первой инстанции, за исключением случаев, когда недействительность обоснована незаконностью объекта группы. Поскольку статьи 1844–12 до 1844–17 Гражданского кодекса Франции объявлены применимыми к ГЭИ, вся система (цель которой состоит в огра-

ничении объявления недействительности) применима к ГЭИ.

Важным принципом является то, что статья L. 251–8, I Торгового кодекса устанавливает, что договор группы определяет организацию группы, за исключением ограничений, установленных законодательством в статье L. 251–1 и последующих. Этот договор составляется в письменной форме и публикуется. Изменения, внесенные в договор группы, составляются и публикуются в тех же условиях, что и сам договор. Они становятся обязательными для третьих лиц только после проведения этой публикации.

Статья L. 251–10, абзац 1 Торгового кодекса признает существование «собрания членов группы», «уполномоченного принимать любое решение, включая досрочную ликвидацию или продление деятельности, в условиях, определенных договором». Это собрание обязательно созывается по запросу не менее чем четверти членов группы. Договор группы играет важную роль, так как только он определяет условия кворума и большинства. Правило единогласия применяется в случае молчания договора, подтверждая его дополнительный характер. Каждый член имеет один голос, если договор группы не предусматривает иное.

ГЭИ управляется одним или несколькими «администраторами», которые могут быть физическими или юридическими лицами, последние должны назначить постоянного представителя. Администраторы назначаются согласно договору группы или, в случае отсутствия такового, собранием членов ГЭИ, которые также определяют порядок отзыва этих руководителей (о возможности администратору ГЭИ совмещать свое управленческое положение с трудовым договором, см. Soc. 17 сентября 2008 г., JCP E 2008. 2237, зам. I. Beuñeix и J. Rovinski).

Договор группы или собрание членов свободно организуют управление группой и определяют полномочия администраторов, которых они назначают. В отношениях с третьими лицами администратор обязует группу любым действием, входящим в его цели, и любые ограничения его полномочий не имеют юридической силы против третьих лиц.

Администраторы группы и постоянные представители администраторов-юридических лиц несут индивидуальную или совместную ответственность, в зависимости от обстоятельств, перед группой или перед третьими лицами за нарушение законодательных и нормативных положений, применимых к группам, нарушение устава группы, а также за хищения. Ответственность руководителей ГЭИ кажется аналогичной ответственности управляющих ООО или акционерных обществ, за исключением того, что некоторые специфические положения не будут применимы (например, трехлетний срок давности для исков о возмещении ущерба).

Принцип свободы заключается в практически полной свободе в определении способов контроля за деятельностью ГЭИ и контроля за финансовым состоянием, так как предусмотрено, что этот

контроль осуществляется «в соответствии с условиями, предусмотренными учредительным договором группы» [5]. Просто отмечается, что контроль за деятельностью должен быть поручен физическим лицам.

ГЭИ, которые выпускают облигации, подвергаются первой серии ограничений: контроль за деятельностью должен осуществляться одним или несколькими физическими лицами, назначенными собранием. Эти ГЭИ, а также те, которые используют более 100 сотрудников к концу отчетного периода, обязаны обязательно прибегнуть к услугам аудитора, который обладает правом тревоги, применяемым в условиях, предусмотренных законом. Эти ГЭИ также подпадают под применение некоторых уголовных положений корпоративного права. ГЭИ, которые превышают определенные пороги по обороту или количеству сотрудников, обязаны администраторами составить отчет об активах, доступных для реализации, за исключением операционных активов, и об обязательствах, требуемых для выполнения, прогнозы по результатам, таблицу финансирования вместе с годовым балансом и прогнозом финансирования, в порядке, установленном постановлением. Эти документы анализируются в письменных отчетах об эволюции группы, составленных администраторами, и эти документы и отчеты предоставляются аудитору и комитету предприятия. Аудитор также может использовать право тревоги. Законодатель также заботится об организации осуществления прерогатив, предоставленных комитету предприятия и представителям персонала.

Договор группы может решить предоставить каждому члену количество голосов, отличное от количества голосов, предоставленного другим. В отсутствие этого каждый член имеет один голос. В отличие от предусмотренного в АО, никакой механизм оценки особых преимуществ не регулирует предоставление неравных избирательных прав членам ГИЭ.

Как подтверждает первое применяемое положение к ГИЭ, цель этой группы не заключается в получении прибыли для себя. Тем не менее, может случиться, что ликвидация ГИЭ приведет к появлению излишка активов после погашения социальных долгов. Этот излишек затем распределяется между членами в соответствии с условиями, предусмотренными договором группы, а в отсутствие таковых – поровну. В течение жизненного цикла группы часть доходов, полученных от деятельности, может быть отложена на счета группировки для обеспечения выполнения ее законной цели. Еще одно уточнение: исключенный или ушедший член имеет право на возврат его доли в резервах только в том случае, если такая оговорка содержится в уставе или если решение собрания членов разрешило это [6].

Статус ценных бумаг, представляющих права членов ГИЭ, довольно таинственен. Единственное положение, касающееся этого вопроса непосредственно, – это статья L. 251–3 Торгового кодекса,

согласно которой права членов ГИЭ не могут быть представлены оборотными бумагами, любая такая оговорка считается недействительной. ГИЭ может иметь или не иметь *intuitu personae*. Некоторые ГИЭ будут местом согласования и осуществления торговой и рекламной политики, которую стороны группы, естественно, захотят сохранить в секрете, тогда как другие ГИЭ будут ближе к профессиональным ассоциациям, которые будут вести коммуникационную деятельность для защиты определенного профессионального сектора и, следовательно, будут более склонны к принятию новых членов, чем к защите конфиденциальности имеющейся информации. С правовой точки зрения это выражается в возможности (и не обязательстве) договора группы устанавливать положения о согласовании, предварительном праве покупки или любых других положениях, считаемых целесообразными. Статья L. 251–9, абз. 1 Торгового кодекса устанавливает в этой связи, что группа может «принять новых членов в соответствии с условиями, установленными учредительным договором». Также законодатель разрешил право на выход из группы, в соответствии с условиями, предусмотренными договором группы, и при условии, что член, покидающий группу, выполнил свои обязательства.

Гибкость, предоставленная организаторам ГИЭ для принятия решения о ее создании, включая возможность создания без капитала, а также условия его функционирования, могут объясняться обязанностью по социальным долгам, которую ставит на членов группы статья L. 251–6 Торгового кодекса, обязанностью в принципе солидарной, что позволяет требовать от каждого из членов ГИЭ оплаты всей неуплаченной группой задолженности.

Статья L. 251–6 Торгового кодекса устанавливает механизм, аналогичный тому, что предусмотрено для партнеров общества с ограниченной ответственностью: кредиторы ГИЭ не могут требовать выплаты задолженностей группы у члена только после того, как группа была безрезультатно предупреждена о задолженности путем внесудебного акта. В отсутствие конкретного нормативного текста, определяющего понятие «безрезультатного предупреждения», можно предположить, что срок восьми дней с момента уведомления внесудебного акта, предусмотренный для ООО, может быть применен к ГИЭ.

Два ограничения ответственности за долги ГИЭ, возникающие у каждого члена группы, допускаются. Во-первых, новый член может быть освобожден от ответственности за долги, возникшие до его вступления в ГИЭ. Однако для этого необходимо, чтобы договор группы разрешал такое освобождение, и чтобы решение об освобождении было опубликовано. Затем солидарная природа обязательства членов может быть оспорена, но для этого должно быть заключено соответствующее соглашение с заинтересованным кредитором.

Статья L. 251–18 Торгового кодекса явно утверждает, что ГИЭ может быть преобразована в ООО без роспуска или создания нового юридиче-

ского лица. Напротив, и за исключением специального закона, любое другое «преобразование» ГИЭ в юридическое лицо другой формы не позволит сохранить юридическое лицо и должно привести к роспуску ГИЭ с последующим созданием нового юридического лица желаемой формы (общество, ассоциация и т.д.).

Заключение

ГИЭ может быть непосредственно затронута событием, вызывающим ее роспуск:

- наступление срока, предусмотренного договором группировки;
- достижение или исчезновение ее объекта;
- решение о роспуске, принятое членами группы в условиях, установленных статьей L. 251–10 Торгового кодекса;
- судебное решение о роспуске по законным основаниям.

Роспуск ГИЭ может быть последствием события, затрагивающего одного из ее членов, которое можно классифицировать на две категории. Во-первых, событие может заключаться в исчезновении одного из членов ГИЭ: смерти физического лица или роспуска юридического лица-члена. Однако договор группы может исключить роспуск ГИЭ из-за исчезновения одного из его членов. Во-вторых, событие может заключаться в недееспособности, личном банкротстве или запрете на руководство, управление, администрирование или контроль предприятием или юридическим лицом, который затрагивает члена. ГИЭ тогда распускается, если его продолжение не предусмотрено договором или если другие члены не принимают решение об этом единогласно.

Роспуск ГИЭ влечет за собой ее ликвидацию. Следует отметить, что и для одноперсонной ГИЭ применяется процедура ликвидации, поскольку законодатель не предусмотрел, как для одноперсонных обществ, процедуру универсальной передачи имущества группы ее единственному члену.

Как и в случае с обществами, статус юридического лица ГИЭ сохраняется для целей ликвидации. Порядок проведения ликвидации ГИЭ в принципе определяется договором группы. В случае отсутствия такого договора ликвидатор назначается собранием членов группы или, если собрание не смогло это сделать, судебным решением.

Литература

1. J.-J. Burst, «Groupement d'intérêt économique ou société: le problème du choix », JCP 1969. I. 2257.
2. J.-J. Burst, «Une personne morale ambiguë: la personnalité morale du groupement d'intérêt économique », JCP 1976. I. 2783.
3. B. Geisenberg, «Groupements d'intérêt économique et sociétés de fait», Rev. sociétés 1971. 339.

4. J. Guyenot, «Les groupements d'intérêt économique et les créances des tiers», D. 1972. Chron. 13.
5. Y. Guyon, « Les obstacles juridiques au développement des groupements d'intérêt économique », Rev. sociétés 1978. 25.
6. J. de Ledoux, « Contribution à l'étude des groupements d'intérêt économique », RTD com. 1969. 1.

INSTITUTE FOR THE APPLICATION OF THE CATEGORY «ECONOMIC INTEREST GROUP» (EIG) IN FRENCH CORPORATE LAW

Luchinin I.I.
Synergy MFPU

Economic interest groups (EIGs) are a form of organisation open to both natural and legal persons. This review covers various aspects of the creation, operation and termination of EIGs under commercial organisation law in France.

Among the main topics covered are: 1. Conditions for participation in an EIG: openness to natural and legal persons, the possibility of creation without authorised capital and the possibility of joining professional associations. 2. Obligations and rights of members of the EIG: including voting rights and financial obligations. 3. Organisation

and governance: the role of the group contract, members' meetings and governing bodies. 4. Liquidation and termination: reasons for dissolution, the liquidation process and possible conversions. This overview will help readers to understand the key aspects of the creation and governance of an EIG, as well as the grounds for its termination, which is important for those interested in commercial law and organisational forms of business in France.

Keywords: economic interest groups (EIGs), members, natural and legal persons, obligations and rights of members, organisation and governance, liquidation process, french commercial law, legal organisation of business.

References

1. J.-J. Burst, "Economic interest group or society: the problem of choice", JCP 1969. I. 2257.
2. J.-J. Burst, "An ambiguous legal person: the legal personality of the economic interest group", JCP 1976. I. 2783.
3. B. Geisenberg, "Economic interest groups and de facto companies", Rev. companies 1971. 339.
4. J. Guyenot, "Economic interest groups and third party claims", D. 1972. Chron. 13.
5. Y. Guyon, "Legal obstacles to the development of economic interest groups", Rev. companies 1978. 25.
6. J. de Ledoux, "Contribution to the study of economic interest groups", RTD com. 1969. 1.

Развитие конституционного права России: от имперского периода до века цифровых технологий

Милосердов Алексей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Королёвского филиала «Международный юридический институт»
E-mail: a.miloserdov2010@yandex.ru

В рамках статьи произведен анализ эволюционных преобразований конституционного права как совокупности правовых норм, которые: (1) регулируют ключевые аспекты публичных отношений, (2) декларируют общественный и государственный строй, (3) обозначают положение человека в обществе, (4) фиксируют основные принципы взаимоотношений в рамках триады «государство – человек – общество». Кроме того, рассмотрено развитие конституционного права как научной дисциплины. В истории отечественного конституционного права можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный. До революции не было принято действующих конституций, хотя предпринимались многочисленные попытки разработать конституционные проекты, декларации и манифесты. В советский период конституционное право развивалось при условии полного отказа от исторических политических и правовых традиций в пользу доминирования коммунистической идеологии. На современном этапе Конституция РФ представляет собой современный правовой акт, в котором, с одной стороны, предприняты попытки сохранить «конституционную самобытность» и преемственность правовой системы, а с другой – адаптировать букву Основного Закона к современным реалиям.

Ключевые слова: Конституция, конституционное право, права и свободы, конституционализм, СССР, законотворчество.

Терминологическую категорию «конституционное право» можно рассматривать в рамках четырёх аспектов: (1) в качестве отрасли права – конституционное право является совокупностью взаимосвязанных правовых норм, призванных урегулировать общественные отношения в политической, экономической, коммерческой, социальной и духовной сферах; (2) в качестве научного направления – конституционное право можно представить в виде массива теоретического знания, гипотез, направлений, школ, теорий, связанных с конституционным правом и являющих собой фундамент для изменения правовых норм конституционного характера; (3) в качестве академической дисциплины – конституционное право представляет собой предмет и область преподавания, включающую изучение основ действующего конституционного права (в первом из представленных смыслов); (4) в качестве основного права человека и гражданина, закреплённых в тексте Конституции.

В рамках данной статьи фокус внимания будет смещен на анализ эволюционных преобразований конституционного права в его традиционном понимании – как совокупности правовых норм, регулирующих ключевые аспекты публичных отношений, декларирующих общественный и государственный строй, положение человека в обществе, фиксирующих основные принципы взаимоотношений в рамках триады «государство – человек – общество» [9, с. 11]. Кроме того, в статье будет рассмотрено развитие конституционного права как научной дисциплины, ведь именно научные представления о конституции становятся в конечном итоге базисом для трансформации текстов конституций в разных странах.

Принято считать, что конституционные нормы сами по себе являются ригидными и стабильными – особенно в сравнении с актами действующего законодательства. Тем не менее, едва ли можно представить себе систему конституционного права, которая бы не изменялась в течение десятилетий. Конституционное право, как и любое другое право, меняется, поглощает новые реалии жизни и «отсекает» нормы, выражающие устаревшую парадигму мировосприятия. Кроме того, конституционное право меняется по причине естественного стремления законотворцев устранить имеющиеся несовершенства законодательства и правоприменительной практики [15, с. 87].

Среди факторов, которые стимулируют изменения системы конституционного права, можно назвать существенные изменения социально-экономической системы, глобализацию матери-

альных и социальных институтов, возникновение новых идеологических и политических форм функционирования общества при деструкции существующих. Следовательно, изучение эволюции конституционного права той или иной страны позволяет получить представление об истории ее развития [3, с. 25].

Конституционное право как отрасль возникло по мере появления концепции конституции – Основного Закона, а также при формировании и укреплении государств, правители которых осознанно стремились подчинить общественный порядок конституции. Следовательно, под конституционным государством можно понимать «государство, в котором государственная власть юридически ограничена и подчинена высшему, основному закону – конституции, за личностью признаются неотъемлемые, ненарушимые и неприкосновенные права, закрепляется принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, органом законодательства является народное представительство» [11, с. 132].

Принято считать, что первым государством, которое соответствовало современным представлениям о конституционном государстве, является Англия. Предпосылкой и причиной формирования конституционного строя стала борьба английского парламента против абсолютной монархии, которая завершилась в 1689 г. В стране утвердился режим конституционной дуалистической монархии, который в конце XVIII в. трансформировался в парламентарную монархию. В конце XVIII в. явные индикаторы конституционного государства можно было наблюдать в Соединенных Штатах Америки, а также на континентальном пространстве Западной Европы [11, с. 132].

В дореволюционный период юридическая наука в России развивалась в контексте рецепции западноевропейских теорий и школ. Уже во времена правления Петра I на русский язык были переведены государственно-правовые сочинения западноевропейских мыслителей – Г. Гроция, Т. Гоббса, Х. Вольфа, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, И. Канта. Тогда же в университетах началось преподавание разного рода юридических дисциплин. Европеизация, происходившая в период правления Петра I, во многом повлияла на вектор развития научной и общественной мысли современников. Дворянство постепенно усваивало политические и правовые учения западных стран, изучало правовой контекст вопроса об ограничении самодержавной императорской власти [11, с. 133].

Первые попытки определить очертания отечественной системы конституционного права были предприняты еще в начале XIX в. Первым конституционным проектом считается «План государственного преобразования», разработанный в 1809 г. М. Сперанским. Документ зафиксировал идею, которая уже достаточно давно обсуждалась учеными, философами и политиками того времени – идею об ограничении монархии парламентом. Кроме того, ученые того времени достаточно часто

ставили акцент на законодательной фиксации отмены крепостного права, но данная мера была реализована лишь полвека спустя [2]. Проекты конституций предлагались, помимо прочих, П. Пестелем и Н. Муравьевым. Таким образом, на протяжении XIX в. в научном и политическом сообществе широко обсуждались идеи конституционализма и пути его адаптации к российским реалиям. Далеко не всегда результаты подобных обсуждений находили свое отражение на уровне законодательства.

При императоре Александре I окончательно оформилась идея о реформировании политического строя страны посредством конституции и предоставления гарантий гражданских прав. В 1820 г. была разработана «Государственная уставная грамота Российской империи», впоследствии так и не принятая [2]. По мнению современных исследователей, попытки претворить в жизнь проекты Конституций, предпринимаемые на протяжении XIX в., можно условно разделить на правительственные и общественные. Правительственные проекты разрабатывались по инициативе или с одобрения монарха; общественные проекты, в свою очередь, имели некоторую антимонархическую направленность и основывались на принципах народничества, в связи с чем их внедрение не могло быть одобрено правящей властью. Правительственным проектом следует считать вышеобозначенный проект М. Сперанского. Известен также проект, представленный Н.Н. Новосильцевым.

Активизация исследований и законотворческого процесса произошла во времена правления Александра II, с одобрения которого были разработаны конституционные проекты В.А. Долгорукова, П.А. Валуева, великого князя Константина Николаевича, М.Т. Лорис-Меликова и проч. Среди общественных проектов можно отметить проекты декабристов Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля, носившие ярко выраженный либеральный характер и основанные на западных идеях об идеальном политическом и общественном устройстве. Можно сказать, что во времена Александра II Россия максимально близко подошла к принятию конституции. Тем не менее, в 1881 г. Александр II был убит народовольцами, а конституционный процесс был поставлен на паузу. В целом же конституционная история России на данном этапе явила собой совокупность попыток адаптации европейских идей и принципов конституционализма к отечественной имперской общественно-политической специфике [13, с. 281].

По мнению некоторых специалистов, датировать момент начала конституционной истории России следует XIX в., другие же говорят о том, что утвержденные конституционные акты, закрепившие гражданские права и основы общественного строя, появились лишь в начале XX в., поэтому в качестве точки отсчета следует считать принятие первого из подобных актов. Так, в частности, началом отечественного конституционного права можно считать Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» [10], [13, с. 269]. Подписанные в 1905 г. императором

Николаем II манифесты были последней попыткой реформировать политический режим во времена Империи [2].

После 1917 г. функция управления страной выполнялась Временным правительством, в задачи которого входило формирование в России правового государства – в т.ч. посредством принятия конституции. Тем не менее, первая Конституция была принята лишь годом спустя – речь идет о Конституции РСФСР, утвержденной по результатам V Всероссийского Съезда Советов в 1918 г. Данный текст достаточно сильно отличался от описанных выше конституционных проектов: новая Конституция носила ярко выраженный классовый характер и фиксировала в правовом поле нового государства идеологию большевиков. Так, власть передавалась Советам, частная собственность на землю отменялась, введены ограничения в политических правах для привилегированных ранее групп населения [2].

Конституция структурно включала в себя шесть разделов: (1) декларация прав представителей народа; (2) общие положения; (3) структура властных ведомств; (4) избирательное право; (5) вопросы государственного бюджета; (6) о гербе и флаге РСФСР. Конституция 1918 г. провозгласила создание Республики Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в качестве союза свободных наций и федерации советских национальных республик. Следует отдельно отметить, что новые конституционные положения отразили стремление советской власти к обеспечению демократических прав и свобод (в качестве примеров выделим свободу выражения мнений (ст. 14), свободу собраний (ст. 15), свободу митингов и шествий (ст. 15), свободу совести (ст. 13) и проч.) [6]. Эти и другие характерные черты и положения Конституции РСФСР 1918 г. позволяют современным исследователям описывать ее как революционную – т.е. как результат насильственного изменения общественного и государственного строя, как попытку деструкции существовавших ранее государственно-правовых установлений [3, с. 26].

В 1924 г. была принята Конституция Союза ССР, которая в значительной степени опиралась на положения, представленные в тексте Конституции 1918 г. [12]. Через год – в 1925 г. – новая Конституция была подвергнута редакции, в рамках которой были исключены положения о подавлении эксплуататорских классов и мировой революции, а также разграничены полномочия органов СССР и РСФСР [2].

Советский период можно описать как период интенсификации научных разработок в области конституционного права. Увеличение числа работ, посвященных фундаментальным основам правовой системы страны, привело к активизации законодотворческого процесса. Так, в 1936 г. была принята очередная Конституция, декларирующая руководящую роль Коммунистической партии. Конституция, впервые в истории права XX в., утвердила экономические основы советской системы [7].

Помимо прочего, новая Конституция детализировала положения, касающиеся политических и личных свободах и правах [2]. Третья по счету советская Конституция была принята в 1937 г., после чего фокус законотворцев на несколько последующих десятилетий переключился на более «мелкие» уровни правовой системы – отдельные законы и подзаконные акты.

Следующий этап в развитии конституционного права начался в 1977 г., при принятии Конституции СССР. Ключевой особенностью Конституции 1977 г. стало прогностическое (плановое) описание последующих этапов конструирования социалистического общества в СССР [8]. Конституция 1978 г. концептуально не отличалась от предшествующей, за исключением расширенного перечня прав и свобод советских граждан, включая права на жилище и здравоохранение.

В последующие десятилетия конституционное право в СССР развивалось менее активно, и только при нарастании глубинных общественных и политических противоречий, наблюдавшихся в 1990-х г., правоведа вновь стали рассматривать проблемные аспекты совершенствования положений Основного Закона. Исследователи-правоведы в очередной раз обратились к зарубежным теориям в области конституционного права в попытках понять, какое направление конституционного строительства будет оптимальным для страны в достаточно турбулентный период. В 1990 г. из Конституции СССР было исключено положение о руководящей роли КПСС, а в рамках Съезда народных депутатов РСФСР был провозглашен государственный суверенитет РСФСР (Декларация о государственном суверенитете). Реорганизация политического и общественного строя привела к необходимости принятия новой, не-коммунистической конституции, что и было сделано в 1993 г. [5].

Конституция Российской Федерации образца 1993 г. закрепила широкий спектр личных, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод. По замечаниям отечественных и зарубежных экспертов, первая редакция Конституции РФ в плане прав и свобод граждан соответствовала самым высоким международным стандартам в данной сфере. Впервые в истории отечественного конституционного права было зафиксировано положение о том, что принципы и нормы международного права являют собой важный компонент правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15). 1990-е гг. можно характеризовать как весьма продуктивные в плане развития конституционного права. Исследователи активно участвовали в законопроектной работе, в том числе и в подготовке поправок к Конституции, выработке предложений и научно-практических комментариев к Конституции РФ [4, с. 150].

С момента принятия Конституции 1993 г. прошло более тридцати лет, в течение которых мы наблюдали довольно высокую динамику изменения в экономической, политической, общественной системах, в аксиологии граждан и структуре полити-

ческих элит. Следовательно, достаточно логичным нам представляется тот факт, что многие правоведы обращаются к вопросам конституционного права с целью выявить дальнейшие траектории для реформирования и модернизации Конституции.

Одним из направлений научной и законодательской работы является т.н. «регуляторная гильотина» – устранение устаревших положений, принципов и норм и приведение законодательного массива в соответствие с новой редакцией Конституции. С 1 февраля 2020 г., к примеру, было отменено 1259 правовых актов РСФСР, признанных устаревшими. С 1 января 2021 г. утратило силу более 3700 законов, постановлений и прочих нормативно-правовых актов [1, с. 8].

Современные специалисты говорят о «расширении сферы конституционализации всех областей жизни, т.е. о приведении в соответствие с высокими идеалами и ценностями Конституции существующих фактических общественных отношений» [16, с.22]. Среди отличительных черт современного конституционного права России можно отметить преемственность, рецепцию – подобные свойства не были присущи советскому конституционному праву, нарочито отрицавшему исторические традиции [14, с. 256].

В заключение отметим: сегодня российское конституционное право сталкивается с новыми вызовами и возможностями, возникающими вследствие широкого распространения цифровых технологий. Конституцию Российской Федерации необходимо адаптировать к условиям цифровой эпохи. Речь идет о таких аспектах, как защита прав и свобод человека в цифровом пространстве, свободу информации, неприкосновенность частной жизни. Государство вынуждено балансировать между необходимостью защиты общества от вредоносного контента и соблюдением принципа свободы слова, что требует пересмотра правовых рамок и механизмов регулирования. Кроме того, цифровые технологии открывают новые возможности для демократического участия граждан и улучшения функционирования государственного аппарата через концепцию электронного правительства (e-government). Конституция РФ предусматривает участие граждан в управлении делами государства, и внедрение цифровых технологий может способствовать этому путем упрощения доступа к государственным услугам и повышения прозрачности деятельности государственных органов.

Литература

1. Дорская, А.А. Конституционные кризисы в истории российского права: уроки преодоления / А.А. Дорская // Новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 7–12.
2. История Конституции Российской Федерации // Государственная служба Чувашской Республики по делам юстиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://minust.cap.ru/press-centr/sobitiya/12-dekabrya-denj-konstitucii-](https://minust.cap.ru/press-centr/sobitiya/12-dekabrya-denj-konstitucii-rossijskoj-federacii/istoriya-konstitucii-rossijskoj-federacii)

[rossijskoj-federacii/istoriya-konstitucii-rossijskoj-federacii](https://minust.cap.ru/press-centr/sobitiya/12-dekabrya-denj-konstitucii-rossijskoj-federacii/istoriya-konstitucii-rossijskoj-federacii). – Дата доступа: 16.05.2024.

3. Касаткина, Е.М. Особенности основных этапов становления и развития конституции Российской Федерации / Е.М. Касаткина // Журнал юридических исследований. – 2019. – № 2. – С. 25–28.
4. Колосова, Н.М. Отдел конституционного права: история и современность / Н.М. Колосова, Н.Е. Егорова // Журнал российского права. – 2010. – № 6 (162). – С. 148–154.
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.constitution.ru/>. – Дата доступа: 16.05.2024.
6. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>. – Дата доступа: 16.05.2024.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями // МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>. – Дата доступа: 16.05.2024.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>. – Дата доступа: 16.05.2024.
9. Конюхова, И.А. История государственного и конституционного права России: учебное пособие для вузов / И.А. Конюхова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 333 с.
10. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm>. – Дата доступа: 16.05.2024.
11. Насибуллин, Р.А. Начало изучения государственного (конституционного) права зарубежных стран в России / Р.А. Насибуллин // Уральский вестник международных исследований. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С. 132–141.
12. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят Второй Сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года // МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm>. – Дата доступа: 16.05.2024.
13. Рыбин, Д.В. Конституционное развитие России: основные этапы, особенности, тенден-

ции / Д. В. Рыбин // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2008. – № 1 (30). – С. 268–285.

14. Ряховская, Т. И. К вопросу о закономерностях трансформации современного конституционного права России и основаниях их классификации / Т.И. Ряховская // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 477. – С. 254–259.
15. Семёнов, А.В. Становление и развитие конституционных норм: историко-правовой аспект / А.В. Семенов // Вестник СГЮА. – 2014. – № 1 (96). – С. 85–92.
16. Шагиева, Р.В. Эволюция предмета конституционного права в современном теоретическом контексте / Р.В. Шагиева // Образование и право. – 2019. – № 12. – С. 18–22.

DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL LAW IN RUSSIA: FROM THE IMPERIAL PERIOD TO THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGY

Miloserdov A.S.

Korolevsky Branch of the International Law Institute

The article provides an analysis of the evolutionary transformations of constitutional law as a set of legal norms (1) regulating key aspects of public relations, (2) declaring the social and state system, (3) the position of a person in society, (4) defining the basic principles of relationships within the triad “state – person – society”. In addition, the development of constitutional law as a scientific discipline is considered. In the history of domestic constitutional law, three periods can be distinguished: pre-revolutionary, Soviet and modern. Before the revolution, no effective constitutions were adopted, although numerous attempts were made to develop constitutional projects, declarations and manifestos. During the Soviet period, constitutional law developed under the condition of a complete rejection of historical political and legal traditions in favor of the dominance of communist ideology. At the present stage, the Constitution of the Russian Federation is a modern legal act in which, on the one hand, attempts have been made to preserve the “constitutional authenticity” and continuity of the legal system, and on the other, to adapt the letter of the Basic Law to modern realities.

Keywords: Constitution, constitutional law, rights and freedoms, USSR, law making, constitutionalism

References

1. Dorskaya, A.A. Constitutional crises in the history of Russian law: lessons of overcoming / A.A. Dorskaya // New perspective. – 2020. – No. 4. – P. 7–12.
2. History of the Constitution of the Russian Federation // State Service of the Chuvash Republic for Justice [Electronic resource]. – Access mode: <https://minust.cap.ru/press-centr/sobitiya/12-dekabrya-denj-konstitucii-rossijskoj-federacii/istoriya-konstitucii-rossijskoj-federacii>. – Access date: 05/16/2024.
3. Kasatkina, E.M. Features of the main stages of formation and development of the constitution of the Russian Federation / E.M. Kasatkina // Journal of Legal Research. – 2019. – No. 2. – pp. 25–28.
4. Kolosova, N.M. Department of constitutional law: history and modernity / N.M. Kolosova, N.E. Egorova // Journal of Russian Law. – 2010. – No. 6 (162). – pp. 148–154.
5. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.constitution.ru/>. – Access date: 05/16/2024.
6. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918 // Moscow State University [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>. – Access date: 05/16/2024.
7. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936 (with subsequent amendments and additions // Moscow State University [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>. – Access date: 05/16/2024.
8. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977 // Moscow State University [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>. – Access date: 05/16/2024.
9. Konyukhova, I.A. History of state and constitutional law of Russia: textbook for universities / I.A. Konyukhova. – 2nd ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 333 p.
10. Manifesto of October 17, 1905 “On the improvement of public order” // Moscow State University [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm>. – Access date: 05/16/2024.
11. Nasibullin, R.A. The beginning of the study of state (constitutional) law of foreign countries in Russia / R.A. Nasibullin // Ural Bulletin of International Research. – Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2006. – Issue. 6. – pp. 132–141.
12. Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics. Adopted by the Second Session of the USSR Central Executive Committee of the first convocation on July 6, 1923 and in the final version by the Second Congress of Soviets of the USSR on January 31, 1924 // Moscow State University [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm>. – Access date: 05/16/2024.
13. Rybin, D.V. Constitutional development of Russia: main stages, features, trends / D.V. Rybin // Scientific notes of the St. Petersburg branch named after V.B. Bobkov of the Russian Customs Academy. – 2008. – No. 1 (30). – pp. 268–285.
14. Ryakhovskaya, T.I. On the question of the patterns of transformation of modern constitutional law of Russia and the grounds for their classification / T.I. Ryakhovskaya // Vestn. Volume. state un-ta. – 2022. – No. 477. – pp. 254–259.
15. Semenov, A.V. Formation and development of constitutional norms: historical and legal aspect / A.V. Semenov // Bulletin of the SSLA. – 2014. – No. 1 (96). – pp. 85–92.
16. Shagieva, R.V. Evolution of the subject of constitutional law in a modern theoretical context / R.V. Shagieva // Education and law. – 2019. – No. 12. – pp. 18–22.

Правовое регулирование судебной защиты конституционной категории «достоинство личности»

Папин Александр Игоревич,

аспирант, Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: saniapapin@yandex.ru

В настоящей публикации рассматривается проблема судебной защиты категории «достоинство личности», отраженной в Конституции Российской Федерации. Замечается, что уточнение конституционной категории «достоинство личности» в российской системе права предпринимается как в публично-правовых, так и в частноправовых актах. Обозначаются такие формы посягательства на личное достоинство, как распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, клевета, угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью. Кроме того, раскрываются способы судебной защиты нарушенного права на личное достоинство гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового характера. В завершении отмечается, что категория «достоинство личности» в разрезе судебной защиты трактуется через негативную интерпретацию свободы, как свобода индивида от распространения в публичном поле недостоверных и/или заведомо ложных сведений, а также как свобода от физических посягательств на достойное самовосприятие. Также обращается внимание на то, что, несмотря на частичное регулирование данных отношений нормами публично-правового характера, частный компонент сферы охраны личного достоинства продолжает довлеть. Вместе с тем исключительный публичный компонент допускается в тех случаях, когда посягательство на достоинство личности сопрягается с пренебрежением общественными интересами

Ключевые слова: достоинство, клевета, угроза убийством, судебная защита, порочащие сведения.

Понятие «достоинство личности» относится к числу устоявшихся категорий социального пространства. Так или иначе оно входит практически во все отрасли общественных и гуманитарных наук – историю, философию, культурологию, теологию, экономику, политологию, юриспруденцию.

В наиболее общем виде достоинство можно определить как «стоимость, ценность, добротность, степень годности» [7, с. 494], а, если экстраполировать данную категорию на социальное пространство, то как характеристику «человека с точки зрения его внутренней ценности, соответствия своему предназначению» [10].

Важность и метафизическое значение категории «достоинство личности» определяют необходимость отражения данного понятия в ведущих правовых актах развитых правовых порядков. Так, согласно части 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации, «достоинство личности охраняется государством» [1], причем «ничто не может быть основанием для его умаления» [1]. Отмеченная норма располагается во второй главе российской Конституции, посвященной правам и свободам человека и гражданина, что по праву позволяет относить личное достоинство к категории прав человека, под которыми в доктрине понимается «совокупность действующих на определенной территории легальных свобод (соматических, гражданских, экономических, социальных, политических, культурных, экологических и других), гарантируемых тем или иным государством не только юридически, но и фактически» [8, с. 318].

Также нельзя не заметить конституирующий статус личного достоинства в контексте достижения общественного согласия – ситуации, «при которой индивиды, социальные образования (институты) и субъекты публичной власти имеют некие общие точки соприкосновения, становящиеся основой политической интеграции и кооперации» [9, с. 15]. Само состояние согласия предварительно предусматривает наличие как минимум двух свободных и самостоятельных субъектов, обладающих не только внутренним, но и внешним, признаваемым другими людьми, достоинством. Стало быть, достоинство – это прелиминарное условие для социальной стабильности.

Правовое раскрытие и уточнение конституционной категории «достоинство личности» в российской системе права предпринимается как в публично-правовых, так и в частноправовых актах. При этом легальное определение данного словосочетания в российском законодательстве отсутствует, что, с одной стороны, позволяет трактовать

достоинство расширительно, как комплекс личных неотчуждаемых прав, и, с другой стороны, – как набор характеристик, определяемых некоторыми отраслями права и законодательства и защищаемых охранительными нормами.

Использование первого подхода имеет в качестве итога следующее раскрытие содержания категории «достоинство личности» на основе номенклатуры неотъемлемых конституционных правомочий:

- 1) указание национальной принадлежности или воздержание от указания такового;
- 2) выбор языка для общения по своему усмотрению;
- 3) свобода перемещений внутри страны или за ее пределами;
- 4) свобода совести, мысли и вероисповедания;
- 5) опция беспрепятственного информационного обмена;
- 6) участие в политической жизни путем волеизъявления или свободного доступа к замещению должностей госслужбы;
- 7) свобода конкурентной предпринимательской деятельности, базисом для которой служит право частной собственности;
- 8) право на жилище, образование и социальную помощь.

Если же рассматривать достоинство личности через набор характеристик, определяемых некоторыми отраслями права и законодательства и защищаемых охранительными нормами, то можно выйти на проблему иного порядка, связанную с судебной защитой достоинства личности.

Так, в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливается комплекс охранительных мер по защите чести, достоинства или деловой репутации в судебном порядке. Данные меры включают в себя:

- 1) опровержение сведений в том же средстве массовой информации, где были опубликованы порочащие и недостоверные сведения;
- 2) замену или отзыв документа, в котором содержались опровергнутые в судебном порядке сведения;
- 3) пресечение или запрещение дальнейшего распространения опровергнутых сведений в публичном пространстве путем ликвидации материальных носителей, признание информации не соответствующей действительности (данная мера судебной защиты применяется в случае невозможности идентификации личности распространителя порочащих сведений);
- 4) требования возмещения убытков или компенсации моральных лишений, вызванных противоправными действиями ответчика [2].

Гражданские дела данной категории, как явствует из законодательства, характеризуются приоритизацией интересов истца как пострадавшей стороны. Истец не обязан доказывать недостоверность транслируемых сведений, а ответчик, в свою очередь, несет на себе бремя доказывания соответствия таких сведений действительности.

Если же ответчику не удастся обосновать правомерность информации, характеризующей истца, то сведения считаются недостоверными.

Вместе с тем важно понимать, что до принятия искового заявления к производству, как следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», суд обязан установить предварительную комплектность трех параметров:

- 1) факт распространения ответчиком сведений об истце (это означает, что истцом не может выступать лицо, которое неспособно нести персональные лишения от распространяемой информации);
- 2) порочащий характер транслируемой информации;
- 3) возможность признания такой информации недостоверной [6].

При этом в делах данной категории отдельно не учитывается такой фактор, как знание или незнание ответчиком о заведомой недостоверности распространяемых данных об истце. Это означает, что ответчик в любом случае понесет ответственность, даже если не предполагал ложность порочащих сведений – достаточно сличения личности ответчика с распространителем, порочащего характера данных и их установленной в судебном порядке недостоверности.

Посягательство на личное достоинство, честь и деловую репутацию также может раскрываться как клевета – «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [3] [5]. Объективная сторона данного состава деликтного поведения полностью идентична как для административного, так и для уголовного законодательства, однако в случае с назначением административного наказания, согласно статье 5.61.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, субъектом ответственности может быть только юридическое лицо. При этом уголовно- или административно-правовая защита личности от клеветнической информации допускает применение кумулятивной меры в виде защиты чести, достоинства и деловой репутации, предусматриваемой гражданским законодательством.

При обозначении клеветы важно учитывать, что далеко не всякая недостоверная информация относится к клеветнической. Клевета – это та информация, которая очевидно воспринимается правонарушителем как заведомо ложная, что в конечном счете увеличивает степень виновности злоумышленника и свидетельствует о прямом умысле совершаемого деяния. При этом распространение недостоверной порочащей информации в наиболее общем виде может осуществляться и в форме неосторожности. То есть допускается предположение, что распространитель не имел представления о ложности транслируемых сведений, что, однако, не исключает его гражданско-правовой ответ-

ственности, определяемой на основе вступившего в законную силу судебного акта.

В свою очередь, поскольку потерпевшим по делу о клевете является частное лицо, уголовно-процессуальное законодательство (статья 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4]) относит дела о клевете к категории дел частного обвинения, что, во-первых, выдвигает требование к валидности потерпевшего (заявление о клевете могут подать непосредственно потерпевший либо его законный представитель), а, во-вторых, сохраняет опцию прекращения уголовного преследования вследствие примирения сторон.

Более вредоносный и общественно опасный состав преступления, связанный с посягательством на достоинство личности, представлен в статье 119 Уголовного кодекса Российской Федерации. Речь идет об угрозе убийством или причинения тяжкого вреда здоровью. Для установления данного состава необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- 1) угроза может выражаться как в вербальной форме, так и путем демонстрации предметов или совершения действий, способных воплотить угрозы в действительность;
- 2) сама обстановка совершения преступления свидетельствует о реальности воплощения угрозы;
- 3) потерпевший воспринимает угрозы злоумышленника как реальные, что выражается не в последнюю очередь в объективных действиях жертвы преступного посягательства, направленных на избегание возможных последствий угрозы (это означает, что простого субъективного восприятия потерпевшего, не подкрепленного обстановкой преступления, недостаточно);
- 4) характер отношений жертвы и потерпевшего;
- 5) подтверждение реальности угрозы заключается в начале совершения действий, завершение которых гипотетически привело бы к смерти или тяжкому вреду здоровью (например, угроза смерти путем удушения сопровождается началом процесса ограничения доступа кислорода путем перекрытия дыхательных путей).

При характеристике угрозы убийством и причинения тяжкого вреда здоровью важно иметь в виду, что данная категория дел относится к делам публичного обвинения, что исключает возможность урегулирования отношений между жертвой и злоумышленником в частном порядке. Вероятнее всего, в данном случае законодатель ставил перед собой цель недопущения рецидивов данной формы девиантного поведения, которое наносит урон общественной стабильности и правопорядку в целом.

Таким образом, в завершение статьи можем отметить, что закрепленная в российской Конституции категория «достоинство личности» в разрезе судебной защиты трактуется через негативную интерпретацию свободы, как свобода индивида от распространения в публичном поле недо-

верных и/или заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, а также как свобода от физических посягательств на достойное самовосприятие. При этом, несмотря на частичное регулирование данных отношений нормами публично-правового характера, частный компонент сферы охраны личного достоинства от циркуляции вредоносной информации продолжает довлеть, что объясняется связью уголовных дел о клевете с уголовным преследованием в частном порядке, допускающем урегулирование конфликта без применения уголовно-правовых лишений. Вместе с тем исключительный публичный компонент допускается в тех случаях, когда посягательство на достоинство личности сопрягается с пренебрежением общей стабильностью и состоянием правопорядка.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, апрель 2005 г., № 4.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Том первый. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.
8. Филиппов А.Р. Аксиоматический метод познания природы прав человека // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 318–322.
9. Филиппов А.Р., Новиков О.Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13–28 С. 15.
10. Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc>.

LEGAL REGULATION OF JUDICIAL PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL CATEGORY “PERSONAL DIGNITY”

Papin A.I.

Saratov State Law School Academy

This publication examines the problem of judicial protection of the category “personal dignity”, reflected in the Constitution of the Russian Federation. It is noted that clarification of the constitutional category “personal dignity” in the Russian legal system is undertaken both in public law and in private law acts. Such forms of infringement on personal dignity are designated as the dissemination of information discrediting honor, dignity and business reputation, slander, threats of murder or infliction of grievous bodily harm. In addition, methods of judicial protection of the violated right to personal dignity of a civil, administrative, and criminal nature are revealed. In conclusion, it is noted that the category of “personal dignity” in the context of judicial protection is interpreted through a negative interpretation of freedom, as the freedom of an individual from the dissemination of unreliable and/or deliberately false information in the public field, as well as freedom from physical attacks on decent self-perception. Attention is also drawn to the fact that, despite the partial regulation of these relations by norms of a public law nature, the private component of the sphere of protection of personal dignity continues to dominate. At the same time, an exceptional public component is allowed in cases where an attack on personal dignity is coupled with a disregard for public interests.

Keywords: dignity, slander, death threat, legal protection, defamatory information.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // “Rossiyskaya Gazeta” dated December 25, 1993, No. 237.
2. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ (part one) // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 5, 1994 No. 32 Art. 3301.
3. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated June 17, 1996 No. 25 Art. 2954.
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 24, 2001 No. 52 (Part I) Art. 4921.
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated January 7, 2002 No. 1 (Part I) Art. 1.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 24, 2005 No. 3 “On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, April 2005, No. 4.
7. Dal V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In four volumes. Volume one. St. Petersburg: Publication by bookseller-typographer M.O. Wolf, 1880. 723 p.
8. Filippov A.R. Axiomatic method of understanding the nature of human rights // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. pp. 318–322.
9. Filippov A.R., Novikov O.G. Theoretical approaches to the study of public consent // Socio-political sciences. 2023. T. 13. No. 5. P. 13–28 P. 15.
10. Great Russian Encyclopedia 2004–2017 [Electronic resource]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2630268> (Access date: 02/19/2024).

Деятельность исполнительных органов государственной власти субъектов РФ в сфере содействия занятости (на примере Севастополя)

Прищепа Наталья Станиславовна,

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Института экономики и права (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе
E-mail: nata1sev@bk.ru

В статье рассматривается деятельность исполнительных органов государственной власти по содействию занятости, развитию и поддержке рынка труда посредством партнерских соглашений. Сторонами этих партнерских соглашений являются органы исполнительной власти других регионов внутри государства и за его пределами с зарубежными структурами. Отмечается новизна темы исследования в связи с молодостью нового российского региона – города федерального значения Севастополя. Становление законодательства, правоприменения, партнерских отношений региона развивается относительно недолго на основе новых норм. При этом имеется ощутимый багаж как законодательных актов, так и партнерских соглашений, регулирующих и затрагивающих важнейшие институты трудового права и сферы деятельности граждан, таких, как труд, занятость, безработица. Рассматривается содержание государственной программы города Севастополя «Социальная защита, охрана труда и содействие занятости населения в городе Севастополе». Подчеркивается, что указанная деятельность государственных органов имеет важное значение для наиболее полной, эффективной и результативной деятельности по содействию занятости и защите граждан от безработицы, поскольку дополняет законодательную базу и акты социального партнерства.

Ключевые слова: трудовое право; труд; исполнительные органы государственной власти; содействие занятости; рынок труда; социальное партнерство.

Введение

Государственные органы в своей деятельности обеспечивают регулирование и создание благоприятных условий для содействия занятости, реализации прав граждан в сфере труда и защиты их от безработицы, выработке и реализации программ содействия занятости. Исследователи отмечают, что в основе формирования и реализации государственной политики в области содействия занятости находятся научно-теоретические основы государственного управления в сфере труда [15, с. 25]. Международное и межрегиональное сотрудничество и партнерство органов государственной власти регионов также является существенным и действенным механизмом в регулировании социально-трудовых отношений, и, в том числе, такого важного института как занятость.

Целью исследования является изучение механизма содействия занятости в регионе на уровне высшего органа исполнительной власти города Севастополя. Для этого поставлены следующие задачи: изучить имеющиеся партнерские соглашения, подписанные Правительством Севастополя; рассмотреть разделы, посвященные содействию занятости и развитию сферы труда; проанализировать государственную программу содействия занятости в регионе.

Актуальность исследования подтверждается, во-первых, значимостью института занятости, а во-вторых, малой степенью исследованности темы на региональном уровне, в том числе связанной с тем, что регион является относительно новым в российском правовом поле, однако уже имеет развивающуюся собственную законодательную базу и опыт международного и внутрироссийского партнерства и сотрудничества.

Литературный обзор

Исследованиям в области деятельности государственных органов по содействию занятости посвящены труды ученых: Давлетгильдеев Р.Ш. [10], Закалюжная Н.В. [11], Крылов К.Д. [12], Скачкова Г.С. [13], Трифонова К.В. [14], Чернова О.А. [15] и др.

Город федерального значения Севастополь является отдельным регионом России, и его законодательство, социальное партнерство и международное сотрудничество органов государственной власти стремительно развивается в правовом поле Российской Федерации. В соответствии со ст. 2 закона города Севастополя от 30.04.2014 г. № 6-ЗС «О системе исполнительных органов государственной власти города Севастополя» высшим исполни-

тельным органом государственной власти города является Правительство Севастополя.

В области международного сотрудничества Правительством Севастополя (как органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации (далее – РФ)) подписано несколько актов, которые способствуют развитию взаимоотношений в самых разных сферах, и в том числе в сфере труда и занятости. В новейшей истории города Севастополя можно привести несколько таких примеров.

1. Что касается сотрудничества с государствами ближнего зарубежья (а именно – с Республикой Беларусь (далее – РБ)), в качестве примера такого международного сотрудничества на уровне исполнительных органов следует рассмотреть Соглашение, заключенное **между Правительством Севастополя (от РФ) и Минским городским исполкомом (от РБ)**, подписанное в г. Минск 10 сентября 2022 г. [7]. Данное соглашение направлено на взаимодействие сторон в таких сферах, как торговля, экономика, область науки и техники, социальная защита и гуманитарная сфера. Отметим, что между РФ и РБ подписан договор от 08.12.1999 г. «О создании Союзного государства». Меры по содействию занятости и развитию сферы трудовых отношений содержит ст. 7 вышеуказанного Соглашения. Сторонами предусмотрено способствовать многостороннему сотрудничеству и его расширению в области трудоустройства граждан, производить обмен опытом с работодателями и населением. Предусмотрен также взаимный обмен методическими и информационными материалами в сфере труда и занятости. Для решения актуальных проблем в сфере занятости планируется проведение между сторонами конференций, семинаров, выставок для обмена опытом работы. Таким образом, межгосударственное сотрудничество России и Беларуси нашло свое отражение и в партнерских актах на уровне органов исполнительной власти Минска и Севастополя.

2. Сотрудничество региона в области занятости Севастополя с дальним зарубежьем представлено Соглашением, заключенным между Правительством Севастополя (от РФ) и Администрацией города Тартус (от Сирийской Арабской Республики (далее – САР)) от 15.01.2019 г. [6]. Аналогично рассмотренному выше Соглашению затронуты такие важные направления, как научно-техническое взаимодействие, сфера торговли и экономики, культура, социальная сфера и т.д. Содействию занятости способствует предусмотренное Соглашением установление связей между хозяйствующими субъектами, зарегистрированными в городе Севастополе и провинции Тартус, обеспечение условий для их участия в совместных мероприятиях, обмен специалистами и информацией, создание совместных предприятий, что, безусловно, предполагает создание новых рабочих мест. Также, среди прочего, предусмотрено создание правовых и иных необходимых условий для функционирования совместных предприятий и реализации совместных программ и проектов. Для достижения намеченных целей Соглашением предусмотрено создание

рабочих групп и комиссий, осуществляющих контроль и координирующую деятельность Сторон. Положительному развитию реализации Соглашения и содействию занятости способствует расположение российской военной базы в Тартусе и сотрудничество работников севастопольского судоремонта с тартусскими сирийскими коллегами.

3. **Взаимовыгодное сотрудничество между Севастополем и городом Энтеббе (Республика Уганда) предусмотрено в рамках соответствующего соглашения, подписанного** сторонами 27.07.2023 г. в рамках двухдневного саммита Россия-Африка [5]. Одним из направлений совместной деятельности предусмотрено развитие предпринимательства, что косвенно может влиять на содействие занятости в регионе. Севастопольские предприниматели – участники рыбопромышленного кластера уже выразили большую заинтересованность в таком сотрудничестве.

Отдельно отметим, что международное сотрудничество Правительства Севастополя представлено ещё двумя актами. Прежде всего, подписан **Меморандум между Правительством Севастополя и муниципалитетом Коринфа (Греческая Республика)**, подписанного 18 сентября 2015 г. [2] и ставшего первым актом международного сотрудничества Правительства Севастополя после воссоединения с Россией. Также **между Правительством Севастополя и Администрацией города Массауа (Эритрея)** 19 апреля 2018 г. в г. Ялта (Республика Крым) был подписан соответствующий Протокол [4]. Однако указанные акты не содержат положений о сотрудничестве в области содействия занятости и сфере труда.

Несомненно, международное партнерство дает новый импульс развитию правового регулирования занятости в регионе.

Вопросы содействия занятости касаются также соглашения Правительства Севастополя и субъектов Российской Федерации.

Первым в новейшей истории города после воссоединения с Россией в 2014 г. партнерским актом Севастополя, стороной которого является орган исполнительной власти нового субъекта Российской Федерации, стало **Соглашение о сотрудничестве между Правительствами Севастополя и Саратовской области**, подписанное 19 сентября 2014 г. [9]. Несмотря на тот факт, что сотрудничество в области занятости не стало приоритетным в данном Соглашении, стороны договорились в том числе об оказании методической помощи для органов управления по проведению семинаров по основам российского законодательства, как теоретических, так и практических. Указанные договоренности имеют большое значение для развития законодательной базы и правоприменительной практики нового в российском правовом поле региона. Подобная договоренность о сотрудничестве и оказании всесторонней помощи в формировании необходимой законодательной базы содержится в соответствующем **Соглашении о сотрудничестве между Правительством Севастополя**

и **Администрацией Северодвинска** [8]. Однако указанное Соглашение, в отличие от предыдущего, уже содержит договоренность между сторонами о сотрудничестве по достаточно большому перечню направлений, начиная от взаимовыгодной торговли, туризма и использования санаторно-курортного потенциала Севастополя с целью оздоровления жителей города Северодвинска, заканчивая сотрудничеством в области социальной поддержки населения и трудовых отношений (ст. 2).

Согласно информации официального сайта Правительства Севастополя аналогичные акты о сотрудничестве подписаны Правительством Севастополя и администрациями или правительствами многих регионов Российской Федерации: администрациями Костромской области, города Белгорода, Владивостока, Вологды, Мэрией города Архангельска, Правительствами Москвы, Санкт-Петербурга, Тверской, Свердловской, Курганской областей, Ханты-Мансийского АО – Югры, Чувашской Республики, Республик Саха (Якутия), Мордовия и др. – всего более 60 актов о сотрудничестве. Не все акты содержат разделы о содействии занятости. Соответствующей теме уделено внимание в соглашениях с Кабинетом Министров Чувашской Республики, Правительством Свердловской области, Курганской области и проч. Что касается практической реализации договоренностей, зафиксированных в Соглашениях, предусмотрено составление планов проводимых мероприятий, например, **между Правительством Севастополя и Правительством Республики Калмыкия** (п. 9 «В сфере социальной защиты и занятости населения») [3] предусматривает проведение таких мероприятий как обмен информационными и методическими материалами в области труда и занятости, обмен опытом работы с населением и работодателями (в т.ч. по вопросам профилактики безработицы), а также расширение сотрудничества в сфере трудоустройства граждан путем обмена информацией о вакансиях и готовности работодателя предоставить места для проживания.

В современных условиях процессы глобализации и интеграции накладывают отпечаток на усиление взаимных миграционных процессов между отдельными регионами или государствами. В результате указанных явлений имеет место расширение миграционных потоков. Нельзя не отметить важность концепции единой и согласованной социальной политики государств, между которыми происходит наиболее интенсивный обмен трудовыми мигрантами. Ее результатами можно признать свободное перемещение граждан – трудовых мигрантов и их семей, формирование легального единого рынка труда, единое образовательное пространство, что требует закрепления на уровне высших руководящих органов.

Хотелось бы отметить, что наиболее эффективного содействия в сфере занятости и развитию трудовых отношений могло бы способствовать сотрудничество в рамках региональных и межрегиональных объединений. В качестве примера можно

привести Содружество независимых государств, Евразийский экономический союз. Так, авторы исследований отмечают, что на основе свободного перемещения рабочей силы (а также капиталов, товаров, услуг) происходит формирование единого экономического пространства между государствами – членами этих региональных и межрегиональных объединений. А безусловно положительным и желанным для работника результатом видится зачет стажа, который получен работником на территории другого государства, в том числе при начислении пособий, пенсий. При этом в качестве превентивных мер по недопущению возникновения и распространения нелегальной миграции, которую сложно контролировать, отмечается важность проведения единой визовой политики, нормы о которой следует ввести в тексты соответствующих соглашений [10, с. 602]. Для эффективного взаимодействия в сфере содействия занятости на межгосударственном уровне уже имеются сложившиеся механизмы, не требующие изобретения каких-либо новых приемов и способов. Речь идет о том, что имеющиеся Соглашения в рамках международного сотрудничества, затрагивающие вопросы содействия занятости, развития взаимных трудовых отношений, например, соглашения СНГ и ЕАЭС, имеют трехсторонний характер. При этом указанные соглашения открыты для присоединения к ним новых сторон [14]. В качестве примера можно привести «Договор о Евразийском экономическом союзе», подписанный в г. Астане 29.05.2014 г., который содержит раздел XXVI «Трудовая миграция», посвященный регулированию сотрудничества государств-участников в сфере трудовой миграции, трудовой деятельности рабочих-мигрантов, их правам и обязанностям.

В Российской Федерации поддерживается право граждан на защиту от безработицы и создание условий для достойной жизни и развития человека. С этой целью органы государственной власти на федеральном уровне разрабатывают государственную политику в области занятости, проводят меры по ее реализации. Однако осуществление таких мер из федерального центра передано в полномочия субъектов [13, с. 320]. Партнерские соглашения Правительства Севастополя, как международные, так и внутрироссийские межрегиональные, не имеют силы закона или акта социального партнерства, однако, безусловно, демонстрируют намерения сторон на перспективное и долгосрочное сотрудничество в жизненно важных сферах по поводу социально и экономически значимых направлений деятельности. Постановлением Правительства РФ от 22 января 2007 г. № 36 «Об утверждении Правил расходования и учета средств, предоставляемых в виде субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление переданных полномочий Российской Федерации в области содействия занятости населения» предусмотрено финансирование субвенций на разработку и реализацию региональных программ, которые включают в себя деятель-

ность по содействию занятости населения. Пример такой программы имеется и в городе Севастополе. **Постановлением Правительства Севастополя утверждена соответствующая программа по содействию занятости, а также социальной защите и охране труда в городе** [1].

Таким образом, помимо сотрудничества на международном и межрегиональном уровнях органы государственной власти разрабатывают и реализуют программные мероприятия, которые ориентированы на содействие занятости, помощь в трудоустройстве всем слоям населения, и, в том числе, социально уязвимым и требующим особой заботы, например, инвалидам и пр.

Реализация программы рассчитана на 2022–2030 г.г. В качестве ответственного исполнителя указан Департамент труда и социальной защиты населения города Севастополя (далее – ДТСЗН). Вопросы содействия занятости содержат подпрограммы: № 4 «Содействие занятости населения в городе Севастополе», № 5 «Сопровождение инвалидов молодого возраста при получении ими

профессионального образования и содействие в последующем трудоустройстве», № 6 «Сотрудничество в сфере содействия занятости и социальной защиты населения», № 9 «Реализация национальных проектов в сфере социальной политики и занятости населения города Севастополя».

В области занятости и трудоустройства программа содержит основные цели и задачи, направленные на обеспечение государственных гарантий граждан в области содействия занятости, улучшение условий труда и охраны труда, создание условий для трудоустройства молодых инвалидов, в том числе, после получения ими профессионального образования и пр.

Реализация программы рассчитана на один этап 2022–2030 г.г. и финансирование на сумму более 40 млн руб., основную часть из которых планируется использовать из бюджета города Севастополя (около 87%), частично – из федерального бюджета (чуть менее 13%), и незначительная часть представлена внебюджетными средствами (менее 1%). Подробнее см. в таблице 1.

Таблица 1. «Объемы финансирования программы, всего, по годам и по источникам финансирования (в тыс. руб.)» [1].

Источник финансирования	Федеральный бюджет	Бюджет города Севастополя	Бюджеты других субъектов РФ	Внебюджетные средства	Итого
2022 год	1764670,1	3252147,4	0,0	14886,2	5031703,7
2023 год	1936982,5	3333767,1	0,0	15035,1	5285784,7
2024 год	1482603,5	3426011,6	0,0	15035,1	4923650,2
2025 год	0,0	4220493,1	0,0	15035,1	4235538,2
2026 год	0,0	3927452,7	0,0	15035,1	3942487,8
2027 год	0,0	4079730,1	0,0	15035,1	4094765,2
2028 год	0,0	4238098,9	0,0	15035,1	4253134,0
2029 год	0,0	4402802,0	0,0	15035,1	4417837,1
2030 год	0,0	4574093,1	0,0	15035,1	4589128,2
Итого	5184256,1	35454596,0	0,0	135167,0	40774019,1

От реализации данной программы ожидается достичь следующих результатов:

- снизить удельный вес работников, занятых на работах с вредными и/или опасными условиями труда, до 24% от общей численности (на рабочих местах которых была проведена специальная оценка условий труда);
- к моменту окончания действия программы увеличить общую численность населения, занятого экономической деятельностью, до 335,1 тыс. человек;
- снизить уровень безработицы до 4,0% от численности рабочей силы города Севастополя (по методологии МОТ);
- увеличить до 53,0% от общей численности долю инвалидов молодого возраста, которые найдут работу в течение года после получения среднего профессионального и высшего образования.

Вывод. Проведенный анализ партнерских соглашений между Правительством Севастополя

и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и зарубежных администраций дает основания полагать, что вопросам регулирования и содействия занятости начинает уделяться внимание в новых видах публично-правовых актов, что могло бы получить в дальнейшем определенное расширение в целях реализации основных направлений современной российской политики занятости. Что касается города Севастополя, партнеров интересует санаторно-курортный и лечебный потенциал региона, культурный обмен и взаимодействие в сфере торговли, образования, инвестиций, спорта, туризма и круглогодичного отдыха. Однако договоренности и намерения в сфере сотрудничества хозяйствующих субъектов, закрепленные в партнерских соглашениях, могут положительно влиять на взаимовыгодное содействие занятости в регионах. Важно использовать потенциал регионов, их ключевые преимущества для реализации планов по развитию трудовых отношений, рынка труда, защите граждан от безработицы,

уделяя должное внимание одновременно миграционной и визовой политике. Партнерские соглашения и государственные программы содействия занятости могут служить хорошей основой как для обмена опытом, так и для дальнейшего развития и оптимизации законодательства в данной сфере.

Литература

1. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование трудовой миграции в Евразийском регионе: попытка приблизиться к свободе передвижения работников? // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16., № 4. С. 595–610.
2. Закалюжная Н.В., Ухина Н.И. Международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции // Молодой ученый (г. Казань). 2020. № 27 (317). С. 314–317.
3. Крылов К.Д. Правовые доминанты государственного регулирования трудовой миграции. // Государство и право XXI века: современные тенденции и новые вызовы: сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. – Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2020. 346 с. С. 27–32.
4. Скачкова Г.С. Социальная защита граждан в сфере занятости населения: некоторые вопросы правового регулирования // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 318–331.
5. Трифонова К.В. Международно-правовое регулирование трудовой миграции: системный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 247–252.
6. Чернова О.А., Энгелис А.А. Государственное управление в сфере содействия занятости // Закон и Власть. 2023. № 4. С. 25–29.
7. Меморандум о сотрудничестве между Правительством Севастополя (Российская Федерация) и муниципалитетом города Коринфа (Греческая Республика) в торгово-экономической, научно-технической и культурной сферах. – 21 октября 2015 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/405/12305/>.
8. План мероприятий по реализации Соглашения между Правительством Севастополя и Правительством Республики Калмыкия о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, социальной, культурной и иных сферах. – 21.09.2023 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/256/195663/>.
9. Постановление Правительства Севастополя от 20.12.2021 г. № 675-ПП Об утверждении государственной программы города Севастополя «Социальная защита, охрана труда и содействие занятости населения в городе Севастополе» // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/253/163689/>.
10. Протокол о намерениях между Правительством Севастополя (Российская Федерация) и Администрацией города Массауа (Государство Эритрея). – 22 мая 2018 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/405/52358/>.
11. Соглашение между Правительством Севастополя (Российская Федерация) и Администрацией города Энтеббе (Республика Уганда) о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и социально-гуманитарной сферах. – 14 августа 2023 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/405/190821/>.
12. Соглашение между Правительством Севастополя (Российская Федерация) и Администрацией провинции Тартус (Сирийская Арабская Республика) об осуществлении международных и внешнеэкономических связей в торгово-экономической, научно-технической, культурной, гуманитарной и социальной сферах. – 21 мая 2019 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/405/72309/>.
13. Соглашение между Правительством Севастополя (Российская Федерация) и Минским городским исполнительным комитетом (Республика Беларусь) о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и социально-гуманитарной сферах. – 16 ноября 2022 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/405/178442/>.
14. Соглашение о сотрудничестве между Правительством Севастополя и Администрацией Северодвинска в торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах. – 27.02.2015 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/256/2221/>.
15. Соглашение о сотрудничестве между Правительством Севастополя и Правительством Саратовской области. – 16 февраля 2015 г. // Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/256/2990/>.

THE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE AUTHORITIES OF STATE POWER OF THE SUBJECTS OF THE PF IN THE FIELD OF EMPLOYMENT PROMOTION (ON THE EXAMPLE OF SEVASTOPOL)

Prishchepa N.S.

Academy of Labor and Social Relations» in Sevastopol

The article examines the activities of executive bodies of state power to promote employment, development and maintenance of the labor market through partnership agreements. The parties to these partnership agreements are the executive authorities of other regions within the state and beyond with foreign structures. The novelty of the research topic is noted in connection with the youth of the new Russian region – the federal city of Sevastopol. The formation of legislation, law enforcement, and partnerships in the region has been developing for a relatively short time on the basis of new norms. At the same time, there is a tangible baggage of both legislative acts and partnership agreements regulating and affecting the most important institutions of labor law and spheres of activity of citizens, such as labor, employment, unemployment. The content of the state program of the city of Sevastopol «Social protection, labor protection and employment promotion in the city of Sevastopol» is considered. It is emphasized that these activities of state bodies are important for the most complete, effective and efficient activities to promote employment and protect citizens from unemployment, since they complement the legislative framework and acts of social partnership.

Ключевые слова: employment law; labour; executive authorities of state power; employment promotion; the labor market; social partnership.

References

1. Davletgildeev R. Sh. International legal regulation of labor migration in the Eurasian region: an attempt to get closer to freedom of movement of workers? // *Journal of Social Policy Research*. 2018. T. 16., No. 4. P. 595–610.
2. Zakalyuzhnaya N.V., Ukhina N.I. International legal framework for regulating external labor migration // *Young scientist (Kazan)*. 2020. No. 27 (317). pp. 314–317.
3. Krylov K.D. Legal dominants of state regulation of labor migration. // *State and law of the XXI century: modern trends and new challenges: collection of materials of the international scientific and practical conference / rep. ed. T.A. Soshnikova*. – Moscow: Publishing house of Moscow University for the Humanities, 2020. 346 p. pp. 27–32.
4. Skachkova G.S. Social protection of citizens in the field of employment: some issues of legal regulation // *Yearbook of Labor Law*. 2021. No. 11. pp. 318–331.
5. Trifonova K.V. International legal regulation of labor migration: systemic analysis // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal sciences*. 2023. T. 9 (75). No. 2. pp. 247–252.
6. Chernova O.A., Engelis A.A. Public administration in the field of employment promotion // *Law and Power*. 2023. No. 4. pp. 25–29.

7. Memorandum of cooperation between the Government of Sevastopol (Russian Federation) and the municipality of Corinth (Greek Republic) in the trade, economic, scientific, technical and cultural spheres. – October 21, 2015 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/405/12305/>.
8. Action plan for the implementation of the Agreement between the Government of Sevastopol and the Government of the Republic of Kalmykia on cooperation in trade, economic, scientific, technical, social, cultural and other spheres. – 09.21.2023 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. – [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/256/195663/>.
9. Resolution of the Government of Sevastopol dated December 20, 2021 No. 675-PP On approval of the state program of the city of Sevastopol “Social protection, labor protection and promotion of employment in the city of Sevastopol” // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/253/163689/>.
10. Protocol of intent between the Government of Sevastopol (Russian Federation) and the Administration of the city of Massawa (State of Eritrea). – May 22, 2018 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/405/52358/>.
11. Agreement between the Government of Sevastopol (Russian Federation) and the Administration of the city of Entebbe (Republic of Uganda) on cooperation in trade, economic, scientific, technical, social and humanitarian spheres. – August 14, 2023 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/405/190821/>.
12. Agreement between the Government of Sevastopol (Russian Federation) and the Administration of the Province of Tartus (Syrian Arab Republic) on the implementation of international and foreign economic relations in trade, economic, scientific, technical, cultural, humanitarian and social spheres. – May 21, 2019 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/405/72309/>.
13. Agreement between the Government of Sevastopol (Russian Federation) and the Minsk City Executive Committee (Republic of Belarus) on cooperation in the trade, economic, scientific, technical, social and humanitarian spheres. – November 16, 2022 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/405/178442/>.
14. Agreement on cooperation between the Government of Sevastopol and the Administration of Severodvinsk in trade, economic, scientific, technical, cultural and other fields. – 02/27/2015 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/256/2221/>.
15. Agreement on cooperation between the Government of Sevastopol and the Government of the Saratov Region. – February 16, 2015 // Government of Sevastopol. Official portal of government authorities. [Electronic resource]. Access mode: <https://sev.gov.ru/docs/256/2990/>.

Правовое регулирование технологии блокчейн при осуществлении публичной власти

Титов Алексей Сергеевич,

специалист с квалификацией юрист, Московский Университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: sled.titov@mail.ru

В статье обозначена сущность понятия «блокчейн». В статье проводится исследование актуальной проблематики, связанной с применением технологии блокчейн в сфере государственного управления. В статье освещаются ключевые аспекты правового регулирования технологий, основанных на распределенном реестре, включая вопросы теневизации экономики, эмиссии и обращения денежной массы, снижения уровня бюрократии при оказании государственных услуг, эффективизации механизма выборов. Автор анализирует существующие правовые нормы и регуляторные механизмы, а также предлагают рекомендации по совершенствованию законодательства для эффективного внедрения блокчейна в сферу публичной власти. В статье выявлены основные проблемы и перспективы использования технологии блокчейн в государственном управлении, а также предлагаются пути их решения с учетом требований современной эпохи.

Ключевые слова: блокчейн, распределенный реестр, биткоин, цифровые финансовые активы, избирательное право, государственность, публичная власть.

Научное осмысление различных проблем, специфических черт и перспектив внедрения технологии блокчейн во все сферы общественной жизни, экономики и управления представляется нам весьма актуальным. Уже сегодня можно с уверенностью говорить о том, что токенизация экономики и общественной жизни являет собой необратимую тенденцию, которая в самое ближайшее время начнет определять дальнейшие пути и темпы развития общества и государства.

Прежде чем рассматривать предметную область правового регулирования технологии блокчейн в контексте реализации публичной власти, требуется определить сущность и характеристики данной технологии.

Е.А. Лановая определяет блокчейн довольно общо – как многофункциональную и многоуровневую информационную технологию, которая предназначена для учета различных активов [6, с. 56].

С.Э. Либанова предлагает следующую дефиницию блокчейна: «разновидность распределённого реестра, то есть децентрализованной базы данных, предназначенной только для добавления информации, данные в который записываются блоками с использованием криптографических алгоритмов таким образом, что каждый новый блок включает информацию о предыдущем блоке» [7, с. 526]. Распределенные реестры позволяют сохранять информацию в децентрализованном формате – речь идет об отсутствии единого центра управления реестром. База данных сохраняется на устройствах пользователей, и любое обновление в данных моментально распространяется по всем «узлам» (устройствам пользователей системы). Пользователи проверяют внесенные изменения (транзакцию) и одобряют ее (т.н. механизм консенсуса). При этом информация в базах данных структурирована таким образом, что ее невозможно изменить или удалить в несанкционированном порядке. Данные принципы работы позволяют формировать неизменную цепочку блоков транзакций и таким образом повышает доверие участников к системе.

Следует согласиться со С.Э. Либановой в том, что сочетание таких параметров, как децентрализация, использования криптографии, прозрачность цепочки блоков, исключительная сложность фальсификации данных позволяет сделать вывод о том, что блокчейн еще достаточно долго будет циркулировать в качестве одной из наиболее перспективных и дискуссионных технологий [7, с. 526].

При этом изначально категории «распределенный реестр», «криптоактив», «блокчейн», «биткоин» и проч. рассматривались исключительно в на-

учных трудах в областях программирования, инженерии, кибербезопасности, экономики, тогда как сегодня все чаще авторы научных публикаций, монографий и диссертационных исследований говорят обо всех вышеперечисленных феноменах как о социальных, социокультурных, юридических инновациях.

Сегодня к представителям научных кругов и политических элит пришло осознание того, что блокчейн приводит к трансформации механизмов взаимодействия различных участников общества не только в рамках экономических отношений, но и в сфере взаимоотношений граждан и государства, личности и общества. Все чаще блокчейн рассматривается с позиции кардинальных преобразований институциональных систем органов системы публичной власти и институтов гражданского общества [7, с. 526].

Как отмечает Е.А. Лановая, блокчейн охватывает множество прикладных областей, среди которых – финансы, экономика и денежные транзакции, в т.ч. имеющие трансграничный частно-корпоративный или межгосударственный характер, операции с материальными и нематериальными активами. В перечень нематериальных активов, которыми можно управлять посредством блокчейн-технологии, можно включить права голосования, идеи, репутацию, медицинские данные, персональную информацию [6, с. 56]. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что блокчейн выступает одним из наиболее важных направлений научных изысканий в области юриспруденции.

Как отмечено выше, изначально блокчейн технология ассоциировалась исключительно со сферой денежного обращения. Действительно, «денежный» вектор внедрения блокчейн технологий требует отдельного внимания со стороны органов власти, ведь **обращение денежной массы и валюты традиционно считается исключительной компетенцией государственной власти, и утрата соответствующих полномочий приводит к невозможности государства реализовывать свои властные полномочия в финансовой и валютной сферах.**

Внедрение активов цифрового типа, основанных на технологии распределенного реестра, существенно влияет на функционирование финансовой системы государства, банков, валютного обращения, изменяют доли обращения наличных и безналичных денег. Государства в данной связи вынуждены своевременно принимать меры по правовому регламентированию новых институтов, механизмов, явлений и процессов, происходящих в финансовой системе.

Ключевым недостатком распространения технологии блокчейн в сфере финансов и валюты, по мнению П.А. Виноградовой, выступает «возможность ухода от тотального контроля» со стороны государства и, как следствие, потеря одного из важных компонентов государственности [3, с. 55]. Специалисты, кроме того, отмечают, что криптовалюты являются одним из факторов сниже-

ния эффективности правоохранительной деятельности властных ведомств: цифровые активы, как показывает практика, все чаще становятся удобным и неотслеживаемым финансовым инструментом для мошенников, наркоторговцев, представителей экстремистских формирований. **Криптовалюты способствуют теневизации рынка и экономики** в целом, негативно сказываются на налоговой базе государства и, таким образом, их обращение приводит к систематическому неполучению государством средств в государственный бюджет. **Недофинансирование, в свою очередь, является одним из ключевых препятствий на пути к реализации публичной власти.**

С учетом всего вышеизложенного вполне закономерным нам представляется скепсис, который демонстрируют многие национальные правительства в отношении технологий блокчейн. В данной связи многие из них пошли по пути радикального запрета цифровых активов и приняли ряд императивных законодательных положений, прямо запрещающих оборот любых цифровых активов, если их генерация и диффузия в экономике не были инициированы самим государством.

Некоторые государства, напротив, приняли решение следовать по либеральному пути, признавая априорную неизбежность популяризации цифровой и криптовалюты в национальной и мировой экономике. Можно сказать, что **отечественный законодатель занимает некую промежуточную позицию с определенным уклоном в императивно-запретительный вектор официальных политик.** Так, Центробанк неоднократно поднимал вопрос о введении за работу с цифровой валютой уголовной ответственности [9, с. 50].

Попытки регламентировать новые правоотношения, возникающие в области цифровых денег и криптовалюты, были реализованы в рамках Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10]. Закон зафиксировал нормативные положения, затрагивающие вопросы выпуска (в т.ч. майнинга), учета, распределения, обмена, монетизации цифровых финансовых активов, определить характер и принципы деятельности оператора информационной системы, оператора обмена цифровых финансовых активов. Отечественный законодатель лишь отчасти признал возможность использования цифровых активов: так, в частности, Законом разрешается покупать и продавать цифровые финансовые активы, обменивать их на другие виды цифровых активов, но, при этом запретить рассматривать их в качестве платежного средства [3, с. 55]. Еще одним важным нормативным актом в области правового регулирования технологии блокчейн является Федеральный закон от 18.03.2019 № 34ФЗ [11] и соответствующие изменения в 1 части Гражданского Кодекса [4], где в рамках стст. 141 и 128 была введена категория «цифровые права».

Большинство исследований и новых нормативных актов, принимаемых в России, сосредоточено на финансовом аспекте технологии блокчейн. Тем не менее, как отмечено выше, блокчейн используется во множестве различных отраслей и сфер деятельности. Так, **государственное администрирование является одним из важнейших направлений имплементации блокчейн-технологий**. Как отмечает И.А. Исмоилов, «граждане и государство не всегда и не во всех странах доверяют друг другу одинаково и взаимно», а блокчейн позволяет укрепить это доверие и сделать процесс управления социально-экономической системой более прозрачным [5, с. 149].

С.Э. Либанова также говорит о том, что блокчейн можно эффективно использовать и в нефинансовой сфере, в том числе в сфере государственного управления. За рубежом, в частности, важность применения распределенных реестров в целях укрепления доверия между ключевыми участниками политической и социальной системы (бизнес, государство, некоммерческие организации, граждане) обозначена в тексте Декларации о создании Европейского блокчейн-партнерства (ЕБР) для целей сотрудничества в области создания Европейской инфраструктуры блокчейн-сервисов (EBSI) [7, с. 525].

Е.В. Былинкина говорит о том, что блокчейн позволяет реализовать более действенный и справедливый механизм реализации прав граждан на участие в управлении публичными делами. В рамках данной декларации было предложено 4 ключевых направления для имплементации блокчейн-технологии: нотариальное заверение документов, выдача, проверка и перевыпуск документов о профессиональном образовании, идентификация граждан, обмен «чувствительными» данными (к примеру, данными между гражданами и таможенными/налоговыми органами разных стран Европейского Союза) [2, с. 145].

При этом следует сказать, что внедрение блокчейн в нефинансовые сферы пока остаётся за пределами правового регулирования. Отечественный законодатель пока не имеет соответствующих норм, регулирующих политический аспект функционирования распределенных реестров. Кроме того, внедрение технологии блокчейн в сферу государственного управления сопряжено с массой рисков, о чем неоднократно сообщают отечественные правоведы и ученых иных областей ([12], [1] и др.).

Во всем мире цифровизация привела к росту потребительских ожиданий: современные клиенты хотят получать более качественный продукт или услугу, отказываются ожидать их в течение долгого времени, имеют практически неограниченное число альтернатив на рынке, доступных на расстоянии «в один клик». Возросшие запросы затрагивают также и вопросы оказания услуг и предоставления материальных благ со стороны государства. Ожидается, что **государство будет способно оперативно, корректно и качественно оказывать ус-**

луги по консультированию и информированию, документальному оформлению, предоставлять возможность записаться на прием к специалистам широкого спектра, рассматривать жалобы или даже осуществлять онлайн-правосудие.

Бюрократическая централизованная государственная машина, которая функционирует в большинстве случаев в режиме «офлайн», отличается громоздкостью и медлительностью и не отвечает запросам современных людей. В данной связи органы власти принимают меры по оцифровке системы государственного администрирования. Как указано в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 2034 информационные и коммуникационные технологии стали частью современных систем государственного управления. В тексте Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 4745 одной из приоритетных целей развития страны указана цифровая трансформация, для которой установлены в том числе такие целевые показатели как достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в т.ч. государственного управления [7, с. 527].

Несмотря на то, что оцифровка сферы государственного управления включена в перечень приоритетных общегосударственных целей, **конкретных системных мер или правовых актов, регламентирующих и стимулирующих переход к блокчейну в нашей стране пока не наблюдается**. Весьма показательным, по мнению Е.В. Былиной, является тот факт, что российским техническим комитетом по стандартизации «Программно-аппаратные средства технологий распределенного реестра и блокчейн» до сих пор не было выработано стандартов [2, с. 150].

В России власти пока не акцентируют внимания на внедрении блокчейн в сферу публичного участия и управления. Меры, направленные на «токенизацию» сферы государственного администрирования, имеют, скорее, точечный характер. Так, к примеру, в июле 2020 в Москве и Нижегородской областях онлайн-голосование по поправкам в Конституцию РФ осуществлялось на основе технологии блокчейн. По мнению специалистов, сама по себе практика выборов посредством бюллетеней, существующая на сегодняшний день, является уязвимой. Имеются случаи фальсификации бюллетеней, голосования по несколько раз одним и тем же лицом, манипуляции с открепительными удостоверениями и т.п. Использование технологии блокчейн, в свою очередь, способно нейтрализовать большинство из подобных рисков. Блокчейн позволит проголосовать лишь единожды и отследить свой голос в системе, просмотреть статистику голосования. При этом подобные практики потребуют существенной реорганизации нормативного правового массива, регламентирующего избирательный процесс и смежные сферы. Так, законодатель должен получить целостное представление о том, как при внедрении блокчейн-технологии избежать нарушения фундаментальных принципов всеобщности избирательного права (ведь голосовать смо-

гут лишь владельцы электронных устройств с доступом к Сети), как соблюдения тайну голосования [8, с. 180]. Все это, безусловно, должно получить отражение в новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Блокчейн представляет собой разновидность распределенного реестра, децентрализованную базу данных, предназначенную только для добавления информации, данные в которой записываются блоками с использованием криптографических алгоритмов в децентрализованном формате.
2. Блокчейн охватывает множество прикладных областей, среди которых – финансы, экономика и денежные транзакции, в т.ч. имеющие трансграничный характер. Внедрение блокчейн в экономики порождает вопросы правового регулирования обращения денежной массы, эмиссии денег, профилактики теневизации экономики и др.
3. Блокчейн приводит к трансформации механизмов взаимодействия различных участников общества не только в рамках экономических отношений, но и в сфере взаимоотношений граждан и государства, личности и общества. Все чаще блокчейн рассматривается с позиции кардинальных преобразований институциональных систем органов системы публичной власти и институтов гражданского общества.
4. Блокчейн в сфере публичного управления способен снизить уровень бюрократии, обеспечить прозрачность деятельности властных ведомств и улучшить избирательный процесс.

Литература

1. Астапенко, П.Н. Демократическое государство и квазигосударственность. Институциональные риски в интернет-эпоху / П.Н. Астапенко // Закон и право. – 2018. – № 10. – С. 15–22.
2. Былинкина, Е.В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация / Е.В. Былинкина // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 143–155.
3. Виноградова, П.А. Цифровые финансовые активы. Полномочия органов публичной власти по регулированию / П.А. Виноградова // Право и управление. – 2022. – № 8. – С. 54–57.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.
5. Исмоилов, И.А. Правовые аспекты применения блокчейн-технологии / И.А. Исмоилов // Вестник науки. – 2022. – № 1 (46). – С. 148–154.
6. Лановая, Е.А. Правовое регулирование блокчейн / Е.А. Лановая // Вестник магистратуры. – 2022. – № 10–3 (133). – С. 56–58.

7. Либанова, С.Э. Социокультурное измерение юридических инноваций через блокчейн / С.Э. Либанова // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 524–528.
8. Руднева, Т.С. Способы применения и правовые проблемы реализации технологии «Блокчейн» в избирательном процессе / Т.С. Руднева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 6 (32). – С. 178–182.
9. Строгонова, Е.И. Внедрение криптовалюты в банковскую платежную систему страны / Е.И. Строгонова // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2019. – № 27–2. – С. 49–51.
10. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ – Дата доступа: 22.04.2024.
11. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Консультант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/. – Дата доступа: 20.03.2024.
12. Янковский, Р.М. Проблематика правового регулирования децентрализованных систем на примере блокчейна и смарт-контрактов / Р.М. Янковский // Государственная служба. – 2018. – № 2 (112). – С. 64–68.

LEGAL REGULATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY WITHIN THE FRAMEWORK OF PUBLIC ADMINISTRATION

Titov Alexey Sergeevich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The article outlines the essence of the concept of “blockchain”. The article studies current issues related to the use of blockchain technology in the field of public administration. The article highlights key aspects of the legal regulation of technologies based on a distributed registry, including issues of shadow economy, emission and circulation of the money supply, reducing the level of bureaucracy in the provision of public services, and efficiency of the election mechanism. The authors analyze existing legal norms and regulatory mechanisms, and also offer recommendations for improving legislation for the effective implementation of blockchain in the sphere of public authority. As a result, the article identifies the main problems and prospects for using blockchain technology in public administration, and also suggests ways to solve them, taking into account the requirements of the modern era.

Keywords: blockchain, distributed register, bitcoin, digital financial assets, election law, statehood, public administration.

References

1. Astapenko, P.N. Democratic state and quasi-statehood. Institutional risks in the Internet era / P.N. Astapenko // Law and law. – 2018. – No. 10. – P. 15–22.

2. Bylinkina, E.V. Blockchain: legal regulation and standardization / E.V. Bylinkina // Law and politics. – 2020. – No. 9. – pp. 143–155.
3. Vinogradova, P.A. Digital financial assets. Powers of public authorities to regulate / P.A. Vinogradova // Law and management. – 2022. – No. 8. – pp. 54–57.
4. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 16, 2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32.
5. Ismoilov, I.A. Legal aspects of the application of blockchain technology / I.A. Ismoilov // Bulletin of Science. – 2022. – No. 1 (46). – pp. 148–154.
6. Lanovaya, E.A. Legal regulation of blockchain / E.A. Lanovaya // Magistracy Bulletin. – 2022. – No. 10–3 (133). – pp. 56–58.
7. Libanova, S.E. Sociocultural measurement of legal innovations through blockchain / S.E. Libanova // Legal technology. – 2021. – No. 15. – pp. 524–528.
8. Rudneva, T.S. Methods of application and legal problems of implementing Blockchain technology in the electoral process / T.S. Rudneva // Innovative economics: prospects for development and improvement. – 2018. – No. 6 (32). – pp. 178–182.
9. Strogonova, E.I. Introduction of cryptocurrency into the country's banking payment system / E.I. Strogonova // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2019. – No. 27–2. – pp. 49–51.
10. Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” dated July 31, 2020 N 259-FZ // Consultant Plus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ – Access date: 04/22/2024.
11. Federal Law “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” dated March 18, 2019 No. 34-FZ // Consultant [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/. – Access date: 03/20/2024.
12. Yankovsky, R.M. Problems of legal regulation of decentralized systems using the example of blockchain and smart contracts / R.M. Yankovsky // State Service. – 2018. – No. 2 (112). – pp. 64–68.

Развитие института применения мер профилактики административных правонарушений в области защиты интеллектуальных прав

Толкачева Наталья Сергеевна,

аспирант, юридический факультет, Российская таможенная академия Российская Федерация
E-mail: Natalia.Tolkacheva.Leo@yandex.ru

Целью исследования является изучение существующего комплекса мер профилактики административных правонарушений в области защиты интеллектуальных прав, а также формулирование предложений по его совершенствованию для повышения общественного правосознания.

При проведении исследования были использованы методы анализа и оценки регулирующих профилактику правонарушений документов. Для всестороннего изучения вопроса был применен метод сбора статистических данных о количестве административных правонарушений в области защиты интеллектуальных прав.

Установлено, что за 2023 год достигнутые результаты составили три основные группы: улучшение законодательства, проведенная работа государственных органов, образовательные мероприятия и программы. На основании произведенной государственными органами работы сформулированы существующие проблемные вопросы, поставленные к решению: недостаточная эффективность мер контроля; отсутствие унифицированных подходов; необходимость совершенствования законодательства; недостаточное освещение темы.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что выделенный ряд проблемных вопросов решается профилактическими мерами, состоящими из четырех групп: контрольного и надзорного характера, координирующего характера, законодательного и образовательного характера.

Ключевые слова: защита интеллектуальных прав; профилактические меры; административные правонарушения.

Введение

В современном информационном обществе интеллектуальная собственность становится одним из ключевых ресурсов, определяющих конкурентоспособность государства в экономической сфере. Приоритетной задачей становится охрана интеллектуальных результатов авторов от недобросовестного использования и нарушений. В контексте обеспечения эффективной административно-правовой защиты интеллектуальной собственности, особое внимание уделяется административно-правовым мерам профилактики административных правонарушений. Актуальность действенных профилактических мер играет важную роль в связи с развитием технологий и увеличением количества нарушений интеллектуальных прав в сети Интернет. Это в свою очередь требует разработки новой профилактической программы для пресечения административных правонарушений в цифровой среде.

Материалы и методы

В рамках исследования мер профилактики административных правонарушений в области защиты интеллектуальных прав используются различные методы, в первую очередь анализа действующей нормативной базы, в частности, регулирующих профилактику правонарушений документов. Для всестороннего изучения вопроса был применен метод сбора статистических данных о количестве административных правонарушений в области защиты интеллектуальных прав. Использование комплексного подхода к анализу законодательства и статистики материалов позволяет выявить результативность имеющихся в обороте профилактических мер и выработать направления для их совершенствования.

Литературный обзор

В Федеральном законе № 182-ФЗ [1] закладывается основа профилактики правонарушений в России, где профилактические меры носят социальный, правовой, организационный, информационный и иного характер. В качестве административно-правовых форм по целям воздействия выделяются профилактические [2, С. 192]. Современное формирование административно-правовых мер профилактики административных правонарушений в области охраны интеллектуальных прав в России должно отталкиваться от достигнутых результатах за год и поставленных проблемных вопросов к решению.

За 2023 год достигнутые результаты составляют три группы: улучшение законодательства, про-

веденная работа государственных органов, образовательные мероприятия и программы.

Улучшение законодательства. За последние годы в России принимался ряд законодательных изменений, направленных на укрепление защиты интеллектуальной собственности и борьбу с административными нарушениями. Примером могут служить следующие нововведения:

1. В рамках борьбы с ситуациями, когда потребитель вводится в заблуждение, был введен запрет на регистрацию, использование и отчуждение товарных знаков [3], целью нововведения служит защита прав потребителей и поддержание честной конкуренции, основанной на интеллектуальных правах по отношению к товарному знаку.

2. В Гражданский кодекс РФ [4] внесены изменения в статью 1260, которые обеспечивают защиту прав авторов производных и составных произведений и приравнивают их к самостоятельным объектам интеллектуальных прав, которые теперь охраняются независимо от авторов произведений.

Представленные нововведения способствуют повышению уровня охраны прав авторов, в первом случае – создавая благоприятные условия для честной конкуренции, а во втором – обеспечивая охрану новому самостоятельному объекту интеллектуальных прав.

Проведенная работа государственных органов. За прошедший 2023 год государственные органы активно осуществляли мероприятия по контролю за соблюдением интеллектуальных прав и предпринимали меры по пресечению административных нарушений. Роспатент играет ключевую роль в обеспечении защиты и регулировании объектов интеллектуальной собственности в России. Взаимодействие Роспатента с федеральными органами исполнительной власти является необходимым для эффективной координации в области контроля и надзора на интеллектуальную собственность, согласно постановлению Правительства о Роспатент можно выделить следующие группы функций в данной сфере [5]:

1. Координация законодательства. Роспатент взаимодействует с федеральными органами исполнительной власти для координации разработки и совершенствования законодательства в области интеллектуальной собственности, затем представляет в Министерство экономического развития (Минэкономразвития) проекты. Это позволяет формировать единые стандарты и правила защиты прав.

2. Предоставление консультаций и экспертной поддержки. Роспатент является экспертным органом по вопросам интеллектуальной собственности и оказывает помощь федеральным органам исполнительной власти в разъяснении сложных вопросов правового регулирования.

3. Контроль за соблюдением прав. Роспатент координирует этот вид деятельности, связанной с соблюдением прав интеллектуальной собственности, и взаимодействует с органами исполнитель-

ной власти для надлежащего пресечения нарушений.

4. Пропаганда и информационная поддержка. Роспатент оказывает содействие в проведении информационных кампаний и образовательных мероприятий международного и национального масштаба по вопросам защиты интеллектуальной собственности.

Таким образом, взаимодействие Роспатента с федеральными органами исполнительной власти является важным элементом гармонизации деятельности в области охраны объектов интеллектуальной собственности, обеспечивая согласованный и эффективный подход к контролю и надзору в сфере охраны интеллектуальных прав.

Образовательные мероприятия и программы. Проводятся образовательные мероприятия и кампании, нацеленные на повышение осведомленности населения о правах интеллектуальной собственности и последствиях их нарушений. За 2023 год Роспатентом организованы 3 научно-практические конференции, проведена 1 международная конференция, 29 вебинаров, консультаций и обучающих семинаров, включающих открытые уроки для школьников и молодежи. Тематика носила различный характер, в частности, раскрывались вопросы патентования, региональных брендов и изучение электронных сервисов, а также простые вопросы просвещения охраны интеллектуальных прав [6].

На основании произведенной государственными органами работы можно сформулировать существующие проблемные вопросы, поставленные к решению: недостаточная эффективность мер контроля; отсутствие унифицированных подходов; необходимость совершенствования законодательства; недостаточное освещение темы.

Недостаточная эффективность мер контроля. Несмотря на качественную работу государственных органов по контролю и надзору, на практике наблюдается недостаточная эффективность мер пресечения нарушений из-за сложности выявления административных нарушений в сфере интеллектуальных прав. Проблемные вопросы в данной категории можно отнести: недостаточное оснащение государственных органов; отсутствие координации между государственными органами между различными органами; недостаточное использование технологий; отсутствие общественного контроля и мониторинга.

Недостаточное оснащение органов контроля и надзора. Государственные органы сталкиваются с недостаточным финансированием, кадровым дефицитом и нехваткой технологий разрабатываемых под современные вызовы в сфере интеллектуальной собственности.

Отсутствие координации между различными органами. В рамках взаимодействия государственных органов может происходить дублирование усилий и упущение важных аспектов работы по контролю и надзору в сфере интеллектуальной собственности.

Недостаточное использование технологий. При развитии цифровых технологий и функционирования сети Интернет государственные органы могут испытывать затруднения с выявлением и пресечением правонарушений в сети Интернет интеллектуальных прав из-за нехватки технологических инструментов и программ.

Отсутствие общественного контроля и мониторинга. Недостаточное привлечение гражданских лиц и общественных организаций в процедуры контроля и мониторинга за соблюдением за соблюдением прав интеллектуальной собственности.

Решение недостаточной эффективности мер контроля требует комплексного подхода, который включает в себя улучшение финансирования и оснащения органов контроля, повышение квалификации персонала, совершенствование законодательства, активизацию межведомственного взаимодействия, усиление мер ответственности нарушителей и повышение уровня общественного контроля и мониторинга.

Отсутствие унифицированных подходов к программам профилактики нарушений в интеллектуальной сфере. В сфере профилактики административных правонарушений нет единых подходов и методик, что затрудняет координацию действий и оценку продуктивности проведенных мероприятий. Огромный потенциал государственных органов должен быть задействован в разработке унифицированной методики профилактики административных правонарушений в сфере охраны интеллектуальной собственности.

Для разработки унифицированной методики профилактики административных правонарушений следует отталкиваться от следующих шагов:

1. Изучение действующей ситуации с определением уязвимых моментов: анализ существующих проблемных вопросов в сфере интеллектуальных прав в областях страдающих проблемными вопросами; выделение групп типовых правонарушений и области распространения.

2. Разработка общих положений профилактической программы на годовой период времени: определение круга единых для федеральных органов профилактических мер, которые будут ориентированы на все слои населения, в первую очередь на предпринимателей.

3. Организация и проведение информационных программ по профилактике правонарушений с использованием различных информационных платформ (телевизионное вещание и сеть Интернет); использование для пропаганды информационных памяток на стендах в общественных местах.

4. Установление доверительных и партнерских отношений между гражданским обществом и правоохранительными органами: общественный контроль в координации с органами власти для выявления и пресечения правонарушений интеллектуальных прав; проведение совместных обучающих мероприятий и обмена информацией в рамках права.

5. Создание стимулирующих мер для соблюдения законодательных норм: разработка рейтинговой системы компаний и предпринимателей, соблюдающих интеллектуальные права, для поощрения льготами в финансовой деятельности; создание системы штрафных санкций компаний и предпринимателей согласно их нарабатанному рейтингу.

6. Подведение результатов проведенной профилактической компании и коррекция стратегии на следующие годы: изучение получаемых ежедневных отзывов и данных о правонарушениях для корректировки профилактики на следующие годы; внедрение выработанных на основе результатов практики новых инновационных подходов и технологий для профилактических мероприятий.

Предложенный комплексный и унифицированный подход поможет создать профилактическую программу административных правонарушений в сфере защиты интеллектуальных прав, которая в дальнейшем может использоваться на федеральном, так и на региональных уровнях.

Изменяемость и расширение формата интеллектуальных прав требует совершенствования законодательства. В первую очередь это имеет значение в рамках экономических изменений и цифровом прогрессе технологий для распространения объектов интеллектуальной собственности. В настоящее время штрафные санкции за административные правонарушения утратили актуальность из-за произошедшей инфляции денежных знаков.

При действующей ситуации, надлежит сохранить справедливое соотношение между размером штрафа и степенью нарушения в сфере интеллектуальных прав, независимо от того, когда правонарушение было совершено. Увеличение размеров штрафов через индексацию помогает учитывать инфляцию и колебания экономики, что в свою очередь является и профилактической мерой в том числе. Метода индексации штрафов по своей природе является инструментом для повышения финансового потенциала территорий [7, С. 89].

Потенциальные правонарушители не захотят рисковать своим материальным состоянием, если сумма штрафа будет достаточно повышена. За период 17 лет, когда в последний раз обновлялась санкция статьи 7.12 КоАП РФ [8], инфляция примерно составила 257% [9], следовательно, является логичным поднять начальный порог штрафа в части 1 до 2500 рублей, а в части 2 до 3500 рублей. Другая статья 14.10 КоАП РФ, защищающая средства индивидуализации, была введена в 2014 году и не обновлялась, за 8 лет инфляция составила 82%, следовательно, минимальный размер существующих штрафов в законе должен увеличиться почти в 1 раз. Такой подход к проблеме устаревших штрафов позволяет использовать их действенной профилактической мерой для сокращения нарушений интеллектуальных прав.

Недостаточное освещение темы среди обывателей. Существующие программы и консультации в рамках деятельности федеральных министерств

направлены исключительно на заинтересованных лиц, уже вовлеченных в сферу интеллектуальных прав. В рамках унифицированной методики к повышению осведомленности простых граждан и предпринимателей о своих правах предлагается информационная кампания «Поделись, но не укради», помимо этого требуется стимулирующая правовое поведение программа.

В настоящий период времени многие создают в сети Интернет объекты интеллектуальной собственности, в частности авторского права, поэтому проведение в электронной среде информационной кампании среди творческих групп и блогеров будет носить широкий характер. Для проведения целевой профилактики, в первую очередь необходимо выявить круг лиц, поведение которых может свидетельствовать о возможности совершения этим лицом административного правонарушения [10, С. 61]. Целевой аудиторией в цифровом пространстве в данном случае будут пользователи социальных сетей, представители творческих профессий, а особенно – молодежь и подростки. Запуск информационной кампании «Поделись, но не укради» в социальных сетях происходит с целью повышения осведомленности о взаимном уважении чужого интеллектуального труда. Следовательно, для выполнения поставленной цели необходимо проинформировать об административных нарушениях интеллектуальных прав; продвигать ценность и значение оригинального контента; формирование нетерпения к пиратству и другим нарушениям авторских прав.

Для реализации предложенной информационной кампании на подготовительном этапе требуется исследование существующих популярных авторов в сети Интернет с учетом интересов описанной целевой аудитории. В первую очередь в публикациях должны раскрываться различные аспекты соблюдения интеллектуальных прав авторов с использованием визуальных материалов для повышения привлекательности изучения и усвоения новой информации. В результате кампании «Поделись, но не укради» ожидается в качестве результатов повышение осведомленности среди пользователей сети Интернет о правах интеллектуальной собственности, что в качестве профилактики приведет к уменьшению случаев нарушения интеллектуальных прав авторов.

В рамках профилактических мер также необходима программа стимулирования соблюдения законодательства для целевой категории занятых в рыночном обороте предприятий и индивидуальных предпринимателей, которые соблюдают интеллектуальные права. При реализации предложения требуется создание рейтинга лучших компаний в области соблюдения интеллектуальных прав и создание им публичного продвижения, предоставления государственных льгот.

Создание единой концепции защиты интеллектуальных прав позволит объединить профилактические меры в информационные компании, которые будут сосредотачиваться на повышении осве-

домленности и сотрудничестве гражданского общества для стимулирования соблюдения законодательства в конечном итоге с целью уменьшения случаев административных правонарушений.

Таким образом, на основании проведенного исследования достигнутых результатов за 2023 год и поставленных проблемных вопросов к решению в сфере интеллектуальных прав можно отметить, что в России производится огромная работа в рамках защиты интеллектуальных прав и профилактики административных правонарушений, но также имеется много моментов, требующих реагирования государственных органов и профилактических мер.

Результаты

За 2023 год достигнутые результаты составили три основные группы: улучшение законодательства, проведенная работа государственных органов, образовательные мероприятия и программы. Выделенный ряд проблемных вопросов решается следующими путями, которые и составляют профилактические меры:

1. Контрольного и надзорного характера. Решение недостаточной эффективности мер контроля требует комплексного подхода, который включает в себя улучшение финансирования и оснащения органов контроля, повышение квалификации персонала, совершенствование законодательства, активизацию межведомственного взаимодействия, усиление мер ответственности нарушителей и повышение уровня общественного контроля и мониторинга.

2. Координирующего характера. В сфере профилактики административных правонарушений нет единых подходов и методик, что затрудняет координацию действий и оценку продуктивности проведенных мероприятий. В связи с этим предложен алгоритм создания унифицированного подхода к программам профилактики нарушений в сфере интеллектуальных прав.

3. Законодательного характера. Изменяемость и расширение формата интеллектуальных прав требует совершенствования законодательства. В первую очередь это имеет значение в рамках экономических изменений и цифровом прогрессе технологий для распространения объектов интеллектуальной собственности. В настоящее время штрафные санкции за административные правонарушения утратили актуальность из-за произошедшей инфляции денежных знаков, поэтому требуется их индексация.

4. Образовательного характера. Недостаточное освещение темы среди обывателей. Существующие программы и консультации в рамках деятельности федеральных министерств направлены исключительно на заинтересованных лиц, уже вовлеченных в сферу интеллектуальных прав. В рамках унифицированной методики к повышению осведомленности простых граждан и предпринимателей о своих правах предлагается информационная

кампания «Поделись, но не укради», помимо этого требуется стимулирующая правовое поведение программа.

Обсуждение

В контексте мер профилактики административных правонарушений в сфере интеллектуальных прав, важно обсудить проведенную профилактическую работу и выработать предложения по их совершенствованию. Обсуждение основывается на комплексном сочетании методов анализа и оценки регулирующих профилактику правонарушений документов. Существенное внимание уделяется оценке существующих проблемных вопросов, возникающих при реализации профилактических мер. В результате обсуждения предлагаются практические меры профилактического характера для выделенных четырех сфер деятельности.

Заключение

Результаты исследования имеют практическую значимость для органов государственной власти, правоохранительных органов, образовательных учреждений и организаций. Реализация предложенных мер профилактики позволит снизить уровень административных правонарушений, повысить уровень правовой культуры общества и защитить интеллектуальные права.

Литература

1. Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 27.06.2016, N 26 (Часть I), ст. 3851.
2. Волков А.М. Административное право: учебник для среднего профессионального образования / А.М. Волков, Е.А. Лютыгина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 459 с.
3. Федеральный закон от 28.05.2022 N 143-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 30.05.2022, N 22, ст. 3536.
4. Федеральный закон от 13.06.2023 N 235-ФЗ «О внесении изменения в статью 1260 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 19.06.2023, N 25, ст. 4424.
5. Постановление Правительства РФ от 21.03.2012 N 218 (ред. от 21.04.2022) «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (вместе с «Положением о Федеральной службе по интеллектуальной собственности») // «Собрание законодательства РФ», 02.04.2012, N 14, ст. 1627.
6. Раздел «Конференции, вебинары» // Официальный сайт Федеральной службы по интел-

лектуальной собственности. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/activities/conferences> (дата обращения: 20.02.2024).

7. Кривоносова Н.Я. Административные штрафы и их индексация как инструмент повышения финансового потенциала территорий / Н.Я. Кривоносова, Я.Д. Скрипкина, М.К. Смирнова // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования: Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Абакан, 09–12 ноября 2022 года. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2022. С. 89–91.
8. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
9. Калькулятор инфляции // [Электронный ресурс]. URL: <https://уровень-инфляции.рф/инфляционные-калькуляторы> (дата обращения: 20.02.2024).
10. Каблов, Д.С. Профилактика административных правонарушений в современных условиях / Д.С. Каблов // Сборник научных работ серии «Право». 2020. № 3(19). С. 56–65.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF APPLICATION OF MEASURES TO PREVENT ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS*

Tolkacheva N.S.

Russian Customs Academy

The purpose of the study is to study the existing set of measures for the prevention of administrative offenses in the field of intellectual property rights protection, as well as to formulate proposals for its improvement to increase public legal awareness.

During the study, methods of analysis and evaluation of documents regulating the prevention of offenses were used. For a comprehensive study of the issue, a method was used to collect statistical data on the number of administrative offenses in the field of intellectual property rights protection.

It was found that in 2023 the results achieved amounted to three main groups: improvement of legislation, the work carried out by government agencies, educational events and programs. Based on the work carried out by government agencies, the existing problematic issues have been formulated and put to the solution: insufficient effectiveness of control measures; lack of unified approaches; the need to improve legislation; insufficient coverage of the topic.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that the identified number of problematic issues is solved by preventive measures consisting of four groups: control and supervisory, coordinating, legislative and educational.

Keywords: intellectual property rights protection; preventive measures; administrative offenses

References

1. Federal Law No. 182-FZ dated 06/23/2016 “On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 06/27/2016, No. 26 (Part I), Article 3851.
2. Volkov A.M. Administrative law: textbook for secondary vocational education / A.M. Volkov, E.A. Lyutyagina. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 459 p.
3. Federal Law No. 143-FZ dated 05/28/2022 “On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” // “Assembly of Legislation of the Russian Federation”, 30.05.2022, No. 22, Article 3536.

4. Federal Law No. 235-FZ dated 06/13/2023 "On Amendments to Article 1260 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // "Assembly of Legislation of the Russian Federation", 06/19/2023, No. 25, Article 4424.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/21/2012 No. 218 (ed. dated 04/21/2022) "On the Federal Service for Intellectual Property property" (together with the "Regulations on the Federal Service for Intellectual Property") // "Collection of legislation of the Russian Federation", 02.04.2012, N 14, art. 1627.
6. Section "Conferences, webinars" // Official website of the Federal Service for Intellectual Property. [electronic resource]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/activities/conferences> (date of application: 02/20/2024).
7. Krivonosova N. Ya. Administrative fines and their indexing as a tool to increase the financial potential of territories / N. Ya. Krivonosova, Ya.D. Skripkina, M.K. Smirnova // Competitive potential of the region: assessment and efficiency of use: Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference, Abakan, November 09–12, 2022. Abakan: Publishing House of the Khakass State University named after N.F. Katanov, 2022. pp. 89–91.
8. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 04/06/2024) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 07.01.2002, No. 1 (part 1), art. 1.
9. Inflation calculator // [Electronic resource]. URL: <https://уровень-инфляции.RF/inflation-calculators> (date of reference: 02/20/2024).
10. Kablov, D.S. Prevention of administrative offenses in modern conditions / D.S. Kablov // Collection of scientific works of the series "Law". 2020. No. 3(19). pp. 56–65.

Этапы формирования института административного обжалования в России: историко-правовой анализ с XV по XX век

Украинцев Сергей Васильевич,

аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: SVUkrainsev@gmail.com

В статье проведен исторический анализ этапов формирования института административного обжалования в России в широкий исторический промежуток с дореволюционного периода и по настоящее время. Автором раскрывается значимость становления и развития института административного обжалования, его роль в обеспечении правопорядка и защите прав граждан. В статье выделены основные нормативные правовые акты, закрепляющие положения о жалобах, выявлены ключевые последовательные изменения содержащихся в них норм. Проведен анализ различных аспектов и особенностей развития института административного обжалования в историческом контексте, определены основные тенденции. Рассмотрена система государственных органов и должностных лиц, в компетенцию которых входило рассмотрение жалоб граждан. Освещены основные изменения в терминологии и понятийном аппарате. Особое внимание уделено соотношению и взаимосвязи административного обжалования, административной юстиции и судебного порядка обжалования, а также их доктринальному толкованию.

Ключевые слова: административная жалоба, административная юстиция, административное обжалование, развитие жалобы.

Одной из ключевых характеристик правового и демократического государства является законодательное закрепление права на обжалование незаконных действий (бездействия) и (или) решений органов публичной власти.

Должностные лица, обладающие определенными полномочиями, должны исполнять свои обязанности в соответствии с действующими в определенный период времени нормативными правовыми актами, а невыполнение возложенных на них обязанностей может привести к нарушению прав граждан и созданию неблагоприятной ситуации в обществе, что обосновывает необходимость существования механизма «обратной связи», который предполагает возможность обращения граждан к органам публичной власти с жалобами на действия (бездействие) и (или) решения должностных лиц. Такой механизм в той или иной форме существовал на протяжении всей истории России.

В оформившемся виде первым механизмом обжалования можно назвать «челобитную», пришедшую на смену так называемым «жалобницам», «слезницам», которые имели более узкое значение: «акт, содержащий жалобу» [4, с. 22], не обладали должным нормативным регулированием, а исходя из наименования свидетельствовали о родственных отношениях между сторонами обжалования. Институт челобитных начинает оформляться на рубеже XV–XVI веков на фоне процесса создания единого суверенного централизованного русского государства.

Свое законодательное развитие челобитные получили в Судебнике Ивана III в конце XV века. Первые статьи судебного кодекса закрепляли состав суда, которому подлежало рассмотрение жалобы (в него входили бояре и окольничие) и обязанность бояр рассматривать жалобы в соответствии с подведомственностью, а при невозможности рассмотрения обязывали отсылать к великому князю или к тому лицу, которое компетентно рассмотреть жалобу. Примечательно, что в статье 64 Судебник с некоторыми ограничениями закреплял возможность обжалования решения, принятого ранее (кроме дел о холопах, о землях или дел стоимостью менее 1 рубля).

Продолжение правового регулирования челобитных усматривается в Судебнике Ивана IV в середине XVI века. В нем фактически происходит конкретизация ранее существовавших норм. Положения о необходимости рассмотрения жалоб в соответствии с подведомственностью дополнены нормами об ответственности бояр за отказ от принятия жалобы и об ответственности жалоб-

щиков за злоупотребление своим правом на жалобу. Расширяются возможности для обжалования, в частности, закрепляется необходимость повторного рассмотрения жалобы в случае подделки документов.

Стоит отметить, что отдельные положения о жалобах закреплены в первых статьях рассмотренных судебныхников, что позволяет говорить о значительном внимании государственного аппарата того времени к вопросу рассмотрения жалоб граждан.

В это же время в качестве ответной реакции на значительное количество подаваемых жалоб был создан челобитный приказ, являющийся своего рода судебным апелляционным ведомством с одновременной функцией административного контрольного органа, который надзирал над остальными правительственными учреждениями [8, с. 8]. Свою деятельность челобитный приказ продолжал вплоть до конца XVII века.

Изменения в установленный порядок подачи и рассмотрения челобитных привнесло Соборное Уложение 1649 года. Оно содержало 25 глав, некоторые из которых были полностью посвящены жалобам. Среди них можно отметить главу 10 «О суде», главу 11 «Суд о крестьянах», главу 12 «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян», главу 20 «Суд о холопах», содержание которых в значительной части конкретизировало положение ранее действовавших судебныхников. Соборное Уложение устанавливало определенную иерархию подачи жалоб, соответствующую иерархической структуре приказов: жалоба передавалась на рассмотрение государя только в случаях, если она отклонялась или не удавалось решить вопрос на уровне приказа.

Вместе с тем практика обращения непосредственно к государю была невыносима, поскольку при значительном количестве жалоб государь должен заниматься исключительно их разбором [1, с. 11–25], в результате чего реформирование системы и порядка подачи жалоб продолжилось под руководством Петра I. В период его правления была установлена строгая последовательность рассмотрения жалоб в соответствии с новой системой государственного управления. Целью реформ было создание самостоятельного государственного верховного органа [6, с. 145–149], который должен был рассматривать жалобы, в результате чего был сформирован Сенат. В его составе вместо Челобитного приказа была образована Рекетмейстерская контора, в обязанности которой входило принимать жалобы на деятельность коллегий и канцелярий, после чего они передавались Сенату для рассмотрения. В это же время были сформулированы стандартизированные требования к оформлению и содержанию жалоб. Указанные реформы позволили сформировать четкие очертания единого рабочего механизма по рассмотрению и контролю за рассмотрением жалоб.

Важно отметить, что до этого момента нельзя в полной мере говорить об оформлении института административного обжалования, поскольку

фактически не проведена граница между административным и судебным производством по жалобам граждан. Как отмечает Стандзень Л.В., такое разделение произошло при Екатерине II с принятием Манифеста о порядке рассмотрения жалоб и просьб на высочайшее имя [14, с. 13]. В результате была создана длинная иерархическая лестница административных и судебных учреждений. В качестве примера такого разделения стоит отметить положение законодательства, устанавливавшее, что губернатор «есть сберегатель закона, а не судья» [20, с. 32].

Изменения затронули и понятийный аппарат. Так вместо термина «челобитные» в оборот были введены «прошения» и «жалобницы», хотя их содержательное наполнение не изменилось.

Однако, по мнению Мигуновой Т.Л., практических результатов эти реформаторские устремления не дали, в том числе из-за консерватизма центральной и местной бюрократии и неподготовленности общества к гражданским инициативам со стороны императрицы [20, с. 32].

На протяжении XIX века система органов, рассматривающих административные жалобы, постоянно претерпевала незначительные организационные изменения. Отдельно необходимо выделить реформирование системы государственного управления Манифестом об учреждении министерств и создание, с вступлением на престол Александра I, Комиссии прошений, первоначально входившей в Государственный совет, а позднее перешедшей непосредственно под руководство Государя.

Неизменным оставалось общее правило: жалоба на действия среднего и низшего руководства может быть подана в Комиссию прошений только после того, как жалобщик обратился с такой жалобой к высшему начальству лиц, на чьи действия она направлена.

Для разрешения жалоб на местном уровне формировалось уездные и губернские присутствия, которые, впрочем, носили административно-судебный характер, а процессуальный порядок их функционирования и рассмотрения дел был максимально схож с обыкновенным состязательным процессом гражданских судов [11, с. 116].

В целом административный порядок подачи и рассмотрения жалоб в России во второй половине XIX – начале XX века характеризовался тем, что процедуры и этапы рассмотрения жалоб были различны и зависели от особенностей организации ведомства, действия которого подлежали обжалованию.

Правоведы того времени считали такую форму административного обжалования недостаточно эффективной, в частности, решения присутствий не всегда отражали интересы общества, а иногда и вовсе были искажены национальными, религиозными или профессиональными интересами членов комиссии. Кроме того, сам процесс был слишком медленным, что приводило к длительным задерж-

кам в решении вопроса, который непосредственно подлежал обжалованию.

Продолжение реформ Екатерины II, зарубежное влияние, необходимость создания эффективных процедур рассмотрения административных жалоб граждан, схожесть процессуального порядка рассмотрения административных жалоб с обычным судебным процессом – все это в конце XIX – начале XX века стало толчком для правоведов в вопросе определения сущности и содержания понятия административной юстиции.

О природе административной юстиции высказывался в своих трудах Корф С.А., отмечая, что исторически административный иск развивался из жалобы, которая с получением особой формы и гарантий превратилась в судебно-административный иск [9, с. 528]. Таким образом, жалобное производство им рассматривалось как фундамент искового производства, а административная юстиция обладала признаками как судебной ветви власти, так и исполнительной.

Некоторые исследователи предлагали преодолеть функции административной юстиции исключительно специально созданным административным судам, в состав которых допускалось вхождение представителей сферы государственного управления [5, с. 146]. Находились и более сдержанные подходы.

Лазаревский Н.И. допускал отнесение вопросов административной юстиции к полномочиям общих судов, аргументируя это тем, что всякий спор о праве, независимо от его правовой природы и содержания, должен находиться в компетенции суда, действующем при соблюдении важнейших гарантий [10, с. 41].

Ивановский В.В. же считал, что к административной юстиции разумнее относить непосредственно административные органы, действующие наряду с судами. Ему виделось целесообразным создание внутри самих органов отдельных управлений, особых квазисудебных образований. В качестве обоснования данной позиции он указывал на недопустимость смешения судебной и административной функции, поскольку такое смешение будет являться нарушением принципов самостоятельности и независимости, и такое управление будет подчинено судебной власти. Дополнительно им отмечалась недостаточная подготовленность судей общих судов для разрешения специфических споров, охватывающих сферу публичного права [18, с. 171–173].

Существовавшие в то время присутствия, с учетом своего смешанного состава, включающего как представителей судебных органов, так и административных ведомств, заняли промежуточное положение. Отечественные правоведы того времени не пришли к единому мнению и пониманию относительно идеального порядка административного обжалования и системы органов административной юстиции.

Как писал Загряцков М.Д.: «Не следует, впрочем, думать, что мы имели в старой России си-

стему законченных инстанций административной юстиции: здесь все было случайно, неопределенно» [7, с. 244]. Дополнительно им отмечались многочисленность и бессистемность существовавших присутствий.

Через экономические и социальные потрясения не позволила самодержавию выстроить четкую систему административного обжалования на всей территории государства, а запланированные реформы по итогу не были реализованы на практике. Таким образом, единого административного порядка обжалования действий (бездействия) и (или) решений чиновников в дореволюционной России не существовало. Все нормативные положения по обжалованию содержались в различных нормативных актах указах Государя, актах Сената, уставах (воинском, дисциплинарном, лесном), и т.д. [13, с. 54–69]

Формой правления в России до 1917 года была абсолютная монархия, где власть принадлежала одному человеку – Государю. Рассмотрение жалоб и просьб граждан было по своей сути милостью государя, а не обязанностью, что обуславливало существовавший порядок рассмотрения жалоб. Трансформация российского общества в результате Октябрьской революции привела к значительным законодательным изменениям в механизме государственного управления. Эти изменения не обошли стороной и порядок подачи и рассмотрения жалоб граждан. Теперь защита интересов граждан становилась уже не милостью, а обязанностью власти. Все предыдущие правила подачи жалоб граждан были отменены, и в первые годы советской власти система административного обжалования выстраивалась фактически с нуля.

Первыми значимыми правовыми актами стали постановление VI Всероссийского Съезда Советов от 8 ноября 1918 года «О точном соблюдении законов» и Декрет СНК РСФСР от 30 декабря 1919 года «Об устранении волокиты», согласно которым все органы власти и должностные лица стали обязаны принимать жалобы от любого гражданина, а также устанавливался порядок рассмотрения этих жалоб, закреплялась возможность подачи административной жалобы любым гражданином без исключения, были определены и установлены дни и часы для приема граждан.

Отечественными правоведами была дана высокая оценка системы рассмотрения жалоб, которая сформировалась в первые годы после Октябрьской революции. Загряцков М.Д. отмечал формировавшееся разделение понятий административной жалобы и административного иска. Справедливо отмечая недостаточный уровень развития института административного иска, он считал административную жалобу наиболее распространенным средством защиты интересов и прав граждан. Давая общую характеристику данному периоду времени, он писал: «В действующем праве мы встречаем интересную попытку построить жалобу, как самостоятельный юридический институт, и создать для

ее обслуживания специальный административный аппарат» [7, с. 244].

Помимо действовавших в начале 20-х годов XX века ведомственных отделов жалоб при народных комиссариатах и местных органах власти, в 1920 году был создан Наркомат государственного контроля (Рабоче-крестьянская инспекция), при котором действовало Центральное бюро жалоб. О значительной роли данных органов можно судить из очерков Сталина И.В., которым отмечалось следующее: «Решительная и систематическая борьба с косностью, бюрократизмом, волокитой в наших аппаратах является одной из существенных задач партии, рабочего класса и всех трудящихся нашей страны. Громадное значение Бюро жалоб состоит в том, что они являются одним из серьезных средств проведения в жизнь завета Ленина о борьбе за улучшение аппарата. Бюро жалоб имеют бесспорно значительные достижения в этой области». Он считал необходимым продолжение реализации данной успешной практики. С развитием института административной жалобы им отмечался высокий уровень вовлеченности рабочих и колхозников в дела государства.

В дальнейшем вопросы административного обжалования продолжали регулироваться разнообразными актами высших и центральных органов государства, регламентировался порядок этой работы.

Советские ученые отдельно отмечали важность закрепления данного института на уровне общесоюзного законодательства. Так, Ремнев В.И. считал, что издание такого закона о жалобах, который бы охватывал территорию всего государства, способствовало бы доведению положений данного закона до каждого гражданина. Кроме того, поскольку граждане обращаются в органы власти и управления СССР, то и правовое регулирование данных общественных отношений должно быть закреплено на уровне общесоюзного законодательства [15, с. 38]. Представляется возможным согласиться с данным подходом, так как до сих пор практически все нормативное регулирование в данной сфере носило подзаконный характер.

Однако же, не все ученые считали административное обжалование действенным решением проблем граждан. По мнению Братусь С.Н. судебная юрисдикция является более демократичным инструментом по сравнению с административным обжалованием. Он считал, что совокупность правовых гарантий, предусмотренных судебным порядком обжалования, позволяет наиболее точно установить материальную истину по конкретному делу [2, с. 463].

Витрук Н.В. отмечал, что действовавший порядок рассмотрения жалоб граждан на действия органов власти и должностных лиц не всегда обеспечивает своевременное и объективное рассмотрение жалоб [3, с. 124–125].

Важной вехой развития административного обжалования стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О по-

рядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», который подробно раскрывал порядок административного обжалования и требования к самой жалобе. Примечательно, что административное обжалование, заняв прочное место в системе защиты прав граждан, не получило должного законодательного закрепления, а сам Указ продолжал использоваться вплоть до 2006 года.

На неполноту принятого акта указывала Хамаева Н.Ю. Она предлагала дополнить данный указ перечнем окончательных инстанций по жалобам граждан, отмечала отсутствие четкого срока исполнения решений, считала необходимым расширить процессуальные права гражданина, подавшего жалобу, в частности право на ознакомление с материалами дела по конкретной жалобе, право на отвод должностного лица.

В 1977 году в Конституции СССР впервые было закреплено право на жалобу. В статье 58 уже на уровне Конституции произошло разделение на административное и судебное обжалование.

Вместе с тем даже закрепление права на административную жалобу на конституционном уровне не решило имеющиеся проблемы. Так, Ремнев В.И. отмечал наличие в законодательстве лишь общих требований к порядку рассмотрения административной жалобы: полнота, всесторонность, объективность. Но кроме неполной регламентации, достаточно низкой оставалась и мотивированность ответов на жалобы [16, с. 48].

Стоит отметить, что даже сторонники судебного обжалования действий органов власти и должностных лиц указывали на необходимость дальнейшего развития административного обжалования. Мельников А.А. считал, что имеются определенные области государственного управления, в которых административное обжалование в вышестоящие органы является более эффективным методом, нежели судебное обжалование [12, с. 70].

Судебное обжалование продолжало свое развитие параллельно административному обжалованию. Однако в 1989 году был принят Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, нарушающих права граждан», который устанавливал обязательность предварительного обжалования соответствующих действий в административном порядке вышестоящему органу или должностному лицу, после чего гражданин получал право реализовать свое право на обращение в суд по вопросу обжалования указанных действий [17, с. 413].

Обоснованной видится позиция Ямпольской Ц.А., которая еще в 1959 писала о необходимости сосуществования двух путей обжалования: судебного и административного, поскольку чем большей путей защиты прав и свобод граждан, тем более демократичной является система обжалования [19, с. 145–226]. Такой подход говорит о взаимосвязи административного и судебного способа разрешения конфликтов. Оба этих способа принадлежат к единому механизму защиты

прав и свобод гражданина, которые органично дополняют друг друга.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать несколько общих выводов.

Во-первых, исторической анализ этапов становления института административного обжалования и ранее действовавшего законодательства, позволяет прийти к заключению о начале дифференциации судебного и административного порядков обжалования лишь в период правления Екатерины II, однако, такое разделение первоначально носило достаточно условный характер.

Во-вторых, процессуальное сходство административного обжалования с судебным процессом поставило перед отечественными правоведом на рубеже XIX и XX веков закономерный вопрос о содержании такого явления как административная юстиция.

В-третьих, административный порядок обжалования в качестве самостоятельного института в привычном нам виде, в котором он существует в настоящее время, сформировался в советский период истории России и продолжает свое последовательное развитие по сей день.

Литература

1. Бессонова О.Э. Трансформация института административных жалоб в гражданские формы // Экономическая социология. 2021. № 2. С. 11–25.
2. Братусь С.Н. Об усилении и расширении судебной защиты прав граждан // Правоведение. 1975. № 5. С. 463.
3. Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М.: Юрид. лит., 1976. С. 124–125.
4. Волков С.С. Стилевые средства деловой письменности XVII века: на материале челобитных. СПб.: Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 22.
5. Дерюжинский В.Ф. Административные суды в государствах Западной Европы. СПб.: Сенатская типография, 1906. 146 с.
6. Есенова В.П. Развитие административной юстиции в России // Власть. 2014. № 6. С. 145–149.
7. Загряцков М.Д. Административная юстиция и право жалобы в теории законодательства. М.: Право и жизнь, 1925. 244 с.
8. Кабашов С.Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России: учеб. пособие. 4-е изд.. М.: Флинта, 2021. С. 8.
9. Корф С.А. Административная юстиция в России. СПб.: Тренке и Фюсно, 1910. 528 с.
10. Лазаревский Н.И. Административное усмотрение // Право. 1900. № 41–42. С. 41.
11. Мегрелидзе М.Р. Становление института разрешения административно-правовых споров: монография. М.: Юриспруденция, 2011. 116 с.

12. Мельников А.А. Право граждан обжаловать в суд действия должностных лиц // Сов. государство и право. 1978. № 11. С. 70.
13. Панова И.В. Развитие административного судопроизводства и административной юстиции в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 54–69.
14. Практикум по работе с обращениями граждан и организаций: учеб. пособие / под ред. Л.В. Станзона. М.: Проспект, 2022. С. 13.
15. Ремнев В.И. О гарантиях рассмотрения жалоб трудящихся // Советское государство и право. 1962. № 5. С. 38.
16. Ремнев В.И. Соотношение судебного и административного порядка рассмотрения жалоб граждан // Правоведение. 1984. № 5. С. 48.
17. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 413.
18. Учебник административного права / под ред. Ивановского В.В. Казань: типо-лит. имп. ун-та, 1907. С. 171–173.
19. Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М.: АН СССР. 1959. С. 145–226.
20. Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой: историко-правовой аспект: дис. ... д-р. юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2008. С. 32.

STAGES OF FORMATION OF THE INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE APPEAL IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS FROM THE 15TH TO THE 20TH CENTURIES”

Ukrainsev S.V.

Kutafin Moscow State Law University

The article provides a historical analysis of the stages of the formation of the institution of administrative appeal in Russia in a wide historical period from the pre-revolutionary period to the present. The author reveals the importance of the establishment and development of the institution of administrative appeal, its role in ensuring law and order and protecting the rights of citizens. The article highlights the main normative legal acts that consolidate the provisions on complaints, identifies the key successive changes in the norms contained therein. The analysis of various aspects and features of the development of the institute of administrative appeal in the historical context is carried out, the main trends are identified. The system of state bodies and officials, whose competence included consideration of citizens' complaints, was considered. The main changes in terminology and conceptual apparatus are highlighted. Special attention is paid to the correlation and interrelation of administrative appeal, administrative justice and judicial procedure of appeal, as well as their doctrinal interpretation.

Keywords: administrative complaint, administrative justice, administrative appeal, development of complaint.

References

1. Bessonova O.E. Transformation of the institute of administrative appeals into civil forms // Economic Sociology. 2021. № 2. P. 11–25.
2. Bratus S.N. On strengthening and expanding the judicial protection of the rights of citizens // Jurisprudence. 1975. № 5. P. 463.
3. Deryuzhinsky V.F. Administrative courts in the states of Western Europe. St. Petersburg: Senate Printing House, 1906. 146 p.
4. Esenova V.P. Development of administrative justice in Russia // Authority. 2014. № 6. P. 145–149.

5. Kabashov S.Y. Organization of work with citizens' appeals in the history of Russia: textbook. 4th ed. M.: Flinta, 2021. P. 8.
6. Korf S.A. Administrative justice in Russia. SPb.: Trenke and Fusno, 1910. 528 p.
7. Lazarevsky N.I. Administrative discretion // Pravo. 1900. № 41–42. P. 41.
8. Manual on working with appeals of citizens and organizations: textbook / edited by L.V. Standzon. M.: Prospect, 2022. P. 13.
9. Megrelidze M.R. Establishment of the institute of resolution of administrative and legal disputes: a monograph. M.: Jurisprudence, 2011. 116 p.
10. Melnikov A.A. The right of citizens to appeal to the court against the actions of officials // Sov. state and law. 1978. № 11. P. 70.
11. Panova I.V. Development of administrative legal proceedings and administrative justice in Russia // Law Journal of the Higher School of Economics. 2016. № 4. P. 54–69.
12. Remnev V.I. On the guarantees of consideration of workers' appeals // Soviet State and Law. 1962. № 5. P. 38.
13. Remnev V.I. The correlation of judicial and administrative order of consideration of citizens' appeals // Jurisprudence. 1984. № 5. P. 48.
14. Sorokin V.D. Administrative and procedural law. SPb.: Legal Center Press, 2008. P. 413.
15. Textbook of administrative law / ed. by Ivanovskiy V.V. Kazan: typo-lit. imp. un-ta, 1907. P. 171–173.
16. Vitruk N.V. Procedural forms of realization and protection of rights and obligations of citizens // Legal procedural form: theory and practice / ed. by P.E. Nedbajlo, V.M. Gorshenev. M: Jur. lit. 1976. P. 124–125.
17. Volkov S.S. Stylistic means of business writing of the XVII century: on the material of chelobitnye. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2006. P. 22.
18. Yampolskaya T.A. On the subjective rights of Soviet citizens and their guarantees // Questions of Soviet state law. M.: AS USSR. 1959. P. 145–226.
19. Zagryatskov M.D. Administrative justice and the right of appeal in the theory of legislation. M.: Law and Life, 1925. 244 p.
20. Migunova T.L. Administrative, judicial and legal reforms of Catherine the Great: historical and legal aspect: dissertation by Dr. jurid. sciences': 12.00.01. Vladimir, 2008. p. 32.

Правовое регулирование запрета на осуществление расчетов цифровой валютой в Российской Федерации

Фарзалиев Махач Раудинович,

Аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: makhachfarzaliev@mail.ru

Цель исследования заключается в критическом анализе эффективности действующего запрета на использование цифровых валют в качестве средства платежа при совершении сделок, связанных с реализацией товаров, оказанием услуг и выполнением работ, а также в выявлении факторов, обуславливающих невозможность полноценной реализации данного запрета на практике. Кроме того, в рамках работы предпринимается попытка сформулировать авторские дефиниции понятий «цифровая валюта» и «цифровые финансовые активы», а также провести сравнительный анализ, позволяющий определить различия между этими двумя финансовыми инструментами. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, сравнительно-правовой, системный и иные специальные методы научного познания. Актуальность исследуемой проблематики обусловлена стремительным развитием финансовых технологий и необходимостью адаптации действующего правового регулирования к возникающим вызовам и рискам, связанным с оборотом цифровых активов.

Результат: В исследовании установлено недостаточность и несостоятельность существующих запретов на осуществление расчетов с помощью цифровой валюты, к тому же приведены соответствующие механизмы, позволяющие устранить данные недостатки.

Вывод: В рамках авторского подхода с целью минимизации указанных недостатков предложено: установление соответствующих требований к ведению деятельности криптовалютных бирж на территории страны, необходимо регламентировать качественные требования к выпуску и допуску отдельных криптовалют на криптовалютные биржи, а так же закрепление правоустанавливающего значения за осуществляемыми операциями на данных биржах.

Ключевые слова: цифровая валюта, правовые пробелы, правовое регулирование, запрет на прием платежей, цифровые финансовые активы.

Ввиду того, что действующее законодательство, регулирующее правоотношения в сфере оборота цифровой валюты, характеризуется своей неполнотой, межотраслевой размытостью, а также несогласованностью ключевых терминов и норм, субъекты правоотношений сталкиваются с множеством проблем [5. С. 104]. В настоящее время остается нерешенным вопрос правового регулирования сделок между физическими лицами, предметом которых выступает цифровая валюта. Для добросовестных участников таких сделок возникают трудности, связанные с подтверждением перед третьими лицами или государственными органами фактов наличия цифровой валюты или ее передачи. Кроме того, сохраняется определенная проблематика в смежных правовых областях:

- Порядок налогообложения сделок с применением цифровой валюты и вопросы регуляторных рисков, связанных со стейблкоинами, обеспеченными фиатными валютами, и их зависимостью от эмитента, а также соответствующей привязки к курсу [10].
- Бухгалтерский учет операций, связанных с оборотом цифровой валюты.
- Проблематика ареста, изъятия и реализации цифровой валюты в рамках исполнительного производства, поскольку выявить наличие такой цифровой валюты у лица практически невозможно.
- Включение цифровой валюты в конкурсную массу и ее дальнейшая реализация в рамках процедур, применяемых в деле о банкротстве [6, с. 285];

В настоящее время наблюдается значительный рост количества судебных разбирательств, связанных с использованием цифровых активов. Если в 2021 году было зарегистрировано 510 таких дел, то в 2023 году их число увеличилось до 2653, что свидетельствует о росте на 72% по сравнению с предыдущим годом. Особенно заметно возросло число споров в сфере банкротства, составляющих около половины от общего количества судебных разбирательств данной категории. В 2023 году количество дел о банкротстве, связанных с цифровыми активами, достигло 1646, что на 91% больше, чем в 2022 году (863 дела).

Помимо споров в рамках процедур банкротства, наблюдается рост числа разбирательств, касающихся гражданско-правовых отношений с участием цифровых активов (увеличение на 60%), уголовных дел (рост на 34%), а также административных споров (рост на 19%).

Обозначенная тенденция свидетельствует о необходимости совершенствования правового

регулирования в сфере оборота цифровых активов и их использования в различных сферах правоотношений. Отсутствие четких и непротиворечивых норм, регламентирующих статус цифровых активов, порядок совершения сделок с их участием, налогообложение, бухгалтерский учет и процессуальные аспекты, приводит к возникновению споров и неопределенности в правоприменительной практике [11].

В настоящее время действующая модель правового регулирования оборота цифровых валют создает ряд сложностей для добросовестных участников соответствующих правоотношений. В частности, в условиях правовой неопределенности действует запрет на использование цифровых валют в качестве средства платежа при совершении сделок по реализации товаров и оказанию услуг. Отсутствие надлежащих законодательных механизмов и недостаточная проработанность правового регулирования негативно сказываются на обеспечении баланса интересов участников оборота цифровых валют. Вместе с тем, правовое регулирование оборота цифровых валют в России имеет достаточно длительную историю. Начиная с 2014 года, когда данная проблематика привлекла внимание научного юридического сообщества и государственных органов, был опубликован значительный массив научных исследований, сформировалась определенная судебная практика, а законопроекты, касающиеся этой сферы, неоднократно вносились на рассмотрение Государственной Думы.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, до настоящего времени не удалось создать целостную и непротиворечивую систему правового регулирования оборота цифровых валют, учитывающую специфику данных объектов и обеспечивающую защиту прав и законных интересов всех участников соответствующих правоотношений. Представляется необходимым проведение комплексного анализа существующих проблем и пробелов в правовом регулировании с последующей разработкой и принятием специального законодательного акта, направленного на устранение выявленных недостатков и создание эффективного механизма правового регулирования в данной сфере [7, с. 44].

Цифровая валюта представляет собой совокупность цифровых данных (кодов или обозначений), хранящихся в распределенной информационной системе. Она может использоваться в качестве средства платежа, однако не является официальной валютой Российской Федерации, иностранного государства или международной валютной единицей. Кроме того, цифровая валюта может выступать объектом инвестирования. При этом отсутствует определенное лицо, которое должно нести ответственность за указанные данные перед каждым владельцем, за исключением операторов информационной системы, обязанных следовать установленным правилам ее функционирования. В свою очередь, цифровые финансовые активы по своей правовой природе представляют собой

имущественные права требования, обеспеченные реальными активами, такими как акции, облигации, драгоценные металлы, нефть и иные товары или ценности [1, п. 2 ст. 1].

Таким образом, основное отличие цифровых финансовых активов от цифровых валют заключается в наличии у первых определенного имущественного обеспечения, в то время как цифровые валюты не имеют реального товарного покрытия и их стоимость определяется исключительно спросом и предложением на рынке. Следует отметить, что правовой статус и режим оборота цифровых валют и цифровых финансовых активов в настоящее время урегулированы на законодательном уровне недостаточно четко, что порождает ряд правовых коллизий и затрудняет их использование в гражданском обороте. Представляется необходимым дальнейшее совершенствование правового регулирования данной сферы с целью устранения существующих пробелов и противоречий [9].

Необходимо отметить, что действующее законодательство проводит четкое различие между правовой природой цифровых финансовых активов и цифровых валют. Цифровые финансовые активы представляют собой совокупность имущественных прав требования, включающих право денежного требования, право требования передачи эмиссионных ценных бумаг, право участия в уставном капитале непубличного акционерного общества и право требования выдачи эмиссионных ценных бумаг. В то же время цифровая валюта рассматривается в качестве имущества, принадлежащего ее владельцу, в рамках законодательства об исполнительном производстве, законодательства о несостоятельности (банкротстве), законодательства о противодействии коррупции и законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Таким образом, законодатель провел концептуальное разграничение между указанными понятиями, что обусловлено различиями в их сущностных характеристиках и правовом режиме. Цифровые финансовые активы представляют собой разновидность имущественных прав, обладающих определенным обеспечением в виде традиционных активов. Цифровые же валюты являются самостоятельным объектом имущественных прав, не имеющим реального товарного покрытия. Вместе с тем, следует признать, что нормативное правовое регулирование оборота цифровых валют и цифровых финансовых активов в настоящее время не лишено пробелов и противоречий, что порождает ряд сложностей в правоприменительной практике. Представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере с целью создания четкого и непротиворечивого правового режима для указанных объектов [8].

Ключевое отличие цифровых финансовых активов от цифровых валют заключается в наличии у первых определенного эмитента, который несет обязательства перед инвесторами. Это подразу-

мевают существование централизованного органа, ответственного за выпуск и управление цифровыми финансовыми активами. В то же время у цифровых валют отсутствует единый эмиссионный центр. В Российской Федерации выпуск цифровых финансовых активов может осуществляться исключительно российскими юридическими лицами, включенными Банком России в реестр операторов информационных систем. Эмиссия же цифровой валюты представляет собой непрерывный процесс генерации новых единиц в соответствующей распределенной сети, не контролируемый каким-либо централизованным органом, в котором задействованы только компьютеры пользователей.

Таким образом, цифровые финансовые активы характеризуются наличием определенного эмитента и централизованного управления, что обуславливает их большую прозрачность и подконтрольность регулирующим органам. Цифровые валюты, напротив, являются децентрализованными и не подчиняются единому центру эмиссии, что затрудняет их регулирование и контроль. Следует отметить, что действующее российское законодательство устанавливает строгие требования к эмитентам цифровых финансовых активов, включая их обязательную регистрацию в специальном реестре Банка России. Это свидетельствует о стремлении государства обеспечить правовую определенность и защиту интересов инвесторов в данной сфере.

В целом, можно констатировать, что правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов на данный момент является более проработанным и понятным в сравнении с регулированием оборота цифровых валют. Несмотря на то, что законодатель не поддержал позицию Банка России о полном запрете использования цифровых валют в качестве средства платежа, действующая редакция пункта 5 статьи 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ устанавливает запрет для юридических лиц и налоговых резидентов Российской Федерации принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги. Также введен запрет на распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления.

Анализ диспозиции пункта 5 статьи 14 указанного Федерального закона может создать впечатление, что законодатель стремится жестко ограничить оборот цифровых валют на территории Российской Федерации. Однако, рассматривая данную норму в более широком контексте, становится очевидным наличие пробелов и недостаточная ясность правового смысла подобного запрета в рамках регулирования оборота цифровых валют. Следует признать, что действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику цифровых валют и не создает целостной и непротиворечивой системы их правового регулирования. Представляется необходимым дальнейшее совершенствование нормативной базы в данной сфере с целью

устранения выявленных пробелов и противоречий, обеспечения правовой определенности и защиты интересов всех участников соответствующих правоотношений.

Необходимо принять во внимание, что при существующих правовых требованиях, не в полной мере регулирующих установленный запрет на расчеты цифровыми валютами в рамках определенных лимитов, ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях не предусмотрена ответственность за несоблюдение данного запрета. Можно предположить, что соответствующая ответственность может наступить при нарушении налогового законодательства, поскольку, согласно разъяснениям Министерства финансов Российской Федерации, операции по реализации цифровых валют могут подлежать налогообложению при получении соответствующей прибыли.

Кроме того, ответственность может наступить, если расчеты с использованием цифровых валют будут нарушать положения Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Однако указанные меры ответственности носят межотраслевой характер, а прямой санкции за оплату товаров, работ или услуг в обход имеющегося ограничения не предусмотрено [4].

Таким образом, можно констатировать отсутствие в действующем законодательстве специальной юридической ответственности за нарушение установленного запрета на использование цифровых валют в качестве средства платежа. Данный пробел в правовом регулировании вызывает серьезные сомнения в эффективности введенного ограничения и способности обеспечить его соблюдение. Представляется целесообразным восполнение указанного пробела путем внесения соответствующих изменений в законодательство, предусматривающих введение административной или иной ответственности за нарушение запрета на использование цифровых валют в качестве встречного предоставления при совершении гражданско-правовых сделок. Это позволит обеспечить реальное действие установленного ограничения и повысить уровень правовой определенности в данной сфере [2].

Так же в свою очередь данное ограничение не может распространяться на оплату лицензии за использование исключительных/неисключительных прав так как оно не относится ни к услуге, ни к работе ни тем более к товару. Услугой признается деятельность, выполняемый одним лицом для другого лица, следовательно, по своей правовой природе исключительное право и услуга различны.

На основании толкования статьи 38 Налогового кодекса Российской Федерации, товаром признается любое имущество, реализуемое либо предназначенное для реализации. Соответственно, исключительное право не относится к категории товаров. В соответствии с буквальным толкованием

нормы статьи 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации, по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. Следовательно, можно сделать вывод, что предоставление права пользования исключительными правами не подпадает под ограничения по оплате услуг или товаров цифровой валютой, поскольку исключительные права не относятся ни к товарам, ни к услугам.

Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет констатировать, что передача исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации по лицензионному договору не входит в сферу ограничений, установленных для расчетов цифровыми валютами при оплате товаров, работ или услуг. Данный вывод основан на специфике правовой природы исключительных прав, которые не относятся ни к товарам, ни к услугам в их традиционном понимании.

Далее стоит отметить, что такой запрет не распространяется на оплату услуг и товаров иностранным гражданам. То есть в рамках глобального оборота, цифровая валюта может выступать средством платежа и закон никаких ограничений на подобные операции не накладывает.

Оплата услуг и товаров можно осуществлять путем использования клиринга, которое по своей сути представляет процесс, в котором участники рынка обмениваются финансовыми требованиями и обязательствами при расчетах. С одной стороны, можно подумать, как использование клиринга может помочь обойти запрет на прием платежей за товары и услуги. Предположим, что мы имеем дело с договором поставки товаров, в котором одна сторона договора обязуется предоставить 100 единиц стульев другой стороне. В рамках этого договора обе стороны используют цифровую валюту для расчета между собой. Плательщик переводит цифровую валюту поставщику, а затем поставщик конвертирует цифровую валюту в фиатную валюту. Ключевое условие здесь заключается в том, что обе стороны выполняют свои обязательства, акт реализации подписан, товар находится у покупателя, а поставщик получил денежные средства. Так в своём решении Тверской суд г. Москвы № 12–3821/17 от 25 декабря 2017 указал, что «непосредственно ООО «Фудпроект» к оплате по счету биткоины не принимало, биткоины были переведены клиентами системному администратору Стрелко А.В., который в свою очередь передал ООО «Фудпроект» в счет оплаты по счету сумму в рублях. Счета за оказанные услуги были выставлены ООО «Фудпроект» также в рублях», а также в своем решении поддержал позицию ИФНС об отсутствии в действиях ООО «Фудпроект» состава административного правонарушения, предусмо-

тренного ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, является правильным. Несмотря на наличие различных предписаний, регламентирующих правовое положение обладателей цифровых валют, деятельность посредников в передаче цифровых валют до настоящего времени не получила надлежащего нормативного регулирования. Причиной этому является отсутствие законодательного определения правового статуса таких посредников, а также не установленный механизм правового регулирования отношений между ними и третьими лицами. Данный пробел в правовом регулировании вызывает серьезные сложности в отношениях, связанных с оборотом цифровых валют с участием посреднических структур. Отсутствие четких правовых норм, определяющих права, обязанности и ответственность посредников, создает неопределенность и повышает риски для всех участников подобных правоотношений.

Представляется необходимым устранение указанного пробела путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство. В частности, требуется закрепление на законодательном уровне правового статуса посредников в сфере оборота цифровых валют, установление требований к их деятельности, а также регламентация взаимоотношений между посредниками и их клиентами. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о введении специального правового режима для посреднических услуг в сфере оборота цифровых валют, включая возможное лицензирование данной деятельности и установление соответствующих требований к посредникам в части защиты прав потребителей, противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и обеспечения информационной безопасности [7, с. 46].

Использование системы «Донатов» (от англ. donate – «пожертвовать»), которая в современном мире стала распространенным способом финансирования проектов. По своей правовой природе «донаты» представляют собой безвозмездное денежное вознаграждение (дарение) и регламентируется нормой ст. 572 ГК РФ. При этом законодательных ограничений по выведению подаренной валюты нет только, если такие ограничения не установлены самим банком. Стоит все же учесть риск, что, если налоговая узнает, что под видом «доната» лицо получили оплату за услугу, она доначислит налог, оштрафует и насчитает пени, прикрытие платной услуги дарением называется притворной сделкой. Поэтому такие донаты конечно лучше оставлять в форме чаевых для официантов или в форме пожертвования условным стримерам [4].

Как можно заметить, существующий запрет на расчеты цифровой валюты абсолютно не проработан и при этом за его нарушения не предусмотрены меры юридической ответственности. Стоит отметить, что буквально недавно была опубликована в обновлённой редакции законопроект № 237585–8 так называемого (неофициально) «Закона о майнинге». Принятие упомянутого за-

конопроекта вызвало широкий общественный резонанс, связанный с ошибочным пониманием его положений как запрета на обращение цифровых валют на территории Российской Федерации. Однако документ преследовал иную цель – расширение понятия «организация обращения цифровых валют», которое теперь будет определяться как «оказание услуг, влекущих за собой переход цифровой валюты от одного обладателя к другому».

В свою очередь данный законопроект находится на стадии рассмотрения в первом чтении и конечные выводы необходимо делать уже по факту его принятия с учетом внесенных изменений. При этом уже можно сказать, что полного запрета на оборот цифровой валюты не будет, а государство лишь планирует создать легальную отечественную платформу для оборота цифровой валюты. Новый законопроект, как ни странно, тоже не предусматривает отдельных составов ответственности за нарушения правил о запрете на организацию обращения цифровой валюты. Все так или иначе сводится к тому, что необходимо создавать базовое или совершенствовать имеющееся правовое регулирование деятельности института цифровой валюты.

В свою очередь автор предлагает вдобавок к вносимым изменениям в область правового регулирования цифровой валюты, ряд необходимых дополнений в законодательство, которые позволят осуществлять расчеты цифровой валютой на территории страны. Необходимым видится законопроект по регулированию деятельности криптовалютных бирж, а также установление соответствующих требования для работы и функционирования данных бирж на территории Российской Федерации на базе технологий распределенного реестра. Криптовалютные биржи позволяют осуществлять ввод, вывод, обмен фиатных денежных средств на цифровую валюту и наоборот, при этом регулирование осуществления таких операций позволят обезопасить граждан и инвесторов от утерь криптокошелков и мошеннических действий со стороны третьих лиц. Так же для возможности в дальнейшем осуществлять расчеты цифровой валютой необходимо определить ряд обязанностей и мер ответственности, связанных с выпуском цифровой валюты и допуском цифровых валют на криптовалютные биржи. Наконец, для дальнейшего обеспечения устойчивости оборота цифровой валюты необходимо предусмотреть закрепление за распределенным реестром, на базе которого обращается цифровая валюта, правоустанавливающего значения за операциями, что в итоге поможет обеспечить субъектам возможность защищать свои законные права и интересы в случае их нарушения. При таком подходе, запрет использования криптовалют как средства платежа, станет нецелесообразным и возникнет соответствующая необходимость признать за цифровой валютой платежную функцию.

Подводя итог, отметим, что политика государства в рамках правотворческой деятельности в настоящее время носит преимущественно публичный

характер регулирования, не уделяя должного внимания частнопроводному регулированию или даже ограничивая его. Отсутствие адекватных правовых средств, позволяющих решить существующие проблемы в области регулирования цифровой валюты, будет в дальнейшем негативно влиять на обеспечение баланса между участниками, осуществляющими расчеты с использованием цифровой валюты.

Литература

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. – 2020. – № 31 (1 ч.). – ст. 5018.
2. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 10.02.22 N 03–04–05/9243 Об НДФЛ в отношении доходов, полученных от операций купли-продажи криптовалюты // СПС КонсультантПлюс.
3. Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 4 сентября 2019 г. N 03–04–05/67982 О налогообложении НДФЛ сумм чаевых, перечисляемых клиентами ресторанов (кафе) официантам с использованием электронных сервисов // СПС КонсультантПлюс.
4. Информация Банка России «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» от 27.01.2014; Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» 06.02.2014. Available at: URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 13.05.2024).
5. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 104.
6. Титоренко, С.К. Криптовалюта как объект налогообложения / С.К. Титоренко // *Бизнес. Образование. Право*. – 2021. – № 4. – С. 284–288.
7. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги *Право. Журнал Высшей школы экономики* 13 (4), 43–77, 2020.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 N 44-КГ20–17-К7, 2–2886/2019 Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2023 N 09АП-35215/2023 по делу N А40–273884/2022 Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».
10. Решение Савеловского районного суда Москвы от 9 ноября 2021-го по делу № 2–2888/2021

Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».

11. Эксперты MDS о криптовалютном законодательстве в России: анализ судебной практики и прогнозы // www.mosdigitals.ru URL: <https://mosdigitals.ru/media/eksperty-mds-o-kriptovalyutnom-zakonodatelstve-v-rossii-analiz-sudebnoy-praktiki-i-prognozy> (дата обращения 13.05.2024).

LEGAL REGULATION OF THE BAN ON SETTLEMENTS WITH DIGITAL CURRENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Farzaliyev M.R.

Saratov State Law Academy

The purpose of this study is to critically analyze the effectiveness of the current ban on the use of digital currencies as a means of payment in transactions related to the sale of goods, provision of services and performance of works, as well as to identify the factors that make it impossible to fully implement this ban in practice. In addition, the work attempts to formulate the author's definitions of the concepts of "digital currency" and "digital financial assets", as well as conduct a comparative analysis to determine the differences between these two financial instruments. The methodological basis of the study consisted of general scientific methods of analysis, synthesis, comparative legal, systemic and other special methods of scientific cognition. The relevance of the studied issues is due to the rapid development of financial technologies and the need to adapt the current legal regulation to the emerging challenges and risks associated with the circulation of digital assets.

Result: The study found the insufficiency and failure of the existing bans on making payments using digital currency, and also provided appropriate mechanisms to eliminate these shortcomings.

Conclusion: Within the framework of the author's approach, in order to minimize these shortcomings, it is proposed: to establish appropriate requirements for the operation of cryptocurrency exchanges in the country, it is necessary to regulate quality requirements for the issuance and admission of individual cryptocurrencies to cryptocurrency exchanges, as well as to consolidate the legal significance of the transactions carried out on these exchanges.

Keywords: digital currency, legal gaps, legal regulation, prohibition on accepting payments, digital financial assets.

References

1. Federal Law № 259-FZ dated July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31 (1part). – Article 5018.
2. Letter from the Department of Tax Policy of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 02/10/2012 N 03–04–05/9243 On personal income tax in relation to income received from transactions of purchase and sale of cryptocurrencies // SPS ConsultantPlus.
3. Letter from the Department of Tax and Customs Policy of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated September 4, 2019 № 03–04–05/67982 On the taxation of personal income tax of tip amounts Transferred by customers of restaurants (cafes) to waiters using electronic services // SPS ConsultantPlus.
4. Information from the Bank of Russia "On the use of "virtual currencies" in transactions, in particular Bitcoin" dated 01/27/2014; Rosfinmonitoring Information message "On the use of cryptocurrencies" 02/06/2014. Available at: URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm (date of application: 05/13/2024).
5. Sitnik A.A. Digital currencies: problems of legal regulation // Current problems of Russian law. 2020. Vol. 15. № 11 (120). p.104.
6. Titorenko, S.K. Cryptocurrency as an object of taxation / S.K. Titorenko // Business. Education. Right. – 2021. – № 4. – pp.284–288.
7. Yankovsky R.M. Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, "other property" and digital Money Law. Journal of the Higher School of Economics 13(4), 43–77, 2020.
8. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.02.2021 N 44-KG20–17-K7, 2–2886/2019 Access from the Reference.
9. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 08/15/2023 N 09AP-35215/2023 in the case N A40–273884/2022 Access from the Reference. the "Guarantor-Maximum" legal system.
10. The decision of the Savolovsky District Court of Moscow dated November 9, 2021 in case № 2–2888/2021 Access from the Reference. the "Guarantor-Maximum" legal system.
11. MDS experts on cryptocurrency Legislation in Russia: analysis of judicial practice and forecasts // www.mosdigitals.ru URL: <https://mosdigitals.ru/media/eksperty-mds-o-kriptovalyutnom-zakonodatelstve-v-rossii-analiz-sudebnoy-praktiki-i-prognozy> (accessed 05/13/2024).

Реализация принципа «участие пользователей» в российской системе налогообложения: на примере цифровых компаний

Чепкасова Анастасия Олеговна,

стажер-исследователь, Высшая школа государственного аудита Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: nastya.chepkasova@mail.ru

Современные технологии активно используются для трансформации традиционных бизнес-моделей и открытия новых способов взаимодействия на глобальном уровне. Так, цифровая экономика способствовала появлению новых принципов налогообложения, которые отражают изменяющиеся реалии современного бизнеса. Внедрение принципа «участия пользователей» является одним из основных направлений совершенствования системы международного налогообложения.

Принцип заключается в налогообложении ценности, создаваемой организациями за счет получения активной пользовательской базы и материалов о самих пользователях и их предпочтениях. Данная модель может быть справедливым способом перераспределения налогов в юрисдикцию нахождения активной пользовательской базы цифровых компаний. Практические сложности внедрения данного принципа заключаются в невозможности объективной оценки такой «ценности». Уровень дохода, демографический профиль, а также миграционные потоки влияют на стоимость данных и вопрос их локализации.

Для упрощения механизма «участия пользователей» предлагается передать централизованный контроль над цифровыми данными в управление государству. В таком случае данные граждан будут считаться национальным активом, а компании будут обязаны вносить плату за их использование.

Ключевые слова: налоги; цифровизация; принципы; принцип «участия пользователей», международное налогообложение, ОЭСР.

В современном мире цифровые компании стали ключевыми фигурами как на местном, так и на глобальном рынке. Их значимость и прибыльность неуклонно растут, однако традиционные налоговые системы не всегда в полной мере учитывают специфику их деятельности. С ростом числа цифровых компаний и общего влияния технологий на экономику, вопрос налогообложения таких компаний становится все более актуальным. Традиционные методы налогообложения часто неэффективны из-за глобальной природы цифровых услуг и возможности компаний оперировать в различных юрисдикциях без физического представительства [3]. В связи с этим, некоторые страны и международные организации принимают инновационные подходы к налогообложению цифровых компаний.

В частности, в ответ на вызовы, которые цифровые компании представляют для налоговых органов, Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) сформулировала ряд предложений по налогообложению цифровой среды, в том числе новый принцип налогообложения – принцип «участия пользователей» [11].

Данный принцип заключается в том, что налоги взимаются не только с основной прибыли цифровых компаний, но и с доходов, полученных от использования пользовательских данных [1]. Цель такого подхода – обеспечить более справедливое разделение налоговой нагрузки и заставить компании распределять свою прибыль в страны, где они имеют активную аудиторию. Однако внедрение указанного принципа вызывает как положительные отзывы, так и возражения со стороны профессионального сообщества.

В данной статье мы обозначим ключевые проблемы современного международного налогообложения, обусловившие появление концепции «участия пользователей», а также рассмотрим основные вопросы практической реализации принципа «участия пользователей» в налогообложении цифровых компаний.

Современная система международного налогообложения цифровых компаний глобально столкнулась с двумя ключевыми проблемами:

Во-первых, все более совершенные информационные и коммуникационные технологические системы, в том числе Интернет, способствовали резкому росту дистанционных продаж между юрисдикциями. Это приводит к разделению экономического и физического присутствия. Более того, благодаря такой возможности продавать товары и услуги удаленно, онлайн-ритейлеры бросают вызов традиционным физическим магазинам (любо-

го размера) и вытесняют их [5]. Это дискредитирует традиционную концепцию постоянного представительства, которая основывается на постоянном физическом присутствии как важнейшем условии осуществления государством своего права на налогообложение.

Вторая проблема заключается в том, что организации в настоящее время рассматривают онлайн – клиентов или пользователей как важнейшую движущую силу, определяющую ценность цифровых услуг. Цифровизация позволила компаниям собирать данные и информацию о своих пользователях в беспрецедентных масштабах. Пользователи предоставляют данные о своих предпочтениях с помощью онлайн-поиска, покупки товаров и услуг или посредством взаимодействия с другими пользователями через платформы социальных сетей. Однако участие пользователей не признается в рамках существующей международной системы налогообложения в качестве источника получения прибыли и не формирует присутствия в юрисдикции.

Принцип «участия пользователей» предполагает, что пользователи цифровых платформ должны играть более активную роль в налогообложении компаний, от которых они получают услуги. Этот принцип основывается на представлении, что пользователи являются частью бизнес-модели цифровых компаний и создают ценность для них своей активностью: они создают контент, генерируют трафик, а также влияют на развитие продуктов и услуг компаний. Без участия пользователей многие цифровые компании не могли бы достичь своих финансовых результатов. Следовательно, налогообложение пользовательской ценности может быть справедливым и эффективным способом взимания налогов с учётом их вклада в прибыль компаний.

Внедрение принципа «участия пользователей» в налогообложение цифровых компаний, однако, вызывает ряд сложностей. Первым вопросом является определение способов измерения участия пользователей и их вклада в прибыль компаний. Какие метрики следует использовать? Как правильно оценить стоимость созданного пользователями контента и трафика? Как отмечается в программном документе Международного валютного фонда, «сбор и использование потенциально магнетизируемой информации настолько распространены в современной экономике, что проведение границы между случаями, когда пользователи являются и не являются существенными вкладчиками, чрезвычайно сложная задача» [8].

Пользователи создают ценность для предприятия разными способами. В основном это предоставление или разрешение сбора персональных данных и создание цифрового контента, который затем может быть монетизирован бизнесом. Растущая цифровизация повседневной деятельности означает, что люди почти непрерывно создают потоки информации, потребляя товары и услуги в интернете. Это позволяет совершенствовать

предлагаемые услуги для новых и существующих пользователей. Общим для всех этих взаимодействий является так называемый цифровой бартер: пользователи обмениваются – сознательно или нет – данными о своих предпочтениях и активности, которые затем могут быть использованы и монетизированы бизнесом для оказания цифровых услуг в обмен на бесплатные или дешевые онлайн услуги [6].

Многие предприятия, перешедшие на цифровые технологии, однако, заявляют, что такие данные становятся ценными только после того, как они проанализированы и обработаны, то есть реальная ценность возникает из нематериальных активов, таких как алгоритмы и кодирование, которые используются для интерпретации этих данных и обеспечения дохода. Данное рассуждение используется, чтобы исключить факт создания стоимости пользователем. При такой логике именно фирма, которая манипулирует данными, является создателем «ценности пользовательских данных».

Поимодискуссии о принадлежности «ценности» необходимо также осветить проблему ее объективной оценки. Допустим необходимо оценить стоимость, генерируемую одним пользователем на территории конкретной юрисдикции. Во-первых, население страны не является статичным – оно может меняться в течение года по многим причинам. В число пользователей страны будут включены иностранцы, проживающие в стране, а также ее собственные граждане. Другими словами, миграционные потоки меняют население страны в течение года, особенно в случае сезонных потоков от таких видов деятельности, как туризм.

Во-вторых, даже при точной статистике, которая может быть использована для оценки потоков пользователей в каждой стране, важно учитывать фактор интенсивности. Не каждый пользователь одинаково ценен для цифровой компании как внутри страны, так и на международном рынке. Уровень дохода и демографический профиль будут иметь большее значение для некоторых предприятий, чем для других. Например, пользователи из стран с более высокими доходами на душу населения будут более ценными для розничных предприятий. Следовательно, именно эти экономики должны иметь большую долю распределения прибыли от такого рода цифровых компаний.

Второй проблемой реализации принципа «участия пользователей» является определение механизма сбора налогов. Если основной субъект данных, пользователь, имеет право на компенсацию за их использование, то характер такой компенсации будет зависеть от владения или контроля над данными после их сбора. С точки зрения налогообложения, если пользователь получает прямую компенсацию за первичный сбор или продажу своих данных, то вознаграждение будет облагаться подоходным налогом. Ключевая проблема данного подхода заключается в характере обмена пользовательскими данными для цифровых услуг. Платформы социальных сетей и поисковые систе-

мы регистрируют миллиарды «лайков» ежедневно и триллионы запросов каждый год. Стоимость данных, торгуемых в этих микробартерах, вероятно, будет значительно варьироваться, и текущее отсутствие прозрачного рынка или согласованной стандартизированной меры для стоимости таких данных еще больше усугубляет трудности в определении налоговой базы.

Более практичная альтернатива могла бы быть достигнута, если бы контроль над данными граждан был передан государству в качестве доверенного лица. В случае цифровых услуг данные о поведении и предпочтениях граждан страны будут рассматриваться как коллективный национальный актив с компенсацией за его использование. Действительно, в то время как пользовательские данные неразрывно связаны с человеком, характер сбора данных и неравномерное получение прибыли предполагает практическую необходимость централизации собственности для координации доступа к данным и определения размера компенсации. Если бы такая договоренность была разработана, компании, желающие собирать информацию о пользователях, должны были бы компенсировать юрисдикции, в которой информация была собрана, часть дохода в соответствии с согласованными правилами через систему корпоративного подоходного налога или через другие налоговые инструменты, такие как роялти. Возможно, такой механизм следует внедрить на уровне отдельного федерального закона, предусматривающего плату за использование информации о потребителях. Важным является также законодательное обеспечение прозрачности и защиты данных пользователей в процессе сбора и использования информации для целей налогообложения.

Модель подоходного налогообложения пользователей может быть рациональна для компаний-маркетплейсов, так как их деятельность позволяет не только идентифицировать физическое местонахождение пользователей, но и непосредственно взаимодействовать с ними при оплате товара. Так может быть реализована модель прямого взимания налогов с пользователей. При такой модели компании собирают налоги непосредственно на платформе, на которой предоставляют свои услуги. Например, популярный онлайн-магазин может взимать налоги с покупателей при оформлении заказа. Данная модель налогообложения позволяет снизить нагрузку на пользователя, так как налог будет взиматься автоматически, без необходимости заполнения отдельных документов или передачи информации в налоговые органы. Кроме того, и маркетплейс и компания могут легко идентифицировать юрисдикцию перераспределения налога, так как обладают информацией о месте получения товара пользователем.

Важнейшей проблемой реализации принципа «участия пользователей» является обеспечение международной координации и согласованности в применении новых правил. Цифровые компании работают в различных юрисдикциях, именно по-

этому необходимо согласование мер по налогообложению пользовательской ценности на международном уровне. Это требует сотрудничества и взаимного признания государств, а также единообразия регулирования.

Необходимо отметить, что подходы, основанные на принципе «участия пользователей», вызывают сомнения у некоторых экспертов и представителей цифровых компаний. Они указывают на необходимость учета специфики деятельности цифровых компаний и сложности правового и налогового регулирования в данной области. Кроме того, применение этих подходов требует безоговорочного сотрудничества между государствами в научном и техническом направлении. Данный вопрос вызывает сложности в современном мире, поскольку политическое сотрудничество государств по вопросу международного налогообложения осложнено санкционными ограничениями и односторонними отказами государств от обмена финансовой информацией с Российской Федерацией.

Итак, обобщая все вышесказанное, следует выделить следующие рекомендации по внедрению принципа «участия пользователей» в систему международного налогообложения:

1. Для эффективной реализации принципа «участия пользователей» необходимо разработать методологию учета и измерения активности пользователей на цифровых платформах. Это может включать в себя такие параметры, как количество совершенных транзакций, объем потребляемых ресурсов, длительность использования платформы и другие показатели, отражающие активность пользователей.
2. Для определения ставок налогов, основанных на активности пользователей, следует провести анализ и оценку экономической роли пользователей в деятельности цифровых компаний. Это позволит соблюсти баланс интересов пользователей, цифровых компаний и государства.
3. При реализации принципа «участия пользователей» целесообразно учитывать географическую локацию потребителей с помощью различных индикаторов (GPS, IP-адрес или онлайн-анкетирование). Это позволит установить соответствующие налоговые обязательства для компаний в конкретных юрисдикциях местонахождения пользовательской базы.
4. Для эффективной реализации принципа «участия пользователей» цифровые компании должны установить механизмы сбора и передачи данных о своей деятельности и взаимодействии с пользователями. Это поможет налоговым органам получать достоверную информацию о деятельности компаний и рассчитывать налоговые обязательства на основе объективной активности пользователей.
5. Реализация принципа «участия пользователей» в налогообложении цифровых компаний требует международного сотрудничества и согласования стандартов. Это необходимо для справедливого перераспределения налоговых

обязательств между юрисдикциями, обеспечения равноправия и устранения двойного налогообложения.

6. Реализация принципа «участия пользователей» также требует усиления контроля и обеспечения прозрачности в деятельности цифровых компаний. Налоговые органы должны иметь возможность проверять и аудиторировать данные о деятельности и налоговых обязательствах компаний. Цифровые платформы в свою очередь должны обеспечить прозрачность в отчетности и документообороте.

Подводя итог, следует еще раз отметить, принцип «участия пользователей» в налогообложении цифровых компаний является новым подходом, который может привести к более справедливому и прозрачному налогообложению. Однако, для его успешной реализации необходимо разработать эффективные механизмы и учесть разнообразие интересов пользователей. Такой подход может полностью преобразить современную концепцию международного налогообложения, построить более сильную связь между цифровыми компаниями, их пользователями и государством.

Литература

1. Вишневский, В.П., Гончаренко Л.И., Дементьев В.В., Гурнак А.В. Принципы налогообложения для цифровой экономики / В.П. Вишневский, Л.И. Гончаренко, В.В. Дементьев, А.В. Гурнак. – Текст: электронный // Пространство экономики. – 2022. – № 2. С. 59–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-nalogooblozheniya-dlya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 19.05.2024).
2. Гидирим, В.А. Основы международного корпоративного налогообложения / В.А. Гидирим – Москва: Автор, 2016. – 794 с. – ISBN 978-5-9908572-2-3. – Текст: непосредственный.
3. Пономарева, К.А. Правовые проблемы налогообложения цифровых бизнес-моделей / К.А. Пономарева. – Текст: электронный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 58. – С. 605–620. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-nalogooblozheniya-tsifrovyyh-biznes-modeley> (дата обращения: 19.05.2024).
4. Садчиков, М.Н. Финансово-правовое обеспечение налогового суверенитета Российской Федерации: специальность 12.00.04 – финансовое право; налоговое право; бюджетное право: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук / М.Н. Садчиков; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2021. – 53 с. – Библиогр.: с. 46–53. – Текст: непосредственный.
5. Степнов, И.М. Цифровые вызовы и справедливость налогов / И.М. Степнов, Ю.А. Ковальчук – Текст: электронный // Цифровое право. –

2020. – Т. 1. – № 1. – С. 39–58. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c9f/6–8–3-PB.pdf> (дата обращения: 19.05.2024).

6. Aslam, A., Shah, A. Chapter 10 Taxing the Digital Economy. In Corporate Income Taxes under Pressure. / A. Aslam, A. Shah – Текст: электронный // USA: International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781513511771/ch010.xml#ch10ref28> (дата обращения: 19.05.2024).
7. Доклад о цифровой экономике Организации Объединенных наций 2019 г. – Текст: электронный // Конференция ООН по торговле и развитию: официальный сайт. – 2019. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf (дата обращения 28.04.2023).
8. International Monetary Fund (IMF). Corporate Taxation in the Global Economy. – Текст: электронный // IMF Policy Paper, Washington, DC. – 2019. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2019/03/08/Corporate-Taxation-in-the-Global-Economy-46650> (дата обращения: 19.05.2024).
9. OECD (2023), The Multinational Convention to Implement Amount A of Pillar One. – Текст: электронный // OECD. – 2023. – URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/multilateral-convention-amount-a-pillar-one-overview.pdf> (дата обращения 01.05.2024).
10. OECD (2022), Model Rules for Reporting by Digital Platform Operators XML Schema: User Guide for Tax Administrations. – Текст: электронный // OECD, Paris. – URL: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/model-rules-for-reporting-by-digital-platform-operators-xml-schema-user-guide-for-tax-administrations.pdf>. (дата обращения 01.05.2024).
11. OECD Programme of Work to Develop a Consensus Solution to the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy, OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS. – Текст: электронный // OECD. – 2019. – URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/programme-of-work-to-develop-a-consensus-solution-to-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy.pdf>. (дата обращения 01.05.2024).

IMPLEMENTATION OF THE “USER PARTICIPATION” PRINCIPLE IN THE RUSSIAN TAX SYSTEM: THE EXAMPLE OF DIGITAL COMPANIES

Чепкасова А.О.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Modern technologies are actively used to transform traditional business models and open up new ways of interaction on a global level. Thus, the digital economy has contributed to the emergence of new taxation principles that reflect the changing realities of modern business. The introduction of the principle of “user participation” is one of the main directions for improving the international taxation system. The principle is to tax the value organizations create by capturing an active user base and content about the users themselves and their preferences. This model can be a fair way to redistribute taxes to jurisdictions where digital companies have an active user base. The practical difficulties of implementing this principle lie in the impos-

sibility of objectively assessing such “value”. Income level, demographic profile, as well as migration flows influence the cost of data and the issue of its localization.

To simplify the mechanism of “user participation,” it is proposed to transfer centralized control over digital data to the management of the state. In this case, citizens’ data will be considered a national asset, and companies will be required to pay fees for their use.

Ключевые слова: налоги; цифровизация; принципы; принцип «участия пользователей», международное налогообложение, ОЭСР.

References

1. Vishnevsky, V.P., Goncharenko L.I., Dementyev V.V., Gurnak A.V. Principles of taxation for the digital economy / V.P. Vishnevsky, L.I. Goncharenko, V.V. Dementyev, A.V. Gurnak. – Text: electronic // Economic space. – 2022. – No. 2. pp. 59–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-nalogooblozheniya-dlya-tsifrovoy-ekonomiki> (date of access: 05/19/2024).
2. Gidirim, V.A. Fundamentals of international corporate taxation / V.A. Gidirim – Moscow: Author, 2016. – 794 p. – ISBN 978-5-9908572-2-3. – Text: direct.
3. Ponomareva, K.A. Legal problems of taxation of digital business models / K.A. Ponomareva. – Text: electronic // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2022. – No. 58. – P. 605–620. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-nalogooblozheniya-tsifrovyyh-biznes-modeley> (date of access: 05/19/2024).
4. Sadchikov, M.N. Financial and legal support of the tax sovereignty of the Russian Federation: specialty 12.00.04 – financial law; tax law; budgetary law: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law / M.N. Sadchikov; Saratov State Law Academy. – Saratov, 2021. – 53 p. – Bibliography: p. 46–53. – Text: direct.
5. Stepnov, I.M. Digital challenges and tax fairness / I.M. Stepnov, Yu.A. Kovalchuk – Text: electronic // Digital Law. – 2020. – T. 1. – No. 1. – P. 39–58. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c9f/6-8-3-PB.pdf> (access date: 05/19/2024).
6. Aslam, A., Shah, A. Chapter 10 Taxing the Digital Economy. In Corporate Income Taxes under Pressure. / A. Aslam, A. Shah – Text: electronic // USA: International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781513511771/ch010.xml#ch10ref28> (access date: 05/19/2024).
7. United Nations Digital Economy Report 2019 – Text: electronic // UN Conference on Trade and Development: official website. – 2019. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf (access date 04/28/2023).
8. International Monetary Fund (IMF). Corporate Taxation in the Global Economy. – Text: electronic // IMF Policy Paper, Washington, DC. – 2019. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2019/03/08/Corporate-Taxation-in-the-Global-Economy-46650> (access date: 19.05.2024).
9. OECD (2023), The Multinational Convention to Implement Amount A of Pillar One. – Text: electronic // OECD. – 2023. – URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/multilateral-convention-amount-a-pillar-one-overview.pdf> (accessed 05/01/2024).
10. OECD (2022), Model Rules for Reporting by Digital Platform Operators XML Schema: User Guide for Tax Administrations. – Text: electronic // OECD, Paris. – URL: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/model-rules-for-reporting-by-digital-platform-operators-xml-schema-user-guide-for-tax-administrations.pdf>. (date of access: 05/01/2024).
11. OECD Program of Work to Develop a Consensus Solution to the Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy, OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS. – Text: electronic // OECD. – 2019. – URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/programme-of-work-to-develop-a-consensus-solution-to-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy.pdf>. (date of access: 05/01/2024).

Соотношение категорий процесса и процедуры в административном праве: обобщение концепций в научном дискурсе

Шиш Елена Александровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права, конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
E-mail: elen-shish@mail.ru

В статье рассматриваются основные положения теории административного процесса, определяющие место административных процедур в его структуре. В настоящее время вопросы развития административного процесса, роль и соотношение различных элементов его структуры остаются дискуссионными. В то же время, для успешного продвижения административной реформы необходима масштабная законодательная детализация административно-правовых механизмов, выражающаяся, среди прочего, и в определении соотношения различных правовых категорий, составляющих основу теории административного процесса. Поводом для написания статьи стала видимая необходимость теоретического осмысления взаимосвязи административного процесса и административных процедур. Автором исследованы основы правового регулирования административного производства, административных процедур, теоретические положения, затрагивающие сферу административного процесса, определяющие сущность многих относящихся к озвученной теме правовых понятий. Обоснована необходимость дальнейшей теоретической разработки и более четкого законодательного определения административного производства и административных процедур. Сделаны важные выводы, на основании которых выработаны конструктивные предложения, направленные на повышение качества нормативного регулирования в сфере административного процесса.

Ключевые слова: разрешение административных дел, публичная администрация, внесудебный порядок, внепроцессуальные процедуры, этапы административного производства.

Введение

Среди основных направлений административной реформы в Российской Федерации весьма важной видится реформа административного процесса, предполагающая достижение, среди прочих целей, соответствующего стандартам современного демократического государства уровня демократизации общественных отношений. Для такой демократизации представляется необходимым уточнение, конкретизация, установление четкого соотношения многих правовых понятий, относящихся к различным сферам административно-правового регулирования, в том числе и к административному процессу. Реализация означенных целей имеет не только теоретическое значение, но должна и положительным образом сказаться на правоприменительной практике, объединяющей урегулированную нормами административного процесса деятельность судов, органов государственной власти и местного самоуправления по разрешению административных дел – административное производство. Такое понимание значения и важности проведения реформ в отмеченной сфере выражено многими современными исследователями. Например, исследователь А.И. Пашина отмечает, что «развитие законодательства об административных процедурах способствует повышению прозрачности, эффективности и ответственности в деятельности органов публичного управления» [10]. Это развитие, несомненно, должно выражаться и в конкретизации, уточнении основных теоретических и законодательных понятий административного процесса.

Проблемы совершенствования понятийного аппарата административно-процессуальной деятельности как ранее, так и сегодня привлекают внимание многих исследователей административного процесса. Исследованиям, направленным на формирование согласованной теории регулирования административно-процессуальных отношений, посвящены труды В.В. Ершова [2], А.И. Стахова [12], Д.В. Осинцева [9] и многих других. Однако до сих пор в научной среде не выработана единая правовая доктрина, в которой достаточно четко и однозначно разрешены вопросы определения и соотношения таких значимых категорий административного процесса как административные процедуры и административное производство. Соответственно, целью подставленного исследования является разработка положений, способствующих совершенствованию установок правовой теории, единообразию правоприменительной практики, относящихся к административному процессу.

Исследование, представленное настоящей статьёй, проводилось на основе диалектического подхода в сочетании с рядом общенаучных и частнонаучных методов. В наибольшей степени были использованы формально-юридический метод, исторический и сравнительно-правовой методы. Исследование проводилось также в отношении и с учетом нормативных установок действующего законодательства Российской Федерации, регулирующего административную деятельность органов власти, ставшего правой основой исследования. В качестве других, не относящихся к правовым, но также необходимых для данного исследования источников информации, были взяты представленные в свободном доступе научные труды по теории административного процесса, другая имеющая отношение к теме исследования информация, размещенная на доверенных Интернет-сайтах.

Результаты

Для раскрытия заявленной выше темы и достижения обозначенных целей представляется необходимым дать оценку административным процедурам как объекту изучения науки административно-процессуального права. Исследование основных категорий административно-процессуального права, к которым с уверенностью следует отнести и административные процедуры, происходило с последней четверти прошлого века, продолжается и поныне. Одним из наиболее удачных определений административных процедур общего характера представляется выработанное исследователями В.С. Кашу и Л.Э. Назарян [7], где эти процедуры понимаются как «урегулированные законодательно механизмы, образующие сферу деятельности органов исполнительной власти и позволяющие определить порядок принятия соответствующих юрисдикционных и управленческих решений». В другом определении административной процедуры она рассматривается как совокупность действий направленных на достижение целей управления в деятельности органов исполнительной власти [1]. Не отрицая оригинальность и качество приведенных выше и многих других изученных автором определений, следует все же отметить, что многие исследователи феномена административной процедуры пытались понять его сущность в отдельности от административного процесса и административного производства. При этом соотношению вышеназванных понятий в большинстве рассмотренных автором исследований уделено недостаточно внимания.

Сам термин «процедура», не имея легального определения в российском законодательстве, крайне редко используется в процессуальном законодательстве. Так, в качестве одного из видов специальных административных процедур в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза используется такой термин как «таможенная процедура», который означает совокупность норм, определяющих для целей таможенного регулирования условия и порядок использования товаров

на таможенной территории Союза или за ее пределами [13]. Однако, по мнению автора, он заслуживает самостоятельного теоретического определения и поэтому требует рассмотрения его с точки зрения структуры административного процесса и административного производства в целом.

В данном контексте ряд исследователей (А.Б. Зеленцов, П.И. Кононов [4], А.И. Стахов и др.) предлагает рассматривать административную процедуру как отдельный фрагмент или отрезок судебного или внесудебного производства по административному делу. Такой подход к административной процедуре (как к части, доли целого) с научно-практической цели представляется наиболее верным.

Будучи элементом структуры судебного административного процесса, административная процедура определяет специфику различных стадий судебного административного производства, в свою очередь урегулированных административно-процессуальным законодательством (КАС РФ, АПК РФ, КоАП РФ). При этом этапы административного производства понимаются названными исследователями как законодательно определенная последовательность осуществления правоприменительной деятельности, соответствующая определенному виду административного производства, обязательная для исполнения органом публичной власти, по прохождению административного дела на всех необходимых для его разрешения стадиях: от подготовки к рассмотрению до исполнения вынесенного решения по административному делу.

Примерно такие же стадии, но с учетом особенностей правоприменительной деятельности суда (судей) при подобном подходе формируются и в отношении административного судопроизводства. При этом административные процедуры, функционируя в рамках отдельной стадии административного производства (судопроизводства), определяют отдельные фрагменты данной стадии, обеспечивая поэтапное разрешение административного дела, в том числе и соблюдение режима доказывания, принятие в необходимых случаях мер процессуального принуждения и других необходимых для надлежащего разрешения административного дела мер. Таким образом, представляется возможным и целесообразным законодательно регламентировать понятие и основные признаки административных процедур в федеральном административном процессуальном законодательстве.

Стоит отметить, что закрепление понятия административной процедуры нередко можно найти в текстах законодательства разных стран. Закон Республики Беларусь «Об основах административных процедур» содержит достаточно развернутое определение, представляющее административные процедуры как «...действия уполномоченного органа, совершаемые на основании заявления заинтересованного лица, по установлению (предоставлению, удостоверению, подтверждению, регистрации, обеспечению), изменению, приостановлению, сохранению, переходу или прекраще-

нию прав и (или) обязанностей...» [11]. Подобное определение содержит и Закон Республики Черногория «Об общей административной процедуре» от 2003 года [3].

Обсуждение

Изложенное выше может свидетельствовать о том, что на текущий момент все попытки построить лишнюю спорных моментов и принимаемую всеми научную теорию, позволяющую определить соотношение административного процесса, административного производства и административной процедуры, не приводят к намеченному результату. Вместо этого ширится список постулатов и аксиом, вносящих еще большие разногласия в мнения исследователей. Сущность исследований по обозначенной теме постепенно переходит от полемических рассуждений к критике той или иной научной позиции, и далее к призывам о завершении бесконечных прений на пути к формированию единой научной доктрины об основах административно-процессуальной деятельности. Так, Д.В. Осинцев отрицает необходимость регулирования административных процедур, приводя весьма давнее высказывание А.А. Ивина о том, что «Административная процедура лишь позволяет наладить функциональную бюрократию, обеспечить законное «топтанье на месте», формальное уклонение от принятия ответственного решения...» [6]. Вместо этого Д.В. Осинцев предлагает оптимизировать «...действия и команды, исходящие от представителей административной власти по отношению к подвластным лицам, их юридически значимое взаимодействие» [9], не объясняя, каким образом это может быть сделано в рамках правового регулирования. В его видении административная процедура является лишь технико-юридическим элементом административного производства, не несущим самостоятельной правовой нагрузки, выступает лишь «...юридически нейтральным набором технических операций уполномоченных должностных лиц, возможно, оптимизирующим внутриорганизационную работу публичной администрации...» [9].

Некоторые авторы предлагают рассматривать административные процедуры отдельно от административного процесса, так как, по их мнению, «не разрешенным остается основное противоречие «позитивной» административной процедуры и «юрисдикционного» административного судебного процесса» [5]. Не соглашаясь с подобными высказываниями ряд авторов [8, 12], рассматривает административные процедуры как предмет изучения науки процессуального права, считая их неотъемлемым структурным элементом административного процесса, позволяющим определить особенности этой структуры. Указанными исследователями была разработана так называемая интегративная теория административного процесса [12], позволяющая устранить большинство противоречий, свойственных высказываниями и утверждениям, сделанными другими исследователями

ранее. Соответствующий названной теории подход требует, в свою очередь, классифицировать административные процедуры в зависимости от их принадлежности к различным видам административного процесса, выделяя судебные и внесудебные административные процедуры. По мнению автора, конституционные установки, содержащиеся в ст. 72 Конституции РФ, также правоприменительная практика полностью подтверждают правильность вышеозначенного подхода. Указанная позиция представляется обоснованной и поэтому принимается и поддерживается автором представленного исследования.

Таким образом, административная процедура играет роль правового механизма в регулировании правоприменительной деятельности органов административного управления, обеспечивая установленный законом порядок разрешения административных дел на всех его стадиях, с учетом вида административного производства.

Заключение

Выводы, полученные автором настоящей статьи в результате проведенных исследований, позволяют определить административную процедуру как элемент административного процесса, отвечающий за прохождение административного дела на определенной стадии его рассмотрения. По своей юридической сущности, административная процедура является урегулированным законодательством правовым механизмом, обязательным для использования уполномоченным органом на данной стадии. Столь важная роль административной процедуры вызывает к необходимости закрепления ее понятия, признаков и видов на разных законодательных уровнях, прежде всего на федеральном уровне. Такое закрепление, несомненно, в целом будет способствовать демократизации административно-процессуального законодательства. Логичное продолжение представленного в настоящей статье исследования видится в определении понятия и признаков внепроцессуальных административных процедур.

Литература

1. Давыдов К.В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 24.
2. Ершов В. В., Стахов А.И. Новые подходы в теории отечественного административного права и процесса // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 5–14
3. Закон «Об общей административной процедуре» от 21.10.2003 г., Черногория. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/13014> (Дата обращения: 10.05.2024)
4. Зеленцов А. Б., Кононов П.И., Стахов А.И. Административный процесс и административно-процессуальное право в России: концептуальные проблемы современного развития // Ад-

министративное право и процесс. 2013. № 12. С. 3–12.

5. Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Современные модели административно-процессуального регулирования: опыт сравнительно-правового исследования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 96–130. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.96.130 EDN: POEKJN
6. Ивин А.А. Логика норм. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 122 с.
7. Кашу В. С., Назарян Л.Э., Мирошников Е.В. К вопросу о понятии и классификации административных процедур // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 428–434.
8. Кононов П.И. Основные категории административного права и процесса: монография. М.: Юрлитинформ. 2013
9. Осинцев Д.В. Что изучает административно-процессуальное право? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 55–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_55.
10. Пашинина А.И. Административные процедуры в деятельности органов исполнительной власти // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 6 (63). С. 582–586.
11. Редкоус В.М. Общая характеристика закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» // Закон и право. 2022. № 2. С. 76–81. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-76-81
12. Стахов А.И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 313–327. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327>
13. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (Дата обращения: 10.05.2024).

CORRELATION BETWEEN THE CATEGORIES OF PROCESS AND PROCEDURE IN ADMINISTRATIVE LAW: GENERALIZATION OF CONCEPTS IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Shish E.A.

Irkutsk National Research Technical University

The presented article examines the main provisions of the theory of the administrative process, which determine the place of administrative procedures in its structure. Currently, the issues of development of the administrative process, the role and relationship of various elements of its structure remain controversial. At the same time, for the successful promotion of administrative reform, large-

scale legislative detailing of administrative and legal mechanisms is necessary, which is expressed, among other things, in determining the relationship between various legal categories that form the basis of the theory of the administrative process. The reason for writing the article was the apparent need for a theoretical understanding of the relationship between the administrative process and administrative procedures. The author has explored the fundamentals of legal regulation of administrative proceedings, administrative procedures, theoretical provisions affecting the sphere of the administrative process, defining the essence of many legal concepts related to the topic discussed. The need for further theoretical development and a clearer legislative definition of administrative proceedings and administrative procedures is substantiated. Important conclusions have been drawn, on the basis of which constructive proposals have been developed aimed at improving the quality of regulatory regulation in the field of the administrative process.

Keywords: resolution of administrative cases, public administration, extrajudicial procedure, extra-procedural procedures, stages of administrative proceedings.

References

1. Davydov K.V. Administrative procedures: the concept of legal regulation: abstract. dis. ... Doctor of Law. Sci. N. Novgorod, 2021. P. 24.
2. Ershov V.V., Stakhov A.I. New approaches in the theory of domestic administrative law and process // Russian justice. 2018. No. 6. P. 5–14
3. Law “On General Administrative Procedure” of October 21, 2003, Montenegro. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/13014> (Access date: 05/10/2024)
4. Zelentsov A. B., Kononov P.I., Stakhov A.I. Administrative process and administrative procedural law in Russia: conceptual problems of modern development // Administrative law and process. 2013. No. 12. P. 3–12.
5. Zelentsov A.B., Yastrebov O.A. Modern models of administrative procedural regulation: experience of comparative legal research // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 3. P. 96–130. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.96.130 EDN: POEKJN
6. Ivin A.A. Logic of norms. M.: Moscow University Publishing House, 1973. 122 p.
7. Kashu V.S., Nazaryan L.E., Miroshnikov E.V. On the issue of the concept and classification of administrative procedures // Issues of sustainable development of society. 2022. No. 8. pp. 428–434.
8. Kononov P.I. Basic categories of administrative law and process: monograph. M. Yurilitinform. 2013
9. Osintsev D.V. What does administrative procedural law study? // Electronic supplement to the Russian Legal Journal. 2023. No. 2. P. 55–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_55.
10. Pashinina A.I. Administrative procedures in the activities of executive authorities // Bulletin of Science. 2023. Т. 4. No. 6 (63). pp. 582–586.
11. Redkous V.M. General characteristics of the law of the Republic of Belarus “On the fundamentals of administrative procedures” // Law and Law. 2022. No. 2. pp. 76–81. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-76-81
12. Stakhov A.I. Integrative theory of the administrative process – the only correct basis for constructing a model of the administrative process // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18, No. 3. pp. 313–327. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-3-313-327>
13. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on May 29, 2019, as amended on March 18, 2023) (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (Access date: 05/10/2024).

Полномочия высших органов государственной власти Российской Федерации в области противодействия антироссийским санкциям

Шпиндлер Александр Александрович,

аспирант Алтайского государственного университета,
кафедра конституционного и международного права.

В статье анализируются организационные, координационные и иные полномочия высших органов государственной власти при противодействии антироссийским санкциям. Особое внимание уделяется Президенту, Правительству, Федеральному собранию Российской Федерации, анализируется отдельная роль Совета Безопасности. Дополнительно анализируются Постановления Конституционного Суда РФ, федеральные законы, Указы Президента, акты Правительства РФ. Отдельное внимание уделяется решениям Правительственной комиссии и Совета Безопасности РФ в контексте неопределенности их правового статуса и практической невозможности их самостоятельного применения. Сделан вывод, что высшие органы государственной власти образуют сложную, состоящую из множества звеньев систему по реализации политики в области противодействия антироссийским санкциям, разработки контрмер на основе Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ, антироссийские санкции, Президент РФ, Правительство РФ, Совет Безопасности РФ, контрсанкции, зарубежные санкции.

Антироссийские санкции относятся к наиболее серьезным вызовам в истории современной России. Во многом это связывается с массовостью, бессистемностью и квазиправовой природой ограничений, в том смысле, что их введение не всегда строится на нормах права, а зачастую имеет правовые характеристики при описании способов их применения, ответственности за обход. По состоянию на начало 2024 года общее число персональных и секторальных санкций уже преодолело отметку в 14 тысяч и продолжает расти, а значит неуклонно накапливается и негативный эффект, связанный с их применением. Все это сказывается на основах безопасности государства, правах граждан, юридических лиц, включая тех, которые формально не являются прямыми адресатами вводимых ограничений. Поэтому очевидна необходимость выработки контрсанкционной политики, строящейся на базе основополагающих норм Конституции Российской Федерации.

Важно определить роль конституционного права при разработке контрсанкционного инструментария. В исследовании, которое посвящено конституционно-правовым основам противодействия антироссийским санкциям, Е.С. Аничкин констатирует: «Конституционное право, как основополагающая отрасль российского права, регулирующая подверженные трансформации под воздействием санкций общественные отношения, не может оставаться в стороне и не реагировать на происходящие процессы с помощью своих системообразующих рычагов»¹. Таким образом понятно, что дальнейшее исследование развития контрсанкционной политики в Российской Федерации должно стать предметом для научных изысканий ученых конституционалистов. Однако, любое исследование в отрыве от конституционных полномочий высших органов государственной власти Российской Федерации, непосредственно участвующих в выработке контрсанкционной политики, правотворческой работе – нецелесообразно.

До сих пор практически отсутствуют опубликованные научные результаты исследований о роли высших органов государственной власти Российской Федерации в области противодействия санкциям: роль Президента, Правительства, Федерального собрания Российской Федерации. Особенно требуется изучение их полномочий, пределов при их осуществлении, наиболее действенных конституционно-правовых средств, кото-

¹ Аничкин Е.С. Конституционно-правовые основы противодействия антироссийским санкциям // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 2.

рые необходимы для своевременного реагирования на возникающие угрозы. От анализа действующей Конституции, принимаемых на ее основе нормативных и подзаконных актов высших органов государственной власти во многом зависит эффективность контрсанкционной политики. По этой причине кажется обоснованным в рамках данной статьи сосредоточить внимание именно на организационных и координационных полномочиях высших органов государственной власти, проанализировать, насколько они достаточны и эффективны для оперативного реагирования на возникающие угрозы.

1. Президент Российской Федерации. Правовой статус Президента Российской Федерации, его полномочия и роль в области противодействия антироссийским санкциям определены Конституцией страны. Согласно основному закону, Президент является главой государства и гарантом Конституции (ч. 1, 2 ст. 80), определяет основные направления внутренней и внешней политики (ч. 3 ст. 80). Важно подчеркнуть, что вводимые санкции ввиду своей новизны неизбежно порождают возникновение новых общественных отношений. По этой причине особенно важны конституционные полномочия Президента в области нормотворчества: обладает правом законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ); издает указы и распоряжения (ч. 1 ст. 90 Конституции РФ). Начиная с февраля 2022 года издано суммарно более 140 подзаконных актов Президента Российской Федерации, их число продолжает увеличиваться. К числу базовых следует отнести Указ Президента от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»¹, Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами»², Указ Президента РФ от 06.02.2023 № 72 (ред. от 31.07.2023) «Об особом порядке проведения расчетов между некоторыми юридическими лицами – резидентами при осуществлении внешнеэкономической деятельности»³ и другие.

Остановившись на нормотворческой роли Президента РФ, она выражается в необходимости своевременно реагировать на угрозы для государства и граждан, которые несут в себе антироссийские санкции. Представительные органы государственной власти, очевидно, что с данной ролью не мо-

¹ Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79. «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.

² Указ Президента РФ от 05 марта 2022 г. № 95. «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1472.

³ Указ Президента РФ от 06 февраля 2023 г. № 72. «Об особом порядке проведения расчетов между некоторыми юридическими лицами – резидентами при осуществлении внешнеэкономической деятельности» // СЗ РФ. 2023. № 7. Ст. 1104.

гут справиться по причине сложного законодательного процесса по рассмотрению проекта закона в нескольких стадиях. Указанная роль Президента РФ подтверждается Постановлением Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 г. N 11-П, в котором сказано, что издание Президентом РФ, выступающим гарантом Конституции указов, выполняющих пробелы в правовом регулировании, при наличии на то объективной необходимости, не противоречит основному закону страны⁴. Таким образом функция Президента по восполнению пробелов в законодательстве абсолютно обоснована и конституционна. Однако, в правоприменительной практике возникают найдены неточности, на которых следует заострить внимание. Например, внесенный в Государственную Думу проект закона «О внешней администрации по управлению организацией», представленный на рассмотрение еще в апреле 2022 года, до сих пор не принят. Содержательно он предусматривает введение внешней администрации, формально ограничивающей конституционное право собственности в целях защиты национальных интересов Российской Федерации. С одной стороны, законопроект перекликается с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя...». Однако с другой, в апреле 2023 года Президентом Российской Федерации издан Указ от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении некоторым имуществом», имеющий схожее формально-юридическое значение, как и названный ранее проект закона. Таким образом непонятно, с одной стороны, указ соответствует ст. 83 Конституции РФ, так как выпускается с целью защиты национальных интересов страны, а с другой, вступает в противоречие с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, так как подобный правовой акт должен приниматься в форме федерального закона. Изданное Конституционным Судом РФ Определение от 16 января 2018 г. N 10-О дополняет, что издание президентских указов, восполняющих пробелы в правовом регулировании возможно при условии не противоречия нормам Конституции РФ, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов⁵. Таким

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2018 г. № 10-О «По жалобе граждан Лебедик Зои Олеговны, Мельникова Дмитрия Алексеевича и Шатшайдера Владимира Ивановича на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации «О сво-

образом Конституционный суд лишь подтверждает данную неопределенность.

Очевидна ведущая роль Президента Российской Федерации, как наиболее мобильного субъекта правотворчества, способного быстро принимать необходимые подзаконные акты, однако в последствие это не исключает принятия федерального закона, основываясь на Определении Конституционного Суда Российской Федерации N 10-О.

Совет Безопасности Российской Федерации (ст. 83 Конституции Российской Федерации) (далее по тексту – Совет Безопасности) является конституционным совещательным органом при Президенте РФ, осуществляющий содействие при рассмотрении вопросов обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, что является наиболее существенными направлениями антироссийской санкций¹. Фактически перед Советом Безопасности стоит несколько задач: во-первых, координация деятельности органов государственной власти для исполнения решений Президента Российской Федерации; второе, экспертное обсуждение и выработка подходов в реализации государственной политики, правотворческого процесса, в том числе и в области контрсанкционного правового регулирования. Для реализации решений Совета Безопасности, Президент РФ может издавать указы и распоряжения. Например, Указ Президента № 175 от 26 февраля 2017 года (далее по тексту просто Указ Президента № 175) определяет, что решения Совета Безопасности оформляются в виде протокола оперативного совещания. Таким образом законодатель в статье 18 ФЗ № 390 выделяет решения в отдельную правовую категорию, юридическая природа которого сегодня неясна, а соответственно непонятно, каким образом Совет Безопасности должен осуществлять контроль за их исполнением, как этого требует ФЗ «О безопасности»². Конституция Российской Федерации в п. «ж» ст. 83 тоже не определяет правовых актов, издаваемых Советом Безопасности, но указывает, что данный орган оказывает содействие главе государства в реализации его полномочий.

Неопределенность правотворческой деятельности Совета Безопасности частично компенсируется составом его постоянных членов, в число которых входят представители законодательной и исполнительной ветви власти, некоторые из которых самостоятельно обладают, как правом законодательной инициативы, так и возможностью издавать подзаконные акты, в том числе направленные на реализацию решений Совета Безопасности Российской Федерации.

Совет Безопасности является активно действующим органом, непосредственно участвующим в разработке подходов к дальнейшей контрсанк-

бодe торговли» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации», 2018 г., № 4.

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

² Там же.

ционной политики во главе с Президентом страны, которая реализуется путём принятия федеральных законов, указов и распоряжений Президента, постановлений Правительства, актов различных органов публичной власти.

2. Правительство Российской Федерации. Руководящая роль Президента в области противодействия санкциям напрямую корреспондирует к полномочиям Правительства ввиду конституционной установки по обеспечению исполнения указов и распоряжений Президента РФ. Согласно п «д» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, Правительство Российской Федерации осуществляет меры по обеспечению государственной безопасности, реализации внешней политики страны. Важный механизм осуществления исполнительно-распорядительной деятельности Правительства Российской Федерации – издание подзаконных актов. В соответствие с ч. 1 ст. 115, постановления и распоряжения издаются во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, указов, распоряжений и поручений Президента Российской Федерации.

Конституционный суд Постановлением от 2 декабря 2022 года № 52-П определил, что Правительство при издании подзаконных актов должно руководствоваться фундаментальными принципами верховенства права, юридического равенства и справедливости, в силу которых возможны ограничения имущественных прав потребителей, если это обусловлено защитой конституционно значимых ценностей, включая жизнь и здоровье граждан³. Таким образом, юридическая природа постановления Правительства фактически перекликается с указами Президента Российской Федерации в данной области. Любопытно, в ч. 3 ст. 115 Конституции РФ сказано: «Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом РФ». Необходимо отметить, что это аргументировано с точки зрения конституционной обязанности Правительства по обеспечению исполнения указов Президента РФ. Деятельность Президента и Правительства РФ является взаимодополняющей, Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П закрепило, что они вместе обеспечивают осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории страны, включая меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан⁴.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2022 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности части 11 статьи 155 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 562 и 14836 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданки Т.В. Фирсовой» // СЗ РФ. 2022. № 50. Ст. 9060

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Со-

Наиболее значимыми, с точки зрения контрсанкционной политики являются конституционные полномочия Правительства РФ в области финансовой, кредитной и денежной политики (п. «б» ч. 1 ст. 114). Правительство осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики (п. «д» ч. 1 ст. 114), осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка (п. «е» ч. 1 ст. 114). Е.С. Аничкин отмечает, что для достижения названных задач в области контрсанкционной политики, в структуре Правительства РФ представлен ряд министерств и иных органов исполнительной власти: Министерство финансов РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство иностранных дел¹. Приказом Минфина России от 28.12.2018 № 3272 утвержден Департамент контроля за внешними ограничениями Министерства финансов Российской Федерации, деятельность которого направлена на разработку и реализацию мер по снижению негативного влияния и противодействию ограничительным мерам в финансовой сфере в отношении Российской Федерации и российских юридических лиц². Дополнительно, 13 мая 2024 в Правительстве появилась должность Заместителя Председателя Правительства, курирующего вопросы поддержки экономики и антисанкционных мер.

Существенную роль играет Правительственная комиссия по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций, образованная еще в сентябре 2018 года (далее по тексту – Правительственная комиссия)³. В январе 2022 года было опубликовано положение о комиссии, согласно которому она является: «Координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в целях выработки и реализации мер по повышению устойчивости экономики Российской Федерации в условиях санкций»⁴.

Проанализировав подзаконные акты Правительства Российской Федерации до марта 2024 годов, можно отметить, что в них содержатся упоминания Правительственной комиссии. Например, брания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497

¹ Аничкин Е.С. Указ. соч. С. 4.

² Приказ Минфина России от 28.12.2018 № 3272 «Об утверждении Положения о Департаменте контроля за внешними ограничениями Министерства финансов Российской Федерации». URL: https://mi.nfi.ru/.gov.ru/document/t?id_4=126697-prikaz_mi_nfi_a_rossii_ot_28.12.2018 (дата обращения: 02.03.2024)

³ Постановление Правительства РФ от 17.09.2018 № 1100–44 «О Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1484.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.01.2022 г. № 25–2 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1485.

в Постановлении Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2023 г. говорится: «...в соответствии с критериями или дополнительными основаниями, утвержденными подкомиссией по повышению устойчивости финансового сектора и отдельных отраслей экономики Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций...»⁵. Состав данной комиссии изменяется в соответствии с распоряжениями Правительства РФ. Например, в сентябре 2023 года состав комиссии был пополнен первым заместителем Председателя Центрального банка Российской Федерации.

Сущность правительственных комиссий заключается в выработке подходов к реализации основных направлений деятельности Правительства РФ, тем самым напоминая принцип действия Совета Безопасности РФ. Непонятным остается, какую юридическую силу имеют решения, издаваемые данными комиссиями. С одной стороны, они могут применяться в виде постановлений и распоряжений Правительства, однако правоприменительная практика говорит о том, что данные акты корреспондируют к решениям правительственной комиссии, как это указано в Постановлении Правительства РФ № 2259, таким образом решение Правительственной комиссии является первичным. Неясно, насколько обязательными и правоприменительными являются решения правительственных комиссий в разрыве от постановлений и распоряжений Правительства. Возможность толкования решений по-разному может создать проблемы и в правоприменительной практике, что в совокупности приведет к непредсказуемым последствиям. Представляется, что определение юридической силы решений правительственной комиссии во многом схожи с решениями Совета Безопасности, юридическая сила которых не определена. Поэтому единственным вариантом решения данной проблемы кажется придание юридической силы ненормативных правовых актов Правительства РФ, либо обязать Правительства всегда издавать подзаконные акты для содействия принятым решениям комиссий, что представляется наиболее реалистичным, однако на практике применяется не всегда.

3. Федеральное собрание. Важной движущей силой контрсанкционной политики является нормотворческая деятельность: издание подзаконных актов различного уровня, федеральных и федеральных конституционных законов Российской Федерации. Бессистемность и массовость вводимых ограничений очевидно выделяет на первый план подзаконные акты, как наиболее мобильный

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2023 г. № 2259 «О введении тарифной квоты на вывоз за пределы территории Российской Федерации отходов и лома черных металлов в государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза, и внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза» // СЗ РФ. 2023. № 1. Ст. 299.

способ принятия контрмер, избегая сложного законодательного процесса в Федеральном собрании. Однако, Конституционный Суд РФ постановил, что по вопросам неурегулированным в федеральном законодательстве страны, могут приниматься подзаконные акты Президента с ограничением их действия во времени до принятия соответствующих федеральных законов¹.

Фактически контрсанкционную политику на уровне Федерального собрания могут осуществлять все субъекты, которые обладают правом законодательной инициативы, перечисленные в ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации по вопросам их ведения. Анализируя принятые и рассматриваемые федеральные законы, направленные на противодействие антироссийских санкций, Е.С. Аничкин предложил классифицировать их по двум видам: законы общего характера, возникшие до 2014 года и последовавших в том году санкций, предусматривающие возможность применения ответных мер по отношению к иностранным субъектам, а ко второй группе относятся специальные законы, принятые в качестве реакции государства на вводимые ограничения, вызванные необходимостью снижения негативного эффекта от вводимых ограничений². Например, к первой категории Евгений Сергеевич относит Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», а ко второй, Федеральный закон № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иностранных государств»³.

Одновременно, в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, именно на уровне федеральных законов в полной мере обоснована возможность ограничения прав граждан в целях обеспечения обороны страны и безопасности граждан. Дополнительно данный тезис был подтвержден в Постановлении Конституционного суда от 26 февраля 2024 года: «...право частной собственности может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»⁴.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2018 г. № 10-О «По жалобе граждан Лебедик Зои Олеговны, Мельникова Дмитрия Алексеевича и Шатшнайдера Владимира Ивановича на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации «О свободе торговли» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации», 2018 г., № 4.

² Аничкин Е.С. Указ. соч. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2024 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Стройпрогресс» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1481

Нормотворческая деятельности при проведении контрсанкционной политики в Российской Федерации не является единственным конституционным полномочием Федерального собрания. К числу прочих представляется возможным отнести: заслушивание ежегодных докладов Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации, что позволяет сделать вывод о наиболее незащищенных правах граждан (п. «м» ч. 1 ст. 102), заслушивание ежегодных отчетов Правительства РФ, а также потенциальное решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации (пункты «б» и «в» ч. 1 ст. 103). Таким образом, Федеральное собрание напрямую может обращать внимание Правительства на наиболее затрагивающие права граждан вопросы, которые связаны с введенными санкциями, либо контрмерами, которые так же могут негативно сказываться на их правах. Именно в этом и заключается представительная функция Федерального Собрания.

Не менее важную роль играет парламентский контроль, возможность направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц, ст. 103.1 Конституции РФ. М.Н. Кобзарь-Фролова отмечает парламентский контроль, как весомую часть политики сдержек и противовесов⁵.

Проведенное исследование в данной области позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, высшие органы государственной власти образуют сложную, состоящую из множества звеньев систему по реализации политики в области противодействия антироссийским санкциям, разработки контрмер на основе Конституции РФ. Первичной представляется деятельность Совета Безопасности РФ с дальнейшим принятием подзаконных актов Президента РФ, последующая работа может продолжаться на уровне Правительства и созданных комиссий с целью исполнения указов и распоряжений Президента РФ. В последствие, на основании анализа правоприменительной практике, при экспертном обсуждении, как на уровне правительственных комиссий, так и в Совете Безопасности, должны разрабатываться, обсуждаться и приниматься федеральные законы.

Ввиду отсутствия задокументированной методики реализации контрсанкционной политики в РФ, она представляется именно таким образом, следуя конституционному законодательству и логики.

Во-вторых, полномочия высших органов государственной власти РФ в целом достаточны для проведения контрсанкционной политики, однако требуют некоторых доработок: осмысления на уровне конституционного судопроизводства,

⁵ Кобзарь-Фролова М.Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 2. URL: <https://study.gara№ t.ru/#/docume№ t/77199741/paragraph/43/doclist/7449/8/0/0:0> (дата обращения: 25.03.2024)

а также обретение единства позиций, могут ли Указы Президента или Постановления Правительства РФ ограничивать конституционные права граждан по принципу федеральных законов в случаях, когда это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Таким образом, следует сделать вывод, что в современном мире антироссийские санкции призваны вызывать масштабное политическое, экономическое и социальное давление. По количеству они давно превзошли санкции запада против Ирана. Тем не менее, так ли они действенны, как хотелось бы Вашингтону? По результатам развития российской Федерации за период с 2022 года по 2024 году, следует сделать вывод, что в стране наблюдается прогрессивная тенденция – государство адаптируется к современным реалиям, что говорит о несостоятельности многих санкционных действий. Таким образом, можно сделать вывод, что полномочия высших органов государственной власти Российской Федерации по противодействию антироссийским санкциям, конечно, не могут отразить их влияние полностью, но вполне способны минимизировать его до самого низкого уровня.

Литература

1. Аничкин Е.С. Конституционно-правовые основы противодействия антироссийским санкциям // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 2–7.
2. Кобзарь-Фролова М.Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 2. С. 192–203.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2022 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности части 11 статьи 155 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 562 и 14836 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданки Т.В. Фирсовой» // СЗ РФ. 2022. № 50. Ст. 9060
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2024 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Стройпрогресс» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1481.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2018 г. № 10-О «По жалобе граждан Лебедик Зои Олеговны, Мельникова Дмитрия Алексеевича и Шатшнайдера Владимира Ивановича на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации «О свободе торговли» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации», 2018 г., № 4.
8. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
9. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79. «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.
10. Указ Президента РФ от 05 марта 2022 г. № 95. «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1472.
11. Указ Президента РФ от 06 февраля 2023 г. № 72. «Об особом порядке проведения расчетов между некоторыми юридическими лицами – резидентами при осуществлении внешнеэкономической деятельности» // СЗ РФ. 2023. № 7. Ст. 1104.
12. Постановление Правительства РФ от 17.09.2018 № 1100–44 «О Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1484.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.01.2022 г. № 25–2 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1485.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2023 г. № 2259 «О введении тарифной квоты на вывоз за пределы территории Российской Федерации отходов и лома черных металлов в государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза, и внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза» // СЗ РФ. 2023. № 1. Ст. 299.

POWERS OF THE HIGHEST BODIES OF STATE POWER OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF COUNTERING ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

Spindler A.A.

Altai State University

The article analyzes the organizational, coordination and other powers of the highest state authorities in countering anti-Russian sanctions. Special attention is paid to the President, the Government, and the Federal Assembly of the Russian Federation, and the separate role of the Security Council is analyzed. The Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, federal laws, Presidential decrees, and acts of the Government of the Russian Federation are subjected to additional analysis. Special attention is paid to the decisions of the Government Commission and the Security Council of the Russian Federation in the context of the uncertainty of their legal status and the practical impossibility of their independent application. It is concluded that the highest state authorities form a complex system consisting of many links for the implementation of policies in the field of countering anti-Russian sanctions, the development of countermeasures based on the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, anti-Russian sanctions, President of the Russian Federation, Government of the Russian Federation, Security Council of the Russian Federation, counter-sanctions, foreign sanctions.

References

1. Anichkin E.S. Constitutional and legal basis for countering anti-Russian sanctions // Constitutional and municipal law. 2023. No. 4. P. 2–7.
2. Kobzar-Frolova M.N. The system of public authorities of the Russian Federation: concept, characteristic features, interaction // Siberian Legal Review. 2021. No. 2. pp. 192–203.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 30, 1996 No. 11-P “On the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of Decree of the President of the Russian Federation of October 3, 1994 No. 1969 “On measures to strengthen the unified system of executive power in the Russian Federation” and paragraph 2.3 Regulations on the head of the administration of a territory, region, federal city, autonomous region, autonomous district of the Russian Federation, approved by the said Decree” // SZ RF. 1996. No. 19. Art. 2320.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 2, 2022 No. 52-P “In the case of verifying the constitutionality of Part 11 of Article 155 of the Housing Code of the

Russian Federation, as well as paragraphs 562 and 14836 of the Rules for the provision of utility services to owners and users of premises in apartment buildings and residential houses in connection with the complaint of citizen T.V. Firsova” // SZ RF. 2022. No. 50. Art. 9060

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 4, 2002 No. 8-P “On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Federal Law “On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation” in connection with requests from the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Council of the Republic of the State Council – Khase of the Republic of Adygea” // SZ RF. 2002. No. 15. Art. 1497.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 26, 2024 No. 8-P “In the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 6 of Article 367 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company “Stroyprogress” // SZ RF. 2024. No. 10. Art. 1481.
7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 16, 2018 No. 10-O “On the complaint of citizens Lebedik Zoya Olegovna, Melnikov Dmitry Alekseevich and Shatshneider Vladimir Ivanovich for violation of their constitutional rights by Articles 2 and 10 of the Federal Law “On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in Russian Federation” and paragraph 4 of the Decree of the President of the Russian Federation “On freedom of trade” // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation”, 2018, No. 4.
8. Federal Law of December 28, 2010 No. 390-FZ “On Security” // SZ RF. 2011. No. 1. Art. 2.
9. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2022 No. 79. “On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them” // SZ RF. 2022. No. 10. Art. 1465.
10. Decree of the President of the Russian Federation dated March 5, 2022 No. 95. “On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors” // SZ RF. 2022. No. 10. Art. 1472.
11. Decree of the President of the Russian Federation dated February 6, 2023 No. 72. “On the special procedure for carrying out settlements between certain resident legal entities when carrying out foreign economic activity” // SZ RF. 2023. No. 7. Art. 1104.
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 17, 2018 No. 1100–44 “On the Government Commission to increase the sustainability of the Russian economy in conditions of sanctions” // SZ RF. 2022. No. 10. Art. 1484.
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated January 21, 2022 No. 25–2 “On approval of the Regulations on the Government Commission to increase the sustainability of the Russian economy in conditions of sanctions” // SZ RF. 2022. No. 10. Art. 1485.
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 22, 2023 No. 2259 “On the introduction of a tariff quota for the export of waste and scrap ferrous metals outside the territory of the Russian Federation to states that are not members of the Eurasian Economic Union, and amendments to the rates of export customs duties on goods exported from the Russian Federation outside the customs territory of the Eurasian Economic Union” // SZ RF. 2023. No. 1. Art. 299.

Формирование правовой категории и классификация видов дискриминации в сфере труда

Бекиров Тимур Русланович,

студент, магистратура, международно-правовой факультет,
ФГБОУВО «Всероссийская Академия Внешней Торговли»
E-mail: tymurbekirov@yandex.ru

Статья посвящена теоретическим основам дискриминации в Российской Федерации с подробным рассмотрением дискриминации в сфере труда. Актуальность темы исследования заключается в том, что, несмотря на достаточно обширный нормативный запрет дискриминации в сфере труда, факты ее проявления имеют достаточно широкое распространение и весьма сложно доказуемы. В статье последовательно рассматриваются значения и история происхождения термина «дискриминация», соотношение дискриминации с принципами равенства и равноправия, различные признаки дискриминации, анализируются основные национальные и международные нормативно-правовые акты, запрещающие дискриминацию. Особый акцент делается на дискриминацию в сфере трудовых отношений. Цель работы заключается в определении сущности дискриминации в сфере труда, изучении различных классификаций дискриминации в сфере труда, определении проблематики, препятствующей реализации нормативных положений, запрещающих дискриминацию в сфере труда. В статье также проводится сравнительно-правовой анализ законодательных и доктринальных источников для цели разработки предложений по улучшению законодательства с учетом доктринального опыта. Методологической основой исследования является диалектика. В статье также используются следующие методы: сравнительно-правовой анализ, иные виды анализа, синтез, обобщение, индукция и дедукция. Результатом исследования является предложение по улучшению формулировки определения термина «дискриминация».

Ключевые слова: дискриминация, равенство, трудовые отношения, права, обязанности, признаки дискриминации.

Введение

В современном мире существует множество толкований и трактовок понятия «дискриминация». Для того чтобы начать исследование принципа запрещения дискриминации в сфере труда, необходимо, прежде всего, дать четкое определение самой дискриминации.

Термин «дискриминация» происходит от латинского слова «discrimination», которое означает различие. Несмотря на то, что данное слово уже давно не употребляется, основной его смысл является на сегодняшний день ключевым в понятии дискриминации.

На протяжении всей истории понятие «дискриминация» подвергалось изменениям и толкованиям. Широкое осознание необходимости запрещения дискриминации приходит в период буржуазных революций. В самом начале был провозглашен принцип равенства. Однако с течением времени он был заменен принципом недопущения ограничений в отношении определенного круга лиц по определенным критериям.

Основной материал

Дискриминация является достаточно абстрактным понятием, поэтому в науке не существует однозначного определения, что, в принципе, является распространенным явлением для всех абстрактных понятий. В самом общем смысле дискриминация определяется как лишение равноправия или ограничение в правах [5, с. 248]. Дискриминация может содержать в себе определённые негативные предубеждения в отношении какой-либо группы людей, вследствие чего происходят дискриминационные действия, однако данные действия могут существовать и без предубеждений [6, с. 704]. Следует уточнить, что дискриминация подразумевает под собой не только ограничение или лишение прав, но также предоставления необоснованных льгот каким-либо категориям людей [7]. Дискриминация всегда имеет в своей основе признаки, исходя из которых происходит ущемление, ограничение или необоснованное предоставление тех или иных прав. В разное время дискриминационными признавались разные признаки.

Говоря о предоставлении необоснованных преимуществ или льгот, необходимо упомянуть о таком явлении как положительная или позитивная

дискриминация. Впервые данный термин был упомянут в США во второй половине XX века. Положительная дискриминация широко освещается в диссертационной работе Митиной Н.М. В частности, дается следующее определение: «Позитивной дискриминацией признаются меры, направленные на расширение доступа членов недостаточно представленных групп населения к рабочим местам, образованию, профессиональной подготовке и т.д.» [8, с. 19]. Концепция позитивной дискриминации заключалась в предоставлении преимуществ, льгот, а также системе квотирования для категорий лиц, которые не могут в должной степени воспользоваться всеми правами по сравнению с остальными людьми. Непредоставление необходимых преференций также влечет за собой дискриминацию [9]. На данном примере можно убедиться: насколько обширным является понятие «дискриминация». С другой стороны, предоставление подобных преимуществ может быть не всегда обосновано и, тем самым, ставить в дискриминирующее положение остальные категории людей. Напрашивается вывод, что положительная дискриминация возможна и уместна для восстановления равенства и справедливости определенной группы людей относительно остальных людей, однако только в том случае, если это является необходимым.

Исследуя теоретические основы дискриминации, нельзя не затронуть принцип равенства, поскольку именно равенство является объектом дискриминации. Данный принцип включает в себя равенство в отношении естественно-правового существования человека. Как уже было сказано выше, дискриминация всегда ущемляет те или иные права, из этого следует, что всегда происходит нарушение принципа равенства. Поэтому принцип равенства также требует тщательного освоения при изучении дискриминации.

Принцип равенства является одним из ключевых в демократическом государстве. Равенство является одним из естественно-правовых прав человека. Наличие законодательно закрепленного принципа равенства свидетельствует о правовом государстве. Для успешной реализации принципа запрещения дискриминация, в том числе и в трудовой сфере, принцип равенства должен признаваться государством, отражаться в официальных нормативно-правовых актах.

Однако, закрепленное в законодательстве равенство, является по своей сути формальным, тогда как существует множество отклонений при реализации принципа равенства на практике. Общественные отношения достаточно многообразны, существует также множество подходов к проблеме осуществления равенства. Например, Н.С. Бондарь в своей работе «Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации» пишет, что «в истории проблема равенства рассматривалась с двух основных позиций – либерализма и социализма» [10]. Различие данных позиций состоит в том, что сторонники социализма придерживались всеобщего фактического равенства,

тогда как либеральный подход предполагал лишь равенство начальных возможностей. Безусловно, у каждой позиции есть свои преимущества и недостатки. Однако позиция либералов представляется наиболее осуществимой. Все-таки каждый человек по-своему индивидуален, результаты деятельности каждого человека также различны, поэтому в обществе всегда будут разные преференции для отдельных людей. Несмотря на то, что формальное равенство зачастую не соответствует реальной картине в обществе, осуществление фактического равенства невозможно без формального, поскольку оно дает необходимую нормативную и теоретическую базу.

Как уже было сказано выше, принцип равенства является признаком правового государства. Однако в современном мире существует множество государств, которые наряду с правовыми являются также социальными, Российская Федерация не является исключением. Социальное государство предполагает предоставление определенных льгот и преференций отдельным категориям людей, которые являются наименее защищенными. То есть, формально происходит нарушение принципа равенства. Из этого можно сделать вывод, что принцип равенства не является абсолютным, поскольку возможно его ограничение для достижения социальной справедливости. С другой стороны, социальное государство предоставляет определенные льготы, тем самым уравнивая возможности граждан в той или иной области, то есть, поддерживая принцип равенства.

Проблема соотношения правового и социального государства вытекает из проблемы соотношения понятий «равенство» и «равноправие». Равенство означает равный социальный статус всех людей как субъектов права, в то время как равноправие обеспечивает равные юридические возможности для последующего осуществления прав. Принцип формального равенства закреплен в Конституции Российской Федерации, однако там также идет указание на то, что государство является социальным, то есть также закрепляется равноправие. Таким образом, Конституция Российской Федерации включает в себя как концепцию равенства, так и равноправия. Если принцип равенства напрямую упоминается в Конституции Российской Федерации, то равноправие не отражено в данном нормативно-правовом акте. Однако, наличие определенных нормативных изъятий, например льгот для отдельных категорий населения, свидетельствует о наличии идейной концепции равноправия.

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что принцип запрещения дискриминации является гарантией равенства. Запрещение дискриминации и принцип равенства тесно связаны между собой, поскольку дискриминация всегда связана с нарушением равенства. Содержанием дискриминации является ликвидация, нарушение, необоснованное предоставление или непредоставление прав и возможностей человеку. Стоит также отметить, что равенство предполагает

не только равные права, но и обязанности. Неравные обязанности у одной и той же категории людей будут свидетельствовать о дискриминации. Безусловно, существуют изъятия из данного правила. Помимо этого, принцип равенства также включает в себя равенство всех перед законом и судом и равную ответственность.

Таким образом, можно сказать, что дискриминация представляет собой нарушение принципа равенства, который в свою очередь включает в себя несколько элементов: равные права и возможности, равенство всех перед законом и судом, равные обязанности, равная ответственность. Любое ограничение, лишение, непредоставление равного положения, за исключением изъятий из общего правила, будет свидетельствовать о дискриминации.

Изучив определение дискриминации, можно приступить к осмыслению дискриминации в сфере труда. В данном случае, используется такой метод научного познания как дедукция, поэтому все изученное выше будет являться базисом для дальнейшего исследования.

Начать изучение стоит с определения понятия дискриминации в сфере труда, закрепленным в конвенции № 111 Международной организации труда [1]. Она была принята в 1958 году и ратифицирована СССР в 1961 году. Согласно статье 1 данной конвенции: «термин дискриминация включает в себя любое различие, недопущение или предпочтение, проводимое по признаку расы, цвета, кожи, пола и религии, политических убеждений, национального происхождения или социальной принадлежности, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий, а также всякое другое различие, недопущение или предпочтение, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий». Анализируя данное определение, становится ясно, что в нем отражены все основные элементы общего понятия дискриминации с уточнением оснований и сферы проявления (сфера труда). Статья 2 конвенции предусматривает изъятие из данного правила при наличии специфических требований, предъявляемых на работе. То есть, законно обоснованные ограничения предусмотрены. Статья 3 определяет сферы проявления дискриминации, а именно: доступ к труду, доступ к обучению, оплата труда и условия труда. В целом, можно сказать, что данное определение полностью основывается на понятии дискриминации в общем смысле, детализируя при этом необходимые моменты для трудового права.

В Российской Федерации понятие дискриминации в сфере труда косвенно определяется в Трудовом кодексе Российской Федерации. Статья 3 дает следующее определение: «Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейно-

го, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника». Трудовой кодекс Российской Федерации в целом копирует определение Конвенции № 111 Международной организации труда, однако в нем не конкретизируются упоминаемые деловые качества. На протяжении долгого времени данный правовой пробел вызывал множество нарушений и споров. В 2004 году термин «деловые качества» был упомянут в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3]. Однако только в 2015 году в новой редакции постановления данный термин был раскрыт. Согласно статье 10 данного постановления: «под деловыми качествами работника следует понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли)» Данное уточнение, несомненно, улучшило законодательное регулирование.

Вместе с тем ни Трудовой кодекс Российской Федерации, ни постановление не дают определения трудовой дискриминации или дискриминации в сфере труда, что приводит к различным толкованиям со стороны работодателей. Для устранения данного правового пробела было принято еще одно Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4]. Согласно статье 3 данного постановления: «под дискриминацией в сфере труда по смыслу статьи 1 Конвенции Международной организации труда 1958 года № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий и статьи 3 Трудового кодекса Российской Федерации следует понимать различие, исключение или предпочтение, имеющее своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей в осуществлении трудовых прав и свобод или получение каких-либо преимуществ в зависимости от любых обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника (в том числе не перечисленных в указанной статье Трудового кодекса Российской Федерации), помимо определяемых свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловленных особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите». Можно сказать, что данное постановление обобщило определения Трудового кодекса Российской Федерации и Конвенции № 111 Международной организации труда. К сожалению, в нем не отражено понятие деловых качеств, поскольку данное постановление было принято в 2014 году. Поэтому представляется логич-

ным добавить в данное определение содержание деловых качеств.

Стоит отметить, что Российская Федерация зачастую подвергалась критике со стороны Совета Европы, поскольку не включала в определение дискриминации такие критерии как сексуальная ориентация, состояние здоровья и инвалидность [11]. Если первый критерий не свойственен некоторым странам на ментальном уровне, то последние два, безусловно, стоит учитывать.

На данном этапе были рассмотрены основные нормативно-правовые акты, содержащие определение понятия дискриминации в сфере труда, оставшиеся источники будут рассмотрены во втором и третьем параграфах.

Понятие дискриминации в сфере труда также широко освещается на доктринальном уровне. Как уже было сказано выше, данное понятие является абстрактным, следовательно, вызывая тем самым множество споров и разногласий. Например, А.Л. Мазин определяет дискриминацию в сфере труда как неравные права и возможности работников, навыки и продуктивность которых одинаковы, или как различное отношение к ним со стороны работодателя [12]. Данное определение, безусловно, устарело и имеет некоторые недостатки. Оно упоминает о неравных правах и возможностях, однако не затрагивает равные обязанности, ответственность работников. Также в нем не предусмотрено изъятий из общего правила, например, обоснованное предоставление льгот определённым работникам или обоснованные отказы в приеме на работу, отсутствует перечень оснований дискриминации. По мнению другого ученого Н.А. Редкова дискриминация в сфере труда представляет собой ущемление прав граждан по какому-либо признаку работодателем в установленных законодательством трудовых правах. Данное определение было сформулировано в 2018 году и является более содержательным. Однако термин «ущемление» требует конкретизации, поскольку непонятно, что именно понимается под ущемлением: ограничение, предоставление, непредоставление права, возможностей, обязанностей и т.д.

Основными формами дискриминации являются различие, предпочтение, исключение, ограничение. Все они отражены в определении выше. Для более четкого понимания, стоит дать краткие определения каждому из них. Различие – разница или несходство между кем-либо или чем-либо. Предпочтение – это преимущественное внимание, одобрение, уважение к одному из нескольких вариантов. Исключение можно толковать по-разному: исключение – лишения чего-либо; исключение – отступление от общего правила. Ограничение – установление предела для чего-либо, кого-либо. Данные определения являются наиболее общими. Соответственно в трудовой сфере различие, предпочтение, исключение и ограничения не могут основываться на запрещенных трудовым правом признаках.

Дискриминация затрагивает различные сферы трудовых отношений. Поэтому существует

несколько классификаций дискриминации в сфере труда. Наиболее распространенными видами дискриминации являются следующие: [11]

1. Дискриминация в сфере доступа к труду. Данная дискриминация подразумевает искусственное создание неравных возможностей при трудоустройстве. Подобной дискриминации наиболее подвержены инвалиды, лица, недавно освободившиеся из мест лишения свободы, неквалифицированная молодежь.
2. Дискриминация в сфере оплаты труда. Во многих странах люди с одинаковыми навыками и квалификациями могут получать разную заработную плату, выполняя при этом одни и те же трудовые функции. Данная дискриминация наиболее затрагивает такие группы населения как женщины, афроамериканцы, мигранты.
3. Дискриминация при продвижении по службе. Зачастую людей, долго работающих в организации, не хотят продвигать по служебной лестнице, предпочитая найти человека с опытом на руководящей должности.
4. Разделение профессий между различными группами людей. Не секрет, что существуют так называемые «мужские и женские» профессии.
5. Дискриминация в профессиональной подготовке. Данный вид может проявляться в ситуации, когда работодатель организует определенные тренинги и обучение лишь для одной группы работников, дискриминируя тем самым все остальные.

Сизова О.С и Кузьмин И.М. в своей научной статье дают следующую классификацию: [13]

1. Расовая дискриминация. Является одной из самых распространенных в мире, связана с расовыми различиями, такими как цвет кожи, разрез глаз и т.д.
2. Национальная дискриминация. Данная проблема актуальна для Российской Федерации. Данная дискриминация основывается на отличиях в культуре, языке разных народов.
3. Гендерная дискриминация. Дискриминация по признаку пола. При этом стоит отметить, что в определенных профессиях люди одного пола более успешны, чем другого, например, профессия учительниц наиболее актуальна для женщин.
4. Религиозная дискриминация. Заключается в оскорблении верующих, ограничении в совершении религиозных обрядов.
5. Дискриминация инвалидов и по возрасту. Также являются распространёнными в современном мире. Для борьбы с данным видом могут вводиться системы квотирования.

Различают также прямую и косвенную дискриминацию. Прямая дискриминация представляет собой различное обращение с разными людьми в одной и той же ситуации, например, при приеме на работу. Косвенная дискриминация заключается в совершении действий, которые устанавлива-

ют равноправие для всех работников с целью поставить определенную группу людей в дискриминирующее положение. Например, можно установить одинаковое рабочее время, препятствуя тем самым совершению определенных религиозных обрядов.

Рассмотрев основные классификации дискриминации в трудовом праве, можно сказать, что данное явление затрагивает практически все сферы трудовых отношений. Также стоит отметить, что все группы людей в той или иной мере могут подвергнуться дискриминации.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, следует уточнить, что на сегодняшний день существует множество определений понятия дискриминации в сфере труда, которые во многом основываются на одних и тех началах общего определения дискриминации. Несомненно, законодательное закрепление понятия дискриминации требует унификации и более детальной проработки.

На основе всего вышеизложенного предлагается сформулировать следующее определение дискриминации в трудовой сфере: дискриминация в сфере труда – это нарушение принципа равенства в трудовой сфере в форме ограничения, предпочтения, различия, незаконного предоставления или непредоставления трудовых прав, обязанностей, льгот, ответственности, основывающаяся на следующих признаках: пол, раса, национальность, семейное положение, религиозные и политические убеждения, возраст, место жительства, состояние здоровья, инвалидность и др.

Перечень признаков предлагается оставить открытым ввиду динамичного развития общества, а также определенных различий в устоях государств. Из данного определения могут быть сделаны исключения, в случаях, когда законодательство допускает определенные ограничения или иные формы дискриминации для работников.

Литература

1. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Текст конвенции официально опубликован в Ведомостях Верховного Совета СССР, 01.11.1961, № 44, ст. 448 // https://www.un.org/ru/documeNts/decl_coNv/coNveNtioNs/labour.shtml (дата обращения 10.04.2024)
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&Nd=102074279> (дата обращения 10.04.2024)
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8223/> (дата обращения 10.04.2024)
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // http://www.csgoa.pfj/documents/ooP/high/method_facult/Prav_poz_Plenuma_VerKh_suda_RF_o_primenenii_trudovogo_zakonodatelstva.pdf (дата обращения 10.04.2024)
5. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // М.: «Азъ», 1996 г., с. 736. // <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения 10.04.2024)
6. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999, с. 544; Гидденс Энтони. Социология. М., Эдиториал УРСС, 1999, с. 704.
7. Семенюта Н.Н. Запрет дискриминации в трудовых отношениях // Вестник Омского Университета, 1997 г., N 2, 3 с. // <https://referat.co/statya/284792-osNovyi-prava-zapret-diskrimiNatsii-v-trudovyih-otNosheNiyah/read?p=1> (дата обращения 10.04.2024)
8. Митина Н.В. Запрещение дискриминации в сфере труда как один из основных принципов трудового права. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. Наук // М., 2006 г., С. 19
9. Вашанова О.В. Принцип недискриминации личности в международном праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Моск. гос. юрид. акад., М., 2004. 7 с. // https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002637782.pdf (дата обращения 10.04.2024)
10. Бондарь Н.С. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации // Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 2002 г., 87 с. // <https://search.rsl.ru/ru/record/01000956658> (дата обращения 10.04.2024)
11. Редков Н.А. Дискриминация в сфере труда // Вестник КГУ, 2018, № 2, 3 с. // <https://cyberleNiNka.ru/article/N/diskrimiNatsiya-v-sfere-truda/viewer> (дата обращения 10.04.2024)
12. Мазин А.Л. Трудовая дискриминация и управление персоналом //Трудовое право. 2003 г. № 1. С. 31. // <http://lawlibrary.ru/article1132698.html> (дата обращения 10.04.2024)
13. Сизова О.С, Кузьмин И.М. Проблема дискриминации в трудовом праве // Инновационная экономика: Перспективы развития и совершенствования, № 2, 2019 г., 5 с.// <https://cyberleNiNka.ru/article/N/problema-diskrimiNatsii-v-trudovom-prave/viewer> (дата обращения 10.04.2024)

FORMATION OF A LEGAL CATEGORY AND CLASSIFICATION OF TYPES OF DISCRIMINATION IN THE WORLD OF WORK

Bekirov T.R.
Russian Foreign Trade Academy

The article is devoted to the theoretical bases of discrimination in the Russian Federation with a detailed exploration of discrimination in the labor sphere. The relevance of the research topic lies in the fact that, despite a fairly extensive regulatory prohibition of discrimination in the labor sphere, the facts of its manifestation are quite widespread and very difficult to prove. The article consistently examines the meanings and history of the origin of the term “discrimination”, the correlation of discrimination with the principles of equality and equity, various criteria of discrimination, analyzes the main national and international normative legal acts prohibiting discrimination. Special emphasis is placed on discrimination in the sphere of labor relations. The purpose of the research is to determine the essence of discrimination in the field of work, to study various classifications of discrimination in the labor sphere, to identify issues that hinder the implementation of regulations prohibiting discrimination in the labor sphere. The article also provides a comparative legal analysis of legislative and doctrinal sources for the purpose of developing proposals for improving legislation, considering doctrinal experience. The methodological basis of the research is dialectics. The following methods are also used in the article: comparative legal analysis, other types of analysis, synthesis, generalization, induction and deduction. The result of the research is a proposal to improve the wording of the definition of the term “discrimination”.

Keywords: discrimination, equality, labor relations, rights, obligations, criteria of discrimination.

References

1. Convention No. 111 concerning Discrimination in Respect of Employment and Occupation (adopted in Geneva on 06/25/1958 at the 42nd session of the ILO General Conference) // The text of the convention is officially published in the Gazette of the Supreme Soviet of the USSR, 11/01/1961, No. 44, art.448 // https://www.un.org/ru/documeNts/decl_coNv/coNveNtioNs/labor.shtml (accessed 04/10/2024)
2. The Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 197-FZ // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&Nd=102074279> (accessed 04/10/2024)
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/17/2004 No. 2 (as amended on 11/24/2015) “On the application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation” // <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8223/> (accessed 04/10/2024)
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated 01/28/2014 “On the application of legislation Regulating the work of women, persons with family responsibilities and minors” // http://www.crioa.pfp/documents/ooop/high/method_facult/Prav_poz_Plenuma_Verkh_suda_RF_o_primenenii_trudovogo_zakonodatelstva.pdf (accessed 04/10/2024)
5. Ozhegov S. I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language // M.: “Az”, 1996, p. 736. // <https://gufo.me/dict/ozhegov> (accessed 04/10/2024)
6. A large explanatory sociological dictionary (Collins). Volume 1 (A-O): translated from English by M.: Veche, ACT, 1999, p. 544; Giddens Anthony. Sociology. M” Editorial URSS, 1999, p. 704.
7. Semenyuta N.N. Prohibition of discrimination in labor relations // Bulletin of Omsk University, 1997, N 2, 3 c. // <https://referat.co/statya/284792-osNovyi-prava-zapret-diskrimiNatsii-v-trudoviyh-otNosheNiyah/read?p=1> (accessed 04/10/2024)
8. Mitina N.V. Prohibition of discrimination in the sphere of labor as one of the basic principles of labor law. Diss. for the academic degree. Dr. Yurid. Sciences // M., 2006, p. 19
9. Vashanova O.V. The principle of non-discrimination of the individual in international law. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law // Moscow State Law Office. akad., M., 2004. 7 p. // https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002637782.pdf (accessed 04/10/2024)
10. Bondar N.S. The constitutional dimension of equality of citizens of the Russian Federation // Rostov n/A: Publishing House of Growth.unita, 2002, 87 p. // <https://search.rsl.ru/ru/record/01000956658> (accessed 04/10/2024)
11. Redkov N.A. Discrimination in the labor sphere // Bulletin of KSU, 2018, No. 2, 3 p. // <https://cyberleNiNka.ru/article/N/diskrimiNatsiya-v-sfere-truda/viewer> (accessed 04/10/2024)
12. Mazin A.L. Labor discrimination and personnel management // Labor law. 2003 No. 1. p. 31. // <http://lawli brary.ru/article1132698.html> (accessed 04/10/2024)
13. Sizova O.S., Kuzmin I.M. The problem of discrimination in labor law // Innovative economics: Prospects for development and improvement, No. 2, 2019, 5 p. // <https://cyberleNiNka.ru/article/N/problem-diskrimiNatsii-v-trudovom-prave/viewer> (accessed 04/10/2024)

Правовое регулирование применения цифровых технологий в государственных и муниципальных закупках

Бигалиева Яна Гератовна,

магистрант, кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: y.bigalieva@g.nsu.ru

Смирнов Николай Николаевич,

магистрант, кафедра гражданского права, кафедра конституционного права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: n.smirnov2@g.nsu.ru

Использование цифровых технологий в государственных и муниципальных закупках может значительно упростить и ускорить процесс закупок, сделать его более прозрачным и эффективным. Цифровые технологии помогают снизить коррупционные риски, обеспечить большую прозрачность и конкуренцию, сэкономить время и ресурсы как для заказчиков, так и для поставщиков, а также позволяют осуществлять мониторинг исполнения контрактов, контролировать сроки поставок и качество выполнения работ. Одним из направлений цифровизации является использование электронных документов и электронной подписи для оформления всех необходимых документов в рамках процесса закупок, что ускоряет процесс и уменьшает бумажную работу. В настоящее время созданы специализированные онлайн-площадки для проведения государственных и муниципальных закупок, где заказчики могут размещать информацию о закупках, а поставщики могут участвовать в торгах и предоставлять свои предложения.

Ключевые слова: цифровые технологии, электронные закупки, электронная подпись.

Государство является одним из самых крупных потребителей товаров и услуг. Для обеспечения стабильности экономики, строительства новых объектов, развития социальной инфраструктуры осуществляются закупки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. По данным Единой информационной системы (далее – ЕИС) в сфере закупок [1] в 2022 г. объем государственных и муниципальных закупок составил 11 283, 38 млрд руб., а количество заключенных контрактов – 3208 372. В Новосибирской области по состоянию на 29 мая 2023 г. [2] самыми актуальными направлениями являются – строительство и ремонт, дороги, лекарственные средства, медицинское оборудование, финансовые услуги и т.д. Как видим, колоссальные масштабы рынка определяют важность закупок для экономики всей страны. В настоящее время, институт государственных и муниципальных закупок приобретает определенную специфику в связи с внедрением в данный процесс электронно-цифровых технологий. Следует более подробно изучить порядок совершения закупочных действий и их влияние на общественные отношения.

Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3] (далее – Закон № 44-ФЗ) является правовым фундаментом в данной сфере, который подробно устанавливает процедуру закупок, начиная с поиска поставщика и, заканчивая исполнением обязательств по контракту.

В наиболее общем виде процедура закупок состоит из следующих этапов:

- 1) Планирование закупок, определение нужд и потребностей, которые требуют удовлетворения;
- 2) Выбор поставщиков, исполнителей и подрядчиков;
- 3) Осуществление электронных процедур закупок (аукцион, открытый конкурс в электронной форме, запрос котировок, закупка у единственного поставщика);
- 4) Заключение государственного или муниципального контракта, исполнение его условий;
- 5) Отчетность и мониторинг исполненных обязательств;
- 6) Контроль за эффективностью и правильностью проведения всех закупочных процессов.

Постепенный переход многих процессов в цифровое пространство связан с необходимостью повышения производительности и экономии ресурсов. В настоящее время закупки становятся все

более технологичными и автоматизированными, что делает данную сферу прозрачной, организованной и эффективной. Все проводимые закупки должны размещаться в ЕИС в целях развития электронных площадок, повышения открытости и снижения уровня коррупции. Более того, на базе данной системы в первой половине 2019 г. начал работу Единый реестр участников закупок (ЕРУЗ) [4], который систематизирует данные о каждом участнике закупок. Таким образом, лица, желающие заключить контракт обязаны зарегистрироваться в двух инновационных системах. Такого же требования придерживаются суды. В постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 г. [5] суд встал на сторону поставщика, поскольку заказчик в нарушение Закона № 44-ФЗ при подаче заявки не был зарегистрирован в ЕИС и на аккредитованной электронной площадке.

Практически весь документооборот совершается в электронной форме: начиная от подачи заявки и, заканчивая приемкой работ. В п. 1 ст. 5 ФЗ № 44-ФЗ установлен перечень действий, который может совершаться удаленно, так «допускается обмен электронными документами, в том числе подача заявки, подписанной усиленной квалифицированной подписью».

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [6] для подписи сторон может быть использована электронная подпись: простая или усиленная. Под *электронной подписью* понимается «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию». Простую электронную подпись можно представить в виде различных действий: отправка кодов доступа из смс, введение логина и пароля на онлайн сервисах, идентификация лица при помощи электронной почты и т.д. Усиленная подпись подразделяется на два вида: неквалифицированная и квалифицированная. Первая создается при помощи средств криптографической защиты, позволяет идентифицировать лицо и выполняет защитную функцию, т.к. подтверждает, что документ не был изменен с момента его подписания. Усиленная квалифицированная подпись имеет сертификат от специального аккредитованного центра и в любом случае является аналогом «живой» подписи, т.е. подписанные ею электронные документы имеют такую же юридическую силу, как и подписанные на бумаге. Данная подпись может храниться на флеш-накопителе либо USB-токене, которые содержат в себе сведения о полномочиях владельца [7]. Таким образом, электронная подпись используется как средство для определения лица, подписавшего договор, для установления подлинности и сохранности документа. Кроме этого, она не позволяет как-либо изменить договор без нарушения целостности подписи и безоговорочно может вы-

полнять задачи традиционной физической подписи, выражая волеизъявление человека.

Согласно ч. 3 ст. 54.4 Закона № 44-ФЗ, «заявка на участие в открытом конкурсе направляется оператору электронной площадки в форме трех электронных документов». При этом, оператор должен присвоить такой заявке идентификационный номер и подтвердить также в форме электронного документа ее получение. Таким образом, можно говорить о том, что изъявление воли на участие в электронных торгах приобрело особый порядок, т.к. действия совершаемые участниками закупочных действий выражаются в форме, которая не связана с устным или письменным волеизъявлением лица.

Непосредственные закупочные действия проводятся на электронно-торговых площадках, под которыми следует понимать различные Интернет-сайты. Процесс закупок на данных площадках организуют операторы – юридические лица, которые по итогам отбора включаются в перечень операторов, утвержденный Правительством РФ. К существующим электронным площадкам можно отнести: Сбербанк-АСТ, РТС-тендер, Единая электронная торговая площадка (ЕЭТП), ТЭК-Торг и другие. Только после регистрации на таком сайте, уполномоченное лицо может участвовать в закупках. В свою очередь, операторы площадок своевременно и с соблюдением режима конфиденциальности передают информацию о предложениях и документы между заказчиком и остальными участниками закупок. Поэтому, существующие электронные торговые площадки и их операторы являются важным инструментарием для организации и упорядочивания процесса закупок. Таким образом, возрастает роль так называемых «информационных» участников, обеспечивающих работу с закупками.

По итогам государственных и муниципальных закупок контракт заключается в электронной форме и подписывают при помощи усиленной электронной подписи.

Сторонами контракта являются:

- 1) Заказчики товаров, работ и услуг (государственные органы, бюджетные учреждения, унитарные предприятия, государственные корпорации и т.д.);
- 2) Поставщики, подрядчики и исполнители (юридические лица, физические лица, индивидуальные предприниматели).

По решению Правительства РФ с апреля 2018 г. [8] закупки малого объема также проводятся в электронном виде. По этой причине был образован Единый агрегатор торговли (ЕАТ) «Березка» [9]. По нему заказчик и поставщик могут заключить контракт в электронной форме, а работники контрактной службы освобождены от проверки «бумажных» документов.

«Смарт-контракт» также активно применяется в закупочных процедурах. Так, Фонд «ВЭБ-инновации», участвуя в муниципальной закупке, заключил первый смарт-контракт на электронной площадке B2B-Center, сама закупка проводилась

на блокчейн-платформе «Эфириума» [10]. По нашему мнению, в ближайшем будущем технология блокчейн будет постепенно внедряться во все сферы государственного сектора, в том числе в систему государственных и муниципальных закупок. Данный инструмент в автоматическом режиме приведет к исполнению контракта, как только участники закупок выполнят все необходимые условия. Внедрение технологии распределенного реестра обеспечит полную прозрачность, уменьшит время на проведение самой закупки и снизит количество ошибок на всех этапах. Поэтому, представляется нужным в целях совершенствования законодательства в сфере закупок ввести в ФЗ № 44-ФЗ положения, раскрывающие специфику смарт-контрактов и их использование в данной области.

В целом, существование электронных закупок имеет ряд преимуществ:

1. Заявка может быть подана в любое время, круглосуточно. Она рассматривается анонимно, что уменьшает коррупционный сговор недобросовестных участников;
2. Открытый доступ позволяет таким органам, как Прокуратура РФ, Федеральная антимонопольная служба в автоматизированном режиме осуществлять контроль за закупочным процессом;
3. Сокращение бумажного документооборота обеспечивает ускорение процесса согласования условий. Электронный документ повышает прозрачность и достоверность данных, оптимизирует весь закупочный процесс [11].

В целях изучения вопроса заключения электронного контракта по итогам проведения закупок был проведен анализ данного процесса на примере некоммерческого юридического лица – Фонда «Технопарк Академгородка». Фонд активно принимает участие в муниципальных закупках в качестве исполнителя услуг по проведению мероприятий, которые направлены на поддержку инновационной деятельности юридических лиц. В основном, закупки проходят на следующих электронных площадках: «РТС-тендер», «Сбербанк-АСТ», «ЭТП ГПБ» и «РТС-маркет». Большинство закупок (более 80%) в которых участвует Фонд проводятся в формате электронного аукциона. Его суть состоит в том, что победителем является тот участник, который предложил самую низкую цену для контракта. При этом, заказчик и исполнитель полностью взаимодействуют через Интернет и обмениваются не бумажными документами, а электронными. Заявка подается при помощи квалифицированной электронной подписи и состоит из двух частей. Первая содержит характеристику услуги и согласие исполнителя на ее оказание. Вторая раскрывает сведения о Фонде и включает необходимые лицензии и сертификаты. Непосредственным проведением аукциона занимается оператор электронной площадки, он и уведомляет участников о том, кто допущен до аукциона. Важным моментом является оплата подачи заявки и самого муниципального контракта через специальный счет, который открывается только для работы с закупками. Все

участники аукциона скрыты под определенными номерами, в свою очередь, заказчик сможет увидеть вторую часть заявки только после окончания торгов. Победитель определяется по результатам рассмотрения второй части заявки участников. Одним из последних шагов является размещение заказчиком в ЕИС муниципального контракта и направление его победителю. Стороны его подписывают в электронной форме на одной из вышеперечисленных электронных площадок. Итоговые документы, такие как, счет-фактура, акт об оказанных услугах и отчеты также формируются электронно, подписываются при помощи электронной цифровой подписи и размещаются в базе ЕИС (см. приложение № 6).

Таким образом, если раньше контракт заключался на бумажном носителе, то в настоящее время формы и методы обращения с данным договором изменились. Волеизъявление заказчика и исполнителя выражено посредством электронных действий и подтверждается цифровой подписью. Электронный договор состоит из программного кода и различных гиперссылок на другие документы. В первоначальном виде он не сможет быть воспринят сторонами, его переводят в формат всеми понятный и доступный – электронный документ с соответствующими реквизитами. В связи с этим, электронная форма – новый вид волеизъявления лица.

Обобщая вышеизложенное, можно говорить о том, что тенденция развития закупок сводится к применению электронных средств. Количество и качество закупаемых продуктов и услуг с каждым годом растет, повышая эффективность электронной процедуры закупок и, способствуя росту конкуренции за государственный и муниципальный контракт. Десятилетие назад большинство закупок проводились в «бумажном» виде, сейчас же, благодаря качественным и динамичным изменениям, данный процесс перешел в цифровую форму. Рассмотрев специфику заключения электронных договоров в сфере закупок, напрашивается вывод о том, что такие договоры заключаются в электронной форме, главной особенностью которых является возможность создания документа в цифровой среде. Для выражения волеизъявления не требуется много времени, контрагент дает ответ oferенту в несколько раз быстрее, чем при письменной и устной форме, даже если между сторонами большое расстояние. В результате исследования, авторы пришли к выводу, что правовая регламентация государственных и муниципальных закупок находится на достаточно высоком уровне, чтобы цифровые технологии, такие как блокчейн и смарт-контракты успешно применялись в данной сфере.

Литература

1. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс] // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 20.04.2024).

2. Единая информационная система в сфере закупок Новосибирской области [Электронный ресурс] // URL: <https://zakupki.nso.ru/index.php?-index> (дата обращения: 20.04.2024).
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 08.04.2013. – № 14, – ст. 1652. (дата обращения: 20.04.2024).
4. Единый реестр участников закупок [Электронный ресурс] // URL: <https://eruz.zakupki.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
5. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 № 15АП-24043/2019 по делу № А53–31579/2019. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/54ab156b-6908-493e-bc87> (дата обращения: 15.04.2024).
6. Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в ред. ФЗ от 02.07.2021 г № 359-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 11.04.2011. – № 15. – ст. 2036. (дата обращения: 15.04.2024).
7. Шмелева М.В., Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее и реальность // Актуальные проблемы российского права. – 2019. № 12. – С. 36–42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-gosudarstvennyh> (дата обращения: 13.04.2024).
8. О создании единого агрегатора торговли: Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 г. № 824-р: в ред. Распоряжения Правительства РФ от 07.09.2019 г. № 2013-р // Собрание законодательства РФ. – 2018 – № 19 – Ст. 2797 (дата обращения: 14.04.2024).
9. Единый агрегатор торговли «Березка» [Электронный ресурс] // URL: <https://agregatoreat.ru/> (дата обращения: 14.04.2024).
10. ВЭБ заключил первый смарт-контракт на площадке B2B-Center [Электронный ресурс] // ЭТП «B2B-Center». – URL: <https://www.b2b-center.ru/news/?id=18140> (дата обращения: 09.04.2024).
11. Таренкова О.А., К вопросу о цифровизации государственных (муниципальных) закупок // Правовая мысль. – 2020. – № 1. – С. 36–40. – URL: <https://resources.mgpu.ru/docfulldescription.php?docid=546984> (дата обращения: 14.04.2024).

LEGAL REGULATION OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Bigaliev Ya.G., Smirnov N.N.

Novosibirsk National Research State University (NSU)

The use of digital technologies in public and municipal procurement can significantly simplify and speed up the procurement process, make it more transparent and efficient. Digital technologies help reduce corruption risks, ensure greater transparency and competition, save time and resources for both customers and suppliers, and also allow monitoring the execution of contracts, control delivery times and quality of work. One of the directions of digitalization is the use of electronic documents and electronic signatures to process all necessary documents as part of the procurement process, which speeds up the process and reduces paperwork. Currently, specialized online platforms for state and municipal procurement have been created, where customers can post information about purchases, and suppliers can participate in tenders and submit their proposals.

Keywords: digital technologies, electronic procurement, electronic signature.

References

1. Unified information system in the field of procurement [Electronic resource] // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (date of access: 04/20/2024).
2. Unified information system in the field of procurement of the Novosibirsk region [Electronic resource] // URL: <https://zakupki.nso.ru/index.php?index> (date of application: 04/20/2024).
3. On the contract system in the field of procurement of Goods, Works, and services for State and Municipal Needs: Federal Law No. 44-FZ dated 04/05/2013 (as amended, dated 05.12.2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 08.04.2013. – No. 14, – Article 1652. (date of reference: 04/20/2024).
4. Unified Register of procurement participants [Electronic resource] // URL: <https://eruz.zakupki.gov.ru/> (date of access: 04/15/2024).
5. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated 02/28/2020 No. 15AP-24043/2019 in case No. A53–31579/2019. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/54ab156b-6908-493e-bc87> (date of application: 04/15/2024).
6. On electronic signature: Federal Law No. 63-FZ dated 04/06/2011 (as amended, Federal Law No. 359-FZ dated 07/02/2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 04/11/2011. – No. 15. – Article 2036. (date of reference: 04/15/2024).
7. Shmeleva M.V., Digital technologies in state and municipal procurement: the future and reality // Actual problems of Russian law. – 2019. No.12. – pp. 36–42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-gosudarstvennyh> (date of application: 04/13/2024).
8. On the creation of a single trade aggregator: Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/28/2018 No. 824-r: as amended. Orders of the Government of the Russian Federation dated 07.09.2019 No. 2013-r // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2018 – No. 19 – st. 2797 (date of application: 04/14/2024).
9. Unified trade aggregator “Berezka” [Electronic resource] // URL: <https://agregatoreat.ru/> (date of access: 04/14/2024).
10. VEB has signed the first smart contract on the B2B-Center site [Electronic resource] // ETP “B2B-Center”. – URL: <https://www.b2b-center.ru/news/?id=18140> (date of reference: 04/09/2024).
11. Tarenkova O.A., On the issue of digitalization of state (municipal) procurement // Pravovaya mysl. – 2020. – No. 1. – pp. 36–40. – URL: <https://resources.mgpu.ru/docfulldescription.php?docid=546984> (date of application: 04/14/2024).

Некоторые проблемы правового регулирования имущественных прав супругов в свете соотношения гражданского и семейного законодательства

Жижин Павел Александрович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: pavelzhizhin@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса некоторых проблем правового регулирования имущественных прав супругов в свете соотношения гражданского и семейного законодательства. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что на практике нередко возникают противоречия между нормами гражданского и семейного права, регулирующими имущественные отношения супругов, что приводит к неясности правоприменения и порождает проблемы для субъектов правоотношений.

Статья преследует цель проанализировать существующие проблемы правового регулирования имущественных прав супругов, вызванные несогласованностью гражданского и семейного законодательства.

Несмотря на то, что нормы гражданского законодательства играют большую роль в регулировании семейных правоотношений, в юридической доктрине сложились две противоположные точки зрения. Часть авторов считает, что имущественные отношения супругов выступают предметом семейного права, другие же утверждают, что имущественные отношения супругов по своей сути являются гражданско-правовыми.

Ключевые слова: имущественные отношения супругов; правовое регулирование имущественных прав; семейное право; семейные правоотношения; имущественные правоотношения.

Имущественные отношения супругов, будучи неотъемлемой частью семейных правоотношений, играют определяющую роль в современном обществе [1, с. 74]. Имущественные отношения супругов – одна из наиболее значимых и сложных сфер семейного права. Определение правового статуса имущества, принадлежащего супругам, и регулирование их взаимных имущественных прав является актуальной задачей для как семейного, так и гражданского законодательства.

Не секрет, что на имущественные правоотношения в большей степени оказывается правовое воздействие со стороны государства, нежели на личные неимущественные. Вместе с тем, в области правового регулирования также присутствует некоторая двойственность. Так в ст. 4 СК РФ указано, что имущественные отношения между супругами могут регулироваться гражданским законодательством в части, не противоречащей существу семейных правоотношений. Поэтому необходимо отметить двойственную правовую природу имущественных правоотношений, возникающих после вступления в брак. Такая двойственность, с одной стороны, создает возможность для неоднозначного толкования, а с другой стороны, сходство предмета правового регулирования позволяет законодателю вполне обоснованно делать отсылку к гражданскому законодательству.

Нормы Гражданского кодекса действительно имеют большое значение в регулировании семейных правоотношений, например, в вопросе наследования между супругами, раздельного имущества, некоторые положения о брачном договоре и т.д. Гражданско-правовые нормы применяются в случае отсутствия их в семейном законодательстве. Так, например, судебная практика устанавливает субсидиарное применение нормы гражданского законодательства о недействительности сделок, в связи с отсутствием необходимой правовой регламентации данного вопроса в семейном законодательстве [2].

Современные представления о собственности сформировались исторически под влиянием римского частного права. В древнем периоде развития римского государства находит свое место семейная собственность. Ее раздел происходил в ходе административного акта – передела. Семейная собственность предоставлялась в пользование определенным членам общины публичным актом. Из семейной собственности постепенно стала появляться частная собственность.

В понимании римских юристов понятие собственности определялось неограниченным и ис-

ключительным правовым господством лица над вещью, как правило, свободным от ограничений по своему существу и абсолютным по своей защите. Мысль об исключительности правового господства связана со стремлением любого собственника ограничить свою вещь от чьего-либо воздействия. Собственность появилась там, где зародилось чувство своей вещи, полученной в результате деятельности (собираательства, охоты, рыбной ловли, создании орудий труда и т.д.), поэтому собственность изначально распространялась на движимые вещи. Собственность на недвижимые вещи появилась позже с развитием экономических отношений.

Римские юристы сходились во мнении, что собственские предполагает абсолютное господство над вещью. Такое господство собственников над вещами предполагало три разновидности правомочий. Во-первых, употребление вещей; во-вторых, сбор плодов своих вещей; в-третьих, уничтожение вещей, отказ от них или иной вид распоряжения и определение их дальнейшей судьбы. Полномочия обладателей права собственности становились достаточно широкими и наиболее полными. Таким образом, обладатели права собственности могли определять дальнейшую судьбу вещей по своему усмотрению и использовать вещи в соответствии со своими личными целями. Кроме того, все третьи лица не имели права каким-либо образом оказывать влияние на вещь, собственник мог охранять свои вещи от чужого вмешательства.

Многообразие исков сложилось в определенную систему. Помимо вещных исков для защиты прав собственника применялись и личные иски. Личные иски были направлены на защиту стороны обязательства. Таким образом, их основным отличием от вещных была так называемая относительная защита, то есть подать личный иск можно было только конкретной стороне обязательства (должнику).

В случае нарушения правомочия по полноценному использованию вещи собственником в отношении нарушителя применялся негативный иск. Таким образом, в античном государстве Древнего Рима для обеспечения защиты частной собственности использовались различные иски, делившиеся по критериям направленности, видов и т.д. Представляется обоснованным заключить, что право собственности в понимании римских юристов определялось в качестве полного господства над вещью, которое могло быть ограничено лишь законом, судом или по договору.

Появление частной собственности служило цели установлению реальной и исключительной власти над вещами, обеспеченной принудительной силой для всех третьих лиц признавать эту власть и подчиняться ей. Частная собственность на вещь представляла собой совокупность трех правомочий: владения, пользования, распоряжения. Обладатель права собственности на вещь мог свободно и в полной мере определять дальнейшую судьбу вещи, извлекать из нее полезные свойства и никто не мог изъять вещь из его владения. Впро-

чем, уже в сознании античных граждан появляется мысль о том, что и право собственности нуждается в некоторых ограничениях во имя достижения общественного блага, и уже в древнем периоде развития римского права был принят ряд законов, ограничивающих право собственности (например, владелец земельного участка обязан был не препятствовать установлению сервитута для прохода, проезда, прогона скота по меже участка, проведение воды и т.д.).

Такие ограничения были связаны с преследованием цели достижения общественного блага, устанавливались они посредством договора либо судебного решения. В римском частном праве еще не была известна концепция разделения имущественных прав на вещные и обязательственные, однако римской юридической традиции была присуща дифференциация исков на две группы: вещных и личных, что говорит о зарождении мысли о данном разделении.

З.А. Ахметьянова дает следующее определение вещным правам: «Вещное право – это право на вещь, имущество (*ius in rem*), которое предоставляет своему правообладателю вид и меру возможного поведения, предполагающего непосредственное воздействие на вещь (имущество)» [3, с. 77].

Вместе с тем вопрос соотношения норм данных отраслей права в вопросе регулирования имущественных отношений между супругами представляется проблемным на сегодняшний день. На этот вопрос существуют различные точки зрения среди ученых. Так, одни авторы считают, что имущественные отношения супругов, урегулированные нормами семейного законодательства, составляют предмет семейного права, другие же полагают, что имущественные отношения супругов по своей сути являются гражданско-правовыми.

Последняя точка зрения вызывает некоторые сомнения, поскольку алиментные отношения, входящие в состав имущественных, прямо урегулированы семейным законодательством, их правовая природа не вызывает сомнений в связи с тесным их взаимодействием с личными неимущественными правами. Кроме того, отношения, в которых супруги выступают в качестве единого субъекта правоотношений, также имеет ряд характерных для семейного законодательства особенностей (например, в части, касающейся согласия одного из супругов на заключение сделки другим супругом).

Также необходимо отметить особенности метода правового регулирования рассматриваемых отраслей права. Так, некоторые авторы отмечают преобладание императивных норм в семейном законодательстве. Диспозитивные нормы, безусловно, имеют место в регулировании семейных правоотношений, однако, как отмечает автор, они находятся в жестких рамках императивных норм [4, с. 14]. Такое утверждение они обосновывают тем, что законодатель в семейных правоотношениях принимает сторону «слабого» субъекта. Так,

например, брачный договор может быть признан недействительным, если его условия существенным образом ущемляют права одного из супругов. Также государственный интерес проявляется в связи с демографической политикой. Например, нормы, регулирующие предоставление материнского (семейного) капитала, также имеют императивный характер. Согласно ч. 4 ст. 10 ФЗ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 25.12.2023) средства материнского (семейного) капитала могут быть направлены на приобретение жилья в общую собственность с обязательным выделением долей и самим детям, и супругу. Нормы же гражданского законодательства в основной массе носят диспозитивный характер.

Безусловным аргументом сторонников отнесения правовой природы имущественных прав супругов к отрасли семейного права являются их особенности, связанные с личными неимущественными правами супругов. Несмотря на то, что последние часто называют «мнимыми», поскольку они не обеспечены санкцией, некоторые исследователи подчеркивают их приоритет над имущественными [5, с. 22].

Представляется обоснованной точка зрения, уже не единожды высказанная в юридической литературе, о том, что семейное законодательство должно дополняться нормами, регулирующими имущественные отношения между супругами, что, в конце концов, должно привести к отмене двойного правового регулирования рассматриваемых правоотношений [6, с. 44].

Остаются нерешенными и некоторые другие проблемы, например, подготовкой государственными служащими так называемых «антикоррупционных пакетов» – деклараций о доходах, расходах, имущественных правах и т.д., которые государственные служащие обязаны подавать на себя и членов своей семьи. Указывая доходы своей супруги или супруга, государственный служащий несет ответственность, предусмотренную законодательством за соответствие этих данных действительности. Вместе с тем, в семейном законодательстве для супругов не предусмотрена обязанность по предоставлению такой информации друг другу.

Такие примеры дают основания полагать, что Семейный кодекс РФ нуждается в детальной проработке вопросов, касающихся регулирования имущественных отношений между супругами.

Таким образом, представляется обоснованным утверждение, что двойственность правового регулирования имущественных отношений супругов должна быть устранена законодателем путем внесения в Семейный кодекс РФ соответствующих положений, поскольку имущественные отношения супругов относятся в большей степени к предмету отрасли семейного права исходя из основных начал семейного законодательства, тесной связи с личными неимущественными правами, метода правового регулирования. Правовое регулирование иму-

щественных отношений супругов – сложная и динамичная сфера, требующая постоянного совершенствования. Разграничение норм гражданского и семейного законодательства, развитие новых институтов правового регулирования и повышение правовой грамотности граждан – ключевые факторы обеспечения справедливого и эффективного правового регулирования имущественных отношений супругов.

Литература

1. Воскресенская, Е.В. Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации / Е.В. Воскресенская, Н.Н. Жильский, М.В. Колмогоров // Социология и право. – 2021. – № 4(54). – С. 73–78.
2. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 20.01.2015 г. № 5-КГ14–144 // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3Aibr2> (Дата обращения: 01.05.2024)
3. Сушко, Н.А. Вещное право в системе современного гражданского права / Н.А. Сушко // Евразийский союз ученых. – 2017. – № 10–2(43). – С. 76–79.
4. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рyzакова; под ред. П.В. Крашенинникова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 318 с.
5. Пастухова С.О. Особенности гражданского правового регулирования имущественных отношений супругов, автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.О. Пастухова. – Москва, 2005. – 24 с.
6. Елисеева, Г.В. Правовые основы регулирования семейных отношений в Российской Федерации / Г.В. Елисеева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2014. – № 3(11). – С. 41–44.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROPERTY RIGHTS OF SPOUSES IN THE LIGHT OF THE RELATIONSHIP OF CIVIL AND FAMILY LEGISLATION

Zhizhin P.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article is devoted to consideration of the issue of some problems of legal regulation of property rights of spouses in the light of the relationship between civil and family law. The relevance of the topic under consideration is due to the fact that in practice, contradictions often arise between the norms of civil and family law regulating the property relations of spouses, which leads to ambiguity in law enforcement and creates problems for the subjects of legal relations.

The article aims to analyze the existing problems of legal regulation of the property rights of spouses, caused by the inconsistency of civil and family legislation.

Despite the fact that the norms of civil law play a large role in regulating family legal relations, two opposing points of view have emerged in the legal doctrine. Some authors believe that the property relations of spouses are the subject of family law, while others argue that the property relations of spouses are essentially civil law.

Keywords: property relations of spouses; legal regulation of property rights; family law; family legal relations; property legal relations.

References

1. Voskresenskaya, E.V. Problems of legal regulation of marriage contracts in the Russian Federation / E.V. Voskresenskaya, N.N. Zhilsky, M.V. Kolmogorov // *Sociology and law*. – 2021. – No. 4(54). – P. 73–78.
2. Determination of the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 20, 2015 No. 5-KG14–144 // ATP "Consultant Plus". – [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3Aibr2> (Date of application: 05.01.2024)
3. Sushko, N.A. Property law in the system of modern civil law / N.A. Sushko // *Eurasian Union of Scientists*. – 2017. – No. 10–2(43). – P. 76–79.
4. Family law: textbook / B.M. Gongalo, P.V. Krasheninnikov, L. Yu. Mikheeva, O.A. Ruzakova; edited by P.V. Krasheninnikova. – 4th ed., revised. and additional – M.: Statute, 2019. – 318 p.
5. Pastukhova S.O. Peculiarities of civil law regulation of property relations between spouses, author's abstract. dis. ...cand. legal sciences / S.O. Pastukhova. – Moscow, 2005. – 24 p.
6. Eliseeva, G.V. Legal framework for regulating family relations in the Russian Federation / G.V. Eliseeva // *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*. – 2014. – No. 3(11). – P. 41–44.

Соотношение в правоприменении категорий «сделка», «обязательство» и «договор»

Исаев Данила Антонович,

студент, Институт философии и права, Новосибирского государственного университета
E-mail: 1isaevdaniila0@gmail.com

Бояндина Валерия Вячеславовна,

студент, Институт философии и права, Новосибирского государственного
E-mail: v.boyandina@ngs.ru

Авторы ставят перед собой **цель** выявить происхождение категорий «сделка», «обязательство» и «договор», определить их соотношение между собой, а также выявить значение такого разграничения для практической деятельности. **Методологической основой** исследования выступают формально-юридический, системный и историко-правовой методы. **Структура работы** состоит из введения и трех разделов. В работе приводятся доводы в пользу общепризнанного взгляда, согласно которому сделка и договор соотносятся как род и вид, предпринимается попытка обосновать несогласие с иными подходами. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства в части признания сделок недействительными (в частности, введение понятия «несостоявшаяся сделка»). Проводится сравнение между реальными договорами и распорядительными сделками, консенсуальными договорами и обязывающими сделками.

Ключевые слова: понятие договора, соотношение договора и обязательства, распорядительные сделки, недействительность сделок.

Введение

Имущественные отношения современности невозможно помыслить без таких важнейших юридических категорий, как «обязательство», «сделка» и «договор». В условиях глобальной трансформации общественных отношений эти фундаментальные понятия обретают значение незыблемых основ не только для международного, но и внутригосударственного гражданского оборота. «Каково происхождение данных терминов?», «Как они между собой соотносятся?», «Какое практическое значение они имеют?» – эти и многие другие вопросы сопровождают историю юридической мысли, начиная с древнейших времен, и лишь обретают новое значение сегодня.

Договор как разновидность сделки

Современная романо-германская традиция пришла к пониманию договора как *соглашения* (“consensus”, “agreement”) благодаря вкладу Ф.К. Савиньи, который увязал договор с *общей волей сторон* (волевая теория договора). Успешность идей немецкого юриста подтверждается, в частности, легальным их восприятием на материке (Германское гражданское уложение, 1900 г.) и интерпретацией в английской традиции («Принципы договора» Поллока). Следует отметить, что данная теория явилась результатом более чем тысячелетней селекции договорных конструкций римского права: через аристотелевскую философию, религиозную схоластику, «субъектную» философию Канта *consensus* вытеснил собою *pacta, contractus, stipulatio* и *conventio*. Реальные договоры с этого времени стали рассматриваться в качестве исключения [1, С. 33, 56, 59].

Весьма примечательно, что этот же исследователь разработал понятие сделки, которое стало общепризнанным в цивилистике без каких-либо возражений. Так, все сказанное Савиньи в конце XVIII в. почти в неизменном виде воспроизводится в современной отечественной доктрине, а именно: свойством сделки, которое позволяет относить ее к юридическим фактам, является ее волевой характер; сделка порождает юридические последствия только потому, что она имеет в виду возникновение или прекращение этих последствий; воля скрыта от наблюдения за ней, поэтому нормальной ситуацией является совпадение воли и ее выражения (волеизъявления); «выражение без воли» влечет право лица, сделавшего такую экспликацию, ссылаться на противоречие в той мере, в какой противоречие было распознаваемым [2, С. 8].

Русский юрист Д.Д. Гримм становится одним из первых, кто выявляет серьезные недостатки в теории Савиньи. В частности, он упрекает немецкого исследователя в бездоказательном использовании определения сделки: «из определения сделки, например, совершенно непонятно, во-первых, почему сущность сделки усматривается именно в действии, и, во-вторых, почему отличительной чертой всех сделок избрана именно их направленность на достижение юридических последствий – их волевой характер» [3, С. 33–37].

Вопрос о том, что выступает источником юридической силы сделки (закон или воля), был поставлен дореволюционным исследователем Д.И. Мейером. Так, если сделка представляет собой не только юридически направленное, но и *результативное* действие, то оно непременно является действием законным (соответственно, и словосочетание «незаконная сделка» утрачивает какой-либо смысл). Если же предположить, что существуют сделки не только законные, но и незаконные, то и сделку можно охарактеризовать лишь как юридически направленное, но не обязательно *юридически результативное* действие. Выбор одной из позиций различным образом решит сформулированный еще Ф. К. фон Савиньи вопрос о юридическом значении несовпадения волеизъявления с действительной волей участника сделки: первый подход отдает приоритет волеизъявлению, второй – действительной воле субъекта, несмотря на все внешние признаки породить юридический результат [2, С. 17–18].

Обратим внимание, что и сделка, и договор, зиждутся на понятии *воли*, и именно это дает основание для рассмотрения их в качестве взаимосвязанных понятий. При заключении договора «совпадение воли», «согласование воли» характеризуют, в сущности, процесс достижения общей цели. По общему правилу, признак согласования воли отличает договор от решений собраний, где согласование воли отсутствует, а юридический результат наступает независимо от совпадения воли всех участников, а также от односторонних сделок, где отсутствует вторая сторона [1, С. 57–58]. Вместе с тем, российский правовой порядок пока не отвечает на некоторые пограничные вопросы (те самые исключения), связанные с определением сущности (договор или односторонняя сделка), например, односторонних сделок с множественностью лиц.

Упомянутый выше русский ученый Д.И. Мейер отмечает, что чаще всего под сделкой понимается именно договор или какое-либо соглашение, хотя употребление это термина в более обширном смысле означает «всякое юридическое действие, направленное к изменению существующих юридических отношений», поскольку для сделки существенны лишь два условия: 1) действие производит юридические последствия и 2) целью действия является именно порождение таких последствий [4, С. 22].

М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, указывают, не соглашаясь с Е.А. Сухановым, что «сводить до-

говор только к сделке было едва ли верно: в отличие от последней, договор не только устанавливает права и обязанности, но и предусматривает совершение предметных действий; именно поэтому роль и функции договора значительно шире, чем у традиционно понимаемой сделки» [5, С. 11].

Отметим, что само понятие сделки выделяется лишь в правовых системах, в которых избрана пандектная система построения гражданских кодексов (Германия, Нидерланды, Россия и др.) – договор здесь представлен и в общей части гражданского права в контексте сделки, и в общей части обязательственного права как собственно договор; для институциональной же модели (Франция, Италия и др.) за отсутствием общей части гражданского права характерно рассматривать договоры исключительно в общей части обязательственного права (наименование соответствующей главы Французского гражданского кодекса – «Договоры или обязательства, вытекающие из соглашения, в общем» [1, С. 61–63]).

Следует обратить внимание, что не все исследователи одобряют общепризнанный подход о соотношении договора и сделки как части и целого [6, С. 17–20]. Так, Б.И. Пугинский обосновывает невозможность объяснить сущность договора через сделку следующими причинами:

1. Термин «сделка» является многозначным и неконкретным, но, во всяком случае, должен рассматриваться в связи с соответствующей нормой права [*опираясь на другие главы работы, можно продолжить данный аргумент*], а договор, как средство ненормативного регулирования, не будучи юридическим фактом, мыслится вне контекста регулирования нормативного.

2. Пункт 3 статьи 154 ГК РФ, согласно которому «для заключения договора необходимо выражение согласованной воли двух сторон (двусторонняя сделка) либо трех и более сторон (многосторонняя сделка)», дает основание рассматривать сделку лишь как *условие для заключения договора*, но не сам договор.

3. Целью сделки является установление прав и обязанностей сторон как таковых, а целью договора – создание обязательства, направленного на достижение общей цели его участников. Следовательно, не всякая двусторонняя (многосторонняя) сделка порождает договорное обязательство и в силу этого может считаться договором.

4. Договор представляет собой *соглашение* (статья 420 ГК РФ), закрепляющее баланс интересов участников, а не *действие*, направленное на достижение его результата и не требующее согласования, каковым выступает сделка (статья 153 ГК РФ). В этой связи нет никаких оснований отождествлять соглашение и юридически направленные действия.

5. Сам по себе юридико-технический прием по применению к договорам правил о сделках еще не дает основания для отождествления сделки и договора.

6. Договор получил в ГК РФ и законах широчайшее самостоятельное урегулирование, и если на договоры распространяются правила о сделках, то ГК РФ не закрепляет обратного правила о распространении на сделки правил о договорах, что подчеркивает уникальность этого института.

Сложно переоценить значение предложенных профессором аргументов в пользу признания договора центральным институтом гражданского права. Полностью соглашаясь с такими выводами, мы хотели бы, вместе с тем, сделать попытку привести альтернативное мнение относительно некоторых доводов.

1. Если наше предположение о том, как звучит полный аргумент, является верным, то представляется, что договор, будучи средством ненормативного регулирования, все же подчиняется аналогичным правилам, что и сделка в части обязательности его соответствия нормам закона; разница лишь в том, что упоминается это в разделе ГК РФ «Общие положения об обязательствах» (пункт 1 статьи 422 ГК РФ), а не в разделе «Общие положения» (пункт 1 статьи 168 ГК РФ). Следовательно, договор, хотя и являясь средством ненормативного регулирования, должен наряду со сделкой рассматриваться в связи с соответствующей нормой права, что говорит в пользу единства понятий «договор» и «сделка».

2. Доводы 2 и 4 представляется правильным сопоставить, поскольку в обоих содержатся утверждения о том, что представляет собой сделка. Если во втором аргументе сделка рассмотрена в качестве *условия для заключения договора*, то в четвертом, в сущности, – как его *исполнение*. При этом сам ГК РФ, по смыслу, исходит из третьей позиции о том, что сделка является действием, которое *предшествует* каким-либо *правовым* последствиям (статья 153). Тогда легальное определение, как кажется, указывает на невозможность рассматривать сделку в качестве исполнения договора, представляющего собой действие последующего характера, не порождающее правовых последствий. Более того, как действие принципиально неутилитарное сделка противостоит исполнению обязательства, поскольку обязательство выступает как обязанность передать вещь, деньги, выполнить работу, оказать услугу, т.е. как поступок [7, С. 20]. Применительно к пункту 3 статьи 154 ГК РФ, возможно, будет верным сделать ударение на слове «заключен» вместо слова «договор», и провести связь с пунктом 1 статьи 432 ГК РФ о необходимости согласования сторонами договора всех его существенных условий, а ссылки законодателя на понятие сделки рассматривать как неточность, с тем чтобы снять противоречие с пунктом 1 этой статьи, в котором сделки отождествляются с договорами. В таком случае исключается и возможность рассматривать сделку в качестве условия для заключения договора, и данное законоположение выглядит как преследующее цель указать на одной из условий заключенности договора – согласованная воля сторон. Отметим, что статьи 154

и 432, содержащие сходное по смыслу правило, вновь расположены в разделах «Общие положения» и «Общие положения об обязательствах» соответственно. Следовательно, и здесь можно считать, что понятие «договор» может быть представлено как частный случай сделки.

3. Нельзя игнорировать авторов, которые в целом указывают на сомнительность идеи по созданию собирательного понятия сделки, поскольку объединение явлений из различных институтов гражданского права (брачный договор, доверенность, завещание, односторонний отказ от договора и др.) в одном термине действительно может вызывать затруднения. Именно этим и обусловлена оговорка (исключение) из общего правила о том, что к договорам применяются правила о сделках (пункт 2 статьи 420 ГК РФ). Поскольку выше в ходе рассмотрения истоков понятия «сделка» и «договор» были обоснованы выводы, что в их основе лежит одно явление *воли*, постольку закономерно применение субсидиарного регулирования к одному из этих понятий; наличие же исключений лишь подтверждает общее правило. Таким образом, *сам по себе* факт субсидиарного применения к договорам правил о сделках действительно не дает оснований для отождествления договора и сделки, однако он подтверждает их тождество (вернее – соотношение как род и вид) при рассмотрении этого правила в связи с историей возникновения данных понятий (К. Ф. фон Савиньи). Таким образом, понятие сделки и понятие договора соотносятся между собой как род и вид, и такое соотношение обоснованно проводится в российском законодательстве.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы. Понятие сделки, равно как и понятие договора-соглашения были разработаны в конце XIX века немецким ученым К. Ф. фон Савиньи на основе учения о воле. Отечественное законодательство и наука (Д.И. Мейер, Д.Д. Гримм и др.) восприняли данные наработки и обозначили имеющиеся в них противоречия. Действующий Гражданский кодекс России, будучи построенным по пандектной системе, воспроизводит соотношение между сделкой и договором как род и вид по образцу аналогичных правопорядков (прежде всего, германского), и это не вызывает сомнений в научном сообществе. Отдельные авторы (Б.И. Пугинский) не соглашались с таким соотношением, полагая ошибочным раскрывать сущность договора через понятие сделки ввиду всеобъемлющего характера регламентации договора в гражданском законодательстве. В работе обоснован общепризнанный подход к данной проблематике.

Недействительность сделки и незаключенность договора

Недействительность сделки – единственно возможная форма негативной правовой оценки того правового смысла, который составляет содержание волеизъявления. Такая оценка означает, что сделка

не способна (изначально или в последующем) производить правовой эффект [8, С. 8]. В дореволюционной науке причины недействительности сделки подразделялись на субъективные (несовершеннолетие), объективные (продажа чужой вещи), лежащие во внешней стороне сделки (несоблюдение формы) и во внутренней стороне (существенное заблуждение) [9, С. 211].

Цель недействительности раскрывается через те случаи, в которых она (недействительность) применяется. Так, по общему правилу, ничтожными будут признаваться сделки, которые не просто нарушают закон или иной правовой акт, но при этом посягают на публичные интересы либо права и интересы третьих лиц (пункт 2 статьи 168 ГК РФ). Оспоримыми сделками, по общему правилу, будут признаваться те, которые, помимо нарушения закона или иного правового акта (формальный признак), нарушают еще и права и интересы самой стороны сделки (материальный признак) (пункт 1 статьи 168, пункт 3 статьи 166 ГК РФ). Получается, что цель недействительности состоит в защите интересов – публичных, третьих лиц и самой стороны сделки. Последствие же недействительности, которое состоит в возврате исполненного (пункт 2 статьи 167 ГК РФ), является инструментом по достижению этой цели.

Этимологически недействительная сделка не порождает юридического результата – но отечественное законодательство исходит из того, что это юридический факт, а значит, за такой сделкой признаются правовые последствия (хотя они и отличаются от тех, на которые она была направлена). Помимо порождения особых последствий значение недействительных сделок состоит также в том, что они могут быть конвалидированы (исцелены) либо конвертированы в другую сделку. При этом такие сделки не следует смешивать с несуществующими сделками, которые не влекут никаких правовых последствий и к которым неприменимы инструменты конвалидации или конверсии. Отметим, что в устоявшейся западноевропейской традиции недействительная сделка отличается от несуществующей тем, что существует юридически; согласно отдельным подходам, ее отличие состоит в фактическом существовании без порождения правовых последствий, тогда как несуществующая сделка не была воплощена даже фактически [10, С. 351].

Рассматривая основание для деления сделок на недействительные и несуществующие, Д.О. Тузов указывает, что противопоставление недействительных и несуществующих сделок на основе порождаемых последствий не является состоятельным по следующим причинам: 1) само по себе наличие особых последствий не всегда характерно для недействительной сделки, поэтому выделять ее по этому основанию было бы некорректно; 2) поскольку юридический факт может возникнуть лишь при наличии всего состава элементов, предусмотренных гипотезой нормы, отсутствие хотя бы одного из них, означает возникновение и юридиче-

ского факта *sui generis*, для которого характерны особые правовые последствия, «особые» лишь для стандартной сделки [10, С. 352].

Поскольку в законодательстве не предусмотрены последствия признания договора незаключенным, в теории и практике нет единообразной позиции относительно последствий признания договора незаключенным [11, С. 146]. Согласно господствующей позиции, к такому договору применяются правила о неосновательном обогащении, поскольку сама по себе несостоявшаяся сделка представляет собой правовое «ничто» и в силу этого у сторон «с самого начала отсутствовало основание для передачи имущества» [12, С. 21]. В рамках данной концепции можно определить незаключенный договор как волеизъявление, которое, исходя из нормативных требований, *недостаточно определено* для того, чтобы повлечь какие-либо правовые последствия». Такая неопределенность может быть обусловлена либо неполнотой содержания договора (бессодержательный договор), либо несовершением всех действий для его заключения (незавершенный договор) [13, С. 9–10]. Высший Арбитражный суд также указывает, что недостижение соглашения по всем существенным условиям ведет к незаключенности договора и, как следствие, невозможности применить к договору правила о недействительности сделок за его отсутствием (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 N 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными»).

Следует отметить, что в практике нет строгого разграничения между незаключенным и недействительным договором, однако в отдельных случаях даже высшие инстанции могут признавать сделки недействительными, тогда как истец просил о признании договора незаключенным (Постановление Президиума ВАС РФ от 3 декабря 2002 г. № 6135/01).

Иначе дело обстоит с последствиями недействительности: суды строго различают основание возврата имущества при незаключенности договора (виндикация, неосновательное обогащение и др.) и особые последствия при недействительности сделок: особенно улучшить ситуацию позволило, как представляется дополнение в 2015 г. статьи 432 ГК РФ пунктом 3, благодаря которому теперь лишь те договоры могут признаваться незаключенными, исполнение по которым было принято другой стороной.

А.В. Егоров также указывает, что в российском правопорядке не предусматривается возможность признать незаключенной одностороннюю сделку. В этой связи мы предлагаем заменить понятие незаключенности на понятие несостоятельности («несостоявшаяся сделка», «несостоявшийся договор»).

Таким образом, недействительность сделки и незаключенность договора являются нетождественными категориями, поскольку лишь первое влечет за собой особые последствия и только к ней

применимы такие инструменты, как исцеление и конверсия. С появлением пункта 3 в статье 432 ГК РФ незаключенными могут признаваться лишь те договоры, исполнение по которым было принято другой стороной. Поскольку признание односторонних сделок незаключенными не предусмотрено ГК РФ, предлагается заменить понятие незаключенности на понятие несостоятельности («несостоявшаяся сделка», «несостоявшийся договор»).

Соотношение консенсуального договора и обязывающей сделки, реального договора и распорядительной сделки

Понятие распорядительных сделок появилось в германской доктрине как антипод обязывающих сделок, в силу которых лицо принимает на себя обязательство перед другим лицом произвести какое-либо предоставление (действие или воздержание от действия). Будучи парными категориями, данные понятия, тем не менее, не составляют дихотомического деления ввиду наличия пограничных случаев (выдача доверенности, согласие законных представителей на заключение договора и др.), которые не относятся ни к обязывающим, ни к распорядительным сделкам. Распорядительные же сделки имеют целью непосредственно передать, изменить или прекратить существующее право; только распорядительные сделки сокращают активы распоряжающегося лица [13, С. 54–55].

Деление сделок на распорядительные и обязывающие имеет большое прикладное значение. Например, если кредитор силой забирает у должника вещь, которую он обязан передать, должник может признать лишь распорядительную сделку по передаче недействительной, но не сам договор (сделку обязывающую). Непонимание такого деления может приводить судебную практику, например, к ошибочным предложениям о признании недействительными сделки купли-продажи чужой или будущей вещи [13, С. 91–92].

При рассмотрении феномена распорядительных сделок может возникнуть закономерный вопрос об их соотношении с реальными договорами (пункт 2 статьи 433). Казалось бы, оба явления связаны с непосредственной передачей вещи и оба порождают правовые последствия. Оправданно ли в таком случае выделение отдельных категорий?

Исторически деление *обязательств из контракта* по источнику их возникновения предлагается в Институциях Гая: вещь, слово, письмо и соглашение. Следовательно, изначально эта классификация была основана не на критерии формы договора или момента его заключения, и проводилась в отношении обязательств, а не договоров. Передача вещи (*res*) порождала обязанность должника – заемщика, хранителя, ссудополучателя, залогопринимателя – вернуть вещь в силу того, что она была им получена, а не потому, что было соглашение о ее возврате [14, С. 95–97].

В период Средневековья в каноническом и торговом праве модель реального контракта посте-

пенно утрачивает свое значение в связи с законодательным закреплением принципов свободы договора и консенсуальности. К моменту наполеоновской кодификации уже разработана идея о том, что частные лица имеют власть самостоятельно создавать юридические конструкции для наилучшей реализации своих интересов, и это тем больше ставит под сомнение потребность в существовании реальных договоров, которые представляют собой «данность позитивного права».

Французский юрист Роберт-Жозеф Потье предпринимает попытку снять теоретическое противоречие между принципами свободы договора и конструкцией реального договора при помощи следующих аргументов: 1) обязанность вернуть вещь не может возникнуть прежде, чем вещь получена, а также, что 2) соглашение о передаче вещей (займы, в ссуду и т.д.) может быть заключено, но оно составит самостоятельный (непоименованный) договор, представляющий собой лишь обещание одолжить вещь и реальным договором не являющийся [14, С. 102]. Из этого следует, что единственным источником договорного обязательства сегодня может быть соглашение, а передача является лишь дополнительным элементом. Допущение консенсуальной модели противоречит воле законодателя и обесценивает соответствующие конструкции реальных договоров; и если в отечественном праве это проявляется в установлении консенсуальных договоров для договоров традиционно реальных (заем, ссуда, хранение, дарение), то европейские правовые порядки вовсе идут по пути их исключения из законодательства.

Как считает Д.О. Тузов, проведение такой правовой политики является поспешным, поскольку для *безвозмездных* имущественных отношений характерно применение именно реальных договоров. Не отвечает духу права, по мнению ученого, возложение обязанности принять вещь на лицо, которое пообещало оказать безвозмездную выгоду, например, по хранению этой вещи. Возникновение правовых последствий, к тому же, самими участниками мыслится лишь с момента передачи имущества, которое необходимо вернуть. Нам видится очень обоснованным довод, что при потребности обеспечить предоставление услуги естественно использовать модель возмездного договора: «за гарантию следует платить» [14, С. 109]. И в этой связи, конечно, является оправданным установление в законе обоих подходов (например, к договору ссуды), с другой стороны, представляет проблему увеличение количества *возмездных* договоров, построенных по *реальной* модели (финансирование под уступку денежного требования, доверительное управление имуществом и др.).

При этом следует учитывать весьма убедительную аргументацию Е.А. Суханова, который обосновывает искаженное понимание распорядительных сделок в новейшей отечественной литературе, а также чуждый характер данного института для российского правового порядка [15, С. 16].

Таким образом, если исходить из подхода о том, что исполнение договора представляет собой распорядительную сделку, то такие сделки действительно можно усмотреть в российском правопорядке. Тогда общее между реальным договором и распорядительной сделкой состоит в том, что в обоих случаях имеет место передача вещи, а различие между ними сводится к тому, что передача вещи в случае с реальным договором означает заключение договора, а в случае с распорядительной сделкой – прекращение обязательства. Консенсуальный же договор и обязательственную сделку надлежит признать тождественными понятиями. Вместе с тем, само по себе признание распорядительных сделок следует оценивать с известной долей осторожности, поскольку отечественному праву на протяжении всей его истории данный институт не был известен.

Литературы

1. Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. Москва: Статут, 2006. С. 33, 56, 59.
2. Белов В. А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 255.
3. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: пролегомены к общей теории гражданского права / Д.Д. Гримм. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. – 319 с.
4. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. Москва: «Статут», 2003. – 831 с. (Классика российской цивилистики.). [Электронный доступ]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_22.html#30
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. Кн. 1. – 2-е изд. – Москва: Статут, 2003. – 848 с.
6. Путинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2008. – 224 с.
7. Скловский, К.И. Сделка и ее действие (4-е изд., доп.). Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности: учебное пособие. Москва: Статут, 2019. – 278 с.
8. Тузов Д.О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: автореф. дис. ... док. юрид. наук. Томск, 2006. – 48 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е издание. Том 1. Москва, 1914. – 483 с.
10. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2022. – 1496 с.
11. Зейналова, Р.А. Незаклученность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.А. Зейналова. – Иркутск, 2018. – 197 с.
12. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Ленинград, ЛГУ. 1960. – 171 с.
13. Егоров А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 54–55.
14. Тузов Д.О. Заметки о консенсуальных и реальных договорах. Сборник научных статей в честь 60-летия Е.А. Крашенинникова: сб. науч. ст. / отв. ред. П.А. Варул; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 232 с.
15. Суханов Е. А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 2. С. 5–26.

CORRELATION IN THE ENFORCEMENT OF THE CATEGORIES “TRANSACTION”, “OBLIGATION” AND “AGREEMENT”

Isaev D.A., Boyandina V.V.
Novosibirsk State University

The authors aim to identify the origin of the categories “transaction”, “obligation” and “contract”, to determine their correlation between each other, and also to reveal the significance of such distinction for practical activity. The methodological basis of the study is formal-legal, systematic and historical-legal methods. The structure of the paper consists of an introduction and three sections. The paper presents arguments in favor of the generally recognized view, according to which the transaction and the contract are correlated as a genus and species, an attempt is made to justify disagreement with other approaches. Measures are proposed to improve the legislation in terms of recognizing transactions as invalid (in particular, the introduction of the concepts of “failed transaction”). Comparison between real contracts and dispositive transactions, consensual contracts and binding transactions is carried out.

Keywords: concept of contract, correlation of contract and obligation, dispositive transactions.

References

1. Beklenishcheva I.V. Civil contract: classical tradition and modern trends. Moscow: Statute, 2006. P. 33, 56, 59.
2. Belov V.A. On the issue of the relationship between the concepts of obligation and contract // Bulletin of Civil Law. 2007. No. 4. P. 255.
3. Fundamentals of the doctrine of a legal transaction in the modern German doctrine of pandect law: prolegomena to the general theory of civil law / D.D. Grimm. – St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1900. – 319 p.
4. Russian civil law (2 hours). Based on the corrected and expanded 8th ed., 1902. Ed. 3rd, rev. Moscow: “Statute”, 2003. – 831 p. (Classics of Russian civil law.). [Electronic access]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_22.html#30
5. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law: General Provisions. Book 1. – 2nd ed. – Moscow: Statute, 2003. – 848 p.
6. Putinsky B.I. Theory and practice of contractual regulation. Moscow: ICD “Zertsalo-M”, 2008. – 224 p.
7. Sklovsky, K.I. The transaction and its action (4th ed., additional). Commentary on Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The principle of integrity: a textbook. Moscow: Statute, 2019. – 278 p.
8. Tuzov D.O. General teachings of the theory of invalid transactions and problems of their perception in Russian doctrine, legislation and judicial practice: abstract. dis. ...doc. legal Sci. Tomsk, 2006. – 48 p.

9. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. 11th edition. Volume 1. Moscow, 1914. – 483 p.
10. Fulfillment and termination of an obligation: commentary on articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Edition 2.0] / Rep. ed. A.G. Karapetov. – Moscow: M–Logos, 2022. – 1496 p.
11. Zeynalova, R.A. Non-conclusion of a civil contract: problems of theory and practice: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.03 / R.A. Zeinalova. – Irkutsk, 2018. – 197 p.
12. Rabinovich N.V. Invalidity of transactions and its consequences. Leningrad, Leningrad State University. 1960. – 171 p.
13. Egorov A.V. Administrative transactions: emerging from the darkness // Bulletin of civil law. 2019. No. 6. P. 54–55.
14. Tuzov D.O. Notes on consensual and real contracts. Collection of scientific articles in honor of the 60th anniversary of E.A. Krasheninnikov: collection. scientific Art. / answer ed. P.A. Varul; Yarosl. state University named after P.G. Demidova. – Yaroslavl: YarSU, 2011. – 232 p.
15. Sukhanov E.A. On the types of transactions in German and Russian civil law // Bulletin of civil law. 2006. № . 2. P. 5–26.

Бигалиева Яна Гератовна,

магистрант, кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: y.bigalieva@g.nsu.ru

Смирнов Николай Николаевич,

магистрант, кафедра гражданского права, кафедра конституционного права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: n.smirnov2@g.nsu.ru

Смарт-контракты в гражданско-правовом обороте могут повысить эффективность заключения и исполнения контрактов, уменьшить риски недобросовестного поведения сторон, обеспечить прозрачность и надежность сделок. Однако важно помнить о необходимости правильного оформления юридически значимых документов и учета особенностей законодательства при использовании смарт-контрактов в гражданско-правовом обороте. Смарт-контракты работают на основе блокчейна, что обеспечивает высокую степень надежности и защиты от манипуляций. Информация о сделке записывается в блоки и хранится в распределенной базе данных, что делает ее невозможной для изменения без согласия всех участников сети. Блокчейн обеспечивает прозрачность выполнения сделки, так как все действия, связанные с смарт-контрактом, регистрируются и доступны для просмотра всем участникам сети. Это способствует доверию между сторонами и уменьшает вероятность возникновения споров.

Ключевые слова: смарт-контракт, заключение договора, программный код.

Рост технологий требует обновления многих аспектов права, в том числе одним из актуальных вопросов является определение правовой природы смарт-контракта и установление его роли для института заключения договора. Применение смарт-контракта имеет большой потенциал для совершенствования многих юридических процессов.

Поиск слова «смарт-контракт» в научной электронной библиотеке E-library.ru по состоянию на 15 мая 2024 г. дал следующие результаты:

- 1) Данный термин используется в названии публикации 1052 раз (в названии книг – 57, в названии патентов – 33, материалов конференций – 515, в журналах – 445 (см. приложение № 4)).
- 2) Слово сочетания «смарт-контракт» в названии публикаций в 2016 г. не было, в 2017 г. – 13, в 2018 г. – 100, в 2019 г. – 229, в 2020 г. – 211, в 2021 г. – 219, в 2022 г. – 227, за пять месяцев 2023 г. – 47.

Как видим, тема смарт-контрактов с каждым годом становится все более популярной, что связано с их распространением в различных сферах и необходимостью их введения в правовую систему.

Термин «smart-contract» был введен ученым Ником Сабо в 1994 г. В своей научной статье он указал, что «под смарт-контрактом можно понимать компьютеризированный транзакционный протокол, который исполняет условия договора». [1] Умный контракт самостоятельно проверяет надлежащее выполнение запланированных действий и может принять решение на основе имеющихся данных – предоставить вещь либо наложить штрафы и санкции. Как правило, умные контракты используются для заключения повторяющихся договоров – аренда, поставка, лицензионные переводы и т.д. Рассмотрим применение смарт-контракта в сфере кредитования: должник не оплачивает платеж, система в свою очередь быстро и слаженно блокирует счет должника и не позволяет ему использовать услугу, пока не будут внесены соответствующие денежные средства.

Следует проанализировать правовое регулирование смарт-контракта для того, чтобы понять, что российский законодатель вкладывает в данный термин. В настоящее время в некоторых актах можно встретить упоминание о смарт-контракте, например, в письме Банка России от 14.08.2018 № ИН014–12/54 [2] отмечено, что «ведется работа по внесению в законодательство РФ изменений, предусматривающих определение статуса цифровых технологий и таких понятий, как «технология распределенных реестров», «смарт-контракт» и т.д.». В проекте Федерального закона

от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [3] было раскрыто определение смарт-контракта, однако, в конечном итоге, правовой акт вступил в силу без данного термина. Можно выделить несколько причин отказа от использования смарт-контракта. Во-первых, данный федеральный закон регулирует сферу применения цифровых финансовых активов, но не область договорного права и институт заключения договора, во-вторых, отсутствие смарт-контракта никак не повлияло на цели данного документа и основной смысл правовых норм. Неоднозначный подход к определению смарт-контракта содержится в ч. 2 ст. 309 ГК РФ, согласно которой, исполнение обязательств возможно без направления специального волеизъявления при помощи использования информационных технологий. Представляется, что данное положение не раскрывает основных особенностей смарт-контракта и не ведет к его закреплению в российской системе, потому что заключение «умных» договоров возможно и без рассматриваемой нормы. Следует признать, что правовой статус смарт-контракта в России определен не в полной мере, однако данный вопрос находится на стадии разрешения, путем поиска наиболее точного юридического оформления данной технологии. Таким образом, на законодательном уровне понятие «смарт-контракт» отсутствует, правовое регулирование осуществляется на основе общих положений ГК РФ.

Следует обратиться к юридической науке, чтобы рассмотреть полярные точки зрения относительно природы смарт-контракта. Так, можно выделить несколько подходов, согласно которым, смарт-контракт представляет собой:

- 1) программу (компьютерный код);
- 2) способ исполнения обязательств;
- 3) гражданско-правовой договор;
- 4) самостоятельную форму договора.

По мнению Ю.В. Трунцевского [4], смарт-контракт – это набор программируемых компьютерных функций, которые могут самоисполняться в зависимости от выполнения представленных условий. Другие авторы [5] указывают на то, что смарт-контракт представляет собой алгоритм, предназначенный для автоматического исполнения обязательств, который можно представить в виде условия «если...то...иначе». Е.В. Зайнутдинова [6] определяет смарт-контракт как разновидность договора в форме программного кода, заключаемого и исполняемого в особой информационной системе. Большой вклад в изучение данной темы внес А.И. Савельев. В своей работе «Договорное право 2.0.», он указывает на то, что смарт-контракт – это юридическая сделка, облеченная в продукт цифровых технологий. Во-первых, закрепление условий договора в виде определенного кода не противоречит принципу свободы договора. Во-вторых, стороны выражают волю посредством оферты и акцепта и, впоследствии, у них появляются корреспондирующие права и обязанности. В-третьих, действия

сторон направлены на достижение определенного правового результата (выдача аккредитивов, осуществление межбанковских расчетов).

В судебной практике сложился подход, согласно которому, под смарт-контрактом понимается программный код, составляемый для заключения, совершения и исполнения договора. [7] Реализация данного кода может осуществляться на особой платформе, функционирующей на основе технологии распределенного реестра (блокчейна), например, Ethereum. В одном из апелляционных определений Мосгорсуда [8] смарт-контракт был определен как объект интеллектуальных прав – программный код, который адаптируется под конкретные условия.

По нашему мнению, смарт-контракт можно рассматривать как новый способ заключения договора, условия которого фиксируются в программном коде, который при помощи системы блокчейн обеспечивает его автоматизированное исполнение, т.е. смарт-контракт самостоятельно реализует определенные условия договора. Также, можно говорить о том, что «умный» договор подразумевает заключение сделки под условием (ст. 157 ГК РФ), т.к. исполнение по нему происходит после наступления события, которое стороны пропишут в договоре. Например, доставка товара по договору купли-продажи будет проведена после ее оплаты покупателем.

Не будет лишним обратить внимание на сравнительный анализ законодательств различных государств о понятии и сущности смарт-контракта. По данному вопросу в зарубежной практике сложилось два подхода. Согласно первому, общественные отношения, регулирующие сферу смарт-контрактов, основаны на общих положениях договорного права, т.е. понятие «смарт-контракт» отсутствует в законодательстве. Однако, ограниченный на его использование в гражданском обороте нет. Говорить о том, что правовое регулирование данных отношений отсутствует, будет не соответствующим действительности. Согласно второму подходу, внедрение смарт-контрактов осуществляется на базе специальных нормативных правовых актов. Например, в Италии в 2019 году был принят Закон о распределенном реестре, [9] который закрепил положение о том, что договоры, совершенные на базе цифровых технологий получают юридическую силу в момент их регистрации и не требуют дальнейшего нотариального удостоверения. Согласно данному закону, «смарт-контракт» представляет собой программу, функционирующую на основе технологии блокчейн, которая обеспечивает автоматическое исполнение договора на заранее определенных условиях.

Интересный подход к определению смарт-контрактов прослеживается в законодательстве США, поскольку каждый штат использует свою уникальную модель правового регулирования. Так, в штате Иллинойс действует Blockchain Technology Act [10], согласно которому «смарт-контракт» – это договор, записанный в виде электронных записей

при помощи технологии блокчейн. В штате Аризона [11] правовая природа смарт-контракта раскрыта через специально функционирующую компьютерную программу, которая активируется на основе ряда событий. Как видим, в США вопросы самоисполняемых договоров определяются на уровне законодательств каждого штата.

Еще один подход к понятию смарт-контрактов можно увидеть в п. 9 Приложения 1 Декрета Республики Беларусь № 8 от 21.12.2017. [12] Согласно указанному акту, «смарт-контракт» представляет собой программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне) в целях автоматизированного совершения сделок либо автоматизированного совершения иных юридически значимых действий.

Таким образом, в законодательстве различных стран можно встретить обширное количество точек зрения на понятие смарт-контракта. Такое разностороннее понимание обусловлено отсутствием единого положения, которое бы раскрыло как технические, так и правовые особенности смарт-контрактов. [13]

Более подробно следует остановиться на этапе заключения смарт-контракта. Данному процессу предшествует ряд предпосылок: [14]

1) подключение сторон к сети «Интернет» и вход в личный кабинет в информационной системе;

2) создание электронного кошелька для совершения транзакций с другой стороной;

3) получение частного электронного ключа.

Воля субъекта на заключение смарт-контракта выражается при помощи технических средств и закрепляется в программном коде. Оферту и акцепт можно представить в нескольких вариациях. Во-первых, в первоначальном письменном договоре стороны могут согласовать условия смарт-контракта (конструкция рамочного договора). Во-вторых, стороны могут выразить волеизъявление в форме click-wrap-соглашений, путем щелчка на фразу «Я согласен». [15] Таким образом, к смарт-контрактам применимы положения об оферте и акцепте с несколькими особенностями, однако, так или иначе, умный договор предполагает выражение воли и достижение между сторонами соглашения. Важными составляющими смарт-контракта являются: предмет, условия и цифровая электронная подпись. Смарт-контракт считается заключенным, когда условия двух сторон совпали и были отражены в децентрализованной распределенной информационной системе.

Специалисты [16] утверждают, что смарт-контракт в первую очередь упрощает исполнение для повторяющихся договоров таких как, поставка, аккредитивы, платежи по арендным и лицензионным договорам. Например, при прокате машины (каршеринг) разблокирование дверей возможно после совершения оплаты в мобильном приложении. Безграничный потенциал умных договоров может быть полностью реализован в различных сферах, начиная от кредитования и, заканчивая проведением подсчетов голосования. Свидетель-

ствуют ли данные новшества о прекращении существования института договорных отношений? По нашему мнению, несмотря на эффективность смарт-контрактов, они не смогут заменить все традиционные бумажные договоры. Связано это с рядом обстоятельств: необходимость применения сложных технических ресурсов, отсутствие юридической терминологии, недоверие к новой технологии со стороны участников гражданского оборота, обеспечение защиты данных и т.д. Однако, работа над решением данных проблем постоянно ведется как разработчиками, так и представителями юридической сферы.

Смарт-контракт автоматизирует договорные отношения, и данный аспект имеет ряд преимуществ:

- 1) Определенность – стороны заранее знают возможные последствия, т.к. согласовали их и вписали в контракт;
- 2) Самостоятельность – механизм смарт-контракта является самоподдерживающимся, его невозможно остановить, как и изменить код;
- 3) Безопасность – смарт-контракт устойчив к подделке и его данные практически не поддаются взлому;
- 4) Экономия времени и отсутствие лишних расходов.

Изучив подходы к определению смарт-контракта, правовое регулирование, судебную практику, а также учитывая международный опыт, можно констатировать, что понимание смарт-контракта зависит от сферы отношений: для разработчиков умный контракт – код (программа); для лиц, которые согласовали условия, их права и обязанности смарт-контракт представляет собой договор, отдельное условие договора либо его электронную форму. На наш взгляд, «смарт-контракт» – способ заключения договора в информационной системе, который приводит к автоматическому исполнению, согласно заранее прописанным условиям. Важно отметить, что традиционный институт договорного права будет непременно существовать, более того, смарт-контракты создадут более простое, ясное, удобное поле для договорных отношений.

Итак, можно выделить несколько признаков смарт-контракта:

- 1) Функционирует в информационной системе, следовательно, существует только в электронной форме с обязательным элементом – электронной подписью.
- 2) Условия договора представлены на языке программирования, который включает в себя совокупность последовательных команд.
- 3) Заключение контракта аналогично модели договора присоединения (ст. 428 ГК РФ). Пользователь может принять стандартные условия сделки, разработанные другой стороной и, размещенные в открытом доступе на Интернет-сайте.
- 4) Является условной конструкцией, т.к. права и обязанности возникают после наступления заранее согласованных обстоятельств.

Проблема применения смарт-контрактов в нашей стране является острой и требует изучения различных концепций по ее разрешению, начиная от предложений по законодательному закреплению термина «смарт-контракт» и, заканчивая проработкой технических правил, которые раскроют отдельные аспекты заключения данных договоров. В ближайшем будущем появятся новые договоры – M2M (Machine-to-Machine contracting) [17], которые будут заключаться при помощи цифровых посредников. Таким образом, не за горами революционные изменения в части заключения договоров при помощи смарт-контрактов, которые уже нашли свое применение в сфере поставки товаров, интеллектуальной собственности, электронной коммерции, перевозки и т.д.

Несмотря на существование нескольких интересных точек зрения правоведов, авторы склоняются к тому, что смарт-контракт – цифровой способ заключения договора в информационной системе, который приводит к автоматическому исполнению, согласно заранее прописанным условиям. Тем не менее, законодателю еще предстоит разрешить полемику существования различных подходов к пониманию смарт-контракта принятием соответствующего акта, т.к. на данный момент практически нет законодательного регулирования процедуры заключения смарт-контрактов. Также необходимость законодательного закрепления смарт-контрактов обусловлена возникающими трудностями в правоприменении – отказом в защите прав, оспариванием договора и т.д.

Литература

1. Szabo N. The Idea of Smart Contracts. – 1994. – URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinter-school2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_idea.html (дата обращения: 01.04.2024).
2. Информационное письмо Банка России от 14 августа 2018 г. № ИН-014–12/54 «О национальной оценке рисков ОД/ФТ». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71916300/> (дата обращения: 01.04.2024).
3. Проект федерального закона № 419059–7 «О цифровых финансовых активах» (ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении 22.05.2018) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 01.04.2024).
4. См.: Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 118–147. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-ot-opredeleniya-k-opredelennosti> (дата обращения: 05.04.2024).
5. См.: Пучков В.О., Является смарт-контракт договором? К проблеме цифровой трансформации цивилистической доктрины // Российской право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 19–31. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43895503> (дата обращения: 01.05.2024).
6. См.: Зайнутдинова Е.В., Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 126–147. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-pravovogo-regulirovaniya-smart-kontrakta-obshche-i-osobennoe> (дата обращения: 06.04.2024).
7. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.08.2019 по делу № 15АП-12070/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=174807#pLlg6dTt5> (дата обращения: 06.04.2024).
8. Апелляционное определение Мосгорсуда от 22.10.2019 по делу № 33–42002/2019. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/3d589312-c456-44c3-9628-2383ecd93fc2> (дата обращения: 01.04.2024).
9. Закон Италии «О распределенном реестре» от 11.02.2019. – URL: <https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/frame.jsp?tipodoc=Emendc&leg=18&id=1096791&idoggetto> (дата обращения: 04.04.2024).
10. Закон штата Иллинойс «Blockchain Technology Act» от 01.01.2020 г. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c9058959-6a97-4fbf-a2d4-b71923bc7a06> (дата обращения: 13.04.2024).
11. Закон Штата Аризона № 2417 от 29.03.2017. – URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180> (дата обращения: 26.04.2023).
12. Декрет Республики Беларусь № 8 от 21.12.2017 «О развитии цифровой экономики». – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (дата обращения: 12.04.2024).
13. Ефимова Л.Г., Михеева И.В., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. С. 78–105. – URL: <https://www.hse.ru/data/2020/12/08/1356189088/Михеева.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).
14. Зайнутдинова Е.В., Смарт-контракт в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». – Красноярск. – 2022. – 238 с. – URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/77a/12xesgh8rp8s50ujwr8hzcwegwbk4w9q/Диссертация_Зайнутдинова%20Е.В.pdf (дата обращения: 02.04.2024).
15. Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. – 2019. – № 7 С. 108–118. – URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/853> (дата обращения: 05.04.2024).
16. Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны // Право.ru. – URL: <https://pravo.ru/story/205151/> 9 (дата обращения: 16.04.2024).

17. Майоров А.А., Smart-контракт как новый способ заключения договора // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 4. – С. 143–151. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-novyy-sposob-zaklyucheniya-dogovora/viewer> (дата обращения: 15.04.2024).

MODE OF APPLICATION OF SMART CONTRACTS IN CIVIL LAW

Bigaliev Ya.G., Smirnov N.N.

Novosibirsk National Research State University (NSU)

Smart contracts in civil law can improve the efficiency of concluding and executing contracts, reduce the risks of unfair behavior of the parties, and ensure transparency and reliability of transactions. However, it is important to remember the need for proper registration of legally significant documents and taking into account the specifics of legislation when using smart contracts in civil law. Smart contracts work on the basis of the blockchain, which provides a high degree of reliability and protection against manipulation. Information about the transaction is recorded in blocks and stored in a distributed database, which makes it impossible to change it without the consent of all network participants. The blockchain provides transparency in the execution of the transaction, since all actions related to the smart contract are registered and available for viewing to all network participants. This promotes trust between the parties and reduces the likelihood of disputes.

Keywords: smart contract, conclusion of an agreement, program code.

References

1. Szabo N. The Idea of Smart Contracts. – 1994. – URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_idea.html (date of appeal: 04/01/2024).
2. Information Letter of the Bank of Russia dated August 14, 2018 No. IN-014–12/54 “On the national assessment of ML/FT risks”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71916300/> (date of access: 04/01/2024).
3. Draft Federal Law No. 419059–7 “On Digital Financial Assets” (ed., adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on 05/22/2018) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (date of reference: 04/01/2024).
4. See: Truntsevsky Yu.V., Sevalnev V.V. Smart contract: from definition to certainty // Right. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – No. 1. – pp. 118–147. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-ot-opredeleniya-k-opredelenosti> (date of application: 04/05/2024).
5. See: V.O. Puchkov, Is a smart contract a contract? On the problem of digital transformation of the civil doctrine // Russian law: education, practice, science. – 2020. – No. 3. – pp. 19–31. –

URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43895503> (date of reference: 05/01/2024).

6. See: Zainutdinova E.V., Models of legal regulation of a smart contract: general and special // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – No.3. – pp. 126–147. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-pravovogo-regulirovaniya-smart-kontrakta-obschee-i-osobennoe> (date of application: 04/06/2024).
7. Decision of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated 08/04/2019 in case No. 15AP-12070/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=RAPS015&n=174807#pLlg6dTt5> (date of appeal: 04/06/2024).
8. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 10/22/2019 in case No. 33–42002/2019. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/3d589312-c456-44c3-9628-2383ecd93fc2> (date of application: 04/01/2024).
9. The Italian Law “On the Distributed Registry” dated 02/11/2019. – URL: <https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/frame.jsp?tipodoc=Emendc&leg=18&id=1096791&idoggetto> (accessed 04.04.2024).
10. The law of the State of Illinois “Blockchain Technology Act” dated 01.01.2020 – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c9058959-6a97-4fbf-a2d4-b71923bc7a06> (date of application: 04/13/2024).
11. Arizona State Law No. 2417 dated 03/29/2017. – URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180> (date of application: 04/26/2023).
12. Decree of the Republic of Belarus No. 8 dated 12/21/2017 “On the development of the digital economy”. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (date of reference: 04/12/2024).
13. Efimova L.G., Mikheeva I.V., Chub D.V. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and in foreign countries // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – No. 4. pp. 78–105. – URL: <https://www.hse.ru/data/2020/12/08/1356189088/Mikheeva.pdf> (accessed 09.04.2024).
14. Zainutdinova E.V., Smart contract in civil law: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.03 / Federal State Educational Institution of Higher Education “Siberian Federal University”. – Krasnoyarsk. – 2022. – 238 p. – URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/77a/12xesgh8rp8s50ujwr8hzcwegwbk4w9q/Диссертация_Зайнутдинова%20Е.В.pdf (date of reference: 04/02/2024).
15. Bogdanova E.E. Problems of using smart contracts in transactions with virtual property // Lex russica. – 2019. – No. 7 pp. 108–118. – URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/853> (date of application: 04/05/2024).
16. Smart Contracts: how they work and why they are needed // Право.ги. – URL: <https://pravo.ru/story/205151/> / 9 (date of reference: 04/16/2024).
17. Mayorov A.A., Smart contract as a new way of concluding an agreement // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2022. – No.4. – pp. 143–151. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-novyy-sposob-zaklyucheniya-dogovora/viewer> (date of application: 04/15/2024).

Нормативное определение содержания признаков правовой категории предпринимательской деятельности

Плутенко Даниил Сергеевич,

студент, кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: Plutenko_daniil@mail.ru

Исаенко Алена Сергеевна,

студент, кафедра гражданского права Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: alena_isaenko@mail.ru

Предпринимательская деятельность представляет собой особый вид экономической деятельности, общие нормы о которой содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако ее признаки неполно и в значительной степени поверхностно раскрыты в законодательстве, что затрудняет понимание и в некоторых случаях способно породить ложное признание деятельности предпринимательской или, наоборот, не являющейся таковой.

Данная статья посвящена комплексному анализу правовых норм, доктринальных подходов и материалов судебной практики, раскрывающих понятие и характерные признаки предпринимательской деятельности. При написании статьи авторами использовались как всеобщие методы, прежде всего, диалектический, так и общенаучные (анализ, синтез, индукция, аналогия) и частнонаучные (формально-юридический, метод толкования правовых норм) методы. В результате проведенного исследования сделаны выводы о легальном характере определения термина «предпринимательская деятельность», о содержании отдельных признаков указанной деятельности и степени раскрытия содержания признаков в нормах закона и судебной практике. Указанные результаты, видится, будут способствовать более точному определению случаев осуществления предпринимательской деятельности и ее отграничению от иной экономической деятельности, что приведет к повышению обоснованности судебных решений о признании деятельности предпринимательской и связанных с этим нарушениях.

Ключевые слова: Предпринимательская деятельность, предпринимательство, понятие предпринимательской деятельности, признаки предпринимательской деятельности, риск, самостоятельность, систематическое получение прибыли, государственная регистрация предпринимателей.

Конституция Российской Федерации в статье 34 закрепляет право каждого на осуществление предпринимательской деятельности. Различные аспекты осуществления такой деятельности урегулированы законодательством. Однако следует заметить, что правовое регулирование предпринимательской деятельности содержит определенные пробелы и неточности. До настоящего времени продолжают дискуссии относительно понятия предпринимательской деятельности, а также ее признаков, которые названы в ГК РФ, однако не раскрыты с достаточной степенью полноты и определенности. В связи с этим видится разумным рассмотреть основные подходы к данным аспектам предпринимательской деятельности и сформулировать наиболее соответствующие правовой действительности выводы относительно понимания термина «предпринимательская деятельность» и содержания ее признаков.

Понятие предпринимательской деятельности зафиксировано в пункте 1 статьи 2 ГК РФ, и большинством ученых признается, что его определение носит легальный характер, однако некоторые исследователи решительно отвергают данную позицию и говорят о том, что некорректно считать рассматриваемое определение легальным [2, с. 3]. А.Г. Быков также писал о том, что целью включения в нормы закона дефиниции рассматриваемого термина было распространение гражданско-правового регулирования на отношения, участниками которых выступают субъекты предпринимательской деятельности, а не легальное закрепление данного понятия [1, с. 10]. Тем не менее, более доказанной и справедливой видится позиция о легальном характере определения предпринимательской деятельности, так как оно предусмотрено в общей части кодифицированного правового акта, составляющего основу гражданского законодательства России, содержит наиболее существенные отличительные признаки предпринимательской деятельности, а рассматриваемое понятие в указанном значении многократно используется в ГК РФ и иных правовых актах. Тем не менее, данное определение требует совершенствования, прежде всего, в части более точного и конкретного изложения признаков предпринимательской деятельности, их сущности и содержания.

Первый признак предпринимательской деятельности: самостоятельность ее осуществления, проявляющаяся в двух аспектах. С организационной стороны, субъекты предпринимательской деятельности самостоятельно решают вопросы о начале предпринимательской деятельности,

об организационно-правовой форме, об ограничении правосубъектности путем установления целей деятельности, указания на виды осуществляемой экономической деятельности, о внутренней структуре организации. С имущественной стороны предприниматели осуществляют управление обособленным имуществом, вступают в правоотношения с другими субъектами гражданского права. Они самостоятельно принимают решения относительно использования принадлежащего им имущества и претерпевают благоприятные или неблагоприятные последствия принятых решений. Важным аспектом самостоятельности является и ограничение государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность. Как указал Конституционный Суд РФ в одном из постановлений, государственное вмешательство может осуществляться только при наличии определенных оснований и в установленных законом пределах, а его целью должно быть создание максимально благоприятных условий функционирования всей экономической системы, стимулирование предпринимательской деятельности и защита прав и интересов ее субъектов. Однако в доктрине гражданского права существует мнение, что данный признак нельзя считать отличительным признаком предпринимательской деятельности, поскольку самостоятельность и независимость характерна и для иных субъектов, на что указывается, в частности в пункте 2 статьи 1 или в пункте 1 статьи 9 ГК РФ, относительно которой также следует отметить, что «осуществление прав по своему усмотрению» демонстрирует принцип диспозитивности. Подтверждение данной позиции можно найти и в актах Конституционного Суда РФ, прежде всего в постановлении Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 N 9-П, где содержится правовая позиция, согласно которой рассмотренные выше законоположения отражают принцип диспозитивности. Исходя из перечисленного, думается, можно утверждать, что самостоятельность как признак предпринимательской деятельности определена недостаточно конкретно, в связи с чем в цивилистической доктрине обоснованно указывается на то, что данный признак не способен в полной мере обособить предпринимательскую деятельность и по своему смыслу смешивается с принципом диспозитивности.

Следующим признаком является рисковый характер предпринимательской деятельности. Предприниматели действуют в сфере рыночной экономики, в постоянно изменяющихся условиях хозяйствования. Их деятельность подвергается неизбежному влиянию различных факторов, что дает возможность лишь прогнозировать последствия принимаемых ими решений. Термин «риск» многократно употребляется законодателем в текст ГК РФ. Интересным представляется то, что во всех случаях речь идет об объективном риске, под которым понимается возможность наступления неблагоприятных последствий. Однако в доктрине гражданского права наиболее поддерживаемой является позиция о том, что ответственность субъек-

тов предпринимательской деятельности строится на началах субъективного риска, в связи с чем при привлечении предпринимателя к ответственности не требуется устанавливать такое условие гражданской-правовой ответственности как вина. Исследуя содержание рискового характера, необходимо также обозначить позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой не является рисковей деятельностью по участию в управлении акционерным обществом посредством приобретения акций данного общества. В данном случае предпринимательскую деятельность осуществляет само АО, тогда как акционеры решают определенные вопросы его функционирования, что Конституционный Суд отнес к иной экономической деятельности. Еще одну значимую правовую позицию по данному сформулировал Верховный Суд РФ, который указал на то, что получение гражданином дохода за счет курсовой разницы, по общему правилу, не является предпринимательской деятельностью. Имеющаяся судебная практика также свидетельствует о необходимости легальной характеристики риска для более точного отграничения случаев осуществления предпринимательской деятельности от иной экономической.

Третьим признаком предпринимательской деятельности следует указать систематическое получение прибыли как цель ее осуществления. При этом, для признания деятельности предпринимательской важен не факт получения прибыли, а направленность на ее получение, ввиду невозможности гарантировать положительный результат. Представленная позиция подтверждается Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 24.10.2006 г. № 18, в пункте 13 которого указывается на то, что извлечение прибыли представляет собой цель предпринимательской деятельности, а не ее обязательный результат.

В рамках данного признака важно обратить внимание на еще один момент, а именно на систематичность получения прибыли. Еще советские ученые, например, П.П. Цитович, говорили о том, что действие становится торговым только когда оно относится к определенной совокупности – промыслу [3, с. 212]. Однако несмотря на длительный период исследования, признак систематичности до сих пор законодательно не определен и восполняется доктриной и судебной практикой. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 г. № 18 указывает на ложность суждения о том, что разовая или повторяющаяся, но не систематическая продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг считается предпринимательской деятельностью.

Исследуя направленность на систематическое получение прибыли, некоторые авторы справедливо указывают на некорректность использования исчерпывающего перечня видов деятельности, относящихся к предпринимательской. Так, например, помимо случаев, указанных в законе, предприниматель может извлекать прибыль от передачи имущества в пользование. Предпринимательская де-

тельность многообразна и, в соответствии с Конституцией РФ, осуществляется в значительной степени свободно, в связи с чем, думается, данный перечень следует оставить открытым.

Последним названным в законе признаком является обязательная государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности. Если три признака, рассмотренные ранее, являются содержательными, то государственная регистрация – формальный признак. Отсутствие государственной регистрации при наличии других признаков не влечет признание деятельности непредпринимательской – в подобных ситуациях деятельность признается предпринимательской, но осуществляемой без государственной регистрации, что влечет административную, а в некоторых случаях и уголовную ответственность. На данный аспект также обращал внимание Конституционный Суд РФ в постановлении № 34-П от 27.12.2012, где указывал, что при квалификации деятельности как предпринимательской следует обращать внимание на фактические данные, а не ограничиваться формальной проверкой государственной регистрации. Кроме того, важно учитывать, что с 2017 года пункт 1 статьи 2 ГК РФ содержит указание на то, что законом могут быть предусмотрены исключения из правила об обязательной государственной регистрации предпринимателей. На данный момент единственным исключением является занятие предпринимательской деятельностью лицом, использующим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Таким лицам, именуемым самозанятыми гражданами, не требуется проходить государственную регистрацию для занятия предпринимательской деятельностью.

В заключение следует отметить, что определение термина «предпринимательская деятельность» содержит наиболее характерные для данного вида деятельности признаки, однако в законе отсутствует полная их характеристика, что вызывает сложности с их установлением в конкретном деле. Так, самостоятельность предпринимательской деятельности по содержанию смешивается с принципом диспозитивности, характеристика риска не охватывает все разнообразие предпринимательских отношений, а лишь точно указывает на отношения, в которых присутствует неопределенность, четких критериев систематичности извлечения прибыли в законе не установлено. Государственная регистрация также является признаком предпринимательской деятельности, однако ее отсутствие не влечет признание деятельности непредпринимательской, а представляет собой правонарушение, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность. Та-

ким образом, видится необходимость совершенствования законодательства в части конкретизации содержания признаков предпринимательской деятельности в целях повышения обоснованности судебных решений и разрешения сомнений в том, относится ли деятельность, осуществляемая конкретным субъектом, к предпринимательской.

Литература

1. Быков А.Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // Предпринимательское право. 2004. N 1. С. 5–16.
2. Олейник О.М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике // Предпринимательское право. 2013. N 1. С. 2–16.
3. Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права / П.П. Цитович. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 434 с.

REGULATORY DEFINITION OF THE CONTENT OF SIGNS OF THE LEGAL CATEGORY OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Plutenko D.S., Isaenko A.S.

Novosibirsk National Research State University

Entrepreneurial activity is a special type of economic activity, the general rules on which are contained in the Civil Code of the Russian Federation. However, the characteristics formulated in the definition of this term are incomplete and largely superficially disclosed in the legislation, which makes it difficult to understand and, in some cases, can give rise to false recognition of entrepreneurial activity. This article is devoted to a comprehensive analysis of legal norms, doctrinal approaches and judicial practice, revealing the concept and features of entrepreneurial activity. The author used both universal methods, primarily dialectical, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, analogy) and private scientific (formal legal, method of interpretation of legal norms) methods. As a result of the conducted research, conclusions were drawn about the legal nature of the definition of the term “entrepreneurial activity”, about the content of individual characteristics of this activity and the degree of disclosure of the content of these features in the norms of the law and judicial practice. These results, it seems, will contribute to a more accurate definition of cases of entrepreneurial activity and its separation from other economic activities, which will lead to an increase in the validity of court decisions on the recognition of entrepreneurial activities and related violations.

Keywords: Entrepreneurial activity, entrepreneurship, the concept of entrepreneurial activity, features of entrepreneurial activity, risk, independence, systematic profit-making, state registration of entrepreneurs.

Reference

1. Bykov A.G. On the content of the course of business law and the principles of its construction // Business law. 2004. N 1. pp. 5–16.
2. Oleinik O.M. Formation of criteria for the qualification of entrepreneurial activity in judicial practice // Entrepreneurial law. 2013. N 1. pp. 2–16.
3. Tsitovich P.P. An essay on the basic concepts of commercial law / P.P. Tsitovich. M.: Center Yurinfor, 2001. 434 p.

Осуществление и защита личных неимущественных прав при использовании облачных сервисов в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта

Калин Глеб Константинович,

аспирант кафедры гражданского права ФГАОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: kalin.gleb2012@yandex.ru

Быстрая интеграция технологий искусственного интеллекта в облачные сервисы порождает как широкие возможности, так и проблемы для защиты личных неимущественных прав, требуя создания комплексной правовой базы для обеспечения прав и законных интересов граждан в цифровую эпоху. Статья рассматривает актуальные вопросы, связанные с интеграцией облачных технологий и технологий искусственного интеллекта, выявляя возникающие в связи с этим проблемы осуществления и защиты личных неимущественных прав. Обсуждаются потенциальные угрозы для личных неимущественных прав пользователей облачных сервисов в контексте использования их данных для обучения нейросетей. Статья анализирует необходимость сбалансированного подхода к защите данных и конфиденциальности в условиях роста объемов информации и развития технологий искусственного интеллекта. В статье предлагаются пути решения указанных проблем, включая необходимость совершенствования гражданского законодательства и внедрение в пользовательские соглашения положений о согласии пользователей на использование их данных, размещенных в облачной среде, для обучения нейросетей.

Ключевые слова: личные неимущественные права, облачные технологии, искусственный интеллект, право на неприкосновенность частной жизни, охрана изображения гражданина, право авторства.

На сегодняшний день происходит активный симбиоз облачных технологий с технологиями искусственного интеллекта, что, помимо широкого диапазона возможностей, порождает ряд проблем, требующих разрешения с точки зрения права. Так, хотя достижения современной науки и техники обеспечивают беспрецедентное удобство и эффективность, они также вызывают серьезную обеспокоенность в связи с потенциальным нарушением личных неимущественных прав пользователей. Актуальность данной проблемы находит подтверждение в исследованиях М.Н. Малейной, которой отмечается, что «к числу тенденций, не ограниченных временными рамками, вызванных научно-техническим прогрессом, следует отнести трансформацию осуществления и защиты личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества и экономики» [5].

В основе рассматриваемой проблематики лежит необходимость сбалансировать преимущества интеграции технологий искусственного интеллекта в облачные сервисы и защиту личных неимущественных прав, поскольку сведения, хранящиеся и обрабатываемые в облаке, более уязвимы для несанкционированного доступа, неправомерного использования и эксплуатации, чем данные, хранящиеся на локальных носителях, что создает серьезную угрозу для нарушения личных неимущественных прав.

Среди преимуществ взаимодополнения облачных технологий и технологий искусственного интеллекта экспертами озвучивается возможность поставщикам облачных услуг совершенствовать платформенные решения и сервисы. Отмечается, что «облачные провайдеры используют собственные достижения в области искусственного интеллекта для решения самых разных задач – от обеспечения прогнозируемости цепочек поставок до обнаружения и устранения киберугроз и повышения производительности бизнес-функций» [10].

При этом в рамках использования облачных сервисов пользователи предоставляют доступ к огромным массивам информации путем ее загрузки в облачную среду. Пользовательскими соглашениями, на основании которых обеспечивается использование облачных технологий, зачастую предусматривается положение, в соответствии с которым облачный провайдер отвечает за сохранность сведений, содержащихся в облачной среде.

Однако в текущих реалиях бурного развития технологий искусственного интеллекта возникает

острая потребность в больших объемах информации, которая могла бы выступить в качестве массива тренировочных данных для генеративных моделей искусственного интеллекта.

На текущий момент широкой общественности уже известны случаи подачи исков в связи с нарушением авторских прав со стороны компаний, занимающихся разработкой технологий искусственного интеллекта [9].

В рамках повсеместного внедрения облачных вычислений озвученная проблема приобретает повышенный интерес, поскольку в связи с широким спектром возможностей использования облачных сервисов в облачную среду попадают большие объемы личного медиа-контента пользователей. Так, специфика использования облачных сервисов, помимо прочего, заключается в том, что пользователи добровольно загружают в облачную среду чрезвычайно большое количество уникальных данных – миллионы фотографий, текстов, рисунков, музыкальных композиций, подавляющее большинство которых отсутствуют в свободном доступе. Подобные материалы в связи со своей разнообразностью, уникальностью и массовостью являются идеально-подходящим материалом для тренировки нейросетей.

Рассматриваемая проблема на текущий момент пусть и не нашла отражения в судебной практике, но уже активно обсуждается ведущими специалистами в сфере консультирования по вопросам внедрения информационных технологий. Так, Энди Силок, старший партнер консалтинговой компании West Monroe, отмечает, что применение искусственного интеллекта в сфере облачных вычислений потенциально может предоставить конфиденциальную или служебную информацию неуполномоченным лицам или организациям. По его словам, «чтобы обеспечить сохранность конфиденциальных данных, необходимо предусмотреть дополнительные меры контроля и защиты данных, особенно учитывая очень большие массивы данных, которые часто требуются для правильного обучения механизмов ИИ» [10].

Действительно, личные неимущественные права пользователей облачных сервисов (в первую очередь право на неприкосновенность частной жизни, право на охрану изображения гражданина, авторские права) могут быть нарушены в результате использования в качестве тренировочного материала для нейросетей пользовательских данных, расположенных в облачных хранилищах. Однако действующее российское законодательство не адаптировано под подобные ситуации.

При этом единого подхода ни в юридической науке, ни в практике, обозначающего необходимость получения согласия пользователей на обучение моделей искусственного интеллекта на основе загруженного ими контента, не представлено. Так, отмечается существование двух полярных позиций в связи с рассматриваемой проблематикой – некоторые специалисты считают, что уведомление пользователей о возможном использовании

их данных для обучения нейронных сетей должно быть включено в политику обработки персональных данных. Однако другие эксперты утверждают, что получение согласия не требуется в случаях, когда данные анонимизированы и используются исключительно для научных исследований [8].

Описываемая проблематика на текущий момент не обрела повсеместного проявления, однако представляется необходимым устранение правовой неопределенности в данном вопросе. В этом контексте создание надежной правовой базы является неременным условием для защиты личных неимущественных прав. Кроме того, необходимы упреждающие меры для снижения рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в облачных сервисах.

Представляется, что указанная правовая проблема кроется в трудности юридической квалификации процесса использования данных, хранящихся в облачной среде, для обучения моделей искусственного интеллекта. Действительно, при первом приближении как таковой процесс обучения моделей искусственного интеллекта на основе данных пользователей, в том числе расположенных в облачных хранилищах, без согласия пользователей с трудом можно квалифицировать в качестве нарушающего личные неимущественные права пользователей. Однако при изучении порядка их функционирования выявляются серьезные риски такого нарушения.

Так, одним из возможных нарушений личных неимущественных прав при использовании облачных сервисов в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта является нарушение неприкосновенности частной жизни гражданина путем использования личных данных пользователей для тренировки искусственного интеллекта. Специалистами из Лаборатории Касперского в рамках рассмотрения исследования, проведенного учеными из университетов США и Швейцарии в сотрудничестве со специалистами из компаний Google и DeepMind, отмечается, что в соответствии с результатами данного исследования путем проведения различных манипуляций с промтом (запросом пользователя к искусственному интеллекту) возможна, например, генерация копии паспорта конкретного человека, скан-образ или фото которого попало в тренировочный массив [7]. В соответствии со статьей 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни [1]. При этом процесс обучения нейросетей на основе массивов данных, содержащих в том числе информацию о гражданине, попавшую в тренировочный массив из облачных хранилищ, на наш взгляд не подпадает ни под одну из категорий, перечисленных в указанной статье ГК РФ. Нейросеть не производит сбор, хранение, распространение и использование информации в прямом понимании указанных терминов. Можно

предположить, что данное обстоятельство связано со специфичностью отношений, возникающих в условиях внедрения инновационных технологий в повседневную жизнь.

Также в рамках описанной проблематики имеются риски использования фотографий пользователей, загруженных в облачную среду. Так, согласно положениям пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ использование изображения гражданина по общему правилу допускается только с согласия этого гражданина [1]. При этом, например, в рамках расследования новостной службы NBC News выявлены факты обучения нейросети по распознаванию лиц на основе фотографий, загруженных пользователями в облачную среду приложения Ever. Однако пользовательским соглашением не было предусмотрено получение согласия пользователей на использование загружаемых ими фотографий для обучения нейросетей [11].

В рассматриваемом контексте позиция Л.В. Карпиковой в части вопроса о возможности использования изображения гражданина, размещенного на каком-либо сайте в сети «Интернет», будет справедлива и в отношении изображений, размещенных в облачных хранилищах. Так, Л.В. Карпикова отмечает, что «обстоятельства размещения гражданином своего изображения в сети «Интернет» могут свидетельствовать о выражении таким лицом согласия на дальнейшее использование данного изображения, например, если это предусмотрено условиями пользования сайтом, на котором гражданином размещено такое изображение» [4]. Кроме того, в указанной ситуации представляется необходимым также получение от пользователя согласия на обработку биометрических персональных данных в соответствии с законодательством о персональных данных.

При этом отдельный интерес представляет возможность использования фотографий гражданина, размещенных в облачном хранилище, для генерации нейросетью изображений людей. Так, в указанном выше исследовании ученых из университетов США и Швейцарии приводится возможность генерации нейросетью изображения человека, схожего до степени смешения или практически идентичного исходной фотографии из тренировочного массива данных. Представляется, что в рассматриваемой ситуации происходит прямое нарушение личных неимущественных прав граждан.

Помимо указанного, остро стоит вопрос с личными неимущественными правами авторов, размещающими результаты интеллектуальной деятельности в облачных хранилищах. Как было отмечено ранее, в зарубежных правовых системах уже имеется практика обращения авторов в суд с исками против корпораций, занимающихся разработкой искусственного интеллекта, в связи с использованием результатов интеллектуальной деятельности, размещенных в сети «Интернет» в открытом доступе, для обучения нейросетей. Однако проблема обостряется в случае указанного использования результатов интеллектуальной деятельности, от-

сутствующих в открытом доступе и размещенных авторами лишь в облачной среде для личных нужд. Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 1259 ГК РФ авторские права распространяются как на обнаруженные, так и на не обнаруженные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме [2].

Вместе с тем сложность в указанной ситуации помимо необходимости доказывания самого нарушения авторских прав пользователя обостряется сложностью доказывания авторства в отношении неопубликованных произведений. А.В. Сальникова отмечает необходимость для автора позаботиться о фиксации авторства в целях обеспечения возможности в дальнейшем опираться на презумпцию авторства, предусмотренную статьей 1257 ГК РФ [6]. С.И. Коданева полагает, что в рассматриваемой ситуации фактически происходит создание производного произведения и решение проблемы представляется в необходимости получения лицензии от правообладателя оригинального произведения [3].

Таким образом, в результате анализа вопроса осуществления и защиты личных неимущественных прав при использовании облачных сервисов в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта разрешение обозначенной проблематики видится в следующем. Необходимо признать специфику процесса обучения моделей искусственного интеллекта и с учетом данной специфики обеспечить соответствующее ей совершенствование действующего гражданского законодательства путем закрепления положений, предусматривающих запрет на включение данных пользователей в массивы тренировочного материала для обучения моделей искусственного интеллекта без прямого согласия таких пользователей. Кроме того, представляется необходимым повсеместное включение в тексты соглашений о предоставлении доступа к облачным технологиям положений о согласии пользователя на обучение нейросетей на основе загружаемой им в облачную среду информации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – № 238–239. – 08.12.1994.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета – № 289. – 22.12.2006.
3. Коданева С.И. Трансформация авторского права под влиянием развития цифровых технологий // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4. – С. 31–38.
4. Личные неимущественные права: учебное пособие / М.Ю. Дубровина, Л.В. Карпикова, М.М. Попович, Е.А. Шелепина; отв. ред. Е.А. Шелепина; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда, 2022. – 235 с.

5. Малеина М.Н. Современные тенденции осуществления и защиты личных неимущественных прав граждан // *Lex Russica*. – 2023. – № 12 (205). – С. 9–20.
6. Сальникова А.В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – № 4. – С. 83–90.
7. Как ИИ может допускать утечку частных данных // <https://www.kaspersky.ru/blog/neural-networks-data-leaks/35172/> (дата обращения: 15.04.2024).
8. Может быть использовано против вас в коде // <https://www.kommersant.ru/doc/6321942> (дата обращения: 15.04.2024).
9. Против Google подали коллективный иск из-за сбора данных для обучения ИИ // URL: <https://www.finam.ru/publications/item/google-podal-kollektivnyy-isk-iz-za-sbora-dannykh-dlya-obucheniya-ii-20230712-0935/> (дата обращения: 02.05.2024).
10. How AI is Transforming Cloud Computing // <https://www.informationweek.com/it-infrastructure/how-ai-is-transforming-cloud-computing> (дата обращения: 10.04.2024).
11. Millions of people uploaded photos to the Ever app. Then the company used them to develop facial recognition tools // <https://www.nbcnews.com/tech/security/millions-people-uploaded-photos-ever-app-then-company-used-them-n1003371> (дата обращения: 08.05.2024).

EXERCISE AND PROTECTION OF PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS IN THE USE OF CLOUD SERVICES IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Kalin G.K.

Kutafin Moscow State Law University

The rapid integration of artificial intelligence technologies into cloud services generates both great opportunities and problems for the protection of personal non-property rights, requiring the creation of a comprehensive legal framework to ensure the rights and legitimate interests of citizens in the digital era. The article considers topical

issues related to the integration of cloud technologies and artificial intelligence technologies, revealing the resulting problems of realization and protection of personal non-property rights. It discusses potential threats to the personal property rights of cloud users in the context of using their data for training neural networks. The article analyzes the need for a balanced approach to data protection and privacy in the context of growing volumes of information and the development of artificial intelligence technologies. The article suggests ways to solve these problems, including the need to improve civil legislation and the introduction of provisions in user agreements on the consent of users to use their data placed in the cloud environment for training neural networks.

Keywords: personal non-property rights, cloud technologies, artificial intelligence, right to privacy, protection of citizen's image, right of authorship.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 11/30/1994 № 51-FZ // *Rossiyskaya Gazeta*, № 238–239, 12.08.1994.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 12/18/2006 № 230-FZ // *Rossiyskaya Gazeta*, № 289, 12.22.2006.
3. Kodaneva, S.I. The Transformation of Copyright under the Influence of the Development of Digital Technologies // *Law and Digital Economy*. 2021. № 4. Pp. 31–38.
4. Personal Non-Property Rights: A Textbook / M.Y. Dubrovina, L.V. Karpikova, M.M. Popovich, E.A. Shelepina; Ed. by E.A. Shelepina; Volga-Vyatka Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Vologda, 2022. 235 p.
5. Maleina, M.N. Current Modern Trends in Implementation and Protection of Personal Non-Property Rights // *Lex Russica*. 2023. № 12 (205). Pp. 9–20.
6. Salnikova, A.V. Blockchain Technology as a Tool for Copyright Protection // *Current Issues of Russian Law*. 2020. № 4. Pp. 83–90.
7. How AI can leak private data // <https://www.kaspersky.ru/blog/neural-networks-data-leaks/35172/> (accessed: 04.15.2024).
8. May be used against you in code // <https://www.kommersant.ru/doc/6321942> (accessed: 04.15.2024).
9. Collective lawsuit filed against Google for collecting data for AI training // URL: <https://www.finam.ru/publications/item/google-podal-kollektivnyy-isk-iz-za-sbora-dannykh-dlya-obucheniya-ii-20230712-0935/> (accessed: 05.02.2024).
10. How AI is Transforming Cloud Computing // <https://www.informationweek.com/it-infrastructure/how-ai-is-transforming-cloud-computing> (accessed: 04.10.2024).
11. Millions of people uploaded photos to the Ever app. Then the company used them to develop facial recognition tools // <https://www.nbcnews.com/tech/security/millions-people-uploaded-photos-ever-app-then-company-used-them-n1003371> (accessed: 05.08.2024).

Субординация требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве юридических лиц

Андриевская Арина Николаевна,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: a.andrievskaya@g.nsu.ru

Косторнов Денис Алексеевич,

студент, Новосибирский государственный университет
E-mail: d.kostornov@g.nsu.ru

Целью работы выступает исследование сравнительно нового института действующего гражданского законодательства – субординации требований аффилированных кредиторов. Представлено понятие субординации, рассмотрены условия, на основании которых можно установить юридическую и фактическую аффилированность кредиторов. Проанализированы альтернативные доктринальные позиции на правовую природу субординации, целесообразность и правовую обоснованность ее нормативного закрепления в законодательстве. Также раскрывается содержание механизма «компенсационное финансирование». Отдельно обозначено влияние выводов Верховного Суда РФ в части очередности удовлетворения требований лиц, контролирующих должника и являющихся аффилированными с ним, на формирование дальнейшей судебной практики. Высказывается предположение о причинах отсутствия закрепления данного правового института в российском законодательстве. Делается вывод о двойственной природе субординации.

Ключевые слова: банкротство (несостоятельность) юридических лиц, субординация требований аффилированных кредиторов, компенсационное финансирование

Сущностное содержание института банкротства детерминировано своеобразным конфликтом экономических интересов сторон, обусловленных их стремлением в наибольшей степени реализовать свои права и добиться удовлетворения требований. Данное обстоятельство предопределяет повышенный интерес законодателя к обеспечению баланса прав и законных интересов участников конкурсного производства [1, 26].

Одним из механизмов защиты кредиторов является принцип их равенства, который, при этом, имеет определенные исключения. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) устанавливает очередность удовлетворения требований кредиторов. Особую актуальность в этом направлении приобрел вопрос практического значения субординации требований аффилированных кредиторов. Несмотря на активное применение термина «субординация» как действующими юристами, так и судами для определения характера взаимоотношений между кредиторами, данный правовой институт не получил легального закрепления. В связи с этим, применительно к российской практике, можно предложить следующую дефиницию «субординации»: изменение последовательности удовлетворения требований контролирующего или аффилированного с должником лица в рамках закрепленной законодателем иерархии, направленное на достижение цели справедливого перераспределения имущества, вошедшего в конкурсную массу.

С юридической точки зрения, ключевым признаком аффилированности выступает принадлежность лиц к одной группе компаний через корпоративное участие, с фактической – аффилированность проявляется через характер принимаемых лицами решений в гражданских правоотношениях. Так, вывод о аффилированности можно сделать на основе установления факта нерыночного характера соглашения, условия которого идут вразрез с главной целью предпринимательской деятельности – извлечения максимально возможной прибыли с вложением минимальных затрат. Так, Верховный Суд в ситуации неоднократного предоставления заемных средств на беспроцентной основе признал наличие фактической аффилированности между лицами [2].

Важно отметить, что одно лишь наличие аффилированности не является достаточным доводом для ухудшения положения кредитора посредством понижения очередности его требований вне учета экономической составляющей сделки [3]. При при-

нятии решения о применении субординации суды должны исходить не только из факта аффилированности лиц, но и из наличия у сторон определенной направленности на злоупотребление своими правами, а также из оценки их добросовестности, выраженной, в том числе, в избрании отличной от предписанной законодателем модели поведения в ситуации имущественного кризиса должника.

На практике компенсационное финансирование, чаще всего, оформляется путем предоставления должнику займов [4, 40]. В сравнении с процедурой увеличения уставного капитала, предоставление займов является более гибким финансово-правовым инструментом для контролирующего лица и подконтрольного общества. Понижение в очередности таких требований обусловлено возможностью завуалировать кризисную ситуацию, создать перед кредиторами и иными третьими лицами иллюзию благополучного положения дел в хозяйственном обществе [5, 200].

Вопреки факту признания многими учеными практического значения субординации, в зарубежной и отечественной доктрине высказываются разные мнения по поводу целесообразности и законности этой процедуры. В качестве правовых проблем, вытекающих из рассмотренных выше действий аффилированных кредиторов, можно назвать «затягивание» начала процедуры банкротства, как следствие, утрата ликвидности имущества; необоснованный перенос бремени несения финансовых рисков на кредиторов; создание ложной платежеспособности.

Сторонники субординации, в свою очередь, отмечают, что фактический запрет на предоставление займов помещает контролирующих лиц в положение, при котором у них отсутствует, как таковой стимул предпринимать действия, результатом которых могло бы стать улучшение финансового положения компании [6, 87]: ресурсы, привлеченные извне, могут стать первым шагом по восстановлению финансового положения общества. Положение кредитора в деле о банкротстве связано с определенными имущественными рисками, деятельность контролирующих лиц в таком случае предоставляет, как минимум, шанс на удовлетворение своих законных требований в полном объеме.

В условиях отсутствия в научном сообществе единого мнения насчет субординации, в качестве своеобразного компромиссного решения выглядит точка зрения А.Г. Карапетова, которая заключается в том, что из-под действия механизма субординации можно выделить те займы аффилированных лиц, которые предоставлялись в период отсутствия объективных оснований инициирования процедуры банкротства, а сам займодавец имел все основания полагать, что своими действиями способствует значительному снижению риска банкротства компании [7].

Анализируя доктринальные позиции, можно сделать вывод о двойственной природе субординации. С одной стороны, это механизм защи-

ты интересов добросовестных кредиторов, с другой – концепция переноса экономических рисков на контролирующих или аффилированных с должником лиц, целенаправленно осуществляющих антикризисное финансирование организации, находящейся в предбанкротном состоянии и осознающих потенциальные экономические потери своей деятельности.

Таким образом, экономико-правовым фундаментом института субординации выступает противоположность целей независимых кредиторов и контролирующих лиц. По своей юридической природе, субординация – средство защиты прав и интересов независимых кредиторов в процессе удовлетворения требований за счет конкурсной массы должника от притязаний корпоративного характера [8, 2]. Верховным Судом РФ были обозначены крайне важные тезисы, которые должны оказать влияние на практику по разрешению споров, связанных с определением места требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве, тем самым был заложен определенный правовой фундамент становления института субординации в российском законодательстве. Закрепление субординации в ФЗ «О банкротстве» выглядит эффективным шагом по актуализации банкротного законодательства в ближайшие несколько лет, соответствующим цели обеспечения защиты интересов внешних кредиторов от неблагоприятного воздействия корпоративных кредиторов на ход процедуры банкротства. Отсутствие соответствующей нормы на данный момент, в большей степени, обусловлено новизной этого института в российском правовом порядке, а также необходимостью выбора наиболее оптимальной модели субординации из числа распространенных в зарубежной практике и сформированных в отечественной доктрине.

Литература

1. Родина Н.В. Механизм субординации требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: проблемы правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. – 238 с.
2. Определение Верховного суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(2).
3. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020)
4. Пирогова Е.С. Судебная субординация требований кредиторов в делах о банкротстве как правовосстановительная санкция, применяемая в корпоративных отношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 5. – С. 38–42.
5. Мазур А.С. Проблемы субординации требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве заемщиков // Вестник Универ-

ситета имени О.Е. Кутафина МГЮА. – 2018. – № 10. – С. 197–202.

6. Шайдуллин А.И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. – 251 с.
7. Карпетов А.Г. Субординация требований контролирующих должника лиц при банкротстве: некоторые промежуточные тезисы // Закон.ру: [интернет-ресурс]. – 2018. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/3/subordinaciya_trebovanij_kontroliruyuschih_dolzhnika_lic_pri_bankrot_stve_nekotorye_promezhutochnye_t (дата последнего обращения: 17.05.2024)
8. Игнатьева П.П. Компенсационное финансирование в контексте субординации требований в банкротстве // StudNet. 2021. – № 2. – С. 1–14.

SUBORDINATION OF CLAIMS OF AFFILIATED CREDITORS IN BANKRUPTCY CASES OF LEGAL ENTITIES

Andrievskaya A.N., Kostornov D.A.
Novosibirsk State University

The purpose of the work is to study a relatively new institution of current civil legislation – subordination of claims of affiliated creditors. The concept of subordination is presented, the conditions according to which it is possible to establish the legal and actual affiliation of creditors are considered. Alternative doctrinal positions on the legal nature of subordination, expediency and legal validity of its normative consolidation in legislation are analyzed. The content of the “compensatory financing” mechanism is also disclosed. The effect of the conclusions of the Supreme Judicial Court of the Russian Federation in terms of the priority of satisfying the claims of persons controlling the debtor and being affiliated with it on the formation of

further judicial practice is separately indicated. A suggestion is done about the reasons for the lack of consolidation of this legal institution in Russian legislation. The finding is made about the dualistic entity of subordination.

Keywords: bankruptcy of legal personality, subordination of claims of affiliated lenders, compensatory financing.

References

1. Rodina N.V. Mechanism for subordination of creditors' claims in the process of insolvency (bankruptcy) of legal entities: problems of legal regulation: dis. ...cand. legal Sci. Moscow, 2022. – 238 p.
2. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 6, 2017 No. 308-ES17–1556(2).
3. Review of judicial practice in resolving disputes related to the establishment in bankruptcy proceedings of the claims of the controlling debtor and persons affiliated with him (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on January 29, 2020)
4. Pirogova E.S. Judicial subordination of creditors' claims in bankruptcy cases as a legal restoration sanction applied in corporate relations // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 5. – pp. 38–42.
5. Mazur A.S. Problems of subordination of claims of affiliated creditors in cases of bankruptcy of borrowers // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina Moscow State Law Academy. – 2018. – No. 10. – P. 197–202.
6. Shaidullin A.I. Subordination of obligatory claims of controlling debtor and persons affiliated with him in bankruptcy cases of business companies: dis. ...cand. legal Sci. Moscow, 2022. – 251 p.
7. Karapetov A.G. Subordination of the claims of persons controlling the debtor in bankruptcy: some intermediate theses // Law.ru: [Internet resource]. – 2018. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/3/subordinaciya_trebovanij_kontroliruyuschih_dolzhnika_lic_pri_bankrot_stve_nekotorye_promezhutochnye_t (date of last access: 05/17/2024)
8. Ignatieva P.P. Compensatory financing in the context of subordination of claims in bankruptcy // StudNet. 2021. – No. 2. – P. 1–14.

Неопределенность правовой природы договора поручительства при признании его недействительным

Красоусская Полина Даниловна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет.
E-mail: krasousskaya.p@mail.ru

Лопатин Данил Павлович,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: frozeneg@mail.ru

Исследование правового регулирования договора поручительства занимает немаловажное место в гражданско-правовой науке. В большинстве случаев применение норм о договоре поручительства, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), в ситуациях, связанных с исполнением обязательств, вызывает огромное количество вопросов со стороны не только участников рассматриваемых правоотношений, но и судов. Кроме того, надежда поручителя на то, что должник по основному обязательству окажется обязательным и ответственным может рухнуть в один момент. Вследствие чего, заключая договор поручительства, стороны должны осознавать ответственность и риски, которые многие люди по каким-либо причинам считают формальностью. Соответственно, необходимо детально изучить все тонкости заключения, формы, содержания и оснований прекращения договора поручительства.

Ключевые слова: поручительство, обязательственное право, поручитель, должник, кредитор, признание договора недействительным.

Практически любой договор при наличии достаточных оснований можно расторгнуть или признать недействительным. Прекращение договора и признание его недействительным необходимо различать. В первую очередь, разграничение заключается в основаниях. Основанием для прекращения договора являются различные обстоятельства, требующие прекращения договора, несмотря на его законность. Равным образом основанием для недействительности договора является его незаконность.

Также различие данных терминов заключается в следующем: договор признается недействительным исключительно по решению суда (статья 166 ГК РФ), в то время как его прекращение может быть предусмотрено соглашением сторон (статья 450 ГК РФ).

Случаи признания Договора поручительства недействительным закрепляются статьями 166–173 ГК РФ. По нашему мнению, распространенными основаниями недействительности рассматриваемого договора являются:

- несоблюдение формы соглашения;
- заблуждение в контексте условий поручительства;
- недобросовестные действия должника;
- признание поручительства мнимой сделкой.

В соответствии со статьей 362 ГК РФ несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора поручительства [1], что, несомненно, указывает на ключевое условие действительности – письменная форма. Данное положение, прежде всего, свидетельствует об обязанностях сторон предусмотреть существенные условия при заключении договора поручительства, согласие с которыми выражается подписанием.

Немаловажной проблемой является неопределенность относительно природы договора поручительства при признании его недействительным. Под природой сделки следует понимать цель, ведущей к достижению общеизвестного правового результата, в зависимости от специфики заключаемого соглашения, и существенные условия, благодаря которым разграничиваются договорные отношения.

Исходя из вышесказанного, наличие одного поручителя, в случаях ожидания им иных, не позволяет говорить о заблуждении применительно к природе сделки.

Существенное значение имеет заблуждение в природе сделки либо тождества или таких качеств ее предмета, которые значительно снижают возможности его использования по назначению.

Неопределенность мотивов, напротив, не играет большой роли [2,3].

Нередки попытки признания договора поручительства недействительным в связи с необозначением определенного перечня обязательств, принятых поручителем. Обычно суды приходят к выводу, что поручитель был осведомлен обо всех существенных условиях договора, а также об основаниях и объеме своей ответственности. Данные обстоятельства очевидно следуют из содержания заключенного договора. Указанный вывод подтверждается судебной практикой.

Истец ссылался на отсутствие согласованных существенных условий договора, поскольку он не был проинформирован о процентной ставке по займу, в связи с чем введен в заблуждение. В свою очередь, суд указал на наличие в договоре: положений о процентной ставке, действиях кредитора при неисполнении (ненадлежащем исполнении) заемщиком обязанностей. Кроме того, подпись Истца указывает на согласие с условиями договора, а потому Истцу было известно обо всех существенных условиях, вследствие чего в удовлетворении исковых требований о признании договора поручительства недействительным было отказано [7].

Анализ судебной практики показывает, в случаях заблуждения поручителя об объеме принятых на себя обязательств, по общему правилу он считается осведомленным обо всех существенных условиях договора, а также об основаниях и объеме своей ответственности. Поручитель должен осознавать наличие риска неблагоприятных последствий в случае ненадлежащего исполнения обязательств заемщиком. Следовательно, ссылка в рассматриваемой части на признание договора поручительства недействительным не имеет существенного значения.

Еще одно обстоятельство, на которое ссылается поручитель при оспаривании исследуемого договора, является заблуждение в фактах, относящихся к личности должника. Тем не менее, судебная практика указывает на невозможность оспаривания сделки в подобных ситуациях. Принятие во внимание отношений между должником и поручителем ставит кредитора в невыгодное положение.

Довольно часто поручитель оперирует доводами о недостоверности сведений, предоставленных банком, касающихся финансового состояния заемщика и кредитного риска, при признании договора поручительства недействительным. Впрочем, позиция некоторых судов строится на необходимости и важности понимания сути правовой природы рассматриваемого явления, изначально предполагающей обязанность поручителя проверить финансовое состояние заемщика при заключении договора.

При признании судом договора поручительства мнимой сделкой (статьи 10, 170 ГК РФ), ключевую роль играет цель: увеличение фиктивной задолженности, уменьшение количества голосов, прихо-

дящихся на долю независимых кредиторов, и осуществление в дальнейшем контроля за процедурами спланированного банкротства. При данных обстоятельствах особое внимание уделяется:

- финансовому состоянию должника по основному обязательству и поручителя, изначально неспособными выполнить свои обязательства;
- совместной задолженности у должника и поручителя (общие корпоративные кредиторы, один банк), их аффилированность [6];
- одномоментной подаче должником и поручителем заявлений о банкротстве [4,5].

На основании вышеизложенного, заключая договор поручительства, стороны должны уделить особое внимание каждому пункту предусматриваемого соглашения, оценить всевозможные риски. Без сомнений, не стоит переживать напрасно, когда основной должник порядочный и ответственный человек, который не подводит поручителя. Но, к сожалению, бывают и такие случаи, когда поручитель оказывается в неприятном для себя положении и приходится «отдуваться» за безответственного должника. Вышеуказанная судебная практика лишь доказывает данное мнение, и, как не парадоксально, суды все чаще встают на сторону кредитора, ставя при этом в беззащитное положение поручителей.

Таким образом, в настоящее время, договор поручительства – не просто формальность. Целесообразно скрупулезно изучить существенные условия для исключения всевозможных рисков при исполнении достигнутого соглашения. Одним из средств достижения упомянутой цели, по нашему мнению, является включение в договор поручительства условия об уведомлении и осведомленности о финансовом состоянии заемщика и дополнения вследствие этого пункта 3 статьи 361 ГК РФ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – 05 дек. – № 32. – Ст. 3301.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 18-КГ15–169. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-V&n=443436#cwz0tDU2x6JCnS6A> (дата обращения: 20.05.2024).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 октября 2015 г. по делу № 18-КГ15–181. URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1386588 (дата обращения: 20.05.2024).
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11 августа 2017 г. № Ф08–5718/2017 по делу № А32–15198/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=128362#cbM8t-DURBsTh0ZVU> (дата обращения: 23.05.2024).

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 сентября 2017 г. № Ф05–4127/2016 по делу № А40–7292/15. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=277103#0py6tDUGUKO4PiLa1> (дата обращения: 23.05.2024).
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 января 2018 г. № Ф08–10324/2017 по делу № А32–15198/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=131973#c2l6tDUgbOR6bra61> (дата обращения: 23.05.2024).
7. Решение Октябрьского районного суда г. Ижевска от 11 августа 2015 г. по делу № 2–1021/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WFc6p69ZmwZm/> (дата обращения: 21.05.2024).

UNCERTAINTY OF THE LEGAL NATURE OF THE SURETY AGREEMENT WHEN IT IS DECLARED INVALID

Krasouskaya P.D., Lopatin D.P.

Novosibirsk National Research State University

Research of legal regulation of the contract of guarantee occupies an important place in civil law science. In the majority of cases, the rules on the contract of guarantee enshrined in the Civil Code of the Russian Federation in situations involving the performance of obligations, raises a huge number of questions not only from the parties to the legal relationship in question, but also from the courts. In addition, the guarantor's expectation that the debtor of the principal obligation would be obligatory and liable could collapse at one point. Therefore, when entering into the contract of guarantee, the parties must be aware of the responsibilities and risks that many people, for

whatever reason, consider a formality. Respectively, it is necessary to study in detail all the subtleties of the conclusion, form, content and grounds of termination of the contract of guarantee.

Keywords: guarantee, obligation law, guarantor, debtor, creditor, invalidation of the contract.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FL (edit. of 11.03.2024) // Collect. of laws of the Russian Federation. – 1994. – 05 dec. – № 32. – Art. 3301.
2. Decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 20, 2015. 18-CG15–169. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=443436#cwz0tDU2x6JCnS6A> (accessed: 20.05.2024).
3. Decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 20, 2015. 18-CG15–181. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1386588 (accessed: 20.05.2024).
4. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated August 11, 2017 F08–5718/2017 in the case A32–15198/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=128362#cbM8tDUrBsTh0ZVU> (accessed: 23.05.2024).
5. Decision of the Arbitration Court of the Moscow District of 27 September 2017 F05–4127/2016 in the case A40–7292/15. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=277103#0py6tDUGUKO4PiLa1> (accessed: 23.05.2024).
6. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated January 12, 2018 F08–10324/2017 in the case A32–15198/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=131973#c2l6tDUgbOR6bra61> (accessed: 23.05.2024).
7. Decision of the Oktyabrsky District Court of Izhevsk of 11 August 2015 on the case 2–1021/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WFc6p69ZmwZm/> (accessed: 21.05.2024).

Кращенко Владимир Николаевич,

аспирант, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
E-mail: wkrause@list.ru

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования цифровых объектов, которые можно определить в качестве цифровых вещей, а также вопросы объема прав, которыми обладают владельцы таких цифровых объектов. Анализируются объем прав лиц, приобретающих такие вещи, возможности гражданского оборота цифровых вещей, а также защищенности их правообладателей согласно законодательству Российской Федерации. Делается вывод о том, что на нынешнем этапе развития правового регулирования цифровых объектов, лица, приобретающие цифровые вещи, не имеющие аналогов за пределами цифрового мира, не обладают достаточным объемом правомочий, чтобы называться их собственниками.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданского права, виртуальное имущество, игровое имущество, виртуальные объекты, утилитарные цифровые права, объекты гражданских прав, защита прав пользователей.

Цифровые права уже на протяжении пяти лет, с момента внесения соответствующих изменений в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), являются полноценным объектом гражданских прав. При этом, как и любое другое объективное явление, история цифровых прав началась задолго до начала процесса правового регулирования такого явления и продолжается в настоящее время, когда само такое правовое регулирование ещё не в полном объеме охватило собой объективно существующие цифровые права.

Более того, на данный момент далеко не все разновидности цифровых прав имеют свое законодательное определение, в связи с чем невозможно провести ни полноценную классификацию цифровых прав, ни определить точное количество их разновидностей.

Вместе с тем, имея различную природу происхождения, такие права сами по себе не одинаковы и каждое из них нуждается в самостоятельном правовом регулировании.

Полноценной законодательной классификации цифровых прав до сих пор не существует, как и достаточного количества законодательных актов, на основании которых можно было бы такую классификацию построить. В подобной ситуации остается опираться лишь на объективно существующие реалии, а также на выводы теоретиков права.

При построении классификации цифровых прав, следует исходить из того, что такая разновидность прав, с одной стороны, не так давно была закреплена в законодательстве, а с другой стороны, уже является неотъемлемой частью повседневной жизни. С третьей стороны, цифровые права проходят тот же самый путь становления их законодательного регулирования, как и любое иной правоотношение, возникающее и являющееся новым. Кроме того, необходимо всегда иметь в виду, что далеко цифровые права не всегда просто разграничить с, например, обязательственными или смежными правами.

Некое подобие общего подхода¹²³, сложившегося в настоящее время среди специалистов, занимающихся цифровыми правами, сводится к тому, что выделяются четыре основных группы цифровых прав, а именно:

- цифровые вещи;
- цифровые финансовые активы;

¹ Решетняк С.Р. «Классификация цифровых прав» // Вестник экспертного совета, № 1 (24), 2021.

² Левинзон В.С., Митин Р.К. «Правовое регулирование виртуального имущества» // «Закон и право», № 05, 2020.

³ Морозова И.Г., Курпякова С.И. «К вопросу о классификации цифровых прав» // Хозяйство и право, № 11, 2022.

- смарт-контракты;
- цифровые услуги.

Каждая из перечисленных категорий может быть классифицирована далее, на подгруппы. Но даже остановившись на первой большой подгруппе, на «цифровых вещах», можно прийти к выводу о том, что любая подобная классификация останется личным мнением автора классификации и не будет отражать действительного положения природы цифровых прав, поскольку в законодательстве вплоть до настоящего времени отсутствует какое-либо цельное закрепление видов и признаков цифровых прав.

Так, среди цифровых вещей можно выделить собственно цифровые вещи, которые существуют и активно используются человеком в реальной жизни, но имеют при этом своеобразную цифровую форму. К таковым относятся, в частности, различные объекты интеллектуальной собственности, такие как электронные книги, музыка, различные видео материалы, программное обеспечение.

Особенностью таких цифровых предметов является возможность создать бесконечное количество копий с любого приобретенного экземпляра.

Например, купив бумажную книгу в магазине собственник такой книги имеет возможность прочитать её самостоятельно, дать прочитать другому человеку, подарить или перепродать её кому-нибудь. Количество экземпляров книги при этом не изменится.

Приобретая электронную книгу, пользователь имеет возможность в течение нескольких минут времени создать бесконечное множество копий приобретенного файла и передать его неограниченному кругу лиц.

При этом, в данном случае ограничения со стороны государства сводятся не к запрету на создание копий как таковых, подобный запрет изначально был бы не рабочим и не эффективным, а к регулированию с точки зрения соблюдения авторских прав, путем запрета на выкладывание таких файлов в открытый доступ в сети Интернет и на создание и функционирование сайтов, предоставляющих возможность для подобного размещения.

И тем не менее, такие электронные вещи вполне можно назвать именно вещами, пусть и существующими в цифровой форме.

Вторая разновидность цифровых вещей, на которой и остановимся подробнее, является порождением цифрового мира и существует исключительно в нём же. Это предметы виртуального мира, в первую очередь игрового, которые существуют и могут быть использованы исключительно в таком виртуальном мире. Так, если электронная книга, это всего лишь одна из разновидностей собственно книги, которая может быть выпущена в классическом бумажном варианте, то условная «книга магии» персонажа какой-либо онлайн-игры существует исключительно в рамках такой игры и её существование за пределами этой игры выглядит очень сомнительно.

В то же время, сама концепция виртуальных миров, существующих в цифровом виде, позволяет создавать, приобретать и продавать такие объекты, взаимодействовать с другими участниками соответствующего виртуального процесса. При этом, пользователи тратят на подобные цифровые объекты реальное время, а зачастую и настоящие, а не виртуальные деньги.

С одной стороны, приобретая подобный «предмет», он переходит в собственность пользователя, однако, с другой стороны полного права собственности, которое базируется на трех основополагающих принципах владения, пользования и распоряжения, у такого «собственника» не возникает.

Игровая индустрия к настоящему времени развилась до такого состояния, что киберспорт стал настоящим спортом, признанным официально, а игроки компьютерных игр, участвуя в игровых чемпионатах самого различного уровня, именуются киберспортсменами без каких-либо ироничных или иных обесценивающих смыслов этого термина.

Однако, создавая игрового персонажа и приобретая игровое имущество, рядовой пользователь, на первый взгляд владея и пользуясь такими объектами, зачастую лишен права полноценного распоряжения ими. Так, многочисленные игровые платформы вводят своими внутренними правилами запрет на продажу, дарение или иную возможность отчуждения таких цифровых объектов. Максимум, на что могут претендовать пользователи, это на отчуждение различных игровых элементов внутри такой игры, путем внутриигрового обмена, без возможности получения настоящих денег.

Внутриигровые запреты на отчуждение виртуальных вещей, начиная от созданных аккаунтов до отдельных игровых элементов, пользователи иногда обходят, с чем администрации таких игр борются с переменным успехом. Нельзя не отметить, что обходы подобных запретов связаны с рисками для самих пользователей, поскольку шансы получить правовую защиту будут стремиться к нулю в ситуации, когда деньги уже переданы, а цифровой объект, который ожидается к получению, не получен.

Такое положение усугубляется ещё и тем обстоятельством, что регистрация на подобных игровых платформах анонимная и не требует проверки документов, а, следовательно, нет и возможности достоверно доказать, что цифровой объект принадлежит или должен принадлежать физическому лицу, заявившему на них свои права вне сети Интернет.

Другой момент, исключающий возможность говорить о праве пользователей распоряжаться таким игровым цифровым «имуществом», заключается в одностороннем принятии решения о полном закрытии игры или поддержки игры со стороны разработчиков.

Пользователь может длительное время провести за игровым процессом, вкладывая своё время и настоящие деньги в «прокачку» своего игрового

персонажа и не будет застрахован от того, что разработчики не пришлют в любой момент сообщение о прекращении поддержки указанной игры после даты, указанной в таком сообщении.

Точно также абсолютным правом разработчика остается осуществление блокировки аккаунта игрока. С одной стороны, эта мера изначально должна дисциплинировать игроков, воздерживаться от некорректного общения друг с другом, а также быть санкцией за серьезные игровые нарушения. Однако, с другой стороны, реальность такова, что многие игроки, заблокированные администрациями игр, длительное время добиваются снятия таких ограничений, поскольку искренне считают, что не нарушали внутриигровых правил, санкция в виде блокировки аккаунта к ним применена несправедливо, а обжаловать такое решение фактически негде.

Наконец, пользователи не защищены от хакерской атаки на свой персональный аккаунт, откуда может быть украдено всё приобретенное игровое виртуальное «имущество» и такого злоумышленника будет невозможно наказать правовыми методами. Хорошо, если реальную помощь окажет поддержка игры, но если и она окажется бессильна, то обращения в правоохранительные органы, почти наверняка, останутся безрезультатными.

И судебная практика, сложившаяся к настоящему времени, только подтверждает эту ситуацию, либо признавая многопользовательские онлайн-игры разновидностью азартных игр, либо постановляя, что внесение платы пользователем за приобретение различных внутриигровых предметов является оплатой за предоставление услуги, а не покупкой программного обеспечения¹²³.

Нельзя не отметить тот факт, что приобретение игрового виртуального имущества в большинстве игр только выглядит как купля-продажа, а на самом деле, в виду неурегулированности таких правоотношений в законодательстве, зачастую используется понятие «добровольного пожертвования» в сокращенной современной форме «донат». Таким образом, осуществляя такие «добровольные пожертвования» на «поддержку проекта», пользователь фактически лишь получает право пользоваться тем, чем ему разрешают пользоваться разработчики в обмен на внесенное «пожертвование» и не получает никаких собственных прав на приобретенные игровые вещи. Именно поэтому ранее и было сказано, что даже владение и пользование, составляющие две трети права собственности, у пользователя игры возни-

кают лишь на первый взгляд, а на самом деле это не более, чем временное пользование ровно до тех пор, пока настоящий собственник и создатель компьютерных кодов, составляющих основу киберпространства, позволяет ими пользоваться, поскольку всё ещё совпадают его цели по созданию и развитию такой игры и цели пользователей, желающих в неё играть.

Логично, что и у разработчиков многопользовательских онлайн-игр отсутствует желание, чтобы в законодательстве появился термин, применимый напрямую к аккаунтам таких игр, либо к цифровым объектам, в них используемым. Введение таких понятий в законодательство автоматически породит множество дополнительных обязанностей, а как следствие, и ответственности для разработчиков. Если такие обязанности и ответственность покажутся разработчикам слишком объемными, то одним из следствий может стать и отказ от официальной поддержки соответствующей игры на территории государства.

Таким образом, цифровые вещи обеих разновидностей являются реальностью и оказывают влияние на повседневную жизнь каждого человека. Даже такое «имущество», как игровые аккаунты или внутриигровые вещи могут оказать влияние на жизнь человека, который вовсе не связан с миром компьютерных игр. Таким примером могут считаться случаи сокрытия в виртуальных мирах реального имущества, которое следовало бы в определенных жизненных ситуациях включить в общую конкурсную массу или в общее имущество супругов⁴⁵.

Полноценное правовое регулирование оборота виртуального имущества в законодательстве по состоянию на настоящий период времени отсутствует и данный пробел ещё только предстоит устранить.

В отношении цифровых вещей бесспорным остается факт их цифровой природы, однако возможность их полноценного отнесения к собственно цифровым правам остается спорным.

И в первую очередь такой вывод следует из содержания законодательства, действующего на настоящий период времени.

Понятие термина «цифровые права» содержится в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации⁶, согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом

¹ Фатхи, В. И. «Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования» // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4.

² Перепёлкина Я.А. «Виртуальное игровое имущество: перспективы правового урегулирования» // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 3 (29), сентябрь 2020 г.

³ Торопцева А.Н. «Правовое регулирование виртуальных объектов, связанных с компьютерными играми, и защита прав пользователей» // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО Т. 5, № 3 (23), 2020;

⁴ Перепёлкина Я.А. «Виртуальное игровое имущество: перспективы правового урегулирования» // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 3 (29), сентябрь 2020 г.

⁵ Казьмина А.Н. «Перспективы правового регулирования виртуального игрового имущества» // Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2022.

⁶ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 60, 20.03.2019.

признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

С точки зрения процитированного определения, игровые аккаунты и внутриигровые объекты в целом ему соответствуют, за исключением только одного уточнения. Они должны быть прямо указаны в законе как разновидность цифровых прав.

Что же касается действующего законодательства, то единственная разновидность цифровых прав, прямо указанная в законе, это «утилитарные цифровые права»¹, которым в соответствующем законе не было дано определения, а были указаны лишь признаки, которым такие цифровые права должны соответствовать. И если посмотреть эти признаки не в контексте закона, то можно обнаружить, что на первый взгляд игровые аккаунты и внутриигровые предметы вполне вписываются в этот перечень:

- право требовать передачи вещи (вещей);
- право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Однако предметом регулирования указанного федерального закона являются отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ.

Многопользовательские игры, пусть даже имеющие большой охват среди пользователей в мире или в отдельно взятой стране, инвестиционными платформами не являются и вряд ли право требования к анонимному аккаунту на передачу виртуального предмета может стать тем цифровым правом, которое всерьез станет рассматриваться как серьезная инвестиция.

Таким образом, исходя из изложенного, следует сделать вывод, что цифровые вещи, причем обе разновидности таких цифровых вещей, на настоящем периоде развития законодательства, вряд ли можно рассматривать как разновидность цифровых прав в том смысле, которое содержится в понятии, изложенном в статье 141.1 ГК РФ.

Представляется, что к цифровым вещам, являющимся фактически аналогами физических вещей, в большей степени применимы нормы, регулирующие оборот обыкновенных вещей.

Что же касается игровых аккаунтов и предметов, то здесь всё обстоит иначе.

Такие предметы не названы цифровыми правами в законе, а следовательно, по смыслу законодательства РФ, под понятие «цифровые права»

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», № 173, 06.08.2020.

не подпадают, хотя их цифровую природу не оспаривать.

Вместе с тем, далеко не любой цифровой объект является виртуальным, т.е. не существующим вне цифровой системы, о чем, на примере электронных и бумажных книг, говорилось в начале статьи.

Игровые аккаунты и предметы являются полностью виртуальными и не могут иметь полноценного аналога вне цифровой системы. При этом даже виртуальные и полностью цифровые объекты существуют не только в играх, как, например, доменные имена или адреса электронной почты.

К отличительным чертам игровых аккаунтов и внутриигровых объектов следует отнести²:

- нематериальный характер;
- способность существовать исключительно в цифровой форме, представляя из себя код с технической точки зрения;
- заложенное в системе ограничение возможности создавать копии внутриигрового предмета или аккаунта;
- отсутствие у пользователей законного права собственности на указанные цифровые объекты;
- возможность определить окончательную судьбу таких цифровых объектов остается у разработчика игры;
- фактическая ограниченность существования и функционирования таких цифровых объектов, поскольку за пределами многопользовательской игры они не могут ни существовать, ни использоваться, даже если у разработчика существует несколько игр;
- экономическая ценность таких цифровых объектов зависит исключительно от наличия на него спроса в рамках одной отдельно взятой многопользовательской онлайн игры.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод о том, что индустрия многопользовательских онлайн игр прочно вошла в жизнь людей, однако эта сфера деятельности остается практически неурегулированной в законодательстве.

Виртуальные игровые миры, в которых пользователи тратят настоящее время и деньги, остаются «территорией» урегулированной только пользовательским соглашением каждой отдельно взятой игры.

Урегулировать эту сферу общественных отношений будет возможно, когда законодателем будет определена правовая природа аккаунтов игр и внутриигрового имущества пользователей. Они могут быть определены как разновидность цифровых прав, если об этом будет прямо указано в соответствующем законе, тем более что, по совокупности признаков, такие объекты вполне могут быть отнесены к этой категории.

Также цифровые объекты многопользовательских игр могут быть выделены в отдельный вид

² Перепёлкина Я.А. «Виртуальное игровое имущество: перспективы правового урегулирования» // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 3 (29), сентябрь 2020 г.

объектов гражданского права, по аналогии с цифровым рублем, который изначально относился к категории цифровых прав.

А пока производители таких игр продолжают устанавливать правила, которые посчитают нужными, пользователи продолжают тратить время и деньги на свой страх и риск не имея гарантий, что завтра полюбившийся игровой проект не будет закрыт, а противоречивая судебная практика, которая складывается в настоящее время, вероятно, останется такой же противоречивой до тех пор, пока не будут приняты необходимые законодательные акты.

Литература

1. Казьмина А.Н. «Перспективы правового регулирования виртуального игрового имущества» // Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2022;
2. Левинзон В.С., Митин Р.К. «Правовое регулирование виртуального имущества» // «Закон и право», № 05, 2020;
3. Морозова И.Г., Курпякова С.И. К вопросу о классификации цифровых прав // Хозяйство и право, № 11, 2022;
4. Перепёлкина Я.А. «Виртуальное игровое имущество: перспективы правового урегулирования» // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 3 (29), сентябрь 2020 г.;
5. Решетняк С.Р. «Классификация цифровых прав» // Вестник экспертного совета, № 1 (24), 2021;
6. Торопцева А.Н. «Правовое регулирование виртуальных объектов, связанных с компьютерными играми, и защита прав пользователей» // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО Т. 5, № 3 (23), 2020;

7. Фатхи, В. И. «Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования» // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4.

THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL THINGS

Krashchenko V.N.

Russian State Academy of Intellectual Property

The article discusses issues of legal regulation of digital objects that can be defined as digital things, as well as issues of the scope of rights that the owners of such digital objects have. The volume of rights of persons acquiring such things, the possibilities of civil circulation of digital things, as well as the protection of their rights holders in accordance with the legislation of the Russian Federation are analyzed. It is concluded that at the current stage of development of the legal regulation of digital objects, persons purchasing digital things that have no analogues outside the digital world do not have sufficient powers to be called their owners.

Keywords: digital rights, civil law objects, virtual property, property in the game industry, virtual objects, utilitarian digital rights, civil rights objects, protection of user rights.

References

1. Kazmina A.N. "Prospects for the legal regulation of virtual gaming property" // All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2022;
2. Levinzon V.S., Mitin R.K. "Legal regulation of virtual property" // "Law and Law", No. 05, 2020;
3. Morozova I.G., Kurpyakova S.I. On the issue of classification of digital rights // Economy and Law, No. 11, 2022;
4. Perepelkina Y.A. "Virtual gaming property: prospects for legal regulation" // "Journal of the Intellectual Rights Court", No. 3 (29), September 2020;
5. Reshetnyak S.R. "Classification of digital rights" // Bulletin of the Expert Council, No. 1 (24), 2021;
6. Toroptseva A.N. "Legal regulation of virtual objects associated with computer games and protection of user rights" // ECONOMY. RIGHT. SOCIETY V. 5, No. 3 (23), 2020;
7. Fathi, V. I. "Legal status of virtual gaming property in the context of civil regulation" // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. – 2022. – Т. 9, No. 4.

Иск о признании зарегистрированного права отсутствующим как специальный способ защиты вещных прав

Мазарович Георгий Олегович,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: mazarovic.georgiy@gmail.com

В статье рассматривается специальный способ защиты вещных прав – иск о признании зарегистрированного права на недвижимую вещь в едином государственном реестре недвижимости (далее – «ЕГРН») отсутствующим, определяются и кратко анализируются особенности предъявления и обоснования соответствующих исковых требований. Приводится судебная практика и позиции высших судов в части оценки судами допустимости предъявления требований о признании зарегистрированного права отсутствующим, их трактовки в качестве надлежащего способа защиты права. Проводится сравнение иска о признании зарегистрированного права отсутствующим с общей конструкцией негаторных исков, оценивается обоснованность неприменения к подобным искам правил об исковой давности. Определяется круг лиц, наделенных правом предъявления требований об исключении права или обременения из ЕГРН, а также лиц, являющихся ответчиками по иску, приводятся некоторые фактические и теоретические примеры применения иска на практике. Автором вносится предложение по расширению подходов в судебной практике в части применения иска о признании отсутствующим зарегистрированного права как механизма защиты вещных прав с целью повышения его эффективности для участников соответствующих правоотношений.

Ключевые слова: признание зарегистрированного права отсутствующим, негаторный иск, вещное право, иск, владение, право собственности.

Ключевые способы защиты вещных прав в законодательстве Российской Федерации

Сегодня в российской правоприменительной практике наиболее распространенными способами защиты прав собственников или иных правообладателей объектов недвижимости являются два типа исков, прямо предусмотренных положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»): виндикационный и негаторный ([1], ст. ст. 301, 304). Так, при предъявлении виндикационного иска пострадавшее от нарушения имущественных прав лицо в судебном порядке требует вернуть ему незаконно изъятое (утраченное) имущество. Под негаторным же иском подразумевается требование, предъявляемое владельцем недвижимого имущества, о защите и восстановлении своего права, нарушенного третьим лицом, даже если спорный имущественный объект де-факто по-прежнему находится в распоряжении владельца. Кроме того, отличие между виндикационным и негаторным исками состоит в различном порядке применения срока давности: такой срок при подаче иска первой из указанных категорий является общим (трехлетним), а в отношении негаторных требований исковая давность не применяется в силу закона [1, ст. 208]. Действительно, в большинстве случаев указанных выше исков достаточно для надлежащей защиты правообладателей недвижимости от угроз их правомочиям собственников (или иных правообладателей), например, таких как фактическая утрата владения (в случае с виндикацией) или преграда в беспрепятственном пользовании (как в случае с негаторным иском).

Иск о признании зарегистрированного права отсутствующим как специальный способ защиты нарушенных прав

Вместе с тем гражданским законодательством также предусмотрен третий, значительно менее распространенный способ защиты прав, заключающийся в возможности предъявления требования об исключении из реестра недвижимости записей, наличие которых влечет или может повлечь за собой нарушение прав третьих лиц: иск о признании зарегистрированного права (обременения) отсутствующим.

Согласно ст. 12 ГК РФ, физические и юридические лица могут самостоятельно определять пути и способы реализации своих законных прав, при этом список используемых в рамках гражданского оборота методов защиты прав является от-

крытым, т.е. субъекты соответствующих правоотношений могут использовать и другие методы [1, ст. 9]. Развитие смысла и содержание совокупности указанных норм было получено, в частности, в Постановлении ВС РФ № 10 и ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (далее – «Постановление 10/22») [2]. Нарушенное право, как разъяснили высшие судебные органы, только при отсутствии возможности его защиты через признание права либо через требование из незаконного владения имуществом истца может быть восстановлено посредством подачи иска с требованием признать право (обременение) отсутствующим [2, п. 52].

Здесь, в частности, следует отметить, что высшие судебные органы устанавливают условия признания допустимости указанного требования: предъявление иска признаётся возможным, если право или обременение в ЕГРН зарегистрировано в отношении не относящегося к недвижимому имуществу объекта или при наличии реестровой ошибки, вследствие чего собственником объекта в реестре является одновременно два лица. Наконец, допустимо предъявление иска в случае, когда обременения фактически прекратились, однако запись о них по-прежнему сохраняется в сведениях ЕГРН.

Ключевые особенности предъявления и обоснования исковых требований о признании зарегистрированного права отсутствующим

При применении иска о прекращении записи в реестре в качестве инструмента защиты нарушенного права необходимо учитывать ряд особенностей, отличающих подобный тип иска от иных механизмов вещно-правовой защиты.

Так, упомянутой ранее позиции Пленума ВАС и ВС РФ, изложенной в Постановлении 10/22, подчеркивается исключительность случаев, в которых иск может быть предъявлен: лишь в случаях, когда другие способы защиты прав истца исчерпаны (неприменимы).

Кроме того, нормы об исковой давности применяются в отношении негаторных исков [1, ст. 208], в то время как иск о признании зарегистрированного права отсутствующим был прямо отнесен к таковым Президиумом ВАС РФ [3, п. 12] и Пленумом ВС РФ [4, п. 7]. Подобный подход к применению правил об исковой давности, безусловно, выглядит обоснованным: нераспространение срока давности применительно к негаторному иску обусловлено, в первую очередь, длящимся характером нарушения прав, что позволяет истцам предъявлять требования в любой момент времени, пока нарушение имеет место. Аналогично, запись о праве (обременении) в ЕГРН, зарегистрированное неправомерно, нарушает права действительного собственника или иного лица до момента исключения записи из реестра, то есть, в частности, до момента рассмотрения судом иска о применении зарегистрированного права отсутствующим

(в случае удовлетворения исковых требований). Тем не менее следует отметить, что приведенная выше позиция о квалификации исков о прекращении регистрации в отношении имущества как негаторных требований может быть оспорена; так, иск о признании права отсутствующим исключается из категории негаторных в работах Подшивалова Т.П., поскольку заключается не в обеспечении беспрепятственного пользования принадлежащим истцу имуществом, а в исправлении юридических помех [5].

Истцом по иску о признании отсутствующим зарегистрированного в реестре права, как правило, выступает владеющий имуществом собственник, право на которое зарегистрировано за другим лицом. При этом в некоторых случаях требование об исключении регистрационной записи третьего лица вправе предъявлять действительный арендатор имущества к лицу, в чью пользу незаконно зарегистрирована аренда в отношении этого же имущества, а также не владеющий собственник, не имеющий при этом возможности заявить виндикационное требование либо требование о признании права собственности [6].

Ответчиком по иску об оспаривании права или обременения (в отличие от исков о признании права, ответчиком по которым выступает регистрирующий орган), должно выступать лицо, чье право зарегистрировано в отношении имущества на момент подачи иска, либо стороны сделки, результатом которой стало неправомерное внесение записи в реестр [2, п. 53]. Государственный регистратор, в свою очередь, привлекается к участию в рассмотрении спора в качестве третьего лица.

С учетом изложенного выше, в рамках доказывания при подаче иска заинтересованному лицу, в зависимости от основания предъявления требований, может потребоваться обосновать и доказать неправомерность регистрации обременения или права собственности ответчика в отношении имущества, факт нарушения своих прав наличием соответствующей регистрационной записи, невозможность применения иных механизмов защиты права, а также, по общему правилу, факт фактического владения имуществом истцом.

Таким образом, значимость понимания истцами принципов и особенностей применения столь специфического способа защиты права невозможно переоценить: в случае, если основание предъявления иска не соответствует характеру нарушения права, со значительной долей вероятности в удовлетворении иска будет отказано по причине избрания истцом ненадлежащего способа защиты. В частности, по такому основанию должно быть отказано лицу, обращающемуся с требованием об исключении записи о праве ответчика из реестра в случае, если истец не является собственником спорного недвижимого имущества с точки зрения ЕГРН, фактически им не владеет (за исключением упомянутого случая о невозможности невладеющим собственником избрать альтернативный способ защиты права). В то же время исключи-

тельность иска о признании права или обременения отсутствующим неоднократно подчеркивалась высшими судебными инстанциями, указывающими на возможность его предъявления лишь в случае невозможности защиты права иными способами, предусмотренными законодательством [7], и, как следствие, требования, не соответствующие данному критерию, по общему правилу, удовлетворению не подлежат.

Некоторые случаи практического применения иска о признании зарегистрированного права отсутствующим

Таким образом, сфера применения такого способа вещно-правовой защиты как предъявление исковых требований о признании права отсутствующим существенно лимитирована позициями высших судебных инстанций и формализована, в частности, положениями Постановления 10/22. Вместе тем в некоторых случаях указанный способ защиты права успешно применяется истцами, а избрание соответствующего иска признается судами как надлежащий способ защиты права.

Так, в спорах по искам о сносе самовольных построек истцы (преимущественно государственные или муниципальные органы) вместе с требованием о сносе незаконного объекта заявляют и требование о признании права собственности ответчика на самовольную постройку отсутствующим (в частности, подобную комбинацию исковых требований успешно применяет Департамент городского имущества города Москвы). Суды, в случае удовлетворения иска, полагают допустимым такое сочетание требований, обязывая Росреестр снять с учета соответствующий объект или внести в него необходимые корректировки [8].

Кроме того, также подлежат удовлетворению иски об исключении из реестра записи о праве или обременении в случаях, когда такие право или обременение зарегистрированы в ЕГРН в отношении вещи, не являющейся недвижимостью, а такое обстоятельство нарушает права истца. Например, легко представить ситуацию, при которой правообладатель объекта движимого имущества (например, оборудования), ошибочно зарегистрированного в ЕГРН в качестве недвижимости, намерен совершить сделку по отчуждению такого объекта, однако при этом является лицом, связанным с недружественными государствами в значении действующего контрасанкционного регулирования. Подобный статус налагает дополнительные обязательства на стороны сделок, связанных с отчуждением или приобретением объектов недвижимости по соглашениям с лицами, связанными с недружественными государствами, а именно – налагает обязанность по получению разрешения на совершение таких сделок со стороны правительственной комиссии в установленном порядке [9, 10]. В свою очередь, сделки с движимым имуществом подобным образом не урегулирова-

ны и не требуют особого порядка совершения. Таким образом, ошибочно зарегистрированное право и государственный кадастровый учет движимой вещи как недвижимой очевидно нарушает права его собственника, поскольку получение одобрения правительственной комиссии влияет как минимум на срок совершения сделки. Как следствие, в рассмотренном случае надлежащим образом защитить права собственника объекта, либо его потенциального покупателя может лишь суд в случае признания обоснованным требования истца о признании права в отношении имущества отсутствующим.

Тенденции судебной практики и возможные векторы ее развития при применении иска о признании права отсутствующим

Резюмируя изложенное в настоящей статье, требования об исключении из реестра записи о праве или обременении лицами, чьи права нарушаются наличием соответствующих регистрационных записей, являются исключительным, узкоспециализированным способом защиты в силу его правовой природы, сформировавшейся позициями высших судов, а также судебной практикой. Фактически являясь реализацией общих принципов о защите гражданских прав [1, ст. 12], иск о признании зарегистрированного права (обременения) отсутствующим является при этом применимым лишь в конкретных и специальных случаях, прямо поименованных, в частности, в Постановлении 10/22, а любое отклонение от таких случаев, по общему правилу, влечет за собой отказ в удовлетворении заявленного иска со ссылкой на выбор заинтересованным лицом ненадлежащего способа защиты права.

С одной стороны, подобный подход судов в большинстве случаев является справедливым, поскольку истцы действительно не всегда верно оценивают характер нарушенных прав и, как следствие, определяют механизм для их защиты. С другой стороны, кажущаяся недвусмысленной позиция законодателя и высших судов (а точнее – ее трактовка и имплементация судами на практике), направленная на установление крайне узкой сферы применения иска об исключении из ЕГРН записи о праве или обременения, по мнению автора, не всегда позволяет защитить права граждан и юридических лиц надлежащим образом. Так, в силу того, что исходя из буквального толкования п. 54 Постановления 10/22, правом на иск о признании права отсутствующим заинтересованные лица наделяются лишь в исключительных случаях, когда невозможно предъявить либо иск о признании права, либо иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения, иные основания исковых требований интерпретируются судами в качестве ненадлежащего способа защиты нарушенного права.

В то же время кажется обоснованным и рациональным при рассмотрении дел судами также

распространить принцип применимости данного способа вещно-правовой защиты и на случаи, когда наличие записи в реестре влечет за собой нарушение прав или угрозу их нарушения для лица, не являющегося действительным собственником или арендатором имущества, в отношении которого зарегистрировано право или обременение отчета.

Например, в случаях, когда владелец объекта недвижимости, в действительности являющегося движимой вещью, намерен извлекать прибыль из такого статуса объекта путем понуждения смежных землепользователей к установлению сервитута в отношении данного объекта, ответчики по таким искам, не являющиеся собственниками объекта, должны быть наделены правом подачи иска о признании отсутствующим права в отношении объекта третьего лица, в действительности не являющегося объектом недвижимости. Подобный подход кажется обоснованным по смыслу положений земельного законодательства, согласно которым действия, нарушающие права на землю юридических лиц или создающие угрозу их нарушения, могут быть пресечены путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права [11, п. 2, ст. 60], в то время как иск об исключении нарушающей право истца записи из реестра в данном случае направлен на пресечение угрозы правам землепользователей, одновременно являясь разновидностью иска о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=464683&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Дата обращения 01.05.2024);
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 N 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=143244&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Дата обращения 01.05.2024);
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=388270&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Дата обращения 01.05.2024);
5. Подшивалов Т.П., Соотношение иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. N 8. С. 39–42;
6. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.04.2014 по делу N А32–14032/2013 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [A32–14032–2013_20140401_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf](https://arbitr.ru/kassacionnoj_instancii/pdf) (arbitr.ru) (Дата обращения 28.04.2024);
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2021 N 305-ЭС20–12714 по делу N А41–46643/2019 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [A41–46643–2019_20210415_Opredelenie.pdf](https://arbitr.ru/A41-46643-2019_20210415_Opredelenie.pdf) (arbitr.ru) (Дата обращения 28.04.2024);
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 04.07.2023 по делу N А40–342419/19–150–2457 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/da0f423ffc4d-48b5-811c-54ed6ee5f216> (Дата обращения 28.04.2024);
9. Указ Президента РФ от 01.03.2022 N 81 (с изм. от 09.08.2023) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=410578&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Дата обращения 01.05.2024);
10. Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 09.08.2023) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=418821&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Дата обращения 01.05.2024);
11. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ.

CLAIM FOR RECOGNITION OF REGISTERED RIGHTS AS BEING ABSENT AS A SPECIAL TYPE OF PROPERTY RIGHTS' PROTECTION

Mazarovich G.O.

Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

The paper is devoted to the special type of property rights' protection – claim for recognition of rights, registered in the unified state real estate register (EGRN), as being absent, identifies and briefly analyses the features of sue and legal ground of the corresponding claim requirements. Appropriate case law and the positions of superior courts are given in terms of the courts' assessment of the claims for recognition of the registered right as being absent as admissible, their interpretation as a proper way of rights' protection. The paper provides a comparison of the claim for recognition of the registered right as being absent with the overall structure of negatory actions, assesses the feasibility of non-application of the rules on limitation

period to such claims. The article's author defines the scope of persons, empowered to file a claim for recognition of the registered right as being absent, as well as the defendants under a claim, provides some examples of practical claim's application. Some proposals on improving of case law with respect to the claim for recognition of the registered right as being absent as a way of property rights' protection to increase its efficiency for the relevant legal relations' participants are given in the paper as well.

Keywords: recognition of the registered right as being absent, negatory action, property law, claim, possession, right of ownership.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994;
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10/22 «On certain issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights» dated April 29, 2010 // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=464683&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Date of access: 05/01/2024);
3. The information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 153 «Review of the case law on certain issues of the owners rights' protection against non-dispossession violations» dated January 15, 2013 // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=143244&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Date of access: 05/01/2024);
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 «On certain issues related to the application of norms of the Civil Code of the Russian Federation regarding the term of limitation of legal actions» dated September 29, 2015 // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=388270&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Date of access: 05/01/2024);
5. T.P. Podshivalov, «The Correlation Between a Claim for the Acknowledgment of a Proprietary Right Absent and Other Means of Protection» // Arbitration and civil proceedings, 2020, No. 8., p.p. 39–42;
6. Ruling of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus District in the case No. A32–14032/2013 dated April 1, 2014 // [Electronic resource] – Access mode – URL: [A32–14032–2013_20140401_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf](https://kad.arbitr.ru/Card/a0f423f-fcad-48b5-811c-54ed6ee5f216) (arbitr.ru) (Date of access: 04/28/2024);
7. Resolution of the Chamber for Commercial Disputes at the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ЭС20–12714 in the case No. A41–46643/2019 dated April 15, 2021 // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/da0f423f-fcad-48b5-811c-54ed6ee5f216> (Date of access: 04/28/2024);
8. Ruling of the Arbitration Court of Moscow in the case No. N A40–342419/19–150–2457 dated July 04, 2023 // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/da0f423f-fcad-48b5-811c-54ed6ee5f216> (Date of access: 04/28/2024);
9. The Decree of the President of the Russian Federation No. 81 dated March 1, 2022 (as amended on 08/09/2023) «On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation» // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=410578&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024> (Date of access: 05/01/2024);
10. The Decree of the President of the Russian Federation No. 79 dated February 28, 2022 (as amended on 08/09/2023) «On the Application of Special Economic Measures in Response to the Unfriendly Actions of the United States of America, Other Foreign States and International Organizations Involved in the Anti-Russia Sanctions» // [Electronic resource] – Access mode – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=418821&dst=100009&date=01.05.2024> (Date of access: 05/01/2024);
11. The Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001.

Взыскание компенсации за потерю времени как санкция за злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе

Минаков Станислав Константинович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
E-mail: lawyer_minakov@mail.ru

В статье рассматривается проблема злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе и роль института компенсации за потерю времени (ст. 99 ГПК РФ) как санкции за такие злоупотребления. Автор анализирует современное законодательное регулирование и судебную практику по вопросам взыскания компенсации за потерю времени, выявляя существующие проблемы правоприменения. Отмечается, что действующая редакция ст. 99 ГПК РФ порождает неопределенность в понимании юридической сущности данной компенсации. Эксперты предлагают различные пути совершенствования законодательства, включая введение дополнительных штрафных санкций за неоправданную задержку рассмотрения дел. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к противодействию процессуальным злоупотреблениям через совершенствование законов, повышение правовой грамотности участников и эффективное применение мер ответственности. Автор обобщает позиции, сформулированные в судебной практике, касающиеся вопросов доказывания права на компенсацию, порядка ее исчисления и взыскания в качестве судебных расходов. Особое внимание уделяется требованию подтверждения финансовых потерь в результате личного присутствия в судебных заседаниях.

Ключевые слова: компенсация за потерю времени, злоупотребление процессуальными правами, гражданский процесс, судебная практика, статья 99 ГПК РФ, правовое регулирование, судебные издержки

Вопрос компенсации за потерю времени в рамках гражданского судопроизводства вызывает серьезные дискуссии в юридическом сообществе. В то же время, судебная практика по применению ст. 99 Гражданского процессуального кодекса РФ (Далее – ГПК РФ), регулирующей данный вопрос, характеризуется неоднозначностью из-за ряда проблем, связанных с толкованием ее положений и взаимодействием с другими нормами процессуального права. В связи с этим в юридической науке предлагаются различные пути совершенствования правового регулирования, направленные как на уточнение действующей нормы, так и на ее реформирование с целью повышения эффективности противодействия злоупотреблениям процессуальными правами в ходе судебного разбирательства.

Массовое распространение злоупотребления правом представляет собой значительную проблему в сферах общественной жизни, права, социальной среды и профессиональной деятельности. Для борьбы с этим явлением применяются разнообразные методы, среди которых ключевым является законодательное установление запрета на злоупотребление правами и определение санкций за его нарушение [2].

Проблематика злоупотребления процессуальными правами приобретает особую актуальность в контексте юридических взаимоотношений, где осуществляются ключевые конституционные гарантии, такие как право на судебную защиту и доступ к квалифицированной юридической помощи [23]. Нарушения процессуального характера представляют собой одни из наиболее распространенных и значимых проблем в сфере гражданского процессуального права. Подобные злоупотребления подрывают эффективность судопроизводства, создавая препятствия для корректного и оперативного рассмотрения гражданских дел. Более того, они способствуют укреплению правового нигилизма в обществе и культивируют пренебрежительное отношение к закону и судебной системе в целом.

Для эффективного противодействия данной проблеме требуется комплексный подход, включающий совершенствование законодательной базы, повышение правовой грамотности участников процесса и укрепление механизмов судебного контроля. Кроме того, важную роль играет последовательное применение мер ответственности за злоупотребление процессуальными правами, что будет способствовать формированию атмосферы неприятия подобных действий и укреплению авторитета судебной системы [29].

В отечественном гражданско-процессуальном законодательстве предусмотрен ряд мер против процессуальных злоупотреблений, включая компенсацию за потерю времени (ст. 99 ГПК РФ), возмещение издержек при недобросовестном ограничении дееспособности (ч. 2 ст. 284 ГПК РФ), взыскание судебных расходов за подачу заведомо ложных заявлений (ч. 2 ст. 319 ГПК РФ) и отказ в принятии новых доказательств апелляционным судом [7].

Большинство имеющихся институтов ограничены в применении из-за их специализированной и узкой направленности, что затрудняет их широкое использование для предполагаемых целей. В отличие от них, механизм компенсации за потерю времени выступает как универсальный способ борьбы с процессуальными злоупотреблениями и обладает значительными возможностями для применения в различных аспектах судопроизводства, включая пересмотр судебных решений на всех уровнях. Согласно статье 99 ГПК РФ, в случаях, когда сторона выдвигает необоснованные требования или споры, или систематически мешает корректному и своевременному разбирательству дела, суд вправе наложить на нее обязательство выплатить другой стороне компенсацию за потерю времени. Сумма такой компенсации устанавливается судом на основе разумности и учитывая специфику ситуации.

Тем не менее, реальное влияние и полезность этого юридического механизма не оправдали первоначальных ожиданий. В 2006 году И.Р. Медведев дал оценку механизму компенсации за потерю времени, утверждая, что статья 99 ГПК РФ оказалась неэффективной и используется судами крайне редко [25].

Полагаем, целесообразно в процессе научного осмысления заявленной проблематики, порассуждать о причинах сложившейся ситуации.

Нормативно-правовое регулирование, установившее лишь базовые принципы и оперирующее терминами, не нашедшими официального толкования, оказалось чрезмерно фрагментарным и недостаточно проработанным. Такой подход не позволил сформировать устойчивую судебную практику на протяжении более двух десятилетий, а отдельные случаи применения статьи 99 ГПК РФ не смогли удовлетворить растущие потребности в противодействии процессуальным злоупотреблениям.

Также стоит отметить наличие других сложностей в применении данной юридической нормы. Одной из таких проблем является установление круга лиц, которые могут требовать компенсацию за потерю времени.

Основываясь на буквальном толковании статьи 99 ГПК РФ, следует заключить, что право на такую компенсацию могут иметь только непосредственные участники дела. Однако, учитывая, что компенсация за потерю времени относится к категории судебных расходов (согласно статье 94 ГПК РФ), существуют аргументы в пользу того, что к этой категории субъектов могут быть отнесены и третьи лица.

В соответствии с пунктами 2 и 6 решения Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 года № 1, «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [8] (далее – Постановление Пленума № 1), третьи лица наравне с основными участниками процесса имеют право на компенсацию судебных расходов [1]. Кроме того, на третьих лиц может быть наложена обязанность возместить затраты на время другим участникам дела, если их действия носили систематический характер препятствования корректному и своевременному разбирательству дела, что может быть связано с их процессуальным положением.

Одним из ключевых факторов, способствующих неэффективности механизма возмещения убытков за потраченное время, является недостаток законодательного урегулирования критериев для его применения и методов расчета соответствующих сумм. Это привело к разногласиям и неоднозначности в судебной практике по этим вопросам.

В судах общей юрисдикции применяется подход, требующий от участников гражданских дел подтверждения финансовых потерь, возникших в результате необходимости личного присутствия на судебных заседаниях. Это требование подкреплено решениями Конституционного Суда РФ и включено в практику как часть судебных расходов. Согласно Постановлению Пленума № 1, истцы должны доказать эти расходы и их прямую связь с процессом для получения компенсации. Возмещение времени и упущенного дохода предоставляется только при наличии доказательств прямых финансовых потерь [9, 10, 11]. Подобной позиции придерживаются и в арбитражных судах [12, 13].

Второй подход основывается на строгом следовании статье 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая не накладывает дополнительных условий для назначения компенсации за потерю времени. Это предоставляет суду свободу в определении размера такой компенсации. Закон не требует, чтобы сторона, претендующая на компенсацию, доказывала потерю доходов или другие убытки. Правовая основа этой компенсации заключается в потере времени, которая может произойти даже если человек не работает и занимается управлением домашним хозяйством. К тому же, данная компенсация может быть присуждена в дополнение к стандартному возмещению судебных расходов [14].

Статья 99 ГПК РФ не требует, чтобы размер компенсации за потерю времени соответствовал фактически понесенным убыткам или упущенной выгоде. Вместо этого, она допускает получение справедливой компенсации, не связанной с конкретными финансовыми потерями [9].

Хотя вторая стратегия кажется более логичной и соответствует прямому толкованию статьи 99 ГПК РФ, облегчая тем самым её широкое и эффективное применение судами для достижения основной цели – предотвращения процессуальных нарушений, ее применение на практике оста-

ется исключением. Основная трудность, связанная с механизмом компенсации за потерю времени, заключается в методике определения ее размера. По условиям статьи 99 ГПК РФ, суд устанавливает размер компенсации в пределах, которые считает разумными, исходя из конкретных обстоятельств дела. Тем не менее, дословное следование этой норме возможно лишь при выборе судом второго подхода, при котором конечный размер компенсации определяется на усмотрение суда.

Однако, несмотря на то, что современное российское законодательство не содержит явных указаний на необходимость прямой связи между процессуальными действиями и финансовыми потерями, судебная практика часто требует от участников судебного разбирательства предъявления конкретных доказательств того, что их участие в процессе напрямую привело к потере доходов или иным финансовым убыткам. Это подход соответствует основной концепции компенсации за потерю времени, которая была заложена при формировании соответствующего правового регулирования в сфере гражданского процессуального права.

Юридическая база для такого подхода была заложена ещё в советский период, как это отражено в примечании 2 к статье 46 ГПК РСФСР 1923 года, где предусматривалось, что размер компенсации за потерю рабочего времени должен коррелировать со средним заработком участника процесса. Таким образом, логика законодателя заключалась в том, чтобы обеспечить справедливую компенсацию за время, потраченное на участие в судопроизводстве, не допуская при этом необоснованного обогащения за счёт судебной системы.

Пределы такой компенсации были чётко ограничены: выплаты не должны были превышать пять процентов от суммы, присужденной или отклоненной по иску. Это ограничение служило двум целям: во-первых, предотвращало диспропорциональное вознаграждение по сравнению с основными требованиями дела, и во-вторых, минимизировало финансовую нагрузку на проигравшую сторону, тем самым поддерживая баланс интересов обеих сторон в процессе [5].

В соответствии со статьей 92 ГПК РСФСР от 1964 года, определялось, что компенсация за потерянное рабочее время должна рассчитываться исходя из средней заработной платы, при этом ограничивалась максимумом в пять процентов от суммы, которую суд удовлетворил по исковым требованиям [6].

Из-за отсутствия конкретных ограничений в статье 99 ГПК РФ по вопросу субъектов, имеющих право на получение компенсации за потерю времени, судебная система сталкивается с расширенными возможностями в присуждении таких выплат. Так, компенсацию могут получать не только физические лица, но и юридические, а также государственные организации. Это разнообразие потенциальных получателей затрудняет процесс определения адекватного размера компенсации, поскольку различные типы субъектов могут нести

разнообразные виды убытков. Хотя статья 99 не предусматривает специфические критерии для возмещения убытков, связанных с злоупотреблением процессуальными правами, на практике некоторые суды прибегают к более широкому толкованию данного положения. Однако для того чтобы компенсация была присуждена, необходимо, чтобы заявитель действительно понес какие-либо материальные или иные значимые затраты. В случаях, когда доказательства злоупотребления процессуальными правами являются убедительными, но при этом не привели к финансовым потерям для противоположной стороны, суды, как правило, отказывают в выплате компенсации за потерю времени. Эта практика подчеркивает необходимость наличия непосредственной экономической вредности для присуждения компенсаций, что является существенным условием для эффективного применения статьи 99 ГПК РФ [16, 12].

Этот вопрос вызывает много споров, но его анализ необходим для понимания существующих подходов в судебной практике. Вероятно, основные причины такой практики заключаются в неясности юридической сущности возмещения за реально потраченное время. Трудно точно определить, какое значение законодатель вкладывал в это понятие. С одной стороны, в контексте ГПК РФ статья 99 находится в главе 7 раздела I, посвященной судебным издержкам, и согласно статье 94 ГПК РФ, компенсация за потерю времени рассматривается как расходы, связанные с рассмотрением дела. С другой стороны, содержание статьи 99 ГПК РФ указывает на негативные последствия (санкции) за нарушения, проистекающие из недобросовестного поведения.

В академических кругах сложились две представляющие интерес теории относительно юридического смысла возмещения за утраченное время. Первая теория утверждает, что такое возмещение следует рассматривать исключительно как элемент судебных издержек [21]. Вторая теория предлагает видеть в компенсации за потерю времени меру правовой ответственности за неэтичное поведение участников гражданского процесса, трактуя это как конкретный тип правонарушения, и аргументирует, что это должно интерпретироваться в контексте положений части первой статьи 35 ГПК РФ [28].

Законодательная неопределенность приводит к разнообразию теоретических и правовых интерпретаций изучаемых норм, а также к несогласованности в судебной практике по соответствующим типам дел. В частности, суды, которые трактуют компенсацию за реально утраченное время как часть судебных издержек, в своих постановлениях отмечают необходимость для истца доказать, что из-за неправомерных действий противной стороны он потерпел убытки, такие как потеря дохода, зарплаты или другие расходы. Следовательно, требование о компенсации за время предполагает подтверждение материальных убытков и других затрат, причем суд должен оценить их на предмет

связи с делом, необходимости и обоснованности согласно статье 99 ГПК РФ [16]. В то же время, те суды, что рассматривают компенсацию за потерю времени как вид ответственности за злоупотребление правами, указывают на возможность присуждения такой компенсации в соответствии со статьей 99 ГПК РФ, даже если имущественные потери не были доказаны, то есть помимо стандартно возмещаемых расходов [18].

Таким образом, анализ юридического статуса возмещения за фактическую потерю времени представляет собой весьма актуальную задачу, имеющую значительные практические последствия. Это связано с тем, что понимание правовых основ возмещения определяет, как условия его применения, так и методику расчета соответствующих сумм. Рассматривая возмещение временных потерь как составляющую судебных расходов, можно выделить несколько ключевых аспектов для его взыскания. Во-первых, необходимо учитывать фактические потери, которые сторона понесла в результате участия в судебном разбирательстве. В этом контексте важно подчеркнуть, что судебные издержки должны охватывать все виды расходов, включая как прямые финансовые затраты, так и косвенные убытки, возникшие у участников процесса.

При определении размера компенсации за потерю времени следует исходить из реальных экономических потерь, понесенных стороной. Это предполагает не только прямое возмещение упущенной выгоды, но и компенсацию за невозможность использования времени по собственному усмотрению, что может включать как потерю дохода, так и личное время, потраченное на участие в длительных судебных процедурах. Основываясь на этих принципах, суды могут обеспечить справедливое и обоснованное возмещение, которое отражает не только финансовые, но и временные затраты, связанные с защитой прав и интересов в судебной системе.

Компенсация за потерю времени может рассматриваться как юридическая ответственность за злоупотребление процессуальными правами, при этом для взыскания не всегда требуется наличие имущественных затрат. Размер компенсации определяется судом на основе разумности и справедливости, исходя из характера правонарушения. Статья 99 ГПК РФ подчеркивает, что такая компенсация также направлена на возмещение убытков из-за злоупотреблений, требующих присутствия на суде. Однако, комбинирование многих функций в одной норме затрудняет ее эффективное применение, как указывает М.В. Калинина [22].

В научных исследованиях неоднократно предлагались идеи для улучшения эффективности статьи 99 ГПК РФ. Некоторые авторы выдвинули предложение о перемещении положений о компенсации за утраченное время в раздел, касающийся судебных штрафов [27]. Они считают, что такое изменение более адекватно отразит суть данной ком-

пенсации как меры ответственности за нарушения в процессуальной деятельности.

Некоторые эксперты утверждают, что простое перераспределение статьи о компенсации в ГПК РФ не приведет к улучшению ситуации. Они предлагают ввести дополнительную статью, налагающую штраф за задержку в рассмотрении дел, аргументируя это тем, что нечестное поведение одной из сторон зачастую приводит к ненужным затратам времени не только для противоположной стороны, но и для суда [19]. Хотя этот подход в целом поддерживается, следует отметить, что сохранение текущей редакции статьи 99 ГПК РФ не устраняет неопределенности в юридической сущности компенсации за потерю времени.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что механизм компенсации за потерю времени, предусмотренный статьей 99 ГПК РФ и задуманный как эффективная санкция за злоупотребление процессуальными правами, на практике оказался недостаточно эффективным и редко используется судами. Это связано с фрагментарностью и недостаточной проработанностью нормативного регулирования, а также отсутствием устойчивой судебной практики и неопределенностью ключевых понятий, что приводит к разночтениям при её применении. Для улучшения ситуации необходимо совершенствовать правовое регулирование, включая уточнение или реформирование действующей нормы, учитывая обсуждения в юридическом сообществе. Таким образом, механизм взыскания компенсации за потерю времени требует дальнейшей доработки и усовершенствования законодательства.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 19.04.2024).
2. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
5. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 18.04.2024).
6. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утвержден Верховным Советом РСФСР

- 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 № 137-ФЗ) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 18.04.2024).
7. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 7.
  8. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 18.04.2024).
  9. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 29.08.2012 по делу № 33–3531/2012.
  10. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2021 по делу № 8Г-28286/2021[88–26647/2021].
  11. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.09.2021 по делу № 8Г-13471/2021[88–13900/2021].
  12. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.07.2021 № Ф06–6212/21 по делу № А55–5076/2020.
  13. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2021 № 05АП-6981/21 по делу № А51–2780/2020.
  14. Определение Нижегородского областного суда от 29.11.2011 по делу № 33–11957.
  15. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 12.04.2016 по делу № 33–6352/2016.
  16. Решение Промышленного районного суда г. Самары от 16.07.2020 по делу N 2–3376/2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/XhUAzPkXQlxv/> (дата обращения: 21.12.2022).
  17. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.07.2021 по делу N А55–5076/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GzrENCwWJrJR/> (дата обращения: 21.12.2022).
  18. Определение Нижегородского областного суда от 29.11.2011 по делу N 33–11957 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/f6cNWkiePjgw/> (дата обращения: 21.12.2022).
  19. Батурина, Н.А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени / Н.А. Батурина // Российский судья. – 2022. – № 6. – С. 14.
  20. Бортникова, Н.А. Компенсация за фактическую потерю времени как разновидность судебных издержек в гражданском судопроизводстве / Н.А. Бортникова // Общество. Закон. Правосудие. – 2021. – № 2(51). – С. 24–25.
  21. Евсеев Е.Ф. Некоторые вопросы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском процессе // Адвокат. 2013. N 12. С. 36.
  22. Калинина, М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения / М.В. Калинина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 6. – С. 23.
  23. Марченко, А.Н. Злоупотребление процессуальным правом в гражданском судопроизводстве: проблемы квалификации / А.Н. Марченко // Российский юридический журнал. – 2019. – № 3. – С. 128–133.
  24. Матвеева, Е.С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации составительного начала / Е.С. Матвеева // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 2. – С. 20–31.
  25. Медведев И.Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 135–142.
  26. Шишмарева, Т.П. Способы противодействия злоупотреблению правами участниками процедур несостоятельности (банкротства) / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 2. – С. 74–82.
  27. Шмотин, К.С. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / К.С. Шмотин. – М., 2018. – С. 135.
  28. Борисенко Ю.С. Проблемы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве и основные направления их устранения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. N 2(41).
  29. Юдин, А.В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями / А.В. Юдин // Закон. – 2022. – № 7. – С. 30.

RECOVERY OF COMPENSATION FOR LOSS OF TIME AS A SANCTION FOR ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS IN CIVIL PROCEEDINGS

Minakov S.K.

Novosibirsk state university of economics and management «NINH»

The article examines the problem of abuse of procedural rights in civil proceedings and the role of the institution of compensation for loss of time (Article 99 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation) as sanctions for such abuses. The author analyzes modern legislative regulation and judicial practice regarding the collection of compensation for loss of time, identifying existing problems of law enforcement. It is noted that the current version of Art. 99 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation creates uncertainty in understanding the legal essence of this compensation. Experts propose various ways to improve legislation, including the introduction of additional penalties for unjustified delays in the consideration of cases. The need for an integrated approach to combating procedural abuses through improving laws, increasing the legal literacy of participants and the effective application of liability measures is emphasized. The author summarizes the positions formulated in judicial practice concerning the issues of proving the

right to compensation, the procedure for calculating it and collecting it as legal expenses. Particular attention is paid to the requirement to confirm financial losses as a result of personal presence at court hearings.

Keywords: compensation for loss of time, abuse of procedural rights, civil proceedings, judicial practice, Article 99 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, legal regulation, court costs.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on April 6, 2024) [Electronic resource] // Access: ATP "Consultant Plus Prof" (Date of access: 04/19/2024).
2. On the referendum of the Russian Federation: Federal constitutional law of June 28, 2004 No. 5-FKZ // SZ RF. 2004. No. 27. Art. 2710.
3. On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ // SZ RF. 2006. No. 19. Art. 2060.
4. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ // SZ RF. 2020. No. 31 (part I). Art. 5007.
5. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of July 10, 1923 (as amended on January 31, 1958) "On the implementation of the Civil Procedure Code of the R.S.F.S.R." (together with the "Civil Procedure Code of the R.S.F.S.R.") [Electronic resource] // Access: ATP "Consultant Plus Prof" (Date of access: 04/18/2024).
6. Civil procedural code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on June 11, 1964) // Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 407 (lost force due to the adoption of Federal Law No. 137-FZ of November 14, 2002) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (Date of access: 04/18/2024).
7. On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the appellate court: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2021 No. 16 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2021. – No. 7.
8. On some issues of application of legislation on reimbursement of costs associated with the consideration of a case: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 21, 2016 N 1 [Electronic resource] // Access: ATP "Consultant Plus Prof" (Date of access: 04/18/2024).
9. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Vologda Regional Court dated August 29, 2012 in case No. 33–3531/2012.
10. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated November 23, 2021 in case No. 8G-28286/2021[88–26647/2021].
11. Ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated September 23, 2021 in case No. 8G-13471/2021[88–13900/2021].
12. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated July 27, 2021 No. F06–6212/21 in case No. A55–5076/2020.
13. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated December 7, 2021 No. 05AP-6981/21 in case No. A51–2780/2020.
14. Ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court dated November 29, 2011 in case No. 33–11957.
15. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Sverdlovsk Regional Court dated April 12, 2016 in case No. 33–6352/2016.
16. Decision of the Industrial District Court of Samara dated July 16, 2020 in case No. 2–3376/2020 [Electronic resource]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/XhUAzPkXQlXv/> (access date: 12/21/2022).
17. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated July 27, 2021 in case No. A55–5076/2020 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GzrENCwWJrJR/> (access date: 12/21/2022).
18. Determination of the Nizhny Novgorod Regional Court dated November 29, 2011 in case No. 33–11957 [Electronic resource]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/f6cNWkiePjgw/> (access date: 12/21/2022).
19. Baturina, N.A. Some reasons for the ineffectiveness of the norm of procedural law on the collection of compensation for actual loss of time / N.A. Baturina // Russian Judge. – 2022. – No. 6. – P. 14.
20. Bortnikova, N.A. Compensation for actual loss of time as a type of legal costs in civil proceedings / N.A. Bortnikova // Society. Law. Justice. – 2021. – No. 2(51). – pp. 24–25.
21. Evseev E.F. Some issues of collecting compensation for actual loss of time in civil proceedings // Lawyer. 2013. N 12. P. 36.
22. Kalinina, M.V. Compensation for actual loss of time: problems of law enforcement / M.V. Kalinina // Arbitration and civil process. – 2010. – No. 6. – P. 23.
23. Marchenko, A.N. Abuse of procedural law in civil proceedings: problems of qualification / A.N. Marchenko // Russian Legal Journal. – 2019. – No. 3. – P. 128–133.
24. Matveeva, E.S. Causes and conditions of abuse of law in the legal process of Russia in the light of the costs of implementing the adversarial principle / E.S. Matveeva // Current problems of Russian law. – 2022. – No. 2. – P. 20–31.
25. Medvedev I.R. Civil procedural liability: some problems // Journal of Russian Law. – 2006. – No. 7. – P. 135–142.
26. Shishmareva, T.P. Methods of countering the abuse of rights by participants in insolvency (bankruptcy) procedures / T.P. Shishmareva // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2021. – No. 2. – P. 74–82.
27. Shmotin, K.S. Legal expenses in civil proceedings: dis. ...cand. legal Sciences / K.S. Shmotin. – M., 2018. – P. 135.
28. Borisenko Yu.S. Problems of collecting compensation for actual loss of time in civil proceedings and the main directions for their elimination // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2020. N 2(41).
29. Yudin, A.V. Distinction between abuses of procedural rights in the civil process and related legal phenomena / A.V. Yudin // Law. – 2022. – No. 7. – P. 30.

Возможности и ограничения применения института материальной консолидации при банкротстве предпринимательской группы: обобщение опыта США

Моисеенко Светлана Андреевна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: s.moiseenko@g.nsu.ru

Сомова Ольга Владимировна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: s.moiseenko@g.nsu.ru

Широкое распространение практики ведения бизнеса через создание предпринимательских групп детерминирует актуальность изучения механизмов несостоятельности групп компаний. Статья посвящена анализу института материальной консолидации (substantive consolidation) при банкротстве предпринимательских групп. Материальная консолидация представляет собой эффективный механизм, позволяющий противостоять крайнему смещению активов участников групп компаний и добиться справедливого распределения активов группы при удовлетворении требований кредиторов, а также сократить издержки, сопутствующие сегрегированному банкротству. Однако применение данного радикального механизма сопряжено со многими рисками, которые анализируются в работе. В статье рассматриваются подходы, разработанные в практике США, к определению оснований проведения консолидированного банкротства. В работе анализируются основные тезисы противников внедрения правил о материальной консолидации, а также излагаются возможные контраргументы на данные тезисы.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); корпорация; предпринимательские группы; материальная консолидация; процессуальная консолидация; принцип самостоятельности юридического лица.

Принцип самостоятельности юридического лица (separate legal personality principle) заключается в том, что корпорация рассматривается «в качестве полноценного субъекта права, существующего наряду и независимо от участников (членов)» [1, с. 9]. То есть независимость юридического лица проявляется в возможности самостоятельно отвечать по своим обязательствам обособленным от учредителей имуществом, а также, обладая собственной волей, действовать в своем интересе [2, с. 35]. Сущность ограниченной ответственности заключается в том, что обязательства компании являются юридической ответственностью компании. Участники корпорации не несут личной ответственности в дополнение к полной стоимости уже приобретенных акций / долей участия в уставном капитале [3, р. 24]. Согласно ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом», учредитель (участник) корпорации в это время «не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника)» [4]. Провозглашение данного принципа, представляющего в экономическом смысле определенные привилегии для корпорации, имело целью стимулирование ведения бизнеса и продиктовано потребностью в привлечении капитала для крупных производств [5, р. 4]. Ограничение ответственности участников корпорации, выразившееся в возложении на них риска утраты лишь фиксированного размера вкладов, внесенных в уставной капитал корпорации, получило признание в качестве основного свойства корпоративных организационно-правовых форм [6]. Однако в настоящее время ограниченная ответственность юридического лица вышла за рамки своей первоначальной задачи – оградить конечного инвестора от долгов предприятия и весьма часто используются участниками корпорации недобросовестно, в том числе в целях обмана кредиторов. В данном случае возникает вопрос, стоит ли всегда непреклонно следовать принципу ограниченной ответственности и независимости корпорации или же существуют основания для законного отступления от данных принципов и возложения ответственности перед кредиторами на участников компании. Особенно актуальным данный вопрос становится с учетом распространения практики создания предпринимательских групп.

Существенный удельный вес предпринимательских групп на рынке является характерной чертой

экономик развитых государств. Под предпринимательской группой следует понимать совокупность юридических лиц, связанных между собой отношениями контроля и осуществляющих предпринимательскую деятельность под централизованным управлением контролирующего лица [7, с. 38]. Ограниченная ответственность способствует приобретению холдингами возможности предотвращать привлечение материнской компании, выступающей в качестве держателя основных активов, к ответственности с помощью искусственного дробления бизнеса на дочерние предприятия, обладающие корпоративной автономией лишь номинально. В рамках групп компаний наблюдается транзитное перемещение средств [8], прибыль в таком случае перераспределяется между участниками предпринимательских групп без каких-либо разумных экономических оснований [9]. В контексте регулирования несостоятельности существование подобной практики поднимает вопрос о возможности внедрения правил о консолидированном банкротстве групп компаний.

Банкротство предпринимательских групп не получило отражения в российском законодательстве. Попытка внедрения данного института была принята в 2011 году и отражена в законопроекте Минэкономразвития «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Данный законопроект предусматривал определение понятий «контролирующее лицо» и «предпринимательская группа» и внедрение института процессуальной консолидации, т.е. объединенной процедуры банкротства предпринимательских групп по заявлению членов данной группы, кредиторов или уполномоченных органов (проводимой единым арбитражным управляющим с ведением единого реестра требований кредиторов). Данный проект столкнулся с критикой и не был принят [10]

Помимо процессуальной консолидации, подразумевающей объединение процедур, открытых в отношении участников предпринимательских групп, существует более радикальная форма консолидированного банкротства групп компаний – материальная консолидация. Материальная консолидация (substantive consolidation) представляет собой объединение конкурсных масс нескольких юридических лиц и рассмотрение их в качестве в качестве единого предприятия в целях проведения их совместного банкротства [11; р. 208]. Распространение данный институт получил в США, при этом правовые основы материальной консолидации напрямую не закрепляются в Bankruptcy Code [12]. Данный институт является продуктом судебного правотворчества.

Анализ американской судебной практики позволяет сформировать представление об условиях применения рассматриваемого института. На основании обобщения основных судебных решений, можно выделить ключевые факторы, лежащие в основе решения о консолидации.

Во-первых, необходимо установить наличие **субъективных факторов**. В деле *In re Augie/Res-*

tivo Апелляционный суд признал субъективные ожидания кредиторов в качестве обстоятельства, открывающего возможность для проведения консолидации [13]. Заявитель, требующий консолидировать конкурсную массу участников группы компаний должен доказать, что: 1) все кредиторы рассматривали отдельных юридических лиц не как обособленные компании, а как единую экономическую единицу, и не полагались на их самостоятельность; 2) или что дела должника настолько запутаны, что консолидация принесет пользу всем кредиторам [14, р. 11]. Стоит отметить, что субъективные ожидания кредиторов не могут признаваться единственным основанием для консолидации. В частности, сложности в применении данного подхода проявляются, когда в рамках одного дела два кредитора смогут доказать противоположные ожидания относительно экономического единства должников.

Во-вторых, установлению также подлежат **объективные факторы** (существенное переплетение активов и функций участников предпринимательской группы) [15]. Сторона, заявляющая о необходимости проведения материальной консолидации, должна доказывать существенную идентичность и (или) смешение имущества и бизнес-функций консолидируемых компаний [16]. При этом должна наблюдаться крайняя степень смешения, при которой определение объема имущества, принадлежащего компании невозможно в силу транзитного перемещения активов, либо несоразмерно дорогостояще.

Решение о консолидации принимается, если **ущерб от сегрегированного банкротства превышает ущерб отдельным кредиторам от консолидации**, т.е. если разделение наносит значительный ущерб всем кредиторам ввиду крайнего смешения имущества компаний [17].

Рассматриваемый институт является дискуссионным и не признается многими правопорядками. Аргументы противников сводятся преимущественно к следующим тезисам:

1) Материальная консолидация противоречит принципам автономии, ограниченной ответственности и имущественной обособленности юридических лиц;

2) В результате материальной консолидации нарушаются разумные ожидания кредиторов;

3) Результатом консолидированного банкротства часто становится дискриминация отдельных кредиторов.

Для всестороннего анализа сущности рассматриваемого института необходимо более подробно остановиться на данных тезисах, а также изложить возможные контраргументы.

1) Материальная консолидация **противоречит фундаментальным принципам автономии, ограниченной ответственности и имущественной обособленности** юридических лиц. В соответствии с данными принципами, лежащими в основе корпоративного права, юридическое лицо должно нести ответственность только числящимися у них на балансе актива-

ми, но не активами учредителей компании или иных контролирующих лиц. В результате проведения консолидации корпоративная автономия и ограниченная ответственность фактически игнорируются.

В противовес данному тезису можно привести позицию Ф. Бламберга, который отмечает, что распространение норм об ограниченной ответственности на корпоративные группы является «исторической случайностью» [18; р. 605]. Если в обособленной компании ограниченная ответственность имеет целью отделить участника от долгов корпорации, то в предпринимательских группах участники первоначально пользуются ограниченной ответственностью. Изолирование материнской компании создает, таким образом, второй слой защиты, который и открывает пространство для возможных злоупотреблений. Часто экономический анализ деятельности материнской и дочерних компаний приводит к выводу о том, что фактически они представляют единый сложно-структурированный бизнес (на данные случаи указывает Верховный Суд РФ, установивший «крайнюю запутанность в делах компании», которая препятствует представительным участникам группы в качестве самостоятельных коммерческих единиц [19]).

Исходным тезисом для обоснования материальной консолидации (как частного случая проявления доктрины «снятия корпоративной вуали») является общий принцип, согласно которому юридическая конструкция не должна получать признание со стороны правопорядка при ее недобросовестном использовании. Так, в деле *Booth v. Vunse* указывается: «Обязанности, соглашения, решения и сами корпорации (corporate bodies) могут являться инструментами получения сторонами неоправданной выгоды. К этим инструментам прибегают в целях прикрытия мошенничества, [...] но право рассматривает подобные инструменты так, как если бы они не были действительны. Если корпорация используется с незаконными намерениями, самостоятельность корпорации игнорируется» [20]. Аналогичные выводы приводятся в решении по делу *Laya v. Erin Homes Inc* [21].

2) В результате материальной консолидации **нарушаются разумные ожидания кредиторов**. В результате консолидации фактически происходит изменение *post factum* правил игры в отношении кредитора, который полагался на платежеспособность конкретного лица при выборе контрагента, что представляется при первом приближении весьма несправедливым [22, р. 446–447]. Если правопорядок признает возможность консолидированного банкротства, нарушается правовая определенность, поскольку в таких условиях кредитор, вступающий в правоотношения с конкретным контрагентом, не может быть уверен, не будет ли последний в случае банкротства консолидирован с иными лицами. Все это, в конечном счете, может подорвать стабильность гражданского обо-

Данный аргумент часто входит в противоречие с экономическими реалиями: зачастую контрагент, вступающий в отношения с предпринимательской группой, полагается на платежеспособность всей группы, а не отдельных её членов [23; р. 641], следовательно, при материальной консолидации разумные ожидания кредиторов не нарушаются. Более того, как отмечалось ранее, суды обязаны учитывать субъективный фактор при принятии решения о консолидации, т.е. без установления восприятия кредиторами предпринимательской группы в качестве единого экономического субъекта материальная консолидация по общему правилу не проводится.

3) **Дискриминация отдельных кредиторов**. После консолидации зачастую происходит ущемление прав одной группы кредиторов в пользу другой (более состоятельный должник вынужден «делиться» с менее состоятельными) [24]. Происходит «эффект размывания»: положение кредиторов наиболее платежеспособного должника ухудшается, поскольку имущество, которое бы пошло в счет удовлетворения его требований в случае сегрегированного банкротства, распределяется между данными кредиторами и кредиторами менее платежеспособных должников [25, с. 117].

Безусловно, данное обстоятельство представляет собой существенный риск, сопутствующий консолидации. Однако с учетом специфики движения средств между членами корпоративных групп данный тезис часто оказывается не верным на практике. В случаях, когда переплетение активов компаний настолько значительно, что открывает необходимость для консолидированного банкротства, сегрегированное банкротствократно увеличивает расходы на ведение дела о банкротстве (например, в части затрат на оспаривание сделок, совершенных между членами группы). Исключение сопутствующих раздельному банкротству расходов приведет к увеличению размера удовлетворенных требований всех кредиторов. Суд решает вопрос о консолидированном банкротстве на начальном этапе банкротства, когда затруднительно определить точный размер конкурсной массы, общую сумму требований кредиторов и т.д., поэтому на данном этапе определить, произойдет ли в действительности дискриминация кредиторов, невозможно. Напротив, вероятно ситуация, при которой исключение сопутствующих расходов приведет к тому, что размер удовлетворенных требований кредиторов более обеспеченного лица не будет уменьшен, но при этом размер удовлетворения требований менее обеспеченного должника группы кредиторов увеличится. В этой связи американской практикой разработан подход, в соответствии с которым для принятия решения о консолидированном банкротстве необходимо установить, что в случае сегрегированного банкротства будет удовлетворена меньшая часть требований кредиторов [26].

Главными преимуществами консолидированного банкротства предпринимательской группы являются прекращение внутригрупповых обязательств (прекращение прав и обязанностей между членами предпринимательской группы, в отношении которых принято решение о консолидации) и конвертация обязательств с множественностью должников в единое обязательство. Эти преимущества позволяют достичь справедливого распределения активов группы при удовлетворении требований кредиторов, а также уменьшение затрат, сопутствующих сегрегированному банкротству.

В связи с этим можно сделать вывод о назревшей необходимости разработки критериев, позволяющих внедрить в российское право институт материальной консолидации в целях повышения эффективности процесса банкротства групп компаний. Однако применение данного института сопряжено с существенными рисками, которые необходимо тщательно анализировать при разработке законодательных основ консолидированного банкротства.

Литература

1. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия РФ. – № 9. – 2012. – С. 6–33. – URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/4066>.
2. Батыршина К.А. Законодательное регулирование и применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. – 215 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/zakonodatelnoe-regulirovanie-i-primenenie-doktriny-snyatiya-korporativnoi-vuali-v-rossiiskom>.
3. Talbot, L. *Critical Company Law* / L.E. Talbot. – London: Routledge-Cavendish, 2008. – 393 p. – URL: https://www.academia.edu/34151414/Critical_Company_Law.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.05.2023 № 23-П) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Vandekerckhove, K. *Piercing the Corporate Veil. European Company Law series* / K. Vandekerckhove. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – Vol. 2. – 765 p. – URL: https://vk.com/wall-122765959_1958?ysclid=lw0jnps-poe557615853.
6. Ribstein L. *Deregulation of Limited Liability and the Death of Partnership* // *Washington Law Quarterly*. – 1992. – Vol. 70. – N 2. – P. 457–473.
7. Карелина С.А. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) предпринимательской группы // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право*. – № 1. – 2011. – С. 36–42. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19832132&ysclid=lwdxgtud5l766657238>.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС18–17629 (2) по делу № А40–122605/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20–6760 по делу № А14–7544/2014 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. ВАС не спешит с банкротством предпринимательских групп: интервью с О.Р. Зайцевым // URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20110621/253261229.html.
11. Gilbert J.S. *Substantive Consolidation in Bankruptcy: A Primer* // *43 Vanderbilt Law Review*. – Vol. 43. – 1990. – P. 208–243. – URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol43/iss1/5/>.
12. *The Bankruptcy Code (BC), Title 11 United States Code* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11>.
13. *In re Augie/Restivo Baking Co.*, 860 F.2d 515 (2d Cir. 1988) [Электронный ресурс] // *Justia US Law*. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/860/515/465764/>.
14. Brasher A. *Substantive Consolidation: A Critical Examination*. – 2006. – 47 p. – URL: <https://pdfslide.net/documents/substantive-consolidation-a-critical-examination.html?page=47>.
15. *In re Auto-Train Corp., Inc.* 810 F.2d 270 (D.C. Cir. 1987) [Электронный ресурс] // *Justia US Law*. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/810/270/356183/>.
16. *Chemical Bank New York Trust Company v. W. Kheel, J. Seatrade Corporation* (2d Cir., 1966) (369 F.2d 845) [Электронный ресурс] // *Justia US Law*. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/810/270/356183/>.
17. *In re Vecco Constructions Indus.*, 4 B.R. at 410 (Bankr. E.D. Va. 1980) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1538713/in-re-vecco-const-industries-inc/>.
18. Blumberg P. *Limited liability and Corporate Groups* // *Faculty Articles and Papers*. – Vol. 28. – 1986. – P. 573–631. – URL: https://digitalcommons.lib.uconn.edu/law_papers/28/.
19. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 305-ЭС21–14470 (1,2) по делу № А40–101073/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
20. *Booth v. Bunce*, 24 N.Y. 592 (1862) [Электронный ресурс] // URL: <https://casetext.com>.
21. *Laya v. Erin Homes Inc.* 352 S.E.2d 93 (1986) [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/west-virginia/supreme-court/1986/16965-5.html>.
22. Kors M.E. *Altered Egos: Deciphering Substantive Consolidation* // *59 U. University Pittsburg Law Review*. 381. – 1998. – P. 446–447.

23. Jonathan M. Landers A Unified Approach to Parent, Subsidiary, and Affiliate Questions in Bankruptcy // *The University of Chicago Law Review*. – Vol. 42. – Issue 4. – 2016. – P. 589–652. – URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol42/iss4/2/>.
24. Willett S. The Doctrine of Robin Hood – A Note on «Substantive Consolidation» // *4 DePaul Bus. & Com. L.J.* 87. – 2005. – P. 87–115. – URL: <https://via.library.depaul.edu/bclj/vol4/iss1/4/>.
25. Горбашев И.В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. – 200 с. – URL: https://xn--c1azic8c.xn--p1ai/science/dissovet/file/base/5/560/dissert_dl.pdf?ysclid=lwdrhek0oj52791018.
26. Eastgroup Properties v. Southern Motel Assoc. Ltd E P-H P-H (11th Cir., 1991).

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF USING THE INSTITUTION OF MATERIAL CONSOLIDATION IN THE BANKRUPTCY OF AN ENTERPRISE GROUP: A SYNTHESIS OF US EXPERIENCE

Moiseenko S.A., Somova O.V.
Novosibirsk State University

The widespread practice of doing business through the creation of entrepreneurial groups determines the relevance of studying the mechanisms of insolvency of groups of companies. The article is devoted to the analysis of the institution of substantive consolidation in the bankruptcy of enterprise groups. Substantive consolidation is an effective mechanism to counteract the extreme entanglement of assets of group members and to achieve a fair distribution of the group's assets in satisfaction of creditors' claims, as well as to reduce the costs associated with segregated bankruptcy. However, the application of this radical mechanism involves many risks, which are analyzed in the article. The article considers the approaches developed in the US practice to determining the grounds for consolidated bankruptcy. The article analyzes the main theses of opponents of substantive consolidation, as well as outlines counterarguments to these theses.

Keywords: insolvency (bankruptcy); corporation; corporate groups; substantive consolidation; procedural consolidation; separate legal personality principle.

References

1. Lomakin D.V. The concept of removing the corporate veil: realization of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation // *Vestnik of Economic Justice of the Russian Federation*. – № 9. – 2012. – P. 6–33 – URL: <https://zakon.ru/publication/ig-zakon/4066>.
2. Batyrsina K.A. Legislative regulation and application of the doctrine of "lifting the corporate veil" in the Russian law and the law of foreign countries: comparative legal analysis. Diss. ... cand. legal sciences, Moscow, 2018. – 215 p. – URL: <https://www.dissercat.com/content/zakonodatelnoe-regulirovanie-i-primeneniye-doktriny-snyatiya-korporativnoi-vuali-v-rossiiskom>.
3. Talbot, L. *Critical Company Law* / L.E. Talbot. – London: Routledge-Cavendish, 2008. – 393 p. – URL: https://www.academia.edu/34151414/Critical_Company_Law.
4. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
5. Vandekerckhove, K. Piercing the Corporate Veil. *European Company Law series* / K. Vandekerckhove. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2007. – Vol. 2. – 765 p. – URL: https://vk.com/wall-122765959_1958?ysclid=lw0jnpsnoe557615853.
6. Ribstein L. Deregulation of Limited Liability and the Death of Partnership // *Washington Law Quarterly*. – 1992. – Vol. 70. – N 2. – P. 457–473.
7. Karelina S.A. Development of legislation on the insolvency (bankruptcy) of an entrepreneurial group // *Izvestiya South-West State University. Series History and Law*. – № 1. – 2011. – P. 36–42. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19832132&ysclid=lwdxgtud5l766657238>.
8. Decision of the Judicial board on economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation from 28.03.2019 № 305-ES18–17629 (2) on the case № A40–122605/2017 // Reference legal system "ConsultantPlus".
9. Decision of the Judicial Board for economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation from 25.09.2020 № 310-ES20–6760 on the case № A14–7544/2014 // Reference legal system "ConsultantPlus".
10. The SAC is not in a hurry with the bankruptcy of entrepreneurial groups: interview with O.R. Zaitsev // URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20110621/253261229.html.
11. Gilbert J.S. Substantive Consolidation in Bankruptcy: A Primer // *43 Vanderbilt Law Review*. – Vol. 43. – 1990. – P. 208–243. – URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol43/iss1/5/>.
12. The Bankruptcy Code (BC), Title 11 United States Code [Electronic resource] // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11>.
13. In re Augie/Restivo Baking Co., 860 F.2d 515 (2d Cir. 1988) [Electronic resource] // *Justia US Law*. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/860/515/465764/>.
14. Brasher A. Substantive Consolidation: A Critical Examination. – 2006. – 47 p. – URL: <https://pdfslide.net/documents/substantive-consolidation-a-critical-examination.html?page=47>.
15. In re Auto-Train Corp., Inc. 810 F.2d 270 (D.C. Cir. 1987) [Electronic resource] // *Justia US Law*. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/810/270/356183/>.
16. Chemical Bank New York Trust Company v. W. Kheel, J. Se-trade Corporation (2d. Cir., 1966) (369 F.2d 845) [Electronic resource] // *Justia US Law*. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/810/270/356183/>.
17. In re Vecco Constructions Indus., 4 B.R. at 410 (Bankr. E.D. Va. 1980) [Electronic resource] // URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1538713/in-re-vecco-const-industries-inc/>.
18. Blumberg P. Limited liability and Corporate Groups // *Faculty Articles and Papers*. – Vol. 28. – 1986. – P. 573–631. – URL: https://digitalcommons.lib.uconn.edu/law_papers/28/.
19. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation from 10.02.2022 № 305-ES21–14470 (1,2) on the case № A40–101073/2019 // Reference legal system "ConsultantPlus".
20. Booth v. Bunce, 24 N.Y. 592 (1862) [Electronic resource] // URL: <https://casetext.com>.
21. Laya v. Erin Homes Inc. 352 S.E.2d 93 (1986) [Electronic resource] // URL: <https://law.justia.com/cases/west-virginia/supreme-court/1986/16965-5.html>.
22. Kors M.E. Altered Egos: Deciphering Substantive Consolidation // *59 U. University Pittsburg Law Review*. 381. – 1998. – P. 446–447.
23. Jonathan M. Landers A Unified Approach to Parent, Subsidiary, and Affiliate Questions in Bankruptcy // *The University of Chicago Law Review*. – Vol. 42. – Issue 4–2016. – P. 589–652. – URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol42/iss4/2/>.
24. Willett S. The Doctrine of Robin Hood – A Note on «Substantive Consolidation» // *4 DePaul Bus. & Com. L.J.* 87. – 2005. – P. 87–115. – URL: <https://via.library.depaul.edu/bclj/vol4/iss1/4/>.
25. Gorbachev I.V. Peculiarities of insolvency (bankruptcy) of corporate groups. Diss. ... cand. legal sciences, Ekaterinburg, 2022. – 200 p. – URL: https://xn--c1azic8c.xn--p1ai/science/dissovet/file/base/5/560/dissert_dl.pdf?ysclid=lwdrhek0oj52791018.
26. Eastgroup Properties v. Southern Motel Assoc. Ltd E P-H P-H (11th Cir., 1991).

Правовое регулирование взаимоотношений Российского авторского общества с зарубежными правообладателями в условиях санкций

Лопатин Данил Павлович,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: frozeneg@mail.ru

Красоусская Полина Даниловна,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: krasousskaya.p@mail.ru

На сегодняшний день автору или правообладателю представляется трудным проконтролировать случаи незаконного использования музыкальных произведений. С целью минимизации рисков, связанных с таким использованием, законодатель создал особый механизм, представленный в виде организаций: аккредитованных и не получивших государственную аккредитацию, ключевая задача которых сводится к управлению авторскими правами на коллективной основе. Под защитой аккредитованной организации находятся не только авторы или правообладатели, заключившие с ней договор, но и субъекты, не выразившие намерений, направленных на достижение рассматриваемого соглашения. Одной из самых известных организаций, чьи функции направлены на коллективное управление авторскими правами, является Российское авторское общество (далее – «РАО»). Вместе с тем РАО защищает права авторов и правообладателей, располагающихся в иных странах, поскольку российское законодательство предусматривает норму, условия которой отражены в пункте 3 статьи 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»), предоставляющую правовую охрану иностранному произведению на территории Российской Федерации. Однако в силу нестабильной политической ситуации, непостоянных отношений между государствами применение рассматриваемого положения ставится под сомнение.

Ключевые слова: Российское авторское общество, иностранное произведение, лейбл, «принудительная лицензия», результаты интеллектуальной деятельности, зарубежные правообладатели.

За 2023 год владельцы ресторанов, кинотеатров и иных сегментов разнопланового бизнеса, использующих музыкальные произведения зарубежных авторов, высказывают позицию относительно прекращения авторских сборов за случаи такого использования. Их точки зрения имеют различную аргументацию: во-первых, неосновательное обогащение со стороны зарубежных «партнеров», поскольку транзакции были приостановлены и физически отсутствуют возможности перевода денежных средств [8], во-вторых, показательное решение Арбитражного суда Кировской области, отказавшему в удовлетворении исковых требований, поскольку истец – гражданин недружественного государства [5], в-третьих, разрешение Правительства Российской Федерации (далее – «РФ») не выплачивать компенсацию владельцам патентов из недружественных стран [10] и другие доводы.

В свою очередь, позиция РАО основывается на отсутствии оснований для приостановки соответствующих выплат зарубежным правообладателям, так как для российских авторов такая компенсация за границей не прекращалась. Действительно, за 2019 год вознаграждение за публичное воспроизведение музыкальных произведений иностранных авторов в ресторанах, кинотеатрах и др. варьировалось в размере 420 млн руб. [14]. В 2020 г. на основе договоров с зарубежными организациями по коллективному управлению авторскими правами (далее – «ОКУП») получившаяся сумма – 223 млн. руб., в то время как в отношении российских авторов со стороны иностранных ОКУП рассматриваемые отчисления составили 268 млн. руб. [15]. За 2021 год в пользу иностранных правообладателей авторское вознаграждение – 289 млн. руб. [16]. Тем не менее, зарубежные правообладатели беспокоятся о приостановке выплаты авторских вознаграждений вследствие санкций в сторону банковского сектора РФ. Однако представители РАО утверждают, что никаких проблем нет, но в случае остановки платежей зарубежными ОКУП со стороны РАО последуют аналогичные действия. Бесспорно, поводов для беспокойств много, поскольку каждая сторона потерпит многочисленные убытки [11].

Помимо всего прочего, по мнению РАО, на сегодняшний день не придается большого значения стране правообладателя, поскольку РФ обязательства по соблюдению международных соглашений в сфере авторских прав не прекращала [13].

В марте 2022 года об уходе с российского рынка объявили мировые звукозаписывающие лейблы:

Universal Music Group, Warner Music Group и Sony Music. Кроме того, современные реалии диктуют свои условия, на основе которых возможно построение взаимоотношений между РАО и зарубежными авторами. Тем не менее, у представителей бизнеса, основывающихся главным образом на использовании музыкальных произведений, возникает закономерный вопрос: «Имеет ли право РАО представлять интересы зарубежных правообладателей в случаях нарушения авторских прав на музыкальные произведения, поскольку РАО не перечисляет вознаграждения за случаи такого использования» [12]? В Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 31.01.2023 г. № С01–38/2023 на поставленный вопрос дается утвердительный ответ [3].

Вдобавок к вышесказанному Указ Президента РФ от 27.05.2022 г. № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» (далее – «Указ») закрепляет положения о создании специального счета типа «О», предназначенного для «аккумулирования» денежных средств за пользование результатами интеллектуальной деятельности [1].

Таким образом, на сегодняшний день РАО все также уполномочена взимать платежи в пользу зарубежных правообладателей за использование иностранных произведений путем перечисления их на счет типа «О», открытый на имя соответствующего автора. Однако вопрос относительно возможности получения указанных переводов остается открытым, поскольку ключевые ресурсы, обеспечивающие бесперебойные обмены необходимыми суммами, были заблокированы.

Кроме того, Указом закрепляются положения о перечислении вознаграждений за использование результатов интеллектуальной деятельности без получения на такую процедуру согласия со стороны иностранных компаний. Вследствие этого предоставляется возможность использования зарубежного контента гражданами РФ даже в ситуациях запрещения распространения, например, музыкальных произведений на территории РФ иностранным правообладателем [9].

«Принудительная лицензия», с одной стороны, не ограничивает доступ к культурным ценностям, что, несомненно, является одной из главенствующей начал в структуре основных прав и свобод человека, закрепленной в международных конвенциях. С другой – подобная ситуация породит множество судебных исков зарубежными правообладателями, права которых нарушаются. Вследствие этого в дальнейшем потребуются немало усилий, направленных на восстановление доверительных отношений с иностранными коллегами в области интеллектуальной собственности.

В рассматриваемой связи интересно упомянуть практику сбора вознаграждения со стороны РАО в отношении зарубежных правообладателей. Например, в деле № А56–119949/2021 за композиции, использующиеся несколько раз, РАО взыскивало компенсацию за каждый случай такого использования [6]. Таким образом, пределы, которые

ми РАО руководствуется при фиксации нарушений, не установлены. За одни и те же произведения РАО способна взыскать многомиллионную сумму. Поэтому на время введенных санкций предлагается изменить подход РАО к выплате вознаграждения зарубежным правообладателям, например, если одна и та же песня использовалась несколько раз, учитывать это в качестве единичного случая. Исходя из вышесказанного, РАО не намерена прекращать работу с иностранными ОКУП. Тем не менее, в случаях прекращения выплаты средств со стороны зарубежных правообладателей – «ответ будет симметричным» [7].

Интересно проследить и за развитием судебной практики. Как правило, на сегодняшний день ответчики оперируют следующим доводом: «Зарубежные некоммерческие организации остановили отношения с РАО, соответственно, компенсацию выплачивать не нужно». Суды легко парируют представленные положения, основываясь на времени принятия судебного акта: «Судебные акты приняты до прекращения отношений с зарубежными ОКУП» [2]. Возникает закономерный вопрос: «А если, судебные акты будут приняты после прекращения рассматриваемых отношений, то суды разрешат не платить за использование зарубежных музыкальных произведений?» Остается только ждать. Однако РАО, в соответствии с международными стандартами и мнениями судей, обязано руководствоваться принципом солидарности в отношении иностранных ОКУП – обеспечивать в РФ права иностранных правообладателей-участников зарубежных ОКУП наравне с отечественными [4]. Однако соблюдают ли приведенные положения иностранные ОКУП к российским правообладателям и придерживаются ли подобного принципа? В любом случае, необходимо дождаться отчета РАО за 2024 год, где подробно будет расписана сумма, отчисленная зарубежным правообладателям, и вознаграждение, полученное РАО за использование отечественных произведений на территориях иностранных государств. В случае отсутствия взаимного интереса, направленного на получение беспрепятственного доступа к культурным достижениям, должны приниматься аналогичные меры.

Литература

1. О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями: Указ Президента РФ от 27.05.2022 № 322 (ред. от 15.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – 30 мая. – № 22. – Ст. 3639.
2. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 июня 2022 г. № С01–820/2022 по делу № А56–13115/2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404756083/> (дата обращения: 22.05.2024).
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 января 2023 г. № С01–

- 38/2023 по делу № А56–119949/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e44ffc0c-0a40-46ec-8174-f9b0e8d-099d7/9790a65c-8844-4654-ae64-5ed0ebb-c5dc9/A56-119949-2021_20230131_Postanovlenie_kassacii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 22.05.2024).
4. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07 октября 2021 г. по делу № А56–13115/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/07861a0c-bd80-4648-b149-daf47b-80d18c/5aab3498-3a1e-4c45-ac40-6d868f-de85df/A56-13115-2021_20211007_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.05.2024).
  5. Решение Арбитражного суда г. Киров от 3 марта 2022 г. по делу № А28–11930/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a45fa186-05bb-43b5-87d9-1f0d3b640142/bb9af9d9-9daf-4994-9b37-02510206c18e/A28-11930-2021_20220303_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.05.2024).
  6. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга от 6 июля 2022 г. по делу № А56–119949/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e44ffc0c-0a40-46ec-8174-f9b0e8d099d7/af2ade85-d3f1-47dd-b66b-bd-8da8efc984/A56-119949-2021_20220706_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.05.2024).
  7. А будет ли вознаграждение? [Электронный ресурс] URL: <https://rao.ru/a-budet-li-voznagrazhdenie/> (дата обращения: 25.05.2024).
  8. Авторское разобщение: кинотеатры и рестораны просят приостановить отчисления за иностранную музыку. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5270797> (дата обращения: 25.05.2024).
  9. В России разрешат крутить недружественные музыку и фильмы, а копирайт оплатят рублями. [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-05-23_v_rossii_razreshat_krutit (дата обращения: 24.05.2024).
  10. Кабмин разрешил не платить патентообладателям из недружественных стран. [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/news/239701/> (дата обращения: 26.05.2024).
  11. На авторов опускается занавес: правообладатели опасаются сложностей с получением вознаграждений [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5240294> (дата обращения: 26.05.2024).
  12. РАО все еще может собирать платежи за иностранные произведения. [Электронный ресурс] URL: <https://ruconst.com/news/6911/> (дата обращения: 23.05.2024).
  13. РАО через суд выбивает из кинотеатров деньги за музыку в «недружественных» фильмах. [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-09-01_rao_pytaetsya_vzyskat_s_kinoteatrov (дата обращения: 23.05.2024).
  14. Российское авторское общество. Годовой отчет за 2019 год. [Электронный ресурс] URL: https://rao.ru/wpcontent/uploads/2020/12/Otchet_RAO_2019_stranitsy_02.12.20.pdf (дата обращения: 24.05.2024).
  15. Российское авторское общество. Годовой отчет за 2020 год. [Электронный ресурс] URL: https://rao.ru/wpcontent/uploads/2021/08/RAO_otchet_2020_09.08.2021.pdf (дата обращения: 24.05.2024).
  16. Российское авторское общество. Годовой отчет за 2021 год. [Электронный ресурс] URL: https://rao.ru/wpcontent/uploads/2022/08/Otchet_RAO2021_12.08.2022.pdf (дата обращения: 24.05.2024).

LEGAL REGULATION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RUSSIAN COPYRIGHT SOCIETY AND FOREIGN COPYRIGHT HOLDERS UNDER SANCTIONS

Lopatin D.P., Krasousskaya P.D.
Novosibirsk National Research State University

To date, it is difficult for the author or copyright holder to control cases of illegal use of musical works. In order to minimize the risks associated with such use, the legislator has created a special mechanism in the form of organizations: accredited and not accredited by the State, whose key task is to manage copyright collectively. The accredited organization is protected not only by the authors or rights holders who have concluded a contract with it, but also by those who have not expressed their intention to reach the agreement in question. One of the most famous organizations whose functions are aimed at collective management of copyright is the Russian Copyright Society. At the same time, RAO protects the rights of authors and rights holders located in other countries, since Russian legislation provides for a rule, the conditions of which are reflected in article 1256, paragraph 3, of the Civil Code of the Russian Federation providing legal protection to foreign works in the territory of the Russian Federation. However, because of the unstable political situation, the application of the provision in question was being called into question in relations between States.

Keywords: Russian Copyright Society, foreign work, record label, «compulsory license», results of intellectual activity, foreign rights holders.

References

1. On the temporary order of fulfillment of obligations to some right holders: Decree of the President of the Russian Federation from 27.05.2022 № 322 (edit. of 15.02.2024) // Coll. of laws of the Rus. Federation. – 2022. – 30 May. – 22. – Art. 3639.
2. Judgment of the Court of Intellectual Rights of 15 June 2022 № C01–820/2022 in the case A56–13115/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/07861a0c-bd80-4648-b149-daf47b-80d18c/ec751e72-d42f-4625-bd9f-a6fd5a15525d/A56-13115-2021_20220615_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 22.05.2024).
3. Judgment of the Court of Intellectual Rights of 31 January 2023 № C01–38/2023 in the case A56–119949/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e44ffc0c-0a40-46ec-8174-f9b0e8d-099d7/9790a65c-8844-4654-ae64-5ed0ebb-c5dc9/A56-119949-2021_20230131_Postanovlenie_kassacii.pdf?isAddStamp=True (accessed: 22.05.2024).
4. Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region of October 07, 2021 in the case A56–13115/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/07861a0c-bd80-4648-b149-daf47b80d18c/5aab3498-3a1e-4c45-ac40-6d868fde85df/A56-13115-2021_20211007_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 26.05.2024).

5. Decision of the Kirov Court of Arbitration dated March 3, 2022 on A28–11930/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a45fa186-05bb-43b5-87d9-1f0d3b640142/bb9af9d9-9daf-4994-9b37-02510206c18e/A28-11930-2021_20220303_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 26.05.2024).
6. Decision of the Court of Arbitration of St. Petersburg of 6 July 2022 on A56–119949/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e44ffc0c-0a40-46ec-8174-f9b0e8d099d7/af2ade85-d3f1-47dd-b66b-bd8da8efc984/A56-119949-2021_20220706_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 26.05.2024).
7. Will there be a reward? [Electronic Resource] URL: <https://rao.ru/a-budet-li-voznagrazhdenie/> (accessed: 25.05.2024).
8. Author's separation: cinemas and restaurants ask to suspend royalties for foreign music. [Electronic resource] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5270797> (accessed: 25.05.2024).
9. In Russia, unfriendly music and movies will be allowed to play and copyright will be paid in rubles. [Electronic resource] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-05-23_v_rossii_razreshat_krutit (accessed: 24.05.2024).
10. The Cabinet allowed not to pay patent holders from unfriendly countries. [Electronic Resource] URL: <https://pravo.ru/news/239701/> (accessed: 26.05.2024).
11. The curtain is lowered on the authors: copyright holders are afraid of difficulties in obtaining rewards [Electronic Resource] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5240294> (accessed: 26.05.2024).
12. RAO can still collect payments for foreign works. [Electronic Resource] URL: <https://ruconst.com/news/6911/> (accessed 30.05.2023).
13. RAO knocks money out of cinemas for music in «unfriendly» films. [Electronic resource] URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-09-01_rao_pytaetsya_vzyskat_s_kinoteatrov (accessed: 23.05.2024).
14. Russian Copyright Society. Annual Report 2019. [Electronic Resource] URL: https://rao.ru/wpcontent/uploads/2020/12/Otchet_RAO_2019_stranitsy_02.12.20.pdf (accessed: 24.05.2024).
15. Russian Copyright Society. Annual Report 2020. [Electronic Resource] URL: https://rao.ru/wpcontent/uploads/2021/08/RAO_otchet_2020_09.08.2021.pdf (accessed: 24.05.2024).
16. Russian Copyright Society. Annual Report 2021. [Electronic Resource] URL: https://rao.ru/wpcontent/uploads/2022/08/Otchet_RAO2021_12.08.2022.pdf (accessed: 24.05.2024).

Комплаенс в области персональных данных как средство минимизации предпринимательского риска

Решетнёв Арсений Владиславович,

аспирант, кафедры юриспруденции, Российский университет кооперации (АНО ВПО ЦС РФ «РУК»)
E-mail: reshetnevars@yandex.ru

В статье исследуются законодательные новеллы в сфере персональных данных. Автором проводится позитивный экономический анализ законопроектов с точки зрения их эффективности, по результатам которого делаются выводы об отсутствии баланса частных и публичных интересов в исследуемой сфере. Одной из причин отсутствия «баланса» является применение запретительной и наказательной политики без учета мнений общества и бизнеса. Предлагаемое авторами законопроекта введение оборотных штрафов может оказать сугубо негативное влияние на экономику в целом, а отсутствие должных поощрительных и мотивирующих механизмов приведет скорее к усовершенствованию путей обхода буквы закона и (или) формальному исполнению требований. По результатам комплексного анализа автором предлагаются изменения, закрепляющие правовой статус комплаенса по персональным данным внутри компаний. Также предлагается внесение изменений в КоАП РФ и законодательство о персональных данных совокупных положений, закрепляющих наличие утверждённой Роскомнадзором комплаенс-программы в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, значительно снижающего размер налагаемой штрафной санкции.

Ключевые слова: экономический анализ права, эффективность законодательства, персональные данные, конфиденциальность персональных данных, приватность, информационная безопасность, оборотные штрафы, комплаенс, системы внутреннего мониторинга, утечки персональных данных.

В современную цифровую эпоху персональные данные стали ценным активом, стимулирующим экономический рост. Физические лица охотно делятся своей личной информацией с организациями разными способами, начиная от платформ социальных сетей и веб-сайтов электронной коммерции, заканчивая самостоятельным волевым выражением согласия поставщикам медицинских услуг, финансовыми учреждениями и другим. Одновременно организации собирают и анализируют огромные объемы персональных данных для улучшения своих услуг, оптимизации хозяйственной деятельности и реализации целевых маркетинговых стратегий. Однако, эта экосистема, управляемая данными, также сопряжена с рядом рисков, таких как несанкционированный доступ, неправильное использование и нарушение конфиденциальности. С учетом динамики развития российского законодательства такие риски перестали нести исключительно этический характер, но и несут теперь большие финансовые риски.

12 января 2023 года Президентом РФ был утвержден перечень поручений, согласно которому в срок до 1 июля 2023 года Правительство РФ должно было рассмотреть вопрос о введении оборотных штрафов и усилении ответственности за нарушение законодательства в сфере персональных данных и внести соответствующий законопроект [3, дата обращения 10.12.2023].

Данное поручение Президента явилось предпосылкой для разработки двух законопроектов. Первым предусмотрены поправки в КоАП РФ [2], предусматривающие административный штраф в размере до 3% от годового оборота или аналогичная мера, но в фиксированной величине. Второй, в свою очередь, вносит поправки в статьи 272–274 УК РФ [1], внося составы за «сливы» персональных данных с ответственностью вплоть до 10 лет.

В то же время, оснований полагать, что законопроекты об усилении ответственности за нарушения в сфере персональных данных не будут приняты нет. Об этом говорит сразу несколько факторов. Во-первых, согласно статистике, приведенной Администрацией Президента, за последние семь лет правления Президентом было издано 17,5 тыс. указов и постановлений, 86% из них выполняются, а 47% выполняются сразу [10, дата обращения 10.12.2023]. Во-вторых, об этом свидетельствуют официальные заявления первых лиц государства. Так, например, А.Г. Шейкин, зампред совета по развитию цифровой экономики при СФ, выражает уверенность, что закон будет принят уже в следующем (2024) году [8, дата обращения 10.12.2023].

При таких размерах потенциальной ответственности инструменты митигации рисков нарушения законодательства являются особенно актуальными для бизнеса, что также подтверждается о резком увеличении количества вакансий DPO (Data Protection Officer) и смежных специальностей. Так, на момент исследования открыто более 1350 вакансий специалистов прямо или косвенно связанных с защитой персональных данных по данным портала hh.ru.

Такой ажиотаж вокруг тематики персональных данных и их защиты также вызван увеличившимся в 8 раз количеством утечек и низкой уверенностью бизнеса в защищенности данных (согласно исследованию HFLabs, 62% опрошенных не уверены в безопасности персональных данных клиентов своей компании [9, дата обращения 10.12.2023]). Дополнительно к этому добавляется и низкий процент соответствия локальной нормативной базы требованиям действующего законодательства.

Одним из инструментов митигации рисков нарушения законодательства, позволяющим закрыть существующие проблемы, является комплаенс. Он представляет собой систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям действующего законодательства, заключающуюся в постоянном мониторинге законодательной базы, актуализации локальных актов, проведении иных мероприятий, направленных на санацию и митигацию рисков в сфере, являющейся её предметом.

Методология организации и построения любого из видов комплаенса, по своей сути, представляет собой совокупную систему принципов, методов и способов управления бизнес-процессами. Он является универсальным инструментом внутреннего контроля, который характеризуется разнонаправленной методологией её осуществления. Так, например, в рамках антимонопольного комплаенса используются следующие способы и методы: идентификация, прогнозирование, анализ, оценка и управление рисками нарушения антимонопольного законодательства; контроль и оценка эффективности управлением рисками; оценка смежных бизнес-процессов и их надежности; информационное обеспечение антимонопольного комплаенса: распространение и обмен информацией о рисках; сравнительная оценка приведенных прогнозов и фактическим положением. Осуществление комплаенса в области защиты персональных данных происходит с использованием схожей методологии.

Что касается персональных данных, то тенденция развития этой сферы, на наш взгляд, напоминает историю становления института антимонопольного комплаенса, среди предпосылок возникновения которого также стояло увеличение количества правонарушений в данной сфере, установление оборотных штрафов за нарушение антимонопольного законодательства, развитие и внедрение систем самоконтроля в государственные органы, а затем и в коммерческие организации.

Так, как уже было сказано ранее, активно обсуждается введение оборотных штрафов за нару-

шения в сфере персональных данных. Основной проблематикой подобных законодательных решений, на наш взгляд, является их эффективность в контексте позитивного анализа права.

Опираясь на критерий Калдора-Хикса, представляется возможным предположить, что эффективной нормой является та, общественные выгоды от реализации которой превышают понесенные общественные (в том числе и потенциальные) издержки, связанные с практическим применением этой нормы. И в этом смысле ключевыми параметрами представляются именно коммерческая выгода субъектов и потенциальные издержки от практического применения тех или иных норм и институтов. Иными словами, эффективной считаются те нормы, которые обладают положительным экономическим эффектом как для государства, так и для бизнеса.

В то же время, баланс соблюдения частных и публичных интересов в рамках данных законопроектов остается под вопросом. Это связано с тем, что введение таких размеров административных наказаний без законодательного установления преференций от применения риск-ориентированных превентивных подходов будет побуждать хозяйствующих субъектов соблюдать требования новых законов формально или искать путь его «обхода». Изложенное не вписывается в цели административного (ст. 1.2. КоАП РФ) и уголовного (ст. 2 УК РФ) законодательства, а именно: предупреждение административных правонарушений и преступлений. Это связано, в первую очередь, с отсутствием мотивации у субъектов предпринимательской деятельности к внедрению действующих превентивных систем внутри компании.

Безусловно, комплаенс-контроль является не дешевым инструментом для предприятий. Между тем, на наш взгляд, экономические выгоды от его применения полностью оправданы в силу следующего. Отличительной чертой законодательства в сфере персональных данных (как уже реализовано, например, в антимонопольном законодательстве) является тот факт, что размеры санкций, применяемых к юридическим лицам, с большой долей вероятности привязаны к сумме выручки от реализации товара (работы, услуги), размера суммы расходов на приобретение товара (работы, услуги) или совокупного размера суммы выручки. Это значит, что размеры штрафов не имеют верхней границы их размера и, как следствие, наносят имущественные потери всем субъектам предпринимательской деятельности в равной степени, вне зависимости от их размера и выручки. Однако, в редакции, прошедшей первое чтение в Государственной Думе, верхний предел штрафа все же был ограничен законопроектом № 502104–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за нарушение порядка обработки персональных данных)» (далее – Законопроект № 502104–8). Данное ограничение составило 500 миллионов рублей [4, дата обращения 10.03.2024].

В то же время, согласно оперативным данным, приведенным Федеральной службой государственной статистики «О финансовых результатах деятельности организаций в 2023 году», основанных на сальдированном финансовом результате организаций (без учета субъектов малого предпринимательства, кредитных организаций, государственных (муниципальных) учреждений, некредитных финансовых организаций), доля организаций, получивших убыток в 2023 году к общему числу организаций, с учетом нормального распределения в датасете, составила 26,1% [11, дата обращения 10.03.2024]. Конечно, точный экономический эффект невозможно рассчитать лишь на основании этих данных. Однако, очевидно, что при наложении оборотных штрафов доля убыточных компаний может сильно увеличиться, что особенно актуально в условиях экономической нестабильности.

Помимо прочего, при установлении несомерно большой ответственности, мы считаем, что хозяйствующие субъекты будут «изобретать» новые способы исключения ответственности участника рынка. Например, Компания «А» формально реализовала правовые меры внутри компании, заказав у Компании «Б» пакет документов, соответствующий требованиям действующего законодательства. В качестве ответственного за организацию обработки персональных данных в целях исполнения требований ст. 22.1. Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (далее – Федеральный закон «О персональных данных») был назначен начальник отдела кадров. Затем, в Компании «А» происходит утечка. С целью ухода от административной ответственности Компания «А» обращается в полицию и просит возбудить уголовное дело по ст. 272 УК РФ. Полиция возбуждает уголовное дело в отношении неустановленного лица. Таким образом, Компания «А» избегает административной ответственности за утечку персональных данных.

Особый интерес, в контексте рассмотрения данного вопроса представляет собой позиция Ассоциации Больших Данных (далее – АБД, Ассоциация).

Ассоциация выступает решительно против введения оборотных штрафов, апеллируя при этом достаточно обоснованной аргументацией. Во-первых, по их мнению, законопроект об оборотных штрафах не достигает презюмируемой цели. Действительно, с точки зрения общей цели законодательства, подобного рода законы должны возбуждать естественную потребность бизнеса вкладывать капитал в развитие кибербезопасности и защиту персональных данных клиентов. Между тем, исходя из анализа законопроекта, видно, что состав правонарушения не связан с виновными действиями или бездействиями напрямую, а лишь с последствиями утечки, на что прямо указывает АБД. Такой подход, на наш взгляд, является верным, но не раскрытым в полной мере. Очевидно, что построенные подобным образом правовые конструкции не образуют правовой определенности при их практическом применении, что законо-

мерно приведет к введению ответственности вне зависимости от причин утечки. Отсюда вытекает явное противоречие принципам не только административного, но и российского законодательства в целом: до момента возбуждения уголовного дела, связанного с утечкой информации, или иного лица в рамках административного производства виновность оператора персональных данных презюмируется. Кроме того, на сегодняшний день отсутствуют конкретные законодательно установленные минимальные меры, которые должны применяться бизнес-единицами, чтобы система защиты персональных данных считалась достаточной. При таких обстоятельствах, даже исполнение требований Приказа ФСТЭК России № 17, предъявляемых к более сложным системам, не будет основанием для освобождения от административной ответственности, а «недостаточность» действий лица будет расценена как бездействие.

Во-вторых, из текста письма АБД явно вытекает вопрос следующего содержания: а кто будет проводить расследование и доказывать вину? Ассоциация указывает, что у Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор, РКН) попросту отсутствует регламент проведения расследования об инцидентах. Помимо фактора, описанного ранее, особую тень отбрасывает расценивание в качестве обстоятельства отягчающего обстоятельства неуведомление Роскомнадзора в течение 72 двух часов о результатах проведенного расследования. Очевидно, что полноценное расследование даже в компании-субъекте малого предпринимательства занимает гораздо больше времени. Выгодно ли Роскомнадзору самостоятельно проводить расследования? Вопрос риторический. Эффективность и глубина результатов расследования представленных в течение 72 часов вызывает сомнения, равно как и практическая значимость данного положения Федерального закона «О персональных данных». На наш взгляд, такие расследования нельзя рассматривать исключительно как инструмент защиты субъекта персональных данных, поскольку в условиях данного законопроекта компания в целях реализации принципа состязательности правосудия готовит аргументацию, позволяющую отстаивать свои интересы.

Фактическая презумпция виновности и сравнительно большой размер штрафных санкций, на наш взгляд, могут спровоцировать не только повышенное внимание к информационной безопасности компаний, но также и ряд активизировать деятельность, в том числе преступную, основанную на требовании выплаты откупа вместо направления каким-либо лицом жалобы в Роскомнадзор и, как результат, последующего получения административного штрафа. Вследствие изложенного, самостоятельное отстаивание интересов является особенно актуальным в текущих реалиях рынка, когда активно развивается потребительский экстремизм, активизируются преступные мошенническая и вымогательская деятельности.

Немаловажным с точки зрения практической применимости и нераскрытым остается вопрос определения степени вины лиц-участников «оборота» персональных данных. Современные реалии таковы, что между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, постоянно происходит обмен информацией. Отдельные законодательные новеллы лишь увеличивают поток информации, подлежащей обмену. Например,кратно увеличивается объем обмениваемых данных между банками и контролирующими, правоохранительными органами и периодичности таких обменов в целях повышения эффективности ОРМ, крупнейшие маркетплейсы страны запускают авторизацию через ФГИС ЕПГУ (Госуслуги) в целях исполнения требований о передаче персональных данных покупателей Федеральной таможенной службе, действующее при оформлении любого заказа для физических лиц, если товар приобретается за пределами ЕАЭС и так далее. При передаче таких огромных массивов данных утечка может произойти по любому каналу, вследствие чего любая скомпилированная база данных из прошлых утечек может быть предъявлена в качестве доказательства вины хозяйствующего субъекта.

Что касается вопроса ответственности государственных и муниципальных органов, то он остается открытым. Абсолютно очевидно, что размер ответственности, который может быть вменен субъекту предпринимательской деятельности кратно выше размера ответственности, вменяемому должностному лицу государственного органа. В то же время, оснований полагать, что утечка персональных данных субъекта через государственный или муниципальный орган менее вероятна, нет.

Авторы Законопроекта № 502104–8 также указывают, что существующий размер ответственности не соразмерен с возможными последствиями от произошедших утечек. При этом, с учетом упомянутого ранее подхода, когда привлечение к ответственности не связано с виновными действиями или бездействиями напрямую, а лишь с последствиями утечек, размеры штрафов несоразмерны для операторов. Так, например, фиксированный штраф в размере 700 000 тысяч рублей для одной компании может быть катастрофическим, а для другой лишь очередной «каплей в море» в статьях расходов, что может оказать резко негативное влияние на экономический потенциал субъектов.

Аналогично обстоят дела и с оборотными штрафами, при назначении которых (на данном этапе) оборотный капитал за предшествующий год является единственным количественным показателем, от которого будет рассчитываться оборотный штраф. При этом, параметр размера выручки компании на определенном товарном рынке, в зависимости от которого дифференцировался бы предельный размер оборотного штрафа, отсутствует. Такой подход, например, используется в правоприменительной практике по европейскому GDPR (General Data Protection Regulation). Однако, как показывает опыт, в краткосрочной и средне-

срочной перспективе большие оборотные штрафы также оказывают негативное влияние, в том числе снижению венчурных инвестиций, смещение фокуса с прорывных инноваций на адаптационные, частичный отказ от сделок на уровне стартапов, сопряженные с увеличением финансовых рисков [5, с. 29–46].

При этом, существуют и иные факторы негативного влияния на экономику, например, необходимость дорогого технического обеспечения информационной безопасности под угрозой несопоставимо высоких штрафов значительно увеличит порог входа на рынки, что в долгосрочной перспективе увеличит степень монополизации отраслей. С другой стороны, на увеличение порога входа повлияет также и значительное повышение стоимости ИТ-услуг вследствие резко возросшего спроса на них.

Как уже было сказано ранее, эффективной является такая правовая норма, которая полностью достигает изначальной цели её создания с минимальными издержками. Так, согласно пояснительной записке к проекту федерального закона, среди основных целей Законопроекта № 502104–8 декларируются следующие:

- 1) Инвестиции операторов персональных данных в развитие инфраструктуры информационной безопасности и защита персональных данных пользователей.
- 2) Создание мотивационного механизма соблюдения требований законодательства о персональных данных.
- 3) Снижение случаев «утечек» персональных данных.

Исходя из текста вышеупомянутой пояснительной записки к федеральному закону, можно сделать вывод, что он вынесен на обсуждение исключительно в интересах субъектов персональных данных (защиты его персональных данных), что в конечном счете должно повысить его благосостояние, пусть и ценой больших экономических издержек операторов. Между тем, интерес самих субъектов не так очевиден и однозначен, и применение в качестве отправного «правила ответственности», а не, например, «правила собственности», не всегда может являться эффективным подходом.

Изложенное, на наш взгляд, является результатом «парадокса приватности» в Российской Федерации. Роскомнадзор активно блокирует VPN-сервисы, запрещает их рекламу на территории государства, поскольку обработка данных граждан, с их точки зрения, происходит небезопасным способом: большинство таких сервисов не исполняет «закон о приземлении», располагая свои серверы за рубежом, а не внутри РФ, что, само собой, противоречило бы основной функциональной сути виртуальных частных сетей. При этом, согласно аналитике data.ai, VPN-сервисы в РФ скачали 160 миллионов раз, что делает эту категорию самой популярной среди других. Для сравнения, мессенджеры в 2023 году скачали лишь чуть более 86 миллионов раз, что практически в два раза меньше предыдущего показателя [7, дата обращения

14.04.2023]. В то же время, например, передача биометрии в ЕБС вызывало волну недовольства среди граждан. Таким образом, с одной стороны, россияне предпочитают небезопасную обработку персональных данных в угоду избирательной конфиденциальности, анонимности по отношению к государственным органам и доступу к заблокированным сервисам. С другой стороны, при высоком уровне противостояния сбору данных компаниями и их сервисами, имеют место быть частые проявления «наученной беспомощности», которая выражается, в том числе, во фразах «да они и так о нас все знают».

Возвращаясь к самим компаниям, стоит сказать, что в рамках оценки материального вклада в информационную безопасность компаний различного масштаба наблюдается огромнейшая диспропорция. Так, например, абстрагируясь от вложений вследствие количества обрабатываемых данных, крупнейшие ИТ-гиганты РФ вкладывают сравнительно больше средств в защиту данных, нежели субъекты МСП. В то же время, вероятность утечки данных не находятся в прямой зависимости от размера инвестиций в данное протекционистское направление. Иными словами, вклад бесконечного количества денежных средств не будет способствовать санации данного риска.

Идеальной теоретической иллюстрацией данного явления, на наш взгляд, является известное эмпирическое мнемоническое правило, выведенное экономистом Вильфредо Парето, согласно базовой формулировке которого 20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий – лишь 20% результата. Фактически, если представить данное правило в виде графика, то для достижения 100% эффективности принимаемых мер для минимизации рисков утечек персональных данных необходимо будет бесконечное количество принятых мер, что с практической точки зрения является невозможным. С этой точки зрения, представляется важным приведение систем защиты персональных данных в компаниях к наиболее эффективно «минимуму». Данный «минимум» организационных, правовых и технических мер (теоретически) уже разработан в российском законодательстве в форме перечня, вытекающего из совокупности норм. Между тем, критерии оценки внедренных мер отсутствуют.

В этом смысле, прогрессивной мерой представляется разработка АБД отраслевого стандарта защиты данных. Данный стандарт определяет порядок осуществления оценки уровня зрелости организации процессов в области защиты информации, а также способов валидации результатов проведенной оценки [12, дата обращения 01.05.2024]. Такая мера не является исчерпывающей, но, на наш взгляд, является правильным вектором развития, безусловно поднимающим уровень правовой определенности и осведомленности субъектов.

Одной из основных причин, приводящих к утечкам, являются как умышленные, так и неумышленные действия и бездействия инсайдеров, на борь-

бу с которыми и направлены системы внутреннего соответствия. Комплаенс-контроль является частью большой системы управления, в рамках которой также проводятся мероприятия по повышению осведомленности субъектов с целью минимизации рисков, вызываемых неправомерными действиями сотрудников.

С точки зрения критерия Калдора-Хикса применение любой комплаенс-системы, в том числе и по персональным данным, представляется эффективной, поскольку общественные выгоды от реализации абсолютно очевидно превышают общественные издержки, связанные с применением этой нормы. Таким образом, внедрение систем комплаенс-контроля внутри организации само по себе является прогрессивной и эффективной мерой, поскольку направлено на митигацию рисков нарушений законодательства с минимальными издержками (в сравнении с штрафными санкциями за их нарушение).

Как указывает в своем труде В.Ф. Поподнопуло, внедрение таких риск-превентивных систем должно представлять собой естественную потребность бизнеса, поскольку бесспорно является эффективным. Это следует из сути (экономической) предпринимательской деятельности, которая представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность. Любая экономическая деятельность, испытывающая специально администрируемое регулятивное государственное воздействие с установлением имущественных санкций за отклонение от законодательно закрепляемых стандартов поведения, в первоочередном порядке рассматривается в качестве объекта для специально структурируемых комплаенс-процедур [6, с. 102–114].

Активное внедрение превентивных механизмов субъектами предпринимательской деятельности, как с точки зрения критериев Парето, Бентама, так и с точки зрения критерия Калдора-Хикса, бесспорно представляется эффективной мерой. Сокращая количество совершаемых нарушений законодательства, организации, в контексте исследуемой отрасли права, достигают максимального частного и общественного уровня благосостояния, сокращая при этом издержки, доводя их до минимального уровня. Это и обуславливает необходимость их внедрения в сфере приватности.

Таким образом, считаем, что, следуя по схожему антимонопольному сценарию, комплаенс сфере персональных данных в скором времени должен стать естественной потребностью бизнеса вне зависимости от рынка хозяйствования.

В то же время, для достижения декларируемых целей как готовящихся законопроектов, так и закона в целом, а также неукоснительного соблюдения общеправовых принципов, считаем необходимым внести в законодательные акты следующие изменения:

- 1) Внести в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О защите персональных данных» положения, регламентирующие право компа-

ний внедрять комплаенс по защите персональных данных и установить его правовой статус по аналогии со ст. 9.1. Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

- 2) В норме, регламентирующей право компаний внедрять комплаенс по защите персональных данных, указать на обязанность органов исполнительной власти, государственных и муниципальных унитарных предприятий внедрить систему соответствия требованиям действующего законодательства в сфере персональных данных
- 3) Во вновь введенных положениях обязательно предусмотреть, что для организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям законодательства о защите персональных хозяйствующий субъект принимает внутренний акт (внутренние акты) и (или) применяет иные внутренние акты, в том числе другого лица из числа лиц, входящих в одну группу лиц с этим хозяйствующим субъектом, если такие внутренние акты распространяются на этого хозяйствующего субъекта. Указанные внутренние акты в совокупности должны соответствовать Разъяснениям Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций о системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям законодательства о защите персональных данных
- 4) Внести в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О защите персональных данных», административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций положения о праве утверждения компетентным органом исполнительной власти внедренной в обществе комплаенс-программы.
- 5) Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ и Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О защите персональных данных» совокупные положения, в легальном порядке устанавливающие наличие утвержденной уполномоченным государственным органом исполнительной власти комплаенс-программы по защите персональных данных в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность и ограничивающего предельный размер штрафа.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
3. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства, утвержденный Президентом РФ от 20.06.2023 № Пр-1220

[Электронный ресурс] / URL: legalacts.ru/doc/perechen-poruchenii-po-itogam-soveshchanija-s-chlenami-pravitelstva-utv_42/?ysclid=lvqpxr9cab43828390 (дата обращения 10.12.2023).

4. Законопроект № 502104–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за нарушение порядка обработки персональных данных)» [Электронный ресурс] / URL: sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8 (дата обращения 10.03.2024).
5. Моросанова. А.А. Усиление регулирования защиты персональных данных в России: экономические последствия и риски // Управленец. № 14 (5). 2023. С. 29–46.
6. Попондопуло В. Ф., Петров Д.А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. № 1. 2020. С. 102–114.
7. В 2023 году россияне чаще всего загрузили из Google Play и App Store VPN-сервисы. Статья [Электронный ресурс] / URL: habr.com/ru/news/785936/ (дата обращения 14.04.2024).
8. В Совфеде предложили штрафовать компании за утечки персональных данных. Статья [Электронный ресурс] / URL: ria.ru/20230617/shtraf-1878829440.html (дата обращения 10.12.2023).
9. Исследование по утечкам персональных данных. HFLabs. Статья [Электронный ресурс] / URL: blog.hflabs.ru/issledovaniie-po-utiechkam-piersonalnykh-dannykh/ (дата обращения 10.12.2023).
10. Кремль опубликовал статистику выполнения поручений президента. Статья [Электронный ресурс] / URL: ftimes.ru/236065-kreml-opublikoval-statistiku-vypolneniya-poruchenij-prezidenta.html (дата обращения 10.12.2023).
11. О финансовых результатах деятельности организаций в 2023 году. Статья [Электронный ресурс] / URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/32_06-03-2024.html (дата обращения 10.03.2024).
12. Отраслевой стандарт АБД km 18.04.2024 [Электронный ресурс] / URL: rubda.ru/wp-content/uploads/2024/04/2_%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82_%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%8B_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_042024_%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93.pdf (дата обращения 01.05.2024).

COMPLIANCE IN THE FIELD OF PERSONAL DATA AS A MEAN OF MINIMIZING BUSINESS RISK

Reshetnev A.V.
Russian University of Cooperation

The article examines legislative innovations in the field of personal data. The author conducts a positive economic analysis of draft

laws from the point of view of its effectiveness and draws conclusions about the lack of balance of private and public interests in the understudy field. One of the reasons for the lack of a «balance» is the application of prohibitive and punitive policies without taking into account the opinions of society and business. The introduction of revolving fines proposed by the authors of the bill may have a purely negative impact on the economy as a whole, and the lack of proper incentive and motivating mechanisms will rather lead to improved ways to circumvent the law and (or) formal compliance with requirements. Based on the results of a comprehensive analysis, the author proposes changes that consolidate the legal status of compliance with personal data within companies. It is also proposed to amend the Administrative Code of the Russian Federation and the legislation on personal data of aggregate provisions fixing the existence of a compliance program approved by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) as a mitigating circumstance, significantly reducing the amount of the imposed penalty.

Keywords: economic analysis of law, effectiveness of legislation, personal data, confidentiality of personal data, privacy, information security, negotiable fines, compliance, internal monitoring systems, personal data leakage.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 06/17/1996. No. 25. Art. 2954.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 12/31/2001. No. 256.
3. List of instructions based on the results of the meeting with members of the Government, approved by the President of the Russian Federation dated June 20, 2023 No. Pr-1220 [Electronic resource] / URL: legalacts.ru/doc/perechen-poruchenii-po-itogam-soveshchanija-s-chlenami-pravitelstva -utv_42/?ysclid=lvqpxr9cab43828390 (accessed 12/10/2023).
4. Bill No. 502104–8 “On amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (in terms of increasing liability for violation of the procedure for processing personal data)” [Electronic resource] / URL: sozd.duma.gov.ru/bill/502104–8 (accessed March 10, 2024).
5. Morosanova. A.A. Strengthening regulation of personal data protection in Russia: economic consequences and risks // Manager. No. 14 (5). 2023. pp. 29–46.
6. Popondopulo V.F., Petrov D.A. Compliance as a legal tool for minimizing risks and preventing offenses // Bulletin of St. Petersburg University. Right. No. 1. 2020. pp. 102–114.
7. In 2023, Russians most often downloaded VPN services from Google Play and the App Store. Article [Electronic resource] / URL: habr.com/ru/news/785936/ (date accessed 04/14/2024).
8. The Federation Council proposed fining companies for personal data leaks. Article [Electronic resource] / URL: ria.ru/20230617/shtraf-1878829440.html (access date 12/10/2023).
9. Research on personal data leaks. HFLabs. Article [Electronic resource] / URL: blog.hflabs.ru/issledovaniie-po-utiechkampersonalnykh-dannykh/ (accessed 12/10/2023).
10. The Kremlin published statistics on the implementation of the president’s instructions. Article [Electronic resource] / URL: ftimes.ru/236065-kreml-opublikoval-statistiku-vypolneniya-poruchenij-prezidenta.html (access date 12/10/2023).
11. On the financial results of organizations in 2023. Article [Electronic resource] / URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/32_06–03–2024.html (access date 03/10/2024).
12. Industry standard ABD km 04/18/2024 [Electronic resource] / URL: rubda.ru/wp-content/uploads/2024/04/2_%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82_%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%8B_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_042024_%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93.pdf (access date 05/01/2024).

Неуплата имущественных санкций как способ злоупотребления при банкротстве юридического лица

Сергеева Ольга Андреевна,

магистрант направления «Юриспруденция», Новосибирский государственный университет
E-mail: olsvaaa@gmail.com

Наличие задолженности у юридического лица само по себе не свидетельствует о его несостоятельности, значит, не всякая задолженность может послужить основанием для возбуждения дела о банкротстве. Для этого в законодательстве предусмотрены критерии по составу и размеру задолженности. Вместе с тем, эти критерии являются условными и формальными, и, стоит предположить, должны были послужить скорее ориентирами, которые могли бы быть расценены по-разному в зависимости от иных фактических обстоятельств. Однако на практике эти условные критерии превратились в «обязательные признаки несостоятельности» для возбуждения дела о банкротстве, что повлекло неблагоприятные последствия. В статье анализируется способ злоупотребления правом в форме неуплаты имущественных санкций и накопления основного долга в пределах условно допустимого размера. Хотя несколько лет назад Верховный Суд Российской Федерации признал такие действия злоупотреблением правом, информация об этом не получила достаточного внимания, в связи с чем описанный способ используется недобросовестными должниками по сей день.

Ключевые слова: банкротство юридического лица, имущественные санкции, компенсаторная функция, недобросовестность, злоупотребление правом, принудительное исполнение обязательств.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ[1] (далее – Закон о банкротстве) производство по делу о банкротстве может быть возбуждено арбитражным судом при условии, что требования к юридическому лицу в совокупности составляют не менее трехсот тысяч рублей.

20 декабря 2023 года в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект № 516699–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [2], предусматривающий, в частности, повышение установленного п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве порога суммы долга, являющегося минимальным для возможности инициирования процедуры банкротства юридического лица, до двух миллионов рублей. На момент проведения настоящего исследования законопроект прошел третье чтение и передан в Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

Вместе с тем, ни этот проект, ни какие-либо другие не направлены на решение проблем, периодически возникающих на фоне имеющегося в абз. 3–4 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве ограничения, связанного с возможным для инициирования процедуры банкротства составом долга.

Исходя из указанных законодательных положений, подлежащие применению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства неустойки (штрафы, пени), проценты за просрочку платежа, иные имущественные санкции не учитываются при определении наличия признаков банкротства должника.

Содержание таких весьма условных критериев в действующем законодательстве позволяет недобросовестным должникам искусственно создавать ситуацию, в которой они формально не могут быть признаны банкротами при фактической неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества.

Также такое ограничение позволяет недобросовестным должникам намеренно избегать погашения имущественных санкций, возникших в результате ненадлежащего исполнения (неисполнения) обязательств, накапливая их до сколь угодно размера.

Увеличение минимального размера требований кредиторов для возбуждения дела о банкротстве должника до двух миллионов рублей, которое предполагается в случае вступления в силу указанного в начале настоящей статьи законопроекта (стоит отметить, что само по себе повышение

порога давно обсуждается в юридическом сообществе и в целом обоснованно признается необходимым), без изменения условий о составе таких минимальных требований повлечет расширение поля для злоупотреблений недобросовестными должниками: накопление существенной задолженности станет возможным не только в виде санкций, но и в виде большей суммы основного долга. При том, что неисполнение обязательств в размере двух миллионов рублей (тем более без учета штрафных санкций) может оказаться роковым для некоторых субъектов, например, повлечет невозможность дальнейшей деятельности индивидуального предпринимателя, недавно вышедшего на рынок.

Следует сделать оговорку, что, безусловно, российский правопорядок предусматривает различные способы взыскания задолженности (а не только в рамках банкротного процесса), однако их эффективность является сравнительно низкой. Так, крайне часто критикуется работа службы судебных приставов, к целям деятельности которой относится обеспечение исполнения судебных актов, а особенностью которой является наличие права применять к должнику меры принудительного исполнения. Сотрудники службы перегружены, у многих отсутствует высшее юридическое образование, коммуникация с остальными государственными органами не отлажена. Зачастую встречаются указания и на полное бездействие отдельных судебных приставов-исполнителей[3].

Весьма спорной считается и деятельность коллекторских агентств (являющихся законной «альтернативой» Федеральной службы судебных приставов в части взыскания задолженностей), которые, с одной стороны, гораздо более заинтересованы в получении исполнения от должника (поскольку в зависимости от размера взысканной задолженности меняется сумма причитающегося агентству вознаграждения или выгода, которая получается в результате заключения агентством договора уступки права требования к должнику), с другой – значительно ограничены законодателем в возможностях воздействовать на должника для обеспечения соблюдения прав последнего. Соответствующее законодательство, при этом, достаточно переменчиво, что также является негативным фактором, влияющим на стабильность деятельности коллекторских агентств.

Кроме того, с учетом стремительного развития цифровых платежных систем повышается риск сокрытия имущества, например, путем хранения активов в криптовалюте. При этом, такие способы легко применимы и не зависят от размера активов. Представляется, что указанные ранее субъекты пока не разработали действенные способы борьбы с сокрытием активов путем их цифровизации.

Таким образом, в связи со сравнительной неэффективностью остальных способов принудительного взыскания задолженности, порой инициирование процедуры банкротства используется в качестве понуждения к исполнению обязательства

(в том числе и при отсутствии фактической несостоятельности дебитора) и, безусловно, в качестве непосредственно способа принудительного исполнения.

При этом, следует сделать акцент на том, почему именно банкротство следует считать более эффективнее остальных. Оно, как специфический способ взыскания задолженности, является наиболее «опасным» для должника – юридического лица, поскольку его завершающей стадией является ликвидация. Соответственно, возбуждение процедуры банкротства следует считать наиболее эффективным законным способом воздействия на управление должника, поскольку ни один разумный владелец не допустит юридической смерти фактически действующего неубыточного бизнеса по причине неуплаты долгов.

Значимость банкротства для кредиторов наглядно подтверждается судебной статистикой. Так, согласно данным, публикуемым судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в 2023 году практически 93,5% от общего числа принятых к производству заявлений составили именно заявления кредиторов. В 2022 и 2021 годах их доля составила 89,6% и 91,3% соответственно[4] (при этом в 2022 году постановлением Правительства Российской Федерации от 28.03.2022 N 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» [5] вводился шестимесячный мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов; то есть следует предположить, что в отсутствие моратория доля принятых к производству заявлений кредиторов была бы еще выше).

Поставленная проблема осложняется тем, что порядок погашения требований кредиторов частично регламентирован законом в рамках императивных норм, которые оттесняют имущественные санкции на «второй план».

Так, в соответствии со ст. 319 Гражданского кодекса Российской Федерации[6] (далее – ГК РФ) сумма произведенного платежа, недостаточная для исполнения денежного обязательства полностью, погашает прежде всего издержки кредитора по получению исполнения (то есть, например, расходы на оплату государственной пошлины при подаче иска, расходы на оплату услуг представителей), затем – проценты, под которыми в силу п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [7] (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 54) понимаются проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами, предусмотренные например, ст.ст. 317.1, 809, 823 ГК РФ. Указанные категории расходов, как правило, являются не столь существенными, в связи с чем становятся вторичными для самих

кредиторов. В третью очередь погашается сумма основного долга.

Следует акцентировать внимание на том, что по смыслу указанных положений проценты, которые являются мерой гражданско-правовой ответственности, например, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, к указанным в ст. 319 ГК РФ не относятся и погашаются после суммы основного долга. Упоминание иных имущественных санкций в норме и вовсе отсутствует, в связи с чем очевидным становится вывод, что они, как меры гражданско-правовой ответственности, также погашаются в последнюю очередь.

Указанные положения косвенно отражают отношение законодателя к имущественным санкциям, поскольку при распределении суммы, недостаточной для полного исполнения обязательства, им какого-либо внимания не уделяется.

Также важно, что ст. 319 ГК РФ допускает заключение соглашения, меняющего очередность погашения требований в отсутствие у должника возможности полного исполнения обязательств перед кредитором. Однако согласно п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 54 соглашением сторон может быть изменен порядок погашения только тех требований, которые названы в ст. 319 ГК РФ. Это означает, что при наличии задолженности, состоящей из денежных требований, перечисленных в ст. 319 ГК РФ, а также иных имущественных санкций, уплата второй категории производится в последнюю очередь. Согласно п. 2 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.10.2010 № 141 «О некоторых вопросах применения положений ст. 319 Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] соглашение, предусматривающее, что при исполнении должником денежного обязательства не в полном объеме требования об уплате неустойки, процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, или иные связанные с нарушением обязательства требования погашаются ранее требований, названных в ст. 319 ГК РФ, противоречит смыслу данной статьи и является ничтожным в силу ст. 168 ГК РФ. Это подтверждается и судебной практикой, в частности, определением Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 N 305-ЭС21–17458 по делу N A40–208774/2016[9], постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.04.2023 по делу № А45–32894/2022[10], от 23.01.2023 по делу № А27–21591/2021[11].

Таким образом, в рамках действующего правового регулирования удовлетворение имущественных санкций вперед иных требований возможно исключительно добровольным путем, что, безусловно, не относится к интересам недобросовестного должника. Фактически изложенное означает, что законодатель относит имущественные санкции за ненадлежащее исполнение (неисполнение) обязательств к чему-то дополнительному и необязательному.

Теперь следует более подробно рассмотреть непосредственно механизм недобросовестного использования должниками условных критериев, установленных действующим законодательством в отношении состава и размера задолженности для возбуждения дела о банкротстве.

Злоупотребление осуществляется путем частичного удовлетворения требований кредитора таким образом, чтобы размер основного долга составлял сумму менее порогового значения (в триста тысяч рублей в настоящий момент, а с момента вступления в силу новой редакции Закона о банкротстве – значения в два миллиона рублей). Наличие штрафных санкций злоупотребляющий должник может игнорировать полностью.

В результате таких действий, несмотря на уменьшение размера задолженности, кредитор продолжает претерпевать неблагоприятные последствия в форме неполучения положенной ему суммы денежных средств из присужденных должнику санкций, которые, помимо прочего, носят компенсаторный и восстановительный характер, направлены на сглаживание негативных имущественных последствий ненадлежащего исполнения (или вовсе неисполнения) обязательства, и, безусловно, в форме неполучения оставшейся части основного долга при наличии таковой.

Положение кредитора в случае злоупотребления должником таким способом осложняется тем, что, исходя из актуальной судебной практики, при разрешении споров о возбуждении дел о банкротстве в большинстве случаев суды подходят формально, оценивая лишь размер основного долга, то есть проверяют юридическое лицо на соответствие исключительно условным критериям, которые, представляется, скорее должны исполнять функцию ориентира для правоприменителей.

В качестве примера можно привести постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.11.2021 по делу N A21–2114/2021[12]. В судебном акте отражено, что с заявлением о банкротстве обратился кредитор, требования которого состояли из суммы основного долга равной 790 309 руб., суммы пеней в размере 1 055 974 рублей, а также расходов по уплате государственной пошлины в размере 34 463 рублей. После возбуждения дела должник частично погасил задолженность, так, что сумма основного долга составила менее 300 000 рублей (точнее – 224 772 рублей, что не столь существенно меньше; пени же не были уплачены даже в части). Суд первой инстанции, отказав во введении наблюдения, прекратил производство по делу. Суды апелляционной и кассационной инстанции оставили судебный акт без изменений, поскольку не усмотрели ни признаков неплатежеспособности, ни злоупотребления правом в действиях должника. Вместе с тем, их позиция представляется неверной. Ошибочность выводов судов косвенно подтверждает наличие нескольких заявлений о признании должника по указанному делу несостоятельным, одно из которых легло в основу уже «успешно» дела о банкротстве № А21–

229/2023[13]. Следует предположить, что фактически должник является несостоятельным уже не менее трех лет, а действия по частичному погашению долга осуществлены без намерения исполнить свои обязательства перед кредитором (со значительной вероятностью у должника имелся скрытый неправомерный интерес, например, отсрочить процедуру банкротства для вывода активов или же лишить кредитора статуса заявителя для последующего проведения «подконтрольной» процедуры банкротства).

Аналогичные обстоятельства отражены в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.10.2022 по делу N А45–4986/2022[14]: в результате частичного погашения сумма основного долга составила менее 300 000 рублей (точнее – 262 395,21 рублей, что несущественно меньше). И несмотря на то, что в совокупности с неустойкой и процентами за пользование чужими денежными средствами остаток задолженности двукратно превышал минимальный порог, суды не усмотрели оснований для возбуждения дела о банкротстве.

Вместе с тем, на практике постепенно формируется позиция о том, что формализм является недопустимым при разрешении вопроса о возможной несостоятельности должника. Так, даже в указанном ранее акте Арбитражный суд Западно-Сибирского округа изложил позицию, в соответствии с которой сама по себе «незначительность размера требования к должнику не должна освобождать последнего от введения процедуры несостоятельности при наличии сведений, очевидно указывающих на неплатежеспособность должника, то есть на прекращение исполнения им денежных обязательств, а также на недобросовестность лиц, вовлеченных в спорные правоотношения».

Последней частью приведенного высказывания суд отсылает к определению Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2016 N 308-ЭС16–4658[15]. Исходя из правовой позиции высшей судебной инстанции о недобросовестности лица, погасившего требование должника частично, может свидетельствовать наличие очевидной неплатежеспособности должника, в частности, наличие к нему значительного количества требований иных кредиторов. В судебном акте Судебная коллегия акцентировала внимание на том, что, погашая задолженность частично и, более того, лишь ее составную часть в виде основного долга, лицо стремится лишить кредитора статуса заявителя по делу о банкротстве. То есть описанное поведение свидетельствует об отсутствии намерения исполнять обязательства или иным образом восстанавливать положение кредитора, ранее не получившего надлежащее исполнение. Действия должника по указанному делу квалифицированы как злоупотребление правом по ст. 10 ГК РФ.

Фактически изложенное означает, что требования, не проходящие формальные критерии (по размеру и составу), могут послужить основанием возбуждения дела о банкротстве даже в отсутствие

соответствующего положения в действующих правовых нормах.

Вместе с тем, следует обратить внимание, что указанное ранее определение датируется 2016 годом. Несмотря на то, что оно раскрыло и сам способ злоупотребления правом, и то, каким образом суд может воспрепятствовать осуществлению неправомерных намерений, подход Высшей инстанции не получил широкого применения на практике (что подтверждается в том числе указанными в настоящей работе более новыми судебными актами об отказе в возбуждении дел о банкротстве), а также не повлиял на содержание законодательства в сфере банкротства.

Возможность накопления кредиторской задолженности, состоящей из имущественных санкций, появившихся в результате нарушения обязательств, помимо прочего, подрывает эффективность большинства распространенных способов обеспечения исполнения обязательств.

Что важно, эффективность таковых в рамках банкротных споров зачастую является крайне спорной и без учета возможности злоупотребления права рассматриваемым способом. Так, например, кредитор, чье требование подлежит включению в третью очередь реестра, и одновременно чье право обеспечено неустойкой, фактически не получает какого-либо преимущества по сравнению с кредиторами, права которых не обеспечены никаким способом. Единственным отличием является возможность получения дополнительной суммы денежных средств, которая, впрочем, также включается в реестр требований кредиторов, да еще и согласно п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве учитывается отдельно и подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов, не связанных с нарушением обязательств. Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев даже сами требования, включенные в третью очередь реестра, погашаются лишь в малой части, даже указанная возможность получения дополнительных средств является призрачной (и даже комичной).

Впрочем, упомянутая проблема неэффективности большинства распространенных способов обеспечения исполнения обязательств давно обсуждается в юридическом сообществе и фактически является комплексной, то есть рассматриваемый в настоящей работе способ злоупотребления при банкротстве является лишь очередным подтверждением существующего недостатка правового регулирования в соответствующей области.

При рассмотрении поставленной настоящей работой проблемы необходимо учитывать, что имущественные санкции выполняют одновременно и превентивную, и компенсаторную функции. Первая заключается в том, что лицо, к которому применяются такие санкции, в связи с предшествующим этому неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, несет неблагоприятные последствия, в результате чего в последствии стремится избежать неправомерного поведения.

Чтобы раскрыть вторую функцию использования гражданско-правовых санкций представляется уместным привести позицию А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко: «ответственность в гражданских правоотношениях позволяет пострадавшей стороне воспользоваться правом потребовать компенсации или заглаживания причиненных неудобств» [16]. Аналогичный вывод содержится в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2020 N 306-ЭС20–2351 по делу N A65–11516/2019[17]. В нем отмечено, что «целью применения гражданско-правовой ответственности является восстановление имущественных потерь кредитора, возникших в связи с нарушением должником своих обязательств».

То есть, несмотря на то, что одним из назначений применения имущественных санкций является, по крайней мере, восстановление экономического положения кредитора, надлежащего внимания эффективности их применения не уделяется, что нельзя оценить положительно.

Таким образом, исследуемый в настоящей работе способ злоупотребления правом достигается путем неуплаты присужденных кредиторам имущественных санкций, а также части суммы основного долга. В случае внесения упомянутых в настоящей работе изменений в Закон о банкротстве исследуемый механизм злоупотребления станет еще более вредоносным.

Аккумуляция задолженностей даже исключительно из сумм имущественных санкций является недопустимым поведением для добросовестных субъектов предпринимательской деятельности. В связи с чем такое поведение должно трактоваться либо как злоупотребление правом (если будет установлено, что должник на самом деле имеет возможность погасить задолженность в полном размере), либо как явный признак несостоятельности. Соответственно, и в первом, и во втором случае возбуждение дела о банкротстве должно быть возможным. Именно оно способно оказать эффективное воздействие на злоупотребляющего должника, либо же, в отсутствие злоупотребления, позволит признать банкротом в действительности несостоятельное лицо. Использование формального подхода, который отчетливо прослеживается в судебной практике, является недопустимым, поскольку влечет нарушение прав кредиторов.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Проект Федерального закона от 20.12.2023 № 516699–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699–8#bh_histras. (Дата обращения 23.05.2024).
3. Полнякова Е.М. Верховный Суд Российской Федерации: ущерб, причиненный бездействием судебного пристава-исполнителя, возмещается государством // Российский судья. 2019. № 5. СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения 03.05.2024).
4. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>. (Дата обращения 28.04.2024).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» (ред. от 13.07.2022) // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2278 (утр. силу).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Рос. газета. 2016. 5 декабря.
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.10.2010 № 141 «О некоторых вопросах применения положений ст. 319 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 12. С. 123–125.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 N 305-ЭС21–17458 по делу N A40–208774/2016 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 09.05.2024).
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.04.2023 по делу № A45–32894/2022 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 09.05.2024).
11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.01.2023 по делу № A27–21591/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 09.05.2024).
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.11.2021 по делу N A21–2114/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 10.05.2024).
13. Определение Арбитражного суда Калининградской области от 19.07.2023 по делу № A21–229/2023 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 10.05.2024).
14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.10.2022 по делу N A45–4986/2022 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 10.05.2024).
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2016 N 308-ЭС16–4658 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 23.04.2024).

16. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Диспозитивное и императивное регулирование договоров: анализ законодательства, доктрины из судебной практики (на примере (не)признания договорных условий ничтожными) // Арбитражные споры. 2021. № 3. С. 89–104.
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2020 N 306-ЭС20–2351 по делу N А65–11516/2019 // Консультант Плюс: справ.-прав. система. (Дата обращения 23.04.2024).

AVOIDING REPAYMENT OF PROPERTY LIABILITY AS A WAY OF ABUSE IN THE BANKRUPTCY OF A LEGAL PERSON

Sergeeva O.A.

Novosibirsk State University

References

1. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)” (as amended on December 25, 2023) // SZ RF. 2002. No. 43. Art. 4190.
2. Draft Federal Law No. 516699–8 dated December 20, 2023 “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Article 223 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699–8#bh_histras. (Date of access: 05/23/2024).
3. Polnyakova E.M. Supreme Court of the Russian Federation: damage caused by the inaction of the bailiff is compensated by the state // Russian Judge. 2019. No. 5. SPS “ConsultantPlus”. (Date of access: 05/03/2024).
4. Data from judicial statistics of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>. (Date of access: 04/28/2024).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of March 28, 2022 No. 497 “On the introduction of a moratorium on the initiation of bankruptcy proceedings on applications submitted by creditors” (as amended on July 13, 2022) // SZ RF. 2022. No. 14. Art. 2278 (morning force).
6. Civil Code of the Russian Federation. Part one: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 14, 2023) // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 22, 2016 No. 54 “On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on obligations and their execution” // Ross. newspaper. 2016. December 5.
8. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 20, 2010 No. 141 “On some issues of application of the provisions of Art. 319 of the Civil Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. No. 12. pp. 123–125.
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 7, 2021 N 305-ES21–17458 in case N A40–208774/2016 // Consultant Plus: reference book. system. (Date of access: 05/09/2024).
10. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated April 25, 2023 in case No. A45–32894/2022 // Consultant Plus: reference book. system. (Date of access: 05/09/2024).
11. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated January 23, 2023 in case No. A27–21591/2021 // Consultant Plus: reference book. system. (Date of access: 05/09/2024).
12. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated November 22, 2021 in case No. A21–2114/2021 // Consultant Plus: legal reference. system. (Date of access: 05/10/2024).
13. Determination of the Arbitration Court of the Kaliningrad Region dated July 19, 2023 in case No. A21–229/2023 // Consultant Plus: legal reference. system. (Date of access: 05/10/2024).
14. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated October 21, 2022 in case No. A45–4986/2022 // Consultant Plus: reference book. system. (Date of access: 05/10/2024).
15. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 15, 2016 N 308-ES16–4658 // Consultant Plus: reference book. system. (Date of access: 04/23/2024).
16. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. Dispositive and mandatory regulation of contracts: analysis of legislation, doctrines from judicial practice (using the example of (non) recognition of contractual terms as void) // Arbitration disputes. 2021. No. 3. pp. 89–104.
17. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 14, 2020 N 306-ES20–2351 in case N A65–11516/2019 // Consultant Plus: reference book. system. (Date of access: 04/23/2024).

Определение правовой природы краткосрочной аренды: на примере сравнительных характеристик договора каршеринга

Смирнов Илья Олегович,

аспирант кафедры конституционного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: reaper.2@yandex.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ договора каршеринга со смежными договорными конструкциями в рамках существующих в юридической науке подходов к пониманию правовой природы краткосрочной аренды. Автор детально анализирует ключевые аргументы сторонников каждого из подходов, а также сопоставляет их со сложившейся правоприменительной практикой, действующим законодательством и соглашениями, разработанными в каршеринговых организациях. По итогам проведенного сравнительного анализа договоров автор выделяет особые признаки, присущие только каршерингу и на основании которых можно делать вывод о том, что краткосрочная аренда является самостоятельной разновидностью аренды.

Ключевые слова: каршеринг, прокат, договор аренды транспортного средства без экипажа, аренда, существенные условия договора

В последнее время значительную популярность приобрел каршеринг – краткосрочная аренда, значительно повышающая мобильность жителей крупных городов. Его появление породило в юридической науке ряд дискуссионных вопросов. Один из таких вопросов связан с определением правовой природы каршеринга. В юридических исследованиях часто встречаются разные взаимоисключающие позиции, при этом до настоящего времени отсутствует какой-либо общий подход к пониманию каршеринга. В связи с чем целесообразно провести сравнительный анализ краткосрочной аренды и смежных договорных конструкций в рамках существующих подходов к пониманию правовой природы с целью определения одного общего, который будет наиболее соответствовать сущности каршеринга.

Прежде всего следует начать с того, что же представляет из себя каршеринг. Полагаем, что под ним следует понимать краткосрочную аренду транспортного средства физическим лицом для удовлетворения нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Такое понятие каршеринга является наиболее оптимальным, так как охватывает все его признаки. Само заключение договора происходит путем использования специального программного обеспечения, в котором физическое лицо должно пройти обязательную регистрацию с предоставлением документов, подтверждающих право управления транспортным средством и личность.

Стоит отметить, что заключение договора приведенным способом рассматривалось отдельными учеными как основание для разграничения каршеринга и договора аренды транспортного средства без экипажа, так как положения ст. 643 ГК РФ предусматривают обязательное требование о соблюдении письменной формы сделки [4, с. 14]. Чаще всего такой аргумент встречается в работах сторонников подхода, рассматривающего каршеринг как разновидности договора проката.

Однако, как справедливо отмечает С.А. Муратова, являющаяся сторонницей подхода, отождествляющего краткосрочную аренду и аренду транспортного средства без экипажа, заключение договора каршеринга с использованием мобильного приложения не противоречит положениям ст. 160 ГК РФ, которая признает соблюденным условие о письменной форме сделки при использовании электронных устройств в случае, если содержание сделки может быть воспроизведено на материальном носителе в неизменном виде [3, с. 201]. Вместе с тем, наличие исключительно письменной формы

в заключаемых договорах каршеринга не позволяет однозначно приравнивать его к договору аренды транспортного средства без экипажа.

Если говорить о субъектном составе, то, как правило, арендодателем выступает юридическое лицо – специализированная организация, а арендатором физическое лицо. Однако с развитием новых разновидностей каршеринга его субъектный состав был расширен. Так, для однорангового каршеринга характерным является следующее: арендодателем может быть исключительно физическое лицо, владеющее транспортным средством; появление дополнительного участника – организации, которая обеспечивает взаимодействие арендатора и арендодателя в специализированном приложении или на интернет-сайте. В отличие от каршеринга, договор аренды транспортного средства без экипажа не содержит ограничений по субъектному составу.

Упомянутый одноранговый каршеринг интересен еще тем, что он фактически свидетельствует о невозможности рассматривать краткосрочную аренду в качестве разновидности договора проката. Чаще всего сторонники подхода, отождествляющего каршеринг и прокат, опирались на субъектный состав и цель предоставления имущества – для потребительских целей [1, с. 112]. Используя совпадение состава и цели в договорах, они отстаивали позицию публичности каршеринга. Вместе с тем, такой подход не учитывает важную особенность – транспортное средство является источником повышенной опасности, поэтому право управлять им имеется не у каждого человека. Более того, даже лица, имеющие водительские права, могут нарушать правила дорожного движения, создавая угрозу для окружающих. В связи с чем организации вполне обоснованно могут отказывать в доступе к транспортным средствам физическим лицам, которые часто привлекаются к административной ответственности за нарушение ПДД и уж тем более лицам, не имеющим права управления транспортным средством. Также организации зачастую предусматривают наличие минимального водительского стажа для снижения потенциальных рисков. Все перечисленное позволяет делать вывод о невозможности признания договора каршеринга публичным.

Отдельно следует отметить, что и в правоприменительной практике преобладает схожее мнение о невозможности отнесения договора каршеринга к прокату. В юридических исследованиях, связанных с каршерингом, можно встретить упоминание одного из дел по понуждению организаций к заключению договора краткосрочной аренды с потребителем [1, с. 111]. Речь идет о деле № 2–3451/2018, в рамках которого истец просил суд понудить компании к заключению договора каршеринга на основе его публичности. Истец ссылаясь на положения гражданского законодательства о публичной природе договора проката, полагая что каршеринг является его разновидностью. Однако суд поддержал позицию организаций, указав на тот факт, что

договор краткосрочной аренды не является договором проката и не относится к публичным договорам, соответственно не имеется оснований для обязывания организаций заключить договор¹. Суд апелляционной инстанции в последствии полностью поддержал решение первой инстанции, однозначно указав на тот факт, что договор каршеринга не является договором проката.

Сравнивая смежные договорные конструкции, нельзя не затронуть сроки договоров. Как вытекает из сути договора каршеринга – это прежде всего краткосрочная аренда, соответственно срок имеет существенное значение. Предельный срок аренды транспортного средства в рамках договора каршеринга в настоящее время составляет тридцать дней. Для договора аренды транспортного средства без экипажа срок не является существенным условием, равно как и для проката. Стоит отметить, что по мере развития краткосрочной аренды менялся максимально возможный срок использования транспортного средства. Так, в постановлении Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» под каршерингом понимается краткосрочная аренда транспортного средства до 24 часов². В постановлении Правительства РФ от 15.06.2022 № 1067 «О случаях и сроках использования биометрических персональных данных, размещенных физическими лицами в единой биометрической системе с использованием мобильного приложения единой биометрической системы» указывается, что предельный срок каршеринга составляет не более месяца³.

Сторонники подхода, отождествляющего каршеринг и договор аренды транспортного средства без экипажа, упускают немаловажные аспекты, связанные с положениями действующего законодательства. Ст. 644 ГК РФ предусмотрено возложение на арендатора обязанности по поддержанию в надлежащем техническом состоянии транспортного средства в течение всего срока аренды. Зачастую данная обязанность приводится в качестве аргумента, оспаривающего принадлежность каршеринга к аренде транспортного средства без экипажа. Так, С.Р. Дерюгина указывает, что для каршеринга свойственно возложение обязанности по поддержанию технического состояния автомобиля на арендодателя в силу краткосрочно-

¹ Решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 21 декабря 2018 г. // Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b014a7dd-443c-4fb9-bf10-2555899d3346> (дата обращения: 10.02.2024).

² Постановление Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП (ред. от 08.11.2022) «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 50

³ Постановление Правительства РФ от 15.06.2022 № 1067 (ред. от 31.05.2023) «О случаях и сроках использования биометрических персональных данных, размещенных физическими лицами в единой биометрической системе с использованием мобильного приложения единой биометрической системы» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 25. Ст. 4337

сти аренды, что отличает его от договора аренды транспортного средства без экипажа [2, с. 22].

Но немаловажной является также норма об эксплуатации транспортного средства (ст. 645 ГК РФ). Для договора аренды транспортного средства без экипажа характерной является эксплуатация техническая и коммерческая. Правоприменительная практика под коммерческой эксплуатацией понимает использование транспортного средства и его технических возможностей для удовлетворения хозяйственных потребностей и извлечения прибыли. Вместе с тем, договор каршеринга в юридической науке, правоприменительной практике и правилах компаний рассматривается исключительно как направленный на удовлетворение потребительских целей, которые не связаны с предпринимательской деятельностью. Исходя из этого можно говорить о том, что договор каршеринга, хоть и является смежным с договором аренды транспортного средства без экипажа, все же не может выступать в качестве его разновидности, так как в противном случае возникает коллизия.

Помимо перечисленного, для каршеринга характерным является особый способ расчетов между сторонами договора. Все списания арендной платы осуществляются безакцептным способом – потребитель при заключении договора должен выразить свое соответствующее согласие. Примечательно, что безакцептные списания стали предметом спора между Роспотребнадзором и компаниями. Уполномоченный государственный орган посчитал, что безакцептные списания арендной платы и штрафных санкций нарушают права и законные интересы потребителей. Судебные органы согласились с Роспотребнадзором лишь отчасти. По их мнению, списание штрафных санкций без предоставления потребителю права возражения является безусловным нарушением действующих положений законодательства, однако списание арендной платы является характерной чертой отношений, возникающих при краткосрочной аренде транспортных средств. Суды указали, что одной из особенностей такой модели бизнеса является удаленное взаимодействие сторон, которое достигается в том числе и безакцептным списанием арендной платы¹.

В исследованиях можно встретить и подход, рассматривающий каршеринг в качестве смешанного договора, которому присущи элементы как аренды, так и оказания услуг. Сторонники такого подхода в качестве основной аргументации указывают на необходимость дополнительного взаимодействия арендодателя и арендатора через специальные сервисы. В качестве дополнительных аргументов приводятся отдельные правовые акты, в которых каршеринг называется услугой. Примером такого документа является приказ Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной ин-

¹ Решение Арбитражного суда Ростовской области от 11.11.2021 по делу № А53–20339/2021 // Официальный сайт Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/MVR55oubFem> (дата обращения: 15.02.2024).

фраструктуры г. Москвы от 02.09.2015 № 61–02–283/5 «Об утверждении Требований к цветографической окраске транспортных средств, используемых для оказания услуги каршеринг»². Как можно заметить прямо в наименовании документа каршеринг определяется как услуга.

Учитывая вышеизложенное, неудивительно, что отдельные исследователи закономерно начали развивать новый подход к пониманию каршеринга, при этом он достаточно интересен с позиции потенциального введения унифицированных правил реализации деятельности по предоставлению транспортных средств в краткосрочную аренду. Однако такой подход все же представляется не совсем верным. Полагаем, что в сфере каршеринговых отношений целесообразно разграничивать два отдельно функционирующих договора.

Первым является лицензионный договор, на основании которого потенциальные арендаторы получают доступ к сервисам арендодателей. Каждая организация публично размещает условия использования своего сервиса и предлагает заинтересованным лицам пройти регистрацию с предоставлением необходимых документов. Если мы обратимся к документам, которые размещают организации, то увидим разделение в понятийном аппарате среди таких категорий как «пользователь» и «арендатор». Например, согласно п. 1.4 Договора Делимобиль пользователем признается физическое лицо, которое присоединилось к договору, зарегистрировалось и активировалось в программном комплексе компании. Арендодателем же признается только тот пользователь, который присоединился к договору аренды транспортного средства, причем либо к предварительному, либо к основному (п. 1.5 Договора Делимобиль). Такое разделение является вполне логичным, так как далеко не все пользователи сервиса активно арендуют транспортные средства компаний. Зачастую учетные записи долгое время могут быть неактивны, особенно это касается крупных городов, в которых достаточно развит туризм. При этом сам лицензионный договор заключается на неопределенный срок. Так, согласно п. 7.1 Договора присоединения АО «Каршеринг» (сервис BelkaCar), договор вступает в силу с момента его заключения и действует в течение неопределенного срока³.

Пройдя все необходимые регистрационные процедуры и заключив лицензионный договор, пользователь получает возможность выбирать желаемое транспортное средство с последующим заключением договора каршеринга. Соответственно, вторым соглашением является сам договор краткосрочной аренды, в котором пользователь путем

² Приказ Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы от 02.09.2015 № 61–02–283/5 (ред. от 12.12.2019) «Об утверждении Требований к цветографической окраске транспортных средств, используемых для оказания услуги каршеринг // СПС Консультант-Плюс

³ Договор присоединения АО «Каршеринг» (сервис BelkaCar) [Электронный ресурс] URL: <https://belkacar.ru/legal/contract.pdf?v=v3.16.20> (дата обращения 22.02.2024)

выбора транспортного средства и подходящего тарифа в сервисе приобретает статус арендатора. Как правило, непосредственной передаче автомобиля предшествует бронирование, чтобы потенциальный арендатор успел добраться до автомобиля, осмотреть его и при отсутствии нареканий по внешнему состоянию и убранству салона принять транспортное средство. При этом в сервисе формируются электронные документы по приемке автомобиля, где будут отображены все обнаруженные недостатки в целях дальнейшего исключения ответственности физического лица перед арендодателем.

Подводя итог, следует отметить, что проведенный анализ договора каршеринга и смежных договорных конструкций на основе сформулированных в юридической науке подходов к пониманию правовой природы краткосрочной аренды показывает существенные отличия краткосрочной аренды от сравнимых договоров. Каршеринг обладает рядом специфических признаков, которые позволяют выделять его на фоне остальных договоров. Для договора каршеринга существенным условием является срок, который наряду с предметом соглашения позволяет нам отделять его от смежных разновидностей. Для смежных договорных конструкции срок не является существенным условием. Именно наличие указания на пресекательный срок чаще всего встречается в нормативно-правовых актах при упоминании каршеринга. Более того, каршеринг неразрывно связан с безакцептными списаниями арендных платежей, что не характерно для договора проката или аренды транспортного средства без экипажа. Также на каршеринг не распространяются нормы, характерные для смежных договоров – о публичности договора, об экономической и технической эксплуатации. В связи с чем полагаем, что наиболее соответствующим самой сущности отношений, возникающих из договора каршеринга, является подход, рассматривающий краткосрочную аренду в качестве самостоятельной разновидности договора аренды.

Литература

1. Боярская Ю.Н. Виды договоров аренды транспортных средств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5. С. 110–112.
2. Дерюгина С.Р. Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров // Гражданское право. 2019. № 4. С. 20–23.
3. Муратова С.А. Правовая природа договора каршеринга и перспективы его развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 11. С. 194–205.
4. Соковиков М.О. Перспективы правового регулирования договора аренды (на примере специфической формы проката – каршеринга) // Нотариус. 2019. № 6. С. 13–15.

DETERMINING THE LEGAL NATURE OF SHORT-TERM RENTALS: USING THE EXAMPLE OF COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF A CARSHARING AGREEMENT

Smirnov I.O.

Belgorod State National Research University

The article provides a comparative legal analysis of a carsharing agreement with related contractual structures within the framework of existing approaches in legal science to understanding the legal nature of a short-term lease. The author analyzes in detail the key arguments of the proponents of each approach, and compares them with established law enforcement practice, current legislation and agreements developed in carsharing organizations. Based on the results of a comparative analysis of contracts, the author identifies special features inherent only in carsharing and on the basis of which it can be concluded that short-term rentals are an independent type of lease.

Keywords: carsharing, rental, vehicle rental agreement without crew, lease, essential terms of the contract

References

1. Boyarskaya, Yu. N. (2019), "Types of vehicle rental agreements", Bulletin of the Saratov State Law Academy, vol. 5, pp. 110–112.
2. Deryugina, S. R. (2019), "Carsharing and ridesharing: on the problem of the legal nature of contracts", Civil law, vol. 4, pp. 20–23.
3. Muratova, S.A. (2021), "The legal nature of the carsharing agreement and its development prospects", Bulletin of the O.E. Kutafin University, vol. 11, pp. 194–205.
4. Sokovikov, M.O (2019), "Prospects of legal regulation of the lease agreement (on the example of a specific form of rental – carsharing)", Notary, vol. 6, pp. 13–15.

Развитие правового регулирования социальной рекламы в российском законодательстве: аспекты формирования механизмов контроля

Суворова Алёна Алексеевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: animadoc@yandex.ru

Социальная реклама, направленная на изменение общественного поведения и повышение уровня осведомленности о важных социальных проблемах, является мощным инструментом. Она затрагивает различные сферы жизни общества: здравоохранение, образование, экология, безопасность, культура, социальные отношения. Однако эффективность социальной рекламы во многом зависит от ее правового статуса, который должен обеспечивать баланс между свободой слова и защитой общественных интересов.

Настоящая статья посвящена рассмотрению правового регулирования социальной рекламы в российском законодательстве. Автор анализируются ключевые нормативные правовые акты, регулирующие создание и распространение социальной рекламы, а также рассматриваются основные проблемы и перспективы ее дальнейшего развития. В заключение автором предлагаются некоторые пути гармонизации законодательства, а также создания эффективных механизмов контроля и повышения осведомленности общества о роли социальной рекламы.

Ключевые слова: реклама; информация; социальная реклама; правовое регулирование; благотворительная деятельность; рекламная деятельность.

В настоящее время социальная реклама играет важную роль в сфере информационно-коммуникационного воздействия на общество. Такая реклама, распространяя и пропагандируя некоторые социально значимые идеи, взгляды, намерения, выполняет ряд значимых функций государства, в первую очередь, социальную, культурную, политическую и др. Социальная реклама способна оказывать благотворное влияние на мировоззрение граждан, их идеи и изменить их ценностные ориентиры, установки. Важность внедрения социальной рекламы для решения ряда проблем в сфере социальной работы заключается в ее соответствии общественным и государственным интересам, пропаганде определенного поведения или образа жизни [1, с. 40].

Первыми предпосылками зарождения социальной рекламы считается реклама в США, которая, как правило, регулировалась специальным органом, называемым Рекламный совет. Именно он предусматривал некоторые нормы о социальной рекламе и утвердил социальную рекламу как отдельный правовой институт в системе правоотношений в сфере рекламной деятельности.

Кроме того, Закон США «О радио» 1927 г. закреплял обязанность всех радиокompаний по обеспечению общественных интересов и потребностей. Стоит отметить, что данная тенденция сохранилась и до настоящего времени, не секрет, что при распространении социальной рекламы на территории США политика придерживается принципа «профилактика дешевле, чем лечение», что в ряде случаев результативно влияет на некоторые социальные, политические и другие проблемы государства.

Что касается России, то несмотря на то, что первые попытки применения и распространения данного вида рекламы относятся к периоду рекламы прививок против оспы, до XX века социальная реклама не была закреплена как самостоятельный институт в системе рекламных правоотношений. Как правило основной функцией, которую выполняла социальная реклама в то время, выступала пропагандистско-агитационная, а также воспитательная функции.

Первым нормативным правовым актом, закрепившим правовые нормы о социальной рекламе, следует считать Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 23.04.2024) (далее по тексту – Закон о рекламе), который в большей степени оказал благотворное влияние на становление и развитие социальной рекламы в стране.

Так, в соответствии со ст. 3 Закона о рекламе, социальной рекламой является «информация, рас-

пространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства». Таким образом, можно заметить, что рассматриваемый нормативный правовой акт значительно конкретизировал цели и задачи, преследуемые социальной рекламой, а также снизил необходимость по обеспечению первоочередных государственных интересов, которая была закреплена в Федеральном законе от 18.07.1995 № 108-ФЗ «О рекламе» (ред. от 21.07.2005) (документ утратил силу), где социальная реклама, в первую очередь, была направлена на служение государственным интересам и нуждам.

Главная особенность такой рекламы заключается в том, что предметом социальной рекламы не могут выступать услуги или же товары, посредством ее транслируется социально значимая информация для общества.

Исходя из определения, данного понятию социальной рекламы законодателем, можно выделить несколько ее характерных признаков:

1. Социальная реклама носит некоммерческий характер.
2. Основной целью социальной рекламы выступает формирование необходимого мировоззрения у граждан и воспитание должного поведения относительно некоторых социально значимых явлений общества.
3. Зачастую субъектами данного вида рекламы являются, как правило, органы государственной власти и органы местного самоуправления.
4. Социальная реклама направлена на транслирование социально значимых идей всему обществу.

В силу того, что социальная реклама законодателем рассматривается как отдельный самостоятельный вид информации, это влечет за собой наличие некоторых особенностей в применении определенных правовых норм. Так, в юридической доктрине считается распространенным мнение о том, что необходимо принятие отдельного нормативного правового акта о социальной рекламе, например Федерального закона [2], что обусловлено наличием разницы в целях и задачах между иными видами рекламы и социальной рекламы. Более того, что касается целевой аудитории, то социальная реклама в отличие от коммерческой направлена на все слои общества.

По мнению некоторых авторов, необходима разработка самостоятельного закона, нормы которого будут направлены на рассмотрение ее правовой природы, сущности, свойств, признаков и т.п. [3], однако до сих пор данная точка зрения осталась без внимания со стороны законодателя.

Однако стоит не забывать, что, в первую очередь, коммерческая реклама и социальная имеют некоторые общие черты: например, они распространяются в едином информационно-коммуникационном пространстве, а также созда-

ются и применяются теми же субъектами правоотношений в сфере рекламной деятельности. Таким образом, если посмотреть с этой стороны, то включение норм о социальной рекламе в действующий Закон о рекламе считается весьма оправданным и справедливым.

Перейдем к рассмотрению основной характеристики социальной рекламы.

Ряд авторов отмечает, что социальная реклама также стремится к достижению благотворительных, общественно полезных целей [4, с. 146]. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 27.11.2023) благотворительная деятельность – это «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки». Таким образом, основной задачей благотворительной деятельности выступает поддержка граждан, в том числе относящихся к незащищенным слоям населения, имеющих трудное материальное положение, имеющих некоторые обстоятельства, в которых невозможно самостоятельно реализовать некоторые свои права и интересы.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 10 Закона о рекламе установлены субъекты, которые могут быть рекламодателями социальной рекламы, к которым относятся как физические и юридические лица, так и органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Стоит отдельно отметить требование законодателя, содержащееся в п. 3 ст. 10 Закона о рекламе, об обязательной норме распространения социальной рекламы (не менее 5% от годового объема распространяемой информации), что еще раз подчеркивает социальную значимость такого вида рекламы для государства. Годовой объем распространяемой рекламы, как правило, включает в себя:

- Общее рекламное время в теле- и радиопрограммах;
- Общая рекламная площадь различных печатных изданий;
- Общая рекламная площадь рекламных конструкций.

При изучении действующего законодательства в сфере социальной рекламы можно выявить некоторые пробелы в правовом регулировании, что ведет к недостаточно эффективному использованию и распространению рассматриваемого вида рекламы среди граждан.

Например, несмотря на наличие строгих требований по объему транслируемой информации, относящейся к социальной рекламе, законодателем не предусмотрен какой-либо механизм контроля за соблюдением данных требований рекламодателями, что приводит к тому, что распространение социальной рекламы осуществляется по так называемому остаточному принципу (напри-

мер, в ночное время в телепрограммах, на последних страницах газет и т.п.).

Кроме того, по мнению некоторых авторов, в настоящее время в Российской Федерации потенциал социальной рекламы, как отдельного самостоятельного вида, не раскрыт полностью. Так, было бы целесообразно к целям размещения социальной рекламы также отнести повышение уровня духовно-нравственного воспитания и культурного развития общества.

Таким образом, можно отметить, что социальная реклама, направленная на изменение общественного поведения и повышение уровня осведомленности о важных социальных проблемах, является мощным инструментом. Однако ее эффективность зависит от баланса между свободой выражения и необходимостью защиты общественных интересов. Социальная реклама имеет большой потенциал для изменения общественного мнения и поведения, однако ее использование подвержено юридическим ограничениям и этическим вопросам. Для развития этой сферы необходимо учитывать правовые аспекты и стремиться к созданию более эффективных механизмов саморегулирования и контроля.

Дальнейшее развитие правовой базы регулирования социальной рекламы должно быть направлено на создание прозрачных и эффективных механизмов, способствующих распространению ответственной и эффективной социальной рекламы.

Литература

1. Львова, Е.Н. Проблема реализации технологии социальной рекламы в региональных учреждениях социальной сферы / Е.Н. Львова, Р.Р. Петрова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2019. – № 6(41). – С. 39–42.
2. Некрасова, И.В. Правовое регулирование рекламы / И.В. Некрасова // Адвокат. – 2007. – № 7. – С. 87–97.
3. Кирилин, А.В. Правовое регулирование рекламы и вопросы ее классификации / А.В. Кирилин, И.В. Сарнаков // Реклама и право. – 2014. – № 2. – С. 53–61.
4. Правовое регулирование индивидуализации юридических лиц (проблемы регионального законодательства) / А.В. Кузьмин, Ю.С. Алексеева, А.А. Суворова, М.В. Колмогоров. – СПб.: СПбУТУиЭ, 2023. – 198 с.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF SOCIAL ADVERTISING IN RUSSIAN LEGISLATION: ASPECTS OF THE FORMATION OF CONTROL MECHANISMS

Suvorova A.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Social advertising aimed at changing public behavior and raising awareness of important social issues is a powerful tool. It affects various spheres of society: healthcare, education, ecology, safety, culture, social relations. However, the effectiveness of social advertising largely depends on its legal status, which must ensure a balance between freedom of speech and the protection of public interests.

This article is devoted to the consideration of the legal regulation of social advertising in Russian legislation. The author analyzes the key regulatory legal acts regulating the creation and distribution of social advertising, and also examines the main problems and prospects for its further development. In conclusion, the author suggests some ways to harmonize legislation, as well as create effective control mechanisms and increase public awareness of the role of social advertising.

Keywords: advertising; information; social advertisement; legal regulation; charity; Advertising activity.

References

1. Lvova, E.N. The problem of implementing social advertising technology in regional institutions of the social sphere / E.N. Lvova, R.R. Petrova // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2019. – No. 6(41). – pp. 39–42.
2. Nekrasova, I.V. Legal regulation of advertising / I.V. Nekrasova // Lawyer. – 2007. – No. 7. – P. 87–97.
3. Kirilin, A.V. Legal regulation of advertising and issues of its classification / A.V. Kirilin, I.V. Sarnakov // Advertising and law. – 2014. – No. 2. – P. 53–61.
4. Legal regulation of individualization of legal entities (problems of regional legislation) / A.V. Kuzmin, Yu S. Alekseeva, A.A. Suvorova, M.V. Kolmogorov. – St. Petersburg: UMTE, 2023. – 198 p.

Сулейменова Алия Рустемовна,

аспирант, Алтайский государственный университет
E-mail: aliya-5563@mail.ru

Статья посвящена исследованию формы сделок, совершенных с использованием электронных средств. В статье приводятся характеристики формы электронных сделок, их сравнения с письменной формой, анализируется необходимость выделения электронной формы как самостоятельной формы сделки. Необходимость определения места электронной формы обусловлена часто возникающими сомнениями и неопределенностью в правоприменительной практике: разрешение спора между сторонами всегда требует ответа на вопрос о соблюдении требований письменной формы сделки в случае, если стороны совершали сделку с использованием электронных средств без подписанного документа на привычном материальном носителе. Особое внимание уделяется законодательному подходу зарубежных стран к сделкам, совершаемым в электронном виде. В статье приводится анализ функций электронной формы, обращается внимание на тождественность функциям письменной формы (выполнение доказательственной, информационной и контрольной функции).

Используемые технические средства для совершения сделок могут быть различными, но они не влияют на возникновение новых форм. Автор приходит к выводу об отсутствии критериев для выделения самостоятельной электронной формы, а использование электронных средств привело не к появлению новой самостоятельной формы, а расширило привычные представления о письменной форме сделки.

Ключевые слова: электронное средство, электронная сделка, письменная форма сделки, электронная форма сделки, критерии письменной формы.

Гражданское законодательство в ст. 160 ГК РФ предусматривает возможность совершать сделки с использованием электронных и иных технических средств. В свою очередь, использование электронных средств для совершения гражданско-правовых сделок обуславливает появление вопросов о форме сделок и новой электронной форме наряду с письменной. Законодатель в ст. 160 ГК РФ определил, что письменная форма будет считаться соблюденной, если сделка совершена с использованием электронных и иных технических средств.

Возникают вопросы, насколько правильно будет приравнивать сделки, совершаемые электронно к письменной форме. Некоторые цивилисты придерживаются позиции необходимости выделения новой электронной формы. Например, Л.Г. Ефимова считает, что особенностью электронного документа, который существует в виде файла машинной информации любого формата либо в виде компьютерной программы, позволяющей заключать договоры в киберпространстве, является одним из доводов в пользу облекать некоторые сделки в особую электронную форму [3, С. 130].

Вопрос о форме соблюдения письменной формы является не менее актуальным как для участников гражданского оборота, сомневающийся в выборе того или иного способа совершения сделки, так и для правоприменительных органов. В частности, разрешение судебного спора между кредитором и должником всегда требует ответа на вопрос о соблюдении требований письменной формы сделки в случае отсутствия между сторонами письменного подписанного документа на привычном материальном носителе. Сомнения могут быть обусловлены тем, что информация о сделке представлена на электронном носителе в виде текста, изображения, аудио или видеозаписи, что отличается от привычного осязаемого бумажного документа. Не смотря на законодательное закрепление возможности заключить сделку с использованием электронных средств в ст.ст. 160, 434 ГК РФ, нет твердой уверенности в том, на сколько будут соответствовать письменной форме, например, текстовая переписка или аудиосообщения в мессенджере, заполнение заявки на сайте интернет-магазина либо совершение действий в один клик для пользования услугами в интернете и др.

Вышеуказанные проблемы могут быть обусловлены подходом к восприятию формы сделки, допущения их многообразия. Разнообразие форм сделок представляется недопустимым и способно внести неясность и путаницу в гражданский оборот, что и наблюдается в теории в попытках выделить помимо электронной формы, форму мол-

чания, конклюдентную форму сделок, дистанционную и другие. Например, Д.И. Мейер определял, что форма сделки бывает словесная, когда сделка совершается на словах и письменная, когда воля, направленная к изменению юридических отношений, выражается на письме либо сделка совершается не словесно и не письменно, а самим действием выражается совершение сделки [5].

Причиной путаницы и многообразия форм сделки заключается, во-первых, в доминирующем определении формы сделки как способа внешнего выражения воли, а во-вторых, в привязке письменной формы к словесному буквенному выражению.

Ряд авторов придерживаются иной позиции понимания формы сделки. А.В. Бодиловский под формой сделки определяет совокупность требований к способу выражения волеизъявления субъектов гражданского права, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [2, С. 18]. И.В. Москаленко рассматривает форму сделки как способ, с помощью которого фиксируется волеизъявление, направленное на совершение сделки [5, С. 24]. Е.Н. Абрамова отмечает что, «под устной формой сделки понимают, как правило, устное волеизъявление, а не совокупность специфических требований к способу внешнего проявления содержания» [1, С. 2].

Исходя из вышеприведенного подхода в юридической литературе существует точка зрения о том, что есть только одна письменная форма сделки, поскольку в законодательстве нет требований к устной сделке. Тем самым отсутствие требований, придающих очертания, влечет «отсутствие такой формы, так как не создается та самая сущность, которая в дальнейшем наполняется содержанием» [2, С. 18].

В то же время невозможно понять и ознакомиться с содержанием без формы, окружение не может иметь возможности узнать о существовании сделки. В ст. 432 ГК РФ непосредственно предусмотрено положение, что договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Внутренняя воля, не смотря на то, что она выражена устно, может быть ясна и доступна для третьих лиц.

Учитывая вышеизложенное, противопоставление в п. 1 ст. 158 ГК РФ письменной форме совершение устной сделки следует добавить, что требованиями к форме является как наличие, так отсутствие требований к фиксированности содержания сделки. Исходя из данного подхода, не возникает путаницы и сомнений, что есть только устная и письменная форма.

Развитие информационных технологий и их активное использование в гражданско-правовой сфере поставило вопрос и на международном уровне о едином регулировании договоров, заключаемых путем обмена электронными данными.

В частности, согласно ст. 6 Типового закона об электронной торговле ЮНСИТРАЛ требование

о письменной форме будет считаться выполненным путем представления сообщения данных, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования. Под термином «сообщение данных» определяется «информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими» [10]. Упомянутый закон не выделяет самостоятельную электронную форму, фактически приравняв вышеуказанные сделки к письменной форме.

Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах», принятая резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 г. в ст. 9 сделки в электронном виде относят к письменной форме, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования.

Критерием для отнесения к письменной форме подобных сделок типовой закон ЮНСИТРАЛ и Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» выделяют доступность для ее последующего использования и возможность идентификации стороны в сделке.

Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) приравнивает электронные сделки к письменной при условии, что может быть надлежащим образом установлено лицо, от которого он исходит, и что он составлен и хранится в условиях, обеспечивающих его целостность (ст.ст. 1108–11316–1). В то же время гражданское законодательство Франции устанавливает ограничения в использовании электронной формы для части сделок: сделок, заключаемых в простой письменной форме, которые касаются семейных и наследственных прав и сделок, заключаемых в простой письменной форме, которые касаются личного или вещного обеспечения исполнения обязательства гражданско-правового или коммерческого характера, за исключением тех, которые заключаются лицом для его профессиональных нужд (ст. 1108–1 Кодекса Наполеона).

Законодательство Словакии также приравнивает к письменной форме сделки, совершенные при помощи электронных средств, позволяющих понять содержание сделки и установить личность ее участников. Однако оно подходит к этому достаточно строго: письменная форма считается соблюденной, если совершенная при помощи электронных средств сделка подписана гарантированной электронной подписью или подтверждена гарантированной электронной печатью [7, С. 81].

Законы США приравнивают к письменной форме сделки, совершенные в электронном виде. Согласно Единообразному закону США об электронных сделках 1999 г. стороны вправе согласовать использование электронной формы (electronic form), электронной подписи, электронных средств безопасности и установить содержание сделки [3, С. 49].

Исходя из приведенных положений международных акты, как и гражданское законодательство большинства зарубежных стран не выделяют самостоятельную электронную форму, а сделки, совершаемые в электронном виде приравниваются к письменной.

В свою очередь, российское гражданское законодательство, регулируя отнесение электронных сделок к письменной форме, соответствует общемировым тенденциям.

Конвенция ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле 2001 г. дает характеристику письменной формы в ст. 5, под которой понимается любая форма, в которой информация является доступной для ее последующего использования. Следует отметить, что данное положение верно характеризует важную особенность письменной формы – возможность неоднократного воспроизведения вследствие ее фиксированности.

Фиксированность является главным признаком письменной формы. Специфичность функционирования электронных средств на основе числовых комбинаций не может являться критерием для выделения новой формы сделок. Для заключения сделки мы можем пожелать изъявить волю устно без использования материального носителя либо зафиксировать свою волю на материальном носителе, в том числе электронном. Не имеет значения, каким способом записывается информация: главное, что она должна быть в итоге доступна для человеческого восприятия. Нет какого-либо самостоятельного нового критерия для новой формы сделки. Средства, используемые для фиксации словесной сделки, могут быть различными, но они не влияют на возникновение новых форм.

Учитывая вышеуказанную особенность письменной формы, следует признать, что форма электронных сделок соответствует основным критериям письменной формы, то есть электронная форма тождественна письменной. Содержание электронных сделок не отличается от иных гражданско-правовых сделок, волеизъявление фиксируется с использованием другого материального носителя – электронного средства.

Форма в электронных сделках выполняет ту же самую функцию, которая характерна для письменной формы.

По замечанию Д.И. Мейера «желательно, чтобы права граждан были определенными» [5]. Обязательная (письменная) форма позволяет удостоверять ее существование [5]. Для письменной формы сделки К.П. Татаркиной были приведены доказательственная, информативная, контрольная функции [8, С. 60].

Доказательственная функция вытекает из закрепления содержания сделки на материальном носителе с использованием технических средств. Выполняя требования письменной формы, стороны формулируют условия сделки. Наличие письменного документа подтверждает факт совершения сделки. Содержание сделки может быть установлено не только в момент, но и после его совер-

шения [8, С. 60]. Напротив, устная форма сделки не может иметь подобную доказательственную функцию, поскольку в силу своей природы не зафиксирована. Контрольная функция письменной формы сделки выражается «в обеспечении возможности в случае необходимости установить содержание договора контрольно-надзорными органами государства» [9].

Учитывая приведенные функции письменной формы, законодатель определяет условия использования электронных средств: возможность воспроизвести в неизменном виде на материальном носителе содержание сделки (абз. 2 п. 1 ст 160 ГК РФ). В противном случае сделки, будут считаться совершенными устно. Например, договоренность сторон в разговоре по телефону.

Так называемая электронная форма, как и письменная способна выполнять доказательственную, информационную и контрольную функции и какую-либо иную функцию она не выполняет.

Совершенно необычным и новым для гражданского современного оборота в сложившейся возможности использования электронных средств является возможность договориться об обязательствах, не используя привычную текстовую форму.

В законодательстве прослеживается тенденция перехода от традиционных к расширенным возможностям заключения сделок, к цифровизации гражданского законодательства. Вышеуказанное не может не свидетельствовать о том, что электронные сделки расширяют привычное представление о письменной форме. Письменная форма это не сколько буквенная запись, а зафиксированная информация, которая может быть неоднократно воспроизводима, а значит может существовать в виде изображения, аудио, видеoinформации.

Для письменной формы основными критериями являются: фиксированность, неоднократное воспроизведение информации, достоверное установление сторон. Электронную форму в полной мере следует признать письменной формой, а не приравнивать к ней.

Вопрос о месте электронной формы, ее самостоятельности зависит от понимания и восприятия письменной формы сделки. В научной среде было принято привязывать письменную форму к словесному выражению. Например, у К.П. Татаркиной «сделка считается совершенной в простой письменной форме, если участники выразили свою волю на письме» [8, С. 74]. Д.И. Мейер определял, что в письменной форме сделки воля выражается на письме [5]. Восприятие письменной формы как словесного и буквенного выражения вносит путаницу и сужает ее понимание. При таком подходе к письменной форме будут относиться только сделки, оформленные в текстовом виде. Возможно, это и приводит в правоприменительной практике к случаям, когда судьи после внесения изменений в ст. 168, 434 ГК РФ, не квалифицировали как договоренность волю сторон, выраженную в электронном виде.

В то же время такой подход расширенного восприятия письменной формы вне рамок буквенного выражения до недавнего времени являлся бы весьма революционным, что обусловлено проблематичностью установить стороны, доказать от кого исходит волеизъявление. Сегодня распространение информационных технологий, цифровизация общественной жизни повышает возможности доказывания электронного волеизъявления сторон, а также приводит к постепенной необходимости создания правовой базы, правового ответа на активные процессы внедрения новых технологий в гражданский оборот.

Литература

1. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии формы сделки // Нотариус. 2015. № 6. С. 3–7.
2. Бодиловский А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно: Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / – Москва.: 2021. 22 с.
3. Гринь О.С. Трансформация требований к форме договоров с учетом развития технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 49–57.
4. Ефимова Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex Russica. 2019. № 8 (135). С. 129–137.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Классика российского права // СПС «Консультант Плюс». URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_23.html (дата обращения: 14.04.2024).
6. Москоленко И.В. Сделки в гражданском праве // Нотариус. 2002. № 2. С. 23–30.
7. Сакович О.М. Законодательное регулирование электронных сделок в Чехии и Словакии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 79–91.
8. Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России. – Томск: Издательство ТУСУРа, 2012. – 264 с.
9. Татаркина К.П. Форма сделки: цели, обоснованность установления и правовое значение // Вестник Томского государственного университета [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-sdelki-tseli-obosnovannost-ustanovleniya-i-pravovoe-znachenie> (дата обращения: 10.04.2024).
10. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле от 12 июня 1996 г. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2555780/889e-0dae931675d48d9f64b3ec2afc12/> (дата обращения: 10.04.2024).
11. Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах», принятая резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 г. // СПС «Гарант».

URL: <https://base.garant.ru/5423898/> (дата обращения: 10.04.2024).

12. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#ZbRrX9U4u-WIVc9401> (дата обращения: 10.04.2024).
13. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696#pbwrX9UB-ny9qwEuK> (дата обращения: 10.04.2024).
14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. N 56/81 «Конвенция Организации Объединенных Наций об уступке дебиторской задолженности в международной торговле» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2565099/> (дата обращения: 10.04.2024).

AN ELECTRONIC VERSION OF THE WRITTEN CONTRACT FORM

Suleimenova A.R.
Altai State University

The article is devoted to the study of the form of transactions made using electronic means. The article presents the characteristics of the form of electronic transactions, their comparison with the written form, analyzes the need to identify the electronic form as an independent handicap of the transaction. The need to determine the location of the electronic form is due to frequent doubts and uncertainties in law enforcement practice: resolving a dispute between the parties always requires an answer to the question of compliance with the requirements of the written form of the transaction if the parties made a transaction using electronic means without a signed document on a familiar tangible medium. Special attention is paid to the legislative approach of foreign countries to transactions made in electronic form. The article provides an analysis of the functions of the electronic form, draws attention to the identity of the functions of the written form (performing evidentiary, informational and control functions). The technical means used to make transactions may be different, but they do not affect the emergence of new forms. The author comes to the conclusion that there are no criteria for the allocation of an independent electronic form, and the use of electronic means did not lead to the emergence of a new independent form, but expanded the usual ideas about the written form of the transaction.

Keywords: electronic means, electronic transaction, written form of the transaction, electronic form of the transaction, criteria for writing form.

References

1. Abramova E.N. About the question of the concept of the form of a transaction // Notary. 2015. No. 6. pp. 3–7.
2. Bodilovsky A.V. Civil law regulation of relations arising from contracts concluded remotely: Abstract for the degree of Candidate of Law / – Moscow.: 2021. 22 p.
3. Grin O.S. Transformation of requirements to the form of contracts taking into account the development of technologies // Actual problems of Russian law. 2019. No. 6 (103). pp. 49–57.
4. Efimova L.G. About the concept and legal nature of the electronic form of a transaction // Lex Russica. 2019. No. 8 (135). pp. 129–137.
5. Meyer D.I. Russian civil law. Classics of Russian law // SPS “Consultant Plus”. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_23.html (date of application: 04.14.2024).
6. Moskoenko I.V. Transactions in civil law // Notary. 2002. No. 2. pp. 23–30.

7. Sakovich O.M. Legislative regulation of electronic transactions in the Czech Republic and Slovakia // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2019. No. 5. pp. 79–91.
8. Tatarkina K.P. The form of transactions in Russian civil law. Tomsk: TUSURa Publishing House, 2012. 264 p.
9. Tatarkina K.P. The form of the transaction: goals, validity of the establishment and legal significance // Bulletin of Tomsk State University [Electronic resource] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-sdelki-tseli-obosnovannost-ustanovleniya-i-pravovoe-znachenie> (date of application: 04.10.2024).
10. The UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce from 12, 1996 // ATP «Garant». URL: <https://base.garant.ru/2555780/889e0dae931675d48d9f64b3ec2afc12> / (date of application: 04.10.2024).
11. The UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts, adopted by General Assembly resolution 60/21 from November 23, 2005 //ATP «Garant». URL: <https://base.garant.ru/5423898> / (date of application: 04.10.2024).
12. The Civil Code of Germany (GSU) dated 08.18.1896 (ed. from 01/02/2002) (from amendments and additions to 03/31/2013) // SPS «Consultant Plus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#ZbRrX9U4u-WIVc9401> (date of application: 04.10.2024).
13. The Civil Code of France (Code of Napoleon) dated 03/21/1804 (with amendments and additions as of 01.09.2011) // SPS «Consultant Plus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696#pbwrX9UBny9qwEuK> (date of application: 04.10.2024).
14. UN General Assembly Resolution No. 56/81 of December 12, 2001 «United Nations Convention on the Assignment of Receivables in International Trade» //ATP «Garant». URL: <https://base.garant.ru/2565099> / (date of application: 10.04.2024).

Терехин Илья Сергеевич,

студент магистратуры, магистерская программа «Юрист в правосудии», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: terexin.ilya2017@yandex.ru

Введение. Российское законодательство с 1996 года содержит положения о договоре подряда, а также договоре поставки, как отдельного вида договора купли-продажи. На протяжении многих лет вопрос о соотношении вышеупомянутых правовых конструкций дебатруется среди представителей российской цивилистики, однако до сих пор однозначная позиция относительно критериев, позволяющих в определенных ситуациях разграничить поставку и подряд, не сформирована. *Методология.* Методологическую основу исследования составляют общенаучный диалектический метод познания, а также логический, системный, исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. *Цель.* Основываясь на существующих в доктрине мнениях и актуальной судебной практике, необходимо вывести дифференцирующие критерии, позволяющие однозначно разделять договор поставки и подряда, и вместе с тем предложить законодательные изменения, которые позволят поставить точку в продолжающейся дискуссии относительно данного вопроса. *Результаты.* В процессе исследования были определены следующие критерии дифференциации: 1) цель договора, 2) индивидуально-определенная вещь в качестве результата работ, 3) наличие контроля над выполнением работ. *Заключение.* Представляется, что для решения сформировавшихся проблем необходимо внесение точечных изменений в статьи Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: подряд, поставка, существенные условия, дифференцирующие критерии

Введение

Сходство специфических особенностей договоров поставки и подряда в современном российском законодательстве, во многом связанное с исторической эволюцией этих конструкций, способствует созданию правовой неопределенности в сфере гражданского оборота не только среди граждан (*reasonable person*), хозяйствующих субъектов, но и квалифицированных юристов, судей. Настоящее исследование посвящено определению тонкой грани между данными правовыми явлениями, а также поиску наиболее разумного пути модернизации отечественного законодательства с целью дифференциации упомянутых конструкций.

Актуальность исследования демонстрирует недавнее дело Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 1 декабря 2021 года № А56–48831/2021¹. По обстоятельствам дела между АО «Флаг Альфа» (покупатель, истец) и ООО «ТЭК СПЕКТР» (поставщик, ответчик) в рамках государственного оборонного заказа был заключен договор на изготовление и поставку мобильного комплекса связи. Одно из условий устанавливало, что оборудование должно изготавливаться из материалов поставщика и частично из материалов покупателя.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что заключенный между сторонами договор по своей правовой природе является договором купли-продажи (поставки). Как следствие, возникшие правоотношения должны регулироваться параграфами 1 и 3 главы 30 «Купля-продажа» Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Апелляционная инстанция, а именно – Тринадцатый апелляционный суд пришел к выводу, что заключенный договор является смешанным, в связи с чем отнес регулирование правоотношений сторон к нормам глав 30 «Купля-продажа» и 37 «Подряд» ГК РФ².

Завершением спора стало постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа³. Судьи обратили внимание, во-первых, на пункты договора, предполагающие участие АО «Флаг Альфа» в процессе изготовления оборудования путем предоставления материалов, во-вторых, на техническое задание, которое включает заданные ист-

¹ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01 декабря 2021 г. по делу № А56–48831/2021 // СПС Консультант-Плюс.

² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 марта 2022 г. № 13АП-1642/2022 по делу № А56–48831/2021 // СПС Консультант-Плюс.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 июня 2022 г. № Ф07–7645/2022 по делу № А56–48831/2021 // СПС Консультант-Плюс.

цом индивидуальные признаки подлежащего к изготовлению мобильного комплекса связи. Так, суд пришел к выводу, что заключенный сторонами договор необходимо квалифицировать в качестве договора подряда. Как результат, возникшие правоотношения регулируются нормами главы 37 ГК РФ, ввиду чего АО «Флаг Альфа» вправе отказаться от договора на основании ст. 717 ГК РФ, что невозможно при первоначальной квалификации договора судом первой инстанции.

Настоящее дело показывает проблему разграничения договора поставки и подряда. Три инстанции, семь судей по-разному определили содержание заключенного договора (поставка, смешанный договор, подряд), и, как следствие, применимые к возникшим правоотношениям нормы гражданского права.

Представляется, что основной причиной возникших судебных коллизий является неопределенность законодательства по вопросу разграничения договора поставки и договора подряда. Поскольку разрешение подобных конфликтов норм *de facto* относится к компетенции Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), в Обзоре судебной практики 2018 года ВС РФ указал: критерием для разграничения подряда, является то, что в отличие от других схожих правовых конструкций «целью договора подряда является не выполнение работы как таковой, а получение результата, который может быть передан заказчику»¹. Реакции такого рода со стороны ВС РФ в ответ на игнорирование законодателем ряда спорных вопросов положительно сказываются на развитии гражданского права (например, Постановление Пленума Верховного Суда № 7, 25, 49). Вместе с тем, идея с выделением цели договора подряда в качестве отличительного маркера в вышеупомянутом Обзоре, на наш взгляд, не принесла ожидаемых результатов: исходя из содержания вышеизложенных судебных решений 2021–2022 годов, неопределенность по вопросу разграничения подряда и поставки сохраняется до сих пор.

«*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, und gruen des Lebens goldner Baum*»². В рамках данной работы методом анализа судебной практики и законодательства будем также доказывать, что существующая доктрина по объекту исследования не так «суха», а в достаточной степени развита и апробирована, чтобы возложить на себя роль по разрешению сложившейся ситуации, противоречащей фундаментальному принципу «*res judicata*».

История

В настоящее время договор поставки является обо-
собленным элементом ГК РФ и одновременно ви-
дом договора купли-продажи [3, с. 26]. И если до-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3(2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г.) (ред. от 26 декабря 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5.

² С немецкого: «Сухо, мой друг, теория, везде, но древо жизни пышно зеленеет». И.В. Гете ч. I, сцена IV «Фауст».

говор купли-продажи выделяется законодателем в качестве самостоятельной конструкцией уже давно, то про поставку такое сказать нельзя. В соответствии с теорией исторической преемственности правового регулирования поиск решения существующих проблем следует начинать с изучения истории появления и развития объекта исследования, в частности – договоров подряда и поставки в отечественной цивилистике.

Исторически в России поставка была тесно связана с казенными подрядами. Законодательство не только не проводило дифференциацию данных правовых конструкций, а, наоборот, «определяло их под одной рубрикой и даже смотрело на эти договоры если не как на тождественные, то как на родственные» [11, с. 671]. Еще в начале XIX века действовали положения, которые напрямую не разграничивали договор подряда и поставки. К примеру, ст. 1737 Тома X Свода Законов Российской Империи содержит следующую формулировку: «подряд или поставка есть договор, по силе коего одна из вступивших сторон» [2, с. 40]. Важно понимать специфику существовавших на тот момент экономических отношений, в частности – отсутствие развитой классической (в понимании А. Смита) рыночной экономики во взаимоотношениях среди граждан. Как следствие, поставка понималась в качестве комплексной части сложного договора, в рамках которого обеспечивалось выполнение масштабных работ государственного значения (основным заказчиком выступало государство или крупные оборонные предприятия).

В результате, в нашей истории на протяжении длительного времени вышеупомянутые правовые конструкции были связаны главным образом именно с государственными контрактами, направленными на решение вопросов «государственного хозяйственного управления» [13, с. 163].

С развитием экономики Российской империи расширялась и сфера действия договора подряда, в особенности после отмены крепостного права и ускорения развития промышленности. Тем не менее на законодательном уровне изменения не производились: подряд так и не разграничивался с поставкой. Так, профессор Г.Ф. Шершеневич в результате анализа действующих нормативных актов пришел к выводу, что поставка и подряд «нашим законом не отличаются строго один от другого» [16, с. 610]. Ситуация существенным образом не изменилась и после революции 1917 года. Новый кодекс (Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.) также не содержал самостоятельные нормы о договоре поставки. Данные конструкции на нормативном уровне регулировались единым Положением «О государственных подрядах и поставках» 1923 года [15, с. 23].

И лишь в 1996 году, имплементируя мировой опыт в российскую правовую действительность, в том числе на примере Германского Гражданского уложения, которое не включает поставку в гла-

ву «Договор подряда и подобные договоры»¹, «отцы-основатели» ГК РФ на законодательном уровне впервые обособили договор поставки от договора подряда во второй части ГК РФ. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что наличие противоречивых ситуаций, в том числе среди профессиональных судей, при квалификации поставки и подряда, напрямую связано с молодостью договора поставки как обособившегося элемента в российской цивилистике.

Соотношение подряда и поставки

Вопрос соотношения подряда и поставки, как отмечает А.Г. Карапетов, «дебатировался со времен римского права и до сих пор является спорным во многих странах» [12, с. 137]. Действительно, в мировой юриспруденции на сегодняшний день не существует однозначной концепции, позволяющей провести вышеупомянутую дифференциацию. Одним из распространенных критериев является источник происхождения материалов. Формула довольно проста: если изготовление происходит из материалов заказчика, то рассматриваемый договор является подрядом, если из собственных материалов – куплей-продажей. Несмотря на простоту, возможно и вовсе примитивность такого критерия, он не может быть имплементирован в российскую правовую плоскость, поскольку ст. 704 ГК РФ презюмирует выполнение подрядных работ именно иждивением самого подрядчика.

Нельзя не согласиться с А.В. Егоровым, который не раз выделял проблему «асинхронизации правил купли-продажи и подряда» [9, с. 10]. С одной стороны, ГК РФ закрепляет принципиально различающиеся положения, присущие лишь отдельному договору, например, сокращенный срок исковой давности, возможность немотивированного отказа от договора, обязанность по оказанию содействия со стороны заказчика в подряде, право требовать передачи результата незавершенной работы и иные, как отмечает Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, «имманентно присущие лишь договору подряда нормы»². С другой – Гражданский кодекс содержит и общие предписания, в одинаковой степени свойственные ранее упомянутым правовым механизмам, в частности – наличие идентичных норм, касающихся ответственности за ненадлежащее качество работы/товара.

Кроме того, отличаются и существенные условия, в отсутствие которых договор не будет считаться заключенным. Однако представляется довольно спорным использование существенных условий в качестве критериев для разграничения данных правовых институтов поскольку если отно-

сительно подряда сформировалась устойчивая позиция о том, что таковыми выступают срок и предмет договора, то для поставки во многом в связи с отсутствием однозначно выраженной позиции законодателя³, среди представителей как судебного корпуса, так и доктрины, вопрос о существенных условиях договора поставки не имеет единого ответа. Например, в судебной практике встречаются дела, где срок договора поставки также выделяется в качестве *condition sine qua non*⁴; и с этой позицией в настоящее время соглашаются некоторые представители доктрины (см., например [4, с. 76; 7, с. 315]). В данной дискуссии следует обратить внимание на позицию А.Г. Карапетова, С.А. Ивановой и других авторов [8, с. 30], которые не относят срок в качестве существенного условия договора поставки. Во многом эта точка зрения основана на позиции Пленума ВАС РФ, согласно которой в ситуации, когда стороны не согласовали срок поставки, необходимо руководствоваться общей частью ГК РФ, а именно – ст. 314 (п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18)⁵.

Также довольно противоречивой выглядит практика определения цены в качестве существенного условия договора поставки как среди судей⁶, так и государственных органов⁷. Конституционный Суд РФ не раз акцентировал внимание на необходимости единства практики применения законодательных норм всеми судами⁸. В ином случае складывается ситуация, когда в Москве при детальном анализе ст. 506 ГК РФ судьи признают условие о цене в качестве существенного⁹, а в Республике Татарстан – нет¹⁰.

Ситуация осложняется тем, что обращение к анализу иных законодательных положений, посвященных анализируемым договорам, на самом деле, также не приносит результата в поиске разграничительных маркеров. Так, ст. 703 ГК РФ закрепляет,

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 14 февраля 2012 г. № 12632/11 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 6.

⁴ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 декабря 2020 г. № Ф09–8181/20 по делу № А76–38702/2019 // СПС Консультант-Плюс; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08 декабря 2020 г. № 10АП-17071/2020 по делу № А41–85924/2019 // СПС Консультант-Плюс

⁵ п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Российская юстиция. 1998. № 4.

⁶ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 декабря 2019 г. № Ф02–6025/2019 по делу № А78–10105/2018 // СПС Консультант-Плюс

⁷ Решение Псковского УФАС России от 16 мая 2022 г. № 03/44–22 // СПС Консультант-Плюс.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева» // Российская газета. 2022. № 140.

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2022 г. № Ф05–15275/2022 по делу № А40–196877/2021 // СПС Консультант-Плюс.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 октября 2020 г. № Ф06–66401/2020 по делу № А65–8822/2018 // СПС Консультант-Плюс.

¹ Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18 августа 1896 г. (ред. от 02 января 2002 г.) (с изм. и доп. по 31 марта 2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 февраля 2023 г. № Ф04–8350/2022 по делу № А45–3870/2022 // СПС Консультант-Плюс

что договор подряда заключается на изготовление вещи с передачей ее результата заказчику¹. Однако такая формулировка не позволяет идентифицировать договор в качестве подряда, поскольку «само по себе указание на то, что предметом договора является изготовление и поставка товара»² не служит абсолютным основанием для квалификации его в качестве данной правовой конструкции.

Доктрина

В доктрине не раз уже предпринималась попытка создания механизма, который позволил бы полноценно разграничить рассматриваемые договоры. Так, Р.А. Курбанов для разрешения конкретных споров предлагает использовать 3 принципиальных вопроса: 1) был ли индивидуальный заказ; 2) определялся ли начальный и конечный срок (существенное условия договора подряда); 3) из каких материалов выполнялась работа (вопрос права собственности) [7, с. 419].

На наш взгляд, представленная концепция не является однозначной. Во-первых, как было отмечено ранее, срок в договоре поставки в последнее время относят к существенному условию, требующему обязательное согласование. Следовательно, данный признак нивелируется. Во-вторых, иждивение заказчика не всегда имеет место в возникающих правоотношениях. А поскольку по общему правилу работы выполняются из материалов самого подрядчика, то становится достаточно проблематично отличить его от поставщика, производящего товары.

Другие авторы, например, И.Д. Кузьмина, отмечают, что нельзя ограничиваться отличительными признаками, посвященными исключительно результату деятельности контрагента. Для разграничения данных договоров наиболее значимым будет являться детализация самого процесса выполнения работ [3, с. 166].

Также существует позиция о необходимости выделения в качестве отличительного признака наличие специфического предмета договора. В частности, только в договоре купли-продажи предметом может выступать не только вещь, но и энергия, имущественные права и комплексы [6, с. 135]. Действительно, заключение договора подряда электроэнергии представить затруднительно. Вместе с тем на какие условия ориентироваться в случаях, когда предметом договора выступает, как отмечает А.О. Рыбалов, не «особый товар» [14, с. 6], а простая вещь?

Сам же А.О. Рыбалов предлагает в качестве дифференцирующего критерия выделять момент начала работ по изготовлению вещи: если должник изготавливает вещь в отсутствие связи с заключенной с заказчиком сделкой, то перед нами

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 июня 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 сентября 2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 сентября 2021 г. № Ф06–7637/2021 по делу № А55–28409/2020 // СПС Консультант-Плюс.

договор купли-продажи. С данной позицией не согласен Г.С. Васильев, приводя в пример ситуацию, когда предприятие испытывает трудности со сбытом своей продукции и приступает к изготовлению лишь в результате обращения с заказом со стороны покупателя. При подходе, предложенном А.О. Рыбаловым, заключаемый, например, Правительством РФ и предприятием договор на приобретение двух тысяч машин является именно подрядом, что в действительности «позволяет усомниться в том, что предложенный критерий работает на практике» [1, с. 75].

Критерии

Отсутствие правовой определенности в гражданском обороте, а также системный анализ актуальной судебной практики и доктринальных положений по части квалифицирующих признаков подряда и поставки открывает возможность самостоятельного определения дифференцирующих критериев.

Итак, первый критерий – создание индивидуально-определенной вещи. Суды по данному вопросу сходятся во мнении, что для квалификации договора в качестве подряда изготавливаемая продукция не должна являться результатом серийного производства³. Создание вещи может относиться к основному виду деятельности подрядчика (например, товар изготавливается предприятием, специализирующимся на кораблестроении), однако параметры должны определяться по заданию заказчика. Например, в деле Арбитражного суда Дальневосточного округа по делу № А51–10960/2020 судьи квалифицировали договор в качестве подряда, в том числе основываясь на индивидуально-определенном задании по созданию «среднетоннажного рыбопромыслового судна из композитных материалов длиной не менее 35 метров для Дальневосточного рыбо-хозяйственного бассейна»⁴. Иными словами, данный критерий зачастую выражается в указании со стороны заказчика отличительных характеристик, аксессуаров, составных частей и иных требований к товару⁵. Тогда как для поставки характерно выделение родовых вещей в качестве объекта договора.

Следующим критерием, также выводимым из актуальной судебной практики, является наличие в условиях договора положений регулирования вопросов, посвященных «не только результату работ, но и процессу их выполнения»⁶. Указанное условие может выражаться в детализации контроля над процессом изготовления вещи со стороны

³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20 октября 2022 г. № Ф02–4870/2022 по делу № А33–35982/2020 // СПС Консультант-Плюс.

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 марта 2021 г. № Ф03–444/2021 по делу № А51–10960/2020 // СПС Консультант-Плюс.

⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 марта 2021 г. № Ф06–84/2021 по делу № А49–2790/2019 // СПС Консультант-Плюс.

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 июня 2022 г. № Ф04–3085/2022 по делу № А45–12838/2021 // СПС Консультант-Плюс.

заказчика. Например, предоставление отчетности о целевом использовании выделенных денежных средств, давальческих материалов, осуществление надзора за соблюдением сроков выполнения работ¹. То есть правовая конструкция подряда в большей степени направлена на «определение взаимоотношений сторон»² в процессе выполнения определенных работ. В то время как договор поставки, как возмездное перемещение существующих или будущих вещей [7, с. 418], направлен на то, чтобы упорядочить отношения, затрагивающие транспортировку товара из пункта А в пункт Б (процесс создания и появления товара в пункте А в меньшей степени интересует заказчика).

Таким образом, с целью дифференциации рассматриваемых правовых конструкций предлагаем следующие квалифицирующие критерии договора подряда:

1. Целью договора является получение определенного результата, передаваемого заказчику;
2. Этот результат работ должен соответствовать признакам индивидуально-определенной вещи (вещи, выделяющейся из рода ей подобных вещей [5, с. 394], благодаря наличию только ей присущих признаков [10, с. 126]);
3. Для достижения цели договора подряда заказчик осуществляет контроль над процессом выполнения работ по созданию и передаче вещи.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены причины появления в российской правовой действительности нарушений принципа правовой определенности по вопросу разграничения договоров подряда и поставки. Одной из причин является тот факт, что долгое время данные договоры воспринимались отечественной цивилистикой в качестве единой правовой конструкции. Кроме того, сложившаяся ситуация во многом связана с отсутствием в законодательстве и доктрине единых критериев, дифференцирующих поставку и подряд. Чтобы восполнить образовавшийся пробел, был осуществлен анализ актуальной судебной практики, по результатам которого выведены квалифицирующие критерии договора подряда. Вместе с тем рассмотрены иные проблемы договоров подряда и поставки, предложены способы их разрешения.

В рамках выполнения заявленной в начале данной работы цели усовершенствовать регулирование рассматриваемых правовых конструкций предлагается изложить нормы ГК РФ, посвященные договору подряда, следующим образом:

Статья 702. Договор подряда

1. По договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны

¹ Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 14 июля 2022 г. по делу № М-118/2021.

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 июня 2023 г. № Ф04–2167/2023 по делу № А70–13743/2022 // СПС Консультант-Плюс.

(заказчика) определенную работу с целью создания и передачи заказчику индивидуально-определенной вещи, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Статья 715. Права заказчика во время выполнения работы подрядчиком

1. Заказчик в рамках осуществления контроля над процессом выполнения определенных работ вправе во всякое время проверять ход и качество работы, выполняемой подрядчиком, не вмешиваясь в его деятельность.

Проведение данных законодательных изменений приведет к формированию единообразия судебных решений, позволит разрешить пласт проблем, сложившийся в судебной практике за долгие годы неопределенности. В конечном итоге реформа решит одну из задач, которую перед собой ставили создатели ГК РФ еще тридцать лет назад, а именно – окончательно обособить договор поставки от договора подряда.

Литература

1. ВАСИЛЬЕВ Г. С., Рыбалов А.О. Различие договоров подряда и купли-продажи: обсуждаем проблему // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 1. С. 53–81.
2. Гогин А. А., Федорова А.Н. Договор подряда: историко-правовые периоды становления, развития и современного состояния // Основы экономики, управления и права. 2021. № 2 (27). С. 38–44. DOI: 10.51608/23058641_2021_2_38.
3. Гражданское право. Особенная часть: учебник / Н.В. Багрова, Т.Ю. Барিশпольская, Р.С. Бевзенко и др.; под ред. Е.С. Болтановой. М.: Инфра-М, 2023. 583 с.
4. Гражданское право: учебник / М.Б. Смоленский, Е.В. Астапова, Е.В. Демьяненко [и др.]; под ред. М.Б. Смоленского. М.: Кнорус, 2022. 310 с.
5. Гражданское право: учебник: в 2 т. Том 2 / под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 543 с.
6. Гражданское право: учебник: в 2 т. Том 2 / под общ. ред.: М.В. Карпычева, А.М. Хужина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2023. 602 с.
7. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. Р.А. Курбанова, Т.В. Дерюгиной, А.Н. Кузбагарова; под общ. ред.: Н.Д. Эриашвили, А.В. Тумакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2023. 743 с.
8. Гражданское право. Часть 2. Обязательственное право: учебник / Ю.М. Алпатов, В.Е. Белов, Н.И. Беседкина [и др.]; под ред. С.А. Ивановой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2023. 626 с.
9. Егоров А. В. У нас до сих пор заказчики считают, что они держат на крючке подрядчика, отказываясь от подписания акта приемки из-за

каких-то мелких недостатков // Журнал «Цивилистика». 2022. Т. 2, № 4. С. 3–11.

10. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А.И. Иванчак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. 271 с.
11. Избранные труды: сборник научных трудов: в 3 т. / отв. ред. П.В. Крашенинников, Д.Х. Валеев. М.: Статут. 2022. 848 с.
12. Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2023. 1254 с.
13. Редкин П. Г. О казенных подрядах и поставках в России, до первого их преобразования // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. М.: В Университетской типографии, 1841. Т. 1. С. 161–187.
14. Рыбалов А.О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ) [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2017. 96 с.
15. Чеботаева А.А. Договор поставки в отечественном законодательстве: историко-правовой аспект // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 3 (27). С. 21–25.
16. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.): учебник: в 2 т. Том 2. М.: Статут, 2021. 896 с.

DETERMINATION OF CRITERIA FOR DIFFERENTIATING SUPPLY AND CONTRACT AGREEMENTS

Terekhin I.S.

National Research University Higher School of Economics

Introduction. Since 1996, Russian legislation has contained provisions on the contractor's agreement, as well as the supply contract as a separate type of sales contract. The correlation issue of the mentioned legal constructions has been debated for many years among Russian civilistics representatives, however to date, there is no clear position on the criteria that allow distinguish the supply and contracting agreements in specific situations. *Methodology.* The methodological basis of the study is the general scientific dialectical method of cognition, as well as logical, systemic, historical, comparative-legal and formal-legal methods. *Purpose.* Based on the doctrinal provisions and actual judicial practice, it is necessary to derive differentiating criteria allowing to unambiguously sep-

arate the supply contract and the contractor's agreement, and at the same time to propose legislative amendments that will put an end to the ongoing debate on the issue. *Results.* The following differentiation criteria were identified in the research: 1) the purpose of the contract, 2) an individually defined thing as a result of work, 3) the presence of control over the performance of work. *Conclusion.* It seems that in order to solve the problems that have arisen, it is necessary to make changes to the Civil Code of the Russian Federation articles.

Keywords: contractor's agreement, supply contract, essential conditions, differentiating criteria

References

1. Vasiliev G.S., Rybalov A.O. Distinction of contractor's agreement and purchase and sale: the problem discussion. *Pravovedenie = Law studies*, 2005, no. 1, pp. 53–81. (In Russ.).
2. Gogin A.A., Fedorova A.N. Contract agreement: historical and legal periods of formation, development and current state // *Economy, Governance and Law Basis*. 2021, no. 2 (27), pp. 38–44. DOI: 10.51608/23058641_2021_2_38. (In Russ.).
3. Boltanova E.S. (ed.) *Civil law. Special part, textbook*. Moscow, Infra-M, 2023. 583 p. (In Russ.).
4. Smolenskiy M.B., Astapova E.V., Demyanenko E.V. et al. *Civil law, textbook*. Moscow, Knorus, 2022. 310 p. (In Russ.).
5. Gongalo B.M. *Civil law, textbook, in 2 volumes*. Moscow, Statute, 2021, Vol. 2. 543 p. (In Russ.).
6. Karpuchev M.V., Khuzhin A.M. (ed.) *Civil law, textbook, in 2 volumes*. Moscow, Infra-M, 2023. Vol. 2. 602 p. (In Russ.).
7. Kurbanov R.A., Deryugina T.V., Kuzbagarova A.N. et al. *Civil law, textbook*. Moscow, Uniti-Dana, 2023. 743 p. (In Russ.).
8. Alpatov Yu.M., Belov V.E., Besedkina N.I. et al. *Civil law. Law of obligations, textbook*. Moscow, Infra-M, 2023. 626 p. (In Russ.).
9. Egorov A.V. Our customers still believe that they are holding the contractor on the hook, refusing to sign the acceptance certificate due to some minor flaws. *Civilistics = Private law*, 2022, vol. 2, no. 4, pp. 3–11. (In Russ.).
10. Ivanchak A.I. (ed.) *Civil law of the Russian Federation. General part, textbook*. Moscow, Statute, 2018. 271 p. (In Russ.).
11. Krashennnikov P. V., D.H. Valeev D.H. *Selected works: collection of scientific papers: in 3 volumes*. Moscow, Statute, 2022. 848 p. (In Russ.).
12. Karapetov A.G. (ed.) *General provisions on the purchase and sale, delivery of goods and sale of real estate: commentary on Articles 454–491, 506–524, 549–558 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0]*. Moscow, M-Logos, 2023. 1254 p. (In Russ.).
13. Redkin P.G. On government contracts and supplies in Russia before their first transformation, in: Redkin P.G. *Legal Notes*, published by Peter Redkin, Doctor of Law and Ordinary Professor of the Imperial Moscow University. Moscow, In the University Printing House, 1841. Vol. 1, pp. 161–187. (In Russ.).
14. Rybalov A.O. *Ownership right (commentary on Article 209 of the Civil Code of the Russian Federation) [Electronic edition]*. Moscow, M-Logos, 2017. 96 p. (In Russ.).
15. Chebotaeva A.A. The supply agreement in the Russian legislation: historical and legal aspect. *Science. Society. State*. 2019, vol. 7, no. 3 (27), pp. 21–25. (In Russ.).
16. Shershenevich G. F. (ed.) *Russian Civil law: (according to the editions of 1912 and 1914–1915)*, textbook, in 2 volumes. Moscow, Statute, 2021. Vol. 2. 789 p. (In Russ.).

Развитие правового института определения форс-мажорных обстоятельств в обязательстве: на примере ситуации введения экономических санкций

Трынкина Дарья Васильевна,

студент, Российской государственной академии правосудия
E-mail: dasha.132013@yandex.ru

Актуальность раскрываемой темы подтверждается большим количеством неоднозначной судебной практики, сформировавшейся за последние годы, которая связана с определением судами причинно-следственной связи между имевшим место форс-мажорным событием, которое должно отвечать признакам чрезвычайности и непредотвратимости, и возникшей невозможностью исполнения обязательств у должной стороны в связи с распространением негативного влияния указанных критериев на деятельность субъекта. Кроме того, актуальность обусловлена возникновением вопросов, связанных с отнесением такого частого на данный момент явления, как «экономические санкции» к числу обстоятельств непреодолимой силы, что также подтверждается разнообразным мнением судебных органов на этот счет. Автором выделены проблемы: достаточно общий характер критериев непреодолимой силы, что приводит к отсутствию их единообразного применения, наличие неоднозначной судебной практики.

Ключевые слова: условия невозможности исполнения, форс-мажор, неисполнение обязательств, гражданско-правовая ответственность, обязательственные правоотношения, санкции.

Совокупность субъективных прав и обязанностей, которые принадлежат сторонам обязательственных правоотношений, составляет содержание указанного выше вида гражданских правоотношений. Последствием неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств является гражданско-правовая ответственность, однако законодательно установлены специальные случаи, когда ее наступление исключается. Важной особенностью таких исключительных обстоятельств является отсутствие вины стороны, которая не смогла исполнить или же, не должным образом исполнила обязательства при внезапном наступлении определенных нормой обстоятельств, поскольку не ее деяние а наличие внешних факторов привело к «негативному» результату.

В ГК РФ закреплена норма, касающаяся этого вопроса и направленная на установление отсутствия несения стороной ответственности, при условии, что она сможет представить доказательства факта невозможности надлежащим образом исполнить обязательство «вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств» [1. Ст. 401].

Рассматриваемые обстоятельства на практике и в доктрине были названы «обстоятельствами непреодолимой силы», получившие известность также как «форс-мажор». Важность их четкого определения состоит в возможности освобождения не исполнившей или ненадлежащим образом исполнившей стороны от гражданско-правовой ответственности, в случае если та или иная ситуация подпадает под критерии обстоятельств непреодолимой силы.

Для того, чтобы урегулировать вопрос о последствиях неисполнения обязательств при наличии таких «неблагоприятных» условий для всех сторон правоотношения, законодателем в ст. 416 ГК РФ была закреплена возможность «прекращения обязательства невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает» [1. Ст.416]. Последнее положение подчеркивает обязательное отсутствие вины не исполнившей стороны, показывая наличие непреодолимой силы.

При отсутствии рассматриваемых обстоятельств и при наличии виновных действий должной стороны, последняя несет ответственность в виде штрафных санкций (штраф, пеня, неустойка).

Относительно особенностей толкования критериев чрезвычайности и непредотвратимости, ко-

торые можно было бы отнести к обстоятельствам непреодолимой силы (чрезвычайность и непредотвратимость), достаточно давно ведутся споры среди представителей гражданско-правовой доктрины. К ним обращались такие исследователи, как Е.А. Суханов, М.А. Егорова, А.Н. Пермяков, О.С. Иоффе, а также другие ученые в своих работах [2].

Спорность при определении и дальнейшем применении рассматриваемых критериев привела к их конкретизации со стороны субъектов, имеющих возможность производить официальное толкование норм права. Разъяснения звучат следующим образом: «чрезвычайность предполагает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого в конкретных условиях является необычным. Это выход за пределы нормального, обыденного, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено ни при каких обстоятельствах; непредотвратимость означает, что любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. Непредотвратимость должна быть объективной, а не субъективной» [3. п. 8].

Проблема при характеристике указанных критериев проявляется в том, что «исключительность рассматриваемого обстоятельства» или «невозможность участника гражданского оборота избежать наступления обстоятельства» определяются в каждом конкретном случае, кроме того, не исключен субъективный фактор того, кто производит квалификацию явлений.

Именно поэтому, на практике, несмотря на разъяснения суда, возникает множество вопросов, что выражается в неоднородной, а порой и в противоречивой судебной практике. Одним из таких вопросов является отнесение санкций, вводимых против РФ, к обстоятельствам непреодолимой силы.

За период с 2020 по 2024 годы сложилась достаточно обширная и неоднозначная судебная практика.

Первоначальную квалификацию имевших место обстоятельств и их соотнесение с признаками форс-мажора осуществляет Торгово-промышленная палата, решение которой отражается в специальном сертификате, на который ссылаются стороны уже в судебном процессе.

Более широкое толкование обстоятельств непреодолимой силы, к критериям которых, помимо двух основных отдельно отнесена непредвиденность, дает положение Торгово-промышленной палаты, согласно которому – «это чрезвычайные, непредвиденные и непредотвратимые обстоятельства, возникшие в течение реализации договорных (контрактных) обязательств, которые нельзя было разумно ожидать при заключении договора (контракта), либо избежать или преодолеть, а также находящиеся вне контроля сторон такого договора (контракта)» [4. п. 1.3].

Согласно сформировавшейся судебной практике, при непредоставлении указанного выше серти-

фиката Торгово-промышленной палаты, суд не будет рассматривать обстоятельство непреодолимой силы, как имевшее место [5]. Дело в том, что заключение лишь показывает наличие форс-мажорного события, на котором сторона основывает свои доводы. «Отнесение этого события к такому обстоятельству, оценка его влияния на возможность исполнения обязательства находится в компетенции суда, который решает данный вопрос исходя из конкретных обстоятельств дела» [6].

Суд производит оценку доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на полном исследовании предоставленных материалов. Следовательно, именно ему предоставлена возможность устанавливать наличие влияния признаков чрезвычайности и непредотвратимости произошедшего форс-мажорного события на невозможность исполнения обязательств одной из сторон. Он определяет создало ли такое происшествие условия, при которых исполнить обязательства невозможно.

В настоящий момент практика больше склоняется к отрицанию признания санкций обстоятельствами непреодолимой силы, но есть определенные категории дел, где суды, в основном принимают решения в пользу субъекта, который не смог исполнить обязательство.

Например, в своем решении Арбитражный суд города Москвы по спору между ООО «СЛП» и АО «АЛЬФА-БАНК», говорит о том, что «введение экономических санкций со стороны иностранных государств и международных организаций отвечает признакам обстоятельств чрезвычайной и непреодолимой силы (форс-мажор)» [7]. Приведенная ситуация связана с невозможностью осуществления перевода денежных средств ответчиком, из-за введения ограничительных мер, в иностранный банк через банк-корреспондент, который должен был быть конечным звеном перед переводом в необходимый банк. Кроме того, суд указывает в своем решении, что введение экономических санкций против юридического лица является форс-мажором [7].

Но, как показывает нынешняя судебная практика, такое правило применяется лишь к крупным юридическим лицам. При предоставлении рядовыми предпринимателями свидетельства о наличии форс-мажора, в большинстве случаев суд не признает наличие причинно-следственной связи между обстоятельствами непреодолимой силы и неисполнением обязательств.

Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении говорит следующее: – «невозможно установить, что введенные в 2022 году антироссийские санкции настолько негативно повлияли на хозяйственную деятельность НАО «СВЕЗА Новатор», что лишили ответчика возможности поставлять древесину в необходимом объеме» [8]. Аналогичные позиции закреплены и в постановлении Тринадцатого арбитражного Апелляционного суда [9].

На основании приведенной судебной практики, можно заключить, что санкции более общего характера, затрагивающие достаточно большое количество субъектов, не признаются форс-мажором, несмотря на внешнее наличие всех его признаков. В связи с чем, обычные предприниматели, менее защищены, чем более крупные юридические лица, такие как корпорации. На основании вышеизложенного, можно утверждать, что имеет место «дискриминация», которая проявляется в различной широте толкования критериев форс-мажорных обстоятельств применительно к разным субъектам обязательственных отношений.

Для устранения указанных проблем необходима большая конкретизация критериев чрезвычайности и непредотвратимости применительно, возможно, к конкретным категориям предпринимательской деятельности и приведение разных позиций судов к единообразию.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 13.11.1994 № 51-ФЗ (ГК-РФ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 401, 416
2. Российское гражданское право: учебник: в 2 т., т. 2: Обязательственное право // Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Москва.: Статут. 2011. С. 81; Егорова М.А. концепция реализации способов прекращения обязательств: автореферат дис. ... докт. юр. наук. М., 2013; Пермяков П.А. К вопросу о понятии «Непреодолимая сила»: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (86); О.С. Иоффе. Избранные труды: Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. 2003. 340 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. От 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» п. 8
4. «Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор)» (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173–14) (ред. От 30.03.2023) // <https://usligi.tpprf.ru> 30.03.2023
5. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) – URL: Решение от 30 октября 2023 г. по делу № А67–7115/2023:: СудАкт.ру (sudact.ru) – (Дата обращения: 20.04.2024)
6. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) – URL: Постановление от 17 октября 2023 г. по делу № А56–9882/2023:: СудАкт.ру (sudact.ru) – (Дата обращения: 19.04.2024)

7. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) – URL: Решение от 10 августа 2023 г. по делу № А40–63297/2023:: СудАкт.ру (sudact.ru) – (Дата обращения: 20.04.2024)
8. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) – URL: Постановление от 28 сентября 2023 г. по делу № А13–3719/2023:: СудАкт.ру (sudact.ru) – (Дата обращения: 20.04.2024)
9. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) – URL: Постановление от 17 октября 2023 г. по делу № А56–9882/2023:: СудАкт.ру (sudact.ru) – (Дата обращения: 20.04.2024)

DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTE FOR DETERMINING FORCE-MAJEURE CIRCUMSTANCES IN AN OBLIGATION: THE EXAMPLE OF THE SITUATION OF INTRODUCTION OF ECONOMIC SANCTIONS

Trynkina D.V.

Russian State University of Justice

The relevance of the topic is confirmed by a large number of ambiguous judicial practice formed in recent years, which is associated with the determination by the courts of the causal link between the force majeure event, which must meet the characteristics of emergency and unavoidability, and the resulting inability to fulfill the obligations of the due party in connection with the spread of the negative impact of these criteria on the activity of the subject. In addition, the relevance is caused by the emergence of issues related to the attribution of such a frequent at the moment phenomenon as “economic sanctions” to the circumstances of force majeure, which is also confirmed by the diverse opinion of judicial bodies on this subject. The author highlights the following problems: rather general nature of the criteria of force majeure, which leads to the lack of their uniform application, the presence of ambiguous judicial practice.

Keywords: conditions of impossibility of fulfillment, force majeure, non-fulfillment of obligations, civil liability, obligatory legal relations, sanctions.

References

1. Civil Code of the Russian Federation from 13.11.1994 № 51-FZ (Civil Code-RF) // СЗ РФ. 1994. № 32. Art. 401, 416
2. Russian Civil Law: textbook: in 2 volumes, vol. 2: Law of Obligations // Ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. Moscow: Statute. 2011. С. 81; Egorova M.A. The concept of realization of ways of termination of obligations: abstract of thesis. ... doctor of juridical sciences. M., 2013; Permyakov P.A. To the question of the concept of “Insurmountable force”: history and modernity // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2012. № 3 (86); O.S. Ioffe. Selected Works: Legal Relationship under Soviet Civil Law. Liability under Soviet civil law. 2003. 340 с.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 24.03.2016 № 7 (ed. From 22.06.2021) “On the application by the courts of some provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations” p.8.
4. “Regulations on the procedure for certification by the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation of force majeure circumstances (force majeure)” (Annex to the Resolution of the Board of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation of 23.12.2015 № 173–14) (ed. From 30.03.2023) // <https://usligi.tpprf.ru> 30.03.2023
5. Internet resource “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” (SudAkt) – URL: Decision of October 30, 2023 in case No. А67–7115/2023:: SudAkt.ru (sudact.ru) – (Date of access: 20.04.2024)
6. Internet resource “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” (SudAkt) – URL: Resolution of October 17, 2023 in case No. А56–9882/2023:: Sud-dAkt.ru (sudact.ru) – (Date of reference: 19.04.2024)
7. Internet resource “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation” (SudAkt) – URL: Decision of August 10, 2023 in

- case No. A40–63297/2023:: SudAkt.ru (sudact.ru) – (Date of access: 20.04.2024)
8. Internet resource “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” (SudAkt) – URL: Resolution of September 28, 2023 in case No. A13–3719/2023:: Sud-Akt.ru (sudact.ru) – (Date of reference: 20.04.2024)
9. Internet resource “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation” (SudAkt) – URL: Resolution of October 17, 2023 in case No. A56–9882/2023:: Su-dAkt.ru (sudact.ru) – (Date of access: 20.04.2024)

Правовые аспекты формирования цифровых экосистем кредитных организаций

Туманова Анна Евгеньевна,

аспирант, Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: tumanova_ann@mail.ru

Формирование кредитными организациями цифровых экосистем является одной из главных тенденций развития банковского сектора. В современном мире, где технологии постоянно совершенствуются, кредитные организации не могут оставаться в стороне от цифровой революции. Статья посвящена анализу динамично развивающихся цифровых экосистем, формируемых кредитными организациями, в Российской Федерации и их правового регулирования. Рассматривается влияние платформ электронной коммерции на трансформацию бизнес-процессов, а также роль государственных и частных платформ в создании интегрированных цифровых сервисов. Особое внимание уделено санкционной политике 2022 года и ее влиянию на ограничение движения капитала, восстановление финансового рынка, развитие новых финансовых услуг и технологий. Рассматривается значимость правового регулирования в укреплении фундаментов банковской системы и защите участников финансового рынка. Исследование основано на анализе научной литературы, нормативных документов и опыта внедрения цифровых технологий в кредитные организации. В результате данной работы можно сделать вывод о необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации в области цифровых технологий и банковской деятельности в целях обеспечения правовой защиты и стабильности финансовой системы.

Ключевые слова: экосистема, кредитная организация, цифровизация, цифровая экосистема, банковская экосистема, правовое регулирование.

Кредитные организации и банковская деятельность играют фундаментальную роль в современном обществе, выполняя множество функций, имеющих важное значение для экономического роста и общественного благополучия. Как справедливо отмечают Р.И. Каюмов, И.Р. Тоймухамедов, банковская система играет центральную роль в организации экономической жизни любой страны, не только обеспечивает эффективное распределение финансовых ресурсов, но и способствует устойчивому развитию экономики.

Банки управляют денежным предложением и кредитованием, что напрямую влияет на инфляцию и общую экономическую стабильность. Через политику ставок, регулирование ликвидности, контроль над валютными резервами, банковская система становится основным инструментом центрального банка для влияния на экономическую ситуацию. В периоды финансовых нестабильностей банки обеспечивают необходимую ликвидность рынку и поддерживают доверие инвесторов. Кроме того, реструктуризация долгов и оказание поддержки проблемным отраслям также проходят через банковскую систему.

Таким образом, роль кредитных организаций в экономике важна и многогранна, а их активная и эффективная деятельность оказывает значительное влияние как на отдельные сектора экономики, так и на обеспечение макроэкономической стабильности, а также способствует национальному экономическому росту.

Первоначально, банки были созданы для хранения денег и ценностей. Со временем их функции расширились, что стало причиной появления феномена «цифровой экосистемы кредитной организации».

Термин «экосистема» активно используется в международной научной литературе, применительно к экономике, и особенно в контексте бизнес-моделей и инноваций. Экономические или бизнес-экосистемы описываются как динамические и взаимосвязанные сети компаний, организаций и индивидуумов, которые создают и распределяют товары и услуги. Понятие экосистемы помогает анализировать, как различные акторы взаимодействуют для совместного создания стоимости.

Как справедливо отмечает М. Ахмед, старший директор по стратегии и транзакциям Ernst & Young LLP, экосистемные партнерства делают банки более значимыми для клиентов сегодня и могут иметь решающее значение для прибыльности банков в будущем. Эффективное использование экосистем становится стратегически важным для бан-

ков, что позволяет им улучшать качество продуктов и снижать затраты на привлечение клиентов.

Формирование цифровых экосистем кредитных организаций представляет собой новый этап в развитии финансового сектора, который вызывает необходимость адаптации и развития соответствующего правового регулирования.

Перед анализом правовых аспектов формирования цифровых экосистем кредитных организаций рассмотрим основные механизмы воздействия на финансовый рынок и место правового регулирования в данной системе. Так, основными механизмами воздействия на финансовый рынок являются:

- нормативно-правовое регулирование;
- мягкое регулирование (кодексы, стандарты СРО, рекомендательные письма);
- создание и развитие элементов цифровой инфраструктуры финансового рынка, обеспечение равного допуска к ней;
- создание и поддержка государством механизмов коллективного страхования (гарантирования) накоплений граждан как в банковском секторе, так и на рынке страхования и в негосударственных пенсионных фондах (НПФ);
- налоговое стимулирование и субсидирование;
- повышение финансовой грамотности и просветительская деятельность;
- подготовка кадров для финансовой отрасли;
- информационная политика и взаимодействие с участниками рынка;
- регулирование потоков капитала.

Среди указанных механизмов воздействия на финансовый рынок правовое регулирование играет ключевую роль, так как закладывает основу для установления правил, норм и стандартов, которые определяют порядок действий, права и обязанности участников рынка. Правовое регулирование играет роль обеспечения стабильности и надежности цифровых экосистем кредитных организаций, защиты прав участников, поддержания финансовой стабильности и соблюдения законности в рамках этих новых правоотношений.

Рассмотрим в каких условиях складывается правовое регулирование указанных правоотношений на современном этапе и правовые аспекты формирования цифровых экосистем кредитных организаций.

В первую очередь следует отметить, что сегодня развитие платформ электронной коммерции в России неизбежно приводит к кардинальным изменениям в бизнес-среде, особенно огромные возможности предоставляются малому и среднему бизнесу, которые, обычно, испытывают затруднения в поиске новых клиентов и продвижении своих товаров и услуг. Платформы становятся конкурентами традиционных банков, расширяя свои услуги до финансовых операций, таких как расчетные обслуживания и кредитование. Создание собственных банковских структур на платформах электронной коммерции позволяет им предлагать полноценные финансовые услуги, что делает их

более привлекательными для бизнеса, особенно в контексте упрощения доступа к финансовым ресурсам и операциям.

Такое расширение сервисов подталкивает к формированию мощных экосистем, где компании могут получить все необходимые услуги в одном месте, что упрощает и оптимизирует их операционную деятельность.

Еще одним важным фактором формирования цифровых экосистем кредитных организаций со современным этапом является сокращение присутствия иностранных компаний на российском рынке, вызванное различными ограничительными мерами, создало уникальные возможности для национальных платформ. Так, развитие государственных платформенных сервисов и политика в этой области в России направлены на создание удобных и доступных электронных сервисов для граждан и бизнеса. При этом, государство, используя рычаги цифровизации, стремится обеспечить прозрачное и эффективное взаимодействие между гражданами и органами власти, а также способствовать развитию экономики через интеграцию технологических решений. В частности, активное развитие сервисов, таких как система передачи финансовых сообщений (СПФС), играет важную роль в обеспечении платежной непрерывности страны, особенно в условиях действующих санкций. Единая биометрическая система (ЕБС) в свою очередь повышает доступность финансовых услуг для потребителей, обеспечивая удаленную идентификацию граждан.

Формирования цифровых экосистем кредитных организаций происходит в русле проводимой государством финансовой политики. Прозрачность политики государства в отношении платформенных сервисов позволяет бизнесу стратегически планировать свои инвестиции, определять направления для разработки собственных решений, и понимать, какие ниши могут быть заняты государственными сервисами и какие останутся открытыми для частных инициатив.

Цифровые сервисы и платформы, разработанные на государственном уровне, нацелены на обеспечение оптимальных условий для эффективного государственного управления и предоставления услуг. Их деятельность охватывает поддержку разных аспектов жизни граждан и коммерческих предприятий, включая такие сферы, как медицина, образование, электронная коммерция и интеллектуальная собственность.

В сфере регулирования платформенного и экосистемного бизнеса государство играет важную роль в создании условий для развития цифровой экономики, а также для обеспечения справедливой конкуренции и защиты интересов потребителей и предпринимателей.

Таким образом, актуальность водораздела с государственными платформами заключается в необходимости четкого определения ролей и ответственности частного и государственного секторов в сфере цифровизации, что обеспечивает

баланс интересов и способствует синергии усилий для достижения общенациональных целей развития.

В ответ на санкционные ограничения 2022 года были временно введены ограничения на движение капитала, целью которых была стабилизация финансового рынка. С нормализацией обстановки данные ограничения начали постепенно сниматься. Важным аспектом текущей политики является развитие правовой базы для новых видов финансовых услуг и интеграция современных технологий.

Тенденции, характерные для 2023 года, в частности, рост кредитования, особенно ипотечного, способствовал экономическому восстановлению, при этом корпоративное кредитование выросло благодаря замещению внешнего долга и восстановлению деловой активности.

Банк России активно отменяет регуляторные послабления, введенные в ответ на санкции, и стимулирует банковское регулирование для поддержки проектов технологического суверенитета. Рынок капитала восстанавливается, с ростом облигационного рынка и акций, при этом увеличивается роль розничных инвесторов из-за ухода иностранных инвесторов.

Банк России и Правительство Российской Федерации продолжают работу по улучшению инфраструктуры финансового рынка, включая цифровой рубль и систему быстрых платежей, что укрепляет платежную независимость России. Вовлечение дружественных стран и развитие международного взаимодействия остаются приоритетными, с фокусом на использование национальных валют в международных расчетах.

Цифровизация и развитие платежной инфраструктуры продолжают играть ключевую роль в адаптации финансового рынка к новым вызовам, с учетом потребностей экономики и сохранения устойчивости в условиях глобальных изменений.

В то же время следует отметить, что на законодательном уровне комплексного правового регулирования цифровых экосистем кредитных организаций еще не сложилось. Более того, сам термин «цифровая экосистема кредитной организации» законодателем не определен. При этом термин «экосистема» все же употребляется в актах различной юридической силы, в частности в таком значении как:

комплексная система взаимосвязанных сервисов и цифровой инфраструктуры [3];

комплекс цифровых сервисов и инфраструктур [8];

комплекс сервисов и инфраструктуры, создаваемых на базе цифровой платформы [7];

комплексное решение, которое включает в себя элементы цифровой интеграции, межсекторального взаимодействия и обмена данными; открытые, модульные и расширяемые платформы, которые позволяют интегрировать национальные и международные сервисы для повышения эффективности и доступности услуг [4];

совокупность цифровых сервисов и инфраструктур, которые взаимодействуют между собой и поддерживают цифровую трансформацию различных сфер, таких как промышленность, транспорт, логистика, трудоустройство и занятость [2];

сложная структура, включающая многоуровневые взаимодействия между различными участниками рынка [14];

единое цифровое пространство, объединяющее множество модульных информационных систем и сервисов [12];

партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан [5];

технологии, сервисы, и данные, объединенные в единую сеть для выполнения определенных функций и задач [9];

открытая, устойчивая система, которая включает в себя субъекты цифровой экосистемы (физические, юридические, виртуальные и другие), а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме на основе сервисов цифровой платформы [1];

совокупность информационных технологий и цифровых платформ, используемых для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности [6].

Остановимся подробнее на анализе некоторых нормативных актов, использующих указанный термин и постараемся раскрыть правовые аспекты формирования экосистем в целом и применительно к банковской сфере в частности.

Начнем обзор с актов наднационального уровня, регламентирующих правоотношения в рамках ЕАЭС. Прежде всего, речь идет о Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12. Термин «экосистема» в данном акте используется для описания различных аспектов цифрового пространства в контексте Евразийского экономического союза. Под «цифровой экосистемой» понимается совокупность цифровых сервисов и инфраструктур, которые взаимодействуют между собой и поддерживают цифровую трансформацию различных сфер, таких как промышленность, транспорт, логистика, трудоустройство и занятость. Экосистемы охватывают создание кросс-отраслевых цифровых платформ и сервисов, которые обеспечивают интеграцию и синергию на межгосударственном уровне. Это включает в себя также разработку и внедрение технологий для облегчения электронного документооборота, трансграничного информационного взаимодействия, а также признание и юридическую силу электронных подписей в документах.

Другие два акта, определяющие содержание цифровых экосистем, применительно к праву ЕАЭС – это распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 № 29; от 05.04.2021 № 4.

В первом из них под «экосистемой цифровых транспортных коридоров» понимается интегрированная система сервисов и цифровой инфраструктуры, задействованная для эффективной координации и оптимизации транспортных потоков и связанных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Эта экосистема включает различные цифровые инструменты и платформы для обмена данными и управления транспортными операциями, что способствует более эффективной и безопасной организации международных транспортных перевозок.

Во втором из указанных выше распоряжений термин «экосистема» используется для описания интегрированной структуры сервисов и цифровых инфраструктур, которая обеспечивает выполнение различных функций в рамках Евразийского экономического союза.

Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2022 № 2439 термин «экосистема» использует в контексте финансового рынка, обозначая совокупность финансовых услуг, продуктов и инфраструктуры, которые взаимодействуют между собой. Экосистемы в этом контексте функционируют как интегрированные платформы, позволяющие пользователям получать разнообразные услуги через единую точку входа, что упрощает взаимодействие клиентов с финансовыми сервисами и повышает их доступность. Рассматриваемые экосистемы часто включают в себя различные технологические решения, которые способствуют цифровизации финансового сектора и облегчают финансовые операции как для частных лиц, так и для компаний.

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 № 1279 экосистема понимается как совокупность процессов, учреждений и технологий, которые взаимодействуют с целью оптимизации и автоматизации различных аспектов деятельности, включая лицензирование и предоставление разрешений. Это обширная система, которая ориентирована на создание условий для более эффективного и упорядоченного регулирования деятельности в определенных сферах, применяя инновационные подходы и цифровые технологии для улучшения интерактивности и доступности услуг.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р термин «экосистема» упоминает в контексте развития отрасли. Экосистема определяется как совокупность взаимосвязей между различными участниками отрасли, включая стартапы, исследовательские центры, университеты и инвестиционные фонды, которые вместе формируют благоприятную среду для инноваций и развития новых технологий.

Среди подзаконных актов можно упомянуть Приказ Минэкономразвития от 15.12.2020 № 828, где под экосистемой понимается совокупность услуг и решений, предоставляемых в рамках федерального проекта «Системные меры по повышению производительности труда». Это включает

сервисы, организационные и правовые механизмы, работающие в единой системе с целью повышения производительности труда и уровня «цифровой зрелости» предприятий за счет внедрения отечественного программного обеспечения, включая инженерное и промышленное. Эти экосистемы также подразумевают участие различных экспертов и поставщиков решений, которые зарегистрированы и активно участвуют в цифровой экосистеме.

Также следует упомянуть Приказ Минэкономразвития от 04.07.2022 № 354 – данный акт использует термин «инновационная экосистема», под которой понимается среда, способствующая развитию и поддержке технологических компаний и предпринимателей через различные меры поддержки. Такая экосистема включает в себя институты, которые предоставляют необходимые ресурсы и услуги для ускорения роста и коммерциализации инноваций. Основная цель инновационной экосистемы – создать условия для устойчивого развития технологических проектов, повышение их доходности и эффективности, что, в свою очередь, должно способствовать увеличению налоговых отчислений и созданию новых рабочих мест.

Приказ Росстата от 22.08.2022 № 583 термин «экосистема» описывает как комплекс взаимосвязанных цифровых сервисов и/или платформ, которые в определенной мере интегрированы между собой. Эта экосистема создаётся для максимального удовлетворения потребностей конкретной целевой аудитории или групп целевых аудиторий. Экосистема обладает такими характеристиками, которые позволяют потребителям установить факт принадлежности входящих в неё сервисов и платформ к одной экосистеме.

Согласно положениям Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике [13] цифровая экосистема охватывает создание и развитие интегрированных цифровых сервисов и платформ, предназначенных для поддержки различных сфер деятельности, таких как трудоустройство, образование, здравоохранение и прочие, что также включает в себя создание удобной среды для взаимодействия граждан с государственными и коммерческими услугами через единую цифровую платформу.

В Платформе мероприятий «Открытые данные Российской Федерации» под «экосистемой» понимается сложная структура, включающая многоуровневые взаимодействия между различными участниками рынка открытых данных, что включает разработчиков, поставщиков, пользователей данных и государственные органы. Экосистема открытых данных стремится создать устойчивую среду, в которой данные будут легко доступны и могут быть эффективно использованы. Для того чтобы обеспечить качество, безопасность и эффективное использование данных, существуют нормативно-правовые, технологические и методологические

основы. Особое внимание уделяется расширению доступа к данным, их интеграции и взаимодействию совместно с развитием навыков и компетенций участников этой экосистемы, а также поддержке со стороны государства через различные меры, включая образовательные программы и нормативно-правовое регулирование.

Среди ведомственных актов также можно упомянуть Письмо Минстроя России от 06.07.2023 № 39972-ИЯ/14, в котором термин «экосистема» описывается как единое цифровое пространство, которое объединяет различные модульные информационные системы и сервисы, применяемые органами власти и пользователями.

Итак, обобщая проведенный анализ, представляется возможным сформулировать следующее определение цифровой экосистемы кредитной организации: это комплексно организованная сеть взаимосвязанных финансовых услуг, продуктов и цифровой инфраструктуры, которая обеспечивает интегрированное взаимодействие между различными участниками рынка. В данном контексте цифровая экосистема кредитной организации выступает в качестве платформы, способствующей эффективному предоставлению банковских и сопутствующих услуг, а также способствующей развитию новых бизнес-моделей и технологий в финансовом секторе. Формирование цифровой экосистемы кредитной организации подразумевает создание условий для синергии и кооперации между традиционными банковскими структурами и новыми цифровыми продуктами, что ведет к повышению качества обслуживания клиентов и увеличению доступности финансовых услуг для широкого круга потребителей.

Представляется, что основными принципами регулирования цифровых экосистем кредитных организаций должны являться:

1. приоритет рыночных механизмов, включая конкуренцию, спрос и предложение, а также частную инициативу, с целью оптимизации ресурсов и стимулирования инноваций;

2. защита интересов потребителей финансовых услуг и продвижение национальных экономических интересов, обеспечивая доступность и качество услуг для населения и бизнеса;

3. сохранение открытости российской экономики и расширение внешнеэкономических связей с дружественными странами для укрепления позиций в мировой экономике;

При этом важно соблюдать принципы эффективности и минимально необходимого уровня вмешательства государства, чтобы не подавлять частную инициативу и инновационную активность. Хотя рыночные механизмы предпочтительны во многих аспектах, существуют определённые области, такие как социальное обеспечение, образование, безопасность и инфраструктурное развитие, где государственное участие остаётся критически важным для защиты общественного блага, поддержания стабильности и обеспечения устойчивого развития. Эффективное взаимодействие между

рыночной автономией и государственным регулированием требует постоянного поиска баланса, который бы соответствовал текущим потребностям национальной экономики.

Литература

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 N 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 N 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
3. Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 N 29 «О перечне сервисов и цифровой инфраструктуры, реализуемых в целях формирования экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
4. Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.04.2021 N 4 (ред. от 01.03.2024) «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
6. Постановление Правительства РФ от 07.09.2018 N 1065 (ред. от 18.12.2023) «О Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
7. Постановление Правительства РФ от 26.12.2022 N 2439 (ред. от 08.09.2023) «О государственной поддержке акционерного общества «Российский экспортный центр», г. Москва, в целях создания на базе его цифровой

- платформы сервисов цифровой экосистемы «Одно окно» в рамках инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Цифровая экосистема «Одно окно» экспортера», внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу «Российский экспортный центр», г. Москва, в целях развития инфраструктуры повышения международной конкурентоспособности и признании утратившими силу некоторых положений актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
8. Постановление Правительства РФ от 12.01.2023 N 8 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на обеспечение создания цифровой экосистемы Северного морского пути» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
  9. Приказ Минпромторга России от 23.06.2016 N 2091 (ред. от 12.08.2021) «Об утверждении Концепции развития государственной информационной системы промышленности» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
  10. Приказ Минэкономразвития России от 04.07.2022 N 354 «Об утверждении отдельных методик расчета показателей федерального проекта «Взлет – от стартапа до IPO» государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
  11. Приказ Росстата от 22.08.2022 N 583 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за использованием цифровых платформ» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
  12. Письмо Минстроя России от 06.07.2023 N 39972-ИЯ/14 «О направлении доработанных общих требований на основе лучших региональных практик по составу и содержанию типовых методических рекомендаций по организации электронного документооборота технической документации в области строительства в субъекте Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
  13. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол N 36, раздел VII) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
  14. План мероприятий «Открытые данные Российской Федерации (утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 25.12.2014 N 10) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
  15. Каюмов, Р.И. Формирование банковской «экосистемы» в Узбекистане / Р.И. Каюмов, И.Р. Тоймухамедов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 2–1(108). – С. 146–150. – DOI 10.24412/2411–0450–2024–2–146–150. – EDN KLXYDJ.
  16. Ahmed, M. How banks are using ecosystems to drive growth and profits [Электронный ресурс] // Ernst & Young Global Limited. – URL: <https://go.ey.com/3gcyADQ> (дата обращения 01.04.2024).

LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF DIGITAL ECOSYSTEMS OF CREDIT INSTITUTIONS

Tumanova A.E.

Financial University at Government of the Russian Federation

The formation of digital ecosystems by credit institutions is one of the main trends in the development of the banking sector. In today's world, where technology is constantly improving, credit institutions cannot stay away from the digital revolution. The article is devoted to the analysis of dynamically developing digital ecosystems formed by credit institutions in the Russian Federation and their legal regulation. The article examines the impact of e-commerce platforms on the transformation of business processes, as well as the role of public and private platforms in creating integrated digital services. Special attention is paid to the sanctions policy of 2022 and its impact on limiting capital flows, restoring the financial market, and developing new financial services and technologies. The importance of legal regulation in strengthening the foundations of the banking system and protecting financial market participants is considered. The research is based on the analysis of scientific literature, regulatory documents and experience in the introduction of digital technologies in credit institutions. As a result of this work, it can be concluded that it is necessary to improve the legislation of the Russian Federation in the field of digital technologies and banking in order to ensure legal protection and stability of the financial system.

Keywords: ecosystem, credit institution, digitalization, digital ecosystem, banking ecosystem, legal regulation.

References

1. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 11.10.2017 on No. 12 "On the main directions of the implementation of the digital agenda of the Eurasian Economic Union until 2025" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
2. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 11.12.2020 N 12 "On strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
3. Order of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 29 dated 11/23/2020 "On the list of services and digital infrastructure implemented in order to form an ecosystem of digital transport corridors of the Eurasian Economic Union" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).

4. Order of the Council of the Eurasian Economic Commission dated 04/05/2021 N 4 (as amended on 03/01/2024) "On the action plan for the implementation of Strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025" [Electronic resource] // Legal reference system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/9/2017 N 203 "On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030" [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Address: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed 04/01/2024).
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07.09.2018 N b 1065 (ed. dated 12/18/2023) "On the Government Commission on Digital Development, the use of information technologies to improve the quality of life and business conditions" [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Address: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed 04/01/2024).
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/26/2022 N 2439 (ed. dated 09/28/2023) "On state support of the Russian Export Center Joint Stock Company, Moscow, in order to create on its basis a digital platform for services of the digital ecosystem "One Window" within the framework of the initiative of socio-economic development of the Russian Federation "Digital Ecosystem "One Window" exporter", amendments to the Rules for granting subsidies from the federal budget to the joint-stock company "Russian Export Center", Moscow, in order to develop infrastructure to increase international competitiveness and invalidate certain provisions of acts of the Government of the Russian Federation" [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Address: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed 04/01/2024).
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12.01.2023 N 8 "On approval of the Rules for granting subsidies from the federal budget to ensure the creation of a digital ecosystem of the Northern Sea Route" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
9. Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated 06/23/2016 N 2091 (ed. dated 08/12/2021) "On approval of the Concept of development of the state information system of industry" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
10. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 07/04/2022 N 354 "On approval of certain methods for calculating indicators of the federal project "Take-off – from a startup to an IPO in a company" of the state program "Economic development and Innovative Economy" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
11. Order of Rosstat dated 08/22/2022 N 583 "On approval of the form of federal statistical observation for the organization of federal statistical monitoring of the use of digital platforms" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
12. Letter of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 07/06/2023 N 39972-IYA/14 "On the direction of finalized general requirements based on the best regional practices in the composition and content of standard methodological recommendations for the organization of electronic document management of technical documentation in the field of construction in the subject of the Russian Federation" [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
13. The national action plan ensuring the restoration of employment and income of the population, economic growth and long-term structural changes in the economy (approved by the Government of the Russian Federation on 09/23/2020, Protocol No. 36, section b VII c) [Electronic resource] // Reference legal system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
14. Action plan "Open data of the Russian Federation (approved by the minutes of the meeting of the Government Commission for the Coordination of Open Government activities dated 12/25/2014 N 10) [Electronic resource] // Legal reference system "Consultant Plus". – Address: <http://www.consultant.ru>. (accessed 04/01/2024).
15. Kayumov, R.I. Formation of the banking "ecosystem" in Uzbekistan / R.I. Kayumov, I.R. Toymukhamedov // Economics and Business: theory and practice. – 2024. – № 2–1(108). – Pp. 146–150. – DOI 10.24412/2411–0450–2024–2–146–150. – EDN KLKSIJ.
16. Ahmed, M. How banks use resources for business management and profit [Electronic resource] /M. Ahmed // Ernst & Young Global Limited. – URL: <https://go.ey.com/3gcyADQ> (accessed 04/01/2024).

Определение критериев наступления гражданско-правовой ответственности: об общении позиций правоприменительной практики и научного дискурса

Федорова Юлия Александровна,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: jfedorova@inbox.ru

В этом исследовании проводится детальный анализ и сопоставление причин возникновения обязательств и критериев, определяющих наступление гражданско-правовой ответственности. Автор исследует разнообразные типы обязательств, включая те, что проистекают из договорных отношений, возникновение которых обусловлено односторонними действиями, а также те, что связаны с нанесением ущерба. В работе особо рассматриваются обстоятельства, приводящие к ответственности, и формы этой ответственности. Исследование включает в себя сравнительный анализ причин возникновения обязательств и условий ответственности, подкрепляя его примерами из правоприменительной практики и рекомендациями по совершенствованию законодательства. Цель статьи – обсудить ключевые аспекты, которые могут улучшить эффективность и справедливость в применении нормативных положений в сфере обязательств и ответственности.

Ключевые слова: обязательства, ответственность, гражданское право, основания возникновения, условия наступления, договорные обязательства, односторонние действия, причинение вреда, гражданско-правовая ответственность, судебная практика, правовое регулирование, эффективность правоприменения.

Современная правовая система немыслима без понятий обязательств и ответственности, которые являются фундаментальными элементами гражданского права. Обязательства возникают из различных юридических фактов и создают правоотношения, при которых одна сторона (должник) обязана совершить определенные действия в пользу другой стороны (кредитора), а последняя имеет право требовать исполнения. Ответственность же наступает в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения обязательств, что влечет за собой применение мер правового характера к нарушителю.

Значение этих понятий в правовой системе трудно переоценить. Обязательства лежат в основе большинства гражданско-правовых отношений, будь то экономическая деятельность, личные немущественные отношения или возмещение вреда. Они обеспечивают упорядоченность социальных взаимодействий, стабильность экономических отношений и защиту прав и интересов участников. В свою очередь, ответственность служит гарантом исполнения обязательств, создавая детерминанты поведения и предотвращая произвольность в действиях субъектов.

В данной статье мы рассмотрим основания возникновения обязательств и условия наступления ответственности, а также их взаимосвязь и влияние на правоприменительную практику. Понимание этих аспектов позволит не только глубже осмыслить правовые механизмы, но и способствовать разработке более эффективных подходов к регулированию обязательственных отношений и применению мер ответственности.

Договорные обязательства занимают центральное место в системе гражданских правоотношений и являются одним из основных механизмов регулирования имущественных и личных неимущественных отношений. В соответствии со статьёй 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), обязательство представляет собой правоотношение, при котором одна сторона (должник) обязана совершить в пользу другой стороны (кредитора) определённые действия, например, передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, либо воздержаться от определённых действий [1].

Основаниями для возникновения договорных обязательств могут служить различные виды договоров, такие как купля-продажа, аренда, подряд, перевозка, страхование и другие. Каждый из этих договоров регулируется соответствующими нормами ГК РФ, которые определяют условия и порядок их заключения, исполнения и прекращения.

Для возникновения договорного обязательства необходимо достижение согласия между сторонами по всем существенным условиям договора, соблюдение установленной формы договора, а также действительность сделки, которая не должна противоречить закону. Например, согласно статье 432 ГК РФ, договор считается заключённым, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям договора.[1]

Следует подчеркнуть, что образование договорных обязательств возможно не только на основе законодательно регламентированных договоров, но и в рамках соглашений, которые не противоречат законодательству и могут не быть охвачены конкретными статьями Гражданского кодекса Российской Федерации. Эта возможность проистекает из статьи 421 ГК РФ, утверждающей принцип свободы договора, что дает право участникам договора независимо формировать и определять свои права и обязательства. [1]

Таким образом, договорные обязательства являются ключевым элементом гражданского оборота и играют важную роль в обеспечении стабильности и предсказуемости правовых отношений между субъектами права.

В российском праве существует особая категория обязательств, возникающих из односторонних действий. Это значит, что одна сторона может инициировать возникновение обязательств, не требуя согласия другой стороны. Такие обязательства формируются на основе действий, которые, по мнению закона, являются достаточными для установления прав и обязанностей.

Примером такого обязательства служит публичное объявление о награде, урегулированное в главе 56 Гражданского кодекса Российской Федерации. Статья 1055 этого кодекса указывает, что лицо, обещавшее награду за выполнение определенной задачи, обязано выплатить награду исполнителю задачи.[2]

К другим формам обязательств из односторонних действий относятся:[3]

- Публичные конкурсы, где организаторы обязуются наградить участника, который выполнил условия конкурса.
- Несанкционированное управление чужими делами, при котором действующее лицо, занимаясь чужими делами без поручения, может претендовать на возмещение своих затрат.
- Действия в рамках раздела Гражданского кодекса о наследстве, в результате которых действия одного лица могут налагать обязанности на других в контексте передачи наследства.

Эти обязательства имеют важное значение для правовой системы, так как они позволяют регулировать социальные отношения в ситуациях, когда согласие другой стороны либо невозможно получить, либо не требуется по закону. Они способствуют реализации прав и обязанностей в общественных интересах, например, в случаях поиска пропавших вещей или сбора информации для органов власти.

Обязательства, проистекающие из действий, приводящих к причинению вреда, классифицируются как внедоговорные и урегулированы в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Основание для возникновения таких обязательств не связано с исполнением или нарушением условий договора, а возникает из-за действий, причиняющих ущерб одной стороне другой.[2] В таких случаях пострадавшая сторона становится кредитором, а лицо, причинившее вред, – должником. Основная обязанность должника состоит в том, чтобы либо восстановить первоначальное состояние, либо компенсировать нанесенный вред.

Кроме договорных обязательств и обязательств, связанных с ущербом, в российском праве предусмотрены и другие причины для возникновения обязательств. Эти причины включают в себя:[4]

- Односторонние сделки, например, завещательный отказ или публичное обещание награды.
- Акты публичной власти, такие как административные и законодательные акты.
- Судебные решения, которые могут порождать обязательства для сторон.
- Юридические поступки, включая действия, которые не противоречат закону и порождают права и обязанности.

Эти основания позволяют формировать обязательства в различных сферах правовых отношений, обеспечивая тем самым правопорядок и защиту прав и интересов участников гражданского оборота.

Гражданско-правовая ответственность в российском законодательстве представляет собой систему мер, применяемых к лицу, нарушившему обязательства, установленные договором или законом. Эти меры направлены на восстановление нарушенных прав и компенсацию убытков потерпевшей стороны. Ответственность возникает перед другими участниками гражданско-правовых отношений и имеет имущественный характер.

Для наступления гражданско-правовой ответственности должны быть выполнены следующие условия:[5]

- Нарушение конкретной обязанности, установленной договором или законом.
- Наличие вреда или убытков, которые должны быть подтверждены.
- Причинно-следственная связь между нарушением и возникновением убытков.
- Вина нарушителя в форме умысла или неосторожности.

Эти критерии служат фундаментом для наложения гражданско-правовых санкций, которые могут включать штрафы, компенсацию ущерба, выплату процентов за использование чужих средств, возмещение морального ущерба, среди прочих мер. Гражданско-правовая ответственность возникает при нарушении обязательств, установленных либо контрактом, либо законом. Основания для наступления такой ответственности включают[1]:

- Несоблюдение конкретной обязанности, оговоренной в контракте или законе. Это может означать неисполнение или ненадлежащее выполнение условий контракта, а также нарушение законодательных актов.
- Присутствие убытков или вреда. Чтобы наступила ответственность, необходимо, чтобы в результате нарушения произошел ущерб, который может быть оценен как фактический ущерб или упущенная выгода.
- Причинно-следственная связь между нарушением и убытками. Необходимо установить, что убытки возникли именно из-за нарушения установленной обязанности.[6]
- Вина нарушителя. Для возложения ответственности требуется наличие вины, которая может проявляться как умышленно, так и по неосторожности. Вина может быть установлена прямо или косвенно, в зависимости от деталей случая.

Эти аспекты закреплены в статье 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющей общие принципы наступления гражданско-правовой ответственности. [1] Ответственность может принимать различные формы, включая возмещение убытков, начисление штрафов, выплату процентов за использование чужих средств и компенсацию за моральный ущерб.

Для того чтобы наступила гражданско-правовая ответственность согласно российскому законодательству, необходимо выполнение ряда условий, которые гарантируют законность применения санкций к нарушителю. Эти условия, изложенные в статье 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, обязательны для обеспечения прав и законных интересов участников гражданского оборота.[1]

Кроме того, для наступления ответственности требуется установление вины нарушителя. Вина может быть выражена в форме умысла, когда нарушитель осознавал возможность наступления вредных последствий своих действий и желал их наступления, или в форме неосторожности, когда нарушитель не предвидел возможность наступления вредных последствий, хотя при должной внимательности и осторожности должен был их предвидеть. Таким образом, наличие вины является заключительным элементом, который необходим для применения мер гражданско-правовой ответственности.[6]

Виды гражданско-правовой ответственности в российском законодательстве разнообразны и охватывают различные аспекты правонарушений. Они включают:

Основной формой ответственности, обеспечивающей восстановление нарушенных прав и компенсацию потерь является компенсационная ответственность.

Штрафную ответственность, которая включает уплату неустойки (штрафа, пени), потери задатка и другие финансовые санкции. Эти меры пред-

усмотрены для стимулирования должника к своевременному и полному исполнению обязательств.

Запретительную ответственность, которая заключается в наложении запретов или ограничений в правах нарушителя. Это может быть, например, запрет на определенные виды деятельности или ограничение права распоряжения имуществом.

Понуждающую ответственность, при которой нарушителя понуждают к совершению определенных действий, например, исполнению обязательств по договору.[7]

Эти виды ответственности могут применяться как отдельно, так и в сочетании друг с другом, в зависимости от характера и последствий правонарушения, а также от целей, которые преследует законодательство при их применении.

В рамках сравнительного анализа оснований возникновения обязательств и условий наступления ответственности в гражданском праве России можно выделить как сходства, так и различия. Основания возникновения обязательств и условия наступления ответственности регулируются Гражданским кодексом РФ и имеют общую цель – обеспечение стабильности и предсказуемости правовых отношений, а также защиту прав и интересов участников гражданского оборота.[5]

Сходство между основаниями возникновения обязательств и условиями наступления ответственности заключается в том, что оба этих аспекта основываются на законодательных актах, которые определяют права и обязанности субъектов права. Как основания возникновения обязательств, так и условия наступления ответственности, требуют наличия юридически значимых фактов, таких как совершение сделок, наступление вреда или нарушение законодательства.

Тем не менее, ключевое отличие между ними лежит в природе правовых последствий. Основания для возникновения обязательств целенаправленно формируют правовые отношения, в то время как условия для наступления ответственности активируются при нарушениях уже установленных правоотношений и направлены на их исправление или возмещение ущерба. Следовательно, в то время как основания для возникновения обязательств создают фундамент для правовых взаимоотношений, условия для наступления ответственности устанавливают процедуры для решения и компенсации нарушений в этих отношениях. [3]

В контексте законодательства, статья 401 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что для наступления ответственности необходимо наличие вины, убытков, причинно-следственной связи и нарушения обязанности.[1] В то же время, статьи, регулирующие основания возникновения обязательств, такие как статьи о договорах и односторонних сделках, фокусируются на условиях и порядке создания этих обязательств.

Таким образом, при сравнительном рассмотрении причин и условий становится очевидно, что, несмотря на наличие общих правовых оснований и целей, функциональные характеристики и по-

следствия этих условий отличаются друг от друга. Это демонстрирует многоаспектный подход законодательства к управлению гражданскими правоотношениями.

В ходе анализа оснований возникновения обязательств и условий наступления ответственности в гражданском праве России были выявлены ключевые аспекты, определяющие структуру и функционирование данных правовых институтов. Обсуждение показало, что, несмотря на различия в механизмах и последствиях, оба этих элемента правовой системы направлены на обеспечение порядка и справедливости в общественных отношениях.

В контексте улучшения правового регулирования можно предложить ряд мер, направленных на повышение эффективности и адаптивности законодательства. Среди них – дальнейшее уточнение норм, регулирующих обязательства и ответственность, усиление роли судебной практики в интерпретации законодательства, а также разработка новых подходов к регулированию в сфере цифровых технологий и интернет-сделок.

Перспективы развития законодательства в области обязательств и ответственности связаны с необходимостью адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям и технологическому прогрессу. Ожидается, что в будущем особое внимание будет уделено защите прав потребителей в цифровой среде, урегулированию вопросов, связанных с использованием искусственного интеллекта, и обеспечению баланса интересов всех участников гражданского оборота. Такие изменения потребуют глубокого анализа существующих норм и разработки новых, которые смогут отвечать вызовам современности и обеспечивать правовую защиту на новом уровне.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfc46d-28f528d7e/ (дата обращения: 17.04.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая: Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/?ysclid=lv5s2ioj78488442227 (дата обращения: 17.04.2024).
3. Богданова Е.Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // Lex Russica.-. 2023.- № 5 (126). – С. 24–37.
4. Гражданское право: Том 1: Учебник. 2-изд. перераб. и доп. / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс-Клувер, 2023. – 720 с.
5. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. / В.П. Грибанов.- М.: Знание, 2020. – 411 с.
6. Ерахтина О.С. Возмещение убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 1.- С. 44–5
7. Соколюк Д.А. Обязательство как гражданско-правовое отношение // Достижения и перспективы развития науки: сборник научных статей. Выпуск 31. – Уфа: АЭТЕРНА, 2022. – 319 с

DETERMINATION OF CRITERIA FOR THE OCCURRENCE OF CIVIL LIABILITY: GENERALIZATION OF THE POSITIONS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE AND SCIENTIFIC DISCOURSE

Fedorova Yu.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. V. Ya. Kikotya

This article analyzes and compares the grounds of obligations arising and conditions for civil liability. The author examines various categories of obligations, including contractual ones, those arising from unilateral actions, as well as obligations related to causing harm. Special attention is given to the conditions under which liability arises and the types of such liability. The article contains a comparative analysis of the grounds of obligations arising and conditions for liability, supported by examples from judicial practice and proposals for improving legal regulation. The work aims to identify and discuss key aspects that can contribute to a more effective and equitable application of legal norms in the field of obligations and liability.

Keywords: obligations, liability, civil law, grounds of arising, conditions for liability, contractual obligations, unilateral actions, causing harm, civil liability, judicial practice, legal regulation, effectiveness of legal enforcement.

References

1. Civil Code of the Russian Federation: part one: Federal Law of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, entered into force from October 1, 2023) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfc46d28f528d7e/ (date of access: 04/17/2024).
2. Civil Code of the Russian Federation: part two: Federal Law of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, entered into force from October 1, 2023) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/?ysclid=lv5s2ioj78488442227 (date of access: 04/17/2024).
3. Bogdanova E.E. Trends in the development of civil liability for violation of obligations: problems and prospects // Lex Russica.-. 2023.- No. 5 (126). – P. 24–37.
4. Civil law: Volume 1: Textbook. 2nd ed. reworked and additional / Rep. ed. prof. E.A. Sukhanov. – M.: Wolters-Kluwer, 2023. – 720 p.
5. Griбанov V.P. Responsibility for violation of civil rights and obligations. / V.P. Griбанov. – M.: Znanie, 2020. – 411 p.
6. Erakhtina O.S. Compensation for losses caused by non-fulfillment or improper fulfillment of contractual obligations // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2020. – No. 1.-S. 44–5
7. Sokolyuk D.A. Obligation as a civil legal relationship // Achievements and prospects for the development of science: a collection of scientific articles. Issue 31. – Ufa: AETERNA, 2022. – 319 p.

Основные направления в формировании правового режима беспилотных транспортных средств

Хамидуллина Елена Васильевна,

ассистент кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: ev-starikova@mail.ru

Беспилотные транспортные средства активно внедряются в эксплуатацию на территории Российской Федерации. На основе анализа подзаконных нормативных правовых актов автором поднимается вопрос о необходимости применения надлежащих терминов, а именно, применения термина «автономный», а не «высокоавтоматизированный» в отношении беспилотных транспортных средств. В статье определены основные проблемы, возникающие в связи с эксплуатацией беспилотных транспортных средств. Среди них, в первую очередь, распределение ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством. Автор приходит к выводу о необходимости отнесения беспилотных транспортных средств к категории источника повышенной опасности и возложения ответственности за вред, причиненный последним на его владельца. В работе поднимается проблема информационной безопасности беспилотных транспортных средств, формулируется вывод о необходимости повышенного внимания при разработке аспектов, отвечающих за безопасность программного обеспечения. Ряд вопросов, связанных с морально-этическими проблемами эксплуатации беспилотников, остается не решенным на сегодняшний день, что требует принятия соответствующих правил для руководства при разработке беспилотников. В работе также проводится определение сфер, в которых использование беспилотных транспортных средств происходит наиболее активно.

Ключевые слова: беспилотник, беспилотное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, искусственный интеллект, ответственность, источник повышенной опасности.

Как известно, общественные отношения с участием искусственного интеллекта становятся неотъемлемой частью жизни каждого гражданина. Если в некоторых случаях человек самостоятельно делает выбор вступить или нет в правоотношения с участием искусственного интеллекта (например, телемедицина, вождение высокоавтоматизированного транспортного средства), то в других ситуациях (например, участие в пешеходном движении с участием высокоавтоматизированного транспортного средства) человек не всегда имеет возможность выразить свое активное согласие (не согласие) на участие в подобного рода правоотношениях.

Беспилотные технологии применяются в различных областях общественной жизни: в сфере экологического контроля, в картографии и кадастре, в сельском хозяйстве, при осуществлении строительства и др.¹

Лучше всего, чтобы законодательство опережало изобретение инновационных объектов или, как минимум, формировалось до внедрения тех самых объектов в повседневную жизнь общества. Если первый вариант – практически недостижим, то второй возможен при постоянном контроле законодателем сферы инновационных технологий.

Правительством Российской Федерации утверждена Концепция², определяющая основные направления и принципы технологического развития до 2030 года. Беспилотные машины и оборудование относятся, согласно II разделу Концепции к высокотехнологичной продукции.

В соответствии с целями технологического развития, обозначенными в п. 2 IV раздела, планируется оснащение национальной экономики беспилотной продукцией и робототехникой. В п. 4 V раздела Концепции говорится о формировании новых рынков путем запуска проектов-маяков по направлению коммерческих грузовых беспилотных перевозок. Последние будут осуществляться в авиа, авто и водных средах. Под проектами-маяками в Концепции понимается проведение правовых экспериментов и введение новых правил.

Беспилотные авиационные системы выделяются в п. 3 VII раздела Концепции в качестве первоочередных проектов для достижения устойчивого социально-экономического развития государства.

¹ Правительство утвердило Стратегию развития беспилотной авиации до 2030 года. (<http://government.ru/news/48875/>). Дата обращения – 29.03.2024.

² Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. N 1315-р. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 мая 2023 г. № 22. ст. 3964.

Отдельно была принята Стратегия развития беспилотной авиации на период до 2030 года¹. В п. 1 II раздела Стратегии говорится, что беспилотная авиация связана с передачей рутинных функций по обработке информации автоматизированным системам и функций по выполнению управляющих команд. Отмечается, что разработка усовершенствованных средств навигации предполагает автономное самопозиционирование, работу с нейросетевыми технологиями и иные высокотехнологичные аспекты. Особое внимание уделяется информационной безопасности в п. 9 II раздела. Данный подход обусловлен возрастанием рисков, связанных с потенциальными угрозами компьютерной безопасности и развитием технологических характеристик атак в информационной сфере.

В III разделе Концепции в качестве одной из целей выделяется допуск беспилотных авиационных систем к повседневной эксплуатации, что говорит о необходимости разработки нормативных правовых актов, которые будут обеспечивать должный уровень безопасности личных неимущественных и имущественных прав граждан. На сегодняшний день, уже существуют прецеденты причинения вреда беспилотными летательными аппаратами. Так, в начале 2023 года беспилотный дрон столкнулся с грузовиком, врезавшись в лобовое стекло последнего². Дрон принадлежал ГИБДД, которая и возместила причиненный ущерб. Следует отметить, что происшествие не было связано со взломом устройства или потерей над ним управления, в дроне просто села батарейка, но данная авария показывает, что инциденты могут происходить не только по причинам ненадлежащего функционирования операционной системы беспилотника, но и по иным, не зависящим от производителя обстоятельствам. Представляется, что в данном случае владелец должен был надлежащим образом проверить готовность беспилотника к полетам и только после этого запускать его в эксплуатацию.

Правительством Российской Федерации также подготавливаются проекты нормативных правовых актов для проведения эксперимента по эксплуатации беспилотных морских судов³. Подобные суда можно разделить на два вида. Первые – максимально автономные морские суда, которые передвигаются благодаря комплексному техническому обеспечению, в том числе, системе навигации, средствам связи и высокотехнологичным буйам, которые располагаются на протяжении всего маршрута судна. Второй вид предполагает исключительно высокотехнологичную систему навигации, которой будут оснащаться суда. Нормативно-правовая база в области эксплуатации беспилотных морских

судов является наименее разработанной на сегодняшний день.

Исследователи в качестве основного преимущества внедрения в эксплуатацию беспилотных судов отмечают отсутствие человеческого фактора, так от 75% аварийных ситуаций в сфере мореходства связаны с ошибками человека [2, с. 1150]. На этот счет можно встретить и иную позицию: «нет более совершенного прибора, чем человеческий глаз⁴». Процессы работы человеческого мозга не способна полностью скопировать ни одна существующая на данном этапе машина. Помимо снижения уровня аварийности отмечается снижение риска пиратства при использовании беспилотного судна, но не следует сбрасывать со счетов потенциальный риск роста информационного пиратства, например, взлома операционной системы судна и перехвата управления.

Беспилотные технологии затрагивают не только сферы авиации и мореходства. Так, исследователи, рассматривающие вопросы правового регулирования высокоавтоматизированных транспортных средств, предлагают совершенствовать законодательство также в сфере обеспечения безопасности дорожного движения [1, с. 60]. Существует мнение, что «времени для «постепенной адаптации» системы правового регулирования к потребностям инновационного развития транспортной отрасли уже просто нет» [3, с. 61], действовать нужно незамедлительно.

С данной позицией трудно поспорить, так как аварии с участием беспилотных автомобилей уже происходят. Так, в 2019-ом году беспилотный автомобиль попал в ДТП по вине водителя беспилотника⁵. Можно ли назвать лицо, находящееся в беспилотном автомобиле водителем – большой вопрос. Согласно п. 1.1 ППД РФ⁶ под водителем понимается лицо, управляющее транспортным средством, но следует ли говорить в приведенном примере об управлении? Представляется, что нельзя, так как суть беспилотного автомобиля заключается в автономном управлении движением.

Постановлением Правительства РФ в 2018-ом году был запущен эксперимент по использованию высокоавтоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования⁷. Собственником высокоавтоматизированного транспортного средства в рамках данного эксперимента выступает юридическое лицо. Одной из важных обязанно-

⁴ Григорьев Н.Н. К чему приведет беспилотное судоходство? (<https://morvesti.ru/analitika/1689/81230/>). Дата обращения – 29.03.2024.

⁵ Беспилотный автомобиль «Яндекс» попал в аварию в Москве. (<https://tass.ru/proisshestiya/71105897>). Дата обращения – 29.03.2024.

⁶ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 «О Правилах дорожного движения»// Российская газета от 6 февраля 2013 г. N 24.

⁷ Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. N 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»//Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. N 49 (часть VI). ст. 7619.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 г. № 1630-р. (<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306280006>). Дата обращения – 29.03.2024.

² Авто без водителя и дрон: что надо знать о ДТП с беспилотниками. (<https://pravo.ru/auto/story/244948/>). Дата обращения – 29.03.2024.

³ В России введут идентификацию автономных судов. (<https://rg.ru/2023/10/04/v-rossii-vvedut-identifikaciiu-avtonomnyh-sudov.html>). Дата обращения – 29.03.2024.

стей собственника согласно пп.б.п. 17 данного Постановления является уведомление пассажиров о том, что транспортное средство эксплуатируется в экспериментальном режиме. Данный подход представляет ценность во всех правоотношениях с использованием искусственного интеллекта. Оптимальным вариантом взаимодействия человека с искусственным интеллектом видится необходимость в предупреждении людей о том, что они имеют дело с техническим устройством. В соответствии с п. 18 Постановления ответственность за происшествия с участием высокоавтоматизированного транспортного средства несет собственник последнего за исключением ситуаций, в которых виновны другие участники дорожного движения. В рамках гражданского права вина подразделяется на умысел и неосторожность (ст. 401 ГК РФ). В то же время ст. 1079 ГК РФ устанавливает ограничение вины владельца источника повышенной опасности только умыслом потерпевшего. Под умыслом в п. 23 ППВС РФ от 26.01.2010 N 1 понимается не только предвидение неблагоприятных последствий потерпевшим, но и желание их наступления¹. Таким образом, можно сделать вывод о противоречии п. 18 Постановления ст. 1079 ГК РФ. Связан ли этот факт с не отнесением беспилотных транспортных средств к источникам повышенной опасности, не до конца понятно. Представляется, что надлежащим способ урегулирования данных правоотношений было бы отнесение высокоавтоматизированного транспортного средства к категории источника повышенной опасности.

В 2020-ом году был принят Федеральный закон об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций². В качестве субъектов экспериментального правового режима в нем названы государственные и муниципальные органы, юридические лица и индивидуальные предприниматели, а участниками – вышеуказанные субъекты и лица, вступающие с ними в правоотношения. Среди принципов экспериментального правового режима в ст. 4 Федерального закона выделяется «добровольность участия в экспериментальном правовом режиме». Представляется, что данный принцип достаточно сложно соблюсти. Если субъекты экспериментального правового режима способны активно выражать свое согласие на участие, то в случае с участниками такая возможность имеется не всегда. Участники дорожного движения могут состоять с субъектами эксперимента в относительных правоотношениях и в абсолютных. В первом случае, участник может быть предупрежден о том, что транспортное средство является объек-

том экспериментального правового режима, например, путем ознакомления с соответствующим документом и его подписания. Во втором случае, напротив, пешеходы и водители других транспортных средств не всегда могут понимать, что имеют дело с высокоавтоматизированным транспортным средством. Одним из вариантов решения данной проблемы видится выделение автоматизированных транспортных средств на фоне других за счет характерных цветовых решений и опознавательных знаков.

На основании данного Федерального закона в 2022-ом году было принято Постановление Правительства, которым утвердили Программу эксперимента по оказанию транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств³. В Программе выделяется две категории высокоавтоматизированных транспортных средств (абз. 5 и 6 п. 2). К первой категории относится транспорт, в котором во время движения находится водитель-испытатель, а ко второй категории транспортные средства, которые управляются оператором удаленно, и водитель-испытатель в них не присутствует. В п. 2 Программы также содержится определение термина «пассажир». Это лицо, которое находится в транспортном средстве, но не является водителем-испытателем.

Ответственность за причинение вреда жизни и здоровью несет оператор транспортного средства, если вред причинен в результате недостатков при выполнении его функций (маршрутизация и диспетчеризация). Если происшествие произошло в результате технических неисправностей, то ответственность несут лица, которые ответственны за техническое обеспечение транспортного средства и (или) единоличный исполнительный орган субъекта экспериментального правового режима (абз. 2 и 3 п. 31 Программы). В Программе говорится, что оператор будет нести ответственность за причинение вреда беспилотным транспортным средством в соответствии с законодательством РФ, но не определяется, в соответствии с каким именно законодательством. Оператор, очевидно, не является владельцем источника повышенной опасности. В п. 19 ППВС РФ от 26.01.2010 N 1 поясняется, что владелец – это лицо, которое использует источник повышенной опасности. Представляется, что под использованием понимает извлечение определенных полезных свойств вещи, а оператор только контролирует процесс работы транспортного средства. Более того, в том же пункте ППВС РФ от 26.01.2010 N 1 отмечается, что лицо, управляющее транспортным средством при исполнении своих трудовых обязанностей не явля-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». (<https://rg.ru/documents/2010/02/05/sud-dok.html>). Дата обращения – 29.03.2024.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»//Российская газета от 6 августа 2020 г. N 173.

³ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации». (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212300090>). Дата обращения – 29.03.2024.

ется владельцем транспортного средства и предъявить к нему требование можно только в порядке регресса. Следует также обратить внимание на то, что оператор управление транспортным средством не осуществляет и получается, что предъявить к нему регрессные требования не представляется возможным. Также из положений Программы не представляется возможным установить, кто будет нести ответственность за причинение имущественного вреда при ДТП с участием высокоавтоматизированного транспортного средства.

Субъекты экспериментального правового режима перечислены в п. 51 Программы, ими являются пять обществ с ограниченной ответственностью. Следует отметить, что Программой предусмотрено обязательное страхование субъектами рисков причинения вреда имущественного и неимущественного характера.

Министерством транспорта в 2021-ом году был подготовлен законопроект о высокоавтоматизированных транспортных средствах¹. Высокоавтоматизированное транспортное средство в ст. 2 законопроекта определяется как транспортное средство, которое оснащено автоматизированной системой вождения. Данная система должна обеспечивать динамическое управление транспортным средством. Возникает вопрос, можно ли назвать данную систему не автоматизированной, а автономной? Под автоматизацией принято понимать выполнение задач для облегчения деятельности человека, а под автономностью – самостоятельное принятие решений системой без вмешательства человека. Автономность свойственна искусственному интеллекту [5, с. 70], и высокоавтоматизированные транспортные средства можно отнести к категории последнего, так как они соответствуют всем его признакам, установленным законом. В качестве таких признаков выделяют:

1. Отнесение объекта к категории «комплекс технологических решений»;
2. Способность имитировать самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и иные когнитивные функции человека;
3. Получать результаты сопоставимые с результатами деятельности человека.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что термин «автономное транспортное средство» в большей мере отражает сущность рассматриваемого в статье объекта, нежели «высокоавтоматизированное транспортное средство». Также существует термин «беспилотное транспортное средство», который в полной мере отражает факт отсутствия за рулем автомобиля человека. Представляется, что неопределенность в понятийном аппарате может вводить в заблуждение относительно функционала обсуждаемого объекта. Данную проблему можно решить при помощи ис-

пользования термина «автономное» в отношении беспилотного транспортного средства.

Еще одним важным аспектом безопасной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств является защита от вмешательства в автоматизированную систему извне. Исследователи отмечают, что могут возникнуть ситуации, когда оператором будет утрачен доступ к транспортному средству по причине вмешательства третьих лиц [4, с. 969]. При возникновении подобной ситуации необходимо будет разграничить ответственность оператора транспортного средства, его владельца и правонарушителя.

Согласно ст. 8 Законопроекта ответственность за обеспечение надлежащего технического состояния высокоавтоматизированного транспортного средства предлагается возложить на его владельца. Также на него возлагается обязанность по систематическому обновлению операционной системы для обеспечения надлежащего уровня безопасности. Основные правила распределения ответственности между владельцем и изготовителем высокоавтоматизированного транспортного средства предусмотрены в ст. 10 Законопроекта.

Изготовитель транспортного средства будет нести ответственность за причиненный вред при обнаружении конструктивных недостатков, которые влияют на безопасность дорожного движения, и в случае предоставления недостоверной или не полной информации. Изготовитель вправе предъявить регрессное требование в части (элементе) транспортного средства, которое изготавливало другое лицо.

Владелец, в свою очередь, возмещает вред, который причинен высокоавтоматизированным транспортным средством без наличия вины. Исключением является вред, возникший в результате непреодолимой силы или при наличии умысла потерпевшего.

Не до конца понятно, как соотносятся данные положения Законопроекта между собой: изготовитель несет ответственность в случае, если причиной причинения вреда являются конструктивные недостатки, а владелец – всегда, по общему правилу. Остается ли по смыслу законопроекта право выбора, к кому обращаться для возмещения вреда за потерпевшей стороной или имеется ввиду, что владелец несет ответственность во всех случаях, помимо обнаружения конструктивных недостатков у высокоавтоматизированного транспортного средства? Представляется, что владельцу следует нести ответственность, но у него должно возникать право регрессного требования к изготовителю. Несмотря на то, что такой подход может отпугнуть потенциальных покупателей высокоавтоматизированных транспортных средств, он будет в наибольшей степени защищать интересы потерпевшей стороны.

Исходя из смысла Законопроекта можно провести параллель между беспилотным автомобилем и источником повышенной опасности. В п. 18 ППВС РФ от 26.01.2010 N 1 отмечается, что источником

¹ Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». (<https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=116763>). Дата обращения – 29.03.2024.

повышенной опасности является деятельность, которая не поддается полному контролю со стороны человека. Таким образом, можно прийти к выводу, что ответственность за вред, причиненный в результате эксплуатации беспилотного транспортного средства следует определять согласно нормам об источнике повышенной опасности. Владельцем следует признавать лицо, правомерно использующее транспортное средство, а именно, извлекающее из него полезные свойства. Представляется, что при обнаружении технических недостатков в транспортном средстве в рамках гарантийного срока у владельца возникает право регрессного требования к (изготовителю) продавцу, но следует помнить, что изготовитель не всегда является продавцом, а практика предъявления продавцом регрессного требования к изготовителю вызывает споры¹.

При определении ответственности водителя-испытателя следует отметить, что как таковым водителем он не является и возможность предъявления к нему регрессного требования целесообразно ограничить наличием вины, что необходимо дополнительно закрепить в законе. Оператора транспортного средства также не следует признавать владельцем автомобиля, если автомобиль ему не принадлежит и необходимо определять возможность предъявления к нему регрессного требования владельцем в зависимости от наличия вины в рамках причиненного вреда. Таким образом, следует обратить внимание на появление новых субъектов, которых ранее не было в правоотношениях, связанных с использованием источника повышенной опасности.

В связи с эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств мы сталкиваемся с пластом морально-этических проблем. Например, допустимо ли предоставить право принимать решения, связанные с управлением транспортным средством искусственному интеллекту? При осуществлении вождения человек никогда не может точно знать заранее, как он себя поведет в той или иной стрессовой ситуации, например, попытается спасти жизнь одного человека или группы людей, будет ли он защищать жизнь пассажира или отдавать предпочтение жизни пешеходов? Искусственному интеллекту на его современном уровне развития такой выбор предоставлять нельзя. Он должен быть заранее запрограммирован на алгоритм управления автомобилем в непредвиденных ситуациях. Разрешение данных вопросов на основании социального рейтинга представляется недопустимым, так как будет нарушать основополагающие права человека на жизнь и здоровье.

Кроме этого, следует обратить внимание на разницу между причинением вреда водителем, который может не справиться с управлением, отвлечься или причинить вред по иной причине от владельца высокоавтоматизированного транспортно-

¹Перепечатка ради справедливости. (<https://pravo.ru/story/view/116583/>). Дата обращения – 29.03.2024.

го средства, который не принимает непосредственного участия в эксплуатации автомобиля.

Таким образом, при внедрении в повседневную жизнь общества беспилотных транспортных средств можно столкнуться с массивом проблем, некоторые из которых могут носить трудно разрешимый характер. Осуществлять данную деятельность необходимо исходя из принципа приоритета жизни и здоровья человека, а также с учетом иных его прав.

Литература

1. Амеличкин А.В. К вопросу о правовых проблемах использования высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении//Административное и муниципальное право. № 3. 2021. С. 59–68.
2. Дмитриев В.И. Керетников В.В. Методы обеспечения безопасности мореплавания при внедрении беспилотных технологий//Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. Т. 9. № 6. 2017. С. 1149–1158.
3. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств//Журнал российского права. № 12. 2022. С. 58–69.
4. Сизько А.О. Скрипка Ю.Г. Правовые аспекты эксплуатации беспилотного транспорта//Мировые научные исследования и разработки в эпоху цифровизации. Сборник статей XV Международной научно-практической конференции. Том Часть 1. Ростов-на-Дону. 2021. С. 967–972. (969).
5. Старикова Е.В. Правовая природа и признаки искусственного интеллекта в законодательстве российской федерации//Актуальные проблемы экономического права: от хозяйственного права к праву цифровой экономики. Сборник научных статей. Под редакцией Е.Н. Абрамовой. Санкт-Петербург. 2021. С. 69–75.

THE MAIN DIRECTIONS IN THE FORMATION OF THE LEGAL REGIME OF UNMANNED VEHICLES

Khamidullina E.V.

St. Petersburg State University of Economics

Unmanned vehicles are being actively put into operation on the territory of the Russian Federation. Based on the analysis of subordinate regulatory legal acts, the author raises the question of the need to apply appropriate terms, namely, the use of the term “autonomous” rather than “highly automated” in relation to unmanned vehicles. The article identifies the main problems arising in connection with the operation of unmanned vehicles. Among them, first of all, is the distribution of responsibility for damage caused by an unmanned vehicle. The author comes to the conclusion that it is necessary to classify unmanned vehicles as a source of increased danger and to impose responsibility for the damage caused by the latter on its owner. The paper raises the problem of information security of unmanned vehicles, and concludes that increased attention is needed in the development of aspects responsible for software security. A number of issues related to the moral and ethical problems of drone operation remain unresolved to date, which requires the adoption of appropriate rules for guidance in the development of

drones. The work also identifies the areas in which the use of unmanned vehicles is most active.

Keywords: drone, unmanned vehicle, highly automated vehicle, artificial intelligence, responsibility, a source of increased danger.

References

1. Amelichkin A.V. On the issue of legal problems of using highly automated vehicles in road traffic // Administrative and municipal law. No. 3. 2021. pp. 59–68.
2. Dmitriev V.I. Keretnikov V.V. Methods for ensuring navigation safety when introducing unmanned technologies // Bulletin of the State University of Maritime and River Fleet named after Admiral S.O. Makarov. T.9. No. 6. 2017. P. 1149–1158.
3. Zemlin A.I. Problematic issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles // Journal of Russian Law. No. 12. 2022. pp. 58–69.
4. Sizko A.O. Violin Yu.G. Legal aspects of the operation of unmanned vehicles // World scientific research and development in the era of digitalization. Collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference. Volume Part 1. Rostov-on-Don. 2021. pp. 967–972. (969).
5. Starikova E.V. Legal nature and signs of artificial intelligence in the legislation of the Russian Federation // Current problems of economic law: from economic law to the law of the digital economy. Collection of scientific articles. Edited by E.N. Abramova. Saint Petersburg. 2021. pp. 69–75.

Чарторийский Дмитрий Витальевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

E-mail: chartoriyskiyd@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса определения понятия убытков и анализа его правовой природы. Автором рассмотрены различные подходы к определению убытков, выделены их виды и др.

В статье делается акцент на том, что понимание сущности убытков, их юридической природы и видов является необходимым для правильного применения норм гражданского законодательства. Убытки – это ключевое понятие в гражданском праве, играющее важную роль в механизме возмещения вреда, причиненного нарушением обязательств или гражданских прав. Понимание сущности убытков, их юридической природы и видов является необходимым для правильного применения норм гражданского законодательства.

От верного понимания сущности убытков зависит эффективность правового регулирования имущественных отношений и обеспечение справедливого распределения ответственности за причиненный вред.

В научной литературе нет единого подхода к определению понятия убытков. Разные авторы предлагают свои толкования, акцентируя внимание на разных аспектах правовой категории убытков.

Ключевые слова: убытки; возмещение убытков; гражданское законодательство; компенсация; имущественный вред.

На сегодняшний день убытки, как негативные имущественные последствия, – это наиболее часто возникающие в сфере гражданского оборота препятствия для нормального функционирования хозяйствующих субъектов [1, С. 97–98].

Действующее гражданское законодательство для восстановления нарушенных прав субъектов предусматривает такой способ защиты гражданских прав как возмещение убытков. Содержание возмещения убытков предполагает восстановление нарушенного права и справедливости, поэтому возмещение возможно только в случае нарушения права. Убытки, как понятие гражданского права, играют ключевую роль в процессе регулирования имущественных отношений между субъектами права. Определение убытков и их правовая сущность имеют важное значение для обеспечения справедливости и компенсации ущерба.

Определение понятия убытков содержится в п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что данная статья содержит закрытый перечень видов убытков, а не полное определение, что является значительным недостатком, в виду того, что список может быть неполным, и пробелы в праве нельзя будет восполнить без общего понятия. На основании этого на практике возникает множество споров о том, какие потери, понесенные сторонами, правомерно относить к убыткам.

В российском праве отличительной чертой возмещения убытков является ограничение размера компенсации. Возмещение убытков сверх имущественного ущерба и расходов, которые были вызваны нарушением договора, взыскать не представляется возможным.

Для определения размера компенсации требуется установить объективные критерии, учитывая различные факторы, такие как степень нарушения права, объем понесенных расходов и т.д. Таким образом, размер компенсации будет зависеть от правильного анализа всех имеющихся факторов.

В цивилистической литературе существуют различные точки зрения на определение «убытков», из которых можно выделить несколько групп:

- Убытки как имущественные потери;
- убытки как нарушенная ценность;
- убытки как нарушенный интерес.

Одним из правоведов, считающих, что убытки представляют собой имущественные потери, является О.Н. Садиков, указывающий на это следующим образом: «Убытки как разного рода имущественные потери получают денежную оценку» [2, с. 5]. Аналогичной точки зрения придерживается и такой автор как С.С. Алексеев, который отмечает, что «убытки – это денежное выражение и оцен-

ка того ущерба, который был причинён в результате неправомερных действий» [3, с. 214].

Однако одна из противоположных точек зрения принадлежит Е.Б. Осипову, который считает, что «убытки могут быть возмещены в натуральной форме» [4, с. 299]. Впрочем, с данным определением автора можно не согласиться, так как из ст. 1082 ГК РФ можно сделать вывод, что возмещение убытков происходит в денежном эквиваленте, а возмещение вреда происходит в натуре. Так же в п. 3 ст. 393 ГК РФ устанавливается правило определения цен при установлении размера убытков, что тоже подтверждает денежную оценку убытков.

Правоведы, рассматривающие убытки как нарушенный интерес, полагают, что возмещение данных убытков впоследствии правонарушения, имеющего экономический характер, имеет направленность именно на удовлетворение интересов потерпевшего, а не на наказание правонарушителя.

В настоящее время в правовой доктрине сохраняется тенденция определения убытков через категорию имущественного вреда. Помимо этого, некоторые авторы дают более широкое понятие убыткам, В.В. Витрянский и М.И. Брагинский указывают: «Возмещение убытков – доведение верителя до того же имущественного положения, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено» [5, с. 367].

Стоит отметить, что определение «надлежащим образом» не является однозначным, и может зависеть от конкретных обстоятельств и условий договора. Оно может включать в себя различные факторы, такие как соответствие стандартам качества, выполнение обязательств в срок и т.д.

Итак, одним из методов определения убытков является оценка денежной стоимости имущества кредитора до и после нарушения должником своих обязательств. Это позволяет рассчитать разницу между начальной и конечной стоимостью имущества и определить понесенный убыток.

Еще одним методом определения убытков является рассмотрение имущества кредитора в положении, в котором оно бы находилось, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Этот метод часто используется на практике, так как он более применим в реальных условиях.

Важно отметить, что использование любого метода определения убытков требует тщательной оценки конкретной ситуации и соответствующих факторов. Правильное определение убытков не только помогает защитить интересы кредитора, но и обеспечивает справедливость в судебных разбирательствах.

В ГК РФ и иных нормативно-правовых актах используется несколько терминов, будто бы заменяющих слово «убытки» в разных нормативных контекстах, таких как, к примеру, «вред», «ущерб», «расходы», «издержки», «затраты» и «потери».

Все вышеперечисленные термины необходимо разграничивать, потому что как правовые понятия они имеют различное содержательное наполне-

ние. Бесспорным является тот факт, что все эти понятия являются негативными явлениями для личности и неблагоприятным результатом нарушения ее субъективных гражданских прав и интересов.

Что касается вреда, то в зависимости от того, имеет ли он стоимостную форму, что выражается в денежных единицах, его разделяют два вида: имущественный и неимущественный (моральный).

В современной правовой практике под неимущественным вредом понимаются последствия правонарушений, не имеющие стоимостной формы и экономического содержания. Такой вред может быть моральным или физическим.

Моральный вред характеризуется тем, что вызывает нравственную боль и может включать страх, унижение, беспомощность, стыд и другие дискомфортные состояния.

Физический вред, в свою очередь, связан с нанесением физической боли и угрозой жизни и здоровью граждан. Этот вид вреда особенно важен, так как имеет повышенную социальную значимость и может быть выражен в различных формах – от легких повреждений до смертельных травм. В ГК РФ в параграфе 2 главы 59 отражены права потерпевших на возмещение физического вреда. Причинами возмещения такого вреда могут быть ненадлежащее исполнение договорных либо иных обязательств, смерть кормильца.

Таким образом, неимущественный вред имеет большое значение, как в правовой системе, так и в жизни граждан, и требует серьезного юридического внимания и защиты со стороны государства и общества.

В свою очередь категория «имущественный вред» тоже не является однородной. В зависимости от объекта, который подвергается притеснению, различают личный неимущественный вред, вред в неимущественной сфере, связанный с творческой деятельностью и организационный вред.

Ответственность за имущественный вред возникает в случае, если он выражен в денежной сумме. Однако не все негативные последствия подлежат возмещению. Только те, которые возникли в имущественной сфере потерпевшего, могут быть взысканы.

Понятие вреда не может быть разным в зависимости от того, к чему он причинен – к личности или имуществу. Согласно ч. 2 ст. 1064 2 ГК РФ за вред, который причинен физическому лицу или его имуществу, а также имуществу юридического лица, несет ответственность лицо, вызвавшее этот вред. В законе не перечисляются разные виды вреда, а устанавливаются различные виды его возмещения.

Понятие «ущерб» в гражданском праве, а именно «реальный ущерб» является составной частью имущественного вреда ввиду того, что носит помимо имущественного характера, также и нематериальный. Так, например, в п. 2 ст. 174 ГК РФ содержится указание на ущерб интересам представляемого или интересам юридического лица. Также

в п. 3 ст. 209 ГК РФ речь идет об ущербе окружающей среде.

В других отраслях права, например, в трудовом и уголовном праве, используются термины «ущерб» и «материальный ущерб», фактически пересекающиеся с понятием «реальный ущерб».

Согласно Определению Верховного Суда РФ от 11.09.2015 № 305-КГ15–6506 из анализа положений главы 25 НК РФ следует, что понятия «убыток» и «ущерб» являются равнозначными и их возникновение влечет одинаковые налоговые последствия для налогоплательщика [6]. Однако разница между данными понятиями всё же существует. Под убытками понимается общая стоимость восстановительных работ, необходимые понесенные затраты в процессе получения первоначального результата. При определении убытков учитываются цены, действовавшие на момент причинения лицу убытков. В случае возникновения спорной ситуации – в день предъявления иска. Ущерб же проявляется в уменьшении имущества потерпевшего в результате нарушения материального права.

В доктрине гражданского права не существует единого подхода к определению юридической природы понятия убытков. Тем не менее, наблюдается тенденция понимания юридической природы убытков через юридический факт и категорию гражданско-правовой ответственности.

Под юридическими фактами в теории государства и права рассматриваются конкретные жизненные обстоятельства, которые ведут к возникновению, изменению или прекращению правоотношений.

По волевому признаку юридические факты делятся на события и действия. События – это юридические факты, которые не зависят от воли участников правовых отношений. Это могут быть, например, природные процессы, такие как землетрясения или наводнения, или социальные явления, такие как экономические кризисы, которые могут повлиять на правовые отношения между людьми. Различают также юридические действия, которые возникают в результате волевого решения участников правовых отношений и могут быть, например, заключением договора. Особое значение имеет исследование юридических фактов для правоприменительной практики, поскольку наличие или отсутствие таких фактов может быть решающим фактором при определении правовых последствий.

Некоторые авторы трактуют убытки как юридический факт причинения вреда правомерными действиями, который состоит из правомерности поведения лица, наличия убытков, причинно-следственной связи между убытками и поведением причинителя, а также субъективной составляющей поведения причинителя, которая возникает в связи с волей лица.

Убытки являются составляющей гражданского правонарушения наравне с противоправностью, виной и причинной связью и представляют собой негативные имущественные последствия правона-

рушения, которые служат основанием для возникновения обязательства по возмещению убытков, то есть убытки выступают как мера гражданско-правовой ответственности.

Как уже было сказано ранее, рассматривать убытки исключительно как составляющую гражданского правонарушения, было бы неправильно, поскольку, как пример, законом предусмотрена возможность возмещения убытков, которые были причинены в результате действия разрушительных сил природы. Права граждан Российской Федерации на возмещение ущерба, причиненного в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в частности наводнения, закреплено в ст. 18 Федерального закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от. 14.04.2024).

Таким образом, можно сказать, что на данный момент, несмотря на то, что понятие убытков закреплено законодательно, цивилисты не пришли к единому понятию убытков.

Юридическая природа убытков выражается в виде:

- составляющей гражданского правонарушения, представляя собой негативные имущественные последствия правонарушения;
- причинения вреда правомерными действиями, которые также влекут за собой негативные имущественные последствия;
- последствий правонарушения или причинения вреда правомерными действиями, выраженных в возникновении мер гражданско-правовой ответственности.

Кроме того, понимание убытков и их оценка – это важный аспект, который нужно учитывать при заключении любых договоров и при рассмотрении правовых споров, связанных с нарушением обязательств.

Понятие убытков – одно из ключевых в гражданском праве, которое лежит в основе механизма возмещения вреда и защиты гражданских прав. Правильное понимание юридической природы убытков, их видов и способов доказательства необходимо для обеспечения справедливого и эффективного правового регулирования гражданских отношений. Совершенствование правового регулирования убытков, с учетом анализа различных концепций и практических проблем, – важная задача для современного гражданского права.

Литература

1. Субботина К.И. Убытки в гражданском праве Российской Федерации: понятие и некоторые проблемы / К.И. Субботина, М.В. Колмогоров // Актуальные вопросы науки и практики: сборник научных трудов по материалам XXXII Международной научно-практической конференции. – Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов», 2021. – С. 97–100.

2. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О.Н. Садиков. – М.: Статут, 2009. – 221 с.
3. Алексеев С.С. Гражданское право/ С.С. Алексеев, Б.М. Гонгало, Д.В. Мурзин. – М.: Проспект, 2014. – 440 с.
4. Осипов Е.Б. Общие вопросы ответственности в гражданском праве // Цивилистические записки: межвузовский сборник научных трудов. М.: Статут, 2001. – С. 297–318
5. Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2020. – 848 с.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.09.2015 № 305-КГ15–6506 // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3AikLL> (Дата обращения: 08.05.2024)

EVIDENCE IN CASES FOR COMPENSATION OF LOSSES: ISSUES OF PRACTICAL APPLICATION

Charotrysky D.V.

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article is devoted to the issue of defining the concept of losses and analyzing its legal nature. The author examined various approaches to determining losses, identified their types, etc.

The article focuses on the fact that understanding the essence of losses, their legal nature and types is necessary for the correct application of civil law. Damages are a key concept in civil law, play-

ing an important role in the mechanism of compensation for harm caused by violation of obligations or civil rights. Understanding the essence of losses, their legal nature and types is necessary for the correct application of civil law.

The effectiveness of legal regulation of property relations and ensuring fair distribution of responsibility for harm caused depends on a correct understanding of the essence of losses.

In the scientific literature there is no single approach to defining the concept of losses. Different authors offer their own interpretations, focusing on different aspects of the legal category of damages.

Keywords: losses; compensation for losses; civil law; compensation; property damage.

References

1. Subbotina K.I. Losses in civil law of the Russian Federation: concept and some problems / K.I. Subbotina, M.V. Kolmogorov // Current issues of science and practice: collection of scientific papers based on the materials of the XXXII International Scientific and Practical Conference. – Anapa: LLC “Research Center for Economic and Social Processes”, 2021. – P. 97–100.
2. Sadikov O.N. Losses in civil law of the Russian Federation / O.N. Sadikov. – М.: Statute, 2009. – 221 p.
3. Alekseev S.S. Civil law/ S.S. Alekseev, B.M. Gongalo, D.V. Murzin. – М.: Prospekt, 2014. – 440 p.
4. Osipov E.B. General issues of liability in civil law // Civilistic notes: interuniversity collection of scientific works. М.: Statute, 2001. – pp. 297–318
5. Braginsky M.I. Contract law: general provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – М.: Statute, 2020. – 848 p.
6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 11, 2015 No. 305-KG15–6506 // ATP “Consultant Plus”. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3AikLL> (Date of application: 05/08/2024)

Дистанционная работа, осложненная иностранным элементом: проблемы правовой регламентации

Чаштанова Диана Петровна,

магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования дистанционного труда, осложненного иностранным элементом. Отмечается, что в настоящее время коллизионное регулирование трудовых отношений является недостаточным как на международном, так и на отечественном уровнях. Исследуются действующее российское законодательство, противоречивые позиции ведомственных органов, неоднозначная судебная практика. Также анализируются положения международных договоров, отличающиеся индивидуальным подходом. Делается вывод, что на данный момент существует законодательный пробел в отношении правовой регламентации трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, а указание на дистанционный характер лишь актуализирует потребность в разработке наиболее приемлемого подхода для российского рынка труда. Кроме того, изучаются зарубежный опыт регулирования указанного вопроса и доктринальные законодательные конструкции. Предлагается авторский подход к решению обозначенной проблемы.

Ключевые слова: дистанционная работа, иностранный элемент, коллизионное регулирование, закон страны места выполнения работы, автономия воли сторон.

Законодательное определение дистанционной работы, установленное в ч. 1 ст. 312.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), не ограничивает ее выполнение исключительно территорией РФ, что позволяет, с одной стороны, предположить о допустимости оформления трудового договора о дистанционной работе, осложненной иностранным элементом, а с другой – приводит к соответствующим проблемам в правоприменительной практике, которая ввиду отсутствия прямого запрета является противоречивой. Стоит отметить, что общее коллизионное регулирование трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, в рамках отечественного законодательства не нашло должного отражения. Основная проблема заключается в том, что трудовое право в системе международного частного права характеризуется двойственным статусом, вызванным сочетанием частноправовых и публично-правовых начал. Данная особенность трудового права порождает дискуссии относительно определения применимого права в случае столкновения различных юрисдикций.

Следует начать с того, что положения ч. 5 ст. 11 ТК РФ распространяют национальный режим на иностранных граждан и лиц без гражданства. В то же время правила, закрепленные в ч. 1 ст. 13 ТК РФ, ограничивают действие трудового законодательства территорией РФ. На основании указанных обстоятельств можно сделать вывод, что, несмотря на отсутствие норм, регулирующих применимое право, общей коллизионное привязкой выступает *lex loci laboris* (закон страны места выполнения работы). Однако упомянутая ранее ч. 5 ст. 11 ТК РФ, подкрепленная положениями гл. 50.1 ТК РФ и Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ, содержит в себе, прежде всего, публично-правовой аспект, который не имеет отношения к анализируемому вопросу. Кроме того, помимо принципов территориальности и национального режима, обозначенных в трудовом законодательстве РФ, можно выделить и экстерриториальный характер норм трудового права, нашедший отражение в положениях гл. 53 ТК РФ.

Анализ законодательной базы зарубежных стран позволяет выделить две основные коллизионные привязки, применяемые в мировой практике по обозначенной проблеме: 1) закон страны места выполнения работы; 2) автономия воли сторон. Как правило, в большинстве стран принцип автономии воли сторон ограничен защитным механизмом, не позволяющим ухудшать положение работника (за исключением Австралии, Великобритании,

Италии, Канады). Однако данный подход вряд ли применим в РФ, поскольку действующее трудовое законодательство недостаточно гибкое в вопросах, отнесенных на индивидуально-договорное регулирование.

На данный момент нельзя однозначно ответить на вопрос, возможно ли заключение трудового договора с дистанционным работником, находящимся за рубежом. В пользу утвердительного ответа можно привести следующие аргументы: во-первых, ТК РФ не содержит прямого запрета; во-вторых, понятие дистанционной работы не ограничивается территорией РФ; в-третьих, ч. 1 ст. 59 ТК РФ предусматривает заключение срочного трудового договора с лицами, направляемыми на работу за границу, что ставит под сомнение ограничение действия трудового законодательства территорией РФ; в-четвертых, в судебной практике был выработан подход, в соответствии с которым работник, проживающий за рубежом, не лишен права на заключение трудового договора о дистанционной работе с российским работодателем [1,7]; в-пятых, Минфин РФ, разъясняя вопросы налогообложения в отношении лиц, находящихся за границей, допускает возможность заключения трудового договора о дистанционной работе с указанными лицами [6]; в-шестых, в соответствии со ст. 10 ТК РФ международный договор имеет приоритет над национальным законодательством в истолковании, не противоречащим Конституции РФ. Данное правило является исключением, подтверждением которого выступают договоры, заключаемые РФ с рядом стран (Монголия, Польша и др.). В частности, в ст. 26 Договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Улан-Баторе 20.04.1999) применимое право по общему правилу устанавливается в соответствии с автономией воли сторон. В качестве факультативных формул прикрепления выступают закон страны места выполнения работы и *lex societatis* (закон страны места нахождения работодателя).

В пользу отрицательного ответа на вопрос, возможно ли заключение трудового договора с дистанционным работником, находящимся за рубежом, следует привести следующие аргументы: во-первых, как отмечалось ранее, ч. 1 ст. 13 ТК РФ ограничивает действие трудового законодательства территорией РФ; во-вторых, согласно ч. 5 ст. 11 ТК РФ основной коллизионной привязкой является *lex loci laboris* (закон страны места выполнения работы); в-третьих, Минтруд РФ весьма категорично подходит к решению поставленного вопроса, акцентируя внимание на том, что рассмотренные выше положения трудового законодательства РФ не содержат в себе прямого указания на возможность заключения трудового договора о дистанционной работе в анализируемом случае, и предлагая в качестве альтернативы гражданско-правовой договор, лишаящий работника минимальных трудовых гарантий. Тем самым Минтруд РФ фактиче-

ски способствует развитию «теневой» занятости. Кроме того, по мнению Минтруда РФ, работодатель не сможет обеспечить безопасные условия труда и охрану труда дистанционному работнику, покинувшему территорию РФ [5]. Аналогичной позиции придерживается и Роструд [8]. В литературе отмечается, что данный аргумент противоречит ст. 312.7 ТК РФ, содержащей ограниченный в силу специфики дистанционной работы перечень обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий труда и охраны труда дистанционных работников [2, с. 218]. В-четвертых, в судебной практике, несмотря на устойчивую позицию в сторону признания дистанционных трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, можно встретить противоположное мнение. В одном из дел суд признал увольнение дистанционного работника по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ, законным, опираясь на ранее рассмотренные аргументы Минтруда РФ [8]. Представляется, что подобная позиция может оказать серьезное влияние на дальнейшую правоприменительную практику.

В поисках решения поставленной проблемы следует обратиться к опыту Европейского Союза, в котором действует Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» («Рим I»), ставящий во главу угла автономию воли сторон, ограниченную защитным механизмом. Кроме того, с 1 июля 2023 г. вступило в силу Рамочное соглашение Европейского Союза о трансграничной удаленной работе, в соответствии с которым для стран-подписантов действует льготный доступ к трудовым правам и пособиям по социальному обеспечению при условии удаленной работы из страны резидентства в Европейском Союзе менее 50% рабочего времени [3]. Речь идет о сохранении указанных социально-трудовых гарантий, предоставляемых в стране работодателя.

Имеющийся на данный момент российский опыт регулирования обозначенной проблемы в исключительных случаях допускает закрепление автономии воли сторон в качестве ключевой коллизионной привязки, применяемой в области правовой регламентации трудовых отношений. В частности, речь идет о положениях статей 414, 416 Кодекса торгового мореплавания РФ. Примечательно, что советский законодатель предлагал пойти по тому же пути [5, с. 577]. Вместе с тем традиционный подход к коллизионному регулированию трудовых отношений, как правило, предполагает обращение к закону страны места выполнения работы. Действительно, данная законодательная конструкция является более распространенной, что обусловлено особенностями трудового законодательства той или иной страны. Однако, как показывает практика, придание автономии воли сторон первостепенного значения представляется более эффективным и гибким решением, позволяющим сторонам договориться. Но выбор сторонами при-

менимого права не может носить абсолютный характер, в связи с чем требуется его законодательное ограничение. В доктрине рекомендуется ограничить автономию воли сторон следующими способами: 1) выбор сторонами применимого права должен быть зафиксирован в письменной форме; 2) применимое право должно находиться в тесной связи с трудовым договором; 3) к отдельным условиям трудового договора должна быть обеспечена возможность применять разные правопорядки; 4) положение работника не должно быть ухудшено по сравнению с законом, подлежащим применению ввиду отсутствия автономии воли сторон [5, с. 577–578].

Отечественные исследователями по данному вопросу предлагаются различные варианты коллизионного регулирования дистанционных трудовых отношений, осложненных иностранным элементом. В частности, С.В. Шуралева выносит на обсуждение закрепление в качестве основной коллизионной привязки право страны, где заключен трудовой договор о дистанционной работе, если иное не предусмотрено трудовым договором [11, с. 160]. В свою очередь, И.В. Гетьман-Павлова полагает, что в данном случае стоит применять аналогию права и аналогию закона, обратившись к положениям гражданского законодательства РФ, которые регулируют выбор права сторонами договора, а также право, подлежащее применению к договору при отсутствии соглашения сторон о выборе права [4, с. 113]. Приведенная позиция представляется спорной, поскольку специфика трудовых отношений, а именно субъектный состав, не позволяет руководствоваться положениями более диспозитивного законодательства. В большей степени это касается ограничения автономии воли сторон императивными нормами трудового законодательства.

Таким образом, с учетом изученного отечественного и зарубежного опыта следует предложить внести следующие изменения в трудовое законодательство РФ: в качестве первостепенной формулы прикрепления установить выбор сторонами трудового договора о дистанционной работе применимого права, а в качестве факультативных формул прикрепления указать закон страны места выполнения работы, применяющийся при отсутствии автономии воли сторон, а также закон страны места нахождения работодателя, применяющийся в случае, если применимое право не может быть определено в соответствии с законом страны места выполнения работы. При этом правила в отношении перечисленных коллизионных принципов будут действовать при командировании дистанционного работника. Важно отметить, что автономия воли сторон должна содержать в себе защитную оговорку, выражающуюся в неухудшении положения дистанционного работника по сравнению с правом той страны, которое применялось бы в случае отсутствия автономии воли сторон. Кроме того, само условие о выборе применимого права должно быть отражено в трудовом договоре о дис-

танционной работе с возможностью внесения изменений в письменной форме в течение срока его действия.

Литература

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.06.2020 № 33–8432/2020 по делу № 2–5677/2019 // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.04.2024).
2. Бережнов А. А., Войтковская И.В., Воронцов Д.И. и др. Трудовое право: национальное и международное измерение / под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. М.: Норма. 2022. Т. 2. 568 с.
3. В ЕС вступает в силу рамочное соглашение о трансграничной удаленной работе. URL: <https://gsl-news.org/590183-v-es-vstupuet-v-silu-ramochnoe-soglashenie-o-transgranichnoj-udalenoj-rabote/> (дата обращения: 02.05.2024).
4. Гетьман-Павлова И.В. Коллизионное регулирование в международном частном трудовом праве // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2008. № 1(1). С. 107–114.
5. Лебедев С. Н., Кабатова Е.В. Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть. М.: Статут. 2015. 764 с.
6. Письмо Минтруда России от 9 сентября 2022 г. № 14–2/ООГ-5755 // СПС «Гарант» (дата обращения: 28.03.2024)
7. Письмо Минфина России от 14.04.2021 № 03–04–06/27827 // СПС «Гарант» (20.04.2024).
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.12.2020 № Ф08–10403/2020 по делу № А20–4914/2019 // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.04.2024)
9. Решение Кунцевского районного суда г. Москвы от 30.06.2023 по делу № 2–2938/23 // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.04.2024)
10. Трудовой договор с гражданином РФ место работы – за пределами РФ. URL: <https://онлайн-инспекция.рф/questions/view/168535> (дата обращения: 30.04.2024)
11. Шуралева С.В. Регулирование дистанционной работы с иностранным элементом в эпоху глобализации: взгляд с позиций трудового права России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3(25). С. 156–163.

REMOTE WORK COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

Chashtanova D.P.

Novosibirsk National Research State University

The article discusses the problems of legal regulation of remote work, complicated by a foreign element. It is noted that at present the conflict of laws regulation of labor relations is insufficient both at the international and domestic levels. The current Russian legislation, the contradictory positions of departmental bodies, and ambiguous judicial practice are examined. The provisions of international treaties, which differ in an individual approach, are also analyzed. It is concluded that at the moment there is a legislative gap regarding the legal regulation of labor relations complicated by a foreign el-

ement, and the indication of the remote nature only actualizes the need to develop the most acceptable approach for the Russian labor market. In addition, foreign experience in regulating this issue and doctrinal legislative structures are studied. The author's approach to solving the identified problem is proposed.

Keywords: remote work, foreign element, conflict of laws regulation, law of the country where the work is performed, autonomy of the will of the parties.

References

1. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court dated 06/02/2020 No. 33–8432/2020 in case No. 2–5677/2019 // ATP "Garant" (accessed on April 1, 2024).
2. Berezhnov A. A., Voitkovskaya I.V., Vorontsov D.I. et al. Labor law: national and international dimension / ed. S. Yu. Golovina, N.L. Lyutova. M.: Normal. 2022. T. 2. 568 p.
3. A framework agreement on cross-border teleworking comes into force in the EU. URL: <https://gsl-news.org/590183-v-es-vstupaet-v-silu-ramochnoe-soglashenie-o-transgranichnoj-udalenoj-rabote/> (accessed on May 2, 2024).
4. Getman-Pavlova I.V. Conflict of laws regulation in international private labor law // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal sciences. 2008. No. 1(1). pp. 107–114.
5. Lebedev S. N., Kabatova E.V. International private law: Textbook. In 2 vols. T. 2: Special part. M.: Statute. 2015. 764 p.
6. Letter of the Ministry of Labor of Russia dated September 9, 2022 No. 14–2/OOG-5755 // SPS "Garant" (accessed on March 28).
7. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated April 14, 2021 No. 03–04–06/27827 // ATP "Garant" (accessed on April 20, 2024).
8. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated December 24, 2020 No. F08–10403/2020 in case No. A20–4914/2019 // ATP "Garant" (accessed on April 1, 2024).
9. Decision of the Kuntsevsky District Court of Moscow dated June 30, 2023 in case No. 2–2938/23 // ATP "Garant" (accessed on April 1, 2024).
10. An employment contract with a citizen of the Russian Federation, the place of work is outside the Russian Federation. URL: <https://onlineinspektsiya.rf/questions/view/168535> (accessed on April 30, 2024).
11. Shuraleva S.V. Regulation of remote work with a foreign element in the era of globalization: a view from the position of Russian labor law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2014. No. 3(25). pp. 156–163.

Развитие правового института признания корпоративного договора недействительным

Горбунов Тимофей Дмитриевич,

магистрант направления «Юриспруденция» Институт философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: t.gorbunov@g.nsu.ru

Шохова Валерия Александровна,

магистрант направления «Юриспруденция» Институт философии и права, Новосибирский государственный университет
E-mail: v.shokhova@g.nsu.ru

Статья посвящена анализу актуальных проблем судебной практики по делам о признании корпоративного договора недействительным. Авторы исследуют проблемы правового регулирования института корпоративного договора, толкования норм ГК РФ и иных федеральных законов о корпоративном договоре, противоречивой судебной практики. Авторы указывают на необходимость законодательного закрепления особенностей признания корпоративного договора недействительным в связи с тем, что общие положения ГК РФ о недействительности сделок не в полной мере удовлетворяют потребностям гражданского оборота. В статье рассматривается актуальная судебная практика о признании корпоративного договора недействительным, исследуются выводы судов и обозначаются правовые проблемы, вытекающие из судебных позиций. В качестве выводов авторы приводят перечень наиболее значимых проблем признания корпоративного договора недействительным, которые предлагается решить путем внесения изменений в закон и издания руководящих разъяснений высшими судебными инстанциями.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционерное соглашение корпоративные отношения, недействительность сделки, ничтожность, оспоримость.

Корпоративный договор представляет собой соглашение участников хозяйственного общества об осуществлении ими своих корпоративных прав (ст. 67.2 ГК РФ). Данный инструмент регулирования корпоративных отношений в последние годы набирает все большую популярность. Это обусловлено тем, что корпоративный договор позволяет оформить правовым способом договоренности между участниками общества, а также предотвратить возникновение корпоративных конфликтов. Несмотря на активное использование хозяйствующими субъектами данного инструмента в регулировании корпоративных отношений, правовое регулирование корпоративного договора в отечественной цивилистике имеет ряд существенных недостатков и пробелов. Одним из таких пробелов выступает отсутствие в гражданском законодательстве положений, регулирующих порядок и особенности признания корпоративного договора недействительным, что порождает ряд правоприменительных проблем.

В настоящий момент к корпоративному договору применяются общие положения о недействительности сделок. При этом в судебной практике возникают вопросы, связанные с возможностью и с достаточностью применения общих положений ГК РФ о недействительных сделках к корпоративным спорам. Так, например, нередко встречаются споры, связанные с оспариванием корпоративного договора, стороной которого является само хозяйственное общество. В деле № А40–118958/18–111–878 один из участников оспаривал акционерное соглашение на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ (сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, посягающая на права и охраняемые законом интересы третьих лиц), поскольку стороной такого соглашения выступало в том числе само акционерное общество. Суд первой инстанции удовлетворил иск, однако апелляция и кассационная инстанции заняли иную позицию, отказав заявителю. Суд апелляционной инстанции указал, что оспариваемый договор является не акционерным соглашением, а смешанным договором, который регулирует корпоративные и иные отношения участников акционерного общества [1]. Суд пришел к выводу, что, исходя из содержания оспариваемого договора не усматривается наличие у общества корпоративных прав или обязанностей в части договора, составляющего собой акционерное соглашение. Общество в указанном случае было стороной спорного договора в части соглашения, которое регулирует отношения сторон по совершению обществом с участниками корпо-

ративного договора и третьими лицами сделок. По мнению суда, такие отношения выходят за пределы регулирования корпоративного права. Однако остается открытым вопрос о том, может ли корпоративный договор быть признан недействительным, если его стороной является само хозяйственное общество, и договор не является смешанным. С одной стороны, нормы ГК РФ не предусматривают возможность расширения субъектного состава корпоративного договора – он может быть заключен только между участниками хозяйственного общества. С другой же стороны, является ли факт участия общества в корпоративном договоре достаточным основанием для признания его недействительным? На данный момент ни судебная практика, ни законодатель не дают разъяснений по данному вопросу.

В другом судебном споре (дело № А21–10335/2020) общество обратилось с иском о признании корпоративного договора недействительным в связи с тем, что участники общества заключили корпоративный договор с целью вывода имущества из общества, причинения вреда обществу. Суд первой инстанции удовлетворил иск, а апелляция и кассационная инстанции снова заняли противоположную позицию, указав, что общество не является стороной корпоративного договора, в связи с чем не обладает правом подачи иска о признании его недействительным [2]. Таким образом, суды отказали заявителю по формальным основаниям, не анализируя ни цель заключения корпоративного договора, ни законность его содержания.

На наш взгляд, из представленных судебных споров явно следует правовая проблема, связанная с невозможностью хозяйственного общества защитить свои интересы, когда они расходятся с интересами участников общества. В связи с этим полагаем, что необходимо внесение в ГК РФ и иные федеральные законы изменений в части наделения хозяйственного общества особыми правами в части оспаривания корпоративного договора, заключенного между участниками такого общества. Отказ обществу в признании корпоративного договора недействительным по формальным основаниям противоречит принципу всесторонней защиты прав добросовестных участников гражданского оборота [3, С. 101]. Несмотря на то, что хозяйственное общество не является стороной корпоративного договора, как правило, условия данного договора в значительной степени затрагивают интересы общества, в связи с чем для общества должно быть сделано исключение, позволяющее обществу оспаривать корпоративный договор, поскольку иных способов защиты прав общества закон в таких случаях не предусматривает.

Проблема признания корпоративного договора недействительным, как можно сделать вывод исходя из актуальной судебной практики, связана также с правовой квалификацией судом договоров, которые поименованы как корпоративные, однако их содержание не вполне соответствует ст. 67.2 ГК РФ. Так, например, в деле № А56–58495/2022 су-

ды всех трех инстанций отказали участнику хозяйственного общества в признании корпоративного договора недействительным, несмотря на нарушение норм ст. 67.2 ГК РФ. Суд первой инстанции отказал на основании того, что отсутствуют правовые основания для признания договора недействительным вовсе [4], а суд кассационной инстанции указал, что спорный корпоративный договор, действительно, не соответствует признакам, содержащимся в ст. 67.2 ГК РФ, но это означает лишь то, что данная сделка не является «корпоративным договором» по смыслу закона, но это не свидетельствует о её недействительности [5]. На наш взгляд, в данном деле суды не разрешили правовую проблему, которая возникла из заключенного корпоративного договора, поскольку по его условиям один участник обязался выплатить другому участнику денежную компенсацию за выход из хозяйственного общества. Один из участников не выполнил условия корпоративного договора, в связи с чем второй обратился в суд для признания договора недействительным, при этом суд не разрешил спор между сторонами по существу, а лишь констатировал, что оспариваемый договор не регулирует корпоративные отношения между сторонами.

Другая проблема признания корпоративного договора недействительным обусловлена противоречивым толкованием норм ГК РФ судами при разрешении споров. Так, например, в соответствии с п. 2 ст. 67.2 ГК РФ корпоративный договор не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию. Условия корпоративного договора, противоречащие правилам абзаца первого настоящего пункта, ничтожны. По данному основанию участники оспаривали корпоративный договор в деле № А45–6005/2020. По условиям заключенного между участниками корпоративного договора все участники должны были голосовать с учетом мнения участника У., который на момент заключения договора одновременно являлся директором общества (единоличным исполнительным органом). В связи с этим другие участники обратились в суд с иском о признании корпоративного договора недействительным. Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требования частично и признали недействительным конкретный пункт договора, руководствуясь п. 2 ст. 67.2 ГК РФ. Однако суд кассационной инстанции не согласился с выводами нижестоящих судов, указав, что условие корпоративного договора было сформулировано таким образом, что участники-стороны договора берут на себя обязательство голосовать на общем собрании общества с учетом мнения У., при этом в корпоративном договоре не конкретизировался статус У. – как участника или как директора общества. В связи с этим суд округа сделал вывод, что данное условие корпоративного договора является действительным, поскольку оно не противоречит п. 2 ст. 67.2 ГК РФ, так как У. выступал в корпоративном договоре как участник хозяйственного об-

щества, а остальные участники добровольно согласились голосовать на общем собрании с учетом его мнения [6]. Такие противоречия, по нашему мнению, обусловлены недостатками правового регулирования корпоративного договора ГК РФ и иными федеральными законами, а также отсутствием комплексных разъяснений по спорным вопросам со стороны высших судебных инстанций. В связи с этим предполагается, что для разрешения указанных проблем необходимо отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющее правила применения норм о корпоративном договоре.

Как отмечается в научной литературе, в настоящий момент существует тенденция к сохранению заключенных корпоративных договоров [7, С. 31]. Действительно, из анализа судебной практики о признании корпоративного договора недействительным можно сделать вывод о том, что оспорить корпоративный договор непросто по ряду причин. Во-первых, суд может признать корпоративный договор смешанным либо же квалифицировать его как иное соглашение и применить соответствующие нормы ГК РФ. Во-вторых, корпоративный договор могут оспорить только стороны этого договора, что существенно ограничивает круг лиц, имеющих право на обращение в суд. Это порождает проблему незащищенности прав тех лиц, интересы которых затрагиваются корпоративным договором (например, само хозяйственное общество). В-третьих, на данный момент в судебной практике отсутствует единообразный подход к основаниям и условиям признания корпоративного договора недействительным, в связи с чем на разных уровнях судебных инстанций стороны спора могут сталкиваться с противоречивым толкованием одних и тех же норм права.

Литература

1. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2019 по делу № А40–118958/2018 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365267/documents> (дата обращения 18.05.2024).
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.08.2021 по делу № А21–10335/2020 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365345/documents> (дата обращения 18.05.2024).
3. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П.Д. Багрянская, О.А. Беляева, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. Вып. 28. 200 с.
4. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 06.03.2023 по делу № А56–58495/2022 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365351/documents> (дата обращения 18.05.2024).
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.04.2024 по делу № А56–58495/2022 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365267/documents> (дата обращения 18.05.2024).
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.07.2021 по делу № А45–6005/2020 // Caselook. Режим доступа: по подписке. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365267/documents> (дата обращения 18.05.2024).
7. Добрачев Д.В. Недействительность корпоративного договора: вопросы судебной практики // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1. – С. 28–39.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTION FOR INVALIDATING A CORPORATE AGREEMENT

Gorbunov T.D., Shokhova V.A.

Novosibirsk State University Novosibirsk

The article is devoted to the analysis of current problems of judicial practice in cases of invalidation of a corporate agreement. The authors explore the problems of legal regulation of the institution of a corporate contract, interpretation of the norms of the Civil Code of the Russian Federation and other federal laws on corporate contracts, and contradictory judicial practice. The authors point out the need to legislate the specifics of invalidating a corporate agreement due to the fact that the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the invalidity of transactions do not fully meet the needs of civil turnover. The article examines the current judicial practice on the recognition of a corporate agreement as invalid, examines the conclusions of the courts and identifies legal problems arising from judicial positions. As conclusions, the authors provide a list of the most significant problems of invalidation of a corporate agreement, which are proposed to be solved by amending the law and issuing guidance clarifications by higher courts.

Keywords: corporate agreement, shareholder agreement corporate relations, invalidity of the transaction, nullity, controversiality.

References

1. The decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 04/11/2019 in case No. A40–118958/2018 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365267/documents> (date of appeal 05/18/2024).
2. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 08/16/2021 in case No. A21–10335/2020 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365345/documents> (accessed 05/18/2024).
3. Commentary on the practice of considering economic disputes (judicial arbitration practice) / P.D. Bagryanskaya, O.A. Belyaeva, S.A. Burlakov, etc.; ed. V.M. Zhuikov. M.: IZISP, CONTRACT, 2021. Issue 28. 200 p.
4. The decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region dated 03/06/2023 in case No. A56–58495/2022 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365351/documents> (accessed 05/18/2024).
5. The decision of the Arbitration Court of the North-Western District dated 04/22/2024 in case No. A56–58495/2022 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365267/documents> (date of appeal 05/18/2024).
6. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 07/26/2021 in case No. A45–6005/2020 // Caselook. Access mode: by subscription. URL: <https://caselook.ru/#/search/4365267/documents> (date of appeal 05/18/2024).
7. Dobrachev D.V. Invalidity of a corporate agreement: issues of judicial practice // Bulletin of Arbitration Practice. 2023. No. 1. – pp. 28–39.

Чаштанова Диана Петровна,

магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье исследуются проблемы обеспечения права платформенных занятых на объединение. Проводится анализ рассматриваемого вопроса на примере зарубежного правового регулирования. Отмечается, что в РФ без установления соответствующего правового статуса участие таких лиц в легальных социально-партнерских процедурах становится невозможным. Вместе с тем учет производственных и профессиональных интересов, лежащих в основе трудовых отношений и выполняющих первостепенную роль при вступлении в профессиональные союзы, позволяет распространить на отдельные категории лиц, в том числе самозанятых, работающих посредством платформ, право на объединение в профсоюзы в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов. Представляется, что данный вывод должен найти отражение и в действующем законодательстве путем внесения соответствующих изменений.

Ключевые слова: платформенная занятость, социальное партнерство, право на объединение, трудовые отношения, профессиональные союзы, трудовые отношения.

Современные тенденции развития трудовых отношений в условиях цифровизации обуславливают появление новых форм занятости, в том числе и платформенной занятости, правовое регулирование которой на текущий момент находится на этапе формирования как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации. Под платформенной занятостью следует понимать деятельность лиц, работающих посредством цифровых трудовых платформ, которая осуществляется для выполнения определенных заданий, приносит заработок и не противоречит закону. Несмотря на невозможность достоверно оценить статистические данные рассматриваемого сегмента занятости, масштабы его распространения справедливо можно назвать широкими.

В последние годы во многих странах мира появляются профессиональные объединения лиц, занятых посредством платформ, в том числе при участии и поддержке самих платформ. Как правило, платформенные занятые создают собственные объединения, а не вступают в уже существующие, что свидетельствует о наличии у этой группы специфического запроса. Несмотря на то что действующие профсоюзы пытаются включить в свой состав платформенных занятых, представлять их интересы они в большинстве своем не могут. Это косвенное подтверждение того, что характер их занятости требует индивидуального подхода, в том числе и нормативного.

Следует отметить, что существующие объединения пока не охватывают всех платформенных занятых, в ряде стран это только отдельные узкоспециализированные группы, представляющие собой объединения таксистов, работающих через онлайн-платформы, курьеров, фрилансеров. На данный момент механизмы представления коллективных интересов занятых посредством платформ находятся на этапе становления, однако уже сейчас можно утверждать, что они востребованы как со стороны лиц, включенных в этот сегмент занятости, так и со стороны платформ.

В странах, где профсоюзы и объединения работодателей находятся в постоянном взаимодействии, вопросы цифровизации также решаются совместно. Можно определить несколько направлений дальнейшего развития: 1) либо платформы осуществляют сотрудничество с существующими объединениями работодателей; 2) либо платформы создают самостоятельные объединения.

Мировой опыт показывает, что закрепление права на свободу объединения возможно на законодательном уровне. Прежде всего, речь идет о европейских странах. В Германии платформенные занятые именуются лицами, подобными работни-

кам, а во Франции – самозанятыми работниками платформ. Законодательство, закрепленное в указанных странах, наделяет платформенных занятых правом на забастовку и иными коллективными трудовыми правами. Но важно отметить, что большинство платформ не позиционируют себя в качестве работодателей, являющихся стороной трудовых отношений, а также не поддерживают инициативы профсоюзов по согласованию тех или иных вопросов. Вместе с тем иная ситуация обстоит в Швеции и Бельгии, где диалог между платформами и профсоюзами более чем налажен.

Как показывает практика, профессиональные союзы, объединяющие платформенных занятых, пользуются такими специфическими способами защиты трудовых прав, как протесты с привлечением СМИ и отключение от платформы. Можно ли назвать данные способы достаточными для удовлетворения выдвигаемых требований? С одной стороны, крупные платформы особое внимание уделяют своей репутации, поэтому в целях оперативного предотвращения конфликта могут пойти навстречу и в договорном порядке урегулировать разногласия, а с другой – нельзя не отметить тот факт, что удовлетворение требований профсоюзов может носить временный единоразовый характер. Вероятность того, что в следующий раз сторонам удастся договориться, ничтожно мала.

В Российской Федерации реализация платформенными занятыми права на объединение стоит под вопросом особенно остро. Ввиду неопределенного правового статуса данных лиц не совсем понятно, могут ли они объединяться в профсоюзы, а в случае возникновения споров об интересе – инициировать коллективные трудовые споры посредством проведения примирительных процедур, установленных в ст. 401 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), а также объявить забастовку? Действующее законодательство пока не позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос, поскольку соответствующий правовой механизм не разработан.

В настоящее время платформенные занятые пользуются отсутствием запрета создавать профсоюзы, организовывать забастовки и иным образом защищать свои коллективные трудовые права. Более того, ст. 30 Конституции РФ провозглашает за каждым право на свободу объединения, а ст. 2 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ не только закрепляет указанное право, но и устанавливает производственно-профессиональный критерий объединения. Доподлинно не известно количество созданных платформенными занятыми профсоюзов вследствие преимущественно «теневых» характера данного вида занятости. Но о деятельности некоторых профессиональных союзов, отличающихся усиленными правозащитными действиями, становится известно в Интернет-пространстве и СМИ. Одними из таких профсоюзов являются крупнейший межрегиональный профсоюз «ра-

ботников» общественного транспорта «Таксист» и не менее крупный профсоюз «работников» сервисов доставки еды «Курьер».

С какими препятствиями сталкиваются обозначенные профсоюзы и можно ли назвать их деятельность легальной? Для того чтобы ответить на данные вопросы, необходимо обратиться к положениям трудового законодательства РФ, в соответствии с которыми платформенные занятые, не имеющие статуса работников, не являются стороной социального партнерства, что позволило бы им участвовать в социально-партнерских процедурах (ст. 23, 27, 40, 45 ТК РФ и др.). Соответственно, на таких лиц не распространяются коллективные договоры, соглашения, а профессиональные союзы, ими созданные, бесспорно законными не являются. Приведенный тезис находит подтверждение на практике.

В апреле 2018 г. в Сочи водителями сервиса «Яндекс.Такси» была организована забастовка в связи с повышением размера комиссии агрегатора. Агрегатор, в свою очередь, блокировал баствующих, а потенциальных баствующих предупредил о том, что в случае чего блокировке будут подвергнуты и они. В результате водители не смогли добиться удовлетворения своих требований [4].

В июне 2020 г. московские курьеры устроили забастовку возле головного офиса компании Delivery Club [2]. Основными требованиями выступали отмена незаконной системы штрафов и заключение трудовых договоров вместо гражданско-правовых с предоставлением больничных, отпусков, полного социального пакета и установлением режима труда и отдыха. В результате проведенной забастовки был создан профсоюз «Курьер», при поддержке которого уже в июле 2020 г. курьеры вновь вышли на забастовку в связи с продолжительной невыплатой заработной платы [5]. Обе забастовки привели к тому, что сервис Delivery Club внес некоторые изменения в режим работы, компенсировал штрафы, закрыл долги перед курьерами. В дальнейшем практика проведения забастовок укрепилась, в том числе и с привлечением профсоюзов. В целом итоги проведения забастовок можно назвать положительными.

Можно констатировать, что в РФ созданные платформенными занятыми профсоюзы не имеют возможности беспрепятственно организовывать свою общественную и правозащитную деятельность, поскольку, во-первых, зачастую такие профсоюзы официально не регистрируются, а во-вторых, российское трудовое законодательство пока не распространяет свое действие на платформенных занятых, оставляя их в спорном статусе.

Важно обратить внимание на то, что в Трудовом кодексе РФ работник определен как «физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем» (ст. 20). В свою очередь, в Федеральном законе «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ под работником понимается «физическое лицо, работающее в организации на основе трудового

договора (контракта), лицо, занимающееся индивидуальной предпринимательской деятельностью, лицо, обучающееся в профессиональной образовательной организации или образовательной организации высшего образования» (ст. 3). С точки зрения Трудового кодекса РФ на лицо, которое стороной трудовых отношений не является, понятие работника не распространяется. В то время как для целей правового регулирования деятельности профсоюзов данное понятие сформулировано в более широком значении, но не охватывает самозанятых, кем является большинство занятых посредством платформ. Кроме того, согласно ст. 5 ТК РФ в случае противоречий между ТК РФ и иным федеральным законом, содержащим нормы трудового права, применяется ТК РФ. Представляется, что такое несоответствие и расплывчатые формулировки не предполагают прямого запрета самозанятым, связанным общими производственными, профессиональными интересами, объединяться в профсоюзы, что, впрочем, пока не позволяет говорить о четко разработанном механизме для последовательного отстаивания социально-трудовых прав и интересов платформенных занятых.

Подобное положение дел обусловлено разрозненностью и неоднородностью внутри данного сегмента занятости, поскольку зачастую занятые посредством платформ не зарегистрированы ни в качестве индивидуальных предпринимателей, ни в качестве самозанятых, что приводит к уходу таких лиц в «серую зону» и не позволяет им в полной мере реализовать право на объединение в целях осуществления правозащитной деятельности. Тем не менее для обеспечения однозначности трактовки понятие «работник», закрепленное в ст. 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ, необходимо дополнить категорией самозанятых.

В отечественной доктрине выделяют следующие вызовы свободе объединения в условиях цифровизации (на примере платформенной занятости): технологический, правовой, организационный. Технологический вызов обусловлен ведением коллективных переговоров с платформой в целях предоставления информации, связанной с функционированием такого важного признака платформенной занятости, как алгоритмический контроль. Правовой вызов характеризуется необходимостью наделения платформенных занятых статусом работников для полноценной реализации права на объединение (в большинстве стран существует такое требование). Организационный вызов связан с территориальной разобщенностью платформенных занятых, затрудняющей реализацию коллективных трудовых прав [1, с. 324–327].

Следует отметить, что, поскольку современные профсоюзы в большей степени настроены на традиционную занятость, в научно-практическом сообществе высказывается идея создания цифровых профсоюзов, базирующихся на блокчейн (децен-

трализованная распределенная информационная система) [3, с. 12].

Таким образом, на сегодняшний день реализация платформенными занятыми права на объединение представляется затруднительной, поскольку отсутствует соответствующее правовое регулирование. Нельзя однозначно ответить на вопрос, могут ли платформенные занятые, пользуясь инструментами правовыми инструментами, защищать свои коллективные трудовые права и свободы. Несмотря на то что прямого запрета нет, трудовое законодательство РФ не распространяется на лиц, не включенных в систему социально-трудовых отношений. В то же время производственные и профессиональные интересы, лежащие в основе трудового отношения и являющиеся ключевыми факторами при вступлении в профсоюз, позволяют говорить о возможном расширении круга лиц, на которых такое действие может распространяться. Тем самым в России с учетом разработанного правового регулирования анализируемого сегмента занятости, закрепляющего особый статус работающих на платформах, взаимодействие профессиональных союзов и платформ в полной мере могло бы осуществляться через различные формы социального партнерства, обеспечивая эффективную и беспрепятственную реализацию права платформенных занятых на объединение.

Литература

1. Бережнов А. А., Войтковская И.В., Воронцов Д.И. и др. Трудовое право: национальное и международное измерение / под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. М.: Норма. 2022. Т. 2. 568 с.
2. Забастовка довела до проверок. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4372121> (дата обращения: 24.04.2024).
3. Котова С.И. Концепция трудовой занятости: цифровые профсоюзы, право на трудоустройство, абсолютное социально-обеспечительное отношение / С.И. Котова // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 10–13.
4. Не везет: из-за чего таксисты Сочи протестовали против «Яндекс.Такси». URL: <https://www.rbc.ru/krasnodar/11/04/2018/5ace1faa9a7947783b462ad1> (дата обращения: 24.04.2024).
5. Профсоюз сообщил о забастовке курьеров Delivery Club. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/society/07/07/2020/5f048c0a9a79478e576333f7> (дата обращения: 24.04.2024).

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHT OF PLATFORM WORKERS TO ASSOCIATE

Chashtanova D.P.

Novosibirsk National Research State University

The article examines the problems of ensuring the right of platform workers to associate. An analysis of the issue under consideration is carried out using the example of foreign legal regulation. It is noted that in the Russian Federation, without establishing the appro-

ropriate legal status, the participation of such persons in legal social partnership procedures becomes impossible. At the same time, taking into account the production and professional interests that underlie labor relations and play a primary role in joining trade unions makes it possible to extend to certain categories of persons, including self-employed people working through platforms, the right to join trade unions for the purposes of representation and protection their social and labor rights and interests. It seems that this conclusion should be reflected in the current legislation by introducing appropriate changes.

Keywords: platform employment, social partnership, right of association, labor relations, trade unions, labor relations.

References

1. Berezhnov A. A., Voitkovskaya I.V., Vorontsov D.I. et al. Labor law: national and international dimension / ed. S. Yu. Golovina, N.L. Lyutova. M.: Normal. 2022. T. 2. 568 p.
2. The strike led to inspections. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4372121> (accessed on April 24, 2024).
3. Kotova S.I. Concept of labor employment: digital trade unions, the right to employment, absolute social security attitude / S.I. Kotova // Labor law in Russia and abroad. 2018. No. 2. P. 10–13.
4. No luck: why Sochi taxi drivers protested against Yandex. Taxi. URL: <https://www.rbc.ru/krasnodar/11/04/2018/5ace1faa9a7947783b462ad1> (accessed on April 24, 2024).
5. The union reported a strike by Delivery Club couriers. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/society/07/07/2020/5f048c0a9a79478e576333f7> (accessed on April 24, 2024).

Идентификация элементов сложноструктурных сделок в гражданском праве Российской Федерации

Щегунц Николай Горикович,

аспирант, кафедра «Гражданское право» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
E-mail: kmgm@mail.ru

В статье рассматриваются аспекты и проблемы, связанные с идентификацией элементов сложноструктурных сделок по гражданскому праву Российской Федерации и их влиянием на правоприменение, в том числе обеспечение прав и законных интересов субъектов гражданских отношений. Приводится понятие элементов гражданско-правового договора, обращается внимание на такие элементы, как стороны (субъекты) сделки и предмет договора, соответствующие ключевым элементам гражданского правоотношения. Выделяются типы сложноструктурных договоров по характеристикам элементного состава: сложноструктурные сделки с множественностью лиц и сложноструктурные сделки с гибридным предметом обязательств. Рассматривается специфика соответствующих элементов и конкретизируются проблемы их правового регулирования. Констатируется, что надлежащее обеспечение комплекса интересов всех лиц, участвующих в современных сложноструктурных сделках в российском гражданском праве, носит преимущественно фидуциарный характер. Обращается внимание, что «умные» контракты цифровой эпохи характеризуются еще более сложной структурой конструкции, объединяя положения, применимые к разнородным правоотношениям, в единой форме-структуре алгоритма, прописанного в цифровом протоколе. Делается вывод о необходимости развития правового регулирования единых соглашений, опосредующих сложноструктурные сделки, а также комплекса соответствующих договоров, на основе их объединения общими гражданско-правовыми интересами.

Ключевые слова: сложноструктурные сделки, гибридный предмет гражданско-правовых обязательств, цифровизация гражданских правоотношений, смарт-контракты.

Введение

В условиях дальнейшего усложнения гражданского оборота, в том числе в эру стремительной цифровизации общественных отношений, наблюдается все более широкое распространение сложноструктурных договоров, под которыми представляется целесообразным понимать двух- и многосторонние сделки, направленные на установление, изменение или прекращение сложной системы гражданских прав и обязанностей, и включающие в себя несколько элементов, каждый из которых является сделкой сам себе, но которые не могут обеспечить комплекс взаимосвязанных интересов сторон, будучи совершенными в качестве самостоятельных сделок в произвольной последовательности и без единых правил.

Отсутствие специального правового регулирования многочисленных аспектов, связанных с заключением и исполнением сложноструктурных договоров, единства в теории и правоприменительной практике по ключевым вопросам и проблемам в предметной области, обуславливают необходимость проведения новых исследований, результатом которых стало бы развитие комплекса научных представлений о сложноструктурных договорах и выработка рекомендаций по поводу совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики с приведением в соответствии с реалиями гражданского оборота.

В рамках настоящей публикации представляется целесообразным обратиться к рассмотрению юридического состава сложноструктурного договора, в частности, коснувшись аспектов, связанных с его элементами.

Основная часть (результаты и обсуждение)

Понятие и характеристики элементов гражданско-правового договора выступают одним из ключевых разделов классической и современной науки договорного права. Синтезируя массив существующих научных определений [1; 5; 7], под элементами договора в гражданском праве надлежит понимать составляющие соглашения между сторонами, которые определяют его содержание и юридическую значимость. Как известно, в теории гражданского права принято выделять нижеследующие элементы структуры договора: стороны договора (договор, как и всякая сделка с участием более одной стороны, представлен определенным составом), объект, предмет, форма, срок, цена, содержание договора и существенные условия договора (в чис-

ло которых, как правило, входят другие элементы, поименованные ранее).

Необходимо также обратить внимание на то, что единый подход к конкретизации элементов гражданско-правового договора в современной цивилистической теории отсутствует [4, с. 330]. На основе сравнительного анализа наиболее авторитетных позиций в предметной области могут быть выделены лишь те элементы, упоминание о которых встречается в подавляющем большинстве, или же во всех научных работах. Таковыми выступают, как правило, субъекты (стороны), объект (и/или предмет, которые нередко отождествляются), а также содержание договора. Приведенный набор элементов гражданско-правового договора отражает доминирующее в науке понимание его в первую очередь в качестве правоотношения, элементами которого теория и называет субъекты, объект и содержание [2, с. 6–77].

Специфика феномена сложноструктурных договоров заключается, собственно, в том, что конструкции, определяющие структуру таких сделок, имеют сложносоставной, сочетанный характер, в том числе не позволяющий однозначно классифицировать данный договор по элементному составу, кроме как констатировать сложный характер последнего. При этом важно учитывать, что, так или иначе, сложноструктурные договоры включают в себя сразу несколько правоотношений, в своей совокупности направленных на достижение единой или общих для разнородных субъектов целей и задач, отражающих их частные интересы.

Анализ юридической природы сложноструктурных договоров в современном гражданском праве позволяет выделить две их ключевые разновидности:

- сложноструктурные сделки с множественностью лиц;
- сложноструктурные сделки с гибридным предметом обязательств.

Каждая из указанных разновидностей относится к специфической характеристике элементного состава сложноструктурного договора (к характеристике сторон (субъектов) или предмета), одновременно детерминируя особенности содержания договора, в том числе его существенные условия.

Наличие множественности лиц (субъектов) в сложноструктурном договоре не означает автоматически разнородность опосредуемых им правоотношений. Однако, чтобы квалифицировать соответствующую сделку как сложноструктурную, важно, чтобы соответствующие обязательства не образовывали единое (унитарное) правоотношение, отличающееся лишь большим (свыше двух) числом лиц, представляющих одну или обе стороны договора. Так, скажем, договор купли-продажи, в котором покупателями или продавцами выступает два или более лица, не представляет собой комплекс правоотношений, а является единым правоотношением с общим предметом и ничем не отличающейся для разных лиц механизмом исполнения обязанностей и обеспечения прав. Таковую множе-

ственность представляется целесообразным назвать простой. Сложная множественность лиц характеризует специфическую структуру правоотношений, на реализацию которых направлены сложные сделки, нередко с гибридным предметом и поливариантностью выбора элементов договорного механизма правового регулирования. В качестве примера таковых может быть приведен комплекс договоров генерального подряда и субподряда, особенно в случае с наличием нескольких генподрядчиков и многими субподрядчиками, ответственными за определенный сегмент работ, но в целом формирующими единый результат, необходимый заказчику, которого, как правило, не интересуют частные результаты подрядной деятельности сами по себе.

Сложноструктурные договоры далеко не всегда представлены конструкцией, включающей основную и дополнительные (вспомогательные) сделки, в том числе предварительные соглашения и опционы, наличие которой позволяет говорить лишь о том, что данная конструкция может лишь рассматривать как договор, имеющий смешанный характер. Однако не каждый смешанный договор может быть квалифицирован как сложноструктурный, напротив, в юридической практике, за редкими исключениями, в том числе инновационных цифровых договоров – «умных» контрактов, сложноструктурные договоры представлены множеством отдельных соглашений, в том числе с отсутствием оснований рассматривать их положения в совокупности как единый договор при судебном разрешении юридических конфликтов.

Однако более сложной для практического разрешения (в том числе урегулирования спорных вопросов) представляется проблематика правового статуса субъектов сложноструктурного договора комплексного характера, который де-юре представляет собой набор связанных с различными правоотношениями разнородных прав и обязанностей, исполняемых последовательно, параллельно или иным образом, однако де-факто связанных единством цели всех участников множества сделки (так называемых зеркальных (меноподобных) договоров и договоров со встречным предоставлением тождественного характера).

Таковыми, например, выступают договоры купли-продажи и / или мены, дарения, на рынке недвижимости, которые нередко именуют комплексом встречных сделок. Неопределенность в регулировании и правоприменении в отношении подобных договоров связана, прежде всего, с юридической оценкой обязательств сторон по одному договору отчуждения недвижимого имущества в отношении сторон по другому соответствующему договору по цепочке сделок, с учетом, с одной стороны, того обстоятельства, что без надлежащего и своевременного исполнения обязательств *каждой* стороны по *каждому* договору, итоговый результат вступления в комплекс правоотношений, рассматриваемых как единое комплексное отношение, с высокой вероятностью не будет до-

стигнут (или же достигается частично, с различной степенью удовлетворенности сторон). При этом положение всех или некоторых сторон в результате нереализации цепочки соглашений по отчуждению недвижимости может ухудшиться в сравнении с тем, которое имело место на момент вступления в договорные отношения. С другой стороны, ввиду отсутствия надлежащего регулирования однородных сложноструктурных договоров в гражданском законодательстве страны (то есть договоров со сложным, смешанным составом лиц, однако с унитарным предметом по смыслу его правового регулирования), к регулированию соответствующих гражданско-правовых отношений применяются правила, относящиеся к конкретному договору купли-продажи (мены, дарения) недвижимого имущества, в то время как в юридическую квалификацию данной конкретной сделки действия (бездействия) сторон по другим аналогичным договорам входить не будут (в определенных случаях они могут признаваться третьей стороной по договору, однако требует применения крайне сложных юридических процедур, включая доказывание).

Сказанное может быть проиллюстрировано примером встречного исполнения по цепочке взаимосвязанных (единой целью) но де-юре самостоятельных договоров купли-продажи недвижимости. Представим самый простой случай двух договоров купли-продажи. По Договору № 1 Покупатель № 1 приобретает, а Продавец № 1 передает право собственности на Помещение № 1, получив за это обусловленную сумму вознаграждения. Которую, дополнив собственными средствами, направляет на приобретение другого Помещения № 2 по иному Договору № 2, в котором он сам будет выступать Покупателем № 2 в отношении Продавца № 2. Покупатели № 1 и № 2 объединены интересами улучшения жилищного положения, а Продавцы № 1 и № 2 – целями получения материальных средств в обмен на отчуждение своей собственности. Однако конечные интересы Продавца № 1, он же Покупатель № 2, не будут удовлетворены в случае исполнения лишь одного из двух договоров. Более того, срыв одной из сделок с высокой вероятностью повлечет за собой отказ соответствующей стороны от исполнения второй. Или может произойти следующая ситуация, когда Продавец № 1 после исполнения Договора № 1 останется лишь обладателем денежных средств, и если Продавец № 2 откажется от исполнения Договора № 2, этих средств может не хватить для приобретения другого аналогичного помещения, которое удовлетворяло бы изначальным запросам Продавца № 1, в особенности в условиях характерного для отечественного рынка недвижимости малопредсказуемого скачкообразного роста цен.

Сложное нетождественное встречное представление образует сложноструктурный меноподобный договор, в реальности опосредованный двумя договорами купли-продажи, к каждому из которых будут применяться правила, относящиеся к купле-продаже, а не к мене.

Гражданско-правовые риски в подобных ситуациях полноценно застраховать непросто. Безусловно, в Договоре № 2 могут быть предусмотрены серьезные последствия неисполнения обязательств Продавцом № 2, однако последний с высокой вероятностью просто откажется от заключения подобного договора, предпочтя невыгодному ему вступлению в комплекс встречных сделок менее рисковый «прямой» договор с другим покупателем, опосредующий линейные отношения. В результате фидуциарный характер большинства сложноструктурных сделок, совершаемых на практике, едва ли не презюмируется.

Неоднородность целей субъектов сложноструктурных отношений образует дополнительные затруднения в разрешении возможных споров. Для правоприменителя речь идет о трех самостоятельных сделках, каждая из которых направлена на достижение определенных целей и, собственно, их достижением по своему смыслу завершается, обеспечивая удовлетворенность интересов, опять же, каждой из сторон.

Похожие ситуации могут возникать и в некоторых других случаях существования, по сути, единых договоров сложноструктурного характера, обличенных в связи с требованиями действующего законодательства в цепочку взаимосвязанных сделок, в частности, опосредующих процедуры слияния или поглощения субъектов корпоративного права.

На категорию *гражданско-правовых интересов* в контексте идентификации сложноструктурных сделок представляется целесообразным обратить особое внимание. Под таковыми, опираясь на материалы релевантных исследований [3; 6; 9], надлежит понимать правомерные потребности и цели субъектов гражданского права, которые они могут достичь путем вступления в комплекс гражданско-правовых отношений, связанных с реализацией прав и исполнением обязанностей, включая приобретение, использование, распоряжение имуществом, получение доходов, защиту личных и имущественных прав и др. Гражданско-правовые интересы являются объектом защиты гражданского права и могут быть ограничены только в случаях, предусмотренных законом. Гражданско-правовые интересы не рассматриваются в теории как элементы гражданского правоотношения или договора, однако выступают тем самым цементирующим обстоятельством, наличие которых позволяет рассматривать множество сделок, зачастую разнородных и, как правило, не объединенных в тексте одного договора гражданско-правового характера, в качестве единой конструкции, именуемой сложноструктурной сделкой (сложноструктурным договором).

Что касается предмета сложноструктурного договора, то в данном случае также могут возникать определенные затруднения теоретического характера, связанные с разграничением смешанных и сложноструктурных договоров.

Гибридный предмет сложноструктурного договора – это предмет договора (системы или комплекса сделок, в том числе оформленных различными соглашениями), который состоит из нескольких различных элементов, объединенных в единую структуру, опосредованную общностью гражданско-правовых интересов, и имеющих различные правовые характеристики [8; 10]. Такой предмет может формироваться путем сочетания элементов разных видов договоров или же путем создания нового объекта правоотношений, который не является типичным для какого-либо вида договора. В таком случае гибридный предмет может быть охарактеризован как смешанный, состоящий из элементов различных видов договоров. Важно учитывать, что в соответствии с нормами действующего гражданского закона, к регулированию смешанных договоров применяются правила о договорах, элементы которых входят в смешанный договор (п. 3 ст. 421 ГК РФ). Однако выше говорилось по поводу неоднозначности соотношения понятий смешанного и сложноструктурного договора. Соответствующая проблематика требует самостоятельного исследования, однако очевидно, что тем смешанным договорам, которые усложнены дополнительными элементами, скажем, множественностью лиц, свойственны многочисленные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики в отношении сложноструктурных сделок в целом.

Гибридный предмет значительно усложняет квалификацию сложноструктурных сделок и правоприменение в сфере их заключения и исполнения. В соответствии с п. 4 ст. 421 ГК РФ стороны располагают значительной свободой усмотрения в определении условий договора. При этом указанная норма никак не ориентирует правоприменителя для разрешения конкретных споров по поводу уточнения норм законодательства, регулирующих нетипичные условия договоров, которые относятся к непоименованным сделкам, включая, прежде всего, относящиеся к предмету договора с высокой степенью гибридации. Исходя из особенностей предмета могут достаточно отчетливо вытекать, элементы каких конкретно гражданских договоров он в себе объединяет, однако выделить доминирующий может не представляться возможным, тем более что конкретные правила производства соответствующих действий нормативно не определены. Более того, положения той же ст. 421 ГК РФ о свободе договора применяются к каждой конкретной сделке, однако по поводу их применения к совокупности договоров также существует неопределенность. Нормативно не закреплены необходимые формулы для разрешения конфликтов между элементами самой сложноструктурной сделки, относящихся не просто к разным типам (видам) договоров, но также оформленным отдельными соглашениями.

Фактический состав участников и гибридный предмет детерминируют структуру сложноструктурного правоотношения, тем самым, влияя на со-

держание и существенные условия гражданско-правовых договоров, которые предлагается называть сложноструктурными. Универсальный подход в правовом регулировании, основанный на применении к конкретным правоотношениям норм, регулирующих правила о договорах, элементы которых входят в состав таких правоотношений, разрешает возможные неопределенности далеко не всегда. Во-первых, на практике могут возникать затруднения в четком определении того вида договора, элементы которого входят в состав сложноструктурной сделки. И, во-вторых, что подчас более важно, сама декомпозиция договора на элементы, фрагментация сделки противоречит общности целей и интересов участвующих сторон. Безусловно, даже в таких ситуациях не возникает полного вакуума в гражданско-правовом регулировании, прежде всего, благодаря его диспозитивности. Так, например к определению существенных условий любого договора могут применяться правила абзаца второго п. 1 ст. 432 НК РФ, позволяющего рассматривать в качестве существенных все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Однако на практике, в особенности за пределами корпоративной юриспруденции, качественно скомпоновать соответствующие аспекты и грамотно составить положения (заявления) о существенных условиях сложноструктурного гражданского договора, эффективно защитив интересы участвующих сторон и не породив новые неопределенности, понижающие защищенность таких интересов, исключительно сложно.

Тем самым, возникает еще один проблемный аспект, преимущественно теоретического характера, однако неизбежно выходящий в практическую плоскость по мере дальнейшего усложнения гражданско-правовых отношений, и особенно в условиях их цифровизации. Речь идет о целесообразности обеспечения унитарной формы – заключения единого документа, опосредующего весь набор сложноструктурных правоотношений, нацеленных на обеспечение общего интереса сторон. На сегодня конструкция сложноструктурного договора в большей степени является теоретической метафорой, которой номинируется набор договоров, объединенных общностью целей и интересов многочисленных сторон. Объединение таких договоров в единый документ требует применения сложных приемов с позиций юридической техники, включая необходимость привлечения высококвалифицированной юридической помощи, и по причине отсутствия специального регулирования таких договоров не обязательно повлечет за собой повышение состояния защищенности интересов всех участвующих лиц. Однако если специальное правовое регулирование подобных договоров все же будет предусмотрено в Гражданском кодексе РФ, то сопутствующие риски будут минимизированы, и многие проблемы правоприменения будут устранены.

Специальное правовое регулирование сложноструктурных договоров также представляется важным заделом на будущее, включая, прежде всего, стремительную институционализацию «умных», или смарт-контрактов, которые по своим характеристикам являются типичными сложноструктурными договорами – фактически, конструктором из множества элементов, относящихся к разным типам и видам договоров, с множественностью лиц и/или гибридным предметом, объединяемых при этом не только единством интересов всех сторон, определяющим содержание договора, но и единством формы – общий для всех участников сделки, единый протокол «умного» контракта, представляющий собой программный алгоритм. Единые сложноструктурные договоры нецифровой юриспруденции, тем самым, выступают инструментом поиска и апробации лучших механизмов гражданско-правового регулирования цифровой эпохи с высоко вероятным тотальным доминированием смарт-контрактов – сложноструктурных договоров со свободным комбинированием любых элементов гражданских правоотношений.

Заключение

Таким образом, ключевыми элементами сложноструктурных договоров по гражданскому праву Российской Федерации целесообразно назвать состав сторон (субъектный состав) и предмет договора. Каждый из указанных элементов имеет сложный характер, связанный с многоуровневостью либо множественностью субъектов, а равно как гибридизацией предмета, однако фактически представляет собой единое, пусть даже и крайне сложное, гражданско-правовое отношение, в основе которого находится общность интересов всех участвующих сторон. В условиях дальнейшего усложнения гражданско-правовых отношений и цифровизации гражданского оборота, на сегодня крайне важной задачей выступает переход к детальному правовому регулированию единых соглашений, опосредующих сложноструктурные сделки.

Литература

1. Анчишина Е.А. Форма гражданско-правового договора как его конститутивный элемент // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2015. – № 4. – С. 69–74.
2. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота. Сборник статей. Сер. «Анализ современного права». – М.: Статут, 2007. – С. 6–77.
3. Коваленко Е.Ю. Средства обеспечения интересов участников гражданско-правовых обязательств // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 129–131.
4. Наливайко Е. А. К проблеме, возникающей при раскрытии сущности элементов гражданского правоотношения // «Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика»: Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2023. – С. 330–334.
5. Прокопьев, А.Ю. Гражданские правоотношения: понятие, элементы и виды: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 177, [1] с.
6. Пьянкова А.Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография / А.Ф. Пьянкова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2014. – 244 с.
7. Серкова Ю.А. Срок как элемент юридической конструкции гражданско-правового договора // Казанская наука. – 2013. – № 8. – С. 102–104.
8. Цинпаева Ф. С., Атемова А.З. Гибридные способы организации сделки и гарантии специфических инвестиций // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2020. – 2020, Т. 35, вып. 2 (187). – С. 45–50.
9. Чепарина О. А., Кобчикова Е.В. Конфликт интересов в гражданско-правовых и иных отношениях с участием образовательных организаций // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 4. – С. 202–204.
10. Шигин М.Д. Цифровой предмет гражданских договоров // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4. – № 6. – С. 3411–3417.

IDENTIFICATION OF ELEMENTS OF COMPLEX STRUCTURAL TRANSACTIONS IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sheguns N.G.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines aspects and problems associated with the identification of elements of complex transactions under the civil law of the Russian Federation and their impact on law enforcement, including ensuring the rights and legitimate interests of subjects of civil relations. The concept of elements of a civil law contract is given, attention is drawn to such elements as the parties (subjects) of the transaction and the subject of the contract, corresponding to the key elements of the civil legal relationship. The types of complex structured contracts are distinguished according to the characteristics of their elemental composition: complex structured transactions with a plurality of persons and complex structured transactions with a hybrid subject of obligations. The specifics of the relevant elements are considered, and the problems of their legal regulation are specified. It is stated that proper provision of the complex of interests of all persons participating in modern complex transactions in Russian civil law is primarily of a fiduciary nature. Attention is drawn to the fact that “smart” contracts of the digital era are characterized by an even more complex design structure, combining provisions applicable to heterogeneous legal relations in a single form – the structure of an algorithm prescribed in the digital protocol. The conclusion is made about the need to develop legal regulation of unified agreements that mediate complex structural transactions, as well as a set of relevant agreements, based on their unification by common civil law interests.

Keywords: complex-structured transactions, civil obligations' hybrid subject, civil relations digitalization, smart-contracts.

References

1. Anchishina E.A. The form of a civil contract as its constitutive element // Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". – 2015. – No. 4. – P. 69–74.
2. Belov V.A. Object of subjective civil law, object of civil legal relationship and object of civil turnover: content and relationship of concepts // Objects of civil turnover. Digest of articles. Ser. "Analysis of modern law." – M.: Statute, 2007. – P. 6–77.
3. Kovalenko E. Yu. Means of ensuring the interests of participants in civil obligations // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2012. – No. 1. – pp. 129–131.
4. Nalivaiko E.A. On the problem that arises when revealing the essence of the elements of civil legal relations // "Modern problems of social, humanitarian and legal sciences: theory, methodology, practice": Materials of the XII International Scientific and Practical Conference. – Krasnodar: Federal State Budgetary Institution "Russian Energy Agency" of the Ministry of Energy of Russia Krasnodar CSTI-branch of the Federal State Budgetary Institution "REA" of the Ministry of Energy of Russia, 2023. – P. 330–334.
5. Prokopyev, A. Yu. Civil legal relations: concept, elements and types: monograph. – M.: Yurлитinform, 2016. – 177, [1] p.
6. Pyankova A.F. Ensuring a balance of interests in civil contracts: monograph / A.F. Pyankova; Perm. state national research univ. – Perm, 2014. – 244 p.
7. Serkova Yu.A. Term as an element of the legal structure of a civil contract // Kazan Science. – 2013. – No. 8. – P. 102–104.
8. Tsinpaeva F. S., Atemova A.Z. Hybrid methods of organizing a transaction and guaranteeing specific investments // Bulletin of the Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. – 2020. – 2020, T. 35, issue. 2 (187). – P. 45–50.
9. Cheparina O. A., Kobchikova E.V. Conflict of interests in civil law and other relations with the participation of educational organizations // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2014. – No. 4. – P. 202–204.
10. Shigin M.D. Digital subject of civil contracts // Stolypin Bulletin. – 2022. – T. 4. – No. 6. – P. 3411–3417.

Признаки субъекта международного преступления применительно к финансированию террористической деятельности

Горбунов Тимофей Дмитриевич,

магистрант направления «Юриспруденция», ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: t.gorbunov@g.nsu.ru

Шохова Валерия Александровна,

магистрант направления «Юриспруденция», ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: v.shokhova@g.nsu.ru

В статье рассматривается финансирование террористической деятельности и террористических сообществ в качестве преступления со стороны международного уголовного права. Авторы анализируют международные акты, посвященные вопросам терроризма и его финансирования. В статье рассматриваются научные концепции о критериях определения преступления в качестве международного. Авторы приходят к выводу, что основным критерием отнесения преступления к международному выступает не субъект преступления, а возможность распространения на те или иные деяния юрисдикции международных судов. В статье рассматривается вопрос о признаках субъекта международного преступления применительно к составу финансирования террористической деятельности. Авторами затрагиваются проблемы отсутствия в действующем международно-правовом регулировании механизмов по противодействию финансированию терроризма со стороны международного уголовного права и международных судов, а также предлагаются возможные варианты решения обнаруженных проблем.

Ключевые слова: терроризм, финансирование, финансирование терроризма, международное преступление, преступление международного характера, национальное преступление.

На сегодняшний день возрастает количество преступлений, совершение которых осуществляется организованной группой либо при поддержке третьих лиц по отношению к непосредственному исполнителю. В частности, к таким преступлениям против общественной безопасности относится террористический акт. В настоящий момент функционирование террористических объединений в целом, а также осуществление отдельных террористических актов происходит не только за счет средств, извлекаемых непосредственными членами террористического сообщества из их собственной деятельности, но и за счет финансирования со стороны третьих лиц, не входящих непосредственно в террористическое объединение. Более того, остро стоит вопрос тех случаев, когда террористическая деятельность (во всех ее проявлениях) осуществляется одновременно и организовано на территории нескольких государств или при активном участии граждан разных государств. В связи с этим представляется актуальным изучение вопроса об отнесении финансирования терроризма к категории международных преступлений и определение его места в международном уголовном праве.

В юридической доктрине нет единой позиции относительно того, к какой категории преступлений следует относить финансирование терроризма. Ряд авторов указывают на то, что финансирование терроризма следует рассматривать как международное преступление, отнесенное к юрисдикции международных судов [1, С. 97], другие настаивают на том, что данное общественно опасное деяние следует рассматривать в качестве преступления международного характера, то есть преступления с участием иностранного элемента [2, С. 149], третьи указывают на то, что данное деяние является исключительно национальным преступлением и подлежит оценке по законодательству каждого отдельного государства [3, С. 95], а четвертые говорят о том, что указанное преступление может быть отнесено к любой из вышеназванных категорий в каждом конкретном случае. Так, С.В. Мурадян в своей работе приводит позицию, исходя из которой в зависимости от субъекта, осуществляющего такое финансирование, рассматриваемое преступление может выступать в качестве международного преступления, преступления международного характера либо национального преступления [4, С. 223].

По мнению Мурадян С.В., отнесение финансирования терроризма к категории международных преступлений целесообразно в случаях, когда такое финансирование осуществляется со стороны государства, причем как для финансирования террористической деятельности лиц, непосредственно подчиненных данному государству, так и деятельности сторонних организаций. В качестве преступления международного характера автор рассматривает финансирование терроризма в случаях, когда преступление осложнено иностранным элементом (например, когда финансируется иностранная террористическая организация либо террористический акт, совершенный на территории другого государства либо иностранным лицом). При этом государство как самостоятельный субъект не принимает участие в финансировании терроризма. В качестве национального преступления финансирование терроризма может рассматриваться в случаях, когда финансирование происходит без участия государств и без участия иностранного элемента.

На наш взгляд, данная позиция представляет спорной. Мы считаем, что более обоснованным критерием отнесения преступлений к категории международных выступает не субъект, который совершает преступление, а факт признания общественно опасного деяния в качестве международного преступления международным сообществом, который подтверждается распространением юрисдикции международных судов с правом привлечения виновного к уголовной ответственности.

Так, например, терроризм был упомянут в качестве международного преступления в проекте Всеобъемлющей конвенции по борьбе с международным терроризмом [5], однако данная конвенция до сих пор не подписана ни одним государством в связи с дискуссией относительно определения понятия терроризма. В свою очередь, упоминание финансирования терроризма в качестве преступления в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма [6] не указывает на то, что оно рассматривается в качестве международного преступления, которое наказывается со стороны международного уголовного права. Так, данная конвенция лишь конкретизирует обязательства государств по противодействию терроризму как явлению и указывает на способы их взаимодействия между собой по вопросам противодействия. При этом указанная конвенция устанавливает единое понятие финансирования терроризма как преступления, признаваемое всеми государствами, которые подписали и ратифицировали конвенцию. На наш взгляд, унификация уголовно-правовой терминологии позволяет наиболее эффективно организовать совместную деятельность государств в области противодействия финансированию терроризма. Кроме того, в конвенции указывается, что государства самостоятельно привлекают лиц, совершивших рассматриваемое преступление, к уголовной ответственно-

сти в соответствии со своим национальным законодательством.

На сегодняшний день отсутствует международный суд, который распространяет свою юрисдикцию на терроризм или его финансирование. Так, в Римском статуте Международного уголовного суда упоминаются деяния, которые могли бы быть квалифицированы по законодательству Российской Федерации как террористический акт ввиду отсутствия более специализированных норм [7]. Однако по своей сути это деяния другого рода и со стороны указанного международного акта они не рассматриваются в качестве терроризма, а, следовательно, оказание содействия совершению данных деяний не может рассматриваться как финансирование терроризма. На наш взгляд, отдельные проявления терроризма и его финансирования могут по своей общественной опасности выступать в качестве международных преступлений, в связи с чем необходимо создание международных актов, предусматривающих возможность распространения юрисдикции международных судов на такие преступления.

Стоит отметить, что государства не рассматриваются в качестве субъектов, способных совершить международные преступления ни в теории международного уголовного права, ни в действующих международных актах. Более того, подчеркивается, что все международные преступления совершаются конкретными физическими лицами, и именно они подлежат привлечению к уголовной ответственности, что соответствует личному характеру уголовной ответственности.

Таким образом, можно говорить о том, что на данный момент финансирование терроризма не рассматривается в качестве международного преступления в мировом сообществе. На наш взгляд, это порождает множество проблем, связанных с квалификацией таких преступлений, когда их организация и финансирование происходит со стороны должностных лиц государств. В частности, осложняется процесс привлечения виновного лица к уголовной ответственности. В целях разрешения указанных проблем предлагается внесение изменений в Римский статут, в соответствии с которыми должны определяться критерии отнесения преступления к категории международных. Такие преступления должны быть отнесены к юрисдикции Международного уголовного суда в целях наиболее эффективной реализации механизмов привлечения к уголовной ответственности.

Литература

1. Иржанов А.С. О некоторых вопросах разработки проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2017. № 3 (48). – С. 96–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-razrabotki-proekta-vseobemlyuschey>

konventsii-o-mezhdunarodnom-terrorizme (дата обращения: 22.05.2024).

2. Маъруфчони В.Н. Причинный комплекс финансирования терроризма // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). – С. 148–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichinnyu-kompleks-finansirovaniya-terrorizma> (дата обращения: 22.05.2024).
3. Коновалова Е.В. Анализ финансирования терроризма как преступного деяния в российском уголовном праве // Московский юридический журнал. 2022. № 3. – С. 92–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansirovaniya-terrorizma-kak-prestupnogo-deyaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 22.05.2024).
4. Мурадян С.В. Финансирование терроризма как состав преступления по международному праву // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1 (9) – С. 221–228. URL: <https://сибиюи.мвд.рф/Наука/вестник-сибирского-юридического-института/вестник-сибиюи-мвд-рф/archive> (дата обращения 21.05.2024).
5. Проект Всеобъемлющей конвенция о международном терроризме URL: <https://www.un.org/> (дата обращения 21.05.2024).
6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 21.05.2024).
7. Римский статут Международного уголовного суда (Принят в г. Риме 17.07.1998 // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 21.05.2024).

SIGNS OF A SUBJECT OF AN INTERNATIONAL CRIME IN RELATION TO THE FINANCING OF TERRORIST ACTIVITIES

Gorbunov T.D., Shokhova V.A.
Novosibirsk State University

The article considers the financing of terrorist activities and terrorist communities as a crime under international criminal law. The authors analyze international acts on terrorism and its financing. The article discusses scientific concepts on the criteria for defining a crime as an international one. The authors conclude that the main criterion for classifying a crime as international is the subject of the crime and the possibility of extending the jurisdiction of international courts to certain acts. The article deals with the issue of the signs of the subject of an international crime in relation to the composition of the financing of terrorist activities. The authors address the problems of the absence of mechanisms in the current international legal regulation to counter the financing of terrorism by international criminal law and international courts, and also suggest possible solutions to the problems found.

Keywords: terrorism, financing, financing of terrorism, international crime, international crime, national crime.

References

1. Irzhanov A.S. On some issues of developing a draft comprehensive convention on international terrorism // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2017. No.3 (48). – pp. 96–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-razrabotki-proekta-vseobemlyushey-konventsii-o-mezhdunarodnom-terrorizme> (date of application: 05/22/2024).
2. Marufchoni V.N. The causal complex of terrorist financing // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No.2 (65). – pp. 148–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichinny-kompleks-finansirovaniya-terrorizma> (date of reference: 05/22/2024).
3. Konovalova E.V. Analysis of the financing of terrorism as a criminal act in Russian criminal law // Moscow Law Journal. 2022. No.3. – pp. 92–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansirovaniya-terrorizma-kak-prestupnogo-deyaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave> (date of application: 05/22/2024).
4. Muradyan S.V. Financing of terrorism as a crime under international law // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1 (9) – pp. 221–228. URL: <https://сибиюи.мвд.рф/Наука/вестник-сибирского-юридического-института/вестник-сибиюи-мвд-рф/archive> (accessed 05/21/2024).
5. Draft Comprehensive Convention on International Terrorism URL: <https://www.un.org/> (accessed 05/21/2024).
6. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (Concluded in New York on 12/9/1999) // URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 05/21/2024).
7. The Rome Statute of the International Criminal Court (Adopted in Rome on 17.07.1998 // URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 05/21/2024).

Реализация должностными лицами в ходе уголовно-процессуальной деятельности своих прав и обязанностей как способ обеспечения ее эффективности

Даровских Ольга Игоревна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: darovskikhoi@gmail.com

Даровских Светлана Михайловна,

доктор юридических наук, профессор, независимый исследователь
E-mail: darsvet@mail.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы связанные с порядком реализации должностными лицами судов и правоохранительных органов, предоставленных им прав и возложенных обязанностей и их влияние на обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Обосновывается, что на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой данными участниками, влияют различные обстоятельства и в том числе пробелы в законодательстве, ограничивающие возможности должностных лиц, правильность понимания сути предоставленных им прав и возможностей при выполнении обязанностей, а также качество проверки их деятельности вышестоящими должностными лицами, наделенными соответствующими правами. Обращено внимание на аспекты процессуальной деятельности, в рамках которых выводятся критерии, определяющие её эффективность. Обозначены правила оценки эффективности и выделены определенные моменты, позволяющие определять деятельность как эффективную.

Ключевые слова: права, обязанности, участники, должностные лица, уголовно-процессуальная деятельность, эффективность.

Достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности зависит от многих показателей и в том числе от правильной реализации законодательных норм должностными лицами правоохранительных органов, от добросовестного отношения их к своим обязанностям, от отсутствия злоупотребительного поведения со стороны данных лиц, а также от того насколько полноценно должностные лица, обеспечивающие судопроизводство, реализуют предоставленные им уголовно-процессуальным законом права.

Ученые по-разному подходят к определению понятия субъективных прав. Некоторые определения формулируются достаточно узко, что не позволяет выразить всю сущность данного правового явления. В более развернутых вариантах определений, например у Л.И. Глуховой [5] упущена весьма важная деталь, которую можно сформулировать таким образом: субъективное право не только принадлежит субъекту, но и реализация данного права зависит от воли этого субъекта.

Такой вывод позволяет сделать структура субъективного права, традиционно состоящая как определяется в науке из трех составляющих: права на собственные действия, право требования исполнения обязанностей, и право обжалования» [2, с. 65–66]. Практически соглашалась с высказанным мнением и Л.Н. Масленникова [13, с. 38–46], а также М.С. Строгович [16, с. 18]. А.С. Бондаревым структура представлена несколько иначе, по его мнению она включает в себя «...четыре правовые возможности: право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование...», при этом автор отмечает, что «..в статическом существовании субъективного права действительны все четыре элемента, а в динамическом – их может быть меньше» [3, с. 65–66], но при этом автор сохраняет в структуре и право поведения и право пользования. Полагаем, что данный подход наиболее полно и точно характеризует данную правовую категорию.

В механизме правового регулирования важная роль принадлежит также и реализации юридических обязанностей, под которыми понимается «установленное законом объективно необходимое и должное поведение, которому лицо должно следовать, осуществляя возложенные на него функции с учетом прав и законных интересов управомоченного, обеспеченное механизмом реализации и возложенной ответственностью» [1, с. 124]. Права должностных лиц нельзя рассматривать отдель-

но от их обязанностей, это взаимосвязанные и зависимые друг от друга категории.

Каждому участнику уголовного судопроизводства законодатель предоставляет достаточно обширные права в зависимости от его роли и участия в производстве расследования. Данный объем прав, предоставленных должностным лицам, в целом позволяет им как активно проявлять себя в рамках уголовно-процессуальной деятельности, так и принимать меры к отстаиванию своего мнения и своего решения в случаях если это необходимо.

Разумная реализация прав и обязанностей участниками процесса, позволяет обеспечить эффективное судопроизводство, под которым мы понимаем такую деятельность должностных лиц, которая осуществляется строго в рамках закона и охватывает такие аспекты, которые позволяют в каждом конкретном случае признавать достижение назначения уголовного судопроизводства.

Нами выделены следующие аспекты уголовно-процессуальной деятельности: правовой, процедурный, экономический и социальный.

Правовой аспект проявляется в том, что вся уголовно-процессуальная деятельность должна осуществляться только в рамках закона и обеспечивается соблюдением принципа законности всеми участвующими в процессе должностными лицами.

Технологический или процедурный аспект уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивается требованиями, которые предъявляются к деятельности она должна быть своевременна, осуществляться качественно, и проведена таким образом, что на основе полученных в результате ее проведения, доказательств, будет возможно принятие решения и доступна для всех участвующих в процессе лиц.

Экономический аспект, выделенный нами, основывается стремление законодателя максимально снизить затраты государства на производство предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в судах. Суть его заключается в том, что, как и любая человеческая деятельность, уголовно-процессуальная деятельность должна быть рациональна. Экономический аспект может проявляться в различных формах, начиная от примирения сторон и заканчивая совершением самых результативных действий.

И последний аспект, обеспечивающий эффективность уголовно-процессуальной деятельности социальный. Суть социального аспекта как нам представляется состоит в том, что общество заинтересовано не просто в уголовно-процессуальной деятельности, а в такой которую оно бы одобрило, и которая отвечала бы запросам справедливости, объективности и результативности.

При этом при определении эффективности мы считаем возможны применить одно из правил эффективности, разработанный итальянским социологом и экономистом Вильфредо Парето, который гласит, что «на получение результата оказывают

влияние не все, а только несколько значимых факторов» [11, с. 27].

Считаем, что данный принцип применим и при определении эффективности уголовно-процессуальной деятельности, но как мы полагаем, что выявленные критерии должны представлять все направления или аспекты уголовно-процессуальной деятельности, отсутствие хотя бы одно из них априори не позволяет говорить об её эффективности. Например, деятельность не всегда может быть признана экономичной, но при этом наличие прочих критериев позволяет признавать ее эффективной, например, производство в суде с участием присяжных заседателей, которое по всем параметрам временным, финансовым, моральным более затратно, чем рассмотрение дел в обычном режиме. В то же время излишнее увлечение обеспечением экономичности процесса приводит к обратным результатам, как это случилось с особым порядком принятия судебных решений при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Такой порядок весьма удобен как для должностных лиц, ведущих расследование и рассмотрение уголовных дел, так и для других участников, в результате это привело к тому, что в таком режиме стали рассматривать более 80% всех уголовных дел. Однако в отношении процессуальной деятельности, осуществляемой таким образом, сложно сказать, что она эффективна, поскольку невозможно вывести другие критерии, подтверждающие это ее качество.

Указанные аспекты уголовно-процессуальной деятельности и их содержательная часть достигаются не только и не всегда действиями должностных лиц, ответственных за проводимое в любой форме расследование и рассмотрение дел в суде. Эффективность обеспечивается так же действиями и решениями, которые принимают другие участники процесса. Безусловно их влияние на получение результата различно и плотно корреспондирует с их интересами, которые не совпадают с интересами должностных лиц, но правильная реализация предоставленных и гарантированных законом прав, а также добросовестное отношение к своим обязанностям обеспечивает достижение эффективности процессуальной деятельности.

Среди участвующих в уголовном судопроизводстве должностных лиц, от которых зависит эффективность процессуальной деятельности – это судья, прокурор, следователь и его непосредственный начальник (руководитель следственного органа), дознаватель и его непосредственное руководство (начальник подразделения дознания, начальник органа дознания). На эффективность уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой данными участниками, влияют различные обстоятельства и в том числе достаточность предоставленных им законом прав, правильность понимания сути предоставленных прав и правильность выполнения своих обязанностей, а также качественность проверки их деятельности вышестоящими должностными лицами, наделенными соответствующи-

ми правами для проведения судебного контроля, ведомственного контроля и прокурорского надзора. Поскольку объем статьи не позволит охватить все проблемы, связанные с реализацией прав указанных лиц, рассмотрим некоторые из них.

В отношении дефицита предоставляемых законом прав указанным лицам, следует заметить, что законодатель, достаточно часто, допустив определенный дисбаланс в соотношении прав и обязанностей, принимает меры к его устранению, например, столкнувшись с последствиями запрета судам, возвращать уголовные дела на доследование при установлении в ходе судебного разбирательства недостаточности доказательств для вынесения обвинительного приговора, в текст уголовного процессуального закона в 2013 году была введена норма, определяющая порядок возврат дела не на доследование, а для устранения препятствий рассмотрения уголовного дела в суде. Указанное право суда обеспечивает качество судебной деятельности, ее результативность, справедливость, объективность, достаточность и, бесспорно, законность, что и позволяет говорить об эффективности.

Еще на один момент деятельности суда хотелось бы вновь обратить внимание уже именно с оценкой эффективности производства. Полагаем, что вряд ли можно говорить об эффективности, если уголовное дело по существу и избрание меры пресечения осуществлял один и тот же состав суда. При таком подходе к вопросу повторного участия в процессе исключаются такие критерии эффективности как объективность, справедливость, качество, а также под сомнением и результативность деятельности и ее доступность.

Что касается лишения прокурора прав на совершение некоторых действий и принятия решений в рамках прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью, то данное решение законодателя неустанно подвергается критике. Убеждены что отстранение прокурора от текущего надзора влияет на признание уголовно-процессуальной деятельности эффективной. Например, на необходимость предоставления прокурору права возбуждения уголовных дел неоднократно обращали внимание многие ученые [4, 7, 8, 9, 14, 15], в том числе и авторы настоящей статьи. Отсутствие данного права влияет на достижение эффективности процессуальной деятельности, вынуждены констатировать отсутствие таких критериев как своевременность, качество, а также справедливость, объективность, результативность и экономичность, поскольку неоднократные и необоснованные отказы в возбуждении или необоснованные решения о возбуждении уголовных дел, затягивают принятие правильного решения, тем самым затрудняя расследование преступного деяния. Можно привести еще один пример, статья 37 УПК РФ не устанавливает сроки представления прокурору следователем материалов уголовного дела. Данное упущение затягивает процедуру прокурорской проверки жалобы либо за-

явления, поступившие в прокуратуру на действия и решения следователя, дознавателя, что не позволяет говорить о своевременности уголовно-процессуальной деятельности, её качественности, доступности, справедливости, объективности.

Считаем упущением законодателя и пробелом в реализации прав должностных лиц, участвующих в процессе, отсутствие в тексте закона такого понятия как «злоупотребление правом» или «недобросовестное использование своих полномочий». Считаем это серьезным пробелом, поскольку в доктрине сложилось достаточно устойчивое понимание данного феномена [6, 10, 12, 17], суды принимая решения, относительно ограничения сроков ознакомления с материалами уголовного дела либо протоколом судебного заседания, ссылаются на умышленное затягивание данного действия участником процесса, оценивая это как злоупотребление правами, с этим подходом согласен и Верховный Суд РФ который в Постановлении от 30 июня 2015 года № 29, высказал свое мнение по этому вопросу. Это позволяет с уверенностью утверждать о целесообразности введения в текст уголовно-процессуального закона данного понятия и определить его сущность и порядок применения.

Что касается понимания должностными лицами порядка реализации предоставленных им прав, то здесь многое зависит от изложенной в тексте закона формулировки соответствующего положения и его интерпретации.

Предоставление защитнику право на дачу в присутствии следователя, дознавателя кратких консультаций, создало у правоприменителей ситуацию, когда после заданного следователем вопроса, при проведении допроса, обвиняемый обращается к своему защитнику за консультацией, которая касается ответа на поставленный вопрос, а после получения ее, передает слово в слово полученный от защитника ответ. В такой ситуации, а она встречается достаточно часто, следователь не располагает возможностями ее исправить, и вряд ли указанная деятельность может быть признана эффективной.

В отношении правильности понимания должностными лицами сущности предоставленных им прав и обязанностей, значимую роль следует отнести Постановлениям и Определениям Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, которые и выстраивают единообразную практику применения уголовно-процессуальных норм. Данное направление деятельности высших судов России позволяет осуществлять уголовно-процессуальную деятельность весьма эффективно. Однако решения, принимаемые указанными Высшими судами России, должны быть продуманными и исключать ошибочной интерпретации спорных моментов процессуальной деятельности, как это случилось при определении сущности принципа состязательности, когда на протяжении нескольких лет Конституционный Суд РФ перманентно менял свое мнение о роли и участии суда в уголовном процессе.

Проверка деятельности вышестоящими должностными лицами, наделенными соответствующими правами для проведения судебного контроля, ведомственного контроля и прокурорского надзора также обеспечивает эффективность, так как в ее рамках выявляются и устраняются ошибки, нарушения, допущенные следственным аппаратом следственных органов. Объем прав, предоставленных должностным лицам, также влияет на обеспечение эффективности их деятельности. Например, надзирающему прокурору предоставлено только право последующего надзора, так как проверку он осуществляет после поступления к нему жалобы, заявления лица, ущемленного в своих правах. В такой ситуации предостеречь от нарушений лиц их допускающих, прокурор не может. Что безусловно не позволит признать осуществленную деятельность эффективной. Ранее реализуя предоставленные ему права, прокурор мог он появляться в процессе в любой момент и повлиять на его ход, а также обеспечить безукоризненное соблюдение законности. К тому же прокурорский надзор является более эффективным средством выявления нарушений и принятия мер по их устранению, нежели ведомственный контроль. Полагаем, что должностные лица, осуществляющие ведомственный контроль, заинтересованы в демонстрации хороших показателей своих ведомств поэтому, используя свои возможности, склонны допускать некоторые нарушения или не показывать их после устранения.

Таким образом, обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, складывается из нескольких направлений: достаточности предоставленных должностным лицам полномочий, правильность реализации предоставленных прав и выполнение возложенных обязанностей, а также осуществление результативного контроля и надзора со стороны органов и уполномоченных должностных лиц.

Литература

1. Андреева О.И. Установление процессуальных обязанностей и запретов на осуществление определенной деятельности как гарантия ограничения свободы поведения должностных лиц государственных органов в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. Сер. Право. – 2012. – № 357. – С. 121–125.
2. Бибило В.Н. Сущность субъективного права участников уголовного процесса // Право и демократия. Сборник научных трудов. – Минск, 2014. – С. 272–287.
3. Бондарев А.С. Правовая культура – фактор жизни права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 245 с.
4. Быков В.М., Колдин С.В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство): монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 286 с.
5. Глухова Л.И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 11. – С. 50–61.
6. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. – Челябинск, 2013. – 152 с.
7. Даровских О.И., Даровских С.М. Прокурор в уголовном судопроизводстве: монография. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 158 с.
8. Ережепалиев Д. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 83–87.
9. Зайцев С.П. Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве // Законность. – 2012. – № 8. – С. 3–6.
10. Калинкина Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. – 2010. – № 4. – С. 5–9.
11. Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 1 (27). – С. 21–28.
12. Колоколов Н.А. Статья 125 УПК РФ: злоупотребление правом на обжалование // Российский судья. – 2011. – № 5. – С. 28–35.
13. Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности-внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2018. – № 2 (42). – С. 28–46.
14. Мешков М., Гончар В. Новые нормы института возбуждения уголовного дела // Законность. – 2012. – № 5. – С. 45–48.
15. Ряполова Я.П. Процессуальные действия прокурора по надзору за законностью и обоснованностью действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2012. – № 14. – С. 8–11.
16. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Наука, 1966. – 252 с.
17. Федан М. Злоупотребление правом при применении отдельных тактических приемов в ходе проведения следственных действий // Мировой судья. – 2009. – № 11. – С. 14–18.

REALIZATION BY OFFICIALS OF THEIR RIGHTS AND RESPONSIBILITIES DURING CRIMINAL PROCEEDINGS AS A WAY TO ENSURE ITS EFFECTIVENESS

Darovskikh O.I., Darovskikh S.M.

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article examines problematic issues related to the procedure for the implementation by officials of law enforcement agencies and courts of the rights granted to them and assigned responsibilities and their impact on ensuring the effectiveness of criminal procedural activities. When determining the essence of efficiency, a system-

analytical method was used, which made it possible to highlight the most important aspects of criminal procedural activity: legal, technological or procedural, economic and social, and within their framework the criteria for effective activity: legality, timeliness, economy, objectivity, fairness, sufficiency, quality, effectiveness, accessibility. It has been established that the effectiveness of criminal procedural activities carried out by these participants is influenced by various circumstances, including gaps in the legislation limiting the capabilities of officials, the correct understanding of the essence of the rights granted and the fulfillment of their duties, as well as the quality of verification of their activities by higher-ranking officials authorized corresponding rights.

Keywords: rights, obligations, participants, officials, criminal procedural activity, efficiency.

References

1. Andreeva O.I. Establishment of procedural duties and prohibitions on the implementation of certain activities as a guarantee of restricting the freedom of behavior of government officials in criminal proceedings // *Bulletin of Tomsk State University. Ser. Right.* – 2012. – No. 357. – P. 121–125.
2. Bibilo V.N. The essence of the subjective right of participants in criminal proceedings // *Law and Democracy. Collection of scientific papers.* – Minsk, 2014. – P. 272–287.
3. Bondarev A.S. Legal culture is a factor in the life of law: monograph. – M.: Yurlitinform, 2012. – 245 p.
4. Bykov V.M., Koldin S.V. Protection of the rights of the victim in criminal proceedings in Russia (pre-trial proceedings): monograph. – M.: Yurlitinform, 2013. – 286 p.
5. Glukhova L.I. Subjective rights, fundamental rights, human rights: unity and differences // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Control. Right".* – 2019. – No. 11. – P. 50–61.
6. Darovskikh O.I. Abuse of law in criminal proceedings in Russia: monograph. – Chelyabinsk, 2013. – 152 p.
7. Darovskikh O.I., Darovskikh S.M. Prosecutor in criminal proceedings: monograph. – Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2020. – 158 p.
8. Erezhepaliev D. Powers of the prosecutor at the stage of initiating a criminal case // *Criminal law.* – 2011. – No. 4. – P. 83–87.
9. Zaitsev S.P. Current problems of protecting the rights of citizens in criminal proceedings // *Legality.* – 2012. – No. 8. – P. 3–6.
10. Kalinkina L.D. On the issue of abuse of rights and their unfair use in criminal proceedings // *Lawyer.* – 2010. – No. 4. – P. 5–9.
11. Kapinus O.S., Andreev B.V., Kazarina A. Kh. On the issue of methodology and methods for assessing the effectiveness of prosecutorial supervision // *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.* – 2012. – No. 1 (27). – pp. 21–28.
12. Kolokolov N.A. Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: abuse of the right to appeal // *Russian judge.* – 2011. – No. 5. – P. 28–35.
13. Maslennikova L.N. Subjective rights and legal obligations are intrasystem factors that determine trends in the development of criminal proceedings // *Bulletin of the University named after. O.E. Kutafina.* – 2018. – No. 2 (42). – P. 28–46.
14. Meshkov M., Gonchar V. New norms of the institution of initiating criminal proceedings // *Legality.* – 2012. – No. 5. – P. 45–48.
15. Ryapolova Y.P. Procedural actions of the prosecutor to supervise the legality and validity of actions and decisions at the stage of initiating a criminal case // *Russian investigator.* – 2012. – No. 14. – P. 8–11.
16. Strogovich M.S. Basic questions of Soviet socialist legality. – M.: Nauka, 1966. – 252 p.
17. Fedan M. Abuse of law when using certain tactics during investigative actions // *Justice of the Peace.* – 2009. – No. 11. – P. 14–18.

Признак принадлежности потерпевших к социальным группам в статье 282 УК РФ

Дроздов Илья Сергеевич,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О.Е. Кутафина
E-mail: ilya.drozhdov.97@inbox.ru

Уголовное законодательство России в современный период остро нуждается в доработке правовых норм, касающихся привлечения к ответственности за преступления экстремистской направленности.

Несмотря на такие положительные факторы, как принятие Федерального закона от 2002 года, направленного на борьбу с экстремизмом, а также принятие высшей судебной инстанцией Постановления о судебной практике по данной категории уголовных дел от 2011 года, правоприменение все еще сталкивается с нерешенными вопросами, требующими уточнения и возможных поправок в закон.

Важнейшей проблемой, оставшейся без однозначного решения, является вопрос определения того, к каким социальным группам следует относить лиц в контексте статьи 282 УК РФ. Мы считаем, что проблему неоднозначности и противоречивого интерпретирования этого понятия можно было бы решить его удалением из законодательного регулирования.

Ключевые слова: уголовное законодательство, законодательство зарубежных стран, правоприменение, преступления экстремистской направленности, возбуждение ненависти либо вражды, социальные группы.

В рамках российского уголовного права категорически преследуются любые проявления, способствующие разжиганию агрессии или неприязни, включая акты, порочащие честь и достоинство лиц по ряду отличительных признаков. Статья 282 УК РФ говорит о таких квалификационных признаках, как пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, а также принадлежность лица к какой-либо социальной группе.

Основная сложность в связи с этим заключается в отсутствии в законе четкого определения понятия «социальная группа», либо критериев, по которым ее можно определить. Это приводит к трудностям при квалификации деяний по статье 282 УК РФ, поскольку у правоприменителя нет ясности относительно того, какая именно часть населения может считаться пострадавшей от преступления группой лиц.

Ученые стремятся устранить эту правовую неопределенность, предлагая свои толкования данного понятия [7], но их мнения порой существенно различаются друг о друга и носят лишь теоретический характер, так как в настоящее время они не нашли какого-либо воспроизведения в официальных источниках. Таким образом, у правоприменителей отсутствуют конкретные методические указания и нормативно-правовые акты для опоры и ориентира в своей деятельности.

Недостаточно определенные категории в законодательстве далеко не всегда вызывают сложности на практике, однако необходимо четко понимать, когда такая неопределенность имеет критический характер. Неопределенность понятия «социальная группа» выступает ярким примером проблемы на практике, и заслуживает отдельного рассмотрения, а также сравнения с конструкциями и понятиями иностранных правовых систем.

Ряд исследователей утверждают, что в рамках толкования статьи 282 УК РФ, под социальной группой следует понимать совокупности индивидов, связанных общим социальным признаком. Они указывают, что в категорию социальных групп могут входить даже те, кто причастен к незаконной или социально вредной активности [3; 5]. Такая интерпретация, как видится, в сильной степени смешивает отечественное уголовное законодательство с немецким, которое будет рассмотрено ниже.

Следует подчеркнуть, что Верховный Суд Российской Федерации разделяет точку зрения авторов. Так, в контексте анализа одного из дел, рассматривая вопрос о правомерности преследования лица за действия, квалифицируемые согласно пункту «б» части первой статьи 213 УК РФ, он

выразил позицию о том, что преступные действия могут быть осуществлены против «любой социальной группы, образуемой на основе взаимоотношений между людьми, упорядоченных как формальными правилами, так и неформальными нормами поведения». При обжаловании приговора нижестоящего суда защита утверждала, что панки, как представители антисоциальных групп, не могут рассматриваться в качестве потерпевших от хулиганства. Однако Верховный Суд подчеркнул, что любая группа лиц может считаться социальной, даже если ее члены открыто противопоставляют себя большинству представителей общества и таким образом формируют антисоциальную объединение¹. Мы не считаем данную точку зрения обоснованной, поскольку она не находит подтверждения в действующем нормативно-правовом регулировании.

Основополагающим документом, регламентирующим принципы равенства, служит Конституция Российской Федерации. В частности, статья 19 Конституции закрепляет обязательства по защите прав и свобод человека и гражданина от дискриминации по признакам пола, расы, национальности и другим характеристикам. Этот список является неограниченным, и подразумевает обширное поле для государственного обеспечения и защиты равных прав и свобод граждан.

Тем не менее, закон ограничивает право граждан на участие в антиобщественной деятельности, и, как следствие, мы считаем несостоятельными попытки применения уголовно-правовой защиты к группам, действия которых противоречат социальным нормам, так как это неоправданно расширяет сферу действия уголовного права и делает его применение беспредельным.

Аналогичные взгляды были выражены П.В. Агатовым [1] и Д.И. Леньшиным [6], которые отмечали, что члены определенных социальных групп обязаны заниматься такой деятельностью, которая не находится в конфликте с нормами действующего законодательства. В данном контексте, авторы предложили принцип классификации групп людей как социальных групп с учетом уголовного законодательства на основе их вовлеченности в законную деятельность.

С.В. Борисов, выступая в защиту указанной позиции, подчеркнул, что в отсутствие ясности, широкий спектр действий, направленных на борьбу с антисоциальными проявлениями, рискует быть классифицирован как деяния, имеющие экстремистский характер [2].

Формулировки, аналогичные заложенным в российское законодательство, прослеживаются в юридических системах многих стран мира. Например, статья 130 Уголовного кодекса Германии устанавливает ответственность за возбуждение ненависти на основе национальности, расы, вероисповедания, этнической принадлежности, или отношения к определенной части населения [4].

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.07.2011 г. № 8-О11-10 // СПС «КонсультантПлюс»

Конструкция данной нормы сильно напоминает изложенную в российском законодательстве. Сама же норма, так же как и статья 282 УК РФ, имеет неограниченный круг лиц, в отношении которых может быть совершено преступное деяние, в связи с использованием формулировки «или отношения к определенной части населения».

Термин «часть населения» представляет собой еще более широкую категорию по сравнению с российским понятием «социальная группа», имея меньший потенциал для развития теоретических концепций.

В комментарии к закону указано, что под «частью населения» могут подразумеваться различные группы, включая политические организации, работодателей и работников, представителей капитала и безработных, панков, государственных служащих, а также лиц с ограниченными возможностями [4].

В качестве примера, иллюстрирующего концепцию правовой определенности на законодательном уровне, можно рассмотреть уголовное законодательство Канады. Согласно положениям статьи 319 Уголовного кодекса страны, лицо, которое делает публичные заявления, способствующие возникновению антипатии или вражды против идентифицируемой группы, обладающей определенными характеристиками, может быть признано виновным в преступлении, если его действия способны подвергнуть опасности общественный порядок².

В данном контексте термин «идентифицируемая группа» получает четкую формулировку в законе, что оценивается с положительной стороны. К группе относятся люди, которые ассоциируют себя как группа на основе таких характеристик, как цвет кожи, принадлежность к определенной расе или этносу, религиозные убеждения либо сексуальная ориентация. С такой четкостью в определении понятия группы, в отношении которой может быть совершено преступное деяние, правоприменителям должно быть гораздо проще осуществлять свою деятельность.

Наличие в отечественном уголовном законодательстве формулировки, предусматривающей возможность совершения преступных действий против любой социальной группы, значительно стирает различие между простым оскорблением, предусмотренным статьей 5.61 Кодекса об административных правонарушениях РФ, которое теперь может быть адресовано неопределенной группе лиц, и уголовным преступлением, квалифицируемым как экстремизм согласно статье 282 УК РФ.

Мы полагаем, что убрать из текста статьи 282 УК РФ спорную формулировку было бы весьма целесообразно. Ответственность должна наступать за разжигание ненависти или вражды и унижение человеческого достоинства на основании ясно определенных критериев, согласно успешным практикам зарубежных государств. В качестве наполнения данного списка характеристик лиц, влия-

² URL: Criminal Code (R.S., 1985, c. C-46 s. 319) // <http://laws.justice.gc.ca/en/C-46> (дата обращения: 02.04.2024)

ющих на привлечение к ответственности за разжигание ненависти, вражды и унижение человеческого достоинства, стоит рассмотреть такие признаки, как инвалидность лица или же наличие у него тяжелых заболеваний.

Показательно в подтверждение «каучуковости» данного понятия будет приведение практики международных судов. Так, по делу С. Терентьева против Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека Судом было указано на недостаточное обоснование правоприменительными органами при квалификации деяния подателя жалобы как преступного необходимости дополнительной защиты для такой категории лиц, как сотрудники милиции¹.

Это решение Европейского Суда, как нам видится, имеет фундаментальное значение для понимания проблем, существующих на практике, поскольку подчеркивает, что для применения статьи 282 УК РФ недостаточно простого выделения определенной социальной группы в качестве объекта уголовно-правовой защиты. Важно представить аргументацию, подкрепляющую необходимость такой защиты, например, уязвимость группы.

Когда мы говорим о таких критериях, объединяющих лиц в определенные социальные группы, как их профессиональная специализация или занимаемая ими должность, следует отметить, что Конституция Российской Федерации закрепляет за гражданами свободу выбора трудовой деятельности и сферы профессиональной реализации.

Однако отнесение лиц к социальным группам на основании лишь их профессии либо должностного положения в рамках статьи 282 УК РФ видится недопустимым. Как уже подчеркивалось, необходимо аргументировать необходимость особой защиты категорий граждан, что, как показывает практика, крайне сложно, в связи с чем возникают обоснованные сомнения относительно имеющих в нынешнем законодательстве формулировок.

Основываясь на представленных доводах, можем заключить, что в текущем виде статья 282 УК РФ предоставляет правоприменителям излишне широкое поле для интерпретации. Такая ситуация подрывает способность уголовно-правовой нормы адекватно выполнять возложенные на нее задачи и влечет за собой неясность, неопределенность и непредсказуемость правоприменительной деятельности. Перечень лиц, в отношении которых может быть совершено рассматриваемое преступление, в этой связи должен быть закрытым, но не должна исключаться возможность его дополнения.

Литература

1. Агапов П.В. Проблемы противодействия террористической и экстремистской деятельности (уголовно-политический аспект) // Ак-

¹ См.: Постановление Европейского Суда от 28 августа 2018 г. по делу «Савва Терентьев против Российской Федерации» (№ 10692/09) URL: <https://european-court-help.ru/delo-10692-09-savva-terentev-protiv-rossii/> (дата обращения: 04.04.2024 г.)

туальные проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права: Сборник статей по материалам межвузовской научно-практической конференции 16 марта 2011 г. СПб.: НОУ СЮА, 2011. С. 141–147.

2. Борисов С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4–9.
3. Велиев Ф.З. Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. – 29 с.
4. Головненков П.В. Уголовное уложение федеративной республики Германия – *Strafgesetzbuch (StGB)*. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2021. – 492 с.
5. Мелешко Д.М. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 35–36.
6. Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 24 с.
7. Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С. 74–81.

SIGN OF THE VICTIMS' BELONGING TO SOCIAL GROUPS UNDER ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Drozdov I.S.

Moscow State Law University (MSAL) named after. O.E. Kutafina

Russian criminal legislation in the modern period is in urgent need of improvement of legal norms related to prosecution for extremist crimes.

Despite such positive factors as the adoption of the Federal Law of 2002 aimed at combating extremism, as well as the adoption by the highest court of the Resolution on judicial practice in this category of criminal cases of 2011, law enforcement still faces unresolved issues that require clarification and possible amendments to the law. The most important problem that remains without an unambiguous solution is the issue of determining to which social groups persons should be classified in the context of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. We believe that the problem of ambiguity and contradictory interpretation of this concept could be solved by its removal from the legislative regulation.

Keywords: criminal legislation, legislation of foreign countries, law enforcement, extremist crimes, incitement to hatred or enmity, social groups.

References

1. Agapov P.V. Problems of countering terrorist and extremist activities (criminal-political aspect) // Current problems of criminal and penal law: Collection of articles based on the materials of the interuniversity scientific and practical conference on March 16, 2011. SPb.: NEI SLA. 2011. pp. 141–147.
2. Borisov S.V. The problems of identification of content and correlation of motives in the course of classification of extremist crimes // Criminal law. 2013. № 6. pp. 4–9.
3. Veliyev F.Z. The motive of hatred or enmity and its criminal legal significance: abstract dis. ...cand. legal the science. M. 2015. – 29 p.

4. Golovnenkov P.V. The criminal code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB). Scientific and practical commentary and translation of the text of the law. 2021. – 492 p.
5. Meleshko D.M. Controversial issues of qualification of crimes on motives of hatred or enmity against a social group // Russian justice. 2018. № 1. pp. 35–36.
6. Lenshin D.I. Crimes of an extremist nature in the criminal law of the Russian Federation: abstract dis. ...cand. legal the science. M. 2011. – 24 p.
7. Khlebushkin A.G. Establishing the features of a social group in classification of extremist crimes: theory and judicial practice// Criminal law. 2013. № 6. pp. 74–81.

Критерии возмещения морального вреда и вреда деловой репутации в уголовном судопроизводстве

Ковалева Анна Валерьевна,

соискатель кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
E-mail: ryabova18@mail.ru

В статье проведен анализ условий и критериев возмещения морального вреда и вреда деловой репутации в уголовном судопроизводстве. Отмечается, что в законодательстве и правоприменительной практике России категория моральный вред начала применяться сравнительно недавно. Также возмещение вреда деловой репутации, является относительно «молодым» институтом российского законодательства. Недостаточность исторического опыта возмещения морального вреда и вреда деловой репутации порождает ряд проблем, среди которых особое внимание уделяется отсутствию единой методики определения критериев и размера возмещения морального вреда. Сформулирован вывод о том, что безусловному учету должны подлежать следующие критерии: страдания, как последствия посягательства на нематериальные блага или нарушения личных неимущественных прав; неправомерное деяние причинителя вреда; причинная связь между неправомерным деянием и вредом; вина причинителя вреда. В законодательстве достаточно много норм, где условия, критерии, порядок, форма компенсации вреда часто пересекаются, а значит требуются единые стандарты компенсации морального вреда и вреда деловой репутации, хотя без сомнения и с учетом их особенностей.

Ключевые слова: уголовный процесс, физическое лицо, юридическое лицо, физический вред, нравственные страдания, гражданский иск, моральный вред, вред деловой репутации, компенсация вреда, условия возмещения вреда, критерии возмещения вреда.

В статье 52 Конституции Российской Федерации за государством закреплена обязанность, которая заключается в предоставлении потерпевшему от преступления компенсации материального ущерба и возмещению морального вреда [1].

Декларацией основных международных принципов правосудия [2], также гарантируется подобная защита прав пострадавших от преступлений и злоупотребления властью. Для реализации данного положения предполагалось создание, укрепление и расширение всех национальных фондов возмещения подобного вреда в тех случаях, когда по каким-либо причинам это сделать невозможно.

Защита прав и законных интересов граждан и организаций, которым причинен вред преступлением, предусмотрена также в ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3], что является бесценным аспектом для восстановления нарушенных прав и интересов потерпевших.

В законодательстве и правоприменительной практике России категория моральный вред начала применяться сравнительно недавно, а именно с момента принятия Закон СССР от 12 июня 1990 г. [4]

Ранее нами обосновывался тезис о том, что требуется выработка «единых подходов в уголовно-процессуальном законодательстве применительно к возмещению морального вреда и вреда деловой репутации» [5, С. 180–184] исходя, в числе прочего, что и тот и другой вред относится к разряду нематериального вреда.

Схожесть двух институтов наблюдается и точки зрения ретроспективы становления и развития, поскольку, возмещение вреда деловой репутации, также, как и возмещение морального вреда является относительно «молодым» институтом российского законодательства, история которого связана с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации [6], а именно ст. 152, где регламентированы положения о компенсации репутационного вреда.

Закрепление на законодательном уровне понятий «моральный вред» и «вред деловой репутации» в значительной степени повысило интерес к изучению института компенсации морального вреда. С этого времени проведен ряд исследований, посвященных изучению вопросов защиты неимущественных прав и нематериальных благ, анализа сущности морального вреда, вреда деловой репутации, способах и процедуре его компенсации, исследования доказательств и доказывания морального вреда, вреда деловой репутации [7, 8, 9, 10, 11].

В то же время недостаточность богатого исторического опыта возмещения морального вреда и вреда деловой репутации порождает ряд проблем, среди которых можно выделить, во-первых, отсутствие универсального законодательного, теоретического и правоприменительного подхода к вопросам возмещения морального вреда и вреда деловой репутации; во-вторых, размытость и неоднозначность в вопросах определения условий и размера возмещения морального вреда, а также его критериев.

Если на первую из обозначенных проблем нами ранее была предпринята попытка дать ответ [5, С. 180–184], то относительно других проблем считаем, что с целью повышения уровня справедливости и определения соразмерности компенсации степени причиненного потерпевшему морального вреда целесообразно установить на уровне уголовно-процессуального законодательства определенные критерии с указанием конкретных сумм. Это позволит избежать коллизий в правоприменительной практике и добиться максимально равных сумм компенсации по аналогичным искам.

По результатам проведенного нами социологического исследования, а именно опроса 380 практических работников в 18 субъектах РФ на вопрос «Что включает в себя термин «моральный вред?» ответили «Страдания, вызванные действиями, нарушающими личные неимущественные права, а также в других случаях, предусмотренных законом» 137 (36%) опрошенных; «Страдания, вызванные действиями, посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага (жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, деловая репутация и др.» – 262 (69%) опрошенных.

На вопрос «При наличии каких условий моральный вред подлежит компенсации?» ответы распределились следующим образом: Страдания, как последствия посягательства на нематериальные блага или нарушения личных неимущественных прав – 179 (47%); Неправомерное действие (бездействие) причинителя вреда – 125 (33%); Причинная связь между неправомерным действием (бездействием) и моральным вредом – 213 (56%); Вина причинителя вреда – 148 (39%)¹.

Понятие «моральный вред» неразрывно связано с категорией «нравственные страдания». Пленум Верховного Суда РФ определяя нравственные страдания выделяет ряд критериев, связанных с психоэмоциональным состоянием [12].

Отмеченные страдания могут быть вызваны:

а) посягательством на высшие человеческие ценности: жизнь, свободу и здоровье самого потерпевшего или его близких;

б) нарушением права лица на свободное беспрепятственное передвижение, проживание там, где ему хочется, а также противоправное лишение свободы или удержание против воли потерпевшего в месте, где ему быть не хочется;

в) причинение каких-либо ран и увечий;

¹ Ответы на вопросы предполагали несколько вариантов.

г) раскрытием информации, относимой к категории тайны;

д) распространением сведений клеветнического или оскорбительного характера и др.

Не стоит забывать о ситуациях, при которых душевные страдания причиняются действиями правоохранительных структур:

а) осуждение лица, не виновного в совершении преступления или с нарушением закона;

б) привлечение к ответственности в рамках уголовного дела лица, не совершавшего противоправный поступок;

в) незаконное лишение человека права на свободное передвижение и ограничение его свободы в соответствии с избранными мерами пресечения (заключение под стражу, равно как подписка о невыезде, домашний арест);

г) незаконное привлечение к административной ответственности в том случае, когда мерой наказания были избраны арест или исправительные работы.

Также, компенсацию морального вреда можно требовать в случаях, когда лицо испытывало душевные страдания от того, что потеряло работу и основной доход, не может в дальнейшем активно участвовать в общественной жизни и в ряде других ситуаций.

В этом отношении интерес представляет позиция М.М. Онищука, который применительно к незаконному осуждению предлагает конкретную «пилотную формулу расчета компенсаций жертвам правоприменительных ошибок, адаптированную к случаям необоснованного осуждения виновных к лишению свободы» [13, С. 7–8].

Таким образом, определение размера возмещения морального вреда, в уголовном судопроизводстве является одной из неразрешенных на сегодняшний день проблем.

Безусловному учету должны подлежать следующие критерии: страдания, как последствия посягательства на нематериальные блага или нарушения личных неимущественных прав; неправомерное деяние причинителя вреда; причинная связь между неправомерным деянием и вредом; вина причинителя вреда.

Что касается определения критериев и размера компенсации вреда деловой репутации, следует отметить, что в определенных случаях в законодательстве и судебной практике в настоящее время существует аналогичный подход, как и в случае с моральным вредом, по отношению к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность и индивидуальным предпринимателям. В вышеупомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ в частности отмечается, что для таких лиц не исключена возможность добиваться компенсации морального вреда [12]. Хотя в этом же постановлении приводится положение ст. 152 ГК РФ, которым разводятся правила компенсации морального вреда и вреда деловой репутации для указанных лиц.

Между тем следует отметить, что существует отдельная категория дел о защите чести, достоинства и, что важно, деловой репутации. К этой категории дел законодатель применяет термин «компенсации морального вреда».

В этом отношении правы авторы, считающие, что правила компенсации вреда деловой репутации должны выстраиваться на условиях и по правилам компенсации морального вреда физическому лицу [14. С. 18].

По нашему мнению, следует согласиться с тем, что «нарушение личных неимущественных прав и благ юридического лица распространением сведений, порочащих его деловую репутацию, доброе имя, а равно иным способом, подрывающим деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации на условиях возмещения морального вреда гражданину». Умаление деловой репутации юридического лица, неопределенность в планировании его дальнейшей деятельности, препятствия в управлении им, неудобства и беспокойства, причиненные членам его руководства, влекут или могут повлечь, в свою очередь, возникновение материальных убытков

Другими словами, если мы и говорим о разности подходов к компенсации морального вреда и вреда деловой репутации, то все же в законодательстве достаточно много норм, где условия, критерии, порядок, форма компенсации вреда часто пересекаются, а значит требуются единые стандарты компенсации морального вреда и вреда деловой репутации, хотя без сомнения и с учетом их особенностей.

Кроме того, необходимо заметить, что, как справедливо отмечает С.С. Шишкин, преступления, направленные против юридических лиц всегда имеют корыстный характер [15, С. 99], что, на наш взгляд, не исключает причинения вреда деловой репутации, а также причинения физических страданий лицам, имеющим отношение к данному юридическому лицу (владельцам, работникам и др.).

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

1. С целью повышения уровня справедливости и определения соразмерности компенсации степени причиненного потерпевшему морального вреда целесообразно установить на уровне уголовно-процессуального законодательства определенные критерии с указанием конкретных сумм. Это позволит избежать коллизий в правоприменительной практике и добиться максимально равных сумм компенсации по аналогичным искам.
2. Нравственные страдания могут быть вызваны:
  - а) посягательством на высшие человеческие ценности: жизнь, свободу и здоровье самого потерпевшего или его близких;
  - б) нарушением права лица на свободное беспрепятственное передвижение, проживание там, где ему хочется, а также противоправное лишение свободы или удержание против воли потерпевшего в месте, где ему быть не хочется;

в) причинение каких-либо ран и увечий;
г) раскрытием информации, относимой к категории тайны;

д) распространением сведений клеветнического или оскорбительного характера и др.

3. Если и говорить о разности подходов к компенсации морального вреда и вреда деловой репутации, то все же в законодательстве достаточно много норм, где условия, критерии, порядок, форма компенсации вреда часто пересекаются, а значит требуются единые стандарты компенсации морального вреда и вреда деловой репутации, хотя без сомнения и с учетом их особенностей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года // Официальный сайт ООН. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения 24.02.2024 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
4. О печати и других средствах массовой информации: Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-1 // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 372–1.
5. Ковалева А.В. Сопоставление правового регулирования возмещения морального вреда и вреда деловой репутации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2024. № 1.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Владимирова В.В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004.
8. Кривошеков Н.В. Моральный вред, устанавливаемый в ходе производства по уголовному делу (на стадии предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
9. Куркина Н.В. Гражданский иск о компенсации морального вреда в уголовном деле: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
10. Олефиренко С.П. Доказывание морального вреда и вреда, причиненного деловой репутации юридического лица, в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.

11. Зверева Ю.Н. Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015.
12. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 // <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-15112022-n-33/>
13. Онищук М.М. Феномен ошибки в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024.
14. Шичанин А.В. Проблемы становления и перспективы развития института возмещения морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
15. Шишкин С.С. О Возмещении ущерба юридическому лицу в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2010. № 1.

CRITERIA FOR COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE AND DAMAGE TO BUSINESS REPUTATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kovaleva A.V.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

The article analyzes the conditions and criteria for compensation for moral damage and damage to business reputation in criminal proceedings. It is noted that in the legislation and law enforcement practice of Russia, the category of moral harm began to be applied relatively recently. Compensation for damage to business reputation is a relatively “young” institution of Russian legislation. The lack of historical experience of compensation for moral damage and damage to business reputation gives rise to a number of problems, among which special attention is paid to the lack of a unified methodology for determining the criteria and amount of compensation for moral damage. The conclusion is formulated that the following criteria should be unconditionally taken into account: suffering as a consequence of encroachment on intangible benefits or violation of personal non-property rights; unlawful act of the harmer; causal relationship between the unlawful act and harm; guilt of the harmer. There are quite a lot of norms in the legislation, where the conditions, criteria, procedure, and form of compensation for harm often overlap, which means that uniform standards for compensation for moral damage and damage to business reputation are required, although no doubt taking into account their peculiarities.

Keywords: criminal proceedings, an individual, a legal entity, physical harm, moral suffering, civil action, moral harm, damage to busi-

ness reputation, compensation for harm, terms of compensation for harm, criteria for compensation for harm.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4th.
2. Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power. Adopted by UN General Assembly Resolution 40/34 of November 29, 1985 // Official UN website. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (accessed 02/24/2024).
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 04/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921.
4. On the press and other mass media: Law of the USSR of June 12, 1990 No. 1552–1 // Code of Laws of the USSR. 1990. Vol. 1. pp. 372–1.
5. Kovaleva A.V. Comparison of the legal regulation of compensation for moral damage and damage to business reputation in criminal proceedings // Legal science. 2024. № 1.
6. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on 03/11/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. St. 3301.
7. Vladimirova V.V. Compensation for moral damage – a measure of rehabilitation of the victim in the Russian criminal process: dis. ... cand. jurid. sciences. Saransk, 2004.
8. Krivoshchekov N.V. Moral damage established in the course of criminal proceedings (at the stage of preliminary investigation): dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnoyarsk, 2004.
9. Kurkina N.V. Civil claim for compensation for moral damage in a criminal case: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2004.
10. Olefirenko S.P. Proving moral harm and harm caused to the business reputation of a legal entity in criminal proceedings: dis. ... cand. jurid. sciences'. Chelyabinsk, 2009.
11. Zvereva Yu.N. Proving the nature and extent of the harm caused by the crime: dis. ... cand. jurid. sciences'. Nizhny Novgorod, 2015.
12. On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2022 No. 33 // <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-15112022-n-33/>
13. Onishchuk M.M. The phenomenon of error in criminal law: theoretical and applied research: dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2024.
14. Shichanin A.V. Problems of formation and prospects of development of the institute of compensation for moral damage: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 1995.
15. Shishkin S.S. On Compensation for damage to a legal entity in criminal proceedings // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2010. № 1.

Выявление признаков квалификации незаконного вооруженного формирования в уголовном праве

Коваленко Азамат Александрович,

аспирант кафедры уголовно-правовых наук Северо-Осетинского Государственного Университета имени К.Л. Хетагурова
E-mail: azambzik@gmail.com

Автором характеризуется незаконное вооруженное формирование, объективные и субъективные признаки состава преступления. Статья посвящена уголовно-правовым особенностям, характерным для незаконного вооруженного формирования. В частности рассматриваются: незаконность формирования, количественный признак формирования, являющийся спорным в научной среде и законодательно не определённый, зависящий от обстоятельств каждого конкретного преступления, а также признак вооруженности. Рассматриваемые характерные особенности являются основополагающими для правильной квалификации по ст. 208 УК РФ, а также позволяют отделить незаконное вооруженное формирование от других форм организованной преступности, посягающих на общественную безопасность, таких как банда или преступная организация. Автор предлагает рассмотреть, более конкретную трактовку признака вооруженности и дифференцировать НВФ по целям создания для более четкого установления общественной опасности и назначения более справедливого наказания.

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование; преступление против общественной безопасности; организованная преступность; военизированность; вооружённость; численность.

Организованная преступность отличается повышенной общественной опасностью для общества, поскольку обладает признаками систематичности, является фундаментом для совершения иных преступлений, связанных, например, с нелегальным оборотом оружия или преступлениями террористического и экстремистского характера.

Отграничение незаконного вооруженного формирования (далее – НВФ) от других, схожих преступлений, является не самой простой задачей. Часто, отличительные признаки на первый взгляд схожи, а законодатель, внося новые положения в уголовный кодекс Российской Федерации, только затрудняет квалификацию. Самым сложным является отграничение НВФ от банды и преступного сообщества в наличие которых имеется вооружение, т.к. признаки данных преступлений трудно отличить друг от друга. [1]

НВФ, как указывает Верховный Суд Российской Федерации: «не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружина или иная вооруженная группа, созданная для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации).» [2]

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, являются общественные отношения по поводу обеспечению «общественной безопасности и общественного порядка». Видовым объектом, также как и непосредственным является общественная безопасность.

Объективной стороной НВФ является действия по созданию, руководству, финансированию и участию вооруженных формирований.

Созданием являются действия, направленные на формирование двух или более лиц в единую группировку, при наличии признаков вооруженности.

Руководство проявляется в действиях лица, направленных на управление формированием или отдельными его членами, например, путем отдачи приказов для осуществления деятельности НВФ.

Финансирование выражается в материальном обеспечении путем передачи денежных средств либо оказании услуг по сбору средств или оказании иных услуг материального характера

Участие представляет собой действия лица, свидетельствующие о его вхождении в формирование, например тренировка по физическим или стрелковые подготовки, а также осуществление бытовых, хозяйственных функций.

Многие авторы, помимо прочего, отмечают военную иерархическую структуру таких формирований. В.В. Мальцев пишет, что НВФ, по своей сути, является «...воинской частью или близкой к ней по своими основным параметрам (количество членов, вооруженности, подготовленности к ведению боевых операций) вооруженной организацией». [3] Часто, такие формирования имеют аналогичную военным организационную структуру вертикальной власти.

Состав преступления формальный, оно считается оконченным с момента совершения преступных деяний. При этом среди авторов существует мнение о том, состав преступления является материальным. Это объясняется тем, что образование НВФ и есть наступившее последствие преступления. [4] Представляется, что такой подход слишком широко трактует понятие последствия деяния и не учитывает, что деяние и последствие соотносятся друг с другом как часть одной составляющей преступления.

Субъективная сторона выражается в прямом умысле. Лицо осознает общественную опасность своего деяния, независимо от его психического отношения к возможным последствиям преступления.

Субъект преступления общий. Это вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, однако в ч. 3 ст. 208 субъект специальный – гражданин РФ или постоянно проживающее на территории РФ лицо без гражданства.

Признаками, характеризующими данное формирование являются незаконность, вооружённость, а также количественный признак. Разберем каждый признак по отдельности.

Незаконность формирования означает, что не соблюден определенный порядок создания такого рода формирований, который предусмотрен ФЗ: «Об обороне», «О полиции», «О Федеральной службе безопасности», «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» и т.д. При этом стоит отметить, что вооруженные формирования создаются только на основании федерального закона. Вооруженное формирование, в основе которого лежит нормативно правовой акт меньшей юридической силы, является также незаконным. Также, формирование может быть создано законным путем, но в последующем правовое основание существования такого формирования прекратило свое действие и дальнейшее его существование также отвечает признаку незаконности.

То есть, любое военное формирование, созданное с нарушением предусмотренного вышеуказанными федеральными законами порядка, будет отвечать признаку незаконности.

Одним из обязательных, основополагающих признаков НВФ является его вооружённость. Данный признак рассмотрим более подробно т.к. необходимо отграничить его от схожего признака вооруженности банды.

Научное сообщество ведет споры по поводу количества и качества оружия, которое необходимо для признания формирования вооруженным. Существует два подхода к решению данного вопроса, широкий и узкий.

При узком подходе достаточным считается наличие у формирования видов оружия, предусмотренных в ФЗ «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ. Наличие холодного или огнестрельного оружия, предназначенного для поражения живой силы и требующее лицензию на покупку, хранение и т.д. [5].

И.Я. Казаченко пишет: «Под вооруженностью надо понимать наличие огнестрельного или холодного оружия любых видов, которое предназначено для поражения живой цели.». [6]

Суть широкого подхода заключается в установлении признака вооруженности у незаконного формирования как наличие оружия в количестве достаточном для ведения затяжного вооружённого столкновения.

То есть при необходимости, незаконное вооружённое формирование должно быть способно провести операцию по типу военной, [7] а количество оружия и его поражающая мощность должны быть достаточны. [8]

Корректным, как нам кажется, будет широкий подход, ФЗ «Об оружии», но и наличие боевой техники, а также иного вооружения, не регламентированного отраслевым законодательством об оружии, такого как боевое огнестрельное оружие и оружие массового поражения. При этом для правильной квалификации вопрос о достаточности вооружения должен разрешаться в каждом отдельном случае, в совокупности с остальными признаками НВФ.

При этом необходимо понимать, что диспозицией ст. 208 УК РФ не уточняется легальными способами приобретено оружие или нет. Конституционный суд РФ в Определении от 23.06.2009 N 896-О-О дал однозначный ответ, о том, что в случае наличия признаков, предусмотренных ст. 222 УК РФ, ответственность должна наступать по совокупности преступлений.

Так же признак вооруженности позволяет нам отграничить НВФ от банды. Для банды достаточно оружия у одного из ее членов, при условии, что остальные участники проинформированы. Это является одним из немногочисленных черт, позволяющих разделить эти два состава преступления.

Исходя из вышесказанного, правоприменителю необходимо руководствоваться доктринальным толкованием данного признака, считаю необходимым уточнить положение ППВС от 09.02.2012 № 1 и изложить его в следующей редакции:

«..., а также боевой техники, оружия массового поражения в количестве необходимом для выполнения целей создания незаконного вооруженного формирования. При этом незаконное приобретение...»

Количественный признак. Является одним из самых обсуждаемых в научной среде. Законо-

датель не указывает четкие рамки необходимого количества, а споры среди авторов о необходимом минимальном числе участников НВФ активно ведутся по сей день. Ряд одних ученых пишет, что для наличия формирования достаточно и двух лиц. Ряд других считают, что этого количества недостаточно, поскольку количество участников должно соответствовать воинской части, размеры которых могут варьироваться от 100 до 1500 человек в зависимости от предназначения. Однако, по моему мнению самой верной позицией является расчет от минимально возможного численного состава военного формирования с учетом командира, как пишет Аджиев А.Д.: «количественный состав НВФ, как иной группы лиц должен быть не менее трех человек». [9]

Важным и, пожалуй, самым явным отличием НВФ от банды, террористического, экстремистского или преступного сообщества (преступной организации) является отсутствие конкретной, определенной цели создания. В отличие от банды, НВФ создается без какой-либо конкретной цели, тогда как преступные, террористические и экстремистские сообщества создаются с целью совершения характерных конкретно им преступлений.

В научной среде ведутся споры о том, можно ли отнести организацию НВФ или участие в нем к преступлениям террористической направленности? Законодатель считает, что да [2] Тем не менее, вопрос того, как относится к формированиям, созданным без цели террористической или экстремистской направленности, остается открытым. В данном случае, участники могут объединяться с целью самозащиты или охраны законных прав и интересов лиц. Общественная опасность будет разительно отличаться в зависимости от цели создания НВФ, но как диспозициями, так и санкциями статьи это не учитывается.

Таким образом, правоприменитель ограничен в индивидуализации наказания в каждом отдельном случае, в связи с чем предлагается внесение в ст. 208 УК РФ следующие изменения:

«1. Создание вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом, а равно руководство таким формированием или его финансирование – наказываются лишением свободы на срок от одного года до двух лет.

0.1. Деяния, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи, совершённые с социально полезной целью – наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с ограничением свободы на срок от шести месяцев до одного года либо без такового...»

С нашей точки зрения данные изменения помогут отграничить НВФ созданные с целью совершения преступлений, от тех, что были созданы для защиты своих прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ.

Подводя итоги необходимо отметить, что для верной квалификации по ст. 208 УК РФ необходимо учитывать:

1. незаконность вооружённого формирования;
2. качество и количество вооружения у банды в распоряжении;
3. число лиц составляющих НВФ, с учетом целей создания, боевой подготовки и т.д.;
4. наличие и характер цели создания НВФ.

Без правильного понимания вышеперечисленных особенностей невозможно корректное отграничение от смежных составов преступления и, соответственно, правильная квалификация преступления. А предложенное нововведение в УК РФ и ППВС РФ должно помочь более точно определять общественную опасность НВФ и назначать, в связи с этим, более справедливое наказание.

Литература

1. Иванов, Н.Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 42–52. – EDN OPUSQL.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 16.02.2012. № 35.
3. Мальцев В.В. Ответственность за организацию или участие в незаконных вооруженных формированиях // Российская юстиция. 1995. № 9. – С. 35–38.
4. Шеслер, А.В. Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ / А.В. Шеслер, И.О. Смирнов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 2(34). – С. 98–103. – EDN RXVKKN.
5. Комментарий к УК РФ / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2001 472 с.
6. Уголовное право. Особенная часть: учебник [Текст] / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Норма. – 2008. – 1008 с.
7. Магомедов, Т. М.С. Уголовно-правовые аспекты отграничения состава преступления по статье 208 УК РФ от смежных составов преступлений и иных правонарушений / Т. М.С. Магомедов // Современное право. – 2010. – № 8. – С. 110–114. – EDN MUFAAR.
8. Смирнов, И.О. Особенности квалификации организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем при отграничении от бандитизма / И.О. Смирнов // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 3(24). – С. 122–124. – EDN PCUBDX.
9. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: уголовно-правовые аспекты противодействия: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Аджиев Арсенали Дагирович; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2009. – 26 с.

IDENTIFICATION OF SIGNS OF QUALIFICATION OF AN ILLEGAL ARMED GROUP IN CRIMINAL LAW

Kovalenko A.A.

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

The author characterizes illegal armed formation, objective and subjective signs of the actus reus. The article is devoted to the criminal law features characterising an illegal armed formation. The following are considered: the illegality of formation, its quantitative feature, which is controversial in the scientific community, is not legally defined and depends on the circumstances of each specific crime, as well as the sign of armament. The considered features are fundamental for the correct qualification under Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also make it possible to separate illegal armed formations from other forms of organized crime that encroach on public safety, such as a gang or criminal organization. The author suggests considering a more specific interpretation of the sign of armament and differentiating armed groups according to the goals of creation to establish public danger more clearly and impose a more just punishment.

Keywords: illegal armed formation; crime against public safety; organized crime; militarization; armament; numbers.

References

1. Ivanov, N.G. Nuances of criminal law regulation of extremist activity as a type of group commission of crimes / N.G. Ivanov // State and Law. – 2003. – No. 5. – pp. 42–52. – EDN OPUSQL.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 No. 1 (as amended on 03.11.2016)
3. Maltsev V.V. Responsibility for organizing or participating in illegal armed formations //The Russian justice system. 1995. No. 9. – pp. 35–38.
4. Shesler, A.V. The subjective side of the corpus delicti provided for in Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation / A.V. Shesler, I.O. Smirnov // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2014. – № 2(34). – Pp. 98–103. – EDN RXBKKN.
5. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / Under the general editorship of Yu.I. Skuratov, V.M. Lebedev. M., 2001 472 p.
6. Criminal law. Special part: textbook [Text] / ed. by I. Ya. Kozachenko, G.P. Novoselov. – 4th ed., ed.
7. Magomedov, T. M.S. Ugolovno-pravovye aspekty otgranicheniia sostava prestupleniia po stat'e 208 UK RF ot smezhnykh sostavov prestuplenii i inykh pravonarushenii / T. M.S. Magomedov // Sovremennoe pravo. 2010. no 8. pp. 110–114. EDN MUFAAR.
8. Smirnov, I.O. Osobennosti kvalifikatsii organizatsii nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniia ili uchastiia v nem pri otgranichenii ot banditizma / I.O. Smirnov // Vestnik Vladimirskogo iuridicheskogo instituta. 2012. no 3(24). pp. 122–124. EDN PCUBDX.
9. Organization of an illegal armed formation or participation in it: criminal law aspects of counteraction: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.08 / Adzhiev Arsenali Dagirovich; [Place of protection: Kuban State Agrarian University. un-t]. – Krasnodar, 2009. – 26 p.

Специальные технические действия дознания в уголовном процессе Франции

Кучерков Иван Александрович,

к.ю.н., доцент, ФГАОУ «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: 19kucherkov77@mail.ru

В статье дается обзор специальных технических действий дознания, которые предусмотрены современным уголовно-процессуальным законодательством Франции. Рассматриваются виды и система специальных технических действий дознания их соотношение с российскими оперативно-розыскными мероприятиями, основания и процедура их проведения, а также особенности процессуальной доказательственной оценки результатов таких действий. Используемые материалы включают в себя научные исследования и судебную практику, в которых рассматривались вопросы правового регулирования специальных технических действий дознания во Франции в 2014–2023 г.г. В исследовании используется сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить сходные уголовно-процессуальные институты России и Франции для определения удобства правового регулирования и эффективности правоприменения.

Делается вывод, что использование во Франции специальных технических действий дознания обеспечивает комплексное правовое регулирование процессуальных действий, осуществляемых в досудебном производстве, что обеспечивает эффективность их применения и использования результатов в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, досудебное производство, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, полиция, прокурор, следственный судья, геопозиционирование, техническое наблюдение, доказывание

Разграничение уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации позволяло до начала XXI в. только упоминать в уголовно-процессуальном законе о существовании негласных полицейских мер, осуществляемых в ходе досудебного производства. Такое разграничение сохранилось и в настоящее время – УПК РФ регламентирует исключительно гласные следственные действия, в то время, как негласные оперативно-розыскные мероприятия нашли своё отражение в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [4]. Согласно ст. 89 УПК РФ использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств ограничено и допускается только в случае, когда они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом[1].

Иной подход к соотношению следственной и оперативно-розыскной деятельности можно увидеть в уголовном процессе Франции, где вместо понятия «оперативно-розыскные действия» уголовно-процессуальный закон наряду с обычными процессуальными действиями, сходными по содержанию с российскими следственными действиями, вводит понятие «специальные технические средства дознания» и устанавливает особый порядок их процессуального регулирования. Общим основанием их возникновения стала констатация французским законодателем невозможности раскрывать преступления и достигать целей уголовного судопроизводства. только при помощи «обычных» следственных действий [7, 612]. При этом, стоит обратить внимание на то, что несмотря на то, что указанные действия именуется «специальными техническими средствами дознания», они также могут осуществляться офицерами судебной полиции как в рамках дознания, так и в ходе предварительного следствия по требованию и под контролем следственного судьи.

К специальным техническим средствам дознания УПК Франции относит:

1. Разъяснение цифровых данных, необходимых для установления истины;
2. Геопозиционирование;
3. Дознание под псевдонимом;
4. Съёмка и фиксация изображений в общественных местах с помощью бортовых устройств.

Предметом **разъяснения цифровых данных, необходимых для установления истины**, являются изъятые или полученные в ходе дознания документы информационной системы или системы обработки персональных данных, если выясняет-

ся, что они подверглись преобразованию, препятствующему доступу к содержанию или пониманию информации в открытом виде или, когда эти данные защищены механизмом аутентификации (ч. 1 ст. 230–1 УПК) [2].

В такой ситуации прокурор Республики или с его разрешения офицер судебной полиции может назначить любое квалифицированное физическое или юридическое лицо для выполнения технических действий, позволяющих получить доступ к такой информации, её открытой версии, а также, путём использования методов криптологии, проинформировать её дешифровку, если это представляется необходимым.

Если указанное лицо является юридическим лицом, то его законный представитель представляет на утверждение прокурора Республики или офицера судебной полиции имя и фамилию физического лица (лиц), которые в данном юридическом лице и от его имени будут осуществлять данные технические действия.

После завершения данных технических действий или, как только выяснится, что такие действия были технически невозможны, или по истечении установленного срока, полученные результаты и материалы возвращаются ответственным лицом технического органа либо исполнителем требования, либо прокурору, указанному в требовании в случае, если требование было направлено напрямую. Если полученные сведения касаются секретов национальной обороны, результаты должны сопровождаться техническими указаниями, необходимыми для понимания и их использования, а также справкой подписанной ответственным лицом технического органа, удостоверяющей достоверность передаваемых результатов.

Полученные таким образом материалы фиксируются в протоколе и вносятся в материалы уголовного дела.

Геопозиционирование – определение местонахождения в режиме реального времени на всей территории страны какого-либо лица без его ведома, транспортного средства или любого другого объекта с помощью специальных технических средств без согласия его собственника или владельца (ч. 1 ст. 230–32 УПК) [2].

Вместе с тем, когда целью действий по геопозиционированию в режиме реального времени является обнаружение терминала электронной связи, транспортного средства или любого другого предмета, законным собственником или владельцем которого является жертва преступления, в отношении которого ведется дознание или предварительное следствие, или исчезнувшее лицо, если целью таких действий является поиск жертвы, похищенного предмета или исчезнувшего лица, действия по геопозиционированию в режиме реального времени являются объектом выемки и не являются специальным негласным следственным действием.

Решение о геопозиционировании принимается прокурором Республики на срок до восьми дней.

По делам, о дознании особо опасных преступлений, данный срок составляет до 15 суток. По истечении этих сроков это действие продлевается судьей по свободам и заключению по ходатайству прокурора Республики на срок до одного месяца, который может быть затем продлён ещё до 2 месяцев на тех же условиях.

В рамках предварительного следствия или расследования для установления причин смерти или причин исчезновения, указанных в ст.ст. 74, 74–1 и 80–4 УПК, геопозиционирование устанавливается следственным судьёй на срок до 4 месяцев, продлеваемый при таких же условиях формы и срока. При этом общая продолжительность действий по геопозиционированию не может превышать одного года или, если речь идет об особо опасном преступлении, предусмотренном статьями 706–73 или 706–73–1 УПК, двух лет [2].

В случае чрезвычайной ситуации, вызванной неизбежной опасностью утраты доказательств или нанесения серьезного ущерба лицам или имуществу, действия по геопозиционированию могут быть осуществлены или предписаны офицером судебной полиции. В таком случае он незамедлительно информирует об этом прокурора Республики или следственного судью, которые имеют право, рассмотрев представленные материалы, распорядиться об отмене геопозиционирования.

Так, согласно решению уголовной палаты Кассационного Суда Франции от 29 сентября 2020 года: «в случае чрезвычайной ситуации, вызванной неизбежной опасностью утраты доказательств или серьезного ущерба лицам или имуществу, сотрудник судебной полиции может предписать или осуществлять операции по обнаружению транспортного средства в режиме реального времени с помощью любых технических средств без согласия его владельца или владельца при условии, что он незамедлительно уведомит об этом любым способом прокурора Республики или следственного судью» [8].

Непосредственно геопозиционирование осуществляется офицерами судебной полиции либо агентами судебной полиции под их руководством. Оно может осуществляться путём установки технических средств геопозиционирования в частных помещениях, предназначенных или используемых для хранения транспорта, средств, ценностей, товаров или оборудования, или в транспортном средстве, расположенном на дороге общего пользования или в таких местах, без ведома или согласия собственника, или владельца помещений или транспортного средства, или любого лица, владеющего правом на них.

Применение геопозиционирования в жилище несколько ограничено. В соответствии с ч. 2 ст. 230–34 УПК, оно может проводиться в жилище только в следующих случаях:

1. Когда дознание или предварительное следствие связано с уголовным деянием, наказываемым лишением свободы на срок не менее пяти лет;

2. При проведении дознания или предварительного следствия причин смерти или исчезновения лица;

3. При проведении поиска скрывающегося лица[2].

Запрещается осуществлять геопозиционирование в кабинете или месте жительства адвоката, помещениях предприятий печати (прессы), предприятиях аудиовизуальной коммуникации, предприятиях коммуникации он-лайн аудитории, средствах массовой информации, в профессиональных транспортных средствах этих предприятий или учреждений или в месте жительства журналиста, кабинете врача, нотариуса или судебного исполнителя, в месте нахождения секретов национальной обороны, в помещениях суда или в месте жительства лица, выполняющего судебные функции.

По результатам установки каждого технического средства геопозиционирование, офицер судебной полиции или агент судебной полиции, действующий под его ответственность, составляет протокол, куда вносит действия по факту записи данных о местоположении, дату и время начала и окончания действия, а также описывает или расшифровывает в протоколе записанные данные, которые имеют значение для установления истины. Записи данных геопозиционирование печатаются и прилагаются к протоколу.

Если в ходе расследования по какому-либо из особо опасных преступлений или проступков, связанных с организованной преступной деятельностью, знание такой информации может поставить под серьезную угрозу жизнь или физическую неприкосновенность какого-либо лица, членов его семьи или родственников и не является ни полезной для установления истины, ни необходимым для осуществления права на защиту, судья по свободам и заключению, в любое время по мотивированному ходатайству следственного судьи, может мотивированным решением разрешить не отображать в материалах процесса:

1. Дату, время и место установки или изъятия технических средств геопозиционирование;

2. Запись данных о местоположении и признаках, позволяющих идентифицировать лицо, участвовавшее в установке или изъятии технических средств геопозиционирование.

Обвиняемый или подозреваемый могут в течение десяти дней с даты, когда им стало известно о содержании действий по геопозиционирование, оспорить у председателя следственной камеры применение этой процедуры. Если он считает, что действия по геопозиционирование не проводились на постоянной основе, что условия, предусмотренные в этой статье, не выполнены или что информация, упомянутая в той статье, необходима для осуществления прав защиты, председатель следственной камеры отдает распоряжение об отмене геопозиционирование. Вместе с тем, если он считает, что знание такой информации не представляет или не может более представлять серьезной угрозы для жизни или физической неприкосно-

венности какого-либо лица, членов его семьи или родственников, он может также распорядиться о внесении в материалы дела ходатайство и протокол. Председатель следственной камеры выносит решение мотивированным решением, которое не подлежит обжалованию, с учетом материалов, содержащихся в деле.

Дознание под псевдонимом (ст. 230–47 УПК)

В целях выявления преступлений и проступков, наказуемых тюремным заключением, совершенных с помощью средств электронной коммуникации, и в тех случаях, когда это оправдывает необходимость проведения дознания или предварительного следствия, офицеры и агенты судебной полиции, действующие в ходе расследования или по судебному поручению, могут, совершать негласно под псевдонимом следующие действия, не привлекаюсь к уголовной ответственности:

1. Участвовать в электронных обменах, в том числе с лицами, которые могут быть виновными в совершении таких преступлений;

2. Извлекать или сохранять с помощью этого средства данные о лицах, которые могут быть виновными в совершении таких преступлений, и любых доказательств;

3. С разрешения прокурора Республики или следственного судьи, приобретать любые материалы, товары, вещества, выплаты или услуги, в том числе незаконные, или передавать в ответ на прямой запрос незаконные материалы. Данное разрешение означает, что санкционированные действия не являются подстрекательством к совершению таких деяний.

Указанные действия, осуществляются под контролем прокурора Республики или следственного судьи.

Тем самым указанное техническое действие сходно по содержанию с российским оперативно-розыскным мероприятием «проверочная закупка», однако является более унифицированными и простым по оформлению.

Съемка и фиксации изображений в общественных местах с помощью бортовых устройств включена в уголовный процесс Франции Законом от 24 января 2022 года[5] и предполагает использование технических устройств (бортовых камер), предназначенных для захвата, фиксации, передачи и записи без их согласия изображения одного или нескольких лиц, находящихся в общественном месте. Данное действие допускается в ходе

1. Дознания или предварительного следствия преступления или проступка, наказуемого на срок не менее трех лет тюремного заключения;

2. Дознания или предварительного следствия причин смерти или исчезновения;

3. Розыска скрывающегося от правосудия лица.

Решение о применении съемки и фиксации изображений в общественных местах с помощью бортовых устройств в рамках дознания принимается прокурором Республики на срок до одного месяца, который может быть продлен один раз. В рамках

предварительного следствия или расследования для установления причин смерти или причин исчезновения, решение принимается следственным судьей на срок до четырех месяцев с возможностью продления, при этом общая продолжительность операций не может превышать двух лет. В решении должно быть обязательно указано место съемки и фиксации изображений, с деталями, способными точно идентифицировать место проведения данного процессуального действия (сдаст. 230–48, 230–49 УПК) [2].

Съемка и фиксации изображений в общественных местах с помощью бортовых устройств не могут, под страхом недействительности, иметь какую-либо иную цель, кроме той, для которой она была разрешена. Даже если в ходе неё были выявлены другие уголовные деяния, эта процедура будет признана недействительной.

Важным условием применения съемки и фиксации изображений в общественных местах с помощью бортовых устройств является требование запрета вмешательства посредством данного технического действия вмешательства в частную жизнь. Камеры могут устанавливаться на дорогах общего пользования для предотвращения, в частности, посягательств на безопасность людей и имущества в местах, особо подверженных риску (нападение, кража или незаконный оборот наркотиков, террористические акты), в соответствии со ст. L. 251–1 Кодекса внутренней безопасности [3]. Однако эти действия должны осуществляться таким образом, чтобы они не отображали изображения внутренних помещений многоквартирных домов или, в частности, изображений их подъездов [6].

Вместе с тем, согласно решению Палаты по уголовным делам Кассационного Суда от 8 декабря 2020 года, «прокурор Республики в соответствии со статьями 39–3 и 41 УПК наделен полномочиями осуществлять под его эффективным контролем и в порядке, разрешенном им в отношении продолжительности и периметра, видеонаблюдение на дорогах общего пользования в целях поиска доказательств нарушений уголовного законодательства... при этом вмешательство в частную жизнь, которое является результатом такой меры, носит ограниченный характер и соразмерно преследуемой цели, не противоречит статье 8 Европейской конвенции о правах человека» [9].

Техническое устройство съемки и фиксации изображений устанавливается офицером судебной полиции по поручению следственного судьи или по требованию прокурора Республики или, под его ответственность, агентом судебной полиции.

По результатам данного процессуального действия прокурор Республики, следственный судья, офицер судебной полиции или агент судебной полиции, действующий под его ответственность составляет протокол действий по захвату, фиксации и записи. В этом протоколе указываются дата и время начала и окончания действий, а также описывается в протоколе, приобщенном к делу, записан-

ные данные, которые имеют значение для установления истины.

По отношению к результатам специальных технических действий дознания протоколы их исследования, звукозаписи и записи изображений, фотографии, другие зафиксированные с помощью научно-технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании наравне с доказательствами, полученными в результате следственных действий.

Таким образом, уголовно-процессуальный институт специальных технических действий дознания во Франции, содержательно являясь аналогом российской оперативно-розыскной деятельности, является интересным примером комплексного правового регулирования процессуальных действий, осуществляемых в досудебном производстве, что обеспечивает эффективность их применения и использования результатов в доказывании по уголовным делам.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) (Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921)
2. Code de procedure penale de France de 08 Avril 1958. Version au 01 mars 2024. Режим доступа: URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (дата обращения 17.04.2024)
3. Code de la sécurité intérieure de France de 01 mai 2012. Режим доступа: URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025503132 (дата обращения 17.04.2024)
4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 года (в ред. от 29.12.2022) (Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. № 33 ст. 3349)
5. LOI n° 2022–52 du 24 janvier 2022 relative à la responsabilité pénale et à la sécurité intérieure (1) Режим доступа: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000045068659/2022–01–26/> (дата обращения 17.04.2024)
6. Lacroix C. Vidéosurveillance sur la voie publique en enquête préliminaire: souriez, vous êtes filmés par le procureur de la République. Режим доступа: URL: <https://actu.dalloz-etudiant.fr/a-la-une/article/videosurveillance-sur-la-voie-publique-en-enquete-preliminaire-souriez-vous-etes-filmes-par/h/7071857f56ef7b0df6bbcf9d5d426970.html> (дата обращения 19.04.2024)
7. Pradel J. Procédure pénale. / Paris: Éditions Cujas. 20 édition revue et augmentée. 2018
8. Pourvoi de Cour de cassation n°20–80.915 Режим доступа: URL: https://www.courdecassation.fr/decision/5fca327e89bc1fbc73ddc6dc?search_api_fulltext=&date_du=2020–09–29&date_

au=2020-09-29&judilibre_jurisdiction=cc&judilibre_chambre%5B%5D=cr&op=Rechercher+sur+judilibre&page=1&previousdecisionpage=1&previousdecisionindex=1&nextdecisionpage=1&nextdecisionindex=3 (дата обращения 19.04.2024)

9. Pourvoi de Cour de cassation n° 20-83.885 Режим доступа: URL: https://www.courdecassation.fr/decision/5fd87111cbac977282695be7?search_api_fulltext=&date_du=2020-12-08&date_au=2020-12-08&judilibre_jurisdiction=cc&judilibre_chambre%5B%5D=cr&op=Rechercher%20sur%20judilibre&page=1&previousdecisionpage=1&previousdecisionindex=0&nextdecisionpage=1&nextdecisionindex=2 (дата обращения 19.04.2024)

SPECIAL TECHNICAL ACTIONS OF THE INVESTIGATION IN THE FRENCH CRIMINAL PROCEDURE

Kucherkov I.A.
RUDN University

The article provides an overview of covert investigative actions that are provided for by modern French criminal procedure legislation. The types and system of special technical actions of the investigation are considered, their relationship with Russian operational investigative measures, the grounds and procedure for their conduct, as well as the features of the procedural evidentiary assessment of the results of such actions. The materials used include scientific research and judicial practice, which considered the issues of legal regulation of special technical actions of inquiry in France in 2014–2023. The study uses a comparative legal method that allows comparing similar criminal procedural institutions of Russia and France to determine the convenience of legal regulation and the effectiveness of law enforcement.

It is concluded that the use of special technical investigative actions in France provides a comprehensive legal regulation of procedural actions carried out in pre-trial procedure, which ensures the effectiveness of their application and the use of results in proving criminal cases.

Keywords: criminal procedure, investigation, pre-trial procedure, investigative actions, operational search measures, police, prosecutor, investigating judge, geolocation, technical supervision, proof,

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 14, 2024) (Collection of Legislation of the Russian Federation of December 24, 2001 No. 52 (Part I) Art. 4921)
2. Code de procedure penale de France de 08 Avril 1958. Version au 01 mars 2024. Access mode: URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (access date 04/17/2024)
3. Code de la sécurité intérieure de France de 01 May 2012. Access mode: URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025503132 (access date 04/17/2024)
4. Federal Law "On Operational Investigative Activities" dated July 5, 1995 (as amended on December 29, 2022) (Collected Legislation of the Russian Federation dated August 14, 1995 No. 33, Art. 3349)
5. LOI n° 2022-52 du 24 January 2022 relative à la responsabilité pénale et à la sécurité intérieure (1) Access mode: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000045068659/2022-01-26/> (date of access 04/17/2024)
6. Lacroix C. Vidéosurveillance sur la voie publique en enquête préliminaire: souriez, vous êtes filmés par le procureur de la République. Access mode: URL: <https://actu.dalloz-etudiant.fr/a-la-une/article/videosurveillance-sur-la-voie-publique-en-enquete-preliminaire-souriez-vous-etes-filmes-par/h/7071857f56ef7b0df6bbcf9d5d426970.html> (accessed 04/19/2024)
7. Pradel J. Procédure penale. / Paris: Editions Cujas. 20 edition revue et augmentée. 2018
8. Pourvoi de Cour de cassation n°20-80.915 Access mode: URL: https://www.courdecassation.fr/decision/5fca327e89bc1fbc73ddc6dc?search_api_fulltext=&date_du=2020-09-29&date_au=2020-09-29&judilibre_jurisdiction=cc&judilibre_chambre%5B%5D=cr&op=Rechercher+sur+judilibre&page=1&previousdecisionpage=1&previousdecisionindex=1&nextdecisionpage=1&nextdecisionindex=3 (accessed 04/19/2024)
9. Pourvoi de Cour de cassation n° 20-83.885 Access mode: URL: https://www.courdecassation.fr/decision/5fd87111cbac977282695be7?search_api_fulltext=&date_du=2020-12-08&date_au=2020-12-08&judilibre_jurisdiction=cc&judilibre_chambre%5B%5D=cr&op=Rechercher%20sur%20judilibre&page=1&previousdecisionpage=1&previousdecisionindex=0&nextdecisionpage=1&nextdecisionindex=2 (accessed 04/19/2024)

Возможности введения в российское уголовное законодательство категории «уголовного проступка»

Лазук Дарья Сергеевна,

аспирант Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: dashalazuk@ya.ru

Вопросы совершенствования уголовного законодательства ежегодно являются предметом рассмотрения как со стороны теоретиков права, так и со стороны практических работников. Безусловно, без внимания не могут остаться и вопросы уголовно-правовой оценки малозначительности деяния. Институт малозначительности деяния, пожалуй, можно признать одним из самых неопределённых и неконкретизированных в уголовном законодательстве Российской Федерации, что порождает противоречивую судебную практику на всей территории Российской Федерации.

Данное исследование посвящено вопросу разграничения малозначительных деяний, предусмотренных частью 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации с иными правонарушениями. Исследование выявило необходимость совершенствования законодательства, регулирующего понятие малозначительности деяния. В качестве решения предлагается внедрить в уголовное право категорию «уголовный проступок», что позволит адаптировать законодательство к современным социальным и экономическим условиям.

Ключевые слова: малозначительность, общественная опасность, уголовная ответственность, уголовное законодательство, преступление

Последние годы в уголовном законодательстве отмечается тенденция к росту паллиативных вопросов, возникающих по причине недостаточного правового регулирования, что приводит к необходимости поиска новых решений для регуляции проблемных аспектов, так как вносимые сегодня изменения в общем и целом не меняют сложившуюся ситуацию. Одним из таких проблемных вопросов уже многие годы остаётся вопрос возможности признания деяния малозначительным.

Основной причиной невозможности устранения существующих упущений правового регулирования, на наш взгляд, является применение выборочного подхода к их устранению. Вместо проведения комплексного оперативного вмешательства законодатель использует «пластыри» для лечения возникающих язв путём принятия единичных разъясняющих постановлений Пленума Верховного суда РФ, криминализации и декриминализации отдельных составов преступлений.

В частности государство ориентирует правоприменителя на гуманизацию уголовно-правовой политики Российской Федерации, не давая при этом действенных инструментов для её реализации. Анализ судебной практики показал, что зачастую категория малозначительности деяния применяется в целях достижения справедливости *по мнению правоприменителя*. Из 10 преступлений с одинаковым описанием объективной стороны только 1 будет признано малозначительным. При этом, многие из этих решений являются объектом пересмотра в судах апелляционной и кассационных инстанций и вывод о необходимости применения категории малозначительности делается только при обжаловании таких решений. А какое количество граждан не реализуют своё право на пересмотр судебного решения?

Так, Вторым кассационным судом общей юрисдикции при рассмотрении уголовного дела в отношении гр. К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ходе судебного заседания установлено, что К., работая в должности руководителя Транспортной группы № 1 Автоколонны автотранспорта перевозок АО «Почта России», используя топливную карту, принадлежащую работодателю, 5 раз осуществил заправку собственного автомобиля, присвоив тем самым имущество АО «Почта России» на сумму 8024 рубля 50 копеек.

Второй кассационный суд общей юрисдикции при пересмотре уголовного дела по кассационной жалобе гр. К. указал, что ввиду отсутствия в ма-

териалах уголовного дела доказательств причинения *существенного вреда* АО «Почта России» уголовное дело в отношении него надлежит прекратить в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) с применением положений ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Помимо изложенного судом указано, что способ совершения К. присвоения с использованием служебного положения, который является квалифицирующим признаком инкриминированного ему деяния, без учёта конкретных обстоятельств дела, не может быть признан обстоятельством, свидетельствующим о повышенной общественной опасности содеянного и препятствующим применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ [1].

В рассматриваемом уголовном деле возникла парадоксальная ситуация: судом первой инстанции к уголовной ответственности привлечён также гражданин Г., признанный пособником К. При этом, гражданин Г. не обжаловал приговор, и он остался в силе. Таким образом, исполнитель преступления избежал ответственности в связи с малозначительностью деяния, а пособник понёс установленную законом ответственность.

Путём только выборочного анализа судебной практики нами установлено более 100 фактов вынесения обвинительных приговоров в отношении граждан, совершивших хищения имущества, сопоставимого по стоимости с приведённым выше примером, принадлежащего таким же крупным организациям, как АО «Почта России». При этом, судебные решения не были предметом пересмотра в судах апелляционной и кассационных инстанций. Действия лиц не признавались малозначительными вне зависимости от оборота и выручки потерпевшей стороны.

Как установлено в ходе настоящего анализа, аналогичная проблематика возникает при рассмотрении уголовных дел, предусмотренных ст. 116, ч. 1 ст. 158, 159, 222.1, 256 Уголовного кодекса РФ. Криминализация данных преступлений не отвечает существующим социальным реалиям, в связи с чем, указанные действия не воспринимаются населением, в том числе и сотрудниками органов правосудия, как преступные. В данной связи в целях достижения *собственного понимания справедливости*, не взирая на формальные признаки, сотрудники правоохранительных органов, судебные органы принимают решения о применении положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Выходом из данной ситуации ряд учёных считают введение такой категории как уголовный проступок.

Например, профессор Звечаровский И.Э. считает, что это позволит либерализовать уголовное законодательство и избежать уголовной ответственности за деяния, не заслуживающих такого строгого наказания [2, с. 43].

Профессор Кибальник А.Г. предлагает перевести все преступления небольшой тяжести в кате-

горию уголовных проступков, учитывая их низкую общественную опасность [3, С. 65].

Гаврилов Б.Я. [4, С. 87] и Старостин С.А. [5, С. 39] предлагают включить в категорию уголовных проступков некоторые административные правонарушения (мелкое хищение, правонарушения в сфере оборота наркотиков), устранив существующую неопределённость в разграничении Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Профессор Рогова Е.В. также признаёт необходимость введения уголовного проступка, в качестве критерия разграничения преступления от проступка она предлагает использовать характер и степень общественной опасности [6, С. 89].

О необходимости введения категории уголовного проступка свидетельствует и законодательная инициатива Верховного суда Российской Федерации. Законопроект в 2021 году внесён на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации, однако в 2024 году данные изменения так и не приняты.

Внесённый законопроект предусматривает ряд изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка.

Вместе с тем, законопроект, на наш взгляд, не учитывает судебную практику применения малозначительности деяния. Полагаем, что в случае проведения масштабного анализа практики ее применения, а также криминологического исследования причин совершения обозначенных преступлений, законопроект будет пополнен и иными составами, в том числе и обозначенными нами – ч. 1 ст. 256, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ.

При этом, по нашему мнению, введение категории уголовного проступка не свидетельствует о необходимости исключения института малозначительности деяния. Ввиду постоянно изменяющихся общественных отношений данная категория выполняет функцию своего рода «спасательного круга», помощью которого можно воспользоваться без проведения длительных процедур по приведению законодательства в соответствие с новыми реалиями.

Литература

1. Постановление Второго кассационного суда Российской Федерации URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8115407&case_uid=67169e30-18dd-490a-b190-db40205f-6c72&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 30.04.2024).
2. Звечаровский, И.Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 43–46. – EDN YMIINP.

3. Кибальник, А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия / А.Г. Кибальник // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65–68. – EDN OEMLRJ.
4. Гаврилов Б.Я. Возвращение в Российское законодательство уголовного проступка как одно из направлений политики государства по обеспечению прав и свобод человека и гражданина // Вестник УЮИ. 2021. № 1 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-v-rossiyskoe-zakonodatelstvo-ugolovnogo-prostupka-kak-odno-iz-napravleniy-politiki-gosudarstva-po-obespecheniyu-prav> (дата обращения: 30.04.2024).
5. Старостин, С.А. Уголовный проступок: взгляд административиста / С.А. Старостин // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 33–39. – DOI 10.19073/2306–1340–2017–14–4–33–39. – EDN ZSSTZT.
6. Рогова Е.В. Понятие и сущность уголовного проступка // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-ugolovnogo-prostupka> (дата обращения: 30.04.2024).

POSSIBILITIES OF INTRODUCING THE CATEGORY OF “CRIMINAL OFFENSE” INTO RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

Lazuk D.S.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Issues of improving criminal legislation are annually the subject of consideration by both legal theorists and practitioners. Of course, issues of criminal legal assessment of the insignificant acts cannot

go unnoticed. The institution of insignificant acts can perhaps be considered one of the most vague and unspecified in the criminal legislation of the Russian Federation.

This study is devoted to the issue of distinguishing minor acts provided for in Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation with other offenses. Based on the results of the study, an attempt was made to improve legal regulation in this area, proposals were developed to introduce the concept of a criminal offense into criminal legislation in order to bring the legislation into line with the social and economic needs of society.

Keywords: insignificance, public danger, criminal liability, criminal legislation, crime.

References

1. Resolution of the Second Cassation Court of the Russian Federation URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8115407&case_uid=67169e30–18dd-490a-b190-db40205f-6c72&new=2450001&delo_id=2450001 (date of access: 04/30/2024).
2. Zvecharovsky I.E. Category «criminal offence» in the context of liberalization of criminal policy of Kussia // Criminal Law. – 2017. – № 4. – p. 43–46. – EDN YMIINP.
3. Kibalnik A.G. Criminal offense and its legal consequences // Criminal Law. – 2017. – № 4. – p. 65–68. – EDN OEMLRJ.
4. Gavrilov B. Ya. The return of criminal offense to the Russian legislation as one of the directions of the state policy to ensure the rights and freedoms of man and citizen // The Bulletin of ULI. 2021. № 1 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-v-rossiyskoe-zakonodatelstvo-ugolovnogo-prostupka-kak-odno-iz-napravleniy-politiki-gosudarstva-po-obespecheniyu-prav> (date of access: 30.04.2024).
5. Starosrin S.A. Criminal misdemeanor: an administrative look // The Bulletin of Omsk law Academy. – 2017. – V. 14, № 4. – С. 33–39. – DOI 10.19073/2306–1340–2017–14–4–33–39. – EDN ZSSTZT.
6. Rogova Ye.V. The concept and essence of criminal offence // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-ugolovnogo-prostupka> (date of access: 30.04.2024).

Подходы к нормативному определению категории «экономические преступления» в российской правовой системе

Пастухов Евгений Анатольевич,

аспирант Байкальского государственного университета
(г. Иркутск)
E-mail: Pastukhov.e@bk.ru

В процессе анализа исторического развития экономической преступности автор обнаружил, что существующие понятия этого феномена вызывают разногласия в современной научной литературе. Зарубежная и отечественная доктрина представляют различные точки зрения на данное явление. Юридическая литература активно изучает этот вопрос, однако до сих пор не удалось достичь единства мнений относительно понятия экономической преступности и ее правовой природы. Это затрудняет разработку эффективных стратегий по борьбе с данным негативным явлением. Учитывая сказанное, данная статья посвящена обобщению научных взглядов на понятие экономической преступности, ее правовую сущность, с целью разработки единого определения. В ходе работы над статьей автор применял общенаучные методы анализа и синтеза, а также формально-логический и логико-юридический методы исследования. По результатам проведенного исследования автор предлагает авторское определение экономической преступности, которое может брать за основу при проведении комплексных исследований этой сферы. В современных научных трудах наблюдается недостаточное определение понятия и правовой природы экономической преступности, что приводит к многочисленным разнообразным точкам зрения.

Ключевые слова: экономические преступность; преступления в сфере экономики; экономика России; уголовное законодательство; сущность экономической преступности.

Введение

Экономика России, как в первую очередь социальный институт, является и приоритетным направлением правового регулирования. Объяснить это можно тем, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1] именно интересы в сфере экономики являются определяющими и ключевыми, в связи с чем особую обеспокоенность вызывает состояние преступности в сфере экономики на современном этапе, чему во многом способствуют периодически возникающие экономические и социальные кризисы, которыми предопределяется наращивание криминального потенциала, а в целом это оказывает способствование распространению новых форм незаконного поведения субъектов экономических отношений.

Во многом такому состоянию способствует и теория, где само понятие экономической преступности и правовая сущность этого явления остаются дискуссионными. Хотя широко обсуждается в научных кругах, этот феномен не находит четких границ ни в законодательстве, ни в научных трудах. В то же время понятие экономической преступности представляет собой сложное явление, охватывающее различные аспекты общественной жизни. Таким образом, точные и однозначные понятия имеют важное значение для понимания феномена экономической преступности и выработки эффективных механизмов борьбы с негативными проявлениями в сфере экономики.

Литературный обзор

Сама по себе экономическая преступность, с точки зрения социального явления впервые рассматривалась еще в середине XIX века. У истоков разработки данного понятия стояли Э. Дюркгейм, Р. Мертон и А. Козну. Концептуальные основы предупреждения экономической преступности в своих трудах заложили: А.И. Алексеев, Э.Н. Жевлаков, Н.А. Лопашенко и др. Понятие, тенденции и проблемы экономической преступности, применительно к уголовному праву в своих трудах исследовали: А.Э. Жалинский, В.Д. Ларичев, П.Н. Панченко и др. Однако экономическая преступность, как понятие окончательного своего решения ни в рамках криминологии, ни в рамках уголовного права не находит, а это указывает на необходимость рассмотреть данный вопрос детальнее.

В общем понимании экономическую преступность рассматривают с позиции изменчивого, социально-правового, массового и негативного явления. В данное явление включают всю общность

экономической преступности, которая в определенное время складывается в конкретно взятом государстве [2, с. 86]. Однако данное понимание экономической преступности во многом соотносится с криминологическим пониманием этого феномена.

В криминологии существует и множество иных точек зрения на понятие экономической преступности. Среди всех известных понятий, возможно, выделить несколько важных, с точки зрения проводимого исследования:

- Экономическая преступность, согласно Л.В. Бариновой, состоит из различных корыстных действий, совершаемых профессионалами в экономической сфере. Преступления в области экономики имеют целью захват собственности, нарушение экономических интересов государства и потребителей. Важно отметить, что эти противоправные действия также нарушают установленный порядок управления экономикой [3, с. 484];
- В.Д. Пахомов, П.Г. Понамарев и А.Н. Чеботарев полагают, что в понятие преступности в сфере экономики необходимо включать всю совокупность преступлений, предусмотренных в этой сфере уголовным законом. В то же время авторы обращают внимание, что такая совокупность преступлений имеет сложный характер [4, с. 323];
- Взгляд А.М. Яковлева на экономическую преступность заключается в том, что она наносит ущерб государству, обществу, интересам народного хозяйства и гражданам. Участник экономического теневого сектора, занимая свою нишу в экономических отношениях, совершает преступление по должности [5, с. 3].

Приведенные авторами понятия позволяют осознать весь спектр экономической преступности, применительно к криминологии. Экономическая преступность олицетворяет собой группу правонарушений, связанных с собственностью и осуществляемых в экономическом секторе. Эти понятия, о которых упоминалось выше, в действительности перекликаются друг с другом и сходятся в том, что экономические преступления включают в себя определенный набор действий, ранее относившихся к хозяйственной деятельности и сегодня рассматриваемых как часть экономической деятельности.

В доктрине признается, что экономическая преступность – это совокупность корыстных действий в экономической сфере. Профессиональные субъекты совершают подобные преступные деяния, которые направлены на нарушение отношений собственности, управления порядком и интересов различных отраслей народного хозяйства. [6, с. 65]. Изучив множество точек зрения на этот вопрос, мы пришли к выводу, что важно уметь различать экономические нарушения от гражданско-правовых преступлений. Это позволит более четко определить границу между правонарушениями и преступлениями. Также стоит помнить о том, что за ка-

ждое деяние может последовать административная или дисциплинарная ответственность.

По мнению Н.Ф. Кузнецова, экономическая преступность определяется как нарушение законов об экономической деятельности и незаконные действия в сфере собственности. Автор ссылается на Уголовный кодекс Российской Федерации [7] (далее – УК РФ) в своем исследовании. [8].

В юридической литературе такое понятие критикуется и обращается внимание, что большая часть экономических преступлений вред причиняет действительно собственности, но некоторые из них, например грабеж или разбой совершаются за рамками экономических отношений [9, с. 25].

Не вызывает сомнений, что любая экономическая деятельность может иметь разнообразный характер. Это может быть деятельность, посредством которой создаются определенные объекты материального мира, но это может быть и предоставление услуг или производство работ, сюда же возможно включать координирующую деятельность в экономической сфере или деятельность, посредством которой обеспечивается нормальное функционирование хозяйствующих субъектов и пр. Под экономическую деятельность попадают многие составы гл. 22 УК РФ, но в данную главу включаются совершенно разные преступления и не только посягающие на собственность или на предпринимательскую деятельность. Нарушения, которые могут нанести ущерб экономическим интересам страны, не всегда имеют прямое отношение к официальному пониманию экономической деятельности. Например, незаконное отмывание денег, продажа украденного имущества, обманчивая реклама или фальшивомонетничество – все эти деяния являются преступлениями, которые могут серьезно навредить экономической структуре государства.

По-видимому, подобные преступления связаны с жадностью и экономическими амбициями у преступников. Они затрагивают экономические интересы, но осуществляются в теневой или скрытой сфере, где деяния преступников далеко не ограничиваются упомянутыми выше преступлениями. Поэтому, правильнее говорить не о экономической преступности в целом, а о различных формах преступлений, совершаемых в данной ситуации.

Б.В. Волженкин указывает на важность учета объекта экономических преступлений в уголовном праве. Он подчеркивает, что необходимо учитывать порядок осуществления предпринимательской или другой хозяйственной деятельности в сфере производства, сбыта или потребления различных товаров. [10, с. 55]. Необходимо осознать, что данная концепция не охватывает всю картину и упускает из виду важный аспект – обеспечение экономической безопасности государства. В результате сужается область экономических преступлений, исключая из рассмотрения ключевую составляющую.

Э. Сатерленд сформулировал концепцию преступности в области экономики, основываясь на зарубежных правовых источниках. Особое вни-

вание уделяется субъектам, совершающим преступления в экономической сфере, включая лиц с высоким социальным статусом, которые совершают преступные деяния в рамках своей служебной деятельности. [11, с. 56].

Сегодня стало ясно, что отсутствие четких и эффективных программ борьбы с экономической преступностью приводит к серьезным проблемам. Ученые из разных областей, включая криминологию и уголовное право, предлагают различные концепции экономической преступности, которые, хотя и похожи между собой, но имеют различия в отдельных аспектах. Эти разнообразные определения не позволяют сформулировать общее понятие, которое было бы принято во всех сферах права.

Для полного понимания сущности экономической преступности важно разграничить основные черты, присущие экономическим правонарушениям. Согласно взгляду И.И. Рарога, такие преступные действия можно отнести к категории общественно-угрожающих, которые направлены на нарушение экономической структуры государства и мотивированы исключительно экономическими мотивами. Лица, совершающие такие преступления, обычно занимают руководящие должности в общественных и государственных организациях или взаимоотношения между гражданами и активно участвуют в хозяйственной и экономической деятельности. [12, с. 91].

Из-за непонятных мотивов автор ограничил сферу экономических правонарушений только теми, кто занимает должности в общественных и государственных учреждениях и совершает действия, ущемляющие интересы государства в области экономики.

Согласно В.В. Колесникову и С.В. Степашина, все преступные действия, касающиеся экономики, являются экономическими, вне зависимости от того, где они произошли. Они утверждают, что такие деяния могут быть совершены не только в сфере экономики, но и за ее пределами. Важно отметить, что преступления в экономической сфере связаны с извлечением прибыли и относятся к сфере предпринимательской деятельности. [13, с. 334].

В своем исследовании авторы выделяют определенные характеристики, которые помогают определить экономическую преступность. Они отмечают следующие особенности:

- преступные действия в области бизнеса, совершаемые в рамках законной деятельности или скрытно;
- преступные деяния, ограниченные сферой экономики;
- экономические преступления, совершаемые участниками экономической сферы;
- использование преступниками криминальных методов для завладения материальными ценностями.
- уникальный объект, который вызывает уникальные ассоциации и эмоции., на который направлено посягательство и множественность таких объектов;

- массовый характер преступности и типичность способов совершения преступлений;
- скрытый характер преступности;
- часть преступлений совершается с применением насилия;
- преступления совершают в большей части с умышленными целями и мотивами;
- виктимная анонимность, то есть жертва, как правило, не персонифицирована;
- с жертвой нет прямого контакта;
- преступник, как правило, обладает высоким социальным статусом.

По мнению П.С. Яни следует говорить о том, что на современном этапе не определены четко границы экономических преступлений, их в принципе невозможно описать полностью, так как за данным понятием, в этом случае стоит определенная условность [14, с. 33].

Мы считаем, что уголовно-правовая оценка преступлений, совершаемых в сфере экономики, заключается в общности преступных действий, прописанных уголовным законом и нарушающих экономические отношения. Это может затронуть нормальное функционирование экономики или угрожать защищаемым интересам граждан, общества и государства. Поэтому мы считаем, что при классификации экономических преступлений следует учитывать ущерб, причиняемый экономическим интересам, а также интересам граждан, общества и государства.

Экономические преступления представляют угрозу обществу, что во многом обусловлено ущербом, причиняемым всей экономике, позволяет субъектам незаконной деятельности обогащаться при помощи средств, которые могут привести к социальной несправедливости. То есть интересы одних субъектов фактически удовлетворяются за счет интересов вторых субъектов.

Экономическая преступность представляет собой сложную систему деяний, совершаемых в экономической сфере и вредящих собственности. Необходимо всегда учитывать, что эта совокупность преступлений разнообразна. Обусловленность преступности в экономике связана с особенностями социальной среды и тесными взаимосвязями между субъектами экономических отношений, которые часто диктуется корыстными или личными интересами. Важно понимать, что эта форма преступности представляет значительную общественную опасность.

Заключение

Автор предлагает свое собственное определение экономической преступности, основываясь на различных точках зрения. Этот вид преступности рассматривается как сложное и общественно опасное явление, которое подрывает экономическую безопасность государства и интересы граждан. Деяния, совершаемые в экономической сфере из корыстных мотивов, являются основным признаком экономической преступности.

По мнению автора, хотя данное понятие и является лаконичным, но включает в себя все основные признаки экономической преступности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.
2. Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е. Криминология // М.: Изд. Группа НОРМА–ИНФРА–М., –1999. –С. 484.
3. Кузнецова Н.Ф., Миньковский Г.М., Криминология // М.: БЕК. – 1998. –912 с.
4. Яковлев А.М., Экономическая преступность: закон и жизнь // М.: Знание, – 1990. – 64 с.
5. Петров Э.И., Марченко Р.Н., Барина Л.В., Криминологическая характеристика и предупреждение экономической преступности // М. –1996. –170 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Кузнецов Н.Ф. Квалификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Право. – 1993. – № 4.
8. Кузнецов А.П. Преступления в сфере экономической деятельности (понятие, место, классификация) // Следователь. –1999. –№ 4. – С. 25–28.
9. Волженкин Б.В., Экономические преступления. // СПб. – 1999. – 312 с.
10. Сатерленд Э.Х., Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // М. –1996. –С. 56–63.
11. Рогов И.И., Экономика и преступность. // Алма-Ата, Казахстан. – 1991. 158 с.
12. Колесников В.В., Степашин С.В. Экономическая преступность в современном рыночном хозяйстве // СПб, –2000. –С. 334–337.
13. Яни П.С., Экономические и служебные преступления. // М. – 1997. –208 с.

APPROACHES TO THE NORMATIVE DEFINITION OF THE CATEGORY “ECONOMIC CRIMES” IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Pastukhov E.A.

Baikal State University (Irkutsk)

In the process of analyzing the historical development of economic crime, the author discovered that the existing concepts of this phenomenon cause controversy in modern scientific literature. Foreign and domestic doctrines present different points of view on this phenomenon. Legal literature is actively studying this issue, but so far it has not been possible to achieve a consensus on the concept of economic crime and its legal nature. This makes it difficult to develop effective strategies to combat this negative phenomenon. Taking into account the above, this article is devoted to generalizing scientific views on the concept of economic crime, its legal essence, with the aim of developing a unified definition. While working on the article, the author used general scientific methods of analysis and synthesis, as well as formal-logical and logical-legal research methods. Based on the results of the study, the author offers his own definition of economic crime, which can be taken as a basis when conducting comprehensive studies in this area. In modern scientific works, there is an insufficient definition of the concept and legal nature of economic crime, which leads to many different points of view.

Keywords: economic crime; crimes in the field of economics; the economy of Russia; criminal law; the essence of economic crime.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27. – Art. 5351.
2. Kudryavtseva V.N., Eminova V.E.. Criminology // М.: Publishing house. Group NORM–INFRA–M., –1999. -WITH. 484.
3. Kuznetsova N.F., Minkovsky G.M., Criminology // М.: BEK. – 1998. –912 p.
4. Yakovlev A.M., Economic crime: law and life // М.: Znanie, – 1990. – 64 p.
5. Petrov E.I., Marchenko R.N., Barinova L.V., Criminological characteristics and prevention of economic insipidity // М. –1996. –170 s.
6. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on December 30, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
7. Kuznetsov N.F. Qualification of norms on economic crimes // Bulletin of Moscow University. Right. – 1993. – No. 4.
8. Kuznetsov A.P. Crimes in the sphere of economic activity (concept, place, classification) // Investigator. –1999. –No. 4. – P. 25–28.
9. Volzhenkin B.V., Economic crimes. // St. Petersburg – 1999. – 312 p.
10. E. H. Sutherland, Are White Collar Crimes Crimes? // М. –1996. -WITH. 56–63.
11. Rogov I.I., Economy and crime. // Alma-Ata, Kazakhstan. – 1991. 158 p.
12. Kolesnikov V.V., Stepashin S.V. Economic crime in the modern market economy // St. Petersburg, –2000. -WITH. 334–337.
13. Yani P.S., Economic and official crimes. // М. – 1997. –208 p.

Проблемы и перспективы российской уголовной политики в контексте преступлений против интеллектуальной собственности

Попов Григорий Иванович,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА
Минюста России)

E-mail: grisha-popov@yandex.ru

В статье анализируются текущие проблемы и излагаются перспективы развития уголовной политики Российской Федерации, касающейся преступлений против интеллектуальной собственности. Автор настаивает на обновлении системы наказаний, опираясь на принципы последовательности и соразмерности, а также на необходимость гуманизации уголовного права. Особое внимание предлагается уделить наказаниям, не связанным с лишением свободы, например, ограничению свободы, использование которого в настоящее время оставляет желать лучшего. Автор критически осмысливает нормативную базу, регулиющую отношения в области интеллектуальной собственности, выявляя ключевые несоответствия и пробелы в законодательстве. В качестве одного из путей решения проблемы предлагается интеграция всех норм, касающихся преступлений против интеллектуальной собственности, в отдельную главу Уголовного кодекса РФ, что позволит учесть уникальную специфику и значимость защиты результатов интеллектуального труда.

Ключевые слова: Уголовная политика России, преступления против интеллектуальной собственности, система наказаний, гуманизация уголовного законодательства, ограничение свободы, Уголовный кодекс РФ, соразмерность наказаний, экономические преступления, интеллектуальная собственность, уголовно-правовая защита.

Интеллектуальная собственность представляет собой элемент креативного познания, общественных отношений, который представляет собой защиту творческих потенций, которые в свою очередь являются ничем иным как идентификация человека в современном мире. Именно поэтому интеллектуальная собственность является важнейшей разновидностью отношений, которые претендуют на охрану самого репрессивного закона – уголовного закона.

В текущих условиях актуальным остается вопрос адекватности уголовного законодательства РФ в сфере экономических преступлений, в частности, предусмотренных в Разделе VIII УК РФ. Глава 21 данного Раздела, посвященная преступлениям против собственности (статьи 158–168), охватывает действия, нацеленные на нарушение прав собственности в отношении материальных благ.

Особое внимание в контексте данной темы заслуживает трактовка хищения, как указано в примечании к статье 158 УК РФ, где оно определяется как противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с целью извлечения корыстной выгоды, ведущее к ущербу для собственника или иного законного владельца. Однако, определение «имущества» в УК РФ остается неясным.

Определение имущества является важным показателем и определителем предмета преступления поскольку в данной ситуации возникает коллизия между уголовным и гражданским правом поскольку понятие имущества играет ключевую роль как в уголовном, так и в гражданском праве, но его интерпретация и применение в этих двух отраслях права имеют существенные различия. В гражданском праве имущество рассматривается как совокупность материальных и нематериальных благ, на которые распространяются имущественные права субъектов. Эти права включают владение, пользование и распоряжение имуществом. В уголовном праве же акцент делается на защите имущественных прав от противоправных посягательств, таких как кража, мошенничество, разбой и так далее, которые наносят вред владельцам имущества или порядку осуществления имущественных прав.

Современные вызовы, включая развитие цифровой экономики и технологий, требуют переосмысления и адаптации понятия имущества, особенно в контексте интеллектуальной собственности, которая занимает все более значительное место в имущественных отношениях. Это предполагает необходимость дальнейшей разработки нормативной базы, особенно в уголовном законо-

дательстве, для эффективной защиты результатов интеллектуального труда как части имущественных прав.

Более того, дифференциация между материальным и нематериальным имуществом в уголовном праве требует уточнения и совершенствования, особенно в свете растущего числа преступлений против интеллектуальной собственности. Это подразумевает не только уголовно-правовую охрану физического имущества, но и наделение интеллектуальной собственности адекватными гарантиями защиты от незаконного использования и посягательств.

Гармонизация понятий имущества в уголовном и гражданском праве, а также адаптация законодательства к современным реалиям, являются необходимыми шагами для обеспечения эффективной защиты имущественных прав. Это предполагает не только углубленный анализ существующих норм, но и разработку новых подходов к классификации и защите имущества, особенно в области интеллектуальной собственности, что в свою очередь будет способствовать развитию правовой системы и обеспечению справедливости.

Поэтому полагаем целесообразным унифицировать данные понятия в правовой области, пускай это будет фикция, но унифицировав эти понятия мы создадим гармоническую основу для исследования предмета как в рамках гражданского права, так и уголовного законодательства.

В свою очередь в теории уголовного права существует позиция, согласно которой по общему правилу, предметом преступления является материальный объект, в отношении которого совершается противоправное деяние. В то время как ущерб предмету преступления в таких случаях не наносится, так как речь идет о неправомерном завладении имуществом или приобретении прав на него через обман или злоупотребление доверием (ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (Далее – УК РФ)). Право на имущество, получаемое в результате мошенничества, выступает в роли объекта посягательства, но не его предмета [7].

Однако, мы считаем, что в контексте текущего обсуждения уголовной политики РФ, возникает необходимость в более детальном определении термина «имущество» в законодательстве, особенно в отношении правоприменительной практики. Важно учитывать положения гражданского права при формулировании примечания к статье 158 УК РФ, чтобы обеспечить точность и правильность трактовки данного понятия. Таким образом, мы считаем обоснованным определение имущества в контексте уголовного законодательства как набора материальных объектов (вещей) и имущественных прав и обязательств (нематериальные элементы, принадлежащие к сфере гражданского права и обладающие имущественным значением). Эти элементы вызывают возникновение, изменение и прекращение правовых отношений у различных правообладателей, включая физических

и юридических лиц, а также публично-правовые структуры.

Более того, существующий уголовно-правовой механизм, его применение на практике и развитие теоретических аспектов уголовного права, особенно в сфере уголовной ответственности и наказания, предполагают возможность совершенствования законодательства.

Специфика преступлений, затрагивающих сферу интеллектуальной собственности, предопределяет логику в выделении отдельной главы в Разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». Эта глава должна агрегировать составы преступлений, установленные в статьях 146, 147, 180 и 183 УК РФ, учитывая уникальность соответствующих социальных отношений, которые подлежат уголовно-правовой защите и регулируют присвоение результатов интеллектуального труда, подпадающие под определение интеллектуальной собственности.

Для эффективного предупреждения и санкционирования преступлений против интеллектуальных прав целесообразно консолидировать нормы, регулирующие уголовную ответственность в данной сфере (статьи 272–274 УК РФ), в одном разделе этого УК. Это станет способствовать формированию интегрированного и системного метода в борьбе с указанными преступлениями нарушениями. Однако, существующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы демонстрируют недостаточность при анализе дел, связанных с интеллектуальной собственностью, особенно в части установления факта вины и оценки причиненного ущерба, как это предусмотрено в статьях 146 и 147 УК РФ [2].

В связи с этим предлагается конструировать составы преступлений, предусмотренных вышеуказанными статьями по типу формального, которые считаются завершенными независимо от наличия вредных последствий. Такой подход может способствовать улучшению доказательной базы и повышению эффективности уголовного процесса в области защиты прав на интеллектуальную собственность.

В рамках усовершенствования уголовного законодательства, достаточным условием для привлечения к ответственности должно стать подтверждение факта совершения акта нарушения или его отсутствия в случае установления вины. В этом контексте предлагается уточнение квалифицирующих факторов в статье 146 УК РФ, в том числе действия, связанные с принуждением к соавторству, отказом от авторства под угрозой физического воздействия, уничтожением материальных ценностей, клеветой, а также другими нарушениями прав автора или правообладателя. Считаем также необходимым и целесообразным внесение изменений в части 2 статьи 147 УК РФ, изложив ее диспозицию в следующей редакции «2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо

с использованием лицом своего служебного положения».

Этот факт вызван высокой угрозой несанкционированного разглашения данных об изобретениях, полезных моделях или промышленных образцах до их официального объявления сотрудниками, задействованными в регистрации интеллектуальных продуктов.

Также, мы считаем, что в третьей части статьи 146 УК РФ, которая касается нарушения авторских и смежных прав, стоит внести изменения, определяющие использование давления или зависимости автора, или владельца прав как отягчающее обстоятельство.

Предлагается дополнить ч. 3 ст. 146 УК РФ пунктом «д», изложив его в следующей редакции: «д) с использованием давления, зависимости автора, или владельца прав, включая принуждение к соавторству или отказу от авторства под угрозой каких-либо негативных последствий для автора или правообладателя», —

Применение этого нововведения в законе поможет предотвратить злоупотребления, которые происходят из-за упомянутых форм давления. В настоящее время это явление достаточно широко распространено, когда должностные лица эксплуатируют свою власть для присвоения чужих интеллектуальных достижений.

В контексте обсуждения уголовной политики, акцент на последовательность и соразмерность наказаний является основополагающим для обеспечения справедливости и эффективности правоприменительной практики. Это особенно важно при рассмотрении дел, связанных с интеллектуальной собственностью, где традиционные подходы к наказанию могут не всегда адекватно отражать характер и последствия правонарушения. Учитывая специфику этих преступлений, необходимость пересмотра наказаний, в том числе с фокусом на альтернативные меры без лишения свободы, становится очевидной.

Мы предлагаем рассмотреть различные виды наказаний для определённых статей, особенно акцентируя внимание на недоиспользованной возможности ограничения свободы в случаях нарушений интеллектуальной собственности. Несмотря на редкое применение этого вида наказания в областях, связанных с экономическими и конституционными правонарушениями, его использование в контексте интеллектуальной собственности может быть эффективным.

В соответствии с текущими глобальными стандартами по обеспечению прав человека, наблюдается рост интереса к применению нелишающих свободы альтернативных наказаний. В этом контексте предполагается, что развитие национального уголовного законодательства должно сосредоточиться на совершенствовании таких мер наказания, которые не влекут за собой изоляцию от общества. Это включает в себя расширение ассортимента и области применения таких мер, а также

укрепление органов, занимающихся их реализацией.

Ограничение свободы может выступать эффективным инструментом для точной корректировки мер наказания. Этот метод может использоваться вместо штрафов, особенно когда такое наказание кажется нецелесообразным, например, из-за семейных обстоятельств осужденного. В ответ на возможные возражения стоит заметить, что ограничение свободы и условное осуждение — это существенно разные меры. Ограничение свободы несет в себе определенное репрессивное воздействие и является частью процесса реализации уголовной ответственности, в то время как условное осуждение представляет собой одну из форм освобождения от наказания.

Использование штрафов в качестве меры наказания за нарушения, касающиеся интеллектуальной собственности, заслуживает более активного внедрения. По мнению Д.А. Огорелкова, размер штрафов может варьироваться в зависимости от финансового положения и платёжеспособности лиц, а также от характеристик совершённого преступления. Финансовое наказание, являющееся частью уголовного воздействия, имеет важное значение, поощряющее исследования, направленные на расширение его функций в профилактике преступлений [5].

В санкциях статей Особенной части УК РФ штраф является основным видом наказания в 453 случаях (49,29%), уступая по частоте применения лишь лишению свободы. В разделе, посвященном правонарушениям, затрагивающим интеллектуальную собственность, из тринадцати статей однанадцать предписывают использовать штраф как главную меру наказания.

В рамках гуманизации уголовного правосудия не рекомендуется считать принудительные работы единственной альтернативой к лишению свободы, особенно в отношении преступлений, которые не вредят жизни, здоровью, основным правам человека и государственной безопасности [3].

К этому моменту следует добавить другой важный аспект. Во второй части статьи 147 УК РФ определена ответственность за коллективные действия нелегального использования объектов интеллектуальной собственности, и в данном случае применяется штраф как главная мера воздействия. Однако в третьей части статьи 146 того же кодекса, несмотря на схожесть нарушения, штраф не предусмотрен в качестве основного вида наказания.

С учётом стремления к последовательности в назначении наказаний и учитывая тенденцию к гуманизации в уголовном праве, представляется логичным внести изменения в третью часть статьи 146 и четвертую часть статьи 183 УК РФ, включив туда штраф как основное наказание.

Согласно судебным данным, штрафы часто используются как основное наказание несмотря на отсутствие такой нормы в статье 146 УК РФ, что свидетельствует о применении статьи 64 УК

РФ для учета особых обстоятельств и выбора мягкого наказания [8]. В 2022 году штрафы как дополнительное наказание применили к 13476 осужденным [8].

Введение штрафа как дополнительной меры позволяет судам сокращать срок заключения, делая приговоры более индивидуализированными и справедливыми [9].

Исследования подтверждают, что сочетание основного и дополнительного наказаний эффективно способствует реабилитации и предотвращению новых преступлений [6].

В свете повышения эффективности наказаний за нарушения интеллектуальной собственности, предлагается введение штрафов как дополнительной меры в статьи УК РФ, предусматривающие тюремное заключение за тяжкие преступления в этой сфере, в частности, изменение части 4 статьи 183. Анализ практики трудовых наказаний, включая обязательные и исправительные работы, показывает их высокую эффективность и популярность после введения, что подтверждается как историческими данными, так и международным опытом. В 2004 году Б.З. Маликов в своей докторской диссертации критиковал односторонний подход к лишению свободы из-за задержек в внедрении альтернативных мер, что снижало общую эффективность наказаний. [4].

Изучение и анализ существующей системы уголовного наказания в России указывают на необходимость ее реформирования и адаптации к современным реалиям. Одной из перспективных мер в этом направлении является расширение практики применения альтернативных видов наказания, таких как обязательные и исправительные работы. Внедрение данной меры может способствовать повышению эффективности уголовного наказания, поскольку она направлена на ресоциализацию правонарушителей и их реинтеграцию в общество.

Кроме того, использование обязательных и исправительных работ позволит снизить нагрузку на пенитенциарную систему, что является актуальной задачей в свете ее перегруженности и высоких затрат на содержание заключенных. Это позволит сделать систему наказаний более гибкой и адаптивной к различным категориям правонарушений, включая нарушения в области интеллектуальной собственности.

Введение альтернативных видов наказания будет способствовать укреплению принципов справедливости и соразмерности в уголовном праве. Данные меры обеспечат более целесообразный и сбалансированный подход к наказанию за правонарушения, связанные с интеллектуальной собственностью, учитывая их специфику и степень общественной опасности.

Таким образом, расширение использования обязательных и исправительных работ представляется перспективной мерой, направленной на гуманизацию и модернизацию системы уголовного наказания в России. Данный подход позволит обе-

спечить более эффективную ресоциализацию правонарушителей, снизить нагрузку на пенитенциарную систему и укрепить принципы справедливости и соразмерности в уголовном праве.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023). Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 16.01.2024).
2. Бугаенко Ю.Ю., Мамий А.Ю. Уголовная ответственность в сфере нарушения изобретательских и патентных прав // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-v-sfere-narusheniya-izobretatelskih-i-patentnyh-prav> (дата обращения: 16.01.2024).
3. Дворянсков, И.В. Принудительные работы как альтернатива лишению свободы / И.В. Дворянсков, А.Ш. Габараев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 5(192). С. 18–23.
4. Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08. Рязань, 2004. 482 с.
5. Огорелков Д.А. Законодательное определение наказания в виде штрафа как основа его уголовно-правового воздействия / Д.А. Огорелков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2(43). С. 181–185.
6. Розенко С.В. Дополнительные наказания в российском уголовном праве: проблемы системности и совершенствования // Вестник ЮГУ. 2020. № 4 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnye-nakazaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave-problemy-sistemnosti-i-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 16.01.2024).
7. Торопыгин, О.Ю. Проблема понятия «предмета преступления» в теории уголовного права (историко-теоретические аспекты) / О.Ю. Торопыгин // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 7–1. С. 223–232.
8. Уголовное судопроизводство. Применение основной и дополнительной меры наказания. Судебная статистика.пф. Доступ: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/12/s/8> (дата обращения: 16.01.2024).
9. Шамина Е.А. Исполнение наказания в виде штрафа в Российской Федерации: проблемы и возможные пути их решения // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnenie-nakazaniya-v-vide-shtrafa-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 16.01.2024).

PROBLEMS AND PROSPECTS OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY IN THE CONTEXT OF CRIMES AGAINST INTELLECTUAL PROPERTY

Popov G.I.

The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

The article discusses the issues and prospects for the development of criminal policy in the Russian Federation with respect to crimes against intellectual property. The author emphasizes the need to update the punishment system based on the principles of consistency and proportionality, as well as the humanization of criminal law. In particular, it is proposed to pay more attention to non-custodial punishments, such as restrictions on freedom, which are underutilized in current practice. The author critically analyzes the existing normative base, pointing out discrepancies, and suggests creating a separate chapter in the Criminal Code of the Russian Federation that would aggregate crimes in the field of intellectual property, considering their specificity and significance for the protection of the results of intellectual labor.

Keywords: Russian criminal policy, crimes against intellectual property, punishment system, humanization of criminal law, restriction of freedom, Criminal Code of the Russian Federation, proportionality of punishments, economic crimes, intellectual property, criminal law protection.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on November 27, 2023) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Pro" (Date of access: January 16, 2024).
2. Bugaenko, Y.Y., Mamiy, A.Y. Criminal liability in the field of infringement of inventive and patent rights // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2023. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-v-sferenarusheniya-izobretatelskih-i-patentnyh-prav> (date of access: January 16, 2024).
3. Dvoryanskov, I.V., Gabaraev, A. Sh. Compulsory labor as an alternative to imprisonment / I.V. Dvoryanskov, A. Sh. Gabaraev // Bulletin of the Penal System. – 2018. – No. 5(192). – Pp. 18–23. – EDN UPNLYD.
4. Malikov, B.Z. Theoretical issues of the essence and content of deprivation of liberty and their expression in the criminal and penitentiary legislation of Russia: Thesis ... Doctor of Law: 12.00.08. Ryazan, 2004. 482 p. RSL OD, 71:04–12/118.
5. Ogorelkov, D.A. Legislative definition of a fine as a basis for its criminal-law impact / D.A. Ogorelkov // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2(43). – Pp. 181–185. – DOI 10.51980/2542–1735_2021_2_181.
6. Rozenko, S.V. Additional punishments in Russian criminal law: problems of systematization and improvement // Bulletin of Southern Ural State University. 2020. No. 4 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnye-nakazaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave-problemy-sistemnosti-i-sovshhenstvovaniya> (date of access: January 16, 2024).
7. Toropygin, O.Y. The problem of the concept of "the object of crime" in the theory of criminal law (historical-theoretical aspects) / O.Y. Toropygin // Issues of Russian and International Law. – 2019. – Vol. 9, No. 7–1. – Pp. 223–232.
8. Criminal Proceedings. The application of the main and additional punishment. Judicial statistics.rf [Electronic resource] // Access: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/12/s/8> (Date of access: January 16, 2024).
9. Shamina, E.A. Execution of the punishment in the form of a fine in the Russian Federation: problems and possible solutions // Gaps in Russian Legislation. 2012. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnenie-nakazaniya-v-vide-shtrafa-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya> (date of access: January 16, 2024).

Выявление дифференциации подходов к регулированию корпоративных отношений в гражданском праве России и ЮАР

Бавин Дмитрий Евгеньевич,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: bavin.de@dvfu.ru

Кузьмина Карина Сергеевна,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: kuzmina.kse@dvfu.ru

Симаков Евгений Владимирович,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: simakov.ev@dvfu.ru

Наринский Андрей Валерьевич,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: andy.n.conn@bk.ru

В статье рассматривается система корпоративного права в Южно-Африканской Республике, в частности, рассматривается модель корпоративных отношений, различные правовые институты. Авторы раскрывают особенности формирования регистрации и управления корпоративными предприятиями, устанавливается система подчинённости дочерних и холдинговых компаний. Кроме того, в статье осуществляется обзор арбитражного рассмотрения споров (обозначаются исключительные вопросы ведения арбитража) между корпоративными субъектами. Вместе с тем, в качестве отличительной черты правового регулирования корпораций в ЮАР выступают трибуналы по корпорациям, этому вопросу авторы также посвящают отдельный раздел статьи.

Ключевые слова: арбитраж, ЮАР, корпоративные споры, соотношение правовых систем, модели корпораций.

Введение: В настоящее время российскими компаниями предпринимаются действия по поиску новых экономических партнёров, в связи с чем наиболее актуальным выступает рассмотрение вопроса о соотносимости и реальной возможности взаимодействия правовых систем различных государств с российской, именно поэтому в данной статье речь пойдёт о давнем политическом партнёре России – Южно-Африканской (ЮАР) республике, в частности её корпоративном праве и системе арбитражного разрешения споров.

Модель корпоративного управления ЮАР просматривается в Акте о компаниях № 71, принятом в 2008 г. (далее – Закон № 71) [1]. Для Южно-Африканской Республики характерна англосаксонская (англо-американская) модель. Для нее характерна упрощенная структура органов управления. Высшим органом компании признается собрание акционеров, которое утверждает ее устав, назначает и смещает директоров. Большое значение имеет и сам совет директоров, который созывает собрание акционеров и решает иные вопросы, отнесенные к его компетенции, а также несет ответственность перед общим собранием (ст. 71, 77 и др.). При этом совет директоров может включать в себя структурные подразделения («committees»). Законодательство предусматривает и наличие единоличного исполнительного органа корпорации («первого директора»). Однако он является лишь временным органом компании, который функционирует лишь до достижения установленного законом минимума для совета директоров (3 человека). При этом Законом № 71 четко не очерчивается конкретный круг полномочий коллегиального исполнительного органа, что подразумевает решение данного вопроса в учредительном договоре каждой отдельной компании. Согласно ст. 91 Акта, для государственных корпораций и публичных компаний обязательно наличие контрольного органа (аудитора), назначаемого общим собранием. В частных компаниях, контролирующие функции, как правило, выполняет коллегиальный исполнительный орган в лице его соответствующих комитетов.

О наличии англо-саксонской модели корпоративного управления в ЮАР свидетельствует и то, что Акт о компаниях устанавливает дифференциацию между акционерами-членами собрания акционеров и теми акционерами, которые действуют без

созыва собрания («Shareholders acting other than at meeting»); аналогичная ситуация с директорами, которые тоже разделяются на членов совета директоров и теми, которые голосуют без созыва совета директоров. Тем самым мы видим некоторое распыление акционерного капитала за счет такого дробления.

Данная модель корпоративного управления ЮАР обусловлена исторически, период с XIX в. по XX в. характеризовался агрессивной колониальной политикой Британской Империи, которая взяла под свой контроль территории современной ЮАР, распространив там свое влияние, в т.ч. с точки зрения правовой системы. Сказалось это и на корпоративном управлении, во многом вобравшем в себя элементы английского законодательства (в т.ч. Акта о компаниях 2006 года [2], который был взят за основу африканского закона о компаниях).

Согласование интересов

Поскольку ЮАР относится к англо-американская системе корпоративного управления, то соответственно для компаний ЮАР характерна *фидуциарная модель* согласования интересов. В рамках этой модели важным органом корпорации является ее совет директоров, выступающий в качестве координатора интересов всех участников (учредителей) компании. Именно коллегиальный исполнительный орган осуществляет созыв собрания акционеров, которое решает жизненно важные вопросы деятельности корпорации. Более того, именно на совете директоров лежит задача по обеспечению кворума общего собрания, чтобы обеспечить полноценную реализацию политики компании. В частности, совет директоров обязан принять решение об отмене созыва собрания акционеров, если количество отказов акционеров от участия в собрании не позволяет достичь предусмотренного законом или учредительными документами кворума, при котором собрание считалось бы правомочным (п. 6 ст. 61 Закона № 71). Этот пример показывает, что совет директоров южноафриканских корпораций обеспечивает баланс интересов сторон корпоративных правоотношений.

Контролирующие и подконтрольные компании

В ЮАР контролирующие и подконтрольные компании обозначил как холдинговые и дочерние компании соответственно. Законом № 71 устанавливается легальное определение контролирующей (холдинговой) компании: «... юридическое лицо или предприятие, которое контролирует эту дочернюю компанию» (ст. 1 Закона). В свою очередь, под дочерней компанией законодатель понимает компанию, в отношении которой холдинговая организация осуществляет контроль за осуществлением большинства прав голоса, связанных с получением и распределением ценных бумаг, а также компания, руководство которой либо назначается контролирующей компанией непосредственно, либо назначается самими подкон-

трольными организациями с санкции контролирующего юридического лица (ст. 3). К подконтрольным отнесены и те корпорации, которые находятся в полной собственности (“wholly-owned”) других компаний, если все или большинство голосов контролируются холдинговой компанией.

В российском законодательстве имеются сходные юридические конструкции. Например, согласно ст. 6 Закона об ООО, выделяются дочерние и зависимые общества как подконтрольные преобладающим (участвующим) обществам или товариществам [3]. Однако в РФ подконтрольная организация не может быть в собственности у преобладающей/участвующей. Все ограничивается лишь влиянием последних на принятие решений зависимых и дочерних корпораций или участием в их уставном капитале.

Тем самым для корпоративного права ЮАР характерно установление тесных правовых связей, которые не сводятся только к контролю над управлением дочерним обществом, но и над её имуществом. Однако такая система способна служить причиной значительной части корпоративных конфликтов, связанных с вмешательством в управление компанией, в ее дивидендную политику, а также и с существенными ограничениями, которые могут быть введены для акционеров подконтрольных корпораций.

Аспекты арбитражного разбирательства

В Республике процедура третейского разбирательства (арбитража) более популярна, чем судебный порядок разрешения споров, из-за дороговизны последнего.

Как известно, ЮАР присоединилась к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. об арбитраже. Законодательство ЮАР об арбитраже состоит из Акта № 423 от 1965 г. и Акта № 15 от 2017 г., который представляет собой имплементацию Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г. о международном коммерческом арбитраже.

Начнем с внутринационального арбитража, который регулируется Актом № 42. Статьей 2 акта закреплен закрытый перечень «неарбитрабельных» споров: это семейные споры и связанные с ними, а также споры по поводу правового статуса личности. Споры, в отношении которых не установлен запрет на обращение в арбитраж, являются арбитрабельными (объективная арбитрабельность). Арбитражная процедура основана на принципах взаимности и естественной справедливости. Акт 1965 г. признает обязательность арбитражного соглашения и не допускает его расторжения в одностороннем порядке. Более того, статьей 6 Акта установлено право на приостановление судебного разбирательства, если по этому же вопросу проходит арбитражная процедура. В то же время суд обладает широкими полномочиями по отмене арбитражного соглашения (например, оно может быть отменено при наличии «веских» оснований; в каждом деле суд по-своему может понимать эту

«вескость», что в условиях прецедентной правовой системы ЮАР может вызвать правовую неопределенность); в полномочия суда входит отмена назначения арбитра или его отстранение. Более того, суд вправе и назначать сторонам арбитра, в том числе если стороны не договорились сами.

Арбитражное разбирательство может осуществляться как арбитром единолично, так и третейским судом или арбитражным трибуналом, из 2–3 судей. Арбитр или трибунал уведомляют стороны, которые представляют все имеющиеся доказательства в ходе процесса. Ст. 18 Акта № 42 предусмотрено право арбитражного трибунала в случае возникновения затруднений передать спор на рассмотрение частному судье (umpire). Закон допускает и смешанный состав «арбитражный трибунал + частный судья».

Нарушение сторонами порядка разбирательства является уголовно наказуемым деянием (ст. 22 Акта).

Касаемо международного арбитража, проанализируем положения Акта 2017 г. (IAACT, Акт № 15) и Закона 1985 г. ЮНСИТРАЛ.

В соответствии со ст. I Типового закона установлены основания, в силу которых арбитражное разбирательство будет считаться международным, а значит, и подпадать под сферу действия данного акта:

- стороны соглашения (предприятия) на момент его заключения располагались в разных государствах;
- место для арбитража, указанное в соглашении, или место исполнения основного обязательства находились за пределами государства, в котором стороны осуществляли предпринимательскую деятельность;
- соглашением сторон прямо предусмотрено, что предмет арбитражного разбирательства может подпадать под юрисдикцию нескольких стран.

С точки зрения выбора арбитров в международном арбитраже ситуация схожа с внутринациональным арбитражем, т.к. стороны могут выбрать как одного арбитра, так и нескольких. В случае если сторонам не удалось согласовать кандидатуры арбитров, данный вопрос решает уде суд. При этом, согласно общему правилу, гражданство арбитра не является причиной для отказа лицу в праве осуществлять соответствующее полномочие.

Согласно ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г., в случае признания недействительным арбитражного соглашения арбитражная оговорка сохраняет свою силу для сторон.

Важно отметить ряд особенностей, связанных с **признанием и исполнением арбитражных решений**. Согласно ст. 15 Акта 2017 г. Решения иностранного арбитража обязательны для исполнения на территории ЮАР, а также могут иметь силу прецедента (т.е. на них можно ссылаться в спорах). Однако законодатель устанавливает ряд условий для приведения таких решений в исполнение. Во-первых, лицо, требующее исполнение иностранных арбитражных решений, обязано предоставить ряд

соответствующих доказательств (арбитражное соглашение, решение иностранного арбитража, их удостоверенные копии и переводы). Во-вторых, для исполнения решения нужен ряд условий, связанных с соответствием национальному праву. В частности, это:

- соответствие содержания решения основам государственной политики ЮАР;
- отсутствие надлежащей правоспособности стороны соглашения в силу ее личного закона;
- недействительность арбитражного соглашения на основании права, которому оно было подчинено сторонами;
- решение арбитража вынесено по неарбитрабельному спору и др.

Таким образом, законодатель, устанавливает целую «полосу препятствий» для реализации решений иностранных третейских судов, чтобы обеспечить верховенство норм африканского права в отношении бизнеса и снизить иностранное давление на государство, которое обязано приводить в исполнение решения арбитражей иных стран.

Теория оседлости

В правовом регулировании статуса юридических лиц ЮАР не следует теории оседлости, как тот же Иран. В силу влияния английского подхода к пониманию корпорации ЮАР придерживается теории инкорпорации, согласно которой личным законом компании признается закон места ее регистрации. Данная теория находит свое отражение в легальной дефиниции понятия «компания». В соответствии со ст. 1 Закона № 71 компанией является юридическое лицо, зарегистрированное в порядке, установленном данным Законом и другими актами (включая Акт № 69 о закрытых компаниях от 1984 г.). Кроме того, в Законе 1984 г. на стадии завершения регистрации предусмотрена выдача специального сертификата о регистрации, который, в частности, определяет место, где данное юридическое лицо было зарегистрировано. Акт № 71 (part B) указывает на обязательное включение в учредительном договоре компании сведений о месте регистрации. Этот документ по сути является не только правоустанавливающим юридическим фактом, с наступлением которого компания вправе осуществлять свою деятельность: фактически это указание на то, что на участников корпорации будут распространяться нормы африканского права, если иное не установлено международным соглашением. Тем самым государство закрепляет свою юрисдикцию в отношении своих компаний, работающих за пределами ЮАР, а значит, косвенно контролирует их предпринимательскую деятельность и ее результаты. Это своеобразный элемент борьбы с вывозом капиталов из страны.

Трибуналы по компаниям

Трибуналы в Южной Африке являются квазисудебными органами, которые предоставляют сторонам

альтернативный процесс разрешения споров (ADR [4]) для разрешения их споров вне судебной системы. Арбитражный процесс проводится в соответствии с законами и нормативными актами Южной Африки и контролируется трибуналом, состоящим из трех субъектов: арбитражной коллегии, представителя от каждой стороны, участвующей в споре, и нейтральной третьей стороны.

В правовой системе Южноафриканской республики существует иерархия судов:

- Конституционный суд ЮАР
- Верховный апелляционный суд (Supreme Court of Appeal)
- Высокие суды (High Courts)
- Магистратские суды (Magistrates' Courts)
- Специальные суды
- Низшие суды

Отдельное место в судебной системе ЮАР занимают Трибуналы по организациям (компаниям). В Российской правовой системе данный суд находит точки соприкосновения с арбитражными судами. Далее рассмотрим подробнее на основе сравнительно правового анализа судов различных правовых систем.

Для начала начнём с юрисдикции судов. Трибунал по компаниям формируется министром юстиции, действует на всей территории республики, является независимым и подчиняется только Конституции и закону, регламент деятельности и порядок формирования описан в ст. 193–196 акта о компаниях от 2008г (далее: акт о компаниях). [5]

Деятельность арбитражных судов Российской Федерации регламентируется ФКЗ – № 1 «об арбитражных судах» [6], ФКЗ о судебной системе [7] и Конституцией РФ. Что касается непосредственно юрисдикции, акт о компаниях ЮАР относит к юрисдикции Трибуналов следующее: споры связанные по поводу деятельности внешних компаний, некоммерческих компаний и коммерческих компаний, в число последних входят государственные компании, частные компании, компании с личной ответственностью и публичные компании. ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в ст. 5 указывает основные задачи арбитражных судов, к которым относится: «защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предприятий, учреждений, организаций (далее – организации) и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.»

Далее стоит поговорить про структуру арбитражного суда РФ и Трибунала ЮАР. В российской правовой системе существует разветвлённая система арбитражных судов, представлена она в следующем:

- арбитражные суды первой инстанции в республиках, краях, областях, городах федерального значения, автономной области, автономных округах (далее – арбитражные суды субъектов Российской Федерации);

- арбитражные суды округов (арбитражные кассационные суды);
- арбитражные апелляционные суды;
- специализированные арбитражные суды.

Ст. 3 ФКЗ от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «Об арбитражных судах в Российской Федерации»

Трибунал по компаниям ЮАР учреждается министром юстиции в единственном лице и действует на всей территории государства. Арбитражное судопроизводство несколько специфично, поскольку трибунал не входит в общую судебную систему, а выделяется как отдельный орган, председатель и члены которого полностью назначаемы министром. Тем не менее, у данного органа достаточно широки полномочия, поскольку все остальные субъекты права обязаны ему содействовать (п. 2 ст. 193 South African company law 2008 г.)

Разделы, закона ЮАР о компаниях, касающиеся определения состава коллегий суда схожи с принципами российского арбитража в части того, что обязательно среди членов коллегии должен быть эксперт в области экономики, юриспруденции, а остальные должны иметь достаточную квалификацию для осуществления деятельности (ст. 194 South African company law 2008 г.)

Резюмируя изложенное можно указать на то, что отличительной чертой Трибунала по компаниям является его особый, отличный от российской правовой системы, статус данного органа, который, на первый взгляд, не имеет отношения к системе судов и больше схож с третейским судом, но с другой стороны исходя из положений закона о компаниях, следует иное, что Трибунал по компаниям больше похож на российский арбитражный суд.

Статус акционеров

Акционером в Южноафриканской республике признаётся лицо, которое имеет право выражать свою волю в любой форме (право голоса) в отношении компании, независимо от формы, названия или характера ценных бумаг, к которым прикреплены эти права голоса. [8]

Данное определение, указанное в 57 статье Акта о компаниях, определяет единый статус национальных акционеров, в то время как в Российской Федерации федеральным законом «об акционерных обществах» [9] устанавливается двойной статус акционеров (ст. 31 и 32) – держатель обыкновенной и привилегированной акции.

Поскольку в ЮАР существует лишь один статус для акционеров, для всех распространяется единый свод правил. Положение и статус акционеров схож со статусом в России. Так, например, каждый акционер имеет право действовать как самостоятельно, так и передавать право принятия решений своему представителю через доверенность. Также, отличительной особенностью является то, что в качестве поверенного может быть назначено несколько лиц. [10] В целом, доверенности и пред-

ставителям посвящён большой раздел в сравнении с российским законодательством об акционерных обществах.

Каждый акционер, если в компании он не представлен в единственном лице (что совершенно меняет его статус, фактически наделяя его всеми управленческими функциями) не может самостоятельно принимать решение за компанию, каждая инициатива должна быть обсуждена на собрании акционеров.

Институт акционерства в ЮАР не так сильно развит, как в России: все акционеры представлены одной категорией «владельцев обыкновенных акций», зато институту представительства в акционерстве уделено намного больше положений, нежели чем в ФЗ «об акционерных обществах» в РФ, что говорит о своеобразии и уникальности данной правовой системы.

Литература

1. Companies Act 71 of 2008, part F («Governance of companies») [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/321214210.pdf
2. Companies Act 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents>
3. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ
4. Электронный ресурс: https://en.wikipedia.org/wiki/Alternative_Dispute_Resolution
5. South African company law 2008 г. [Ст. 58 пункт b подпункт ii и ст. 57] URL: <https://www.gov.za/documents/companies-act>
6. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «Об арбитражных судах в Российской Федерации»
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022)
8. «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)
8. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 07.10.2022, с изм. от 19.12.2022) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)

IDENTIFICATION OF DIFFERENTIATION OF APPROACHES TO THE REGULATION OF CORPORATE RELATIONS IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA AND SOUTH AFRICA

Bavin D.E., Kuzmina K.S., Simakov E.V., Narinsky A.V.
Far Eastern Federal University

This article examines the system of corporate law in the Republic of South Africa, in particular, the model of corporate relations and various legal institutions are considered. The authors reveal the specifics of the formation of registration and management of corporate enterprises, establish a system of subordination of subsidiaries and holding companies. In addition, the article provides an overview of the arbitration of disputes (identifies exceptional issues of arbitration) between corporate entities. At the same time, corporate tribunals act as a distinctive feature of the legal regulation of corporations in South Africa, the authors also devote a separate section of the article to this issue.

Keywords: arbitration, South Africa, corporate disputes, correlation of legal systems, corporate models.

References

1. Companies Act 71 of 2008, part F («Governance of companies») [Electronic resource]. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/321214210.pdf
2. Companies Act 2006 [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents>
3. On limited liability companies: Federal Law No. 14-FZ dated 02/08/1998
4. Electronic resource: https://en.wikipedia.org/wiki/Alternative_Dispute_Resolution
5. South African company law 2008 [Art. 58 paragraph b subparagraph ii and art. 57] URL: <https://www.gov.za/documents/companies-act>
6. Federal Constitutional Law of April 28, 1995 N 1-FKZ (as amended on April 16, 2022) «On Arbitration Courts in the Russian Federation»
7. Federal Constitutional Law of December 31, 1996 N 1-FKZ (as amended on April 16, 2022) «On the Judicial System of the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2023)
8. Federal Law of December 26, 1995 N 208-FZ (as amended on October 7, 2022, as amended on December 19, 2022) «On Joint Stock Companies» (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2023)

Правовой механизм применения механизма отзыва признания государств в аспекте нормативного определения критериев государственности

Голушков Святослав Васильевич,

аспирант Самарского государственного экономического университета

E-mail: goluschkoff.swiatoslaw@yandex.ru

В данной работе автором анализируется применение механизма отзыва признания государств. Рассматриваются позиции исследователей о возможности отзыва *de jure* и *de facto* признания, исследуется проблема отсутствия критериев государственности и закреплённого в международных актах механизма отзыва признания. В рамках проводимого исследования делается обзор исторических случаев отзыва признания государства, на примере Финляндии и Китая, на основании чего делаются выводы о том, что *de jure* признание, несмотря на свой полный официальный и окончательный характер, не является препятствием для отзыва признания. Автором делается заключение, что отсутствие нормативного регулирования в международных актах механизма отзыва признания позволяет государствам использовать этот механизм в своих политических интересах. Это подрывает доверие к институту признания и ставит под сомнение актуальность его существования в современных условиях.

Ключевые слова: юриспруденция, международное право, признание государств, отзыв признания, Китай, Финляндия, формы признания, конвенция Монтевидео.

В практике международного права существует механизм, позволяющий признающим государствам отзываться своё признание государств, которые были признаны ими ранее. Данная процедура, как и само признание не имеет нормативного закрепления.

В научной среде сложилась неоднозначная позиция по вопросу применения процедуры отзыва признания. Чаще всего процедуру отзыва рассматривают через две формы признания, а именно *de jure* и *de facto*. Признание *ad hoc* в данном случае не рассматривается, не только потому, что многими исследователями рассматривается как рудимент прошлого и сугубо политический инструмент, но также и потому, что само по себе признание *ad hoc* является простой констатацией сложившихся временных отношений, по какому-либо конкретному случаю, то есть взаимодействие между государствами происходит без официального признания и прекращается после наступления определенного события, следовательно, необходимость задействовать механизм отзыва признания в рамках признания *ad hoc* отсутствует.

Признание *de facto*, многими учеными воспринимается как промежуточная или даже временная форма, которая применяется признающим государством в том случае, когда у него нет полной уверенности в том, как будут развиваться отношения с этим новым государством, либо когда вовсе имеются основания сомневаться в том, что это образование обладает всеми критериями государственности.

Именно несоответствие критериям государственности, по мнению некоторых исследователей, является основанием, для отзыва признания в данном случае [1, с. 43].

Тем не менее, нельзя не отметить, что в настоящее время общепринятые критерии государственности в международных актах официально не закреплены, за исключением конвенции Монтевидео 1933 года. А именно в статье I названной конвенции выделяется ряд критериев, которым новообразованное государство должно соответствовать, чтобы в первую очередь считаться государством и впоследствии быть признанным. В качестве таких критериев государственности конвенция Монтевидео понимает следующее [2]:

1. Наличие на территории постоянно проживающего населения (стоит отметить, что количественный показатель конвенцией не установлен);
2. Наличие определенного участка территории, в отношении которого государством осуще-

ствляется контроль (конвенцией не устанавливаются минимальные рамки, относящиеся к площади указанной территории);

3. Наличие стабильного и эффективно функционирующего правительства, которое может осуществлять полноценный контроль;
4. Иметь способность вступать в отношения с другими государствами (данные критерий критикуется многими исследователями, в виду того, что он и так является составной частью критерия касающегося наличия эффективного правительства, и таким образом является производным от государственности, а не его критерием).

В тоже время необходимо отметить что, несмотря на недостатки критериев государственности закрепленных в конвенции Монтевидео, она ещё и имеет четко определенные географические рамки своего применения, а именно распространяет свое действие исключительно на страны американского континента, что в свою очередь привело к тому, что данная конвенция не получила широкого распространения. В свою очередь, это сталкивает нас с проблемой, что любое государство само и в своих интересах, для каждого конкретного случая будет определять данные критерии и то, насколько какое-либо признанное им государство будет этим критериям соответствовать.

В случае принятия соответствующего решения, государство может отозвать свое признание. Однако вследствие отсутствия урегулирования данной процедуры остается открытым вопрос, каким образом осуществляется сам отзыв признания. Некоторыми учеными делаются предположения, что отзыв признания, может выражаться путем сделанных официальных заявлений государством, либо такая позиция может быть заявлена непосредственно представителю той страны, признание которой государство отзывает.

Стоит заметить, что поскольку признание *de facto*, хотя и являясь официальной формой признания, носит по своей сути исключительно формальный характер его отзыв не вызывает столько вопросов, сколько отзыв признания *de jure*.

Признание *de jure* является наиболее полной формой признания, когда между признаваемым и признающим государством возникают устойчивые дипломатические отношения.

В связи с этим в теории международного права сложилось мнение, что признание *de jure* является окончательным и не может быть отозвано государством [3, с. 219]. Ряд ученых полагает, что отзыв признания в таком случае равносителен доведению ситуации до абсурда, введу того, что, по сути, государство отрицает признанный собою же факт существования государства.

Однако некоторые юристы отмечают возможность отзыва признания *de jure*, указывая на обилие примеров в истории, когда государства отзывали свое *de jure* признание государств в виду своих экономических, либо политических интересов.

Одним из показательных примеров применения такого признания, является ситуация с признанием Финляндии. Великое княжество Финляндское долгий период времени считалась частью Российской империи в качестве своеобразной автономии. Однако благодаря сильнейшим потрясениям, которые переживала Россия в 1917 году, Финляндии удалось объявить о своей независимости [4, с. 107]. И 6 декабря 1917 года Эдускунта, то есть парламент (сейм) Финляндии, утвердил Декларацию к народу Финляндии, иными словами декларацию независимости, согласно которой Финляндия называлась суверенной республикой [5].

С первых дней своего существования Финляндия получила признание от значительного количества существовавших на тот момент государств, среди таких стран была и Франция.

Тем признание Финляндии со стороны Франции продлилось не долго. Это было вызвано с тем, что начавшаяся в 1918 году гражданская война в Финляндии, приводит к росту прогерманских симпатий в правительственных кругах, и как итог на короткий временной отрезок формой правления в Финляндии становится конституционная монархия. Группа финских политиков даже смогла добиться согласия Фридриха Карла Гессенского принять титул короля Финляндии [6, с. 22]. Финская сторона считала, что подобное сближение с Германией, позволит обеспечить суверенитет и безопасность государства от внешних угроз. Однако в ответ на это вопиющие решения Франция отозвала признание Финляндии и разорвала с ней дипломатические отношения. Конечно такая ситуация продлилась недолго в виду скорой революции в Германии и упразднения монархии, привлечение германского принца в качестве правителя потеряло свою актуальность, что по сути свернуло план монархического будущего Финляндии. В ответ на данный акт финской стороны Франция пересмотрела свое решение и вновь признала Финляндию.

Данный случай является наглядным примером использования применения механизма отзыва *de jure* признания, как средства политического воздействия на государство, принимающего неудобные решения, а также показывает, что для отзыва признания достаточно лишь волеизъявления признающего государства.

Ещё в качестве одного любопытного примера отзыва признания выступает Республика Китай или как её чаще всего называют просто Тайвань или Республика Тайвань.

История Республики Тайвань начинается в 1949 году, когда правительство, контролируемое партией Гоминьдан возглавляемой Чаном Кайши, под ударами китайских коммунистов, было вынуждено бежать на Тайвань, относительно небольшой остров, находящийся на небольшом удалении от материковой части Китая [7, с. 118].

Несмотря на столь значительную утрату своей территории, Республика Китай, на протяжении более чем 20 лет сохраняла за собой членство в Совете безопасности ООН. В то время как матери-

ковая часть Китая, подконтрольная коммунистической партии ни только не получала признания со стороны большинства существовавших в тот период государств, но и по сути была лишена возможности отстаивать свои интересы и интересы сотен миллионов своих граждан.

Однако сложившаяся ситуация меняется кардинальным образом к 1971 году, когда Генеральная ассамблея принимает резолюцию № 2758 о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в ООН [8]. Данная Резолюция, по мнению ряда ученых, является крайне спорной, не только тем что, по сути, путем её принятия государство с многомиллионным населением было лишено представительства в ООН, но и тем что, по их мнению, Китайская Республика не подпадала под требования, статье 6 Устава ООН, в которой говорилось, что государство может быть исключено из состав организации, решением Генеральной ассамблеи только при наличии грубого нарушения принципов организации.

Ввиду изменения политического баланса и нисходясь, по сути, в дипломатической изоляции Китайская Республика начинает терять свое признание в пользу Китайской Народной Республики. Масло в огонь подливало то, что как Тайвань, так и КНР придерживалось принципа «одного Китая», в соответствии с которым государство желавшее вступить в отношения с государством, должно было признать его как единственный Китай и выбор зачастую делался не в пользу Тайваня.

Однако следует отметить, что многими государствами принцип «одного Китая» реализовывался только на бумаге, поскольку даже после отзыва признания и разрыва отношений, эти государства продолжали поддерживать неофициальные контакты с Тайванем. Крайне наглядным примером в данном случае выступают Соединенные Штаты, будучи практически гарантом безопасности Тайваня, в 1979 году признали правительство КНР, как правительство единого Китая, однако данный факт не помешал им принять специальный закон, регламентировавший неофициальные отношения США с Тайванем, в разных сферах [9, 103].

Некоторыми государствами в качестве официального Китая периодически признавались как КНР, так и Тайвань исходя из различных политических и экономических причин. Тем не менее, на сегодняшний день юристами констатируется, что признание Тайваня влечет за собой значительные дипломатические, экономические и политические последствия.

Поскольку для большинства государств поддержание дипломатических отношений с КНР имеет решающее значение, благодаря её статусу мировой экономической державы и крупного торгового партнера [10, с. 10]. Влияние КНР в международных делах, особенно в рамках таких организаций, как Организация Объединенных Наций, еще больше усиливает давление, с которым сталкиваются страны, вынужденные придерживаться политики «одного Китая». В свою очередь официальное при-

знание Тайваня может привести к обострению дипломатических отношений с КНР, ограничению доступа к экономическим возможностям и международному сотрудничеству. Именно поэтому сейчас можно наблюдать тенденцию к утрате признания республикой Тайвань и стремительный рост государств, признающих КНР.

Стоит также отметить, специфику китайского вопроса. Заключается эта специфика в том, что отрицать существование Китая просто невозможно. Однако Китай на данный момент, по сути, является «разделенной нацией», тем самым ставя вопрос признания Китая ни как государства, а скорее, как вопрос признания какой-либо конкретной стороны в качестве официального и единственного Китая.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что отсутствие нормативного закрепления в международных актах, которое регулировало бы порядок и условия отзыва признания, не только создает благоприятную почву для злоупотребления использованием данного механизма государствами в своих геополитических интересах, но и по своей сути обесценивает институт признания как таковой, делая его инструментом манипуляции, что в свою очередь, поднимая вопрос о необходимости его существования и актуальности применения его механизмов в данных условиях. Однако, несмотря на деструктивное влияние сложившейся ситуации на институт признания, у государств отсутствует заинтересованность в преодолении данной проблемы, ввиду, как говорилось ранее, удобства применения данных механизмов в своих интересах.

Литература

1. Jaihanuman H.K. Public international law // Kle law academy Belagavi. 2020. P. 143. URL: <https://www.gklawcollege.com/wp-content/themes/gklaw-theme/downloads/library/studymaterials/20public-international-law.pdf> (дата обращения: 09.05.2024).
2. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. 1933. URL: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-02/rights-duties-states.html> (дата обращения: 09.05.2024).
3. Холина Е.А. Формы и критерии признания государств // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 218–222. URL: <https://pdfslide.net/documents/-5750a9861a28abcf0cd0e1af.html?page=2> (дата обращения: 09.05.2024).
4. Новикова И.Н. От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. № 2. С. 107–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-avtonomii-k-nezavisimosti-vremennoe-pravitelstvo-i-finlyandiya-v-1917-godu/viewer> (дата обращения: 09.05.2024).
5. Suomen Kansalle. Helsingissä. 1917. URL: <https://histdoc.net/historia/itsjul.html> (дата обращения: 10.05.2024).

6. Шаблинский И.Г. Формы правления в Финляндии: эволюция и исторический контекст // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 21–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-pravleniya-v-finlyandii-evolyutsiya-i-istoricheskiy-kontekst> (дата обращения: 10.05.2024).
7. Турицын И.В., Рау И. Тайвань во внешнеполитической стратегии КНР: исторические условия возникновения и трудности решения проблемы // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 116–144. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37639051> (дата обращения: 10.05.2024).
8. Резолюция о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в ООН № A/RES/2758(XXVI). 1971. Нью-Йорк. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml> (дата обращения: 10.05.2024).
9. Лексютин Я.В. США и политика «Одного Китая» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 99–115. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/download/55/55> (дата обращения: 10.05.2024).
10. У Ю. Участие Китая в международной экономической системе: исторические этапы и современная стратегия // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 1–14. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32810 (дата обращения: 10.05.2024).

LEGAL MECHANISM FOR APPLYING THE MECHANISM FOR REVOKING RECOGNITION OF STATES IN THE ASPECT OF NORMATIVE DEFINITION OF CRITERIA FOR STATEHOOD

Golushkov S.V.

Samara State Economic University

In this work, the author analyzes the use of the mechanism for revoking recognition of states. The positions of researchers on the possibility of revoking de jure and de facto recognition are considered, the problem of the lack of criteria for statehood and the mechanism for revoking recognition enshrined in international acts is explored. As part of the ongoing research, a review of historical cases of revocation of state recognition is made, using the examples of Finland and China, on the basis of which conclusions are drawn that de jure recognition, despite its full official and final nature, is

not an obstacle to revocation of recognition. The author concludes that the absence of normative regulation in international acts of the mechanism for revocation of recognition allows states to use this mechanism in their political interests. This undermines trust in the institution of recognition and calls into question the relevance of its existence in modern conditions.

Keywords: jurisprudence, international law, recognition of states, withdrawal of recognition, China, Finland, forms of recognition, Montevideo Convention.

References

1. Jaihanuman H.K. Public international law // Kle law academy Belagavi. 2020. P. 143. URL: <https://www.gklawcollege.com/wp-content/themes/gklaw-theme/downloads/library/studymaterials/20public-international-law.pdf> (access date: 05/09/2024).
2. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. 1933. URL: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-02/rights-duties-states.html> (accessed 05/09/2024).
3. Kholina E.A. Forms and criteria for recognition of states // Gaps in Russian legislation. 2012. No. 3. P. 218–222. URL: <https://pdfslide.net/documents/-5750a9861a28abcf0cd0e1af.html?page=2> (access date: 05/09/2024).
4. Novikova I.N. From autonomy to independence: The Provisional Government and Finland in 1917 // Bulletin of St. Petersburg University. 2018. No. 2. P. 107–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-avtonomii-k-nezavisimosti-vremennoe-pravitelstvo-i-finlyandiya-v-1917-godu/viewer> (date of access: 05/09/2024).
5. Suomen Kansalle. Helsingissa. 1917. URL: <https://histdoc.net/historia/itsjul.html> (access date: 05/10/2024).
6. Shablinsky I.G. Forms of government in Finland: evolution and historical context // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2020. No. 5. P. 21–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-pravleniya-v-finlyandii-evolyutsiya-i-istoricheskiy-kontekst> (access date: 05/10/2024).
7. Turitsyn I.V., Rau I. Taiwan in the foreign policy strategy of the PRC: historical conditions for the emergence and difficulties of solving the problem // Modern scientific thought. 2019. No. 2. P. 116–144. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37639051> (access date: 05/10/2024).
8. Resolution on the restoration of the legitimate rights of the People's Republic of China at the UN No. A/RES/2758(XXVI). 1971. New York. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml> (access date: 05/10/2024).
9. Leksyutina Ya.V. The USA and the “One China” policy // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2017. No. 5. P. 99–115. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/download/55/55> (access date: 05/10/2024).
10. Wu Yu. China's participation in the international economic system: historical stages and modern strategy // National security / nota bene. 2020. No. 3. P. 1–14. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32810 (access date: 05/10/2024).

Елбаева Наталья Абуевна,

Доцент кафедры международного и публичного права, к.ю.н.,
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: NAEIbaeva@fa.ru

Козырева Юлия Николаевна,

Старший преподаватель кафедры международного
и публичного права, Финансовый университет
при Правительстве РФ
E-mail: YNKozyreva@fa.ru

Статья посвящена анализу правовых механизмов создания общего финансового рынка в ЕАЭС. Государства-члены ЕАЭС поставили перед собой цель создать общий финансовый рынок в соответствии с Договором о ЕАЭС. Однако, на современном этапе в рамках ЕАЭС до сих пор не реализованы все необходимые меры в этом направлении. В 2020 году была принята Концепция создания общего финансового рынка, которая определяет основные направления гармонизации национальных финансовых законодательств. В настоящей статье авторами будет раскрыт подход ЕАЭС к гармонизации национального финансового и банковского законодательства государств-членов ЕАЭС, а также особенности построения общего финансового рынка.

Ключевые слова: ЕАЭС, общий финансовый рынок, пруденциальные стандарты, банковская система, гармонизация финансового законодательства.

Важным этапом экономической интеграции государств бывшего Советского Союза стало создание Единого экономического пространства между Россией, Беларусью и Казахстаном 1 января 2012 года, основными целями которого были обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Несмотря на то, что ЕЭП прекратило свое существование после создания ЕАЭС 1 января 2015 года, данный этап евразийской интеграции остается одним из основных в связи с тем, что при разработке Договора о ЕАЭС в основу была положена именно правовая база ЕЭП, в связи с чем, в первую очередь необходимо рассмотреть некоторые из основных соглашений ЕЭП в сфере финансовых услуг.

Соглашение о согласованных принципах денежно-кредитной политики оказало косвенное влияние на развитие единого сектора банковских услуг, поскольку определило направления гармонизации денежно-кредитного законодательства государств-членов ЕЭП. Соглашение о денежно-кредитной политике было направлено на: постепенное устранение ограничений на денежные операции, а также на открытие банковских счетов и управление ими в рамках ЕЭП; унификацию правил ввоза и вывоза наличных денег в рамках ЕЭП; гармонизацию требований по репатриации валютной выручки.

Данное Соглашение утратило силу со вступлением в силу Договора о ЕАЭС. Стоит отметить, что несмотря на то, что основные задачи Соглашения не были достигнуты из-за короткого срока его действия, некоторые положения были перенесены в главу 14 «Денежно-кредитная политика» Договора о ЕАЭС.

Соглашение об условиях свободного движения капитала предусматривало обязательство государств-членов гармонизировать банковское, валютное, страховое законодательство и законодательство о рынке ценных бумаг с учетом международных стандартов до 31 декабря 2013 года. Однако данное Соглашение не определяло процедуру гармонизации национальных законодательств, в связи с чем гармонизации так и не произошло. Соглашение прекратило свое действие с вступлением в силу Договора о ЕАЭС.

Соглашение о торговле услугами и инвестициях оказало непосредственное влияние на развитие сектора финансовых услуг, поскольку предусматривало обязательство государств-членов привести национальное финансовое (в том числе банковское) законодательство в соответствие с лучшими международными стандартами. Планировалось гармонизировать национальное законодательство путем заключения Соглашения о тре-

бованиях к деятельности на финансовых рынках государств-членов, направленное на гармонизацию национальных законодательств государств-членов ЕЭП. Однако такие договоренности достигнуты не были и Соглашение прекратило свое существование с вступлением в силу Договора о ЕАЭС.

Основным международным договором, регулирующим финансовую систему ЕАЭС является Договор о ЕАЭС, который был подписан Россией, Казахстаном и Белоруссией 29 мая 2014 года. Армения присоединилась к ЕАЭС 2 января 2015 года, а Кыргызская Республика – 12 августа 2015 года (далее – государства-члены ЕАЭС) [6]. Договор о ЕАЭС состоит из 28 глав и 33 приложений, которые охватывают таможенное регулирование, технические барьеры в торговле, санитарные и фитосанитарные меры, денежно-кредитную политику, конкуренцию, налоги, финансовый рынок, торговлю услугами, инвестиции и другие. Глава 15 и приложение 16 Договора о ЕАЭС регулируют общие услуги (строительные, профессиональные, медицинские и другие). Исходя из опыта ЕС, финансовые услуги (банковские, страховые и т.д.) были отделены от общих услуг и регулируются главой 16 и приложением 17 Договора ЕАЭС. При этом положения глав 15 и 16 во многом идентичны.

Глава 19 и Приложение 20 Договора о ЕАЭС устанавливают нормы, касающиеся конкуренции. В случае нарушений конкурентных правил предприятиями государств-членов ЕАЭС расследования проводятся Евразийской экономической комиссией. Такие нарушения считаются значимыми, если они способны оказать негативное воздействие на конкуренцию на трансграничных рынках. Однако само расследование нарушений на трансграничных финансовых рынках осуществляется в соответствии с национальным законодательством государств-членов ЕАЭС. Таким образом, регулирование конкуренции на трансграничных финансовых рынках остается в компетенции государств-членов ЕАЭС. Это означает, что государства-члены ЕАЭС сами определяют, следует ли рассматривать действия или бездействие кредитных организаций как ограничения конкуренции. Именно поэтому антиконкурентные барьеры для создания единой банковской системы ЕАЭС не будут рассмотрены в данной работе из-за отсутствия правовых норм в данной сфере в рамках ЕАЭС. Однако, по нашему мнению, данный правовой пробел или правовая лазейка должна быть устранена с учетом опыта ЕС в будущем. Нарушения правил конкуренции кредитными организациями государств-членов ЕАЭС могли бы регулироваться в соответствии с Договором о ЕАЭС в целях создания развитого единого финансового рынка.

Помимо Договора о ЕАЭС в сфере финансовой системы, существуют такие соглашения как: Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере с целью обеспечения свободного движения капитала, вступившее в силу в октябре 2016 года; Проект согла-

шения о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках.

Стоит отметить, что к настоящему времени государства-члены ЕАЭС приложили значительные усилия для гармонизации национального банковского законодательства. Например, Соглашение о гармонизации законодательства в сфере финансового рынка, подписанное всеми государствами-членами ЕАЭС 6 ноября 2018 года, содержит положение (статья 6), которое предусматривает одобрение Советом Евразийской экономической комиссии согласованных предложений по гармонизации законодательства и их внедрение в национальное законодательство государств-членов. [7]. При этом ЕЭК будет координировать процесс гармонизации и готовить ежегодный отчет о его выполнении, который будет утверждаться Советом ЕЭК. Иными словами, императивные положения и контроль наднациональных органов превращают данное Соглашение в инструмент становления единого банковского сектора.

Соглашение о гармонизации финансового законодательства предусматривает, что государства-члены должны гармонизировать национальное законодательство на основе международных стандартов. Между тем, в соответствии со статьей 4 Соглашения государства-члены ЕАЭС имеют возможность сохранять любые различия в том случае, если такие различия не будут препятствовать эффективному функционированию общего финансового рынка.

Стоит отметить, что общий финансовый рынок ЕАЭС предполагает гармонизированные требования к банковской деятельности, взаимное признание лицензий, административное сотрудничество между уполномоченными органами государств-членов, включая обмен информацией [6]. Между тем, стоит отметить, что в Договоре о ЕАЭС общий и единый финансовый рынок представлены как одна и та же категория. Термин «общий (единый) финансовый рынок» используется по всему тексту соглашения. Однако опыт ЕС показал, что это в корне неверно. Общий и единый рынок – это две разные стадии экономической интеграции, фактически общий рынок – это некий промежуточный этап к созданию единого рынка. И как представляется, в рамках ЕАЭС было необходимо обозначить общие и единые рынки как отдельные категории, поскольку создание единого финансового рынка – это очень длительный процесс, которому будут сопутствовать ряд негативных последствий. Именно поэтому все вышеназванные соглашения необходимо отнести к этапам создания общего рынка, но никак не единого.

Что касается сроков создания единого финансового рынка, следующее положение было включено в Договоре о ЕАЭС: «Государства-члены после завершения гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков примут решение о полномочиях и функциях наднационального органа по регулированию финансового рынка и соз-

дадут его с месторасположением в городе Алматы в 2025 году» [6].

На современном этапе развития многие эксперты ЕЭК считают, что рано еще обсуждать полномочия и функции наднационального органа, отвечающего за регулирование финансового рынка [8]. Однако, можно с уверенностью утверждать, что наднациональный орган ЕАЭС не будет обладать таким широким кругом полномочий, как Европейский центральный банк (ЕЦБ). Его функции не будут включать осуществление денежно-кредитной политики и обширный надзор. Вместо этого он будет осуществлять только регулирующую деятельность для достижения цели создания общего финансового рынка [8].

Таким образом, можно сказать, что государства-члены ЕАЭС совсем недавно поставили перед собой цель создать общий финансовый рынок в соответствии с Договором о ЕАЭС, в связи с чем государствам-членам приходится сталкиваться с устранением правовых барьеров, таких как национальные ограничения, меры, применяемые для защиты общественного порядка, и благоразумные меры в процессе выполнения возложенной на них миссии [9].

Необходимо отметить, что анализ положений Договора о ЕАЭС и Соглашения о гармонизации финансового законодательства показывает, что общий финансовый рынок будет формироваться с использованием следующих методов: либерализация, предполагающая сокращение, устранение ограничений и оговорок (по смыслу статей XVI и XVII ГАТС), предусмотренных в национальных перечнях Договора о ЕАЭС; гармонизация, которая предполагает выработку правовых принципов и положений, признанных во всех государствах-членах ЕАЭС и имплементированных в национальные законодательства; унификация, которая будет проводиться только в отношении терминов. В целом можно сказать, что именно гармонизация национального финансового регулирования станет основным методом создания единого рынка финансовых услуг (включая банковские услуги).

Т. Сулейменов отметил, что «необходимо иметь четкую «дорожную карту» на таком высокочувствительном и регулируемом рынке, как финансовый рынок. Необходимо определить... какие правовые акты будут разработаны Комиссией, какие правовые акты должны быть согласованы на национальном уровне, какие шаги следует предпринять для создания общей или унифицированной финансовой инфраструктуры» [8].

Важно отметить, что в целях формирования общего финансового рынка была разработана и принята Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС (Решение Высшего Евразийского экономического совета № 20 от 1 октября 2019 года).

Согласно положениям Концепции, для достижения цели создания общего финансового рынка государства-члены определяют: подходы к управлению рисками на финансовых рынках; требования

к деятельности на общем финансовом рынке; порядок регулирования и надзора за деятельностью участников финансового рынка; условия взаимного признания лицензий на финансовом рынке путем гармонизации законодательства государств-членов; условия для развития общего платежного пространства, основанного на принципах независимости национальных платежных систем; условия для функционирования наднационального органа по регулированию общего финансового рынка; условия для развития финансовых технологий.

Для обеспечения достаточной гармонизации устанавливаются следующие критерии: достижение уровня гармонизации, необходимого для обеспечения взаимного доступа кредитных организаций государств-членов ЕАЭС на рынки; минимизация национального регулирования на общем финансовом рынке для участников финансовых рынков; наличие согласованных инструментов для реабилитации или ликвидации финансовых учреждений, столкнувшихся с проблемами ликвидности или платежеспособности; достижение уровня гармонизации национальных правовых режимов с точки зрения соответствия существующим международным стандартам [10].

Для достижения этих целей в концепции предусмотрены направления создания общего финансового рынка применительно к банковскому сектору, рынку ценных бумаг и страховых услуг, реализация которых, как ожидается, произойдет в два периода до и после 2025 года. В первый период – до 2025 года ожидается внедрение стандартизованного механизма выдачи лицензий кредитным организациям государств-членов. Порядок и условия выдачи и отзыва (приостановления действия) стандартизированной лицензии предусмотрены проектом Соглашения о стандартизированной лицензии в банковском и страховом секторах услуг в рамках ЕАЭС, принятом на основе Распоряжения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 апреля 2023 года № 45.

В течение второго периода государства-члены продолжат работу по гармонизации, а также по созданию общего финансового рынка в соответствии с критериями, предусмотренными Договором о ЕАЭС, включая возможность предоставления финансовых услуг без дополнительного учреждения (лицензирования) в качестве юридического лица.

Кроме того, предусматривается создание специального наднационального органа по регулированию общего финансового рынка, что, однако не приведет к снижению роли национальных регуляторов финансового рынка, поскольку их независимые полномочия в вопросах денежно-кредитной политики и надзора за частными кредитными организациями останутся за ними.

В целом можно предположить, что основные функции нового наднационального органа будут связаны с анализом текущего финансового (банковского) законодательства государств и существующих международных стандартов в этой области. Кроме того, вероятнее всего, наднациональ-

ный орган получит лишь рекомендательные полномочия с точки зрения контроля за внедрением международных стандартов в национальные правовые системы государств.

Анализируя Концепцию создания общего финансового рынка, можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, государства-члены ЕАЭС решили перенести сроки создания общего финансового рынка. Договором о ЕАЭС предусмотрено, что общий финансовый рынок должен быть создан к 2025 году и гармонизация национальных законодательств в финансовой сфере также должна быть завершена к 2025 году. Однако, мы видим, что государства-члены ЕАЭС введут механизм стандартизированной лицензии не ранее 1 января 2025 года. Исходя из этого, можно предположить, что разработчики Концепции не подразумевали под «внедрением механизма стандартизированной лицензии» полную реализацию этой лицензии. Другими словами, можно спрогнозировать, что к 2025 году будет существовать просто механизм стандартизированной лицензии, но неясно, когда эта лицензия станет работающим механизмом и будет полностью внедрена [10].

После 2025 года государства-члены ЕАЭС продолжат гармонизацию национальных законодательств в финансовой сфере. Между тем, Концепция не предусматривает крайнего срока завершения процесса гармонизации. Вероятно, государства-члены ЕАЭС решили больше не рисковать, устанавливая крайние сроки в таких деликатных вопросах, как гармонизация национальных законодательств в финансовой сфере.

Во-вторых, для получения стандартизированной лицензии заявитель должен обладать достаточным капиталом (не менее 60 миллионов долларов США), а минимальное значение коэффициента достаточности капитала должно составлять не менее 12,5%. Иными словами, ни одна кредитная организация государств-членов ЕАЭС не сможет получить стандартизированную лицензию, которая даст право создавать дочерние компании на территории других государств-членов, если не будут соответствовать вышеуказанным пруденциальным требованиям.

В-третьих, наднациональный финансовый регулятор не будет обладать надзорными полномочиями, что очень ограничивает в целом его объем полномочий. За национальными регуляторами останутся полномочия в области денежно-кредитной политики, обеспечения финансовой стабильности, выхода на рынок и надзора за кредитными организациями. Поэтому в перспективе роль наднационального органа носит весьма номинальный характер до тех пор, пока государства-члены ЕАЭС не решат расширить его полномочия.

Согласно Договору о ЕАЭС, гармонизация банковского законодательства должна проводиться на основе принципов Базельского комитета по банковскому надзору и лучших международных стандартов. Для понимания всех направлений

по гармонизации национальных законодательств государств-членов ЕАЭС и их соответствия Базельским стандартам необходимо проанализировать существующие стандарты пруденциального регулирования в государствах-членах ЕАЭС.

Республика Армения

В Армении регулирование банковской системы осуществляется в соответствии с Законом Республики Армения «О банках и банковской деятельности» от 30 июня 1996 года и Законом Республики Армения «О Центральном банке Республики Армения» от 30 июня 1996 года.

Центральный банк Республики Армения, как регулятор финансового сектора, определяет экономические стандарты (перечень которых является исчерпывающим) для деятельности банков. Кроме того, Центральный банк может ввести ограничения на определенные виды кредитов и депозитов, чтобы снизить риски в банковской деятельности. Эти ограничения могут различаться в зависимости от размера базового или совокупного капитала банков [11].

Что касается Базельских стандартов, то Армения начала внедрять «Базель III» с 2014 года. Надзорный орган Армении планирует регулировать деятельность только системно значимых банков в соответствии с «Базелем III». Статус системно значимых банков определяется и основывается на различных показателях, таких как размер финансовой организации и количество валюты в обращении. До внедрения Базельских стандартов в Армении насчитывалось 22 банка. К концу 2016 года количество банков сократилось до 17. Сокращение количества банков объясняется нежеланием банков соблюдать новые жесткие требования к капиталу, установленные Базелем III.

Республика Беларусь

Банковская деятельность в Беларуси регулируется в соответствии с Банковским кодексом Республики Беларусь от 25 октября 2000 года. Беларусь является единственным государством-членом ЕАЭС, в котором действует банковский кодекс, устанавливающий пруденциальные нормы, разработанные Национальным банком Республики Беларусь в целях обеспечения ликвидности и платежеспособности, управления банковскими рисками, защиты интересов акционеров и клиентов банков и оказания финансовой поддержки банкам в случае кризиса. Пруденциальные нормы делятся на две группы: регулирующие и защитные. К регулирующим пруденциальным нормам относятся нормы, которые определяют требования к лицензированию банковской деятельности и представлению банками отчетности в Национальный банк Республики Беларусь. Защитные пруденциальные стандарты включают нормы, которые определяют основания и процедуры банковского надзора [12].

Что касается внедрения базельских стандартов, то стоит отметить, что с 1 января 2005 года Национальный банк Республики Беларусь установил требование к расчету коэффициента достаточности капитала и базового капитала в соответствии с подходом компонента 1 «Требования к минимальному капиталу» Базеля II. В частности, кредитный риск был определен в соответствии со стандартизированным подходом, основанным на внешних рейтингах заемщиков, а операционный риск – в соответствии с базовым индикативным подходом.

В соответствии с Постановлением Правления Национального банка № 493 «Об утверждении методологии расчета коэффициента достаточности капитала, леввериджа и ликвидности, предусмотренных международными стандартами Базель III», от 24 сентября 2012 года Национальный банк рекомендовал банкам применять показатели достаточности капитала, а также леввериджа и ликвидности в соответствии с Базелем III.

С 1 января 2016 года в качестве пруденциальных требований были введены только показатели достаточности капитала и леввереджа. Введение показателей ликвидности было отложено. По мнению Национального банка Республики Беларусь, внедрение «Базеля III» является необходимой мерой, поскольку иностранные кредиторы ожидают от белорусских банков соблюдения базельских стандартов. Соблюдение международных стандартов капитала и ликвидности является одним из ключевых условий привлечения иностранных инвестиций. Между тем, Национальный банк не исключает отсрочки внедрения Базеля III в целом или в отношении отдельных стандартов в случае, если у отечественных банков возникнут трудности с их внедрением.

Казахстан

Банковская деятельность регулируется в соответствии с Законом № 2155 «О Национальном банке Республики Казахстан» от 30 марта 1995 года и Законом № 2444 «О банках и банковской деятельности» от 31 августа 1995 года.

Национальный банк устанавливает пруденциальные стандарты и другие обязательные нормы, которые включают минимальный размер уставного капитала банка; минимальный размер собственного капитала банка; коэффициент достаточности капитала; ограничения по риску и коэффициент ликвидности [13]. Кроме того, в соответствии с Законом № 2444 Национальный банк имеет право устанавливать дополнительные пруденциальные стандарты и другие обязательные для исполнения нормы, используемые в международной банковской практике. С этой целью принято Постановление Правления Национального банка Республики Казахстан № 2444. 147 «Об установлении нормативных значений и методов расчета пруденциальных стандартов и других обязательных нормати-

вов размера капитала банка» был принят 30 мая 2016 года.

Что касается базельских стандартов, то стоит отметить, что текущие пруденциальные требования к расчету собственного регулятивного капитала и коэффициентов достаточности капитала основаны на рекомендациях Базеля II. Таким образом, расчет кредитного риска соответствует стандартизированному подходу Базеля II, рыночного риска – стандартизированному подходу к оценке, а операционного риска – подходу к базовым показателям. Новые стандарты ликвидности Базель III (коэффициент чистого стабильного финансирования и коэффициент покрытия ликвидностью) будут вводиться поэтапно с целью поддержания текущей ликвидности банков и предоставления дополнительных возможностей для привлечения более стабильных финансовых ресурсов.

Кыргызская Республика

Банковское законодательство Кыргызстана состоит из Закона № 206 «О Национальном банке Кыргызской Республики, банках и банковской деятельности» от 16 декабря 2016 года. Национальный банк Кыргызстана регулирует и контролирует деятельность банков, а также небанковских финансовых учреждений. Кроме того, он вводит экономические стандарты, такие как минимальный размер уставного капитала, достаточность капитала, ограничения риска, коэффициент ликвидности и другие [14].

Российская Федерация

Деятельность кредитных организаций регулируется в соответствии с Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации» № 86-ФЗ от 2002 года и Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» № 395–1 от 1990 года.

Центральный банк России (ЦБ) имеет право устанавливать пруденциальные стандарты, которые содержатся в положениях и инструкциях, имеющих обязательную силу. Существуют также дополнительные нормативные акты, такие как методологические указания или надзорные письма, не имеющие обязательной силы. Однако Центральный банк России может принимать во внимание соблюдение банками этих дополнительных актов. Другими словами, это тот случай, когда нормы «мягкого» права создают неопределенность в отношении их обязательного характера и могут оказать негативное влияние на создание общего рынка [16].

Необходимо отметить, что ЦБ может устанавливать обязательные стандарты, перечень которых является исчерпывающим, для обеспечения стабильности кредитных организаций. Однако Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации постановил, что Центральный банк имеет право предотвращать любые финансовые риски в соответствии со статьей 62 Федерального Закона «О Центральном банке Российской Федера-

ции», что фактически означает, что ЦБ обладает неограниченными полномочиями в принятии различных пруденциальных стандартов [15].

Кроме того, Центральный банк имеет право применять принудительные меры в отношении кредитной организации, если ее операции или трансакции представляют угрозу для кредиторов или стабильности всей банковской системы. Однако, поскольку оценка риска или угрозы является прерогативой ЦБ, то принудительные меры в отношении кредитных организаций могут быть применены даже в том случае, если нарушение какой-либо нормы вообще отсутствует.

Что касается базельских стандартов, то стоит отметить, что в последние годы Российская Федерация активно работала над одновременным внедрением всех базельских стандартов. С 1 января 2016 года Центральный банк изменил требования к достаточности капитала. Уровень основного капитала был снижен с 5% до 4,5%. Центральный банк также изменил стандарт общей достаточности капитала, снизив его с 10% до 8%. Внедрение базельских стандартов основывалось, прежде всего, на необходимости повышения качества управления рисками и обеспечения защиты прав потребителей.

В целом важно отметить, что общий финансовый рынок ЕАЭС подразумевает гармонизацию требования к финансовой деятельности, взаимное признание лицензий, административное сотрудничество между уполномоченными органами государств-членов, включая обмен информацией. В настоящее время основной трудностью является выбор наиболее подходящего метода гармонизации финансового законодательства государств. Следует также учитывать, что государства-члены неохотно открывают свои финансовые рынки, поскольку, как уже сказано, концепция не устанавливает четкие сроки по гармонизации финансового законодательства. Кроме того, Договор о ЕАЭС позволяет государствам-членам принимать ограничительные меры публичного порядка, а также дает возможность принимать меры для обеспечения национальной финансовой стабильности, что не может способствовать процессам гармонизации законодательства.

В заключении необходимо отметить, что на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

Во-первых, в ЕАЭС еще не разработана правовая база, связанная с банковским сектором. Принятый проект Концепции создания общего финансового рынка лишь определяет основные направления гармонизации национальных финансовых законодательств. При этом сама гармонизация банковского законодательства будет проводиться в два периода: до 2025 года и после 2025 года, что говорит о том, что государства-члены ЕАЭС не определили крайний срок завершения процесса гармонизации.

Во-вторых, анализ пруденциального регулирования государств-членов ЕАЭС показал, что у них

много схожего, что потенциально упрощает процесс гармонизации банковской системы ЕАЭС. Банковские системы государств-членов ЕАЭС имеют двухуровневую структуру. Первый уровень представлен Центральным банком, который осуществляет пруденциальное регулирование и надзор за кредитными организациями. Вторым уровнем составляют коммерческие банки. В результате банковская правовая база государств-членов ЕАЭС состоит из двух отдельных актов: первый регулирует правовой статус центрального (национального) банка; второй – правовые акты, регулирующие деятельность банков второго уровня. Пруденциальное регулирование также практически одинаково во всех государствах-членах ЕАЭС. В соответствии с правовой базой Казахстана, Кыргызской Республики и Беларуси надзорным органам этих стран разрешено устанавливать дополнительные экономические стандарты, которые не предусмотрены в соответствующих правовых актах. Армения и Россия имеют исчерпывающий перечень экономических стандартов в соответствии со своим законодательством. Законодательная база Армении предусматривает, что в исключительных случаях национальный регулирующий орган может применять специальные экономические стандарты на срок до 6 месяцев. В соответствии с постановлением Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации Центральный банк России имеет право предотвращать любые финансовые риски. Иными словами, надзорные органы всех государств-членов ЕАЭС уполномочены применять более строгие пруденциальные стандарты, чем предусмотрено их нормативными актами, аналогично опыту ЕС.

В-третьих, государствам-членам ЕАЭС следует стремиться к гармонизации своего национального банковского законодательства с учетом стандартов Базеля III. Между тем, даже опыт ЕС показывает, что внедрение Базель III является очень сложной задачей. Государства – члены ЕС потребовали, чтобы при внедрении стандартов «Базель III» были приняты во внимание их национальные особенности. В результате им было разрешено применять различные варианты и дискреционные меры при обеспечении соблюдения законодательства ЕС о банковской деятельности.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014)
2. Соглашение о гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка (Заклучено в г. Москве 06.11.2018)
3. Авторская статья Министра по экономике и финансовой политике ЕЭК Тимура Сулейменова РБК: «Денежный вопрос: почему Евразийскому союзу не нужна единая валюта». <https://eaeunion.org/news/speech/18-07-2016-4/> (дата обращения 14.05.2024)

4. Санкубаев А. (2014) Общий финансовый рынок ЕАЭС. Депозитариум, № 4, с. 15.
5. Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза от 1 октября 2019 года. <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/881/29.-Obshchiy-finansovyy-rynok.pdf> (дата обращения 14.05.2024)
6. Закон Республики Армения № Р-69 «О Центральном банке Республики Армения» от 30 июня 1996 года
7. Банковский кодекс Республики Беларусь № 441 от 25 октября 2000 г.
8. Закон Казахстана № 2444 «О банках и банковской деятельности» от 31 августа 1995 г.
9. Закон Кыргызской Республики от 16 декабря 2016 года № 206 «О Национальном банке Кыргызской Республики, банках и банковской деятельности»
10. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 19 июня 2007 г. № 1583/07 по делу № А40–63586–05–120–558
11. Федеральный закон от 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации»

THE LEGAL BASIS FOR THE CREATION OF A COMMON FINANCIAL MARKET IN THE EAEU

Yelbaeva N.A., Kozyreva Ju.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the legal mechanisms for creating a common financial market in the EAEU. The EAEU member States have set themselves the goal of creating a common fi-

ancial market in accordance with the EAEU Treaty. However, at the present stage, all necessary measures in this direction have not yet been implemented within the framework of the EAEU. In 2020, the Concept of Creating a common financial market was adopted, which defines the main directions for the harmonization of national financial legislation. In this article, the authors will disclose the EAEU approach to the harmonization of national financial and banking legislation of the EAEU member states, as well as the specifics of building a common financial market.

Keywords: EAEU, common financial market, prudential standards, banking system, harmonization of financial legislation.

References

1. The Eurasian Economic Union Treaty, signed on May 29, 2014
2. Agreement on harmonization of legislations in the sphere of financial market as of 6 November, 2018
3. The author's article by the Minister of Economy and Financial Policy of the EEC Timur Suleimenov RBC: "The monetary question: why the Eurasian Union does not need a single currency." <https://eec.eaeunion.org/news/speech/18-07-2016-4/> (accessed 05/14/2024)
4. Sankubayev A (2014) The EAEU Common Financial Market. Depositarium, No. 4, p 15.
5. Concepts for the formation of a common financial market of the Eurasian Economic Union dated October 1, 2019. <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/881/29.-Obshchiy-finansovyy-rynok.pdf> (accessed 05/14/2024)
6. Law of the Republic of Armenia No. R-69 'On the Central Bank of the Republic of Armenia' as of June 30, 1996
7. Banking Code of the Republic of Belarus No. 441 as of October 25, 2000
8. Law No. 2444 'On banks and banking activity' as of August 31, 1995
9. Law of the Republic of Kyrgyz Republic No. 206 'On the National Bank of Kyrgyz Republic, Banks and Banking Activities' as of December 16, 2016
10. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 19, 2007 No. 1583/07 in case No. A40–63586–05–120–558
11. Federal law No. 86-FZ 'On the Central Bank of the Russian Federation' of 2002

Соотношение правового регулирования договорных отношений на техническое управление судна в законодательстве РФ и международном морском частном праве: на примере содержания проформы БИМКО «ШИПМЭН-2024»

Поваляев Александр Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и морского права Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова
E-mail: www.povalex21@gmail.com

Беляков Владислав Геннадьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и морского права Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, ассоциированный партнер адвокатского бюро Санкт-Петербурга «Инмарин»
E-mail: navy1000@yandex.ru

Устранена правовая коллизия между нормами национального и признанного Россией международного права о возможности судовладельца отдавать на аутсорсинг технический менеджмент судна под российским флагом. В соответствии с положениями СОЛАС-74, МКУБ в Кодексе торгового мореплавания РФ вступают в силу нормы о договоре технического управления судном. Примерная форма договора разрабатывается и в статье анализируется возможность унификации его положений с международным частным морским правом, где в проформе БИМКО «ШИПМЭН-2024» уже используется понятие «судовой менеджмент», представляющее собой совокупность технического менеджмента, коммерческого менеджмента, менеджмента по экипажу и услуг по страхованию (судна, экипажа, ответственности судовладельца и т.п.). Исследование российских нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения, возникающие в ходе эксплуатационного управления судном, в сравнении с иностранными аналогами показывает, что совершенствование российского морского права в соответствии с международными нормами существенно способствует развитию российского торгового мореплавания.

Ключевые слова: торговое мореплавание, эксплуатация судна, договор технического управления судном, экипаж судна, проформа «ШИПМЕН 2024».

Принятием в феврале 2024 года поправок в Кодекс торгового мореплавания РФ¹, законодатель устранил правовую коллизию между нормами национального и признанного Россией международного права о возможности судовладельца отдавать на аутсорсинг технический менеджмент судна под российским флагом, заключая «договор технического управления судном». В частности Международный кодекс по управлению безопасной эксплуатацией судов и предотвращением загрязнения (МКУБ)², устанавливая требования к документированной системе, позволяющей организовать обеспечение безопасности и защиты окружающей среды, предусмотрел в п. 1.1.2 возможность принятия на себя обязательств по их исполнению не только за собственником судна, фрахтователем по бербоут-чартеру, но и управляющим судном. Аналогичную норму содержит п. 2 Правила 1 главы IX Конвенции СОЛАС-74³. Помимо расхождений в законодательстве, сложившееся положение ставило российских судовладельцев в неравные условия с иностранными коллегами, что отмечалось авторами законопроекта.

Ранее, положения КТМ РФ предусматривали за судовладельцем обязанность самостоятельно и в полном объеме осуществлять эксплуатацию судна, за исключением договора фрахтования судна на время (тайм-чартера), в котором предусматриваются обязанности фрахтователя по коммерческой эксплуатации судна. При этом понятие «техническая эксплуатация судна» в КТМ РФ не давалось прямого определения. Упоминания «технической годности» содержат статьи, определяющие мореходность судна, а подчинённость экипажа судна в тайм-чартере разделяется на выполнение распоряжений фрахтователя, касающихся коммерческой эксплуатации судна и распоряжений судовладельца, относящихся к «управлению судном». Вступающая в действие с 01.09.2024 года статья 8.1, определяет «техническое управле-

¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. N 81-ФЗ URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 04.05.2024).

² Резолюция Ассамблеи Международной морской организации A.741(18) от 04.11.1993 г. (в ред. от 21.06.2013 N MSC.353(92)). URL: <https://fish.gov.ru/wp-content/uploads/2021/10/mkub.pdf?ysclid=lvrtx35uf0577517533> (дата обращения 04.05.2024).

³ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74) (с изм.). Принята постановлением Правительства СССР от 02.11.1979 г. № 975. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 04.05.2024).

ем судном» как – «деятельность по эксплуатации судна, включая организацию работ по содержанию в эксплуатационном состоянии судна, корпуса, оборудования, механизмов и систем судна, а также по обращению в органы выдачи судовых документов за получением судовых документов и получение судовых документов». При этом «управление судном» в тайм-чартере включает судовождение, внутренний распорядок на судне и комплектование экипажа судна. Видимо для уравнивания этого понятия с вновь вводимым «техническим управлением судном» в состав последнего новой нормой п. 3 ст. 60 допускается включение «полномочий по осуществлению техническим управляющим от имени судовладельца прав и исполнения обязанностей работодателя в трудовых отношениях с членами экипажа судна».

Для полноты понимания вопроса разделения сфер «эксплуатации судна» в российском морском праве, возникает необходимость обращения к первоисточникам данных норм, а именно положениям международного частного морского права. В нём, кроме тайм-чартера, вопросы разделения понятия эксплуатация судна, нашли своё решение в понятии «судовой менеджмент» («ship management»). С 1988 года под эгидой неправительственной организации участников международного морского бизнеса «Балтийский и международный морской совет» (БИМКО) издаётся рекомендуемая проформа договора об эксплуатационном управлении судном «шип менеджмента» – «ШИПМЭН». В апреле 2024 года предложена очередная редакция документа «ШИПМЭН-2024»¹ взамен ранее использовавшегося «ШИПМЭН-2009». В контексте указанных документов «судовой менеджмент» может быть определен как совокупность технического менеджмента, коммерческого менеджмента, менеджмента по экипажу (crewing) и услуг по страхованию (судна, экипажа, ответственности судовладельца и т.п.). Эти разделы содержит боксовая часть проформы и судовладелец выбирает необходимый для данного случая объём услуг. Таким образом, управление судном охватывает деятельность, связанную с материальным обслуживанием и обеспечением судна и его эксплуатацией, чаще подразумевающей коммерческий аспект. Управляющий, отвечая за эксплуатацию, обязуется решать вопросы текущего технического обслуживания, оборудования и обеспечения судна (в том числе провизия, топливо, расходные материалы), комплектования экипажем, страхования, выполнения требований государства флага и государства порта, а также фактической коммерческой занятости судов. Но при всей широте полномочий управляющего важнейшим является предмет договора управления судном – выполнение за плату обязанностей судовладельца без получения правового статуса «судовладелец». Агентский характер

договора акцентируется в ст. 3 раздела 1 части 2 проформы «ШИПМЭН-2024»: менеджеры будут оказывать услуги по управлению судном в качестве агентов судовладельца и по поручению судовладельца. Положение о том, что менеджер – это агент, является ключевым при его защите от претензий третьих лиц, позволяя отклонить претензию на основании того, что менеджер действует не от своего имени, а от имени судовладельца. При этом ст. 8 раздела 3 части 2 обязывает менеджера «прилагать все усилия для предоставления услуг ... в соответствии с разумной практикой управления судном и для защиты и продвижения интересов судовладельцев во всех вопросах, связанных с предоставлением услуг». Несмотря на округлость фразы «прилагать все усилия в соответствии с разумной практикой» менеджеру придется доказать деятельность без послаблений к себе с опорой на общепринятые стандарты и критерии, а не на основе собственных взглядов на понятие «разумная практика». Ответственность менеджера перед судовладельцем наступает при простой и грубой неосторожности, ограничиваясь размером десяти годовых вознаграждений по договору, а также в связи с умышленным причинением вреда (ст. 19 разд.5 ч. 2).

В то же время надлежащее выполнение менеджером-агентом своих обязанностей по отношению к судовладельцу для продвижения его интересов, позволяет рассчитывать на защиту судовладельцем своего агента. Это решается в ст. 11 раздела 4 части 2 предусматривающей возможность совместного страхования ответственности судовладельца и менеджера от требований третьих лиц. Страховая премия выплачивается судовладельцем, а страховщик лишается права суброгации для предъявления иска к менеджеру.

Если рассматривать в этой связи сферу именно технического управления судном, то после вступления в силу МКУБ для исключения недоразумений п. 5 части 1 проформы требует конкретного указания на сторону, принимающую на себя ответственность за выполнение требований МКУБ. При этом менеджер, оказывающий услуги технического управления, прямо в боксовой форме определяется как «Компания» в смысле, указанном в МКУБ (т.е. не судовладелец). Иначе проформа требует определить кто по данному договору выступает «Компанией»: судовладелец или иное третье лицо.

Именно агентский характер договора управления судном отличает его от внешне схожих правовых конструкций фрахтования по бербоут-чартеру или договора доверительного управления судном (ст. 14 КТМ РФ). Также в российском законодательстве отдельные элементы договора управления судном можно отследить в договоре морского агентирования (ст. 232 КТМ РФ) или договоре морского посредничества (ст. 240 КТМ РФ), но в действующей редакции ни один из этих договоров не может объединить весь комплекс услуг, которые могут быть оказаны судовладельцу агентом-менеджером (управляющим) по договору, пред-

¹ Standard Ship Management Agreement SHIPMAN 2024. URL: https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts/~/_/link.aspx?id=73B40FADB74A416AA4F6514A0358B178&_z=z (дата обращения 04.05.2024 г.)

усматриваемому проформой «ШИПМЕН». Нормы о морском агентировании или посредничестве позволяют предположить, что договор технического управления судном по аналогии должен относиться к п. 2 ст. 409 КТМ РФ о исковой давности и к нему следует применять срок в один год со дня возникновения права на иск.

Выделяя в проформе «ШИПМЕН – 2024» из общего понятия «судовой менеджмент» составляющую «технический менеджмент», в ст. 4 раздела 2 части 2 указываются составляющие его услуги:

- обеспечение соответствия Судна требованиям законодательства государства флага;
- обеспечение соблюдения Кодексов МКУБ и ОСПС¹;
- разработка политики в отношении наркотиков и алкоголя по согласованию с судовладельцами;
- предоставление компетентного персонала для надзора за техническим обслуживанием и общей эффективностью Судна;
- организация и надзор за постановкой в сухом доке, ремонтом, переделкой и техническим обслуживанием Судна в соответствии со стандартами, согласованными с Судовладельцами, при условии, что Управляющие должны нести необходимые расходы для обеспечения того, чтобы Судно соответствовало всем требованиям и рекомендациям классификационного общества, а также законам Государства флага и мест, где Судно будет использоваться;
- организация снабжения необходимыми запасами, запасными частями и смазочным маслом;
- предоставление сюрвейеров и технических консультантов, которых менеджеры сочтут необходимыми;
- организация отбора проб и тестирования топлива, в зависимости от обстоятельств;
- надзор за продажей и физической поставкой Судна по договору купли-продажи в соответствии с инструкциями Судовладельца (без заключения договора купли-продажи или оформления перехода права собственности на Судно).

Сравнивая данный перечень с изложением содержания «техническое управление судном» в п. 2 ст. 8.1 КТМ РФ, которое дано в достаточно общем виде, можно выделить услуги надзора за куплей-продажей судна, предусматриваемые в КТМ РФ договором морского посредничества и разработку политики в отношении наркотиков и алкоголя. Учитывая, что технический менеджмент в «ШИПМЕН – 2024» отделён от менеджмента по экипажу, можно предположить, что такая политика предусматривается для управленческого аппарата судоходной компании, но какая здесь связь с техникой и первопричины включения этой услуги в данный раздел требуют отдельного исследования тем более, что

¹Международный кодекс по охране судов и портовых средств от 12.12.2002 г. Конвенции СОЛАС-74 URL: <https://docs.cntd.ru/document/902019001?ysclid=lvuomoabrw284340161> (дата обращения 04.05.2024 г.)

в предыдущих редакциях проформы данное положение отсутствовало.

Остальные услуги технического менеджмента проформы вполне укладываются в понятие, определяемое КТМ РФ для договора технического управления судном. При этом авторы текста проформы не делают перечень исчерпывающим, оговариваясь, что техническое управление включает, но не ограничивается изложенными услугами. Подробное рассмотрение содержания раздела «технический менеджмент» проформы «ШИПМЕН – 2024», может быть интересным с точки зрения дальнейшего развития российского нормотворчества в рассматриваемой области.

В п. 9 ст. 8.1 КТМ РФ предусматривается утверждение федеральным органом исполнительной власти в области транспорта – примерной формы договора технического управления судном. Вполне ожидаемо включение в том или ином виде в состав услуг технического управления судном всех вышеприведенных составляющих его технической эксплуатации. В этой связи видимо, следует ориентироваться на Правила технической эксплуатации морских судов², утвержденные Минтрансом РФ в 1997 году, которые под технической эксплуатацией морских судов (п. 1.1.2) понимают деятельность экипажей судов, сотрудников береговых предприятий и организаций, обеспечивающую поддержание судов в исправном техническом состоянии для безаварийного и эффективно использования по назначению с установленными технико-эксплуатационными показателями при соблюдении требований законодательства РФ и её международных договоров. При этом техническую эксплуатацию разделяют на:

- «техническое использование» – обеспечение работы судна, судовых технических средств, корпусных конструкций и систем по назначению в соответствии с установленными технико-экономическими показателями;
- «техническое обслуживание» – поддержание в эксплуатации судна, его технических средств и конструкций в исправном техническом состоянии и соблюдение установленных технико-эксплуатационных показателей;
- «ремонт» – восстановление исправного технического состояния судна, его технических средств и конструкций и установленных технико-эксплуатационных показателей.

Указанные Правила (п. 1.2.1) действуют для судовладельцев, которые «несут полную ответственность за техническую эксплуатацию судов с момента их приемки в эксплуатацию или постановки на баланс предприятия». Очевидно, что последние изменения в КТМ РФ в части делегирования таких полномочий техническому управляющему, требуют корректировки Правил.

²РД 31.20.01–97. Правила технической эксплуатации морских судов. Основное руководство. (утв. Минтрансом РФ 08.04.1997 г. № МФ-34/672) URL: <https://legalacts.ru/doc/rd-312001-97-pravila-tekhnicheskoi-ekspluatatsii-morskikh-sudov/?ysclid=lvuqsquj9c755519182> (дата обращения 04.05.2024 г.)

Не менее интересным, применительно к рассматриваемой сфере является Постановление Правительства РФ от 30.07. 2019 г. № 982¹ утверждающее перечень услуг по техническому управлению морскими судами на территории РФ, оказываемых иностранным лицам, эксплуатирующим иностранные морские суда. Данный нормативный правовой акт, принятый в соответствии с Налоговым кодексом РФ (п.п. 35 п. 2 ст. 149) исключает налогообложение налогом на добавленную стоимость перечисляемые услуги технического управления. Анализ данного документа показывает, что применительно к международному торговому мореплаванию российское нормотворчество к техническому управлению морскими судами относит гораздо более широкий спектр услуг, чем это определено в ст. 8.1 КТМ РФ. Можно утверждать, что правоотношения, лежащие в основе рассматриваемого постановления, по большей мере определяются условиями договора об эксплуатационном управлении судном, регулируемого проформой «ШИПМЭН». В частности, к услугам технического управления судном постановление относит:

- услуги по управлению судном, включающие собственно техническую составляющую (техническое обслуживание, ремонт, освидетельствование, снабжение всеми припасами, обеспечение соответствия требованиям государства флага, Кодексов МКУБ и ОСПС и т.п.);
- услуги по управлению экипажем судна (в т.ч. найм, ведение кадровых документов, обеспечение медицинских осмотров и профессиональных стажировок, доставка на судно, репарация, охрана труда, страхование экипажа);
- услуги по обеспечению использования судна (в т.ч. интересы судовладельца по исполнению заключенных в отношении судна договоров, расчёт и взимание платежей в связи с коммерческим использованием судна; контроль движения судна и выполнения рейсовых заданий, привлечение агентов, стивидоров, сюрвейеров в морском порту, организация страхования судна и ответственности судовладельца, представление интересов судовладельца во взаимоотношениях с третьими лицами, органами власти, участие в расследовании аварийных случаев).

Таким образом, в данном случае техническое управление включает собственно технический менеджмент, менеджмент экипажа, коммерческий менеджмент. Как отмечалось ранее, к техническому управлению судном новая норма п. 3 ст. 60 допускает «осуществление от имени судовладель-

¹ Постановление Правительства РФ от 30.07.2019 г. № 982 «Об утверждении перечня услуг по техническому управлению морскими судами, оказываемых иностранным лицам, не состоящим на учете в налоговых органах в качестве налогоплательщиков и эксплуатирующим морские суда, зарегистрированные в судовых реестрах иностранных государств, реализация которых на территории Российской Федерации не подлежит налогообложению налогом на добавленную стоимость» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72252816/?ysclid=lvutjnpvum58193038> (дата обращения 04.05.2024 г.)

ца прав и исполнение обязанностей работодателя в трудовых отношениях с членами экипажа судна». Это сближает условия договора технического управления судном, предусмотренного КТМ РФ и условия международной проформы «ШИПМЕН», но оставляет открытым вопрос: в какой мере дальнейшее развитие российского морского законодательства будет унифицироваться с международным частным морским правом в этой сфере?

Если ориентироваться на дальнейшую унификацию, предпосылки которой прослеживаются в упомянутом правительственном постановлении, то договор технического управления судном может включать разделы технической, коммерческой эксплуатации судна, кадровой работы с экипажем. Для полноты унификации могут быть добавлены услуги страхования, оказываемые в «ШИПМЕН». В этом случае будет корректным ставить вопрос о наименовании договора, так как комплекс предлагаемых услуг будет включать не только техническое управление. Возможно, это может быть «договор об эксплуатационном управлении судном». Однако унификация в данном вопросе не должна означать слепого копирования. Например, рассматривавшаяся редакция проформы «ШИПМЕН – 2024» содержит положения о недопустимости нарушения налагаемых на какие-либо действия или участника торгового мореплавания санкций, при этом среди бесспорно уполномоченных органов подвергающих санкционному воздействию, наряду с ООН указываются: Европейский Союз, Великобритания, Соединенные Штаты Америки. Введение односторонних экономических рестрикций, не согласованных Советом Безопасности ООН в порядке ст. 41 Устава ООН, несовместимо с принципами международного права². Большое внимание в проформе уделяется схемам торговли квотами на выбросы парниковых газов, на основе Системы торговли квотами на выбросы Европейского союза, что малоприменимо для большинства остальных стран, участвующих в международном торговом мореплавании. В то же время несомненного интереса в проформе 2024 года заслуживают отсутствовавшие в прежних редакциях «ШИПМЕН» положения (ст. 27 часть 2) о действиях сторон по недопущению и ликвидации неблагоприятных последствий в области несанкционированного доступа к цифровым базам данных друг друга (инциденты кибербезопасности), а также положения о недопустимости нарушений антикоррупционного законодательства (ст. 29 часть 2). Если рассматривать перспективные направления нормотворчества, то следует, не дожидаясь первенства иностранных партнёров, работающих над проектом проформы «АВТОШИПМЕН», предусмотреть в российской примерной форме договора условия эксплуатации автономных судов.

Подводя итог вышесказанному, можно со всей уверенностью утверждать, что российское морское

² Беляков В.Г., Поваляев А.А. О правомерности односторонних ограничительных мер в торговом мореплавании // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 8–11.

законодательство делает значительный шаг вперёд в сфере совершенствования регулирования правоотношений, возникающих в ходе эксплуатационного управления судном, что несомненно будет способствовать развитию российского торгового мореплавания.

Литература

1. Беляков В.Г., Поваляев А.А. О правомерности односторонних ограничительных мер в торговом мореплавании // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 8–11.
2. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. N 81-ФЗ URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 04.05.2024).
3. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74) (с изм.). Принята постановлением Правительства СС-СР от 02.11.1979 г. № 975. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 04.05.2024).
4. Международный кодекс по охране судов и портовых средств от 12.12.2002 г. Конвенции СОЛАС-74. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902019001?ysclid=lvuomobr284340161> (дата обращения 04.05.2024 г.)
5. Постановление Правительства РФ от 30.07.2019 г. № 982 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72252816/?ysclid=lvutjnvmy58193038>(дата обращения 04.05.2024 г.)
6. РД 31.20.01–97. Правила технической эксплуатации морских судов. Основное руководство. (утв. Минтрансом РФ 08.04.1997 г. № МФ-34/672) URL: <https://legalacts.ru/doc/rd-312001-97-pravila-tekhnicheskoi-ekspluatatsii-morskikh-sudov/?ysclid=lvuqsquj9c755519182> (дата обращения 04.05.2024 г.)
7. Резолюция Ассамблеи Международной морской организации А.741(18) от 04.11.1993 г. (в ред. от 21.06.2013 N MSC.353(92)). <https://fish.gov.ru/wp-content/uploads/2021/10/mkub.pdf?ysclid=lvrtx35uf0577517533> (дата обращения 04.05.2024).
8. Standard Ship Management Agreement SHIPMAN 2024. URL: https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts/~link.aspx?_id=73B40FADB74A416AA4F6514A0358B178&_z=z (дата обращения 04.05.2024 г.)

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEGAL REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS FOR THE TECHNICAL MANAGEMENT OF A VESSEL IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PRIVATE INTERNATIONAL MARITIME LAW: USING THE EXAMPLE OF THE CONTENT OF THE BIMCO “SHIPMAN-2024” PROFORMA

Povaliaev A.A., Belyakov V.G.

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Inmarin Saint Petersburg Attorney Bureau, PhD (Law)

The legal conflict between the norms of national and international law recognized by Russia on the possibility of a shipowner to outsource the technical management of a vessel under the Russian flag has been eliminated. In accordance with the provisions of SOLAS-74, the ISM Code in the Code of Merchant Shipping of the Russian Federation, the rules on the contract of technical management of the vessel come into force. An approximate contract form is being developed. The article analyzes the possibility of unifying its provisions with international private maritime law, where the BIMCO SHIPMAN-2024 proforma already uses the concept of “ship management”, which is a combination of technical management, commercial management, crew management and insurance services (ship, crew, shipowner’s liability, etc.). The study of Russian normative legal acts regulating legal relations arising during the operational management of a vessel, in comparison with foreign analogues, shows that the improvement of Russian maritime law in accordance with international norms significantly contributes to the development of Russian merchant shipping.

Keywords: merchant shipping, ship operation, ship technical management agreement, ship crew, BIMCO standard form «SHIPMAN-2024»

References

1. Belyakov V.G., Povalyaev A.A. On the legality of unilateral restrictive measures in merchant shipping // International public and private law. 2022. No. 4. P. 8–11.
2. Merchant Shipping Code of the Russian Federation dated April 30, 1999 N 81-FZ URL: <https://base.garant.ru> (date accessed 05/04/2024).
3. International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS-74) (as amended). Adopted by decree of the USSR Government of November 2, 1979. No. 975. URL: <https://base.garant.ru> (date of access: 05/04/2024).
4. International Code for the Security of Ships and Port Facilities dated December 12, 2002. SOLAS 74 Convention. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902019001?ysclid=lvuomobr284340161> (date accessed 05/04/2024)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of July 30, 2019 No. 982 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72252816/?ysclid=lvutjnvmy58193038> (date of access 05/04/2024)
6. RD 31.20.01–97. Rules for the technical operation of sea vessels. Basic Guide. (approved by the Ministry of Transport of the Russian Federation on April 8, 1997 No. MF-34/672) URL: <https://legalacts.ru/doc/rd-312001-97-pravila-tekhnicheskoi-ekspluatatsii-morskikh-sudov/?ysclid=lvuqsquj9c755519182> (date appeal 05/04/2024)
7. Resolution of the Assembly of the International Maritime Organization A.741(18) dated November 4, 1993. (as amended on June 21, 2013 N MSC.353(92)). <https://fish.gov.ru/wp-content/uploads/2021/10/mkub.pdf?ysclid=lvrtx35uf0577517533> (access date 05/04/2024).
8. Standard Ship Management Agreement SHIPMAN 2024. URL: https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts/~link.aspx?_id=73B40FADB74A416AA4F6514A0358B178&_z=z (accessed 05/04/2024)

Правовое регулирование поведения государственных гражданских служащих в социальных сетях

Воробьева Юлия Юрьевна,

старший преподаватель кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YYVorobyova@fa.ru

В статье изучены отдельные аспекты нормативно-правового и правового регулирования поведения государственных служащих в сети «интернет» и, в частности, в социальных сетях. Автором изучены законы и подзаконные акты, в которых содержатся правила поведения указанных субъектов, проведен анализ единообразия правового регулирования указанного аспекта деятельности служащих. Не смотря на то, что государство признает важность социальных сетей как способа распространения информации федеральными органами исполнительной власти, ведь буквально у каждого федерального Министерства, действующего на данный момент, есть не только официальный сайт, но и страница в социальной сети, автор отмечает, что размещенные в публичном доступе правила поведения служащих есть далеко не у всех органов. Автор статьи указывает на то, что не смотря на наличие рекомендательной нормы в отношении установления рассматриваемых правил, органы не спешат такие правила принимать, что явно не способствует достижения единообразия, ясности, четкости правового регулирования. Автор отмечает, что выбранная тема видится весьма перспективной для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: социальная сеть, интернет, государственные служащие, государственная служба, кодекс этики, поведение в социальной сети.

Пользование сетью «Интернет» и социальными сетями в частности занимает немалую часть нашей жизни. По данным портала DemandSage с 2017 по 2024 г. количество пользователей социальных медиа увеличилось почти в два раза: с 2,73 миллиардов до 5,17 миллиардов. [13] При этом Российская Федерация в 2024 г. занимает 6 место в рейтинге стран по количеству пользователей социальных медиа, а именно 115.05 миллионов. [13]

Однако социальная сеть сейчас – не только способ распространения людьми информации о своих взглядах на жизнь, но и способ распространения официальной информации органами власти в целом и исполнительной власти в частности. Не секрет, что некоторые лица, замещающие государственные должности, должностные лица органов власти, а также сами органы власти имеют аккаунты в социальных сетях и используют их для работы с большой аудиторией. Ссылки на «официальные» социальные сети содержатся на цифровых ресурсах органов власти, и являются для многих пользователей более удобным и оперативным способом получения официальной информации.

Определение социальной сети имеется в п. 1 ч. 1 ст. 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Признаки социальной сети из него можно указать следующие:

- 1) форма: сайт, страница сайта в сети «Интернет», информационная система, программа для ЭВМ;
- 2) пользователь в качестве обязательного субъекта;
- 3) цель – предоставление и (или) распространения информации посредством созданных пользователями персональных страниц;
- 4) язык распространения информации – государственные языки Российской Федерации, республик в составе или иные языки народов Российской Федерации;
- 5) возможность распространения рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации;
- 6) количество находящихся на территории РФ пользователей, которые в сутки обращаются к сайту, странице сайта в сети «Интернет», информационной системе, программе для ЭВМ – 500 тыс. и более чел.

При этом можно утверждать, что такое понимание социальной сети в нашем законодательстве существенно снижает количество ресурсов, которые могут быть отнесены к этой категории. Сыграло роль и признание Meta Platforms Inc. экстремистской организацией. [12] Кроме того, ранее упомянутый перечень социальных сетей позволяет сделать вывод о том, что некоторые ресурсы, которые американскими исследователями относятся к «social media», с точки зрения нашего законодательства являются, скорее, сервисами обмена мгновенными сообщениями. [ст. 10.1, 1] Разница в подходах к пониманию того, что представляют собою соцсети, демонстрирует сам Роскомнадзор. По состоянию на март 2024 года в Реестр социальных сетей им внесены 15 ресурсов. [8]

В ГОСТ Р 56824–2015 (далее – ГОСТ) указаны возможности, которые обеспечиваются социальными Интернет-сетями:

- 1) организационные;
- 2) коммуникативные;
- 3) информационные.

ГОСТ также устанавливает важность соц. сетей как информационной площадки для неформального общения органов публичной власти со всеми гражданами. [4] Кроме того, основными направлениями работы органов публичной власти являются:

- информирование граждан;
- вовлечение граждан;
- просвещение и консультирование населения по самому широкому кругу вопросов в сфере полномочий органа публичной власти.

ГОСТ устанавливает, что: «Для организации и обеспечения интернет-представительства в социальных сетях орган публичной власти разрабатывает и принимает краткий свод правил этического поведения своих официальных представителей при работе в социальных сетях, а также назначает ответственного за данный вид коммуникации (оптимальное решение – представитель пресс-службы органа публичной власти)». [4] Информация о целесообразности принятия этических правил также содержится, например, в Методических рекомендациях МЧС, п. 2.1.3. [7] Например, Правительство Ханты-Мансийского АО утвердило соответствующие поправки к Кодексу этики. [10] При этом, например, в ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» применительно к общедоступной информации, размещаемой в сети «Интернет» говорится только в отношении:

А) лиц-претендентов и ничего о действующих служащих;

Б) сайтов и (или) страниц сайтов [3], что не в полной мере согласуется с тем легальным определением социальной сети, которое было рассмотрено выше. Т.е. в законе, касающемся гражданской службы, не говорится ничего напрямую о поведении действующих государственных гражданских служащих в сети в целом и в социальных сетях в частности. Косвенно к поведению государственных гражданских служащих в социальных сетях

можно отнести п. 7 ч. 1 ст. 15 в отношении обязанности не разглашения охраняемой законом тайны и т.д., что спецификой именно для служащих считать все же нельзя. В законе, в целом регулирующем деятельность служащих, ни о чем подобном не говорится вообще. [2]

Говоря этической составляющей государственной службы, нельзя не вспомнить Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. В нем сеть «Интернет» и социальные сети даже не затронуты. [9]

Отыскать в открытом доступе кодексы этики органов исполнительной власти, в которых бы была урегулирована деятельность служащих в социальных сетях оказывается весьма непростой задачей. Это предположительно может быть связано с двумя основными причинами:

- 1) они приняты, но не размещены в открытом доступе на официальных сайтах;
- 2) они не приняты, так как их принятие носит рекомендательный характер.

Что касается комментария по п. 1, тут невольно вспоминается ч. 2 ст. 24, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, которые говорят в пользу того, чтобы данная информация находилась в открытом доступе. По п. 2 можно отметить то, что грамотная регламентация подобных положений должна работать на реализацию принципа единообразия правового регулирования, его законности и ясности.

Положительным примером наличия рассматриваемых положений служит Кодекс этики и служебного поведения МВД [5] В нем есть три положения, касающиеся рассматриваемого вопроса (п. 16.1–16.3), и если два из них выглядят более понятными, и во многом вытекают из иных положений действующего законодательства, то п. 16.3. вызывает ряд вопросов, касающихся его толкования.

В целом, проведенный в отношении 21 федерального министерства анализ позволяет говорить о следующем:

1) у всех без исключения министерств есть официальный сайт в сети «Интернет»;

2) у всех министерств есть хотя бы один аккаунт в социальных сетях из перечня, внесенного в реестр;

3) на официальном сайте кодекс этики с указанием правил поведения служащих в сети «Интернет» (включая соц. сети) есть у МВД; у Минцифры, Минпромторга и Минтранса правил поведения в тексте кодексов как таковых нет, но там упоминается, что: «Гражданский служащий обязан ежегодно в установленном порядке представлять сведения об адресах сайтов или страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых гражданский служащий размещал общедоступную информацию, а также данные, позволяющие его идентифицировать, не позднее 1 апреля года, следующего за отчетным, по форме, установленной Правительством Российской Федерации». [6] При этом предположительно речь идет о том же самом порядке, кото-

рый предусмотрен для претендентов, о чем выше уже было упомянуто.

Проведенный анализ показал, что большинство кодексов этики ФОИВ (на примере федеральных министерств), цитируют типовой кодекс, и при этом не содержат правил поведения в соц. сетях, при том, что в некоторых случаях государственные служащие должны предоставлять отчетность об использовании ими ресурсов в сети. Тем не менее, случаи оскорбительного поведения «чиновников» в отношении граждан в социальных сетях случаются, и есть сведения о том, что служащие получают за это наказание [11], однако, о единообразии правового регулирования поведения служащих в социальных сетях говорить пока что не приходится. Нельзя не отметить, что актуальность темы открывает простор для дальнейшего ее изучения как специалистами по административному, так и по информационному праву.

Литература

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ
2. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 N 58-ФЗ
3. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ
4. «ГОСТ Р 56824–2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальная собственность. Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет»
5. Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. N 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»
6. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 20 августа 2020 г. № 413 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации»
7. «Методические рекомендации по внедрению принципов открытости в работу территориальных органов, организаций и учреждений центрального подчинения МЧС России» (утв. МЧС России 22.12.2014 N 2–4–87–36–28)
8. Официальный сайт РКН – URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74813.htm> (дата обращения: 26.05.2024)
9. Электронный фонд правовых и материально-технических документов: <https://docs.cntd.ru/document/420254359> (дата обращения: 25.05.2024)
10. Сайт сетевого издания «Коммерсантъ». Чиновников ограничили в лайках – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4154822> (дата обращения: 26.05.2024)

www.kommersant.ru/doc/4154822 (дата обращения: 26.05.2024)

11. Сайт интернет-газеты «Ридус». Камчатский чиновник получил выговор за оскорбление граждан в соцсетях – URL: <https://www.ridus.ru/kamchatskij-chinovnik-poluchil-vygovor-za-oskorblenie-grazhdan-v-socsetyah-384578.html> (дата обращения: 25.05.2024)
12. Портал ПРАВО.РУ – URL: <https://pravo.ru/news/240031/> (дата обращения: 25.05.2024)
13. Сайт компании, проводящей исследования по вопросам цифрового маркетинга Demand-Sage: <https://www.demandsage.com/social-media-users/> (дата обращения: 26.05.2024)

LEGAL REGULATION OF THE BEHAVIOR OF STATE CIVIL SERVANTS ON SOCIAL NETWORKS

Vorobyova Yu.Yu.

Financial University under the Government Russian Federation

The article examines certain aspects of the regulatory and legal regulation of the behavior of civil servants on the Internet and, in particular, on social networks. The author has studied the laws and by-laws that contain the rules of behavior of these subjects, and analyzed the uniformity of legal regulation of this aspect of the activities of employees. Despite the fact that the state recognizes the importance of social networks as a way of disseminating information by federal executive authorities, because literally every federal ministry operating at the moment has not only an official website, but also a page on a social network, the author notes that posted Not all authorities have publicly available rules of conduct for employees. The author of the article points out that despite the presence of advisory norms regarding the establishment of the rules in question, authorities are in no hurry to adopt such rules, which clearly does not contribute to achieving uniformity, clarity, and clarity of legal regulation. The author notes that the chosen topic seems very promising for further research.

Keywords: social network, Internet, civil servants, public service, code of ethics, behavior on a social network.

References

1. Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” dated July 27, 2006 N 149-FZ
2. Federal Law “On the Public Service System of the Russian Federation” dated May 27, 2003 N 58-FZ
3. Federal Law “On the State Civil Service of the Russian Federation” dated July 27, 2004 N 79-FZ
4. “GOST R 56824–2015. National standard of the Russian Federation. Intellectual property. Use of protected results of intellectual activity on the Internet”
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 26, 2020 N 460 “On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation”
6. Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation dated August 20, 2020 No. 413 “On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Civil Servants of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation”
7. “Methodological recommendations for introducing the principles of openness into the work of territorial bodies, organizations and institutions centrally subordinate to the Ministry of Emergency Situations of Russia” (approved by the Ministry of Emergency Situations of Russia on December 22, 2014 N 2–4–87–36–28)
8. Official website of the RKN – URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74813.htm> (access date: 05/26/2024)
9. Electronic fund of legal and material and technical documents: <https://docs.cntd.ru/document/420254359> (date of access: 05/25/2024)

10. Website of the online publication “Kommersant”. Officials were limited in likes – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4154822> (date of access: 05/26/2024)
11. Website of the online newspaper “Reedus”. A Kamchatka official was reprimanded for insulting citizens on social networks – URL: <https://www.ridus.ru/kamchatskij-chinovnik-poluchil-vygovor-za-oskorblenie-grazhdan-v-socsetyah-384578.html> (access date: 05/25/2024)
12. Portal PRAVO.RU – URL: <https://pravo.ru/news/240031/> (access date: 05/25/2024)
13. Website of the company conducting research on digital marketing issues DemandSage: <https://www.demandsage.com/social-media-users/> (access date: 05/26/2024)

Алхамед Абдулазиз,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: azez6670@gmail.com

Цель статьи рассмотреть особенности легализации трудовых прав и условий для сирийских беженцев. Трудовое законодательство многих стран не способствует созданию благоприятных условий для обеспечения доступа к безопасной и стабильной работе, и страны выдают разрешения на работу лишь немногим. Автор приходит к выводу, что существующие механизмы разрешения трудовых споров должны быть пересмотрены для повышения их эффективности. Следует принять позитивные меры для обеспечения инклюзивности на рынке труда, особенно в том, что касается трудоустройства женщин, молодежи, пожилых людей трудоспособного возраста.

Ключевые слова: беженцы, легализация, международные стандарты труда, международное законодательство, трудовое право, Сирийская Арабская Республика, Иордания.

Как известно, право на труд является защищенным правом человека в соответствии с международным правом, и все же оно остается спорным во многих странах, принимающих беженцев. Те, кто принимает у себя большое количество сирийских беженцев по всему Ближнему Востоку, опасаются, что предоставление беженцам права на работу может иметь такие негативные последствия:

- политические, поскольку некоторые принимающие общины опасаются, что предоставление сирийским беженцам права на работу побудит их оставаться в стране убежища на постоянной основе, а не возвращаться на родину;
- экономические, поскольку есть опасения, что труд беженцев будет конкурировать с трудом принимающей общины, что приведет к снижению заработной платы и росту безработицы среди местного населения граждан;
- и социальный, поскольку исторически сложившаяся напряженность существует между беженцами и принимающими общинами, которые, помимо прочего, могут быть недовольны тем, что беженцы получают доступ к внутренним рынкам труда, особенно в условиях, когда сами принимающие общины живут в бедности, безработице или иным образом уязвимы.

Тем не менее, право на труд является защищенным правом человека в соответствии с международным правом, которое признает, что возможность доступа к работе имеет основополагающее значение для человеческого достоинства и имеет центральное значение для выживания и развития человеческой личности. Кроме того, способность к труду взаимосвязана со многими другими правами человека и неотделима от них, включая право на достижение наивысшего достижимого уровня физического и психического здоровья, право на достаточный жизненный уровень, на социальное обеспечение и/или социальную помощь, на свободу передвижения, на свободу ассоциации, а также к частной и семейной жизни, среди прочего. Лишение беженцев законного доступа к работе также имеет серьезные гуманитарные последствия в кризисных ситуациях, поскольку крайняя бедность растет по мере уменьшения сбережений семей, ограниченная гуманитарная помощь не может удовлетворить огромные потребности, а социальная напряженность между беженцами и принимающим населением возрастает. Более того, доказано, что безработица в определенных условиях негативно влияет на психическое здоровье.

Право беженцев на труд защищено Конвенцией о статусе беженцев 1951 года [1] и Протоколом к ней 1967 года. Конвенция является основным

международно-правовым документом о защите беженцев, устанавливающим минимальные стандарты обращения с беженцами. Трудовые права беженцев, которые включают в себя право заниматься наемным трудом и samozанятостью, предусмотрены в главе 3 статьи 2 Конвенции о международной торговле людьми, независимо от их правового статуса и документов. Однако подавляющее большинство стран региона, принимающих значительное число сирийских беженцев, не подписали Конвенцию 1951 года и протокол к ней 1967 года, несмотря на безуспешные усилия по всеобщему осуществлению этих и других региональных конвенций о беженцах. В результате, беженцам в Ливане и Иордании автоматически не предоставляются права на трудоустройство в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев. Важнейший источник защиты права сирийских беженцев на труд содержится в более широких международных конвенциях по правам человека. Статья 23 Всеобщей декларации прав человека провозглашает труд универсальным правом человека [2]. Однако ключевым международным договором, который защищает право на труд в обязательной форме, является Международный пакт об экономических правах. Отметим, что статья 6 защищает право на труд и определяет обязательства государств по обеспечению осуществления этого права, а статья 7 конкретизирует обязательства государств по обеспечению безопасных условий на рабочем месте. Комитет ООН, который следит за соблюдением этих прав, подтвердил, что трудовые права, предусмотренные Пактом, распространяются «на всех, включая неграждан, таких как беженцы, лица, ищущие убежища, лица без гражданства, трудящиеся-мигранты и жертвы международной торговли людьми, независимо от юридического статуса и документации.»

Однако одним из ограничений Пакта является статья 2(3), которая позволяет развивающимся странам определять степень, в которой они будут гарантировать экономические права, закрепленные в Пакте, негражданам. Это вызвало некоторую критику в адрес Пакта в связи с его поддержкой права беженцев на труд.

Кроме того, при определенных обстоятельствах государства могут ограничивать закрепленные в пакте права по причине нехватки ресурсов. Тем не менее, даже в тех случаях, когда государство применяет это ограничение из-за нехватки ресурсов, МПЭСКП определяет как минимальные требования для ведения достойной жизни. Правительства всех стран, подписавших соглашение, обязаны постоянно обеспечивать соблюдение этих минимальных требований. Кроме того, ряд других обязательств, имеющих непосредственную юридическую силу, в равной степени применимы к негражданам, включая беженцев. Они включают в себя немедленное обязательство предпринять обдуманые, конкретные и целенаправленные шаги «индивидуально и в рамках международной помощи и сотрудничества, особенно экономическо-

го и технического, в максимальных пределах имеющихся ресурсов» для постепенного достижения полной реализации закрепленных в Пакте прав.

Государства также должны воздерживаться от прямого или косвенного вмешательства в осуществление прав, закрепленных в Пакте. Более того, все права, закрепленные в МПЭСКП, должны осуществляться без дискриминации. Однако до настоящего времени обеспечение соблюдения этих прав представляло собой особую проблему. До недавнего времени не существовало механизма прямого обеспечения соблюдения прав, закрепленных в Пакте, что ограничивало возможности отдельных лиц возбуждать иски против государства в связи с нарушениями этих прав. Введение факультативного протокола в настоящее время предоставляет юридически закрепленные средства, с помощью которых отдельные лица, группы лиц и третьи стороны могут подавать жалобы на государства, ратифицировавшие Пакт, в связи с нарушениями прав, предусмотренных МПЭСКП.

Проблемы, связанные с обеспечением соблюдения, возможно, усугубляются недостаточной осведомленностью международного сообщества об этих правах и/или нежеланием требовать от государств соблюдения этих прав в контексте беженцев, особенно в тех случаях, когда государства принимают у себя большое количество беженцев.

Даже в тех случаях, когда международные стандарты в области прав человека действительно применяются, на практике правовой статус тех, кто бежит из Сирии, в основном регулируется национальными законами принимающих стран, касающимися иностранных граждан, к примеру, Меморандум о взаимопонимании (MOU) с УВКБ ООН, в котором содержатся важные формулировки, касающиеся работы [3]. В частности, в Меморандуме о взаимопонимании говорится о том, что беженцы, проживающие на законных основаниях, должны быть в состоянии обеспечить свою семью средствами к существованию, и лицам с учеными степенями, признанными Иорданией, разрешается легально заниматься своей профессией (т.е. не входить в список «закрытых профессий», опубликованный Министерством труда). Что касается защиты на рабочем месте от эксплуатации, опасных факторов и злоупотреблений, то в Законе о труде нет. Закон № 8 от 1996 года, принятый Министерством труда, является основным трудовым кодексом, который определяет права, защиту и обязанности всех работников и работодателей, за исключением работников домашнего хозяйства и сельского хозяйства (на этих работников распространяются отдельные законы). В трудовом законодательстве нигде не упоминаются понятия «беженец» или «лицо, ищущее убежища». Однако на практике, к примеру в Иордании, подавляющему большинству сирийских беженцев разрешения на работу не выдаются, независимо от их профессии. По данным Международной организации труда, только 10% трудящихся-беженцев в Заатари и за пределами лагеря сообщили, что получили разрешение

на работу для своей нынешней работы. В результате около 160 000 сирийцев нелегально работают в Иордании, в основном в неформальном секторе, где они подвергаются опасностям и эксплуатации. Согласно Конституции Иордании, полное право на труд предоставляется только гражданам Иордании. Министерство труда вводит жесткие ограничения на доступ к работе для всех иностранцев, включая беженцев, и может серьезно ограничить профессии, доступные для иностранных работников. Хотя национальное трудовое законодательство защищает всех работников от практики эксплуатации, не существует законов, гарантирующих защиту прав беженцев, трудящихся-мигрантов и других уязвимых групп. На практике сирийским беженцам редко выдают разрешения на работу, необходимые для получения доступа к официальной работе; вместо этого многие беженцы находят работу в секторах, не регулируемых трудовым законодательством и не имеющих защиты от эксплуатации или небезопасных методов работы. Наряду с Иорданией, также в Ливане, недостаточное соблюдение трудового законодательства создало более мягкие условия труда для незарегистрированных беженцев, тех, кто работает без разрешений, и беженцев, ведущих бизнес без лицензии. По мере того как сирийский кризис становился все более затяжным, а потоки беженцев в соседние страны продолжали стремительно увеличиваться, ливанское правительство ввело ряд ограничений, затрудняющих сирийским беженцам легальный доступ к работе. В 2022 году только 390 сирийских рабочих подали заявления на получение разрешения на работу, и 571 разрешение на работу было продлено, что составило 26 человек из общего числа зарегистрированных беженцев, составлявшего на тот момент 4840 сирийцев. Требования к месту жительства, которые являются обязательным условием для получения разрешения на работу, также становятся все более труднодоступными. Беженцы, зарегистрированные в УВКБ ООН и пытающиеся продлить или легализовать свой вид на жительство на основании свидетельства о регистрации УВКБ ООН или через спонсора, не являющегося работодателем, должны подписать обязательство не работать [4].

В связи с тем, что подобная ситуация продолжается и в других странах, следовательно, подавляющее большинство сирийских беженцев в настоящее время работают в неформальном секторе экономики. Поскольку большинство сирийских беженцев работают вне защиты закона, многие сталкиваются с вредными условиями труда и эксплуатацией. По сравнению с другими работниками неформального сектора сирийские беженцы, как правило, получают меньшую зарплату, вынуждены работать дольше, более уязвимы перед работодателями, произвольно удерживающими заработную плату, и, как правило, работают без официального контракта между работодателем и работником.

После многих лет конфликта, беспорядков и вынужденных перемещений в Сирии и вокруг нее за-

тяжной кризис с беженцами в соседних странах становится все более актуальным. Миллионы сирийских беженцев в настоящее время проживают в Иордании и Ливане, многие из которых исчерпали свои сбережения и с трудом удовлетворяют основные потребности своих семей. Трудовое законодательство Иордании и Ливана не способствует созданию благоприятных условий для обеспечения доступа к безопасной и стабильной работе, и обе страны выдали разрешения на работу лишь немногим. Экономические последствия этих политических решений в значительной степени сказались на неформальном секторе, который остается основным способом поиска работы сирийскими беженцами, часто подвергающимися большому риску эксплуатации и небезопасным условиям труда. Таким образом, сирийские беженцы обеспечили большое количество низкоквалифицированной работы, что привело к росту неформального рынка и оказало понижающее давление на заработную плату и условия труда на всех неформальных рынках труда. Пагубные последствия ощущаются как сирийскими беженцами, так и наиболее уязвимыми принимающими общинами, которые, скорее всего, также будут трудоустроены на этих крупных неформальных рынках. Результатом является борьба за самую низкую заработную плату и, возможно, неспособность наиболее уязвимых слоев населения получать достаточную заработную плату для удовлетворения своих основных потребностей и достойной жизни. Все принимающие беженцев государства, включая Иорданию и Ливан, имеют юридические обязательства по отношению к беженцам, которые выходят за рамки обязательства не возвращать беженцев в страну их происхождения, где они опасаются преследований. К ним относятся права, которые являются основополагающими для человеческого достоинства, включая право на труд.

Таким образом, полагаем, что для решения этой проблемы, к примеру в Иордании, следует рассмотреть препятствия на пути регистрации малых предприятий и их способность соблюдать трудовое законодательство при найме работников, в том числе беженцев. Для малых предприятий следует снизить уровень ежемесячных взносов на социальное страхование. Процедуры должны быть упрощены, чтобы предприятиям было легче соблюдать их. Предприятия, которые не соблюдают требования законодательства о регистрации предприятий, трудового законодательства и социального обеспечения, должны быть наказаны, чтобы заставить их соблюдать. Чтобы уменьшить бюрократические препоны и упростить требования к разрешениям на работу для беженцев в Иордании, законные виды на жительство и карточки МВД должны обеспечивать доступ к работе без необходимости получения разрешения на работу [5].

Также, после принятия правительством положительного решения о создании комитета для рассмотрения вопроса об открытии закрытых секторов для сирийских работников с учетом потребно-

стей рынка и возможностей трудоустройства для иорданцев, влияние изменений должно быть проанализировано в течение 6–12 месяцев, чтобы оценить их ощутимое воздействие на беженцев. Ключевыми соображениями будут вопросы о том, какие секторы будут открыты, как и в какой степени, и какое влияние это окажет на положение сирийцев, ищущих работу.

Представители международного сообщества и сообщества беженцев должны привлекаться к обсуждениям в комитете и планированию действий. Кроме того, представители частного сектора должны играть ведущую роль в обсуждениях в комитете.

Следует разработать конкретный план работы с соответствующей оценкой потребностей в потенциале, в котором будут отражены конкретные мероприятия и связанные с ними цели комитета, а также поддержка, необходимая международному сообществу для достижения этих целей.

Следует провести исследование рынка труда в различных секторах экономики (открытых и закрытых) с целью выявления областей, в которых беженцы могли бы работать с минимальным воздействием на возможности трудоустройства собственных граждан. В ходе исследования также следует проанализировать условия труда в этом секторе.

Следует принять позитивные меры для обеспечения инклюзивности на рынке труда, особенно в том, что касается трудоустройства женщин, молодежи и пожилых людей трудоспособного возраста.

Литература

1. Женевская конвенция о беженцах и протокол к ней 1951 года. URL: <https://advocatetamoy.com/> (Дата доступа 30.05.2024)
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)// Российская газета. –1995. –5 апр.
3. Меморандум о взаимопонимании между Иорданией и УВКБ ООН (Меморандум о взаимопонимании между УВКБ ООН и Иорданией)

от 15 апреля 1998 года, статьи 2 и 7 11 Меморандум о взаимопонимании между УВКБ ООН и Иорданией, статья 8 12 Меморандум о взаимопонимании между УВКБ ООН и Иорданией, статья 9

4. Киселев И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М., 2019. – 467 с.
5. Лушников А.М. Трудовое право: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 123.
6. Матвеев И.А. Современное экономическое законодательство арабских стран на примере Сирийской Арабской Республики. Учебное пособие. М.: ГАУГН-Пресс, 2021. 320 с.

LEGALIZATION OF LABOR RIGHTS AND CONDITIONS FOR SYRIAN REFUGEES

Alhamed Abdulaziz

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of the article is to consider the specifics of the legalization of labor rights and conditions for Syrian refugees. The labour laws of many countries do not contribute to creating an enabling environment for access to safe and stable work, and both countries have issued work permits to only a few. The author concludes that the existing mechanisms for resolving labor disputes should be reviewed to improve their effectiveness. Positive measures should be taken to ensure inclusiveness in the labour market, especially with regard to the employment of women, youth, older people of working age and persons with disabilities.

Keywords: legalization, international labor standards, international legislation, labor law, Syrian Arab Republic, Jordan.

Reference

1. The Geneva Convention on Refugees and its 1951 Protocol. URL: <https://advocatetamoy.com/> (Access date 30.05.2024)
2. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 12/10/1948)//Rossiyskaya gazeta. –1995. –5 Apr.
3. Memorandum of Understanding between Jordan and UNHCR (Memorandum of Understanding between UNHCR and Jordan) Dated April 15, 1998, articles 2 and 7 11 Memorandum of Understanding between UNHCR and Jordan, article 8 12 Memorandum of Understanding between UNHCR and Jordan, article 9
4. Kiselev I. Ya. Labor law of Russia and foreign countries. International labor standards. – М., 2019. – 467 p
5. Lushnikov A.M. Labor law: textbook. М.: Prospect, 2021. P. 123.
6. Matveev I.A. Modern economic legislation of Arab countries on the example of the Syrian Arab Republic. Textbook. М.: GAUGN-Press, 2021. 320 p.

Юридическая ответственность за правонарушения в сфере компьютерной информации в англо-саксонском праве

Абрамов Дмитрий Олегович,

аспирант, направление: «Теоретико-исторические правовые науки», МФПУ «Синергия»
E-mail: rabochay24@yandex.ru

Ишеков Константин Анатольевич,

профессор кафедры правовых основ управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Университета «Синергия»
E-mail: ishekov77@mail.ru

Предмет исследования: юридическая ответственность за правонарушения в сфере компьютерной информации. *Цель работы* – обозначить специфику юридическая ответственность за правонарушения в сфере компьютерной информации в англо-саксонском праве. *Методология исследования:* компаративный анализ, исторический анализ, синтез. *Результаты исследования.* Представлены подходы к дефиниции понятия «правонарушения в сфере компьютерной информации». Обозначена специфика англосаксонской правовой семьи и подходы к регулированию «цифровых» правоотношений, применяемые в ее рамках. Рассмотрен вопрос о юридической ответственности за правонарушения в сфере компьютерной информации в США. Обозначена специфика регулирования правоотношений в области компьютерной информации в Великобритании. *Новизна исследования:* анализ законодательства двух стран позволил выявить тенденцию к криминализации большинства противоправных деяний, связанных с компьютерной информацией.

Ключевые слова: компьютерная информация, киберпреступление, правонарушение, преступление, англосаксонская правовая семья, криминализация.

Правонарушения, совершаемые в области компьютерной информации, выступают одним из важнейших институтов права как за рубежом, так и в России [6, с. 75]. Опыта работы с подобными составами еще не накоплено в достаточной мере. Отсутствие необходимой теоретико-правовой основы рассматриваемого правового института приводит к противоречиям как в законотворческой деятельности, так и в практике правоприменения. Недостаток четких формулировок побуждают законодателя периодически обновлять соответствующие положения, следуя за динамикой общественных отношений. В связи с вышеуказанным рассмотрение зарубежного опыта в области юридической ответственности за правонарушения в сфере компьютерной информации представляется нам **весьма актуальным.**

Специфика и виды правонарушений в сфере компьютерной информации

Как показывает сравнительный анализ законодательных массивов зарубежных стран, а также научной литературы в соответствующей области, единства мнений в отношении дефиниции категорий «правонарушения в сфере компьютерной информации», «компьютерное преступление/правонарушение» и «киберпреступление» пока не наблюдается. По мнению некоторых исследователей, предметом правонарушений в сфере компьютерной информации следует признавать не только компьютерную информацию, но и сам компьютер, компьютерную систему или сеть [6, с. 72]. Наряду с понятием «правонарушения в сфере компьютерной информации» широко используются термины «киберпреступность» и «компьютерное преступление», «правонарушение, совершаемое в Интернете» и проч., которые являются более широкими и, соответственно, более полно отражают суть деяний, совершаемых с помощью компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и технологий [13, с. 106].

Российский законодатель не представил четкой дефиниции термина «правонарушения в сфере компьютерной информации». При этом положения гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации указывают на перечень преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации. В их число входят: неправомерный доступ к информации (ст. 272), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи информации

и сетей (ст. 274), неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам безопасности сети общего пользования (ст. 274) [10].

Косвенно дефиницию понятия «правонарушения в сфере компьютерной информации» можно вывести из текста Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где в рамках ст. 17 описаны случаи наступления ответственности за правонарушения в сфере информации, информационных технологий и защиты информации. Так, в перечень подобных нарушений можно, опираясь на формулировки Закона, включить: (1) разглашение информации ограниченного доступа, (2) неправомерное использование информации ограниченного доступа; (3) хранение подобной информации; (4) предоставление к ней доступа третьим лицам [12].

В зарубежной практике четкое разграничение терминов «правонарушения в сфере компьютерной информации» и «преступления в сфере компьютерной информации» также отсутствует. Законодатели, как правило, выделяют следующие виды преступлений и правонарушений, связанных с компьютерной информацией: деяния, связанные с перехватом, модификацией и кражей информации, деяния, направленные на нарушение функционирования компьютерных сетей, деяния, связанные с несанкционированным доступом, хакерство и распространение вирусов, компьютерное мошенничество и подлог цифровых данных [1, с. 106]. В тексте «Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации» ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) для обозначения правонарушений и преступлений в сфере компьютерной информации применяется термин «информационное преступление», распространяемый на ввод, изменение, удаление или блокирование компьютерных данных; любое вмешательство в функционирование компьютерной системы, мошенническим или бесчестным намерением неправомерного извлечения выгоды для себя или для иного лица [7, с. 194].

Ключевой характеристикой правонарушений в сфере компьютерной информации выступает инструментальный характер подобных деяний: такие правонарушения являются, фактически, способом достижения иных преступных целей. Это свойство обуславливает квалификацию подобных правонарушений по совокупности с другими составами преступлений. Так, в частности, осуществляя неправомерный доступ к компьютерной информации, лицо посягает на такие самостоятельные объекты правовой охраны, как право граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, получает сведения, составляющими коммерческую, налоговую или банковскую тайну. В данной связи многие исследователи описывают подобные деяния как сопутствующие (правонарушения/преступления с двойной превенцией) – они лишь создают условия для совершения

«основного» противоправного деяния [11, с. 103]. Следовательно, нормы об ответственности за правонарушения в сфере компьютерной информации, в рамках принципа двойной превенции, направлены не только непосредственно на защиту компьютерной информации, но и на защиту собственности, в том числе интеллектуальной, личных прав граждан, а также общественной безопасности.

Следует сказать, что к концу 1990-х гг. многие страны уже выработали базовые правовые принципы применения информационных технологий и очертили силуэт системы регулирования правоотношений, возникающих в цифровом пространстве. Трансграничное развитие высоких технологий обусловило необходимость выработки единого правового взгляда. Так, к примеру, в 1989 г. Советом Европы была представлена Рекомендация № 892, которая содержала перечни виртуальных правонарушений, разделенных на две группы: 1) компьютерное мошенничество; 2) компьютерный подлог [5, с. 22].

Англосаксонская правовая семья и подходы к регулированию «цифровых» правоотношений, применяемые в ее рамках

Отличительной чертой национальных законодательных массивов, включенных в понятие «англосаксонская правовая семья», является доминирование прецедента среди прочих источников права, что, в свою очередь, обуславливает преобладание вопросов процессуального права над вопросами материального права. Кроме того, в рамках англосаксонской правовой семьи не наблюдается четкого отраслевого деления системы права и разделения права на публичное и частное по причине поглощения последнего первым. Содержание правовых норм и механизмов правоприменения отличается сложностью и казуистичностью.

В рамках англосаксонской правовой системы исторически сложилось деление правонарушений и преступлений в зависимости от тяжести деяния на две категории: фелонии (тяжкие и опасные преступления) и мисдиминоры (уголовные проступки и правонарушения). Подобная классификация имеет место в современном американском праве, тогда как в Великобритании она была упразднена в 1967 г. В англосаксонской правовой системе судьи обладают достаточно широкими полномочиями в выборе меры ответственности. Наказания могут назначаться одновременно (к примеру, тюремное заключение и штраф).

В рамках рассматриваемой нами правовой семьи можно наблюдать вариативность подходов к юридической ответственности. Компаративный правовой анализ правонарушений в сфере компьютерной информации применительно к англосаксонской системе права представляет несомненный интерес, особенно при учете изначальной общности правовых систем и их последующего индивидуального развития, основанного на национальных представлениях об охране компьютерной информации [2, с. 35].

Юридическая ответственность за правонарушения в сфере компьютерной информации в США

Вопрос об обеспечении сохранности цифровых данных был поднят в США уже в 1970-х гг. В 1977 г. был разработан законопроект о защите федеральных компьютерных систем, который предусматривал уголовную ответственность за введение заведомо ложных данных в компьютерную систему; незаконное использование компьютерных устройств [2, с. 35]. В 1978 г. в штатах Аризона и Флорида был принят закон Computer crime act of 1978 который представил и описал 669 противоправных действий, связанных с уничтожением, несанкционированным доступом, изъятием данных или перемещением/удалением программ. Вскоре подобные законы были приняты и в других штатах США. В 1984 г. ответственность за правонарушения в сфере компьютерной информации была детализирована благодаря принятию федерального закона о компьютерном мошенничестве [9, с. 668]. Следует сказать, что американский законодатель еще на заре цифровой эпохи начал внедрять подход к классификации компьютерных преступлений, основанный на криминализации большинства противоправных деяний. Таким образом, в большинстве случаев за нарушения, допущенные в цифровом пространстве, предусмотрена уголовная ответственность.

В Соединенных Штатах Америки преступления в сфере компьютерной информации подразделяются на федеральные, ответственность за совершение которых предусмотрена федеральным законодательством, и преступления, за которые ответственность определена в законодательстве конкретных штатов. Можно констатировать отсутствие общенациональной уголовно-правовой системы, и, как следствие, нетождественность позиций разных штатов в отношении меры ответственности за неправомерное использование цифровой информации [8, с. 104].

Санкции за правонарушения и преступления в области компьютерной информации предусматривают, как правило, денежные штрафы, в некоторых случаях дополняемые тюремным заключением. Мера ответственности обусловлена множеством факторов: тяжести совершенного преступления, размера ущерба, криминального прошлого подсудимого и других [14]. Сегодня США продолжает ужесточать законодательство в области кибербезопасности и, соответственно, увеличивать меру ответственности за киберпреступления. Таким образом происходит фактическое уравнивание общественной опасности цифровых преступлений с «реальными» [4].

Специфика регулирования правоотношений в области компьютерной информации в Великобритании

В Великобритании Закон о защите данных был принят в 1984 г. С 1990 г., кроме того, действует

Акт о компьютерных злоупотреблениях. Акт, помимо прочего, описывает меру ответственности за несанкционированный доступ к компьютерным данным. Британский законодатель также исключил рассматриваемые нами деяния из сферы административного права, криминализируя практически все противозаконные деяния, совершенные в области цифрового пространства. Так, преступлением считается получение доступа к компьютеру с целью изменения или уничтожения программ или информации; незаконного копирования или перемещения информации. Законодательство Великобритании за подобные действия предусматривает наложение штрафа и/или заключение на срок до 6 месяцев.

Подтверждением сложившейся тенденции к криминализации компьютерных преступлений служит вступление в действие Закона о терроризме, принятого в 2000 г. Закон расширил дефиницию терроризма и включил в нее деяния в области киберпространства [4]. В данном законе определение терроризма впервые расширяется и затрагивает область киберпространства.

Рассмотрим подробнее Закон о компьютерных злоупотреблениях 1990 г. (Computer Misuse Act 1990). Данный Закон принято считать основным законодательным актом, регулирующим действия, связанные с несанкционированным доступом к компьютерным системам. Среди ключевых положений можно назвать следующие:

- 1) Несанкционированный доступ к компьютерной информации. Подобное деяние можно классифицировать в качестве правонарушения (штраф), либо как преступление (лишение свободы сроком до 2 лет).
- 2) Несанкционированный доступ с целью совершения дальнейших преступлений. Подобное деяние попадает в разряд преступных и предусматривает достаточно объемные штрафы в сочетании с лишением свободы сроком до 5 лет.
- 3) Несанкционированное изменение компьютерных информации: преступление предусматривает ответственность в виде лишения свободы сроком до 10 лет и/или штраф [15].

Закон о защите данных 2018 г. (Data Protection Act 2018) дополняет и обновляет нормы, регулирующие обработку персональных данных. Он в значительной мере основан на Общем регламенте защиты данных (GDPR) Европейского Союза. За нарушение требований закона могут быть наложены административные штрафы в размере до 17,5 миллионов фунтов стерлингов или 4% от годового глобального оборота компании, в зависимости от того, какая из сумм окажется больше. Организации обязаны уведомлять Управление комиссара по информации (Information Commissioner's Office, ICO) и пострадавших субъектов данных о случаях утечки данных в течение 72 часов после обнаружения нарушения. ICO, в свою очередь, может налагать административные штрафы и другие санкции за несоблюдение норм закона.

До 2024 г. вопрос о квалификации деяния в качестве преступления или правонарушения в Вели-

кобритании основывался, как правило, на едином критерии: в ситуации, когда нарушитель имел намерение по хищению денежных средств, причинению ущерба репутации, краже интеллектуальной собственности, деяние следует рассматривать как преступление [8, с. 102].

В 2024 г. в силу вступил закон об уголовной ответственности, который существенно продвинул национальную правовую систему на пути в криминализации противозаконных действий в Сети. Положения закона Online Safety Act [16] зафиксировали ответственность за распространение фейковых новостей; Закон направлен против «сетевых насильников, троллей и хищников». Сейчас за агрессию в Сети и многие другие действия полагается уголовное наказание, в т.ч. тюремное заключение [3].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Правонарушения в сфере компьютерной информации обозначают совокупность деяний, связанных с разглашением информации ограниченного доступа, ее неправомерном использовании и хранении, предоставления к ней доступа третьим лицам. Правонарушения в области компьютерной информации, являются одним из важнейших институтов права, но, при этом, далеко не все его аспекты являются изученными.

Вопрос об обеспечении сохранности цифровых данных в США рассматривается с 1970-х гг. В 1977 г. был разработан законопроект о защите федеральных компьютерных систем. В Соединенных Штатах Америки преступления в сфере компьютерной информации подразделяются на федеральные, ответственность за совершение которых предусмотрена федеральным законодательством, и преступления, за которые ответственность фиксируется посредством законодательства конкретных штатов. Соответственно, единой системы меры ответственности за анализируемую нами категорию правонарушений не наблюдается.

В Великобритании первый Закон о защите данных был принят в 1984 г. Закон о компьютерных злоупотреблениях 1990 г. (Computer Misuse Act 1990) – основной законодательный акт, регулирующий действия с компьютерной информацией. Закон о защите данных 2018 г. (Data Protection Act 2018) дополняет и обновляет его нормы, в частности – вводит положения, регулирующие обработку персональных данных в Сети. В 2024 г. в силу вступил закон об уголовной ответственности, который существенно продвинул национальную правовую систему на пути в криминализации противозаконных действий в Сети (Online Safety Act).

Как показал проведенный анализ, оба государства (США и Великобритания) внедряют общий подход к классификации компьютерных преступлений, основанный на криминализации большинства противоправных деяний. В большинстве случаев за нарушения, допущенные в цифровом пространстве, предусмотрена уголовная ответственность.

В последние годы в Российской Федерации наблюдаются значительные изменения в правовом регулировании, связанные с усилением юридической ответственности за правонарушения в сфере компьютерной информации. Эти изменения, как и в англо-саксонском праве, обусловлены развитием цифровых технологий, ростом киберпреступности и необходимостью обеспечения информационной безопасности. Отечественные тенденции, протекающие в рассматриваемой нами области, имеют определенное сходство с зарубежными: введены новые требования по защите персональных данных, включая более строгие меры ответственности за их утечку и неправомерное использование, усилена ответственность за преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), созданием, использованием и распространением вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), а также за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации (ст. 274 УК РФ). Вместе с тем в России, в отличие от стран англосаксонской правовой семьи, уголовное законодательство относится исключительно к компетенции федерального центра. Федеральный закон не может быть отменен, изменен или дополнен субъектами Федерации, что говорит о централизации уголовного законодательства, в том числе в сфере компьютерной информации. Мировые тенденции законодательства и практики реализации законов, направленных на криминализацию противоправных действий в сфере компьютерной информации, применимы в России только с учетом специфики ее правовой системы, а также конституционных основ обеспечения цифрового суверенитета Российского государства.

Литература

1. Аратулы, К. Преступления в сфере компьютерной информации в рк и зарубежных странах / К. Аратулы // ВЕСТНИК КазНУ Серия юридическая. – Том 56 – № 4. – 2010. – Том 56. – № 4. – С. 105–110.
2. Василенко, К.А. Компьютерные преступления: дифференциация в различных системах права / К.А. Василенко, А.Е. Ладыка, Б.В. Барташевич // Юридическая наука. – 2019. – № 5. – С. 34–38.
3. В Великобритании вступил в силу закон об уголовной ответственности за преследования граждан в Сети. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://d-russia.ru/v-velikobritanii-vstupil-v-silu-zakon-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-presledovaniya-grazhdan-v-seti.html>. – Дата доступа: 17.05.2024.
4. Законодательство о киберпреступлениях в зарубежных странах – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20130809/955198703.html>. – Дата доступа: 17.05.2024.

5. Ибатуллина, Д.М. Противодействие корыстным преступлениям против собственности, совершаемым с использованием информационных технологий: анализ зарубежного законодательства / Д.М. Ибатуллина // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (15). – С. 21–25.
6. Коротких, Н. Н. К вопросу о соотношении понятий «преступление в сфере компьютерной информации» и «компьютерное преступление» / Н.Н. Коротких, М.Д. Останин // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2018. – № 3. – С. 69–77.
7. Локнов, А. И. К вопросу о применении норм об уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации по законодательству Великобритании / А.И. Локнов, Е.А. Симакова // Региональная информатика (РИ-2022): Юбилейная XVIII Санкт-Петербургская международная конференция. – Санкт-Петербург: Региональная общественная организация «Санкт-Петербургское Общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления», 2022. – С. 194–195.
8. Маркова, Е.А. Преступления, совершённые с использованием электронных средств платежа, в законодательстве стран англосаксонской правовой семьи (на примере Великобритании и США) / Е.А. Маркова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 99–105.
9. Попов, И.С. Преступления в сфере компьютерной информации в России и зарубежных государствах / И.С. Попов // XVII Неделя науки молодежи СВАО: Сборник статей по итогам работы научных конференций и круглых столов, Москва, 18–30 апреля 2022 года. – Москва: Издательство «Стратегема-Т», 2022. – С. 668–670.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 17.05.2024.
11. Ульянов, М.В. Преступления в сфере компьютерной информации: возможности уголовно-правового воздействия и предупреждения / М.В. Ульянов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4 (35). – С. 102–108.
12. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. – Дата доступа: 17.05.2024.
13. Ханов, Т.А. Современные подходы к определению компьютерной преступности и особенности компьютерных преступлений / Т.А. Ханов, А.Ж. Нуркеев // Известия АлтГ У. – 2017. – № 6 (98). – С. 105–111.
14. Computer Fraud and Abuse Act of 1986–2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.congress.gov/bill/99th-congress/house-bill/4718#:~:text=Computer%20Fraud%20and%20Abuse%20Act%20of%201986%20%2D%20Amends%20the%20Federal,the%20computer%20files%20of%20another](https://www.congress.gov/bill/99th-congress/house-bill/4718#:~:text=Computer%20Fraud%20and%20Abuse%20Act%20of%201986%20%2D%20Amends%20the%20Federal,the%20computer%20files%20of%20another.). – Дата доступа: 17.05.2024.
15. Computer Misuse Act 1990–2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents>. – Дата доступа: 17.05.2024.
16. Online Safety Act 2023–2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents>. – Дата доступа: 17.05.2024.

LEGAL RESPONSIBILITY FOR COMPUTER INFORMATION OFFENSES IN ANGLO-SAXON LAW

Abramov D.O., Ishekov K.A.
MFPU “Synergy”

Subject of research: legal liability for offenses in the field of computer information. *The purpose of the work* is to outline the specifics of legal liability for offenses in the field of computer information in Anglo-Saxon law. *Research methodology:* comparative analysis, historical analysis, synthesis. *Research results.* Approaches to the definition of the concept of “offenses in the field of computer information” are presented. The specifics of the Anglo-Saxon legal family and the approaches to regulating “digital” legal relations used within its framework are outlined. The issue of legal liability for offenses in the field of computer information in the United States is considered. The specifics of regulating legal relations in the field of computer information in the UK are outlined. *The novelty of the research:* the analysis of the legislation of the two countries revealed a tendency towards the criminalization of most illegal acts related to computer information.

Keywords: computer information, cyber crime, offenses, crime, anglo-saxon legal family, criminalization.

References

- Aratuly, K. Crimes in the field of computer information in the Republic of Kazakhstan and foreign countries / K. Aratuly // BUL-LETIN of KazNU Legal series. – Volume 56 – No. 4. – 2010. – Volume 56. – No. 4. – P. 105–110.
- Vasilenko, K.A. Computer crimes: differentiation in different systems of law / K.A. Vasilenko, A.E. Ladyka, B.V. Bartashevich // Legal science. – 2019. – No. 5. – pp. 34–38.
- In the UK, a law on criminal liability for harassment of citizens on the Internet has come into force. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://d-russia.ru/v-velikobritanii-vstupil-v-silu-zakon-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-presledovaniya-grazhdan-v-seti.html>. – Access date: 05/17/2024.
- Legislation on cybercrimes in foreign countries – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/20130809/955198703.html>. – Access date: 05/17/2024.
- Ibatullina, D.M. Countering mercenary crimes against property committed with the use of information technologies: analysis of foreign legislation / D.M. Ibatullina // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1 (15). – pp. 21–25.
- Korotkikh, N.N. On the issue of the relationship between the concepts of “crime in the field of computer information” and “computer crime” / N.N. Korotkikh, M.D. Ostanin // Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2018. – No. 3. – pp. 69–77.
- Loknov, A.I. On the issue of applying the rules on criminal liability for unlawful access to computer information under the laws of Great Britain / A.I. Loknov, E.A. Simakova // Regional informatics (RI-2022): Anniversary XVIII St. -Petersburg international

- conference. – St. Petersburg: Regional public organization “St. Petersburg Society of Informatics, Computer Science, Communication and Control Systems”, 2022. – P. 194–195.
8. Markova, E.A. Crimes committed using electronic means of payment in the legislation of the countries of the Anglo-Saxon legal family (using the example of Great Britain and the USA) / E.A. Markova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 1 (85). – pp. 99–105.
  9. Popov, I.S. Crimes in the field of computer information in Russia and foreign countries / I.S. Popov // XVII Youth Science Week of the North-Eastern Administrative District: Collection of articles based on the results of scientific conferences and round tables, Moscow, April 18–30, 2022 of the year. – Moscow: Publishing House “Stratagema-T”, 2022. – P. 668–670.
  10. Criminal Code of the Russian Federation” dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 04/06/2024) – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Access date: 05/17/2024.
  11. Ulyanov, M.V. Crimes in the field of computer information: possibilities of criminal legal influence and prevention / M.V. Ulyanov // Law and order: history, theory, practice. – 2022. – No. 4 (35). – P. 102–108.
  12. Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” dated July 27, 2006 N 149-FZ (latest edition) – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. – Access date: 05/17/2024.
  13. Khanov, T.A. Modern approaches to determining computer crime and features of computer crimes / T.A. Khanov, A.Z. Nurkeev // News of Altai State University. – 2017. – No. 6 (98). – pp. 105–111.
  14. Computer Fraud and Abuse Act of 1986–2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.congress.gov/bill/99th-congress/house-bill/4718#:~:text=Computer%20Fraud%20and%20Abuse%20Act%20of%201986%20%2D%20Amends%20the%20Federal,%20the%20computer%20files%20of%20another.> – Access date: 05/17/2024.
  15. Computer Misuse Act 1990–2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents>. – Access date: 05/17/2024.
  16. Online Safety Act 2023–2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents>. – Access date: 05/17/2024.

Известные методологические вопросы криминологии, воздействующие на уголовную политику

Зацепин Михаил Николаевич,

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ, член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

Рассматривая сложные социальные проблемы преступности и противодействия ей с позиций криминологического анализа и используя их для переустройства общественно-экономической формации и адаптации населения к новым социальным явлениям не всегда правильна постановка вопроса о необходимости различать практическую уголовную политику и ее теоретический аспект – уголовную политику как комплексную научную дисциплину или как науку и методологические вопросы.

Необходимым условием научной обусловленности уголовной политики является социальное планирование, которое состоит из информации, которая состоит из социальной обусловленности правовых норм, отражающей ее содержание. Законодатель строит правовые нормы с учетом социально-экономических и политических условий жизни общества. Чтобы сформулировать ту или иную норму законодатель обязан получить всестороннюю информацию о том, не будет ли она противоречить существующим отношениям, другим нормам. Законодатель также должен располагать информацией о состоянии, структуре и динамике преступности, о причиненном ими вреде и другими сведениями необходимыми для решения вопроса о криминализации и декриминализации общественно опасных деяний¹.

Ключевые слова: правовые формы, законодатель, общественно опасные деяния, правовые нормы.

Под методологией науки совершенно справедливо понимается и метод науки (методологию в собственном значении понятия) и методы научного исследования (методику исследования). И все изложенные в работах криминологов исследования основаны на положениях и понятиях диалектического материализма и всех форм общественного сознания – мораль, художественное сознание и искусство, политическое и правовое сознание, которые оказывают влияние на развитие общественных отношений. Существенное внимание в этих работах уделяется рассмотрению существующих проблем в реализации уголовной политики государств, анализируются взгляды представителей криминологии, подвергаются убедительной и не очень критике концепций криминологов по основным проблемам криминологии – предмету данной науки, вопросам объяснения преступности, ее причин, личности преступника. Например, о значимости обоснования криминализации и построения уголовно-правовых норм, изучения роли личности в механизме преступного поведения. И с этой точки зрения «представляется» неверным отрицание некоторыми криминологами пережиточного характера преступности в период смены социально-экономической формации².

Для основания содержания науки криминологии в настоящий период имеют существенное значение соотношения криминологии и других наук, условно скажем, уголовно-правового цикла. Если области исследования с позиций криминологии и уголовного права в основном совпадают, так как их объединяет правовое регулирование, установленное нормами уголовного права границ преступного. Но существует и связь криминологии с теорией уголовно-процессуального права, которое определяет границы в процессуальном отношении, описывающие сферу применения норм уголовного права³.

Мы специально не рассматриваем проблему соотношения методологии криминологии и уголовной политики. Не исследуем содержание категории уголовно-правовой нормы, ее структуры, соотношения со статьями законодательства, т.к. особое место занимает теоретическое обоснование процесса кодификации в нормотворческой деятельности. Не будем обсуждать пределы уголовно-правового воздействия за деяния признаваемыми преступлениями. Сосредоточимся на исследова-

² Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА. 2012 г. – 658 с.

³ T. Horvath. A szocialista állam buntetopolitikájának alkoto tényezoi, 406 old.;

¹ Букреев В.И. Нормативная система. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 224 с.

нии проблемы борьбы с преступностью по вопросам ее состояния, динамике и особенностях, которые влияют на уголовную политику. О том, как сконструирован механизм сдерживания преступности, в котором соединяются социальные и правовые средства, и как этот механизм действует, удерживая показатели преступности, рассмотрев некоторые методологические вопросы, влияющие на уголовную политику¹.

Уголовная политика, полагаем мы, устанавливает цели, тактические и методологические для защиты законных прав и интересов личности, общества и государства. Система общих мероприятий в рамках уголовной политики должна осуществляться через согласованные действия, направленные на выявление, раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений, устранение обстоятельств, способствующих их совершению. Согласованная деятельность мобилизует для обеспечения всестороннего анализа состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирование тенденций, а также анализ деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию, предупреждению и пресечению преступлений, для определения основных направлений борьбы с преступностью. Предупреждение преступности призвано обеспечить осуществление уголовной политики посредством единой и целенаправленной практики².

Равным образом не может рассматриваться в качестве самостоятельной дисциплины уголовная политика, так как это понятие, с нашей точки зрения, отражает общую практику борьбы с преступностью, а в более широком смысле представляет собой сумму тех научных и практических усилий, посредством которых государство и общество ведут борьбу с преступностью. Связи, которые существуют между закономерностями функционирования и развития криминологической науки и иными отраслями науки имеют также идентичные цели, так как они стремятся повысить результативность борьбы с преступностью. В то же время они различаются тем, что к общему предмету подходят с различных точек зрения, с различными методами исследования. Наши исследования показывают также, что эти науки не могут обойтись друг без друга: исследовательский материал одной из них служит основанием для другой, и наоборот. Из этого следует, что правильная разработка каждой из указанных отраслей науки предполагает постоянное внимание к ее связям с другими отраслями³.

Дуализм криминологических теорий ставят вопрос о социальных функциях и социологии современной криминологии. Основные проблемы, попадающие в поле зрения криминологов, рассматриваются как в прикладном (эмпирическом) разрезе, так и с позиций методологии, роли, задач, предмета. Многочисленные исследования криминологов

констатируют системный уровень самодетерминации преступности, ее глубокую включенность в самые разнообразные сферы общественного организма (политику, экономику, культуру, правовые институты и пр.), противодействие преступности также следует отнести к сфере социальной самоорганизации (самосовершенствования) общества. В таком контексте криминологические проблемы являются экономическими, политическими, идеологическими, культурными или иными социальными отношениями в той мере, в какой они могут быть связаны с преступностью. Предмет криминологии для уголовной политики показывает закономерности функционирования и развития преступности для ликвидации последствий преступности⁴.

Социологические данные, обеспечивающие эффективность механизма действия правовых норм в сфере уголовной политики, прежде всего их превентивного воздействия связаны с призывом и для убеждения общественности в том, что нормы права и предусмотренные в них санкции служат интересам каждого человека. Формирование общественного мнения о неотвратимости наказания связано с применением правовых норм, т.е. для решения вопросов квалификации преступления, назначения и исполнения наказания, отражающего уголовную политику государства.

«Да и что такое государство, как не общий правопорядок?» – спрашивал Цицерон. См. citu.ru/1669828-tam-gde-otsutsvuet-vlast-zakona-... В России А.Н. Радищев, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, другие революционные демократы подвергали критике беззакония⁵.

Уголовно-правовая наука оказалась в затруднении, до настоящего времени нет комплексной концепции борьбы с преступностью. Это обстоятельство, на наш взгляд, является преобладающим фактором того, что научные разработки и практика борьбы с преступностью недостаточно эффективны. Уголовно-правовая наука, обозначенная криминологией, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, криминалистикой, судебной психологией, уголовной статистикой имеет немаловажное значение в определении охранительной функции права в целом и уголовного права преимущественно. В настоящее время одной из особенностей уголовно-правовой науки является «модернизация» методологических проблем. Для уголовной политики в первую очередь это такие проблемы как общественная опасность преступного деяния, принципы уголовного права и криминологии, их предмет и метод, содержание предупредительной функции наказания как свойственной формы уголовной ответственности⁶.

¹ Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск, 1988 г. – 141 с.

² Криминология и социальная профилактика. М., Академия МВД СССР. 1980 г. 528 с.

³ М. Pelaez. *Intduzione allo studio...*, p.49–50, 178.

⁴ M. Vermes. *A kriminologiai kutatások módszertani kedesei*, 77 old. (М. Вермеш. Методологические проблемы криминологических исследований).

⁵ Российское законодательство X–XX веков (Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций) Том 9. М. Юридическая литература. 1994 г. – 351 с.

⁶ Преступность, уголовная политика, закон. М., Российская криминологическая ассоциация. 2016 г. – 553 с.

Когда говорили об уголовной политике к преступности в социалистический период существования государств, обращали прежде всего на следующее – преступность не есть явление, которое порождается системой в целом, а является частью социального явления в мировом масштабе. Особое внимание обращалось на то, что характер преступности при социализме обладал особенностями, которые отличались от преступности капиталистических стран тем что она обладала пространственной структурой, которая давала возможность сопоставлять и сравнивать отдельные структурные единицы с использованием достижения науки и практики в борьбе с преступностью. При этом отмечалось, что преступность как отрицательное социальное явление проистекает из одного и того же структурного вида преступности. В отличие от преступности в капиталистических странах, где затрагивались эксплуататорские классы и была направлена преступность на них, в социалистических странах – как социальное явление, направленное против общества в целом. Однако признавалось, что преступность подчиняется общим закономерностям развития преступности, т.е. преступность при социализме уязвима влиянию двух общих тенденций – к детерминации преступности в целом в мировом масштабе и к сокращению и постепенной ликвидации преступности в коммунистическом обществе. И резюмировалось то, что обе тенденции имели противоположную направленность и находились в непрерывной борьбе между собою, а капитализм поощряет развитие и увеличение преступности в социалистических странах, и что эти стремления не безрезультатны.

Марксизм-ленинизм в отличие от либеральных течений никогда не преувеличивал роли буржуазной демократии и законности. Он констатировал классовую ограниченность буржуазных политико-правовых институтов и вместе с тем отмечал определенные возможности, которые они открывают для борьбы трудящихся за свое социальное освобождение, предвидя становление законности, в исторических условиях складывающейся сегодня¹.

О методологических основах связи науки практики говорят в двух аспектах, что наука влияет на социальные отношения, которые она изучает, с непосредственными отношениями ради кого ее результаты исследований. Научная мысль значительно опережает общественную практику, потому как необходимо не только уяснить новые практики, но и изменить сознание граждан. Право – наука по-своему точная, а правовые воззрения в значительной части показатель культурного и нравственного уровня общества. Но даже в обществе, где уважение к праву, закону есть одна из основ его существования, взгляды разных социальных групп различны, как и оценки роли права в целом или отдельных правовых регламентаций. Разрыв между существующим законодательством и прак-

тикой его применения существенен и сложно преодолим. Очень часто мы идеализируем наше законодательство, хотя в реальной жизни правоприменительная практика осуществляется с трудом, а общественное мнение принимает формально повторяя, когда нужно «показать» теоретическую подготовленность, высказывая прямо противоположное мнение, когда речь идет о конкретном правоприменительном действии.

Но и сегодня проводя перестроечные и постперестроечные меры по укреплению законности, сосредоточить усилия на уважении к праву, на утверждении и соблюдении принципов законности медленно проводятся в жизнь. Как показывают исследования причины коренятся в основном в том, что ни обилие исследований и публикаций, до сих пор не дали значимое объяснение причинам расширенного воспроизводства преступности остается не познанным механизм индивидуального преступного поведения, не выработаны эффективные подходы к сдерживанию криминальных проявлений, учитываемых в уголовной политике явлений.

В связи с этим возникает вопрос и о качестве законов, их соответствии интересам общества и личности. Несмотря на то, что ведется интенсивная законодательная работа, рекомендации ученых в большинстве своем игнорируются. Идея господства закона в общественной жизни как неотъемлемый признак правового государства порождает «слепую» веру во всемогущество закона, правовой фетишизм, «юридическую эйфорию». Парадоксально, но наряду с правовым нигилизмом весьма распространено и другое представление: для решения какой-либо острой проблемы достаточно издать закон, лучше всего с жесткими санкциями. В действительности же социальные процессы зависят от сложной системы факторов – экономических, политических, идеологических, социально-психологических, нравственных. На эти процессы возможно повлиять, лишь приведя в действие комплексную систему мер, в которой право – чрезвычайно важный, но далеко не единственный компонент².

Надлежащее выяснение социальных явлений и этих связей, пограничных проблем дает возможность опровергнуть обвинение, выдвигаемое против криминологии, будто она заключает в себе тенденции, растворяющие и ослабляющие правовой порядок. Не отрицая, что определенность круга преступных деяний, представленная нормами уголовного права, служит общей основой для любой уголовно-правовой науки, в этом гарантия того, что практическая деятельность каждой из этих наук имеет идентичный характер и направлена на искоренение антиобщественных деяний, точно описанных в законе. Уголовная политика разнородных государств проявляется прежде всего в создании уголовных законов и их практическом примене-

¹ Народная энциклопедия уголовного права. Москва: Проспект, 2023. – 448 с.

² Гуманизм и чуткость: векторы российского правосудия – 2024 // 02.01.2024. alf.ru/news/gumanizm-i-chutkost-vektory-rossiyskog...

нии. Уголовная политика находит свое выражение и в высказываниях конкретных граждан, когда они отражают взгляды общества или части общества и касаются преступности или практики применения правовых норм. Если эти высказывания соответствовали политическим позициям государственного устройства, они реализовались в «действующем» законодательстве¹.

Сказанное ранее, подтверждает нашу позицию относительно системы уголовно-правовых наук. Подводя итог, можно подчеркнуть, что к числу уголовно-правовых наук относятся уголовное право, уголовно-процессуальное право, криминалистика и криминология. Каждая из них обладает критериями самостоятельной отрасли науки, то есть собственным аспектом и методом исследования, при этом они тесно связаны между собой в силу общего предмета и единых целей исследования. Подобным же образом в творчестве Листа и его последователей зародилось уголовно-правовое направление в политике, появившееся сначала в литературе и реализованное позже в уголовно-правовой практике. Это направление возникло в соответствии с общественно-политической потребностью, когда закат классического «капитализма» привел к резкому обострению противоречий общественной системы и вследствие этого в динамике преступности обнаружилась тенденция к постоянному ее росту. В условиях общего кризиса того периода для государств становилось все более обременительным существующая законность, основанная на воззрениях классической школы уголовного права, и как направление в уголовной политике.

Такие высказывания мы встречаем в сочинениях Платона, Сенеки, Томаса Мора и особенно в литературе эпохи Просвещения. Известное значение в более позднюю эпоху имели выступления Беккариа, который беспощадно разоблачал несостоятельность средневекового правосудия. Его произведения и его практическая деятельность сформировали особое направление в уголовной политике, они послужили основой для создания тех уголовных кодексов и правоприменительной практики, осуществляемой на основе этих кодексов, которые носят название периода классической школы в истории уголовного права².

Вследствие этого, Фейербах считал уголовную политику самостоятельной дисциплиной и, по существу, сужал ее роль до сферы законодательства в области уголовного права. После Фейербаха появлялись различные точки зрения на понятие уголовной политики и ее содержание³.

С уголовной политикой как понятием мы встречаемся в начале XIX века. Впервые это понятие (*Kriminalpolitik*) употребляет Фейербах. В его сочинении наука уголовного права названа вспомогательной наукой, задача которой состоит в том, чтобы подготавливать новые законодательные акты⁴.

Это своеобразное направление уголовной политики в области «буржуазного» права существует и в наши дни, более того, из него развилось уголовно-политическое направление, известное под названием *Defense sociale* (движение социальной защиты, имеющее большое влияние в правовой практике многих государств⁵.

В правовой литературе имеются также различные точки зрения, авторы которых считают уголовную политику самостоятельной отраслью науки. Одни считали, что уголовная политика – это посредническая, отрасль науки, находящаяся на стыке криминологии и уголовно-правовой философии, с одной стороны, и уголовного права с другой, т.е. отрасль науки. Другие не считали уголовную политику самостоятельной отраслью науки или полагали, что сама уголовно-правовая наука есть проявление уголовной политики. С их точки зрения криминология включает в себя также и уголовную политику, в то время как некоторые придерживаются того взгляда, что уголовная политика не имеет права на самостоятельное существование, ибо, будучи связанной с криминологией и уголовным правом, она не имеет своего собственного предмета. Некоторые авторы видели в уголовной политике метод работы, ремесло или искусство⁶.

По вопросу относительно содержания уголовной политики одни авторы стоят на позиции, согласно которой уголовная политика действует исключительно в отношении правотворчества, согласно другой точке зрения уголовная политика распространяется также на борьбу с преступностью не уголовно-правовыми методами⁷.

Две различные точки зрения, отмеченные выше, проявляют единство в том, что ни не упоминают область применения права. Этим обстоятельством они стремятся замаскировать тот факт, что во все времена в правоприменительной сфере находят свое осуществление политические отношения, то есть политическая практика, выражающая волю властвующего сословия, а юристы прибегают к фикции, о независимой судебной власти и ее независимости от власти политической, хотя совершенно очевидно, что эта «фикция» соответствует действительности. В сфере применения права всегда – в том числе и в настоящее время – проявляются соответствующие общественно-

¹ M. Lopez-Rey. *Umfassendes Ziel...*, S 660; T. Horvath. *A szocialista állam buntetopolitikájának alkoto tényezoi*, – “AITI Ertesitoje”, 111 kot., № 4, 424 old.

² Ч. Беккариа. *О преступлениях и наказаниях*. М., «Юридическое издательство», 1939 г.

³ A. Szabo. *Modern burzsoa kriminologiai elmeletek a fiatakorak bunozeserol*. – “AJI Ertesitoje”, 1V kot., № 1–2. 102–103 old. (А. Сабо. *Современные буржуазные криминологические теории о преступности несовершеннолетних*).

⁴ A. Feuerbach. *Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden peinlichen Rechts*. Giessen, 1840, S. 21.

⁵ Социология. Екатеринбург 1997 г. – 264 с.

⁶ A. Szabo, L. Viski. *A tarsadalomvedelem kriminalpolitikai elmelete*. – “Jogtudomanyi Kozlony”, 1960, № 3, 160 old. (А. Сабо, Л. Вишки. *Уголовно-политическая теория «Движения социальной защиты»*).

⁷ J. van Bemmelen. *Les rapports de la criminology et de la politique crimelle*. – “Revue de science criminelle et de droit penal compare”, Paris, 1963, № 3, p. 472.

политические отношения, они определяют позицию органов и лиц, применяющих правовые нормы, формируют их убеждение, что применяется в применении права.

Необходима на постоянной основе профилактическая работа, осуществляемая правоохранительными органами. Социологические данные о преступлениях и преступности (о состоянии и динамике преступности, тех или иных преступлениях в отдельных регионах, о личностных свойствах отдельных типов преступников). Потому как свидетельствует практика, отсутствие достаточной информации в ряде случаев приводит к тому, что законодательные и правоохранительные органы в своей деятельности допускают ошибки (издание законов без должного учета возможностей их эффективного действия, неправильная классификация преступлений, необоснованное назначение отдельных видов наказаний, несвоевременное раскрытие преступлений и т.п.)¹.

Рассмотренные вопросы очерчивают лишь небольшой элемент актуальных в криминологии методологических проблем. Противоречивое развитие современного общества ставит перед криминологией все новые и новые задачи, и хотелось бы чтобы криминология заняла в системе уголовной политики место, соответствующее значимости изучаемых ею проблем.

Литература

1. Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск, 1988 г. –141 с.
2. Гуманизм и чуткость: векторы российского правосудия – 2024 // 02.01.2024. alf.ru/news/gumanizm-i-chutkost-vektory-rossiyskog...
3. Криминология и социальная профилактика. М., Академия МВД СССР. 1980 г. 528 с.
4. Народная энциклопедия уголовного права. Москва: Проспект, 2023. – 448 с.
5. Преступность, уголовная политика, закон. М., Российская криминологическая ассоциация. 2016 г. – 553 с.
6. Преступность: иллюзии и реальность. – М.: Российск. право. 1992 г. – 432 с. Или Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М. Наука, 1989 г. – 192 с.
7. Российское законодательство X–XX веков (Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций) Том 9. М. Юридическая литература. 1994 г. – 351 с.
8. Социология. Екатеринбург 1997 г. – 264 с.
9. Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА. 2012 г. – 658 с.
10. А.Ч. Беккариа. О преступлениях и наказаниях. М., «Юридическое издательство», 1939 г.; Feuerbach. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltigen peilichen Rechts. Giessen,

¹ Преступность: иллюзии и реальность. – М.: Российск. право. 1992 г. – 432 с. Или Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М. Наука, 1989 г. – 192 с.

1840, S. 21.\$ Szabo, L. Viski. A tarsadalomve-delem kriminalpolitikai elmelete. – “Jogtudományi Kozlony”, 1960, № 3, 160 old. (А. Сабо, Л. Вишки. Уголовно-политическая теория «Движения социальной защиты»); Szabo. Modern burzsoa kriminologiai elmeletek a fiatalok bunozeserol. – “AJI Ertesitoje”, 1V kot., № 1–2. 102–103 old. (А. Сабо. Современные буржуазные криминологические теории о преступности несовершеннолетних).

11. J. van Bemmelen. Les rapports de la criminology et de la politique criminelle. – “Revue de science criminelle et de droit penal compare”, Paris, 1963, № 3, p. 472.
12. M. Lopez-Rey. Umfassendes Ziel..., S 660; T. Horvath. A szocialista állam buntetopolitikajanak alkoto tenyezoi, – “AITI Ertesitoje”, 111 kot., № 4, 424 old.
13. M. Pelaez. Intduzione allo studio..., p.49–50, 178.
14. M. Vermes. A kriminologiai kutatások módszertani kedesei, 77 old. (М. Вермеш. Методологические проблемы криминологических исследований).
15. T. Horvath. A szocialista állam buntetopolitikajanak alkoto tenyezoi, 406 old.;
16. Букреев В.И. Нормативная система. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 224 с.

WELL-KNOWN METHODOLOGICAL ISSUES OF CRIMINOLOGY AFFECTING CRIMINAL POLICY

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.
USUE

Considering the complex social problems of crime and countering it from the standpoint of criminological analysis and using them to reorganize the socio-economic formation and adapt the population to new social phenomena, it is not always correct to raise the question of the need to distinguish between practical criminal policy and its theoretical aspect – criminal policy as a complex scientific discipline or as science and methodological issues.

A necessary condition for the scientific conditionality of criminal policy is social planning, which consists of information that consists of the social conditionality of legal norms reflecting its content. The legislator builds legal norms taking into account the socio-economic and political conditions of society. In order to formulate a particular norm, the legislator is obliged to receive comprehensive information about whether it will contradict existing relations and other norms. The legislator should also have information about the state, structure and dynamics of crime, the harm caused by them and other information necessary to resolve the issue of criminalization and decriminalization of socially dangerous acts.

Keywords: legal forms, legislator, socially dangerous acts, legal norms.

References

1. Issues of improving criminal law regulation. Sverdlovsk, 1988–141 p.
2. Humanism and sensitivity: vectors of Russian justice – 2024 // 01/02/2024. alf.ru/news/humanizm-i-chutkost-vektory-rossiyskog...
3. Criminology and social prevention. M., Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1980 528 p.
4. People's Encyclopedia of Criminal Law. Moscow: Prospekt, 2023. – 448 p.
5. Crime, criminal policy, law. M., Russian Criminological Association. 2016–553 p.
6. Crime: illusions and reality. – M.: Russian. right. 1992–432 p. Or Social and Legal Thinking: Problems of Fighting Crime. M. Nauka, 1989–192 p.

7. Russian legislation of the 10th-20th centuries (Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions) Volume 9. M. Legal literature. 1994–351 p.
8. Sociology. Ekaterinburg 1997–264 p.
9. Ferri E. Criminal Sociology. M.: INFRA. 2012–658 p.
10. C. Beccaria. About crimes and punishments. M., “Legal Publishing House”, 1939 (A. Feuerbach. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gultigen peilichen Rechts. Giessen, 1840, S. 21.); (A. Szabo, L. Viski. A tarsadalomvedelem kriminalpolitikai elmelete. – “Jogtudományi Kozlony”, 1960, No. 3, 160 old. (A. Szabo, L. Vishki. Criminal-political theory of the “Social Defense Movement”); (A. Szabo. Modern burzsoa kriminologiai elmeletek a fiatalkoruk bunozeserol. – “AJI Ertesitoje”, 1V kot., No. 1–2. 102–103 old. (A. Szabo. Modern bourgeois criminological theories about juvenile delinquency).
11. J. van Bemmelen. Les rapports de la criminology et de la politique crimille. – “Revue de science criminelle et de droit penal compare”, Paris, 1963, No. 3, p. 472.
12. M. Lopez-Rey. Umfassendes Ziel..., S 660; T. Horvath. A szocialista állam buntetopolitikajannak alkoto tenyezoi, – “AITI Ertesitoje”, 111 kot., No. 4, 424 old.
13. M. Pelaez. Intduzione allo studio..., p.49–50, 178.
14. M. Vermes. A kriminologiai kutatasok modszeretani kedesei, 77 old. (M. Vermes. Methodological problems of criminological research).
15. T. Horvath. A szocialista állam buntetopolitikajanak alkoto tenyezoi, 406 old.;
16. Bukreev V.I. Regulatory system. Ekaterinburg: Publishing house UrGUA, 1999. – 224 p.

Исаенко Алена Сергеевна,

студент, кафедра гражданского права Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: alena_isaenko@mail.ru

Плутенко Даниил Сергеевич,

студент, кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Института философии и права, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Статья посвящена исследованию понятия фактических брачных отношений и выявлению основных различий в правовом регулировании гражданского брака и зарегистрированного брака. В результате проведенного исследования были найдены сложности, которые затрудняют эффективное использование гражданами супругами своих прав на защиту семейных и имущественных интересов, что, как нам кажется, ставит данную категорию лиц в особое дискриминационное положение по отношению к законным супругам. При сравнительном анализе категорий «брак» и «фактические брачные отношения» было выведено: определение термину «гражданский брак» и определена его сущность в правовом пространстве.

Ключевые слова: фактические брачные отношения, сущность гражданского брака, сожители, режим общей долевой собственности, принцип презумпции личного имущества, совместное проживание мужчины и женщины, институт гражданского брака.

Введение

Одним из наиболее значимых правовых институтов в сфере семейно-правового регулирования является институт брака, которому в семейном законодательстве отведен целый раздел. Но как показывает современная практика, семей, которые построены «по принципу брака», но не имеют государственной регистрации с каждым днем становится все больше, особенно среди молодого поколения. Порой даже рождение совместных детей не всегда побуждает партнеров к регистрации таких союзов. Большинство из них не относят брак к важному аспекту построения крепких семейных отношений, не видят необходимости в придании отношениям законной формы, кто-то вспоминает об этом только спустя многие годы совместной жизни. При этом, правовое регулирование таких союзов не позволяет в полной мере защитить гражданских супругов от всех последствий, с которыми они могут столкнуться как в процессе совместного проживания, так и после расставания. Но несмотря на высокие темпы роста количества незарегистрированных браков, в научно-правовом пространстве данная тема не находит необходимого отклика среди ученых, что порождает некоторые противоречия, сомнения и вопросы в правильном понимании такой категории как «гражданский брак», приравнивание его к законному браку и правовой возможности регулирования фактических брачных отношений посредством применения норм действующего семейного законодательства.

Понятие и сущность гражданского брака

Согласно действующему законодательству, браком признаются только такие отношения, которые в установленном законом порядке оформлены в органах ЗАГС (п. 1 ст. 10 Семейного кодекса РФ) [1]. Следовательно, основным и единственным критерием законного брака является наличие факта его регистрации в специализированном органе (орган ЗАГС). Все иные отношения, которые не нашли своего юридического закрепления принято именовать фактическими брачными отношениями, гражданским браком или незарегистрированным браком. А самих партнеров, вступающих в такие отношения – гражданами супругами или сожителями.

Внешне такие отношения часто воспринимаются как официальный зарегистрированный брак. Объясняется это тем, что законный брак и гражданский брак имеют много общих признаков:

- правовая природа отношений (совместное добровольное проживание мужчины и женщины)
- содержание семейных отношений (совместное ведение хозяйства, приобретение имущества на общие доходы)

- функции в семье (забота о партнере, совместное принятие важных семейных решений)
- иногда воспитание совместных детей.

Все вышеперечисленные признаки на первый взгляд отражают традиционное понимание брака (общий быт, дети, жилье, совместные планы на будущее). Однако, по закону такие семьи не будут приравниваться к официальному браку пока не будут оформлены в законном порядке (иметь запись о факте регистрации в органах ЗАГС).

Таким образом, под гражданским браком стоит понимать особую незарегистрированную форму совместного проживания мужчины и женщины, которые ведут общее хозяйство, приобретают имущество на общие доходы, строят совместные планы на будущее, но, согласно закону, не обременены личными и имущественными обязательствами [3].

Следовательно, сожители – это лица, состоящие в гражданском браке, которые ставят перед собой цель создания семьи, но не несут юридическую ответственность за неисполнения любых семейных обязанностей.

В таких союзах гражданские супруги живут по принципу «никто никому ничего не должен». Выбирая более свободную форму брачных отношений, сожители очень часто забывают, что такие союзы не имеют никакой правовой силы. В следствие чего, при наступлении спора гражданские супруги ограничены в эффективной защите своих имущественных интересов.

Отличия правового регулирования гражданского брака и зарегистрированного брака

Исходя из общих правил, установленных Семейным кодексом РФ, на лиц, состоящих в фактических брачных отношениях (гражданские супруги), не распространяются права и обязанности законных супругов, которые состоят в официальном зарегистрированном браке. Регулирование семейных отношений гражданских супругов предполагает особые правила и ограничения. В связи с чем, в правовом поле институт гражданского брака не особо применим и соответственно имеет не такое широкое нормативное регулирование как официальный зарегистрированный брак.

Рассмотрим данную проблему на примере регулирования семейных и имущественных отношений гражданских супругов.

1. Так, Семейный кодекс РФ имеет всего пару статьей, которые регулируют права и обязанности гражданских супругов и то только в отношении детей и их алиментного содержания.

Процедура установления отцовства при рождении ребенка в гражданском браке существенно отличается от общего порядка, когда отцовство признается за супругом матери автоматически (на основании записи о браке между матерью и отцом ребенка).

В случае если ребенок рожден в незарегистрированном браке, закон устанавливается иные способы признания отцовства (п. 3 ст. 48 Семейного кодекса РФ) [1]:

- путем подачи в орган ЗАГС совместного заявления отца и матери ребенка;
- по заявлению отца ребенка с согласия органа опеки и попечительства (в случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав)
- по решению суда (в случае отсутствия вышеперечисленных заявлений)

Если же отцовство все-таки было установлено, к отцу, не состоящему в официальном зарегистрированном браке с матерью ребенка, будут применяться общие правила об алиментных обязательствах в отношении ребенка.

При этом, алиментное содержание бывших сожителей закон не предусматривает. С точки зрения семейно-правового регулирования гражданские супруги не являются супругами по закону, следовательно не несут ответственность за своего бывшего возлюбленного после расставания.

Важно также отметить, что лица, не состоящие в законном браке, не смогут совместно усыновить одно и того же ребенка, так как согласно закону, сожители не вправе быть приемными родителями пока не предоставят подтверждение юридического оформления своих отношений (п. 4 ст. 127 и п. 1 ст. 153 Семейного кодекса РФ) [1]. Устанавливая данное ограничение, законодатель исходит в первую очередь из защиты интересов ребенка, который по закону имеет право жить и воспитываться в семье в официальном ее понимании. В противном случае, возможен риск нарушения достойного существования и развития ребенка.

2. Сильнее всего сложность правового регулирования отношений гражданских супругов видна на примере их правового статуса в отношении совместно нажитого имущества.

По общему правилу, для браков, зарегистрированных в законном порядке, установлен особый режим имущества – совместная собственность супругов (ст. ст. 34 и 35 Семейного кодекса РФ) [1]. Режим общего совместного имущества возникает у законных супругов в отношении того имущества, которое было приобретено ими в период брака и действует даже если один из супругов не имел дохода. При этом, для такого режима неважно на кого из законных супругов оформлено совместное имущество, которое преимущественно будет считаться общим, пока договором или соглашением стороны не установят долевой режим имущества.

У гражданских супругов режим общей совместной собственности отсутствует ввиду того, что по закону такие отношения браком не считаются. Любые имущество и доходы сожителей принадлежат тому, на чье имя они зарегистрированы, то есть действует принцип презумпции личного имущества каждого из гражданских супругов.

В связи с тем, что на сожителей не распространяются нормы имущественного характера, предусмотренные Семейным кодексом РФ, то урегулировать свои имущественные отношения путем за-

ключения брачного договора гражданские супруги тоже не смогут, так как брачный договор заключается только между лицами, вступающими в брак или находящимися в браке.

Для урегулирования имущественных отношений гражданских супругов закон предусмотрел иной порядок.

Так, при покупке любого имущества в гражданском браке, сожители имеют право оформить режим общей долевой собственности на такое имущество. Возникновение общей долевой собственности у сожителей регламентируется ст. 244 Гражданского кодекса РФ, согласно которой общая собственность на имущество является долевой, за исключением случаев, когда законом предусмотрено образование совместной собственности на это имущество [2].

Ввиду того, что на сожителей не распространяется режим общей совместной собственности, данное положение выступает в роли «правового спасателя» для гражданских супругов и предоставляет им возможность защитить свои права на совместно нажитого имущества путем установления режима общей долевой собственности. При этом важно отметить, что такой режим у сожителей не возникает автоматически, а лишь при добровольно подписанном соглашении, которым гражданские супруги вправе самостоятельно установить порядок определения, изменения их долей в зависимости от вклада каждого из них в образование и приращение общего имущества (п. 2 ст. 245 Гражданского кодекса РФ) [2].

Таким образом, режим общей долевой собственности сожителями могут оформить двумя способами:

- при помощи составления совместного соглашения таких лиц;
- при отсутствии такого соглашения установлен по решению суда.

Также кажется интересным то, что процедура возникновения общей долевой собственности возникает у сожителей согласно правилам, установленным не семейным, а гражданским законодательством. Такое положение гражданских супругов обусловлено тем, что с точки зрения закона, сожители не являются законными супругами и, следовательно, не могут защищаться свои имущественные права и интересы способами, которые установлены семейным законодательством.

Заключение

На основании вышеизложенного анализа можно сделать вывод, что правовое регулирование отношений гражданских супругов (сожителей) требует глубоких знаний как семейного, так и гражданского законодательства в особенности, ввиду того, закон не позволяет сожителям в полной мере иметь и осуществлять свои семейные права, исполнять семейные обязанности и защищать их всеми законными

способами, которые предусмотрены для законных супругов. При этом, несмотря на низкий уровень правовой защищенности имущественной стороны гражданских супругов, популярность незарегистрированных браков только растет. В связи с чем, тема настоящего исследования с каждым днем становится все более актуальной и порождает ряд проблемных вопросов, которые и по сей день не вызывают особого интереса для их решения на официальном нормативном уровне. Поэтому, в настоящее время сохранить свои материальные интересы от негативного воздействия на них других членов семьи у сожителей получится только путем юридического оформления своих фактических брачных отношений, то есть регистрации их в органах ЗАГС.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Собрание законодательства. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. 11.03.2024) // Российская газета. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Коротков В.А. Проблемы правового регулирования фактических брачных отношений. Статья. [Электронный ресурс] // В.А. Коротков, Е.В. Федорченко. «Юстиция», 2023, N 1. С. 79–81.

LEGAL DEFINITION OF THE CATEGORY “ACTUAL MARITAL RELATIONS”

Isaenko A.S., Plutenko D.S.

Novosibirsk National Research State University

This article is devoted to the study of the concept of de facto marital relations and the identification of the main differences in the legal regulation of civil marriage and registered marriage. As a result of the study, difficulties were found that make it difficult for common-law spouses to effectively use their rights to protect family and property interests, which, it seems to us, puts this category of persons in a special discriminatory position in relation to legal spouses. In a comparative analysis of the categories “marriage” and “actual marital relations”, a definition of the term “civil marriage” was derived and its essence in the legal space was determined.

Keywords: actual marital relations, the essence of civil marriage, cohabitants, the regime of common shared ownership, the principle of presumption of personal property, cohabitation of a man and a woman, the institution of civil marriage.

References

1. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on July 31, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 26, 2023) // Collection of Legislation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
2. Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Russian newspaper. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
3. Korotkov V.A. Problems of legal regulation of de facto marital relations. Article. [Electronic resource] // V.A. Korotkov, E.V. Fedorchenko. “Justice”, 2023, N 1. pp. 79–81.

Кириянова Людмила Викторовна,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса; Академии труда и социальных отношений
E-mail: Lven99@mail.ru

В статье рассмотрены основные новации законодательства в сфере персональных данных, внесенные в Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» с целью обеспечения более высокого уровня гарантий соблюдения конституционного права на частную жизнь и пресечение правонарушений в сфере персональных данных. Показано, что отдельные новации носят принципиальный характер и призваны изменять сложившуюся неблагоприятную ситуацию. Актуальность анализа нововведений обусловлена тем, что с момента вступления изменений в силу, фактически все организации подпадают под определение оператора персональных данных, что требует от них определенных действий, чтобы обеспечить соблюдение законодательства о персональных данных. В статье обращается внимание на конкретные мероприятия, которые должны осуществить операторы, осуществляющие обработку персональных данных, чтобы избежать привлечения к ответственности за нарушения законодательства о персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные; защищенность персональных данных; оператор, осуществляющий обработку персональных данных; трансграничная передача персональных данных; несанкционированный доступ; меры по обеспечению безопасности персональных данных.

Интенсивное развитие информационных технологий, а также, внешнеполитическая ситуация, сложившаяся в связи с проведением Российской Федерацией СВО привели к появлению в 2022 году новых вызовов в информационной сфере, и поставили на повестку дня ряд вопросов в области персональных данных.

В ответ на эти вызовы был оперативно разработан законопроект в целях усиления защиты прав граждан как субъектов персональных данных на неприкосновенность их частной жизни¹.

Как справедливо указывают авторы законопроекта в пояснительной записке, в настоящее время проблема защищенности персональных данных от несанкционированного доступа неограниченного круга лиц имеет чрезвычайно высокую актуальность, а анализ инцидентов последних лет, когда персональные данные граждан массово попадали в открытый доступ и широкое распространение получили Интернет сервисы, занимающиеся незаконным оборотом персональных данных, свидетельствует о недостаточности ранее действовавших законодательных механизмов, призванных обеспечить защиту персональных данных².

В первую очередь необходимо сказать, об изменениях в регулировании вопроса, в каких случаях государственный и муниципальный орган, организация или физическое лицо должны уведомлять государственный орган, уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных³, т.е. лица, которые в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴ (далее – Закон о персональных данных) такие лица – государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие

¹ Официальная информация о внесении законопроекта № 101234–8 <https://sozd.duma.gov.ru/bill/101234-8>

² Материалы к законопроекту № 101234–8 <https://sozd.duma.gov.ru/bill/101234-8>

³ В статье сохранена терминология Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» в части наименования уполномоченных государственных органов, наделенных компетенцией данным законом. В соответствии с действующими положениями о государственных органах исполнительной власти, государственным органом, уполномоченным по защите прав субъектов персональных данных является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), а федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области обеспечения безопасности является Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России).

⁴ В первоначальном виде закон опубликован в Собрании законодательства РФ от 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451. Актуальная редакция закона взята из СПС КонсультантПлюс и Гарант.

обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными – признаются операторами, осуществляющими обработку персональных данных.

В новой редакции Закона о персональных данных фактически исключены случаи, когда не требуется уведомлять уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных о работе с персональными данными. Согласно действующей норме организация должна уведомить этот уполномоченный орган в любом случае, осуществляет ли она хранение и обработку персональных данных своих клиентов, или хранит и обрабатывает только персональные данные работников.

Из ранее действовавших исключений, когда организация могла осуществлять обработку персональных данных без предусмотренного законом уведомления (таких исключений было девять), с 1 сентября 2022 года, остались в силе только три ситуации: когда организация включена в государственные информационные системы или организация осуществляет обработку персональных данных без использования средств автоматизации или когда обработка персональных данных осуществляется в случаях, предусмотренных законодательством о транспортной безопасности.

Рассмотренные нововведения порождают для организаций, ранее не состоявших на учете в качестве субъектов, осуществляющих обработку персональных данных, прямо не предусмотренную, но вытекающую из логики обновленного закона, обязанность направить уведомление в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных и встать на учет в качестве оператора обработки персональных данных. Такое понимание нововведений подтверждается позицией Роскомнадзора, изложенной в письме Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 19 августа 2022 г. № 08–75348 «О результатах рассмотрения обращения»¹ и в информации, размещенной на сайте Роскомнадзора².

Ряд существенных изменений произошли в ст. 18.1 Закона о персональных данных, устанавливающей требования к мерам, которые должна осуществлять организация, чтобы обеспечить выполнение предписанных законом оператору обработки персональных данных обязанностей.

Изменение формулировки первого абзаца части первой указанной статьи, указывает на то, что если раньше перечень перечисленных в статье мер носил, по сути, рекомендательный характер, то в новой редакции указанные в ст. 18.1 Закона о персональных данных меры, приобрели обязательный характер.

¹ Текст письма взят из СПС Гарант <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405079693/>

² Новости Роскомнадзора от 01.09.2022 г. <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74488.htm>

Необходимо отметить, что кроме ранее перечисленных мер, направленных на обеспечение исполнения оператором обработки персональных данных требований закона, статья 18.1. Закона о персональных данных дополнена следующими положениями.

Локальные акты оператора обработки персональных данных для каждой цели обработки персональных данных должны закреплять категории и перечень таких персональных данных; категории субъектов, чьи данные подлежат обработке; способы и сроки обработки и хранения таких персональных данных, а также порядок уничтожения персональных данных при достижении целей их обработки или в иных случаях, с которыми закон связывает требование об уничтожении персональных данных оператором.

Новой является норма о том, что локальные акты оператора не могут содержать ограничения установленных законом прав субъектов персональных данных или положения, возлагающие на субъекты персональных данных дополнительные, не предусмотренные законодательством Российской Федерации, обязанности или полномочия.

Новая редакция подпункта 5) ч. 1 ст. 18.1 Закона о персональных данных закрепляет за уполномоченным государственным органом по защите прав субъектов персональных данных компетенцию по разработке требований об оценке вреда, причиненного субъекту персональных данных, нарушением установленных Законом о персональных данных прав и гарантий субъекту персональных данных.

Новая редакция ч. 2 ст. 18.1 Закона о персональных данных изменена таким образом, чтобы субъекту персональных данных были доступны для ознакомления акты оператора персональных данных непосредственно в той автоматизированной системе, в которой производится сбор персональных данных оператором.

Существенное дополнение внесено в статью 19 Закона о персональных данных, регулиющую меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке.

Указанная статья дополнена частями 12–14, согласно которым, оператор обработки персональных данных должен обеспечивать взаимодействие с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области обеспечения безопасности с целью обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации, в том числе путем информирования указанного уполномоченного органа о компьютерных инцидентах, повлекших неправомерную передачу, предоставление, распространение персональных данных.

Регулирование предоставления такой информации определяется совместно федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области обеспечения безопасности и уполномо-

ченным по защите прав субъектов персональных данных.

В целях повышения эффективности вновь введенных законодательных мер по защите персональных данных законодатель устанавливает укороченные сроки для ознакомления субъекта персональных данных с такими данными, которые обрабатывает и хранит оператор персональных данных. Действующее законодательство устанавливает, что оператор персональных данных должен обеспечить ознакомление субъекта персональных данных или его представителя с имеющимися персональными данными в течении 10 дней с даты поступления запроса.

Аналогичный срок устанавливается и для ознакомления оператором персональных данных уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных.

Также, законодатель ужесточает требования к действиям оператора обработки персональных данных в случае установления факта неправомерной или случайной передачи, предоставления или распространения информации.

Теперь оператор обработки персональных данных обязан в течение 24 часов уведомить о произошедшем инциденте и мерах, принятых по устранению последствий инцидента, и в течение 72 часов произвести внутреннее расследование произошедшего инцидента.

Принципиальной переработке подверглась еще одна статья Закона о персональных данных, регулирующая трансграничный оборот персональных данных.

Статья 12 Закона о персональных данных имеет существенное значение, поскольку Российская Федерация продолжает оставаться открытой страной и стремится сохранить вовлеченность российских организаций в различные международных финансовые и хозяйственные связи. В предыдущей редакции в целях устранения излишних препятствий деятельности финансовых и хозяйствующих субъектов, эта статья носила символический, в действующей редакции она превратилась в полноценный правовой механизм, регулирующий отношения в связи с передачей данных за пределы российской юрисдикции.

В новой редакции статьи 12 Закона о персональных данных, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что законодатель сузил перечень источников права, которые могут являться основаниями для трансграничной передачи данных. Если раньше основаниями для трансграничной передачи данных могли служить различные российские и международные правовые акты и статья говорила лишь о возможности запрета или ограничения передачи персональных данных в другие страны только в целях защиты конституционного строя Российской Федерации, обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, то новая редакция ч. 1 ст. 12 Закона о персональных данных устанавливает, что

трансграничная передача персональных данных осуществляется только в соответствии с Законом о персональных данных и международными договорами Российской Федерации.

Согласно новым положениям, еще до начала осуществления деятельности по трансграничной передаче персональных данных оператор обязан уведомить государственный орган, уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных, о своем намерении осуществлять трансграничную передачу персональных данных.

В заключении остановимся на том, на что же следует обратить внимание организациям и иным лицам, подпадающим под категорию оператора обработки персональных данных.

Всем лицам, подпадающим под понятие оператора обработки персональных данных следует провести следующие нормативные и организационные мероприятия:

- 1) переиздать внутренние акты, регулирующие вопросы защиты персональных данных;
- 2) утвердить перечень документов, содержащих персональные данные;
- 3) назначить ответственное лицо, обеспечивающего исполнение законодательства и внутренних актов;
- 4) ознакомить работников с действующим законодательством и внутренними правилами по защите персональных данных;
- 5) приобрести технические и программные средства для защиты информации на электронных носителях;
- 6) привести расположение рабочих мест в соответствие с целями защиты данных;
- 7) проводить проверки уровня знаний работниками, осуществляющими обработку персональных данных;
- 8) выявлять и устранять нарушения правил работы с персональными данными;
- 9) разъяснять работникам меры по неразглашению персональных данных;
- 10) утвердить порядок уничтожения персональной информации.

Кроме указанных мероприятий, необходимо принять следующие организационные меры:

- 1) обеспечить программную защиту информационной системы организации;
- 2) вести журнал учета работы с персональными данными;
- 3) утвердить требования к помещению, где осуществляется обработка и хранение персональных данных.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Актуальная редакция закона взята из СПС Консультант Плюс и Гарант.
2. Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законо-

дательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Актуальная редакция закона взята из СПС Консультант Плюс и Гарант.

3. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». Актуальная редакция распоряжения взята из СПС Консультант Плюс и Гарант.
4. Приказ Роскомнадзора от 05.08.2022 № 128 «Об утверждении перечня иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных»
5. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.09.2022
6. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 19 августа 2022 г. № 08–75348 «О результатах рассмотрения обращения»

NEW TRENDS IN THE FEDERAL LAW “ON PERSONAL DATA”

Kiryanova L.V.

Academy of Labor and Social Relations

The article discusses the main innovations of legislation in the field of personal data, introduced into the Federal Law of July 27, 2006. No. 152-FZ “On Personal Data” in order to provide a higher level of

guarantees of compliance with the constitutional right to privacy and suppression of offenses in the field of personal data. It is shown that certain innovations are of a fundamental nature and are designed to change the current unfavorable situation. The relevance of the analysis of innovations is due to the fact that from the moment the changes come into force, virtually all organizations fall under the definition of a personal data operator, which requires them to take certain actions to ensure compliance with the legislation on personal data. The article draws attention to specific measures that must be taken by operators processing personal data in order to avoid prosecution for violations of the legislation on personal data.

Keywords: personal data; security of personal data; operator processing personal data; cross-border transfer of personal data; unauthorized access; measures to ensure the security of personal data.

References

1. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ “On Personal Data”. The current version of the law is taken from SPS Consultant Plus and Garant.
2. Federal Law No. 266-FZ dated July 14, 2022 “On amendments to the Federal Law “On Personal Data”, certain legislative acts of the Russian Federation and the recognition as invalid of part fourteen of Article 30 of the Federal Law “On Banks and Banking Activities”. The current version of the law is taken from SPS Consultant Plus and Garant.
3. Order of the Government of the Russian Federation dated March 5, 2022 No. 430-r “On approval of the list of foreign states and territories committing unfriendly actions against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals.” The current version of the order is taken from SPS Consultant Plus and Garant.
4. Order of Roskomnadzor dated August 5, 2022 No. 128 “On approval of the list of foreign states that ensure adequate protection of the rights of personal data subjects”
5. Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 09/20/2022
6. Letter of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media dated August 19, 2022 No. 08–75348 “On the results of consideration of the appeal”

Некоторые рассуждения и рекомендации по назначению судебно-медицинских экспертиз по оценке качества оказания медицинской помощи

Кобелев Юрий Георгиевич,

кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета
E-mail: keyur11@mail.ru

Автором в статье проводится анализ процессуальных аспектов, касающихся назначения судебно-медицинских экспертиз по оценке качества оказания медицинской помощи. В ходе проведенного анализа на основе общенаучных методов автор формулирует выводы и дает ряд рекомендаций по назначению судебно-медицинских экспертиз по оценке качества оказания медицинской помощи.

В ходе рассуждений, автор приходит к заключению, что выводы экспертной медицинской оценки должны включать информацию о нарушениях в оказании медицинской помощи, о возникновении медицинских ошибках, их последствиях, а также устанавливать связь между этими элементами.

Автором подчеркивается важность правильного оформления медицинских документов, так как именно исходя из содержания можно обнаружить следы ятрогенного преступления и сокрытия дефектов, установить конкретные лекарства, процедуры, манипуляции, вмешательства, обусловившие ятрогенную патологию и неблагоприятный исход, то есть получить информацию о важных обстоятельствах деяния с признаками преступления.

В статье автор поступательно дает практические советы по проведению судебно-медицинской экспертизы, соблюдение которых позволит повысить качество расследования преступлений ятрогенного характера.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, качество оказания медицинской помощи, установление причины смерти, процедура назначения судебно-медицинской экспертизы, ятрогенные преступления.

Проблема расследования ятрогенных преступлений достаточно широко освещена в современной литературе [1,2,3,4,12], между тем, на практике возникают проблемы, требующие дополнительного обсуждения.

При расследовании преступлений следователем используются специальные знания – расследование ятрогенных преступлений также требует использование таковых в различных формах. Значимым, в рамках данной статьи, и самым распространенным на практике является такой пример использования специальных знаний, как назначение судебно-медицинской экспертизы по ятрогенным делам.

Глава 27 УПК РФ посвящена производству судебной экспертизы. Так, говоря о процессуальном порядке назначения судебной экспертизы, необходимо обратиться к ч. 1 ст. 195 УПК РФ «Признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, в котором указываются:

- 1) основания назначения судебной экспертизы;
- 2) фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
- 3) вопросы, поставленные перед экспертом;
- 4) материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта».

Согласно Указанию Следственного комитета Российской Федерации от 17.05.2019 № 4/201 «О дополнительных мерах по усилению контроля за назначением судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинской услуги)» «Во избежание необоснованного проведения повторных и дополнительных экспертиз обеспечить строгое соблюдение подчиненными следователями установленного уголовно-процессуальным законодательством правового механизма порядка назначения экспертизы, формирования с лицами, указанными в статье 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласованной позиции по кругу вопросов, подлежащих разрешению в ходе экспертизы, ознакомления с ее выводами, указанных в законе участников уголовного судопроизводства, оценки заключения экспертизы с позиции достаточности полученных выводов экспертизы для разрешения стоящих перед следствием задач» [9].

Там же закреплен обязательный перечень вопросов, которые должны быть поставлены следователем перед экспертом:

- «какова причина смерти;

- причинен ли вред здоровью пациента, если да, то каковы его характер и степень вреда;
- имеются ли дефекты (недостатки) оказания медицинской помощи, какие конкретно и кем допущены;
- имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленным(и) дефектом(ами) и наступлением смерти /причинением вреда здоровью пациента» [9].

Медицинская помощь состоит из нескольких этапов, поэтому для выявления ошибок необходимо дополнительно проверять обстоятельства каждой медицинской манипуляции.

В этом же Указании говорится о «необходимости исключить из практики постановку перед экспертами вопросов теоретического (справочного) характера, а при назначении повторной экспертизы постановку вопросов ясность и полнота ответов, на которые, разрешенных первоначальной экспертизой, не вызывает сомнения» [9], что также является важным замечанием и обуславливает появление одной из особенностей назначения судебно-медицинской экспертизы по ятрогенным делам – о которой речь пойдет несколько позднее.

По окончании формулировки вопросов и постановки их эксперту, происходит процесс ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, а затем материалы для производства экспертизы направляются субъекту, который будет эту экспертизу производить.

Обращаясь к ранее названному Указанию и «Порядку проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации» (утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017) мы видим, что и там, и там говорится о необходимости следователя как задавать вопрос эксперту о том «имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленным(и) дефектом(ами) и наступлением смерти /причинением вреда здоровью пациента», так и устанавливать такую: «при проведении судебно-медицинской экспертизы установление наличия или отсутствия причинной (прямой) связи между действием (бездействием) медицинского работника и наступлением у пациента неблагоприятного исхода для экспертной комиссии является обязательным». А само наличие или отсутствие причинной (прямой) связи, а также непрямой (косвенной, опосредованной) причинной связи между действием (бездействием) медицинского работника и наступлением у пациента неблагоприятного исхода устанавливается экспертной комиссией в соответствии с общепринятыми в медицине представлениями.

Эксперты в своем заключении должны указать причину неблагоприятных последствий оказанной медицинской помощи и дать подробное описание механизма развития ятрогенного процесса, подтвержденное данными, содержащимися в медицинских документах и в материалах уголовного дела. выводы экспертной медицинской оценки долж-

ны включать информацию о нарушениях в оказании медицинской помощи, ятрогенном дефекте, ятрогении и последствиях, а также устанавливать связь между этими элементами.

Возвращаясь к проблематике обеспечения полноты и достаточности материалов, необходимых для представления на экспертизу, стоит повториться, что «именно по медицинским документам можно обнаружить следы ятрогенного преступления и сокрытия дефектов, установить конкретные лекарства, процедуры, манипуляции, вмешательства, обусловившие ятрогенную патологию и неблагоприятный исход, то есть получить информацию о важных обстоятельствах деяния с признаками преступления» [7, с. 29]. Соответственно, если эксперту не будут предоставлены все необходимые документы – заключение, составленное лишь на основании имеющихся данных, не будет отвечать требованиям достаточности и, соответственно, достоверности.

Кроме того, согласно ранее названному Указанию СК РФ от 17.05.2019 № 4/201 «При проведении процессуальных проверок и расследовании уголовных дел по фактам наступления смерти или причинения вреда здоровью пациентам в период или после оказания медицинской помощи либо после отказа им в такой помощи незамедлительно принимать меры к сбору необходимых документов для проведения комиссионной судебно-медицинской экспертизы, которую назначать экспертам отделений сложных экспертиз государственных бюджетных учреждений здравоохранения, осуществляющих проведение судебно-медицинских экспертиз, или судебно-медицинским экспертам Следственного комитета» [9].

Деятельность следователя должна включать выявление фактов фальсификации документации и предоставление на экспертизу только достоверных документов, согласовав список вопросов и объем материалов с экспертным учреждением заблаговременно.

Для дальнейшего рассмотрения проблематики постановки вопросов при назначении экспертизы, важным считаем отметить необходимость четкого разграничения понятий и целей экспертизы качества медицинской помощи и судебно-медицинской экспертизы (ввиду того, что именно «природа» экспертизы и ее цели – в части определяют вопросы, которые ставятся на разрешения эксперта для решения той или иной задачи), которые нашли свое законодательное закрепление. Согласно ст. 58 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» это разновидности медицинских экспертиз (всего закон определяет 6 видов медицинских экспертиз), однако они принципиально разные по целям, субъектам их проведения и области применения.

Основной целью назначения судебно-медицинской экспертизы является получение заключения эксперта, где будет установлено наличие или отсутствие причинно-следственной связи

между деянием и наступившими нежелательными последствиями. «Проведенные исследования показали, что заключение эксперта оправданно занимает ведущее место в системе доказательств, собираемых по уголовному «врачебному» делу» [11, с. 89]. Установлено, что «по каждому второму раскрытому ятрогенному преступлению проводится от двух до четырех судебных экспертиз» [8, с. 10–11]. Заключение эксперта является доказательством, которое, как и любые иные, в силу положения ст. 88 УПК РФ должны быть относимыми, допустимыми и достоверными. Заключение эксперта не может быть построено на предположениях, согласно положению ст. 8 Федерального закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме» [10]. Так во исполнение существующих требований, предъявляемых к заключению специалиста, от эксперта, например при допросе по поводу ранее данного заключения, может последовать ответ: «ответ на данный вопрос носит вероятностный характер, как как не имеется достоверных критериев для прогнозирования результатов». В другом деле, на один из поставленных при допросе вопросов, эксперт прямо ответил, что «согласно литературным данным, генез заболевания до сих пор окончательно не выяснен» тем самым предотвращая дачу ответов, которые могут быть в дальнейшем опровергнуты, что повлияет на оценку ранее данного заключения как допустимого доказательства в суде.

Оценка экспертного заключения. Как уже отмечалось, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

«Необходимость убедиться в достаточности экспертных данных об установлении причинно-следственной связи между допущенными субъектом нарушениями правил медицинской помощи, возникшим дефектом медицинской помощи, ятрогенией, неблагоприятными последствиями медицинской помощи и возможности их использования в изобличении виновного и принятии справедливого решения по делу – является основной задачей следователя при оценке экспертного заключения. Процессуально, заключение эксперта не имеет закрепленного превосходства над другими доказательствами, однако, практике именно заключение судебно-медицинского эксперта в силу присущей ему специфики и значимости воспринимается как «особое» доказательство» [5].

Экспертизы по оценке качества оказания медицинской помощи, как правило, являются трудоемкими, что обусловлено большим пакетом медицинских документов, необходимостью привлечения к проведению экспертиз нескольких врачей клинических специальностей, многопозиционностью.

В последние годы имела место тенденция к увеличению пакета медицинских документов (несколько медицинских карт стационарного больного, значительная продолжительность стационарного лечения и т.д.).

Данные экспертизы являются комиссионными, то есть проводятся экспертной комиссией, состоящей из судебно-медицинских экспертов и врачей клинических специальностей.

Опираясь на большой опыт практической работы, считаем возможным предложить лицам, назначающим судебно-медицинские экспертизы по «ятрогенным преступлениям», ряд рекомендаций:

В постановлении о назначении экспертизы в обязательном порядке необходимо отражать разрешение на включение в состав экспертной комиссии специалистов, не работающих в экспертном учреждении.

При назначении экспертиз по оценке качества оказания медицинской помощи помимо материалов дела или материалов проверки необходимо представить следующие медицинские документы в подлинниках:

- амбулаторная карта из поликлиники по месту жительства;
- медицинская карта (или медицинские карты) стационарного больного за период оказания медицинской помощи, который подлежит экспертной оценке;
- протокол патологоанатомического исследования трупа или акт судебно-медицинского исследования трупа;
- результаты гистологического исследования материала от трупа (при патологоанатомическом исследовании эти данные должны быть включены в акт, если их нет, то целесообразно запросить дополнительно; при судебно-медицинском исследовании трупа в постановлении о назначении экспертизы указывается разрешение на изъятие из архива Бюро акта гистологического исследования и гистологического материала);
- акт патологоанатомического исследования трупа необходимо предоставлять полностью, не ограничиваясь выпиской, содержащей патологоанатомический диагноз и клинико-анатомический эпикриз;
- в случае неблагоприятного, но не смертельного исхода (определение группы инвалидности), дело освидетельствования в бюро медико-социальной экспертизы;
- результаты служебных расследований, акты оценки оказания медицинской помощи, выданные страховыми компаниями или Росздравнадзором;
- при необходимости карту (карты) вызова скорой медицинской помощи, журнал отказа от госпитализации из приемного отделения больницы (можно в заверенных хорошо читабельных копиях), рентгенограммы.

В том случае, если с момента заболевания до наступления смерти или неблагоприятного исхода лечение пациента проводилось в нескольких медицинских учреждениях необходимо представлять медицинские документы, отражающие каждый этап оказания медицинской помощи. В вопросах в этом случае указывается лечебное учреждение, (учреждения) подлежащее экспертной оценке.

При отсутствии необходимых документов предоставляется справка об их отсутствии с указанием объективной причины (утерян, уничтожен и др.).

В случае назначения экспертиз по акушерско-гинекологическому профилю необходимый минимум медицинских документов включает в себя:

индивидуальную карту беременной и родильницы,

историю родов,

историю развития новорожденного,

протокол вскрытия – в случае смертельного исхода,

историю развития ребенка из поликлиники по месту жительства – в случае неблагоприятного не смертельного исхода у ребенка,

амбулаторную карту из поликлиники по месту жительства – в случае неблагоприятного не смертельного исхода у матери.

Говоря об оценке экспертного заключения, стоит вернуться к проблематике отсутствующей унификации. Так, «до 2015 года у судебно-медицинских экспертов, проводящих экспертизы по указанной категории ятрогенных дел отсутствовала унифицированная методика их проведения, в связи с чем и описательно-мотивировочные части заключений различных экспертов, и критерии, которыми они руководствовались при оценке правильности лечения, а также их выводы были совершенно разными, кроме того, можно также говорить и о субъективности таких заключений».

Для подготовки более обоснованных заключений в судебно-медицинских экспертизах важно придерживаться единой методики, разработанной ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» [6] и направленной в экспертные учреждения министерства здравоохранения России. Эксперты должны ориентироваться на эту методику при проведении экспертиз и при несоответствии выводов разных экспертов – отдавать предпочтение наиболее обоснованным заключениям, основанным на рекомендованных положениях.

Согласно методических рекомендаций «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего указания медицинской помощи», утвержденного Главным внештатным специалистом по судебно-медицинской экспертизе Минздрава России А.В. Ковалевым обязательным для экспертной комиссии при проведении экспертизы является установление наличия или отсутствия прямой причинной связи между действием (бездействием) медицинского работника и наступлением у пациента неблагоприятного исхода. Наличие непрямой

(синонимы: косвенной, опосредованной) причинной связи между противоправным деянием означает, что это деяние лежит за пределами юридически значимой причинной связи.

Таким образом, целесообразно ставить вопрос о наличии или отсутствии прямой причинной связи между характером оказания медицинской помощи и наступлением неблагоприятного исхода.

Тяжесть вреда здоровью устанавливается только в тех случаях, когда возникшее у пациента состояние является качественно новым, не может быть обусловлено наличием имевшегося заболевания или травмы, возникло в результате технически неправильного выполнения той или иной манипуляции; то есть полученное повреждение рассматривается как дефект.

В том случае, если манипуляция выполнялась технически правильно, в соответствии с существующей методикой, но при этом возникло какое-либо повреждение или болезненное состояние, возникновению которого способствовали анатомические особенности пациента, другие, не зависящие от действий врача, причины, возникшее повреждение рассматривается как осложнение манипуляции и не рассматривается как причинение вреда здоровью; осложнение медицинской манипуляции не является дефектом.

Таким образом, минимум вопросов, позволяющих всесторонне рассмотреть клиническую ситуацию, можно представить следующим образом:

1. Каким заболеванием страдало лицо на момент обращения за медицинской помощью?
2. Что явилось исходом данного заболевания?
3. Своевременно, полно и правильно была оказана лицу медицинская помощь? При необходимости указать на каком именно этапе, в каком именно лечебном учреждении.
4. Имеется ли прямая причинная связь между характером оказания медицинской помощи и наступлением неблагоприятного исхода?
5. Какова тяжесть вреда здоровью?

В некоторых случаях следует рассмотреть прямую связь между действием врача и неблагоприятным результатом. Это может включать действия, обнаруженные в ходе проверки или упомянутые в жалобах граждан. В случае необходимости список вопросов и медицинских документов дополнительно может обсуждаться с экспертами. Целесообразно рассматривать правильность окончательного диагноза, а не предварительного, и оценивать необходимость и проведение госпитализации при оказании скорой и амбулаторной медицинской помощи.

При оценке медицинской помощи, оказанной в условиях стационара, целесообразно оценивать полноту и своевременность диагностических мероприятий, своевременность установления правильного диагноза, своевременность и полноту проведенного лечения.

При проведении каких-либо операций или инвазивных (то есть выполняемых с нарушением целостности тканей) манипуляций целесообразно ставить

вопросы о наличии показаний к проведению данной манипуляции, своевременности ее выполнения, технической правильности/неправильности выполнения этой манипуляции, соответствии техники ее выполнения общепринятой методике.

При проведении консервативного лечения целесообразно ставить вопросы о своевременности, правильности и полноте его назначения.

В тех случаях, когда пациенту проводилось плановое обследование или лечение вопрос об их своевременности не уместен, так как плановые процедуры проводятся при отсутствии у пациента обострения заболевания.

При решении вопросов о правильности тактики ведения больного нужно учитывать, что показания к медицинскому мероприятию делятся на абсолютные (жизненные) и относительные. При наличии жизненных показаний тактика ведения пациента однозначна – процедура должна быть назначена в обязательном порядке и в обязательном порядке произведена.

При наличии относительных показаний тактика ведения пациента определяется лечащим врачом, не проведение относительно показанной процедуры является допустимым.

При назначении экспертиз по оценке качества оказания акушерско-гинекологической помощи целесообразно ставить вопросы о полноте наблюдения беременной в женской консультации, своевременности ее направления в стационар, правильности и своевременности выполнения мероприятий по родовспоможению.

Исходом заболевания или травмы может явиться смерть, наличие последствий, влекущих за собой нарушение качества жизни, определение группы инвалидности и выздоровление. Смерть и определение группы инвалидности рассматриваются как неблагоприятные исходы.

Заключения страховых компаний, результаты служебного расследования также не являются основанием для принятия экспертного решения, могут быть не подтверждены при проведении экспертизы.

При формировании вопросов постановления необходимо учитывать общий для всех врачебных специальностей алгоритм диагностических и лечебных мероприятий, включающий в себя:

- опрос пациента (жалобы, история развития заболевания);
- первичный осмотр;
- установление предварительного диагноза;
- назначение обследования;
- назначение лечения;
- установление клинического диагноза на основании результатов проведенного обследования и данных динамического наблюдения;
- коррекция изначально назначенного лечения в соответствии с клиническим диагнозом;
- динамическое наблюдение за пациентом, установление этапных диагнозов, изменение лечения при изменении клинической ситуации.

Вопросы в постановлении целесообразно ставить в соответствии с вышеуказанной последовательностью действий врачей.

Полученные в ходе опроса, осмотра, обследования пациента данные не являются равнозначными, для правильного установления диагноза необходимо из всей совокупности полученных данных выделить наиболее значимые (информативные). Так жалобы и история развития заболевания, являются субъективным восприятием происходящего пациентом, большого значения для диагностики не имеют; результаты анализов крови не являются характерными для конкретного заболевания и сами по себе не позволяют установить диагноз и т.д.

Таким образом, ставить на разрешение экспертной комиссии большое количество вопросов, посвященных второстепенным факторам, имевшим место при оказании медицинской помощи, нецелесообразно.

Врач скорой медицинской помощи не имеет объективной возможности установить клинический диагноз, его основной задачей является решение вопроса о необходимости госпитализации пациента. Назначенное врачом скорой медицинской помощи лечение имеет симптоматический характер (то есть устраняет отдельные симптомы, не воздействуя на причину заболевания), направлено на профилактику ухудшения состояния пациента в процессе его транспортировки. В случае не выполнения госпитализации лечение пациенту назначает не врач скорой медицинской помощи, а участковый терапевт.

Врач приемного отделения стационара также решает вопрос о наличии или отсутствии показаний к госпитализации. Обследование и лечение пациента в случае госпитализации назначается и выполняется в отделении, в случае отказа от госпитализации назначается участковым врачом, выполняется самим пациентом.

Нужно учитывать, что к объективным медицинским данным, на основании которых формируются экспертные выводы, относятся только данные медицинских документов. Показания врачей, участвовавших в лечении, свидетельские показания родственников и др. к объективным медицинским данным не относятся и не могут быть основанием для того или иного вывода.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что вопросы, связанные с назначением судебно-медицинских экспертиз по ятрогенным делам – действительно являются актуальной задачей, как для теоретиков, так и для практиков. Судебная практика свидетельствует о том, что по сей день допускаются различного рода ошибки при назначении судебно-медицинских экспертиз, что в дальнейшем препятствует соблюдению принципа сроков разумного судопроизводства или вовсе позволяет субъекту уйти от уголовной ответственности, а ощущение безнаказанности может усугублять и без того не утешительную статистику совершаемых ятрогенных преступлений.

Знание особенностей назначения судебно-медицинских экспертиз по ятрогенным преступлениям, а также обладание информацией о возникающих проблемах и способах их решения – не только оптимизирует деятельность следователя, но и способствует качественному и своевременному производству расследования по уголовному делу в обеспечение, закрепленного на конституционном уровне, права человека на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Литература

1. Казакова А.В. Некоторые особенности расследования ятрогенных преступлений // Администратор суда. 2024. N 1. С. 25–29.
2. Вилкова Т.Ю., Максимова Т.Ю., Ничипоренко А.А. Обеспечение доступа к правосудию потерпевшим по делам о ятрогенных преступлениях // Актуальные проблемы российского права. 2023. N 9. С. 119–130.
3. Казакова А.В. Некоторые особенности расследования ятрогенных преступлений // Администратор суда. 2024. N 1. С. 25–29.
4. Малышева Ю.Ю. «Неотложные аспекты» ятрогенных преступлений // Судья. 2020. N 2. С. 23–27.
5. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: учебное пособие / В.Д. Пристансков. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2007. 60 с. // URL: https://externalcounsel.ru/jatrogennye_prestuplenija/?id-news=406 (дата обращения: 27.03.2024).
6. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации: утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2024).
7. Пристансков, В.Д. Ятрогенные преступления: медико-криминалистические критерии исследования профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, имевшей неблагоприятный исход // Криминалист Ё. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-mediko-kriminalisticheskie-kriterii-issledovaniya-professionalnoy-deyatelnosti-po-okazaniyu-meditsinskoj> (дата обращения: 06.05.2024).
8. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений): учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Д.В. Алехин [и др.]; под ред. А.М. Багмета. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 159 с. – ISBN 978-5-238-02868-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1027285> (дата обращения: 28.04.2024).

9. Указание Следственного комитета Российской Федерации от 17.05.2019 № 4/201 «О дополнительных мерах по усилению контроля за назначением судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинской услуги)» // СПС Консультант Плюс
10. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.04.2024).
11. Хмелева, А.В. Отдельные аспекты использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (107). С. 86–90. ISSN 1993-5552.
12. Хромов, Е.В. Проблемы установления причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 124 УК РФ // Уголовное право. 2024. N 1. С. 51–67.

SOME ARGUMENTS AND RECOMMENDATIONS ON THE APPOINTMENT OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATIONS TO ASSESS THE QUALITY OF MEDICAL CARE

Kobelev Yu.G.
Ural State Law University

The author analyzes the procedural aspects of the appointment of forensic medical examinations to assess the quality of medical care. In the course of the analysis, based on general scientific methods, the author formulates conclusions and gives a number of recommendations for the appointment of forensic medical examinations to assess the quality of medical care.

In the course of reasoning, the author comes to the conclusion that the conclusions of an expert medical assessment should include information about violations in the provision of medical care, the occurrence of medical errors, their consequences, as well as establish a connection between these elements.

The author emphasizes the importance of proper registration of medical documents, since it is based on the content that it is possible to detect traces of iatrogenic crime and conceal defects, to establish specific medications, procedures, manipulations, interventions that caused iatrogenic pathology and an unfavorable outcome, that is, to obtain information about important circumstances of an act with signs of a crime.

In the article, the author progressively gives practical advice on conducting a forensic medical examination, compliance with which will improve the quality of the investigation of iatrogenic crimes.

Keywords: forensic medical examination, quality of medical care, determination of the cause of death, procedure for appointment of a forensic medical examination, iatrogenic crimes.

References

1. Kazakova A.V. Some features of the investigation of iatrogenic crimes // Court administrator. 2024. N 1. pp. 25–29.
2. Vilkova T.Yu., Maksimova T.Yu., Nichiporenko A.A. Ensuring access to justice for victims in cases of iatrogenic crimes // Actual problems of Russian law. 2023. N 9. pp. 119–130.
3. Kazakova A.V. Some features of the investigation of iatrogenic crimes // Court Administrator. 2024. N 1. pp. 25–29.
4. Malysheva Yu.Yu. “Urgent aspects” of iatrogenic crimes // Judge. 2020. N 2. pp. 23–27.
5. Features of the investigation of iatrogenic crimes committed in the provision of medical care: textbook / V.D. Pristanskov. SPb.: SPb jurid. in-t of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2007. 60 p. // URL: <https://externalcounsel.ru/>

jatrogennye_prestupleniya/?idnews=406 (date of application: 03/27/2024).

6. The procedure for conducting a forensic medical examination and establishing cause-and-effect relationships upon failure to provide or improper medical care. Methodological recommendations: approved by the Federal State Budgetary Institution "RCSME" of the Ministry of Health of the Russian Federation on 06/21/2017 // SPS "ConsultantPlus" (date of application: 03/24/2024).
7. Pristanskov, V.D. Iatrogenic crimes: medical and criminalistic criteria for the study of professional activity in providing medical care that had an unfavorable outcome // Criminalist. 2008. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-mediko-kriminalisticheskie-kriterii-issledovaniya-professionalnoy-deyatelnosti-po-okazaniyu-meditsinskoy> (date of application: 05/06/2024).
8. Investigation of crimes committed by medical workers due to negligence (iatrogenic crimes): an educational and methodological guide for university students studying in the field of Law / D.V. Alyokhin [et al.]; edited by A.M. Bagmet. – Moscow: UNITY-DANA, 2017. – 159 p. – ISBN 978-5-238-02868-2. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1027285> (date of application: 04/28/2024).
9. Instruction of the Investigative Committee of the Russian Federation dated 05/17/2019 No. 4/201 "On additional measures to strengthen control over the appointment of forensic examinations in criminal cases of crimes related to improper provision of medical care (medical services)"// SPS Consultant Plus
10. Federal Law "On State Forensic Expertise in the Russian Federation" dated 05/31/2001 No. 73-FZ // SPS ConsultantPlus (date of application: 04/03/2024).
11. Khmeleva, A.V. Certain aspects of the use of special knowledge in the investigation of iatrogenic crimes // Almanac of modern science and education Tambov: Gramota, 2016. No. 5 (107). pp. 86–90. ISSN 1993-5552.
12. Khromov, E.V. Problems of establishing a causal relationship in crimes under Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal law. 2024. N 1. pp. 51–67.

К вопросу о правовом регулировании сотрудничества Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии терроризму

Колаев Артем Михайлович,

преподаватель-методист Центра командно-штабных учений, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: a.kolaev@yandex.ru

В статье на основе анализа нормативного и фактического материала предложено понятие правового регулирования сотрудничества Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии терроризму; рассмотрены его публично-правовые основы. В статье показан публично-правовой характер противодействия терроризму и сотрудничества уполномоченных органов в данной сфере, которое может осуществляться как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Рассмотрены публично-правовые основы деятельности Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ (далее – СМВД), сформулированы ключевые направления сотрудничества ОВД СНГ в противодействии терроризму. Выработаны предложения по совершенствованию публично-правового регулирования рассматриваемого сотрудничества.

Ключевые слова: противодействие терроризму; правовое регулирование; публично-правовой характер; публично-правовые основы; правовая основа; организационная основа; органы внутренних дел; обеспечение национальной безопасности; сотрудничество; взаимодействие; Содружество Независимых Государств.

В ходе проводящихся в Российской Федерации реформ особую актуальность и значимость приобретает совершенствование правового регулирования общественных отношений в области обеспечения национальной безопасности, справедливо отмечает В.М. Редкоус¹. Важнейшее место в этой деятельности занимает правовое регулирование противодействия терроризму².

В современных условиях борьба с терроризмом приобретает невиданный размах и масштабы. Речь идет уже не просто о необходимости противодействия террористическим проявлениям со стороны отдельных лиц, групп лиц, организаций, речь идет об искоренении террористической угрозы, исходящей от целых государств, когда уже нельзя обойтись от использования применения вооруженных сил страны. При этом вышеназванные угрозы возникают на правовом пространстве СНГ, в статье 1 Устава которого закреплено, что «Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов. Государства – члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права. Содружество служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами – членами. Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями»³. Последние события из международной жизни показывают, что далеко не все заявленные при создании СНГ цели Содружества реально реализуются на практике и находят воплощение в межгосударственных отношениях.

Однако, несмотря на это, правовые акты СНГ создают основу для совершенствования публично-правовой основы обеспечения национальной безопасности в государствах – участниках СНГ, формирования организационно-правовых основ сотрудничества уполномоченных органов в целях обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму.

¹ Редкоус, В.М. Особенности административно-правового обеспечения национальной безопасности в современных условиях / В.М. Редкоус // Закон и право. – 2010. – № 8. – С. 107.

² Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2023. – № 4(48). – С. 158–191.

³ Устав Содружества Независимых Государств (Минск, 22 января 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1994. – № 1.

Для того, чтобы дать определение правового регулирования сотрудничества Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ в противодействии терроризму, необходимо дать определения: «правовое регулирование», «сотрудничество», «противодействие терроризму», а также показать особенности правового положения Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ (далее – СМВД).

Рассмотрим правовое положение СМВД. В целях обеспечения национальной безопасности, повышения эффективности межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью в целом и в противодействии терроризму в частности на уровне СНГ создаются соответствующие органы и иные организационные структуры.

В соответствии со ст. 4 Устава СНГ Советом глав государств СНГ было принято решение о создании Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ. Положение о СМВД было утверждено 17 мая 1996 г.¹

С.А. Акимова, Т.А. Прудникова и В.М. Редкоус в своей работе показали, что правовой статус организации включает в себя набор таких элементов, как: её предназначение, цель деятельности; место в системе иных государственных и негосударственных организаций; принципы деятельности; основные задачи и функции; обязанности и права; формы и методы деятельности; координация деятельности и взаимодействие; ответственность организации и её должностных лиц; правовой режим прохождения службы (режим осуществления трудовой деятельности) лиц, находящихся в штате организации². Такой подход создает методологические предпосылки для анализа правового статуса СМВД.

В п. 1 Положения закреплено, что СМВД создан Решением Совета глав государств СНГ от 19 января 1996 г. в целях взаимодействия и координации действий в борьбе с преступностью. Рассматриваемое Положение определяет правовой статус и организационные основы деятельности СМВД. Таким образом, предназначение СМВД – взаимодействие и координация действий в борьбе с преступностью. При этом, по мнению автора, во взаимодействии и сотрудничестве СМВД по борьбе с терроризмом в формате СНГ необходимо выделять два основных аспекта: юридический и фактический. Юридический аспект характеризуется системой правовых основ сотрудничества в борьбе с преступностью террористической направленности, направлен на развитие, гармонизацию законодательства СНГ с учетом принципов и норм международного права. Фактический аспект пред-

ставляет непосредственно совместную работу правоохранителей государств Содружества на равноправной основе посредством СМВД как координирующего института СНГ.

П. 3 Положения определяет, что СМВД является органом Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ по вопросам, входящим в компетенцию министерств внутренних дел государств-участников СНГ, а также иных государственных органов, выполняющих аналогичные функции. Это дополнительно подчеркивает публично-правовой характер деятельности СМВД, так как компетенция министерств внутренних дел государств-участников СНГ является преимущественно публично-правовой.

Предназначение органа, цель его создания и деятельности конкретизирована в основных задачах, которые являются как бы более конкретными целями, и решение которых позволяет реализовать предназначение органа³.

В Положении определены основные задачи СМВД, которыми являются: 1) обеспечение взаимодействия в борьбе с преступностью, охране правопорядка и других сферах деятельности министерств внутренних дел; 2) реализация решений Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ по вопросам, входящим в компетенцию министерств внутренних дел.

Отметим, что обеспечение взаимодействия органов внутренних дел государств – участников СНГ и иных уполномоченных органов в борьбе с преступностью, охране правопорядка и других сферах деятельности министерств внутренних дел осуществляется с учетом норм международного права, различных заключенных международных соглашений преимущественно на основе национальных законодательств каждого государства Содружества, носит преимущественно публично-правовой характер и регламентируется нормами публичного права. В нормах законов об органах внутренних дел (полиции, милиции) государств – участников СНГ в обязательном порядке закрепляются положения, регулирующие, пусть и в бланкетной форме, вопросы координации деятельности и взаимодействия соответствующих органов как на межгосударственном уровне, так и на национальном уровне. Детализация порядка взаимодействия производится, как правило, в ведомственных нормативных правовых актах, которые чаще всего носят форму соглашений (договоров) о взаимодействии соответствующих органов в определенных целях, в частности, в целях борьбы с преступностью, борьбы с терроризмом и т.п.⁴

¹ Решение о Положении о Совете министров внутренних дел государств-участников Содружества Независимых Государств (Москва, 17 мая 1996 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – 1996. – 17 мая. – № 3. – С. 41.

² Прудникова, Т.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти. Учебное пособие / Т.А. Прудникова, В.М. Редкоус, С.А. Акимова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 140 с.

³ Правовое обеспечение национальной безопасности. Тридцать лет законодательству о безопасности Российской Федерации: обзор Всероссийской научно-практической конференции (Москва, РАНХиГС, 22 апреля 2022 г.) / А.М. Воронов, И.Б. Кардашова, А.Ю. Винокуров [и др.] // Современное право. – 2022. – № 10. – С. 48–62.

⁴ Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: учебник: в 2 ч. – Ч. 1. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 360 с. – ISBN 978-5-907721-11-1; Организация охраны общественного по-

В п. 8 Положения закреплено, что в целях выполнения возложенных на него задач СМВД осуществляет следующие функции: 1) рассматривает вопросы борьбы с преступностью, укрепления правопорядка и организации взаимодействия министерств внутренних дел государств – участников СНГ и обладает полномочиями по принятию решений по вопросам своей компетенции; 2) разрабатывает предложения по вопросам, входящим в компетенцию министерств внутренних дел и вносит их в установленном порядке на рассмотрение Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ; 3) рассматривает ход выполнения решений Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ, относящихся к компетенции СМВД, а также документов, принятых на заседаниях СМВД; 4) содействует взаимному обмену опытом и информацией между министерствами внутренних дел; 5) назначает (освобождает) Директора БКБОП и его первого заместителя сроком на 3 года, а также утверждает структуру и штаты БКБОП в пределах численности, установленной Советом глав государств СНГ; 6) осуществляет взаимодействие с органами СНГ по вопросам борьбы с преступностью, укреплению правопорядка.

Функции рассматриваются как основные направления реализации задач, стоящих перед органом (организацией). Особенностью рассматриваемого нами Положения является то, что в нём в качестве отдельных норм не выделены обязанности и права СМВД. Поэтому об обязанностях и правах СМВД мы можем судить только по его функциям, закрепленным в Положении. Функции в большей степени тяготеют к методам осуществления деятельности СМВД, по их содержанию можно судить о том, каким способом (какими способами) реализуется предназначение органа или организации, решаются их задачи.

Основной формой деятельности СМВД являются заседания, которые проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в год. Председательствует на заседании СМВД министр внутренних дел государства, на территории которого проводится заседание, он же является председателем СМВД до следующего очередного заседания СМВД. Важным положением является то, что документы СМВД принимаются с общего согласия присутствующих членов СМВД. Любой член СМВД может заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не должно рассматриваться в качестве препятствия для принятия по нему решения, а также присоединения данного члена СМВД к принятому решению в будущем. Представители министерств внутренних дел, участвующих в заседании СМВД в качестве наблюдателей, имеют право подписи принимаемых Советом решений. На заседаниях СМВД принимаются решения, заявления, обращения, рекомендации, подписываются многосторонние договоры межве-

рядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 ч. – Ч. 2. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 312 с. – ISBN 978-5-907721-11-1.

домственного характера. Итоги заседаний оформляются протоколами.

Раздел III Положения называется «Организация работы». Положения данного раздела создают основу для организации взаимодействия министерств внутренних дел государств СНГ в рамках СМВД в области борьбы с преступностью, в том числе и террористической направленности. В этом контексте необходимо учитывать положения Регламента СМВД государств-участников СНГ, утвержденного 18 декабря 1998 г.¹

Рассмотрим, что вкладывается в понятие «противодействие терроризму». Терроризм в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»². Анализ различных определений понятия «терроризм», предложенных в научной литературе и закрепленных нормативно, в том числе в законодательных актах государств СНГ³, позволяет также рассматривать терроризм как совокупность наказуемых в соответствии с национальным и (или) международным законодательством насильственных деяний, создающих угрозу безопасности жизни или здоровью неопределенного числа граждан, посягающих на общественную, национальную, международную безопасность.

Проведенный анализ национальных законодательных актов государств СНГ в противодействии терроризму показывает единство подходов законодателей различных стран к определению содержания «противодействие терроризму». В Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ противодействие терроризму рассматривается как деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по: а) предупреж-

¹ Регламент Совета министров внутренних дел государств-участников Содружества Независимых Государств: утв. Решением Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ об утверждении Регламента Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ от 18 декабря 1998 г. (с посл. изм.) // URL: <https://e-cis.info/cooperation/3113/77481/> (дата обращения: 30.05.2024).

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

³ О борьбе с терроризмом: Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77–3; О борьбе с терроризмом: Закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ (ред. от 30.05.2019); О борьбе с терроризмом: Закон Республики Армения от 22 марта 2005 г. № 3-Р-79; О борьбе с терроризмом: Закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845; О противодействии терроризму: Закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 (в ред. от 06.08.2018); О предупреждении и борьбе с терроризмом: Закон Республики Молдова от 21 сентября 2017 г. № 120 (в ред. от 06.12.2001) // URL: <https://www.cisatc.org/> (дата обращения: 1.05.2024)

дению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Также следует отметить относительное единство законодателей СНГ в определении содержания и практике использования терминов: «национальная безопасность», «угрозы национальной безопасности», «жизненно важные интересы», «развитость национальных правовых основ обеспечения безопасности». Однако разнообразие данных терминов, их разносмысловое включение в различные правовые акты не способствуют должному взаимодействию правоохранительных органов государств СНГ в сфере обеспечения антитеррористической безопасности.

Сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму рассматривается в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ в качестве одного из основных принципов противодействия терроризму.

Это предполагает необходимость формирования четкой правовой основы сотрудничества государства с названными субъектами. Важную роль в этом играют структуры СНГ.

Говоря о правовой основе противодействия терроризму, следует сказать, что в целом она, как и само противодействие терроризму, носит публично-правовой характер. Это проявляется в целом ряде характеристик:

- противодействие терроризму – это преимущественно деятельность уполномоченных субъектов в административно-политической сфере деятельности, регламентируемой нормами публичного права;
- в противодействии терроризму задействованы (наделены компетенцией или принимают участие) органы публичной власти, основные направления деятельности которых связаны с правоохраной публично-правовыми средствами;
- противодействие терроризму осуществляется в рамках обеспечения национальной безопасности государства, обеспечения государственной и общественной безопасности, которые являются важнейшими ценностями, подлежащими защите со стороны государства и его органов;
- противодействие терроризму осуществляется посредством реализации преимущественно норм публичного права, а не частного права, закрепленных в конституционном праве, административном праве, уголовном праве, муниципальном праве и частично в иных отраслях права¹;

¹ Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения / Р.В. Пузиков, В.А. Сытюгина, М.А. Седых

- противодействие терроризму носит режимно-правовой характер, может рассматриваться с позиций административно-правовых режимов, устанавливаемых в целях обеспечения национальной безопасности, так как оно связано с формированием системы организационно-правовых средств, создающих и обеспечивающих наиболее благоприятные для противодействия терроризму условия, связанные с регламентацией деятельности всех субъектов – организаций и граждан – в целях противодействия терроризму. С учетом этого говорить и о правовом режиме противодействия терроризму как общем режиме, так и более конкретных правовых режимах, например, правовом режиме контртеррористической (антитеррористической) операции²;
- противодействие терроризму невозможно без организации международного сотрудничества государств и их уполномоченных органов. что влияет на содержательный аспект национальных законодательств в области противодействия терроризму. Несмотря на внесение в Конституцию РФ Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» изменений в ст. 79, которая теперь звучит следующим образом – «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» – никто не отменял часть 4 ст. 15 Конституции РФ, где записано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Таким образом, нормы международного права по-прежнему вплетены в правовую систему РФ, и реализуются в порядке, предусмотренном Конституцией страны и ее законодательством, что еще больше под-

[и др.]. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010. – 306 с. – ISBN 978-5-89016-614-2.

² Редкоус, В.М. Понятие административно-правовых режимов, устанавливаемых в области обеспечения национальной безопасности / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 12(60). – С. 92–95.

черкивает публично-правовой характер противодействия терроризму¹;

- противодействие терроризму связано с применением мер государственно-правового принуждения, носящего публично-правовой характер, и применение этих мер может осуществляться в рамках взаимодействия органов внутренних дел между собой в рамках функционирования СВВД, и т.д.

Поэтому публично-правовые основы противодействия терроризму – это совокупность норм публичного права (прежде всего, конституционного, административного права и административного процесса, уголовного права и уголовного процесса, международного права и ряда иных), обуславливающих возникновение, изменение и прекращение публично-правовых отношений с участием уполномоченных субъектов национального и наднационального уровней, физических и юридических лиц по: а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

В русском языке «взаимодействие» определяется как «взаимная связь явлений»²; «координировать» означает «согласовать (–овывать), установить (–навливать) целесообразное соотношение между какими-либо действиями, явлениями»³; «сотрудничать» – значит «работать, действовать вместе; принимать участие в общем деле»⁴

Лексический анализ вышеназванных понятий показывает, что они, *во-первых*, тесно между собой взаимосвязаны, *во-вторых*, имеют ряд общих основных черт – наличие нескольких субъектов, между которыми возникают отношения для достижения определенных целей; *в-третьих*, и координация, и взаимодействие могут быть определены как разновидности сотрудничества, как его определенные формы.

При описании отношений, возникающих в процессе осуществления совместной деятельности министерств внутренних дел государств СНГ в противодействии терроризму в юридической литературе преимущественно употребляется термин «сотрудничество»⁵. Однако это не исключает осуществление сотрудничества как в форме координации дея-

тельности, так и в форме взаимодействия. Однако в юридической науке данные вопросы еще долго будут оставаться дискуссионными.

В юридической науке предлагается целый ряд определений правового регулирования. Так, например, И.В. Гойман-Калинский, Г.И. Иванец, В.И. Червонюк считают, что «правовое регулирование – осуществляемое при помощи права и совокупности правовых средств упорядочение общественных отношений, их юридическое закрепление, охрана и развитие»⁶. Коллектив авторов практического пособия «Правовое обеспечение государственного и муниципального управления» (Академия управления МВД России, 2022) полагают, что «правовое регулирование – это осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями»⁷. Т.М. Нинциева, проанализировав имеющиеся в юридической литературе подходы к определению понятия правового регулирования, сделала вывод, что «правовое регулирование – это динамическая, системная и организующая деятельность управомоченных субъектов, направленная на упорядочение общественных отношений. Исходя из такого подхода, сущность правового регулирования заключается в упорядочении общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования»⁸.

Таким образом, правовое регулирование сотрудничества Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ в противодействии терроризму можно определить как осуществляемое при помощи системы правовых средств публично-правового характера (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в области противодействия терроризму, в которых реализуется предназначение СВВД как органа Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ по вопросам, входящим в компетенцию министерств внутренних дел государств-участников СНГ, а также иных государственных органов, выполняющих аналогичные функции, с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями обеспечения нацио-

СНГ по борьбе с преступностью // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1. – С 83–91.

⁶ Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие для вузов / под общ. ред. В.И. Червонюка. – Москва: Академия управления МВД России, 2003. – С. 96.

⁷ Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: практическое пособие / Д.В. Пожарский, А.Г. Репьев, И.А. Андреева и др. – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – С. 36.

⁸ Нинциева, Т.М. Процессуально-правовое регулирование как особый вид правового регулирования / Т.М. Нинциева // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 2(55). – С. 201–205

¹ ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий / Л.К. Айвар, С.С. Байманов, В.В. Бараненков [и др.]; под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. – Москва: Издательство «Эксмо», 2006. – 592 с.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 78.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же. С. 751.

⁵ См., например: Астахова Е.А. Правовые основы международного сотрудничества Российской Федерации со странами

нальной безопасности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Это определение можно конкретизировать за счет включения в него законодательного закрепленного определения «противодействие терроризму».

По мнению автора, правовое регулирование сотрудничества Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ в противодействии терроризму имеет следующие характерные особенности: носит публично-правовой характер; регламентируется нормами как международного права, так и национальных законодательств государств – участников СНГ; направлено на решение общей задачи – обеспечение национальной безопасности государств Содружества в целом, и каждого отдельного государства посредством создания, наделения компетенций и обеспечения функционирования СМВД как органа, предназначением которого является взаимодействие и координация действий в борьбе с преступностью; базируется на общности подходов в государствах – участниках СНГ, касающихся определений терроризма и противодействия терроризму; учитывает общность предназначения, задач и направлений органов внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ, и ряд других.

В этой связи также необходимо выделить факторы, препятствующие совершенствованию сотрудничества и взаимодействия СМВД и правоохранительных органов стран СНГ в противодействии терроризму, а именно: разноформатные модели сотрудничества и взаимодействия с ОВД стран Содружества; отсутствие единого правового поля при наличии единого криминального пространства; слабый учет в национальных законах модельного законодательства, сформированного СНГ, и применимого к рассматриваемой нам области. и ряд других.

Анализ правовых актов, принятых в рамках СНГ, показывает, что обеспечение антитеррористической безопасности – это ключевая роль СМВД как координатора в совместной деятельности министерств внутренних дел государств СНГ в противодействии терроризму.

Можно выделить ключевые направления сотрудничества ОВД СНГ в противодействии терроризму, а именно: предупреждение, выявление, пресечение, расследование террористических преступлений, минимизация их последствий; содействие неотвратимости наказания за террористические преступления; анализ условий, способствующих террористической угрозе в СНГ; противодействие финансированию террористической деятельности; взаимодействие с институтами гражданского общества, СМИ; сотрудничество с международными организациями, формирование глобальной стратегии противодействия новым угрозам.

В целях совершенствования данной деятельности, по мнению автора, необходимо разработать и принять Концепцию сотрудничества органов внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ в сфере противодействия новому виду терро-

ризма – кибертерроризму, которая будет являться документом стратегического планирования в рассматриваемой сфере¹. Также предлагается внести дополнения в протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников СНГ, ратифицированный Федеральным законом от 2 апреля 2004 г. № 15-ФЗ.

Целесообразно реализовать следующие предложения по совершенствованию порядка организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий в государствах СНГ, в частности:

- со стороны СМВД, БКБОП целесообразно усилить внимание на правотворческой деятельности, юридической технике в сфере разработки и принятия международных договоров, межгосударственных программ по борьбе с терроризмом;
- продолжить совершенствование практики формирования и применения института оговорок в соответствии с Рекомендациями СМВД;
- «повседневное» сотрудничество правоохранителей стран СНГ с научно-образовательными организациями привести в соответствие с современными требованиями, так как просветительская деятельность – это не только объективное условие, но и инструмент для выполнения правоохранителем своих профессиональных задач;
- при отсутствии четких научно-методологических основ правового обеспечения антитеррористического сотрудничества рекомендовать СМВД, БКБОП организацию в рамках СНГ учебного пособия «Антитеррористическое право государств – участников Содружества Независимых Государств».

Литература

1. Астахова, Е.А. Правовые основы международного сотрудничества Российской Федерации со странами СНГ по борьбе с преступностью / Е.А. Астахова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1. – С 83–91.
2. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие для вузов / под общ. ред. В.И. Червонюка. – Право и закон, М.: КолосС, 2003. – 544 с.
3. Нинциева, Т.М. Процессуально-правовое регулирование как особый вид правового регулирования / Т.М. Нинциева // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 2(55). – С. 201–205.
4. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение наци-

¹Редкоус, В.М. Некоторые вопросы совершенствования стратегии национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8(56). – С. 83–88.

ональной безопасности. Памяти А.А. Прохорова» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2023. – № 4(48). – С. 158–191.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 ч. – Ч. 1 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 360 с. – ISBN 978-5-907721-11-1.
7. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 ч. – Ч. 2 / В.А. Милехин, Ю.Н. Носатов, А.В. Шевцов [и др.]. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 312 с. – ISBN 978-5-907721-11-1.
8. Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения / Р.В. Пузиков, В.А. Сытюгина, М.А. Седых [и др.]. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010. – 306 с. – ISBN 978-5-89016-614-2.
9. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: практическое пособие / Д.В. Пожарский, А.Г. Репьев, И.А. Андреева и др. – Москва: Академия управления МВД России, 2022.
10. Правовое обеспечение национальной безопасности. Тридцать лет законодательству о безопасности Российской Федерации: обзор Всероссийской научно-практической конференции (Москва, РАНХиГС, 22 апреля 2022 г.) / А.М. Воронов, И.Б. Кардашова, А.Ю. Винокуров [и др.] // Современное право. – 2022. – № 10. – С. 48–62.
11. Прудникова, Т.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти. Учебное пособие / Т.А. Прудникова, В.М. Редкоус, С.А. Акимова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 140 с. – ISBN 978-5-238-02297-0.
12. Редкоус, В.М. Особенности административно-правового обеспечения национальной безопасности в современных условиях / В.М. Редкоус // Закон и право. – 2010. – № 8. – С. 107–109.
13. Редкоус, В.М. Понятие административно-правовых режимов, устанавливаемых в области обеспечения национальной безопасности / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 12(60). – С. 92–95.
14. Редкоус, В.М. Некоторые вопросы совершенствования стратегии национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8(56). – С. 83–88.

15. ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий / Л.К. Айвар, В.В. Бараненков [и др.]; под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. – Москва: Издательство «Эксмо», 2006. – 592 с. – ISBN 5-699-13827-7.

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF COOPERATION OF THE COUNCIL OF MINISTERS OF INTERNAL AFFAIRS OF THE MEMBER STATES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES ON COUNTERING TERRORISM

Kolaev A.M.

Academy of Management Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”

Based on the analysis of normative and factual material, the article proposes the concept of legal regulation of cooperation between the Council of Ministers of Internal Affairs of the member States of the Commonwealth of Independent States in countering terrorism; its public legal foundations are considered. The article shows the public-legal nature of countering terrorism and cooperation between authorized bodies in this area, which can be carried out both at the national and supranational levels. The public legal foundations of the activities of the Council of Ministers of Internal Affairs of the CIS member States (hereinafter referred to as the CMVD) are considered, key areas of cooperation of the CIS Department of Internal Affairs in countering terrorism are formulated. Proposals have been developed to improve the public legal regulation of the cooperation under consideration.

Keywords: counteraction to terrorism; legal regulation; public-legal nature; public-legal basis; legal basis; organizational basis; internal affairs bodies; ensuring national security; cooperation; interaction; Commonwealth of Independent States.

References

1. Astakhova, E.A. Legal basis for international cooperation of the Russian Federation with the CIS countries in the fight against crime / E.A. Astakhova // Legal policy and legal life. – 2024. – No. 1. – P 83–91.
2. Goiman-Kalinsky I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I. Elementary principles of the general theory of law: a textbook for universities / under general. ed. IN AND. Chervonyuk. – Law and Law, M.: KolosS, 2003. – 544 p.
3. Nintsieva, T.M. Procedural legal regulation as a special type of legal regulation / T.M. Nintsieva // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2020. – No. 2(55). – pp. 201–205.
4. Review of the II All-Russian Scientific and Practical Conference “Legal Support of National Security. In memory of A.A. Prokhozhev” (RANEP, Moscow, April 21, 2023) / O.F. Akbashev, K.V. Alekseev, V.P. Berkut [and others] // Transport Law and Security. – 2023. – No. 4(48). – pp. 158–191.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradova. – 4th ed., add. – M.: Azbukovnik, 1999. – 944 p.
6. Organization of the protection of public order and ensuring public safety: Textbook: in 2 hours – Part 1 / V.A. Milekhin, Yu.N. Nosatov, A.V. Shevtsov [and others]. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 360 p. – ISBN 978-5-907721-11-1.
7. Organization of the protection of public order and ensuring public safety: Textbook: in 2 hours – Part 2 / V.A. Milekhin, Yu.N. Nosatov, A.V. Shevtsov [and others]. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 312 p. – ISBN 978-5-907721-11-1.
8. Legal policy in the field of private law: problems and ways to solve them / R.V. Puzikov, V.A. Sytyugina, M.A. Sedykh [etc.]. – Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavina, 2010. – 306 p. – ISBN 978-5-89016-614-2.

9. Legal support of state and municipal management: a practical guide / D.V. Pozharsky, A.G. Repyev, I.A. Andreeva, etc. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.
10. Legal support of national security. Thirty years of security legislation of the Russian Federation: review of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, RANEPА, April 22, 2022) / A.M. Voronov, I.B. Kardashova, A. Yu. Vinokurov [etc.] // Modern law. – 2022. – No. 10. – P. 48–62.
11. Prudnikova, T.A. Administrative and legal status of executive authorities. Textbook / T.A. Prudnikova, V.M. Redkous, S.A. Akimova. – Moscow: UNITY-DANA, 2012. – 140 p. – ISBN 978-5-238-02297-0.
12. Redkous, V.M. Features of administrative and legal support of national security in modern conditions / V.M. Redkous // Law and law. – 2010. – No. 8. – P. 107–109.
13. Redkous, V.M. The concept of administrative and legal regimes established in the field of ensuring national security / V.M. Redkous // Law and State: Theory and Practice. – 2009. – No. 12(60). – pp. 92–95.
14. Redkous, V.M. Some issues of improving the national security strategy of the Russian Federation / V.M. Redkous // Law and state: theory and practice. – 2009. – No. 8(56). – pp. 83–88.
15. FSB of Russia. Legal regulation of the activities of the federal security service to ensure the national security of the Russian Federation: scientific and practical commentary / L.K. Aivar, V.V. Baranenkov [and others]; edited by V.N. Ushakova, I.L. Trunova. – Moscow: Eksmo Publishing House, 2006. – 592 p. – ISBN 5-699-13827-7.

Правовой контроль административных процессов рынка коммерческой недвижимости

Макеев Сергей Евгеньевич,
аспирант, Университет «Синергия»
E-mail: mse-cm@ya.ru

В современном мире жилищно-коммунальное хозяйство – это ключевой элемент системы по жизнеобеспечению населения, важный индикатор эффективности общей социальной экономической политики, сложившейся в стране. Кроме того, оно является показателем, влияющим на экономические, социальные преобразования. Его работа имеет тесную связь с интересами российских граждан, а также с возможностью выполнения предоставляемого им права Конституцией РФ на жилище. В данной сфере находятся повседневные интересы населения. Более того, ЖКХ имеет связь с разными сферами отношений, где социальной катастрофой может стать отсутствие тепла, воды, благоустройства поселений, санитарной очистки. Цель работы – изучение систем эксплуатации жилого комплекса.

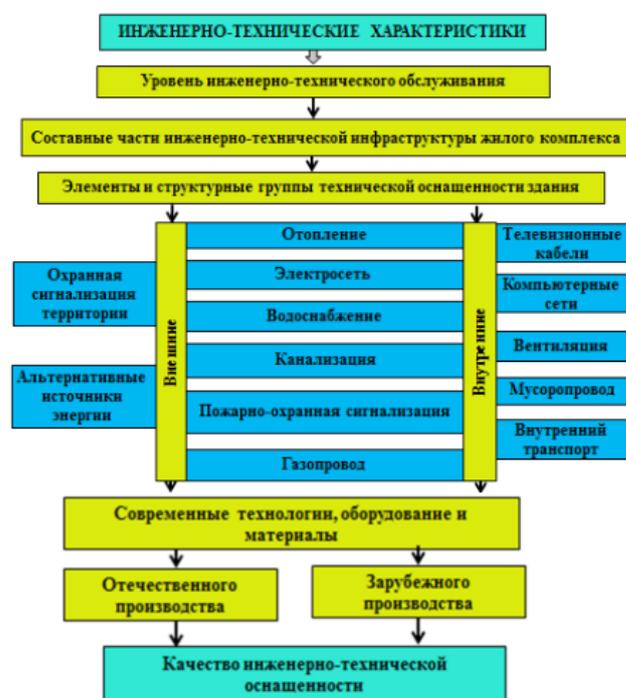
Ключевые слова: умный дом, жилой комплекс, ЖКХ, современный жилой комплекс, инженерно-техническое обслуживание.

Основная часть

В соответствии с проведенными исследованиями, техническое обслуживание устанавливает элементы инженерной технической инфраструктуры современного жилого комплекса.

Совокупность указанных компонентов указали на определение уровня технического обслуживания составными частями инженерной технической инфраструктуры ЖК.

Совокупность компонентов, степень эксплуатации зависит от технологий проектирования, оборудования, применения российских, иностранных высококачественных материалов (Рис. 1).

Рис. 1. Модель инженерного технического обеспечения жилого комплекса

Параметры для рассмотрения структурных групп, элементов технической оснащённости:

- Внутренние – компьютерные сети, телевизионные кабели, вентиляция, внутренний транспорт, мусоропровод и пр.
- Внешние – альтернативные источники получения энергии, отопление, охранная сигнализация, электросеть, водоснабжение и пр.;

Уровни инженерной технической оснащённости жилища:

1. комфорт-класс: установка в домах централизованного отопления, вентиляции, канализации, водоснабжения от городской сети, электросетей от местных подстанций, городского га-

зоснабжения, лифтов, локальных, телевизионных кабелей;

2. бизнес-класс: установка автономного отопления, современных радиаторов с регулированием температуры, очистка воды, система по резервному энергоснабжению, центральное кондиционирование, скоростные бесшумные лифты. Безопасность обеспечивается устройством в подъездах камер для видеонаблюдения, системами тушения пожара, охраны;

3. элит-класс: установка бесшумных лифтов OTIS, Tissen, тройных стеклопакетов «люкс», систем кондиционирования, центральной приточно-вытяжной вентиляции, автономной системы водоподогрева, биметаллических радиаторов с терморегуляторами. Для того, чтобы обеспечить звукоизоляцию, можно использовать современные материалы. Электрическая мощность на каждую квартиру – от 20 кВт. Выполняется установка системы видеонаблюдения, телекоммуникаций, домофона, противопожарной адресной сигнализации.

Выполним анализ элементов коммуникационных систем:

1) Отопление. Под потолком, над полом выполняется разводка трубопроводов. Кроме того, трубопроводы прокладываются в тамбурах, над дверными проемами. Они являются теплоизолированными.

Для помещений, которые находятся на 1-ом, 2-ом этажах, по проекту устроены ветки отопления.

Системы отопления – горизонтальные двухтрубные со следующими видами движения теплоносителя:

- Тупиковое,
- Попутное.

Отопительные приборы – биметаллические сертифицированные секционные радиаторы. Параллельно наружным стенам, под окнами находятся нагревательные приборы.

Виды используемой арматуры:

- Запорная,
- Регулирующая.

Виды регулирования теплоотдачи нагревательного прибора:

- Местное – установка регулирующей термостатической арматуры,
- Центральное – в соответствии с температурным графиком.

2) Теплоснабжение. Его источник – тепловая магистральная сеть с подключением к котельной. Она прокладывается под землей в непроходных каналах. В тепловой сети температурный график составляет 95–70 °С [4].

3) Водоотведение, водоснабжение. Ввод в дом водопровода выполняется из трубы ПЭ 50 SDR17 050 в соответствии с ГОСТ 18599-2001. 35,0 м составляет значение гарантированного напора, который имеется в сети, 25,0 м – значение требуемого напора, который имеется в сети хозяйственного питьевого водопровода.

4) Вентиляция. Вытяжные системы самостоятельного типа, имеющие естественное побуждение предназначены для резервуаров насосов в усреднителе, сухом резервуаре ввода, илового цикла, а также электрощитовой. Выполнено объединение системы с вытяжной вентиляцией из санузлов при раздевалке с системой из душевой.

Подача, а также удаление воздуха по проекту выполняются через регулируемые решетки. По кратностям принят воздухообмен.

Воздуховоды приточных вытяжных систем по помещениям венткамер имеют теплоизоляцию минераловатными фольгированными матами, толщина которых составляет 50 мм. Воздуховоды по забору воздуха до приточного вытяжного оборудования имеют тепловую изоляцию, которая выполнена из минераловатных фольгированных матов, толщина которых составляет 100 мм.

Снаружи здания вытяжные воздуховоды имеют теплоизоляцию на 5 м. от выхода из самого здания с использованием утеплителя, выполненного из вспененного полиэтилена. Его толщина составляет 10 мм.

5) Электроснабжение. Единые технические указания по применению, выбору электрических кабелей ВНИИ КП учитывались для выбора марок кабелей.

В соответствии с проектом наружное освещение соответствует СП 52.13330.2016, превышает 10 лк. Освещенность рассчитывалась через программный комплекс DIALux. В соответствии с результатами расчета значение средней освещенности – 14 лк.

Для того, чтобы освещать территорию, используются светодиодные консольные светильники, мощность которых составляет 120 Вт. Они устанавливаются на 9-метровых металлических опорах на железобетонном основании с закладным металлическим элементом, армированным бетоном.

Кабели типа АВБбШвнг(А), прокладываемые на глубине 0,7 м. в гофрированных двустенных трубах в кабельных траншеях используются для того, чтобы создать сеть по наружному освещению. Питание к нему выполняется от щита ЩНО в помещении операторской.

В каждой опоре, используемой для освещения, от соединительной коробки, где имеются предохранители, прокладывается к светильнику кабель КГХл. РЕ-проводник присоединяется к болту заземления питающей линии для обеспечения заземления опор. Тогда как заземление светильника обеспечивается через маркированное специальное гнездо, которое предусмотрено в кабельном разьеме.

Автоматические выключатели, установленные на вводных панелях, групповых, распределительных щитов осуществляют защиту от сверхтоков.

Рассмотрим различные системы управления, которые позволяют повысить эффективность эксплуатации.

1. Система контроля протечек. Перекрытие водоснабжения в квартире реализуется благодаря установке кранов с электроприводом. Функционал контроля протечек позволяет локально идентифицировать течь и перекрыть водоснабжение как автоматически, так и через мобильное приложение умной квартиры или при помощи голосового помощника «Алиса» от Яндекса.

2. Управление освещением. Установленное в электрощите реле для управления освещением имеет два канала. Через первый канал будет заведено все верхнее освещение квартиры. Через второй канал собственник совместно с электриком сможет самостоятельно подключить необходимые розетки. Далее этим реле можно управлять как автоматически, при помощи сценариев, так и через мобильное приложение на смартфоне или голосового помощника «Алиса». Достаточно сказать: «Алиса, я ушел», после чего в квартире выключится весь свет и перекроется водоснабжение.

3. Умная колонка «Алиса».

Яндекс.Станция – это умная колонка с голосовым помощником «Алисой». Она включает музыку, отвечает на вопросы и ставит напоминания, рассказывает сказки и играет в игры. Также «Алиса» управляет умной квартирой – помимо контроля протечек и управления освещением к Яндексу. Станции можно подключить совместимые бытовые приборы (чайники, стиральные машины, роботы-пылесосы и т.д.).

Обобщая результаты проведенного исследования и руководствуясь мнениями специалистов, можно сделать следующие выводы.

Моральный, физический износ инженерной инфраструктуры в изученной сфере превышает 50% в основной части РФ, что актуализирует потребность в увеличении скорости выполнения производственных процессов по теплоснабжению, водоснабжению и водоотведению. Перечисленные выше технологические решения позволяют преодолеть проблемы, связанные с износом инфраструктуры ЖКХ.

Литература

1. Аболин А.А. Основные направления реформирования ЖКХ муниципальных образований, [Текст]: Статья. 2005. № 2. – 37–40 с.
2. Архипов В., Системы для «умного» здания, [Текст]: Статья. М.: «СтройМаркет», 2015. № 45. – 182с.
3. Асаул А.Н., Карасев А.В. Экономика недвижимости, [Текст]: Учеб. пособие. МИКХиС. 2015. – 247 с.
4. Бахтизин В.В., Глухова Л.А. Методология функционального проектирования IDEF0, [Текст]: Учеб. пособие. Минск: БГУИР, 2003. – 24 с.
5. Богданова Ю.В., Ильиных Д.В., Патудин В.М., Подольская А.Я. Моделирование организационно-экономических механизмов системы ЖКХ в рыночной экономике, [Текст]: Статья. Ползуновский вестник №1. 2016. – 56 с.
6. Варзунов А.В. Анализ и управление бизнес-процессами, [Текст]: Учеб. пособие. СПб: Университет ИТМО, 2016. – 112 с.
7. Грахов В.П., Мохначев С.А., Егорова В.Г. Эффективность энергосберегающих мероприятий в жилищном строительстве, [Текст]: Статья. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. – 273 с.

LEGAL CONTROL OF ADMINISTRATIVE PROCESSES COMMERCIAL REAL ESTATE MARKET

Makeev S.E.

Synergy University

In the modern world, housing and communal services are a key element of the population's life support system, an important indicator of the effectiveness of the general social and economic policy that has developed in the country. In addition, it is an indicator that affects economic and social transformations. His work has a close connection with the interests of Russian citizens, as well as with the possibility of fulfilling the right granted to them by the Constitution of the Russian Federation to housing. The daily interests of the population are in this area. Moreover, housing and communal services have a connection with different spheres of relations, where the lack of heat, water, landscaping of settlements, sanitary cleaning can become a social disaster. The purpose of the work is to study the systems of operation of the residential complex.

Keywords: smart home, residential complex, housing and communal services, modern residential complex, engineering and technical services.

References

1. Abolin A.A. The main directions of reforming the housing and communal services of municipalities, [Text]: Article. 2005. No. 2. – 37–40 p.
2. Arkhipov V., Systems for “smart” buildings, [Text]: Article. M.: “StroyMarket”, 2015. No. 45. – 182 p.
3. Asaul A.N., Karasev A.V. Economics of real estate, [Text]: Textbook. allowance. MICHIS. 2015. – 247 p.
4. Bakhtizin V.V., Glukhova L.A. Functional design methodology IDEF0, [Text]: Proc. allowance. Minsk: BSUIR, 2003. – 24 p.
5. Bogdanova Yu.V., Ilyinykh D.V., Patudin V.M., Podolskaya A. Ya. Modeling of organizational and economic mechanisms of the housing and communal services system in a market economy, [Text]: Article. Polzunovsky Bulletin №1. 2016. – 56 p.
6. Varzunov A.V. Analysis and management of business processes, [Text]: Textbook. allowance. St. Petersburg: ITMO University, 2016. – 112 p.
7. Grakhov V.P., Mokhnachev S.A., Egorova V.G. Efficiency of energy-saving measures in housing construction, [Text]: Article. Modern problems of science and education. 2015. No. 2. – 273 p.

Энергосервисные договоры как правовое средство в сфере энергосбережения.

Матвеева Елена Юрьевна;

к.ю.н.; доцент; доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: eumatveeva@fa.ru

Статья посвящена энергосервисному договору. Показаны исторические предпосылки, способствующие возникновению рынка энергосбережения. Обозначена специфика энергосервисных договоров, его ценность как правового средства для сторон договора. Отражена ретроспектива правовой регламентации энергосервисного договора в отечественном законодательстве. Представлены сферы применения энергосервисных договоров в отраслевом разрезе и в разрезе объектов, на которых реализуются энергосервисные мероприятия. Обозначены перспективные направления развития энергосервисной деятельности.

Ключевые слова: энергосервисный договор, энергосбережение.

XX век стал веком научно-технической революции, что сопровождалось глобальным увеличением потребления энергоресурсов. Начиная с 1970-х годов, мировое сообщество столкнулось с проблемой энергетических кризисов, которые были вызваны дефицитом нефти и последовавшим значительным ростом цен на энергоресурсы. Все страны, конкурируя на мировом товарном рынке, столкнулись с необходимостью снижения доли энергозатрат в производстве, в национальных экономиках. Одновременно с этим бурное техническое развитие поставило на повестку дня вопросы необходимости снижения антропогенного воздействия на окружающую среду и сохранения энергетических природных ресурсов в связи с истощением их мировых запасов. Все это явилось предпосылками к тому, что во всех без исключения странах задача энергосбережения стала рассматриваться как задача государственного масштаба. Энергозависимость западных стран привела к тому, что на повестку дня была поставлена задача энергосбережения, решение которой в первую очередь опиралось на развитие энергосберегающих технологий. Как следствие, возник специфический рынок энергосберегающих технологий, который имел, с одной стороны, огромный спрос со стороны субъектов, нацеленных на снижение своих производственных и эксплуатационных расходов за счет экономии энергетических ресурсов, с другой стороны, появились профессиональные участники рынка. Они предлагали заинтересованным потребителям различные решения, позволяющие достичь желаемой экономии.

Функционирование рынка энергосбережения «породило» особую форму договорных отношений, конструкцию энергосервисного договора (Performance Contract), специфика которого заключается в следующем. Цена поставляемого товара, (работы, услуги) приравнивается к стоимостному выражению определенной экономии энергоресурса, которую получит заказчик, и оплата товара (работы, услуги) производится за счет полученной экономии и в случае ее достижения. Таким образом, заказчику не требуется изначально иметь финансовые средства для проведения энергосберегающих мероприятий, он, по сути, получит источник финансирования за счет высвобождаемых средств в результате фактического снижения затрат на потребление энергоресурсов. Кроме того, применение конструкции энергосервисного контракта позволяет заказчику перенести на энергосервисную компанию все риски принятия неэффективных решений, что также крайне важно, поскольку энер-

госбережение – это специфическая деятельность, требующая технических знаний, инновационных решений и технологий, учета множества факторов, способных повлиять на возможность или невозможность достижения эффекта энергосбережения.

Таким образом, создание конструкции энергосервисного договора было обусловлено запросами участников гражданско-правового оборота:

- энергосервисные компании, принимая на себя первоначальные инвестиции в энергосберегающие мероприятия, получили возможность расширения энергосервисного рынка, привлекая в договорные отношения заказчиков, которые не имели собственных источников финансирования;
- заказчики энергосервисных мероприятий получили возможность без риска и без привлечения заемных финансовых ресурсов достичь энергосбережения с оплатой энергосервисного договора за счет фактически полученной экономии своих расходов на энергопотребление.

В нашей стране вопросы энергосбережения и энергоэффективности стали подниматься гораздо позже, только в последние годы XX столетия и можно сказать, что в отечественную правовую действительность энергосервисный договор вошел сравнительно недавно.

Предпосылками к формированию государственной энергетической политики, нацеленной на энергосбережение, стали задачи по обеспечению энергобезопасности страны, повышения конкурентоспособности российской экономики, экологические задачи снижения антропогенного влияния на окружающую среду, задачи сохранения не возобновляемых природных энергоресурсов для будущих поколений.

В начале 1998 года Постановлением Правительства РФ № 80 была принята первая федеральная целевая программа «Энергосбережение России», которая предусматривала срок реализации с 1998 по 2005 годы [3]. В этом документе рамках подпрограммы «Энергосбережение в жилищно-коммунальном хозяйстве» предусматривалось развитие энергосервисных услуг и создание энергосервисных компаний при участии банковского сообщества. В качестве сферы энергосервисной деятельности обозначались системы энергоснабжения и газоснабжения в населенных пунктах. Постановление Правительства № 80 действовало до 2002 года [4]. Первая государственная программа энергосбережения не давала определений ни для энергосервисной деятельности, ни для энергосервисных договоров.

В период с 11.12.2001 по 31.12.2005 гг. также действовало Постановление Правительства Российской Федерации от 17.11.2001 N 797, которым была утверждена к федеральной целевой программе «Жилище» подпрограмма «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации» [5]. В указанном документе содержалось положение о том, что под энергосервисом в сфере ЖКХ понимается предо-

ставление услуг по организации учета и контроля потребления энергетических ресурсов, установке и обслуживанию счетчиков тепла и воды, модернизация систем отопления зданий [6].

Непосредственно энергосервисный договор получил правовую регламентацию только в 2009 году. Во-первых, о появлении энергосервисных контрактов было упомянуто в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию [7]. Во-вторых, 13 ноября 2009 года распоряжением Правительства Российской Федерации N 1715-р была утверждена «Энергетическая стратегия России до 2030 года» [8], в составе которой была заявлена необходимость формирования комплексного законодательства по вопросам энергосбережения и формирования рынка энергосервисных услуг.

Основные положения федерального законодательства по энергосбережению, а в его составе и об энергосервисных договорах (контрактах) были разработаны в Законе № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее Закон «Об энергосбережении...»). Наиболее распространение энергосервисные договоры получили в бюджетной сфере и закон о контрактной системе содержит специальные нормы о заключении энергосервисных контрактов в сфере закупок. Законом № 44-ФЗ [2] и Постановлением Правительства РФ от 18.08.2010 N 636 [9] установлены обязательные условия, которые в обязательном порядке должен содержать государственный (муниципальный) энергосервисный контракт:

- об экономии в натуральном выражении
- о размере обеспечения
- о мерах ответственности
- о порядке оплаты
- о перечне мероприятий, которые обязан выполнить исполнитель энергосервисного договора
- о порядке перехода права собственности и многие другие.

Энергосервисная деятельность демонстрировала стремительный рост в 2016–2021 годах. По данным последнего ежегодного Государственного доклада о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации [10], если в 2016 году суммарная стоимость энергосервисных контрактов составляла 8,0 млрд руб., в 2017 г. – 17,9 млрд. руб., то за 2021 год этот показатель составил уже 57,5 млрд. руб. Однако, в 2022 году стоимостной объем рынка энергосервисных контрактов вернулся к показателям 2017 г. и составил всего 17,4 млрд. руб. Данные за 2023 г. об объеме рынка энергосервисных контрактов по состоянию на конец мая 2024 г. еще не опубликованы. Минэкономразвития РФ в качестве причин существенной коррекции энергосервиса в 2022 году называет как проблемы экономического порядка в виде сложностей в обеспечении финансирования энергосервисных проектов и разрушение и ненадежность цепочек кооперации в сфере поставок (в том числе в связи с санкционным дав-

лением), так и проблемы в развитии нормативной правовой базы.

Энергосервисные договоры являются востребованным правовым средством. В отраслевом разрезе энергосервисные договоры находят применение в бюджетной сфере, в уличном освещении, в электроэнергетике, в жилищной сфере, в коммунальном хозяйстве, в пожарно-спасательной отрасли, в транспортной сфере. Энергосберегающие мероприятия по своей направленности применяются на объектах систем внутреннего, уличного и наружного освещения, в системах отопления зданий, в электрических сетях, в системах водоснабжения, водоотведения и канализации, в тепловом насосном оборудовании, в ЦТП, в котельных. Перспективным направлением является внедрение энергосервиса в проекты модернизации электрогенерации по переходу на возобновляемые источники энергии. Прогнозируется, что в обозримом будущем энергосервис получит широкое распространение в проектах по установке систем автоматизации планирования, мониторинга, оптимизации процессов потребления энергии на основе искусственного интеллекта и цифровых двойников. Все большее распространение получают комплексные энергосервисные договоры, объединяющие в рамках одного контракта энергосберегающие мероприятия по нескольким направлениям.

Новые, перспективные направления развития энергосервисной деятельности неизбежно потребуют совершенствования правового регулирования как на федеральном так и на региональном уровнях.

Литература

1. «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ // Собр. законодательства. – 30.11. 2009. – N 48. – Ст. 5711.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 29.05.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»
3. Постановление Правительства РФ от 24.01.1998 N 80 «О Федеральной целевой программе «Энергосбережение России» на 1998–2005 годы»
4. Постановление Правительства РФ от 24.08.2002 N 630 «Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2002 год»
5. Постановление Правительства РФ от 17.11.2001 N 797 (с изм. от 21.10.2004) «О подпрограмме «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы»
6. «О подпрограмме «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.11.2001 N 797 // Собр. законодательства. – 03.12.2001. – N 49. – Ст. 4622.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.11.2009//«Парламентская газета», N 60, 13–19.11.2009
8. «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.11.2009 N 1715-р // Собр. законодательства. – 30.11.2009. – N 48. – Ст. 5836.
9. Постановление Правительства РФ от 18.08.2010 N 636 (ред. от 25.11.2021) «О требованиях к условиям энергосервисного договора (контракта) и об особенностях определения начальной (максимальной) цены энергосервисного договора (контракта) (цены лота)»
10. «Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Российской Федерации в 2022 году https://www.economy.gov.ru/material/file/b2ec92f00344707af95c8d44a6abbde8/Energy_efficiency_2023.pdf

ENERGY SERVICE AGREEMENTS AS A LEGAL MEANS IN THE FIELD OF ENERGY SAVING.

Matveeva E.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the energy service agreement. The historical prerequisites contributing to the emergence of the energy saving market are shown. The specificity of energy service agreements and its value as a legal means for the parties to the agreement are outlined. A retrospective of the legal regulation of the energy service agreement in domestic legislation is reflected. The scope of application of energy service agreements is presented in the context of industry and in the context of facilities where energy service activities are implemented. Promising directions for the development of energy service activities are outlined.

Keywords: energy service agreement, energy saving,

References

1. “On energy saving and on increasing energy efficiency and on introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”: Federal Law of November 23, 2009 N 261-FZ // Collection. legislation. – 30.11. 2009. – N 48. – Art. 5711.
2. Federal Law of 04/05/2013 N 44-FZ (as amended on 05/29/2023) “On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs”
3. Decree of the Government of the Russian Federation of January 24, 1998 N 80 “On the Federal Target Program “Energy Saving of Russia” for 1998–2005”
4. Decree of the Government of the Russian Federation of August 24, 2002 N 630 “On amendment, suspension and recognition as invalid of certain acts of the Government of the Russian Federation in connection with the Federal Law “On the Federal Budget for 2002”
5. Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2001 N 797 (as amended on October 21, 2004) “On the subprogram “Reform and modernization of the housing

and communal services complex of the Russian Federation” of the federal target program “Housing” for 2002–2010”

6. “On the subprogram “Reform and modernization of the housing and communal complex of the Russian Federation” of the federal target program “Housing” for 2002–2010”: Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2001 N 797 // Collection. legislation. – 03.12.2001. – N 49. – Art. 4622.
7. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of November 12, 2009//“Parliamentary Newspaper”, No. 60, November 13–19, 2009
8. “On the Energy Strategy of Russia for the period until 2030”: Order of the Government of the Russian Federation dated November 13, 2009 N 1715-r // Collection. legislation. – 30.11.2009. – N 48. – Art. 5836.
9. Decree of the Government of the Russian Federation of August 18, 2010 N 636 (as amended on November 25, 2021) “On the requirements for the terms of the energy service agreement (contract) and on the features of determining the initial (maximum) price of the energy service agreement (contract) (lot price)”
10. “State report on the state of energy saving and increasing energy efficiency in the Russian Federation in 2022 https://www.economy.gov.ru/material/file/b2ec92f00344707af95c8d44a6abbde8/Energy_efficiency_2023.pdf

Дефекты (коллизии) института гражданско-правовой защиты (судебная практика)

Резчиков Владислав Игоревич,

аспирант, кафедра правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: xxx0445@list.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы и недостатки, возникающие в процессе применения гражданско-правовых норм в судебной практике. Автор анализирует основные виды дефектов, включая коллизии между нормативными актами, пробелы в законодательстве, а также противоречия в судебных решениях. Особое внимание уделяется причинам возникновения данных дефектов и их влиянию на эффективность защиты прав граждан и юридических лиц. В статье также рассматриваются способы преодоления указанных проблем, в том числе совершенствование нормативно-правовой базы и улучшение качества судебной практики. В статье особое внимание уделяется анализу судебной практики в сфере защиты прав потребителей, выявлению типичных проблем и противоречий, возникающих при рассмотрении дел о нарушении прав потребителей. Рассматриваются примеры судебных решений, касающихся возмещения ущерба, причиненного небезопасными товарами и услугами, и их влияние на формирование единой судебной практики в данной области.

Ключевые слова: дефект, коллизия, гражданско-правовая защита, права потребителя, договорное право, публичная оферта, судебная практика, верховный суд, цифровизация.

В рамках широкого подхода институт гражданско-правовой защиты обозначает систематизированную совокупность норм, регулирующих применение средств гражданско-правовой защиты и мер гражданско-правовой ответственности [7, с. 59]. Институт гражданско-правовой защиты начал свое формирование уже на ранних этапах становления права как такового. Так, в частности, в римском праве защита гражданского права была объявлена приоритетом действующего правового порядка. При этом в отечественном праве институт гражданско-правовой защиты является относительно молодым. В законодательстве эта категория была зафиксирована лишь в тексте Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г. Исследования, посвященные проблемам правового регулирования защиты гражданских прав и правовых интересов, стали появляться в отечественной цивилистике только в 1970-х гг.

Сегодня динамика развития общественных отношений настолько высока, что законодатель не успевает зафиксировать эти изменения ни в текстах законодательных актов, ни в судебных прецедентах. Более того, темпы расширения отечественного законодательного массива так высоки, что многие законодательные акты начинают противоречить друг другу, что, собственно, приводит к колоссальному количеству дефектов и коллизий в рамках института гражданско-правовой защиты [5, с. 14]. В данной связи подробное рассмотрение подобных противоречий представляется нам весьма **актуальным**.

Любой дефект, отмечает Е.С. Галиев, можно воспринимать в качестве патологии – неприемлемой формы какого-либо явления и процесса [1, с. 5]. Дефект института гражданско-правовой защиты можно рассматривать как системную проблему, возникающую в рамках правовой системы и характеризующуюся недостаточной эффективностью механизмов защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. Дефект может проявляться в различных формах, включая правовые, организационные и процессуальные аспекты.

Категорию «дефект института гражданско-правовой защиты» П.Д. Портянова предлагает определять в качестве негативного свойства норм данного института и ситуаций их толкования, что, в свою очередь, приводит «к невозможности соблюдения, исполнения, использования или применения нормативных положений указанного института (как сформулированных, так и но логиче-

ски вытекающих из основных начал гражданского законодательства» [6, с. 130]. Дефект может содержаться не только в самих нормах и актах их толкования, но и в их реализации. Именно дефектность реализации становится базисом для того, чтобы делать вывод о наличии дефекта в конкретном сегменте института гражданско-правовой защиты. Схожий тезис содержится в публикации И.П. Кожокаря. Дефекты законодательства, указывает И.П. Кожокарь, трансформируются в дефекты толкования правовых норм, судебной практики, поражая таким образом весь механизм гражданско-правового регулирования [3, с. 240].

По мнению П.Д. Портяновой, дефект реализации института гражданско-правовой защиты может проявляться в следующих ситуациях: (1) следование «букве закона, а не его духу»; (2) невозможность соблюдения, использования, исполнения и применения норм гражданского права в процессе законотворчества, толкования норм права, применения его судами, гражданами, организациями; (3) судебные ошибки; (4) произвольное толкование норм права и актов их толкования; (5) превышение полномочий отдельных органов [6, с. 130].

Признаками дефекта института гражданско-правовой защиты выступают следующие: (1) дефект в его реализованной форме не является правомерным или, напротив, противоправным деянием; (2) дефект влечет за собой ощутимые правовые последствия; (3) дефект дестабилизирует функционирование механизма гражданско-правовой защиты; (4) дефект гражданско-правовой защиты тесно связан с дефектом механизма гражданско-правового регулирования: дефект в гражданско-правовом регулировании инициирует работу подсистемы средств гражданско-правовой защиты; (5) дефект является результатом расхождения между целью и результатом осуществления гражданских прав [3, с. 240].

В современной научной литературе имеется множество подходов к разграничению типов дефектов, имеющих место в контексте института гражданско-правовой защиты. Так, к примеру, по критерию устойчивости (повторяемости) дефекты можно разделить на устойчивые – возникающие в рамках гражданского законодательства, и неустойчивые – спорадические, возникающие в правоприменительной практике [2, с. 98]. По критерию изученности дефекты можно разделить на известные (явные) – те дефекты, которые уже были идентифицированы в ходе гражданско-правовой практики и получившие соответствующую теоретическую и правовую оценку и дефекты скрытые.

Дефекты (коллизии) института гражданско-правовой защиты, таким образом, представляют собой сложное и многоаспектное явление, возникающее на стыке теоретических и практических аспектов права. В рамках данной тематики можно выделить несколько ключевых областей, в которых могут возникать дефекты.

Дефекты могут возникать на уровне законодательных норм – причиной таких дефектов явля-

ются противоречия между различными сферами и уровнями законодательства. В законодательном массиве имеется немало случаев, когда различные нормативные акты содержат противоречащие друг другу положения, касающиеся прав и обязанностей участников гражданско-правовых отношений. Например, Закон «О защите прав потребителей» может предусматривать одни условия защиты гражданских прав, в то время как Гражданский кодекс – другие, что приводит к правовой неопределенности и дефектам в реализации гражданско-правовой защиты. Так, в делах о возмещении ущерба могут применяться положения Закона «О защите прав потребителей» и Гражданского кодекса РФ – причем далеко не все положения этих двух актов согласованы между собой. Если потребитель обратился в суд с требованием о возмещении ущерба, причиненного некачественным товаром, он может сослаться на положения Закона «О защите прав потребителей», который предусматривает более выгодные для него условия гражданско-правовой защиты. Продавец, в свою очередь, может настаивать на применении положений Гражданского кодекса, который содержит менее жесткие требования к возмещению ущерба. Суды в таких случаях принимают сторону потребителя, указывая на приоритетность специальных норм Закона «О защите прав потребителей» в данной ситуации.

Как мы видим, дефекты (коллизии) в законодательном массиве напрямую влияют на формирование коллизий в правоприменительной практике.

Рассмотрим в данной связи обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей за 2022–2023 гг. (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 октября 2023 г.) [4].

Одним из противоречий, порождающих дефекты судебной практики, является **конфликт между понятием деликтного обязательства, институтом договора и отношениями в рамках диады «продавец-потребитель»**. Как известно, согласно положениям законодательства о защите прав потребителей, продавец обязан обеспечить безопасные условия для здоровья потребителей и сохранности их имущества. При этом возникновение деликтного обязательства не исключает возможности применения к правоотношениям сторон Закона «О защите прав потребителей».

Деликтное обязательство представляет собой юридическое обязательство, возникающее в результате причинения вреда одним лицом (делинквентом) другому лицу (потерпевшему) вследствие противоправного деяния. Такое обязательство возникает независимо от наличия договора между сторонами и направлено на восстановление нарушенного права потерпевшего путем возмещения ущерба.

В одном из дел (см. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 14 февраля 2023 г. № 66-КГПР22–15-К8) истец обратилась в суд с иском о компенсации мораль-

ного вреда и взыскании штрафа, опираясь на п. 6 ст. 13 вышеотмеченного Закона.

При падении с обледеневшей лестницы магазина, арендуемого продавцом (ответчик) и принадлежащему владельцу помещения (соответчик), истец получила травму, а ответчик, в свою очередь, отказался от удовлетворения требований истца в добровольном порядке. Судебный орган первой инстанции взыскал в пользу истца с ответчика и соответчика сумму в 35 000 руб. в счет компенсации морального вреда и по 17 500 руб. в счет потребительского штрафа.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении данного требования на основании наличия деликтного правоотношения, выходящего за рамки регулирования положения Закона.

Данное решение было оставлено без изменений кассационным судом. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, в свою очередь, отменила предыдущие решения органов суда апелляционной и кассационной инстанций. Верховный суд направил дело на новое апелляционное рассмотрение, в рамках которого, опираясь на положения п. 1 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», определил, что потребителем является гражданин, который еще не совершил транзакцию по приобретению товара или оказанию услуги, но который выразил своими действиями явное намерение на это.

Данная ремарка позволила Верховному суду опираться на положения о безопасности товара, представленного в Законе. Потребитель обладает правом на безопасность товара, работы или услуги при его использовании, хранении, транспортировке и утилизации (п. 1 статьи 7 Закона). В ситуации, когда товар или услуга не соответствуют этим требованиям и наносят вред, то в рамках п. 2 ст. 7 и ст. 14 Закона, причиненный вред подлежит полному возмещению.

Деликтное обязательство, как отмечено ранее, не исключает возможности квалификации правоотношений сторон как правоотношений потребителя и продавца. По справедливому решению Верховного суда, отказ от применения положений Закона судебными органами апелляционной и кассационной инстанций является дефектом в плане выбора требуемой нормы законодательства и, соответственно, нарушением норм материального права.

Коллизии в рамках института гражданско-правовой защиты возникают в ситуациях применения/неприменения норм договорного права и норм иных гражданско-правовых институтов – в т.ч. отношений «потребитель – продавец». В данной связи обратимся к Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 15 ноября 2022 г. № 16-КГ22–27-К4, в котором указывается, что правом на возме-

ние вреда может воспользоваться потребитель-потерпевший вне зависимости от наличия документально оформленных договорных отношений с продавцом.

В рассматриваемом деле истец обратился с иском к управляющей компании о возмещении ущерба, компенсации морального вреда и взыскании штрафа по поводу повреждения личного автотранспорта камнем, упавшим с крыши многоквартирного здания, обслуживаемого ответчиком. Орган суда первой инстанции определил, что автомобиль был поврежден в результате ненадлежащего выполнения ответчиком своих обязательств по содержанию здания. Соответственно, ответчик-управляющая компания была обязана возместить ущерб. Требование о компенсации морального вреда и взыскании потребительского штрафа судом первой инстанции удовлетворено не было на основании того факта, что истец не являлся собственником или арендатором квартиры, расположенной в многоквартирном здании. Данное решение было подтверждено (оставлено без изменений) в рамках разбирательств в судах апелляционной и кассационной инстанций.

Верховный Суд, при этом, отменил решения судов апелляционной и кассационной инстанций, указав, что положения п. 2 ст. 14 Закона о защите прав потребителей наделяют правом требовать возмещения вреда не только потребителя, но и иное потерпевшее лицо, даже если оно не состоит в договорных отношениях с продавцом. Соответственно этому можно сделать вывод о дефекте правоприменения, порожденном ошибочным подходом об иерархичности сегментов законодательного массива: в данной ситуации договорное право, как очевидно, стоит ниже в иерархии, чем права потребителя (т.н. дефект иерархии норм). На этом основании, собственно, и были отменены решения нижестоящих судов. Аналогичный случай представлен в тексте Определения от 8 августа 2023 г. № 4-КГ23–37-К1.

Следует также отметить, что **дефекты в рамках института гражданско-правовой защиты возникают и в случаях, когда различные судебные инстанции по-разному интерпретируют одни и те же нормы права**, что создает непредсказуемость судебных решений и лишает судебную практику унифицированности. Все это, в свою очередь, может подрывать доверие к институту гражданско-правовой защиты и снижать его эффективность.

В последнее время все чаще **дефекты в реализации механизмов гражданско-правовой защиты наблюдаются по причине цифровизации общественных отношений**. Суды все чаще сталкиваются с коллизиями, возникающими в результате развития новых технологий и цифровизации. Традиционные правовые институты не всегда успевают адаптироваться к изменениям, происходящим в цифровой среде, что порождает новые дефекты и требует разработки современных подходов к гражданско-правовой защите.

Обратимся к Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23–6-К4. Развитие отечественного сегмента Интернет-пространства породило новую волну споров о таком аспекте договорного права, как публичная оферта. Истец в вышеотмеченном деле обратился в орган суда с иском о возложении обязанности по передаче приобретенного дистанционным способом товара. Изначально истец оформил заказ на покупку товара в мобильном приложении, а ответчик (компания-продавец), в свою очередь, списал деньги со счета истца. В дальнейшем продавец (ответчик) уведомил потребителя (истец) о невозможности доставки товара и вернул денежные средства. Основанием для одностороннего расторжения сделки стало заявление продавца о техническом сбое на веб-сайте (в приложении), который привел к некорректной (существенно заниженной) цене на товар. Суд классифицировал поведение истца как злоупотребление правом, и в последствии это решение было подтверждено в рамках апелляционного и кассационного разбирательства.

Верховный Суд интерпретировал данные решения как ошибочные, указывая на положения п. 1 ст. 494 и п. 2 ст. 437 ГК РФ о публичной оферте. Потребитель, заходя на сайт или в приложение, дистанционно знакомится с фотографиями товара, его описанием и ценой, и на основании этих сведений принимает решение о покупке. Данные положены изложены, кроме того, в п. 1 ст. 261 Закона о защите прав потребителей. П. 12 Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463) предусматривает обязательство продавца по заключить договор розничной купли-продажи с лицом, выразившим намерение приобрести товар на условиях публичной оферты. Фиксация цены происходит в момент заключения подобного договора между покупателем и интернет-магазином – т.е. в момент оформления заказа. В результате изначальные требования истца были удовлетворены в полном объеме. Можно, конечно, трактовать решение Верховного суда как дефект в том плане, что злоупотребление де факто действительно имело место (речь идет о следовании букве закона, а не его духу, о чем мы указывали ранее). Тем не менее, факт злоупотребления правом не был обоснован.

В заключение отметим следующее. Коллизии (дефекты) в рамках института гражданско-правовой защиты представляют собой сложное явление. Коллизии института гражданско-правовой защиты можно классифицировать по различным основаниям, включая законодательные, правоприменительные, международно-правовые и технологические аспекты. Решение этих коллизий требует комплексного подхода, включающего как законодательные изменения, так и развитие судебной практики.

Литература

1. Галиев, М.С. Учение о дефектах в области права и его отношение к правовой категории «защита» / М.С. Галиева // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 4 (103). – С. 3–7.
2. Летута, Т. В. О коллизии принципов гражданского и корпоративного права / Т.В. Летута // Журнал российского права. – 2012. – № 11 (191). – С. 96–101.
3. Кожокарь, И.П. Сущность и классификация дефектов в механизме гражданско-правового регулирования: отдельные методологические замечания / И.П. Кожокарь // Вестник КГУ. – 2016. – № 4. – С. 239–242.
4. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей. Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/thematics/33038/>. – Дата доступа: 29.05.2024.
5. Портянова, П.Д. Дефекты института гражданско-правовой защиты: диссертация ... кандидата Юридических наук: 12.00.03. – Ульяновск, 2021.
6. Портянова, П.Д. Дефекты реализации института гражданско-правовой защиты / П.Д. Портянова // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола со Всероссийским и международным участием. 30–31 января 2021 г. – Шахты: ООО «Конверт», 2021. – С. 130–133.
7. Портянова, П.Д. Преодоление и разрешение дефектов института гражданско-правовой защиты / П.Д. Портянова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2021. – № 1. – С. 58–63.

DEFECTS (COLLISIONS) ARISING WITHIN THE INSTITUTE OF CIVIL LEGAL PROTECTION (BASED ON THE MATERIALS OF JUDICIAL PRACTICE)

Rezchikov V.I.

Moscow Financial and Industrial University Synergy

The article discusses current problems and shortcomings that arise in the process of applying civil law norms in judicial practice. The author analyzes the main types of defects, including conflicts between regulations, gaps in legislation, and contradictions in court decisions. Particular attention is paid to the causes of these defects and their impact on the effectiveness of protecting the rights of citizens and legal entities. The article also discusses ways to overcome these problems, including improving the regulatory framework and improving the quality of judicial practice. The article pays special attention to the analysis of judicial practice in the field of consumer rights protection, identifying typical problems and contradictions that arise when considering cases of violation of consumer rights. The author provides the analysis of court decisions relating to compensation for damage caused by unsafe goods and services and their impact on the formation of uniform judicial practice in this area.

Keywords: defect, conflict, civil protection, consumer rights, contract law, public offer, judicial practice, supreme court, digitalization.

References

1. Galiev, M.S. The doctrine of defects in the field of law and its relation to the legal category “protection” / M.S. Galieva // Siberian Legal Bulletin. – 2023. – No. 4 (103). – P. 3–7.

2. Letuta, T.V. On the conflict of principles of civil and corporate law / T.V. Letuta // Journal of Russian Law. – 2012. – No. 11 (191). – P. 96–101.
3. Kozhokar, I.P. Essence and classification of defects in the mechanism of civil regulation: selected methodological comments / I.P. Kozhokar // Bulletin of KSU. – 2016. – No. 4. – pp. 239–242.
4. Review of judicial practice in cases of consumer rights protection. Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://vsrf.ru/documents/thematics/33038/>. – Access date: 05/29/2024.
5. Portyanova, P.D. Defects of the Institute of Civil Legal Protection: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03. – Ulyanovsk, 2021.
6. Portyanova, P.D. Defects in the implementation of the institution of civil legal protection / P.D. Portyanova // Legal science in the XXI century: current problems and prospects for their solutions. Collection of scientific articles based on the results of the round table with All-Russian and international participation. January 30–31, 2021 – Mines: LLC "Convert", 2021. – P. 130–133.
7. Portyanova, P.D. Overcoming and resolving defects in the institution of civil legal protection / P.D. Portyanova // Bulletin of SUSU. Series: Law. – 2021. – No. 1. – pp. 58–63.

Романова Наталья Владимировна,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС
E-mail: romanova-nav@ranepa.ru

Елкина Ольга Сергеевна,

доктор экономических наук, профессор кафедры безопасности СЗИУ РАНХиГС

Текущность, непостоянство, изменчивость и множественность. Это все термины, которые изменяются в связи с попытками диагностировать сегодняшнее время и общество. Кроме того, они также являются фундаментальными элементами постмодернистского мышления, которое сформировалось во Франции в 1970-е годы в ответ на крах великих систем, потерю легитимности мировых сверхдержав и упадок политических идеологий. Постмодернистское мышление питается этой текучестью и хаосом и позиционирует себя как антитезу всем универсалистским концепциям.

Некоторые специфические правовые системы могут восприниматься через призму знакомого нам права, европейское – через международное, разрешение споров онлайн – как внесудебное разрешение споров, но стремление к лучшей точке зрения и большому пониманию вскоре заставит общество отказаться от заранее определенных предпосылок и границ. Эти идеи привели к концепции правового плюрализма и к размышлениям о том, что входит эту концепцию.

Отношения внутри и между различными правовыми системами, отношения национального, международного и европейского права обсуждались и обсуждаются юристами разных стран. Существуют прецеденты, когда государство отходит на второй план, либо в качестве судьи, либо в качестве законодателя, в пользу разрешения споров. Будь то разрешение инвестиционных споров в международном арбитраже, споров в области международного частного права, или национального права с участием иностранного элемента.

Основное внимание уделяется эффекту плюрализма как ключевому элементу всего постмодернистского мышления.

В связи со сложностью решения этих вопросов не только судами, но и органами государственной власти в целом, существует необходимость оценки эффективности некоторых стратегий, используемых европейскими государствами для преодоления последствий правового плюрализма, столкновения культур и миграционного кризиса.

Ключевые слова: постмодернизм; постмодернистское мышление; политическая идеология; плюрализм в праве; судебная власть; легитимность.

В той социальной и правовой ситуации, в которой сейчас оказалась Европа, тема постмодернизма в праве вновь становится актуальной. Из-за неразрешимых войн в Африке, на Востоке и в арабских странах в Европу хлынул поток беженцев, каждый из которых несет с собой частичку своих прав, от которых они не отказываются. Как и США до этого, Европа сейчас становится большим плавильным котлом, в котором смешиваются различные культуры и религии. В сегодняшнем глобализованном мире информационных технологий этот процесс происходит с беспрецедентной интенсивностью.

Постмодернистские явления имеют существенные преимущества – мы являемся свидетелями очередной волны эмансипации человека и гражданина, появляется ряд новых прав человека на основе толерантного, либерального и демократического направления западных цивилизаций. В то же время, однако, постмодернистские элементы сопряжены с рядом рисков.

Слабеющее государство испытывает значительные трудности в контроле над размыванием позитивного права, рисками безопасности и быстрым развитием новых технологий. В то же время необходимо сбалансировать реакцию с долгосрочным усилением правозащитных тенденций.

Конечно, все это напрямую влияет на национальные правовые системы, которые пытаются бороться с этими явлениями по-своему. Возникают конфликты основных прав и свобод, и возникают такие вопросы, как: выдержит ли демократическое общество и его правовой порядок сильный натиск иностранных элементов? Или: сможем ли мы сохранить сегодняшний уровень гарантированных прав и свобод, не разрушая систему? Возможно, по этой причине в странах Европейского Союза (далее – ЕС) наблюдается общий рост популярности политиков, продвигающих автократию. Прежде всего, это связано с тем, что многие демократические системы не в состоянии убедить избирателей в своей способности справиться с продолжающимся кризисом, а также в преимуществах, эффективности и необходимости активного управления гражданами.

Неспособность достичь широкого консенсуса, и политическая борьба за власть парализуют законодательную и исполнительную ветви власти. Логично, что значение судебной власти усиливается. В то же время она перегружена, когда ей приходится иметь дело с проблемами, которые по праву должны принадлежать другим компетентным органам.

Такие термины, как постмодернизм или постмодернистская ситуация, являются феноменами, ко-

торые бесчисленные авторы пытались определить, подтвердить или опровергнуть, и из-за их неоднозначности их анализ часто вызывает больше вопросов, чем ответов.

Эрозия права является наиболее ярким элементом постмодернизма, а также наиболее подходящей его характеристикой. Ведь сам постмодернизм возник в ответ на распад и сомнение в высоком модернизме. Естественный порядок вещей таков, что огромное целое, распадаясь, распадается на множество более мелких частей. В результате размывания основных столпов современного общества, таких как сильное государство, валюта и традиционная культура, создаются многочисленные дискурсы, вопросы и школы мысли. Распад порождает плюрализм и является его источником в постмодернизме.

В ответ на универсалистские концепции современности сформировались постмодернистские общества на основе либеральных идеалов при последовательной защите прав человека. В результате плюрализм в постмодернистском обществе проявляется, прежде всего, в форме гарантированных конституцией прав и свобод. В результате западные цивилизации сегодня пользуются огромным количеством свобод, а в связи с тенденциями дерегулирования и индивидуализации их число постоянно увеличивается. Это целый спектр, включающий экономические, политические, личные и культурные свободы. В отличие от модерна, в котором доминировали большие нарративы и метанарративы, главная цель постмодернизма заключается в либерализме и толерантности¹.

Плюрализм не ограничивается определёнными областями, как это было в модернизме, но эта гетерогенность пронизывает все общество². Допускается плюрализм мнений, когда каждый может верить в то, что ему подходит по любой причине³. «Но является ли освобождение благословением или проклятием? Это проклятие, которое выдают за благословение, или благословение, которого мы боимся, как проклятия?» Тот факт, что люди теперь имеют широкие и гарантированные права и свободы, не является панацеей. Она несет с собой целый ряд новых вызовов и проблем, которые необходимо решать. Итак, давайте посмотрим, как постмодернистские темы эрозии, плюрализма и либерализма отражаются в праве современной Европы.

Право и плюрализм

В настоящее время наблюдается значительная миграция населения на основе глобализации. В настоящее время развитые западные культуры находятся в незавидном положении, когда их социальный капитал постепенно разрушается в течение десятиле-

тий⁴. Под социальным капиталом я подразумеваю «набор неформальных правил, поощряющих сотрудничество членов общества». Это подтверждает тезис Фукуямы о том, что развитые западные культуры находятся в глубоком кризисе идентичности. Культурный плюрализм в современном западном мире, проводящем политику толерантности, по-прежнему остается проблемой, которую трудно решить. Несмотря на то, что современный период обеспечивает, пожалуй, самый широкий спектр прав и свобод человека, в действительности нередко происходят ожесточённые столкновения из-за принципиальных различий культур и религиозно-правовых норм на уровне базовых принципов⁵.

Эта культурная эрозия социального капитала вызывает, помимо очевидного роста преступности⁶, правовой плюрализм на соответствующей территории. Правовой плюрализм – это ситуация, при которой несколько правовых систем конкурируют на определённой территории, между ними возникают конфликты и часто они переплетаются⁷. В юриспруденции существует два основных взгляда на понятие правового плюрализма. Позитивистский плюрализм в противоположность юридико-социологическому плюрализму⁸.

Позитивистский подход признает правовым плюрализмом только множественные правовые системы на данной территории на основе их признания сувереном. В данном случае речь чаще всего идёт о сосуществовании и действии национального, европейского и международного права⁹. Позитивистский подход к правовому плюрализму основан на концепции, построенной вокруг понятия нормативного фокуса. Это более узкое понятие, которое понимает правовой плюрализм как ситуацию, при которой «на определенной территории или для определенного субъекта действуют несколько правовых систем, имеющих различную нормативную направленность»¹⁰.

Ключевым элементом такого правового плюрализма является одновременное пересечение нескольких различных юрисдикций на данной территории. Фундаментальные вопросы, которые затрагивает эта концепция, касаются пространственного и личностного охвата правовых норм, а также применения права, непосредственно связанного с взаимосвязанностью современного мира.

На практике такое понятие правового плюрализма охватывает разные случаи. Например, Вер-

⁴ Srov. FUKUYAMA, Francis. Velký rozvrat: lidská přirozenost a rekonstrukce společenského řádu. Přeložila FALTÝSKOVÁ, A. Praha: Academia, 2006. XXI. století. s. 13 an.

⁵ BARŠA, Pavel. Politická teorie multikulturalismu. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 1999. Politologická řada, 4. s. 214 an.

⁶ FUKUYAMA. Op. cit. sub 102. s. 39 an.

⁷ GRIFFITHS, JOHN. What is legal pluralism? The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1986, 18 (24), s. 1–55. S. 38.

⁸ Tamtéž, s. 5, 11, 17.

⁹ KYSELA, Jan. Mění se struktura právního řádu a jeho atributy, Eric Stein Working Paper. 2009, 1, s. 1–24.

¹⁰ ONDŘEJEK, Pavel. Koncepce práva jako systému. Praha: Wolters Kluwer, 2020. Právní monografie (Wolters Kluwer ČR). s. 194.

¹ PŘIBÁŇ, Jiří. Hranice práva a tolerance: úvahy o liberálnosti a právním státě v postmoderní situaci. Praha: Sociologické nakladatelství, 1997. Post (Sociologické nakladatelství). s. 30–31.

² WELSCH. Op. cit. sub 5. s. 38.

³ BOGUSZAK. Op. cit. sub 24.

ховный суд Соединенных Штатов Америки вынес решение по делу «Бумедьен против Конституции США Буша» (KW. BUSH)¹ был принят незначительным большинством в пять голосов против четырех, который оставил в силе Habeas Corpus на Кубе для заключенных, содержащихся в тюрьме Гуантанамо².

Или, например решение французского суда первой инстанции по делу «LICRA и UEJF v. YAHOO! Inc. и YAHOO FRANCE». Данным решением разрешается сложная проблема определения того, какому праву подлежат международные аукционы, проводимые на веб-сайтах. Суд высшей инстанции Парижа постановил, что, даже если зарегистрированный офис Yahoo! Inc., включая серверы, используемые для осуществления ее деятельности, находится в Соединённых Штатах, компания не может позволить французским гражданам заниматься деятельностью, запрещённой французским законодательством. В данном случае речь шла о купле-продаже предметов, тривиализирующих преступления нацизма³. В крайнем случае можно добраться до вещей, которые достаточно экзотичны для закона, например, до зоны участия коммерческих компаний в военных действиях⁴.

В течение некоторого времени широко обсуждаемым явлением в области правового плюрализма является столкновение европейского права с национальным законодательством отдельных государств-членов. Кроме того, в контексте коллизии этих правовых норм возникает конкуренция между различными судебными инстанциями⁵. В связи с этим возникает до сих пор нерешённый правовой вопрос об определении окончательной судебной власти между отдельными конституционными судами государств-членов и Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) и Европейским судом. Проблема коллизии национального и европейского права расширяет дискуссию, включая в неё понятия конституционного плюрализма и правового полицентризма.

Оба понятия связаны с концепцией правового плюрализма, но различаются по своей точке зрения с точки зрения того, какие элементы права они подчеркивают⁶. Понятие правового полицентризма относится к попытке зафиксировать сдвиг «в восприятии структуры правопорядка, который либо те-

ряет единый фокус (базовую норму), либо меняет понятие этого фокуса»⁷.

В то же время право проистекает из множества источников в силу множественности центров позитивного правообразования⁸. Правовой полицентризм рассматривает право на данной территории как отдельную и четко обособленную правовую систему, которая может иметь несколько очагов. Правовой плюрализм, с другой стороны, работает с теорией взаимопроникновения и столкновения сразу нескольких различных относительно независимых правовых систем⁹. Дискуссии о правовом полицентризме, как правило, сосредоточены на структуре и продолжающейся диффузии публичной власти.

Таким образом, конституционный плюрализм – это модель, направленная на прояснение и гармонизацию «конкурирующих требований различных правовых систем (и конституционных юрисдикций) таким образом, чтобы не возникало патовой ситуации»¹⁰.

Юридино-социологический плюрализм основан на предположении о существовании источников правовых норм, отличных от признанного государством позитивного права, поскольку принадлежность граждан к публичной корпорации, которую представляет государство, является лишь одной из нескольких различных социальных обязанностей¹¹. Этот вариант правового плюрализма гораздо более динамичен и легко отражает проявления нынешней изменчивой и неоднородной социальной организации общества в праве. Для него характерно рассмотрение взаимопроникновения и пересечения нескольких правовых и парарправовых систем в контексте глобализации и мультикультурализма¹². Юридино-социологическая концепция критикуется как ошибочная из-за отсутствия связей между парарправовыми системами и государственной гарантией государственного принуждения¹³.

Интересным решением представляется сочетание теории права Эрлиха. Эрлих вводит понятие живого права, где право относится к нормам, которые общество спонтанно признает и придерживается. Такое право действительно отражает образ и волю общества, оно может отличаться от позитивного права, которое, по его мнению, проистекает из традиций и прошлого, а не из реальной, непо-

⁷ Тамtéž, s. 3.

⁸ GERLOCH, Aleš. Polycentrismus v recentním právu: příčiny a důsledky. In: Pluralismus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 12–17.

⁹ BARÁNY, Eduard. Kariéra právnického pluralizmu. In: Pluralismus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 312–319.

¹⁰ KYSELA, Jan, ONDŘEJEK, Pavel. Kolos nahliněných nohou: k proměně státu a jeho roli. Praha: Leges, 2016. Teoretik. s. 39.

¹¹ KYSELA. Op. cit. sub 108. s. 10.

¹² KYSELA. Op. cit. sub 108. s. 10,

GRIFFITHS. Op. cit. sub 106. s. 38,

GERLOCH. Op. cit. sub 117. s. 12.

¹³ MARŠÁLEK, Pavel. Právo a společnost. Praha: Auditorium, 2008. Téma (Auditorium). s. 191.

¹ Rozsudek Nejvyššího soudu Spojených států amerických Boumediene v. Bush, 553 U.S. 723 (2008). Dostupné z: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/723/>

² BERMAN, Paul, S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. s. 4–6.

³ Rozsudek francouzského soudu Tribunal de grande instance de Paris, č.j. 00/05308 ze dne 20. listopadu 2000. Dostupné z: <http://juriscom.net/wp-content/documents/tgiparis20001120.pdf>

⁴ ONDŘEJEK, Pavel. Obchodní společnosti ve vojenských operacích – právní pluralismus a vyplňování právního vakua. In: Pluralismus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 450–462.

⁵ MARŠÁLEK. Op. cit. sub 90. s. 164.

⁶ KYSELA. Op. cit. sub 108. s. 3.

средственной ситуации¹. По его мнению, внутренняя социальная организация и внутренний способ ее реализации являются определяющими для эффективности правовых норм².

Существенный вклад в разработку юридическо-го обоснования функционирования плюрализма внесли Ю.М. Батулин, В.Н. Монахов, А.К. Симонов, М.Ф. Федотов, В.Л. Энтин и др. В отечественных исследованиях содержание понятия «плюрализм» уточняется посредством понимания его, как принципа существования нескольких взаимоисключающих, но одинаково истинных подходов.

Правовой плюрализм – возврат к средневековью или начало нового завтра?

Нравится нам это или нет, но правовой принцип, существующий со времён Средневековья, был подтверждён тем, что физические лица «несут с собой своё право» в определённой степени. Поэтому для различных авторов вполне уместно поразмышлять о том, не являются ли постмодернистские явления в праве в некотором роде возвратом к Средневековью³. Ведь на основе относительно благожелательной свободы передвижения в современном мире мы вновь оказываемся в ситуации, когда необходимо уделять больше внимания проблеме личности права, к которой обращаются со времён Средневековья.

Средневековое право начало развиваться в сторону права в его нынешнем виде только со второй половины 18 в., в связи с консолидацией государственной власти. Государство присваивает себе монополию на законотворчество и «берет на себя законотворческую власть дворянства, церкви и семьи». Право часто создавалось и применялось без участия государства, которое было в равной степени политически и властно⁴.

Центральными элементами средневековой формы правового плюрализма являются существование значительной массы негосударственного права, а также множественность независимых от государства правотворческих образований. Напротив, большинство современных концепций и подходов к правовому плюрализму являются государственно-центричными⁵. Основная точка зрения сосредоточена на изучении отношений между различными правовыми и параправовыми системами и суверенным государством, или даже, в случае позитивистского права, на изучении

отношений только между теми правовыми системами, которые суверенное государство признает в качестве позитивного права. В Европе, как правило, это взаимосвязь между национальным, европейским и международным правом. Однако сфера действия европейского и международного права зависит от признания суверена, который, конечно, может отозвать это согласие в любой момент, как это было, например, недавно с выходом Великобритании из ЕС.

Юридикосоциологический плюрализм гораздо ближе к средневековому плюрализму, когда, помимо отношений, связанных с государством и позитивным правом, он также рассматривает взаимодействие параправовых систем. Здесь вступают в игру обычаи, религиозные и другие частные нормы, и исследуется их действие в связи с социальными связями в сообществах людей. Независимо от того, идёт ли речь о семье, племени или обо всём обществе. Он также занимается альтернативным разрешением споров с использованием негосударственных законов, таких как *lex mercatoria* или законы шариата.

Что касается вопроса о вечном возвращении, то можно отметить следующее: из сравнений и аналогий мы можем прочесть закономерности решения проблем и ценные процедуры, но не следует забывать, что «человеческое существование – это процесс, который не может повториться»⁶.

Каждое мгновение уникально, и путь человека – это прямая линия, а не круг. Хотя новые проблемы и их решения могут быть похожи на старые, знакомые, мы всегда должны стараться держать их линеаризованными и не увязнуть под тяжестью циклического повторения⁷.

С развитием глобализации элементы постмодернизма, такие как эрозия и плюрализм, все больше находят отражение в области права и юриспруденции. Действительно, из-за эрозии современной территориальности мы оказываемся в ситуации, отдалённо напоминающей средневековье⁸, когда происходило пересечение множества различных юрисдикций⁹. Это нарушение приводит к размыванию первоначально чётких границ великих правовых систем, что приводит к состоянию правового плюрализма, а вместе с ним возрастает и значение личности закона¹⁰.

В Европе особое внимание уделяется переплетению континентальной и исламской систем. Его тесная связь с религией и в то же время низкая совместимость с континентальным правом, вероятно, является причиной того, что страны со значительной исламской иммиграцией могут буквально приводить к беспорядкам и ожесточенным столкновениям.

⁶ AGHA, Petr. Einmal ist keinmal. *Právník*. 2013, 152(4), s. 329–340.

⁷ Тамtéž, s. 330.

⁸ KYSELA. Op. cit. sub 142.

⁹ BAROŠ, J. Suverenita mezi křesťanstvím a právní modernitou. *Časopis pro právní vědu a praxi*. 2011, 19(1), s. 1–10.

¹⁰ Кpojmu „velké právní systémy“ viz KNAPP, Viktor. *Teorie práva*. Praha: C.H. Beck, 1995. *Právnícké učebnice*. s. 91 an.

¹ EHRlich, Eugen. *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. [online]. Přeložil WALTER, L., M. New York: Routledge, 2001. [cit. 2021–08–06].

² BECK, Anthony. Foucault and Law: the Collapse of Law's Empire. *Oxford Journal of Legal Studies*. 1996, 16(3), s. 489–502.

³ Srov. MARŠÁLEK. Op. cit. sub 90. s. 162.

KYSELA, Jan. *Věčné návraty aneb středověk neskončil*. *Auc luridica*. 2014, 60(1), s. 7–17.

⁴ WHITMAN, James. At the origins of law and the state: supervision of violence, mutilation of bodies, or setting of prices? *Chicago-Kent Law Review*. 1996, 71(1), s. 41–84.

⁵ DI ROBILANT, A. Genealogies of Soft Law. *The American Journal of Comparative Law*. 2006, Vol. 54(3), s. 499–554.

Правовой плюрализм в Европе и защитная реакция системы

Смещение правовых систем и возникновение правового плюрализма не является мирным и контролируемым процессом. Как и между культурами, существует форма борьбы между правовыми системами. Это относится к обоим вышеупомянутым явлениям правового плюрализма, будь то конфликт между национальным правом и исламским правом или конфликт между национальным правом и европейским правом. В ситуации, когда мир глобализируется, и разные страны и правовые системы смешиваются по разным причинам, это не является принципиально неожиданным¹. С определённой точки зрения, закон, который люди несут с собой, ослабляет суверенитет государства². По словам Бодена, «закон есть не что иное, как приказ суверена, осуществляющего свою суверенную власть»³.

Некоторые европейские государства сейчас находятся в ситуации, когда тысячи иммигрантов из стран исламского права хлынули на территорию суверенного государства, образуя закрытые общины. «Иммигранты отказываются уважать верховенство закона в странах, куда они массово прибывают и в которых они образуют закрытые гетто. Либеральные принципы прав человека для них ничего не значат...»⁴ Иммигранты «привозят исламский закон со своей родины в соответствии с принципом правосубъектности, который они признают, или подписываются под исламом и исламским правом позднее»⁵.

Если принять широкое толкование изложенного выше понятия права⁶, то можно рассматривать исламское право как отдельную правовую систему в рамках мусульманских общин Европы. Законы шариата, регулирующие некоторые из этих общин, являются существующей правовой нормой, хотя и принесённой в Европу с чужой территории и правовой системы⁷. Институты и органы исламской веры, в частности мечети, вместе с советами по законам шариата обеспечивают достаточную известность и широкое распространение этих норм среди членов общины. Спорные вопросы, касающиеся толкования законов шариата, часто вызванные существованием различных школ исламской веры, решаются так называемым нацио-

нальными юристами⁸. Особый тип адвоката и священнослужителя, уполномоченного давать юридические консультации по толкованию законов шариата⁹.

Подобно традиционному африканскому племенному праву, обязательные правила поведения обеспечиваются групповыми средствами. В группах мусульманских меньшинств правовой акт обычно считается законным и подлежащим исполнению группой, если он издан или признан лицом, занимающим влиятельное положение в общине, и подтверждён авторитетом Шариатского совета или арбитражным судом, обеспечивающим альтернативное разрешение споров в соответствии с законами шариата.

«Шариатский совет – это добровольное местное объединение ученых»¹⁰, которые, по мнению их общин, компетентны в толковании и применении законов шариата. С точки зрения объективного права эти органы носят неформальный характер, их деятельность и возможный контроль за соблюдением прав человека или противоправного поведения, например, практически исключены. В Европе шариатские советы в основном расположены в Великобритании, где также находится Мусульманский арбитражный трибунал.

Мусульманский арбитражный трибунал является обычным арбитражным судом, предоставляющим возможность альтернативного разрешения споров для сторон, которых они выбирают в соответствии с законами шариата. Кроме того, она неформально предоставляет те же шариатские юридические услуги, что и консультации – например, исламский бракоразводный процесс¹¹, посредничество в семейных делах, наследственное дело и т.д.¹².

Остальная их деятельность носит неформальный характер и может быть навязана только силой их власти совместно с мусульманской общиной. В европейских странах вопросы компетенции рас-

⁸ MOORE, Kathleen M. *The Unfamiliar Abode: Islamic Law in the United States and Britain*. New York, Oxford: Oxford University Press, 2010. s. 114–115.

⁹ HALLAQ, Wael, B. *Authority, Continuity and Change in Islamic Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. s. 66–67.

¹⁰ Překlad autoraz originálu: „we are defining sharia councils as a voluntary local association of scholars“

SIDDIQUI, Mona, HUTCHINSON, Anne-Marie, MOMTAZ, Sam, HEDLEY, Mark, ASIM, Qari M.,

RAZAWI Abbas I., S., A. *The independent review into the application of sharia law in England and Wales*. [online]. Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty. 2018. [cit. 2021–30–4]. s. 10. Dostupné z: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/678478/6.4152_HO_CPFQ_Report_into_Sharia_Law_in_the_UK_WEB.pdf

¹¹ Pozn. islámský rozvod a rozvod dle civilního práva jsou ve většině jurisdikcí samostatné a nezávislé právní instituty. Obvykle je evropskými státy, co se týče učinění rozvodu na jejich území, uznáván pouze rozvod civilní, dle objektivního práva. Naopak vnitřně je pro muslimy je zcela zásadní rozvod dle islámské tradice, který však nemá žádné právní účinky dle objektivního práva. PERA. Op. cit. sub 163.

¹² Muslimarbitrationtribunal.Nuneaton,WatlingStreet.[online]. [cit. 23.5.2021]. Dostupné z: <http://www.matribunal.com/index.php>

¹ TEUBNER, Gunther. *Fragmented foundations. Societal Constitutionalism beyond the Nation State*. In: *The Twilight of constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press, New York, 2010, s. 327–341.

² BODIN, Jean. *Six Books of the Commonwealth*. [online]. Přeložil TOOLEY, M., J. Oxford: Basil Blackwell Oxford, 1955. [cit. 2021–05–30]. s. 9, 35. Dostupné z: http://www.yorku.ca/comminel/courses/3020pdf/six_books.pdf

³ BODIN. Op. cit. sub 155. s. 35.

⁴ MARŠÁLEK. Op. cit. sub 90. s. 101.

⁵ Tamtéž, s. 100.

⁶ Viz s. 25 této práce.

⁷ MCGOLDRICK, Dominic. *Accommodating Muslims in Europe: From Adopting Sharia Law to Religiously Based Opt Outs from Generally Applicable Laws*. *Human Rights Law Review*. 2009, 9(4), s. 603–646.

смотрения дел о статусе, как правило, ограничены национальными судами¹.

Переплетение европейской и исламской правовых культур проверяет на прочность концепцию параллельной правовой системы. Эта проблема в Соединенном Королевстве достигла таких масштабов, что у части населения возникает неопределенность в отношении того, что является действующим законодательством, а что является компетенцией и компетенцией судебных властей².

Такое вмешательство в суверенитет государства не остаётся без ответа, и государство защищает свой суверенитет, верховенство закона и своё культурное богатство как превентивными, так и реактивными средствами.

Ослабление общественного порядка и проникновение иностранных элементов в правовую систему

После тщательного изучения феномена столкновения исламской и европейской правовых систем можно сделать вывод, что их переплетение в Европе происходит преимущественно неформальным образом. Из этого тезиса есть два исключения, которые также существенны с точки зрения объективного, позитивного права.

В первом случае речь идёт об институте альтернативного разрешения споров, о котором уже говорилось выше, где стороны могут выбирать применимое право по своему усмотрению. Конечно, при условии, что это вопрос, который позволяет отечественная правовая система, т.е. в основном вопросы коммерческого и имущественного характера.

Во втором случае речь идет о просачивании в практику принятия решений неприемлемых положений и институтов зарубежных правовых систем в ситуациях, когда, несмотря на оговорку публичного порядка, их применения не избежать, поскольку применение внутригосударственных правовых норм привело бы к отрицанию принципа справедливости. Согласно прецедентному праву Кассационного суда Франции, речь идет о доктрине *ordre public attenué*, или ослабленного общественного порядка.

Принцип ослабленного публичного порядка – это принцип во французской юриспруденции, основанный на защите прав, приобретенных за рубежом. Условием является то, что права должны быть приобретены надлежащим образом, в соответствии с законом того места, где они были приобретены. В то же время применимая норма не должна полностью противоречить внутреннему публичному порядку³.

Можно также предположить, что между отдельными судьями существуют относительно большие расхождения во мнениях о том, что все-таки допустимо с точки зрения общественного порядка – по сути, речь идёт о принятии решений на моральном уровне.

На практике вопрос о признании прав и обязанностей, вытекающих из полигамного брака (надлежащим образом заключённого за границей), является часто обсуждаемым. К ним относятся, например, иск о праве на наследство или иск о содержании на основании законного титула брака.

В 1980 году Кассационный суд Франции рассмотрел иск двух алжирских жён о наследовании имущества их мужа (находящегося во Франции) (на законном основании законного брака по законодательству Алжира). Суд пришел к выводу, что несмотря на то, что полигамный брак несовместим с государственной политикой Франции, в случае законно приобретенных прав за рубежом может быть продемонстрирована определённая доброжелательность, а в соответствии с алжирским законодательством может быть оценена действительность брака и некоторые его последствия. Тем самым он подтвердил право на наследство обеих жён несмотря на то, что институт полигамного брака противоречит общественному порядку⁴.

Часть правовой доктрины критикует в юриспруденции институт ослабления общественного порядка. Суть критики заключается в непригодности этого института к конфликту культур и отказе от контроля над элементами иностранных правовых систем, пронизывающих оговорку публичной политики⁵.

В определенном смысле это действительно отказ от защиты общественного порядка, культурного богатства и ценностей общества. При применении концепции ослабленного общественного порядка всегда будет идти речь о применении правовой нормы, которая в той или иной степени противоречит публичному порядку. Сама суть этой критики касается возмущения, которое очень понятно с человеческой точки зрения. Суды европейских государств являются органами суверенных государств, созданными в соответствии с законом. Они уважают права человека и верховенство закона. Это возмущение заключается в том, что человек приходит в такой суд с требованием применить или признать правовую норму, противоречащую правам человека и всему, что знает и может вместить суверенный народ, проживающий на территории.

Учитывая, что полигамный брак является институтом, который, несомненно, противоречит современной концепции прав человека, его соблюдение

¹ Srov. Např. Arbitration Act 1996 c. 23 (of England), část 1., čl. 1 písm.b.

² § 2 odst. 2 zákona č. 216/1994 Sb., o rozhodčím řízení a o výkonu rozhodčích nálezů.

Code civil (francouzský občanský zákoník). čl. 2060.

³ SIDDIQI. Op. cit. sub 164. s. 4, 27.

⁴ BELBEY, Salim. L'ordre public en droit international privé du mariage: comparaison

entre pays européens et pays musulmans. In: Village de la justice. [Online]. 22. 5. 2019. [cit. 2021–05–25]. Dostupné z: <https://www.village-justice.com/articles/ordre-public-droit-international-privé-mariage-comparaison-entre-pays-europeens,31559.html>

⁵ Rozsudek francouzského Kasačního soudu Arrêt Bendeddouche rendu par la 1ère chambre civile de la Cour de cassation le 3 janvier 1980, 78–13.762.

BELBEY. Op. cit. sub 196.

ведет к отказу от защиты культурной идентичности и ценностей европейского общества.

С другой стороны, это происходит не просто так. Это можно хорошо проиллюстрировать на примере полигамного брака в международном частном праве. Поскольку женщины, состоящие в полигамных браках, являются лицами, чьи права человека, с нашей точки зрения, нарушаются, в тех случаях, когда на карту поставлены приобретённые права этих женщин, отказ в них в общественных интересах приведёт только к дальнейшему вреду для женщин в качестве жертв. Причинение вреда человеку, чьи права человека уже нарушаются, несомненно, подпадает под несоразмерную суровость закона. Соблюдение этих прав, хотя оно и может основываться на правовых нормах, управляемых варварскими принципами, также вполне понятно с человеческой точки зрения.

Право и судебная власть не должны ограничиваться определённой и формальностью, содержащимися в действующих положениях закона, но должны также частично охватывать моральную оценку и принцип справедливости. «Нельзя отказываться от поиска трансцендентных решений, объединяющих общество. Дискурс толкования закона должен сохранять способность различать добро и зло»¹. А что такое понятие справедливости, если не одна из категорий добра?

Некоторые стратегии борьбы с переплетением правовых порядков и столкновением культур

Поощрение более широкого правового плюрализма на уровне позитивного права: после вышеупомянутого анализа феномена правового плюрализма и проблемы переплетения правовых систем возникает вопрос о том, как бороться с такой ситуацией на практике.

Одним из решений, предлагаемых частью юридического сообщества, особенно юристами, принадлежащими к религиозным меньшинствам, является формальное признание правового плюрализма со стороны государства². Это означает, в частности, расширение компетенции органов, обеспечивающих альтернативное разрешение споров, на вопросы, которые в настоящее время им запрещены, т.е. все семейные дела и некоторые другие гражданско-правовые дела. После этого люди смогут свободно выбирать арбитражный суд или аналогичный орган по своему усмотрению для разрешения своего дела и определения любого применимого права, включая религиозные кодексы.

В настоящее время некоторые европейские государства испытывают давление со стороны религиозных меньшинств в этом отношении³. Цель

такого порядка состоит прежде всего в том, чтобы обойти исключительную юрисдикцию государственных судов по большинству семейных дел и других важных с точки зрения общественных интересов вопросов и, таким образом, обойти институт оговорки о публичном порядке, который делает невозможным применение правовых норм, несовместимых с отечественным правопорядком и культурой.

Это решение должно быть отвергнуто любой ценой. Это своекорыстное решение, которое удовлетворило бы значительное число критиков из рядов религиозных меньшинств, но ценой жертв из рядов тех, кто находится в положении более слабой стороны в данных религиозных системах или других системах права. Прежде всего, это было бы принесянием в жертву прав женщин и детей. Можно ожидать, что лица, находящиеся в положении более слабой стороны, выберут, например, шариат в качестве применимого права для разрешения своих дел под явным или скрытым давлением⁴.

Нельзя также предполагать, что религиозные институты сами будут нести ответственность за соблюдение стандартов прав и свобод человека в ходе своего судопроизводства, если их институты будут наделены юрисдикцией, аналогичной юрисдикции третейских судов. В некоторых случаях классическое разбирательство в Шариатском совете в Великобритании напоминает религиозный суд в пакистанской деревне. Женщинам даже не разрешается говорить во время такого процесса, только мужчина из их семьи имеет право действовать от их имени⁵.

Ещё одним препятствием на пути к формальному признанию правового плюрализма путём легитимации таких иностранных правовых систем является тот факт, что большая часть норм шариата принципиально несовместима практически с любой западной правовой системой. Например, институты принудительных браков, возможность применения насилия в отношении членов семьи, запрет на свободное передвижение несопровождаемых женщин и, прежде всего, преступления против чести могут быть отнесены к особо противоречащим общественному порядку. Категория преступлений чести включает в себя право побить камнями или иным образом убить женщину, потерявшую свою честь⁶.

По этим причинам следует констатировать, что любая дальнейшая интеграция этой формы правового плюрализма должна быть абсолютно исключена на том основании, что она противоречит правам человека.

Попытка решить проблему столкновения культур снизу вверх путём ассимиляции молодого поколения: в отличие от Великобритании, идущей по пути культурно-правового плюрализма, Фран-

¹ PŘIBÁŇ. Op. cit. sub 98. s. 67.

² MANEA, Elham. Women and Shari'a Law: The Impact of Legal Pluralism in the UK. London: I.B. Tauris, 2016. s. 183 an.

³ NAGARAJ, Vijay, K. (ed.). When Legal Worlds Overlap: Human Rights, State and Non-State Law. Ženeva: International Council on Human Rights Policy, 2009.

⁴ Srov. MANEA. Op. cit. sub 206. s. 183 an.

⁵ Tamtéž, s. 113–114.

⁶ GEYDAH, Yolande (ed.). Les crimes d'honneur: de l'indignation à l'action. Canada: Conseil de statut de la femme, 2013. s. 27, 66 an.

ция пытается решить проблему столкновения культур снизу, путем ассимиляции. Добиться гомогенизации общества и единой культурной идентичности. Поэтому ожидается, что приток значительного числа иммигрантов из исламских стран будет приспособливаться к местным условиям¹. Согласно этой точке зрения, отправление религиозных обрядов и т.д. должно оставаться в первую очередь частным делом, и поэтому во Франции предпринимаются попытки низвести религиозные символы до частного сектора и институционально проводить различие между гражданами и негражданами².

По сути, репрессии являются одним из возможных способов борьбы с фундаменталистской религией. Учитывая относительно строгое соблюдение правовых норм, эти усилия на первый взгляд могут показаться успешными. Тем не менее, во Франции создаются изолированные гетто, живущие по своим правилам³, совершаются нападения на религиозной почве.

По сравнению с относительно толерантной мультикультурной политикой Великобритании, французская система гораздо более агрессивна по отношению к иностранным культурам. В законодательстве это выражается в большем акценте на институтах надзора и репрессий. После серии терактов на религиозной почве французские чиновники, похоже, объявили войну фундаменталистским религиям. Об этом можно судить и по формулировкам и содержанию законопроектов.

Но у такой войны будут и свои жертвы. Борьба с проблемой мультикультурализма с помощью репрессий – это все равно, что бороться огнём с огнём. Это можно проиллюстрировать на примере проблем, связанных с сертификатами о девственности. Что касается обычаев в отношении свидетельств о девственности, которые требуются для определённых религиозных целей, то с точки зрения Центральной Европы – это, несомненно, варварская практика, нарушающая права человека и достоинство женщин. Однако, если такая практика будет запрещена, это может иметь серьёзные негативные последствия для женщин, которые не смогут их получить. В таком случае многие женщины будут подвергаться риску остракизма со стороны своей религиозной общины, насилия, телесных повреждений и смерти⁴.

Как это ни парадоксально, усилия по защите прав уязвимых людей с помощью тотальных запретов приведут к их вреду. Из-за этого многие врачи призывают сохранить действующую законодательную ситуацию, когда врач может принять решение, которое ему кажется наиболее подходящим с точки зрения медицинской этики на разовой основе.

¹ BARŠA. Op. cit. sub 104. s. 10 an.

² Tamtéž, s. 10.

³ GEMIE, Sharif. French Muslims: New Voices in Contemporary France. Cardiff: University of Wales Press, 2010. s. 109.

⁴ Association Nationale des Centres d'IVG et de Contraception. CP ANCIC du 14 septembre 2020 certificat de virginité. [online]. 14.9.2020. [cit. 2021–05–30]. Dostupné z: <http://www.avortement-ancic.net/spip.php?article1163>

Это особенно важно, когда жизнь или здоровье женщины находятся под угрозой⁵.

Заключительное слово о правовом плюрализме

Переплетение правовых систем и изменение демографического состава населения стряхивают пыль с древнего, но все ещё щекотливого вопроса о соотношении права и морали. Несмотря на то, что, учитывая необходимость поддержания правовой определённости и стабильности правопорядка, стандартной практикой является предпочтение законности перед моралью, в областях правового плюрализма, связанных с институтом общественного порядка, роли меняются местами. В этом случае, с хронологической точки зрения, мораль – это прежде всего то, что определяет законность. Разрешение судами правового плюрализма в правоприменительной практике или при доработке закона, а также разрешение законодателем правового плюрализма сталкивается с проблемой конфликта двух важных интересов.

С одной стороны, это защита собственной правовой системы, принципов и культуры, а с другой стороны, защита уязвимого человека или жертвы. Из рассмотренных выше дел следует, что данная дилемма возникает как при принятии решения судом, так и при регулировании подобных отношений непосредственно законодателем. Поскольку принятие и отрицание действия норм зарубежных правовых систем юридически допустимо, мораль компетентного органа становится ключевым элементом принятия решений. На нем лежит бремя принятия решения о том, следует ли отдавать приоритет всеобщему благу, состоящему в защите собственного правопорядка, или непосредственному благу, состоящему в защите уязвимых лиц и жертв.

В целом, исходя из проанализированной судебной практики, можно сказать, что правовой плюрализм приводит к размыванию позитивного права и снижает уровень правовой определённости. В конце концов, право и школа мысли постмодернизма – два очень противоречивых явления. Для того, чтобы государство функционировало должным образом, оно должно быть основано на законе. Тогда закон должен быть прочной, непоколебимой опорой, в которой в обществе как можно меньше сомнений. Постмодернизм идёт прямо против этого. Он требует плюрализма, текучести и неопределённости, и, по-ницшеански, он создаёт новое, разрушая предыдущее, и у закона нет другого выбора, кроме как справиться с ним как можно лучше.

Литература

1. BARŠA, Pavel. Politická teorie multikulturalismu. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 1999. Politologická řada, 4. ISBN 808595947X

⁵ DAVIES, Sophie. To ban or not to ban? France debates virginity tests. In: Reuters. [online]. 25. 11. 2020. [cit. 2021–05–30]. Dostupné z: <https://www.reuters.com/article/us-france-women-virginity-trfn-idUSKBN2852VG>

2. BERMAN, Marshall. All that is solid melts into air: the experience of modernity. New York: Viking Penguin, 1988. ISBN 9780140109627
3. BERMAN, Paul, S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. ISBN 9780521769822
4. FUKUYAMA, Francis. Velký rozvrat: lidská přirozenost a rekonstrukce společenského řádu. Přeložila FALTÝSKOVÁ, A. Praha: Academia, 2006. XXI. století. ISBN 8020014381
5. GEMIE, Sharif. French Muslims: New Voices in Contemporary France. Cardiff: University of Wales Press, 2010. ISBN 9780708322093
6. HALLAQ, Wael, B. Authority, Continuity and Change in Islamic Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. ISBN 9780521803311
7. MALENOVSKÝ, Jiří. Mezinárodní právo veřejné obecná část a poměr k jiným právním systémům. 7. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2020. Edice učebnice Právnické fakulty MU, sv. 549. ISBN 9788021095106
8. MANEA, Elham. Women and Shari'a Law: The Impact of Legal Pluralism in the UK. London: I.B. Tauris, 2016. ISBN 9781784536138
9. MOORE, Kathleen M. The Unfamiliar Abode: Islamic Law in the United States and Britain. New York, Oxford: Oxford University Press, 2010. ISBN 9780199777242. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195387810.003.0004
10. PŘIBÁŇ, Jiří, HOLLÄNDER, Pavel, BAŇOUCH, Hynek. Právo a dobro v ústavní demokracii: polemické a kritické úvahy. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2011. Sociologické aktuality. ISBN 9788074190452
11. PŘIBÁŇ, Jiří. Hranice práva a tolerance: úvahy o liberálnosti a právním státě v postmoderní situaci. Praha: Sociologické nakladatelství, 1997. Post (Sociologické nakladatelství). ISBN 8085850281
12. WELSCH, Wolfgang. Naše postmoderní moderna. Přeložili PETŘÍČEK, M., OZARČUK, I. Praha: Zvon, 1994. ISBN 8071131040.
13. AGHA, Petr. Einmal ist keinmal. Právník. 2013, 152(4), s. 329–340.
14. BECK, Anthony. Foucault and Law: the Collapse of Law's Empire. Oxford Journal of Legal Studies. 1996, 16(3), s. 489–502. ISSN: 0143–6503. doi: 10.1093/ojls/16.3.489
15. BOGUSZAK, Jiří. Právo a postmoderní situace. Právník. 2005, 144(11), s. 1201–1218.
16. DI ROBILANT, A. Genealogies of Soft Law. The American Journal of Comparative Law. 2006, Vol. 54(3), s. 499–554. ISSN: 0002–919X
17. GRIFFITHS, JOHN. What is legal pluralism? The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1986, 18 (24), s. 1–55. doi: 10.1080/07329113.1986.10756387
18. KYSELA, Jan. Věčné návraty aneb středověk neskončil. Auc luridica. 2014, 60(1), s. 7–17.
19. KYSELA, Jan. Mění se struktura právního řádu a jeho atributy, Eric Stein Working Paper. 2009, 1, s. 1–24.
20. MCGOLDRICK, Dominic. Accommodating Muslims in Europe: From Adopting Sharia Law to Religiously Based Opt Outs from Generally Applicable Laws. Human Rights Law Review. 2009, 9(4), s. 603–646. ISSN: 1461–7781. doi: 10.1093/hrlr/ngp024
21. WHITMAN, James. At the origins of law and the state: supervision of violence, mutilation of bodies, or setting of prices? Chicago-Kent Law Review. 1996, 71(1), s. 41–84. ISSN: 0009–3599
22. BARÁNY, Eduard. Kariéra právního pluralizmu. In: Pluralizmus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 312–319. ISBN 9788097014438
23. GERLOCH, Aleš. Polycentrismus v recentním právu: příčiny a důsledky. In: Pluralizmus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 12–17. ISBN 9788097014438
24. ONDŘEJEK, Pavel. Obchodní společnosti ve vojenských operacích – právní pluralismus a vyplňování právního vakuu. In: Pluralizmus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 450–462. ISBN 9788097014438
25. TEUBNER, Gunther. Fragmented foundations. Societal Constitutionalism beyond the Nation State. In: The Twilight of constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, New York, 2010, s. 327–341. ISBN 9780199585007
26. BELBEY, Salim. L'ordre public en droit international privé du mariage: comparaison entre pays européens et pays musulmans. In: Village de la justice. [Online]. 22. 5. 2019. [cit. 2021–05–25]. Dostupné z: <https://www.village-justice.com/articles/ordre-public-droit-international-prive-mariage-comparaison-entre-pays-europeens,31559.html>
27. DAVIES, Sophie. To ban or not to ban? France debates virginity tests. In: Reuters. [online]. 25. 11. 2020. [cit. 2021–05–30]. Dostupné z: <https://www.reuters.com/article/us-france-women-virginity-trfn-idUSKBN2852VG>
28. EHRlich, Eugen. Fundamental Principles of the Sociology of Law. [online]. Přeložil WALTER, L., M. New York: Routledge, 2001. [cit. 2021–08–06]. ISBN 9780203791127. doi: dx.doi.org/10.4324/9780203791127
29. GEYDAH, Yolande (ed.). Les crimes d'honneur: de l'indignation à l'action. Canada: Conseil de statut de la femme, 2013. ISBN 9782550690962. Dostupné z: <https://www.csf.gouv.qc.ca/wp-content/uploads/avis-les-crimes-dhonneur-de-lindignation-a-laction.pdf>
30. NAGARAJ, Vijay, K. (ed.). When Legal Worlds Overlap: Human Rights, State and Non-State Law. Ženeva: International Council on Human Rights Policy, 2009. ISBN 2940259488. Dostupné

z: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/83ACC3DA540BBA5349257817000E-7DCB-Full_Report.pdf

32. SIDDIQUI, Mona, HUTCHINSON, Anne-Marie, MOMTAZ, Sam, HEDLEY, Mark, ASIM, Qari M.,
33. RAZAWI Abbas I., S., A. The independent review into the application of sharia law in England and Wales. [online]. Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty. 2018. ISBN 9781528601788. [cit. 2021–30–4]. Dostupné z: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/678478/6.4152_HO_CPFQ_Report_into_Sharia_Law_in_the_UK_WEB.pdf

ON THE ISSUE OF LEGAL PLURALISM IN MODERN EUROPE

Romanova N.V., Elkina O.S.
RANEPА

Fluidity, impermanence, variability, and multiplicity. These are all terms that are changing due to attempts to diagnose today's time and society. In addition, they are also fundamental elements of the postmodern thinking that took shape in France in the 1970s in response to the collapse of the great systems, the loss of legitimacy of the world's superpowers, and the decline of political ideologies. Postmodern thinking feeds on this fluidity and chaos and positions itself as the antithesis of all universalist concepts.

Some specific legal systems may be perceived through the prism of familiar law, European law through international law, online dispute resolution as out-of-court dispute resolution, but the pursuit of a better point of view and greater understanding will soon force society to abandon predetermined presuppositions and boundaries. These ideas have led to the concept of legal pluralism and to reflection on what constitutes this concept.

Relations within and between different legal systems, relations of national, international and European law have been and are being discussed by lawyers from different countries. There are precedents where the state takes a back seat, either as a judge or as a legislator, in favor of dispute resolution. Whether it is the resolution of investment disputes in international arbitration, disputes in the field of private international law, or national law involving a foreign element. The focus is on the effect of pluralism as a key element of all post-modern thinking.

Due to the complexity of resolving these issues not only by the courts, but also by public authorities in general, there is a need to assess the effectiveness of some of the strategies used by European states to overcome the consequences of legal pluralism, the clash of cultures and the migration crisis.

Keywords: postmodernism; postmodern thinking; political ideology; pluralism in the law; judiciary; legitimacy.

References

1. BARŠA, Pavel. Politická teorie multikulturalismu. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 1999. Politologická řada, 4. ISBN 808595947X
2. BERMAN, Marshall. All that is solid melts into air: the experience of modernity. New York: Viking Penguin, 1988. ISBN 9780140109627
3. BERMAN, Paul, S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. ISBN 9780521769822
4. FUKUYAMA, Francis. Velký rozvrat: lidská přirozenost a rekonstrukce společenského řádu. Přeložila FALTÝSKOVÁ, A. Praha: Academia, 2006. XXI. století. ISBN 8020014381
5. GEMIE, Sharif. French Muslims: New Voices in Contemporary France. Cardiff: University of Wales Press, 2010. ISBN 9780708322093
6. HALLAQ, Wael, B. Authority, Continuity and Change in Islamic Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. ISBN 9780521803311

7. MALENOVSKÝ, Jiří. Mezinárodní právo veřejné obecná část a poměr k jiným právním systémům. 7. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2020. Edice učebnice Právnické fakulty MU, sv. 549. ISBN 9788021095106
8. MANEA, Elham. Women and Shari'a Law: The Impact of Legal Pluralism in the UK. London: I.B. Tauris, 2016. ISBN 9781784536138
9. MOORE, Kathleen M. The Unfamiliar Abode: Islamic Law in the United States and Britain. New York, Oxford: Oxford University Press, 2010. ISBN 9780199777242. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195387810.003.0004
10. PŘIBÁŇ, Jiří, HOLLÄNDER, Pavel, BAŇOUCH, Hynek. Právo a dobro v ústavní demokracii: polemické a kritické úvahy. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2011. Sociologické aktualita. ISBN 9788074190452
11. PŘIBÁŇ, Jiří. Hranice práva a tolerance: úvahy o liberálnosti a právním státě v postmoderní situaci. Praha: Sociologické nakladatelství, 1997. Post (Sociologické nakladatelství). ISBN 8085850281
12. WELSCH, Wolfgang. Naše postmoderní moderna. Přeložili PETŘÍČEK, M., OZARČUK, I. Praha: Zvon, 1994. ISBN 8071131040.
13. AGHA, Petr. Einmal ist keinmal. Právník. 2013, 152(4), s. 329–340.
14. BECK, Anthony. Foucault and Law: the Collapse of Law's Empire. Oxford Journal of Legal Studies. 1996, 16(3), s. 489–502. ISSN: 0143–6503. doi: 10.1093/ojls/16.3.489
15. BOGUSZAK, Jiří. Právo a postmoderní situace. Právník. 2005, 144(11), s. 1201–1218.
16. DI ROBILANT, A. Genealogies of Soft Law. The American Journal of Comparative Law. 2006, Vol. 54(3), s. 499–554. ISSN: 0002–919X
17. GRIFFITHS, JOHN. What is legal pluralism? The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1986, 18 (24), s. 1–55. doi: 10.1080/07329113.1986.10756387
18. KYSELA, Jan. Věčné návraty aneb středověk neskončil. Auc luridica. 2014, 60(1), s. 7–17.
19. KYSELA, Jan. Mění se struktura právního řádu a jeho atributy, Eric Stein Working Paper. 2009, 1, s. 1–24.
20. MCGOLDRICK, Dominic. Accommodating Muslims in Europe: From Adopting Sharia Law to Religiously Based Opt Outs from Generally Applicable Laws. Human Rights Law Review. 2009, 9(4), s. 603–646. ISSN: 1461–7781. doi: 10.1093/hrlr/ngp024
21. WHITMAN, James. At the origins of law and the state: supervision of violence, mutilation of bodies, or setting of prices? Chicago-Kent Law Review. 1996, 71(1), s. 41–84. ISSN: 0009–3599
22. BARÁNY, Eduard. Kariéra právního pluralizmu. In: Pluralizmus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 312–319. ISBN 9788097014438
23. GERLOCH, Aleš. Polycentrismus v recentním právu: příčiny a důsledky. In: Pluralizmus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 12–17. ISBN 9788097014438
24. ONDŘEJEK, Pavel. Obchodní společnosti ve vojenských operacích – právní pluralismus a vyplňování právního vaku. In: Pluralizmus moci a práva: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej v dňoch 2.-27. marca 2009 v Tatranskej Štrbe. Bratislava: Ústav štátu a práva SAV, 2009, s. 450–462. ISBN 9788097014438
25. TEUBNER, Gunther. Fragmented foundations. Societal Constitutionalism beyond the Nation State. In: The Twilight of constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, New York, 2010, s. 327–341. ISBN 9780199585007
26. BELBEY, Salim. L'ordre public en droit international privé du mariage: comparaison entre pays européens et pays musulmans. In: Village de la justice. [Online]. 22. 5. 2019. [cit. 2021–05–25]. Dostupné z: <https://www.village-justice.com/articles/ordre-public-droit-international-privé-mariage-comparaison-entre-pays-europeens,31559.html>
28. DAVIES, Sophie. To ban or not to ban? France debates virginity tests. In: Reuters. [online]. 25. 11. 2020. [cit. 2021–05–30]. Dostupné z: <https://www.reuters.com/article/us-france-women-virginity-trfn-idUSKBN2852VG>

29. EHRlich, Eugen. *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. [online]. Přeložil WALTER, L., M. New York: Routledge, 2001. [cit. 2021–08–06]. ISBN 9780203791127. doi: dx.doi.org/10.4324/9780203791127
30. GEYDAH, Yolande (ed.). *Les crimes d'honneur: de l'indignation à l'action*. Canada: Conseil de statut de la femme, 2013. ISBN 9782550690962. Dostupné z: <https://www.csf.gouv.qc.ca/wp-content/uploads/avis-les-crimes-dhonneur-de-lindignation-a-laction.pdf>
31. NAGARAJ, Vijay, K. (ed.). *When Legal Worlds Overlap: Human Rights, State and Non-State Law*. Ženeva: International Council on Human Rights Policy, 2009. ISBN 2940259488. Dostupné z: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/83AC-C3DA540BBA5349257817000E7DCB-Full_Report.pdf
32. SIDDIQUI, Mona, HUTCHINSON, Anne-Marie, MOMTAZ, Sam, HEDLEY, Mark, ASIM, Qari M.,
33. RAZAWI Abbas I., S., A. *The independent review into the application of sharia law in England and Wales*. [online]. Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty. 2018. ISBN 9781528601788. [cit. 2021–30–4]. Dostupné z: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/678478/6.4152_HO_CPF_G_Report_into_Sharia_Law_in_the_UK_WEB.pdf

Международные юридические лица и мягкое право как юридические механизмы реализации трансграничных инвестиционных проектов стран БРИКС

Седова Жанна Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия
E-mail: Zhanna.sedova@EL5-energo.ru

Реализация трансграничных инвестиционных проектов стран БРИКС зависит от наличия юридических механизмов, которые бы среди прочего нивелировали воздействие односторонних мер ограничительного характера (санкций). Предлагается рассмотреть два юридических механизма: (1) создание международных юридических лиц странами БРИКС (сфера регулирования международного публичного права) и (2) разработка кодифицированного акта мягких норм права БРИКС в области внешнеторгового оборота (*lex mercatoria*). Поскольку создание международного юридического лица для целей реализации проекта осуществляется посредством заключения международного договора между странами, то в статье излагаются основные характеристики правового статуса такого лица, которые должны быть закреплены в международном договоре о его создании. Заключение международного договора требуется для создания двух видов международных юридических лиц: обладающего государственной принадлежностью и не обладающего таковой. Международным договором может быть предусмотрена исключительная арбитрабельность инвестиционных споров с такими международными юридическими лицами в международном инвестиционном арбитражном центре БРИКС в случае учреждения последнего. Мягкое право БРИКС необходимо начать разрабатывать для формирования основ общего единого правового пространства, подходящего мультикультурному обществу этих стран с учетом всех культурных, религиозных обычаев и традиций. Появление мягких (рекомендательных) норм предшествует становлению твердых (обязательных) норм права.

Ключевые слова: международное юридическое лицо, мягкое право, трансграничный инвестиционный проект, односторонние меры ограничительного характера (санкции), БРИКС.

Введение

Страны БРИКС заинтересованы в развитии экономического сотрудничества и реализации трансграничных инновационных инвестиционных проектов, для чего требуется не менее инновационное правовое оформление их взаимоотношений в современных геополитических условиях. В процессе складывающихся новых перспективных торговых отношений страны БРИКС оказываются перед необходимостью создания наднационального правового регулирования, которое было бы основано на равенстве юрисдикций, прав и гарантий участников трансграничных (международных и внешнеэкономических) отношений.

В целях правовой поддержки ведения странами БРИКС совместной экономической деятельности требуется создание особого юридического инструментария, признаваемого всеми национальными правовыми системами этих стран.

К такому прогрессивному инструментарию можно отнести:

1) правовые режимы международных юридических лиц (далее – «МЮЛ»):

а) созданных при наличии международного договора и обладающих национальностью (государственной принадлежностью) или

б) созданных международным договором и не обладающих национальностью (государственной принадлежностью) [3];

2) разработка мягких норм международного частного права в сфере регулирования международной торговли и внешнеэкономического оборота, учитывающих исторические, культурные и религиозные особенности стран БРИКС.

Два вида международных юридических лиц и их характеристики

Страны БРИКС для целей реализации своих трансграничных инвестиционных проектов могли бы под каждый из проектов создавать международное юридическое лицо посредством заключения между собой международного договора о создании соответствующего вида МЮЛ.

1. МЮЛ, созданные при наличии международного договора и обладающие национальностью, характеризуются тем, что страны для целей реализации трансграничных проектов, в финансировании которых предполагается участие нескольких государств и после реализации которых будет в дальнейшем присутствовать экономический ин-

терес участвующих в проекте стран, заключают между собой международный договор, направленный на создание МЮЛ.

Такой международный договор заключается между странами, учреждающими МЮЛ с указанием страны его инкорпорации, то есть страны, по праву которой будет зарегистрировано такое юридическое лицо. Например, в международном договоре указывается, что МЮЛ будет создано в форме акционерного общества по праву одной из стран БРИКС. При этом международным договором определяются: цель создания (вид деятельности, для реализации какого трансграничного проекта создается МЮЛ); количество стран-учредителей; период деятельности МЮЛ; государство инкорпорации (места учреждения, регистрации устава) МЮЛ; его национальная организационно-правовая форма; размер и валюта уставного капитала; льготы и привилегии, предоставляемые для МЮЛ страной инкорпорации, включая налоговые преференции, – а национальным законодательством страны инкорпорации МЮЛ регулируются корпоративные вопросы, не затронутые международным договором о его создании.

Возможно включить в международный договор положение о наделении такого МЮЛ правоспособностью в соответствии с правопорядком каждого из государств, то есть каждое государство признает МЮЛ своим национальным юридическим лицом для того, чтобы не возникало вопросов ни в одном из участвующих государств с признанием правосубъектности и объема правоспособности этого юридического лица. Примером в международной практике являлось создание Центральноафриканской энергетической корпорации по международному договору между Замбией и Родезией, согласно которому данная корпорация признавалась национальным юридическим лицом как по праву Замбии, так и по праву Родезии (то есть в Замбии это замбийское юридическое лицо, а в Родезии оно же признавалось родезийским юридическим лицом – по сути, имеет две национальности).

2. Статус МЮЛ, созданного международным договором и не обладающего национальностью (государственной принадлежностью), является самым неординарным правовым режимом. Примером такого МЮЛ является Предприятие, созданное по Конвенции по морскому праву 1982 года (далее – «Конвенция»). Устав Предприятия является Приложением IV к Конвенции. Создание данного вида МЮЛ возможно только для исключительных целей, и, согласно примеру Предприятия, цель должна быть в интересах всего человечества или его существенной части.

Для таких международных юридических лиц БРИКС можно придумать новые названия унифицированных организационно-правовых форм. Например, как это сделано в Конвенции по морскому праву 1982 года, в которой международное юридическое лицо носит простое название «Предприятие» без указания на какую-либо известную национальному праву организационно-правовую

форму юридического лица. Само название «Предприятие» можно рассматривать, с экономической точки зрения, в качестве обозначения **унифицированной правовой формы организации**, а унификация может породить новые неизвестные внутригосударственному праву институты [2, с. 105]. Организационно-правовая форма юридического лица – это то, что допускает «самые разнообразные внутренние отношения между членами» [1, с. 146], – благодаря которой фигура юридического лица пригодна для самых разнообразных соединений.

Особенностями правового статуса данного вида МЮЛ являются следующие:

1) отсутствие у МЮЛ традиционной организационно-правовой формы (в ее национальном понимании);

2) к МЮЛ нельзя как к национальному юридическому лицу применить понятие общей правоспособности, поскольку объем его правоспособности должен быть ограничен возможностью заключать контракты только с квалифицированными субъектами (то есть с теми лицами, за которые поручилось государство);

3) на МЮЛ можно международным договором распространить режим наибольшего благоприятствования (далее – «РНБ») без принципа взаимности. РНБ без принципа взаимности позволяет распространить на МЮЛ привилегии и преференции, которые предоставляются государствами-участниками данного международного договора для любых других юридических лиц, но при этом привилегии и льготы, которые получает от государств само МЮЛ, не распространяются на другие юридические лица. Режим наибольшего благоприятствования действует в одностороннем порядке, то есть содержит в себе изъятие из общего правила, заключающееся в отсутствии взаимности. В этом заключается особое положение данного вида МЮЛ;

4) МЮЛ имеет возможность осуществлять коммерческую деятельность на территории всех государств-участников;

5) цель деятельности МЮЛ может быть определена в международном договоре о его создании как «реализация трансграничного инвестиционного проекта» или еще более широко как «коммерческая деятельность на территории стран БРИКС» и «получение дохода» по примеру Предприятия;

6) наличие возможности получения МЮЛ освобождения от прямого и косвенного налогообложения (такое положение следует включить в международный договор о создании МЮЛ);

7) МЮЛ является субъектом международного публичного права, а, следовательно, к нему невозможно применить односторонние меры ограничительного характера (далее – «санкции»), которые вводятся государствами против национальных физических и юридических лиц, так как санкции относятся к национальному праву конкретных государств и по своей юридической природе не могут применяться к субъектам международного публич-

ного права. Создание странами БРИКС для реализации трансграничных инвестиционных проектов данного вида МЮЛ, лишённого правовой связи с каким-либо государством, автоматически отнесло бы такую организацию к исключительной юрисдикции международного права [4, с. 100–106];

8) наличие у МЮЛ абсолютных иммунитетов и привилегий, где их абсолютный характер означает, что: (а) заключение этим МЮЛ внешнеэкономических контактов автоматически не прекращает действие иммунитетов и (б) от этих иммунитетов нельзя отказаться, – (абсолютный характер иммунитетов и привилегий так же закрепляется в международном договоре о создании МЮЛ);

9) международным договором о создании МЮЛ может быть предусмотрена исключительная арбитрабельность инвестиционных споров с МЮЛ в международном инвестиционном арбитражном центре БРИКС в случае учреждения последнего.

Таким образом, специфика правового статуса данного вида МЮЛ характеризуется наднациональностью в силу следующих факторов: (а) способ создания; (б) унифицированной формы; (в) отсутствия какой-либо государственной принадлежности; (г) исключительной арбитрабельности; (д) автономного существования, заключающегося в особой правовой природе (наличии абсолютных иммунитетов в коммерческих правоотношениях в том числе) и целях создания – для реализации функций юридического лица в международных экономических отношениях при реализации инвестиционного проекта в интересах населения стран БРИКС (45% населения Земного шара с учетом новых стран или 3,6 миллиарда человек [5]) и для развития экономического потенциала стран БРИКС.

Мягкое право БРИКС

Межгосударственное объединение БРИКС кроме положительного экономического эффекта от совместного увеличения темпов роста экономик нацелено на поддержание взаимовыгодного диалога, что достигается изучением культур и традиций друг друга, поиском признаваемых всеми странами объединения правовых основ и принципов. Развитие честных деловых практик во внешней торговле – одна из задач сохранения межгосударственного объединения, для чего необходимо работать над созданием мягких норм международного частного права в сфере регулирования международной торговли и внешнеэкономического оборота, учитывающих исторические, культурные и религиозные особенности стран БРИКС, а также общие правовые регуляторы, присущие всем правовым порядкам стран БРИКС.

Основой любой интеграции является приверженность принципам справедливости и добросовестности как в межгосударственных, так и в частных внешнеэкономических отношениях. Отрицание недобросовестного поведения присуще правовым системам всех стран и характеризуется появ-

лением мягких (рекомендательных) писанных норм права, предшествующих становлению твердых (обязательных) норм права. Мягкое право – это рекомендательные нормы международного права, не обладающие обязательной юридической силой, но свидетельствующие о том, что правило поведения уже сложилось. Мягкие нормы как источник международного частного права, как часть *lex mercatoria*, включают в себя подразумеваемые обязательства участников внешнеэкономической сделки, вытекающие из добросовестности и честной деловой практики, а также общие ориентиры для развития национального права.

Примерами мягких норм международного частного права являются: Модельные правила европейского частного права (Draft Common Frame of Reference (DCFR) 2009), Принципы европейского договорного права 2002 г., Принципы УНИДРУА 2016 г., Онлайн система принципов и правил «Принципы Translex» (Translex-Principles), Модельный гражданский кодекс для государств-участников СНГ (часть первая) 1994 г.

Выводы

Правовой статус международного юридического лица нивелирует санкционные риски при осуществлении им коммерческой деятельности в целях трансграничных инвестиционных проектов стран БРИКС.

При подготовке документа об учреждении международного инвестиционного арбитражного центра БРИКС необходимо включить в субъектный состав лиц, имеющих право обращаться с заявлением о рассмотрении инвестиционных споров, международные юридические лица, дав им следующее обобщающее определение: *«международное юридическое лицо – это организация, получившая свою юридическую личность на основании международного договора и обладающее или не обладающее государственной принадлежностью (национальностью), осуществляющее коммерческую деятельность на территории стран БРИКС, обладающая обособленным имуществом для целей несения ответственности по своим обязательствам».*

Совместная работа стран БРИКС над созданием кодифицированного акта мягких норм международного частного права в сфере регулирования коммерческой деятельности помогла бы сравнению правовых порядков, сближению правовых доктрин, институтов, режимов и познанию особенностей регулирования внешнеторгового оборота друг с другом.

Литература

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
2. Седова Ж.И. Правовые основы общего энергетического рынка: Учебное пособие. – М.: РГУП, 2019. – 151 с.
3. Седова Ж.И. Унифицированная правовая форма международного юридического лица. Тен-

денции развития международных экономических отношений. – Пермь: изд-во Пермского университета, 2003. – 244 с.

4. Седова А.Д. Концепция международного юридического лица, как способ реализации международных энергетических проектов // Международная научная конференция «Актуальные проблемы международных отношений и международного права» 2021. Сборник статей / Под ред. Кашириной Т.В., Агуреева С.А., Воробьева С.В., – Дипломатическая академия МИД России, 178 с., С. 100–106.
5. 45% населения планеты Земля. БРИКС расширяется сразу на шесть новых стран // Сайт: Аргументы и факты – aif.ru. 24.08.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZOc-48EJnSD4keZJ> (дата обращения: 29.05.2024).

INTERNATIONAL LEGAL ENTITIES AND SOFT LAW AS LEGAL MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF CROSS-BORDER INVESTMENT PROJECTS OF BRICS COUNTRIES

Sedova Zh.I.

Russian State University of Justice

The implementation of cross-border investment projects of the BRICS countries depends on the existence of legal mechanisms that would, among other things, offset the impact of unilateral restrictive measures (sanctions). It is proposed to consider two legal mechanisms: (1) the creation of international legal entities by the BRICS countries (the sphere of regulation of public international law) and (2) the development of a codified act of soft norms of BRICS law in the field of foreign trade turnover (lex mercatoria). Since the creation

of an international legal entity for the purposes of project implementation is carried out through the conclusion of an international treaty between countries, the article outlines the main characteristics of the legal status of such an entity, which should be set forth in the international treaty on its creation. The conclusion of an international treaty is required for the creation of two types of international legal entities: one having State ownership and the other not having such ownership. The international treaty may provide for the exclusive arbitrability of investment disputes with such international legal entities before the BRICS International Investment Arbitration Center, if the latter is established. The soft law of the BRICS should be developed to form the basis of a common unified legal space suitable for the multicultural societies of these countries, taking into account all cultural, religious customs and traditions. The emergence of soft (recommendatory) norms precedes the emergence of hard (mandatory) norms of law.

Keywords: international legal entity, soft law, cross-border investment project, unilateral restrictive measures (sanctions), BRICS.

References

1. Pokrovsky I.A. Basic problems of civil law. M., 1998. (In Russ.)
2. Sedova Zh.I. Legal foundations of the common energy market: Study guide. – M.: RGUP, 2019. – 151 p. (In Russ.)
3. Sedova Zh.I. Unified legal form of an international legal entity. Trends in the development of international economic relations. – Perm: ed. of Perm University, 2003. – 244 p. (In Russ.)
4. Sedova A.D. The concept of international legal entity as a way to implement international energy projects // International Scientific Conference “Actual problems of international relations and international law” 2021. Collection of articles / Edited by Kashirina T.V., Agureev S.A., Vorobyov S.V., – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 178 p., P. 100–106. (In Russ.)
5. 45% of the population of the planet Earth. BRICS expands immediately by six new countries // Site: Argumenty i Fakty – aif.ru. 24.08.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZOc-48EJnSD4keZJ> (date of access: 29.05.2024). (In Russ.)

Законодательное регулирование электронной торговли на маркетплейсах в странах ЕАЭС в системе международного права

Яськов Артём Андреевич,

аспирант Славяно-Греко-Латинской академии
E-mail: yaskov.artem@outlook.com

В статье обозначены особенности правового анализа источников международного права электронной торговли на маркетплейсах, обоснована их авторская классификация по предметному признаку на регулирующие электронную торговлю в целом, электронные документы и электронные подписи, а также по субъектно-территориальной области действия на международные, региональные и национальные. Автором произведена систематизация международных и национальных источников права государств-членов ЕАЭС, регулирующих электронную торговлю. Приоритетную роль в системе глобальных источников международного права в сфере е-ком выполняют типовые законы ЮНСИТРАЛ, носящие декларативный, рекомендательный, модельный и унифицированный характер. Нормативные документы МПА ЕврАзЭС и СНГ, относящиеся к региональным источникам международного права е-торговли, способствуют гармонизации национального права стран ЕАЭС, которое к настоящему моменту является фрагментированным, развивается несинхронно и имеет потенциал к дальнейшему совершенствованию.

Ключевые слова: ЮНСИТРАЛ, ЕАЭС, ЕврАзЭС, электронная торговля, типовой закон, электронный документ, электронная подпись, маркетплейс.

Исследование особенностей законодательного регулирования электронной торговли (е-торговли) через интернет-площадки, объединяющие на своих платформах продавцов и покупателей разнообразных товаров и услуг, обусловлено продолжающимся ростом объема розничных продаж в этой сфере потребительского рынка по всему миру. За 2023 год глобальные продажи на рынке е-торговли составили 5,8 триллионов долларов США с прогнозом роста до уровня 39% к 2027 году, что в итоге превысит порог в 8 триллионов долларов США [25]. Сектор электронной коммерции (е-ком) активно развивается и в странах ЕАЭС, где темпы его роста превышают общемировые, достигая 30% в России и Казахстане по итогам 2022 года [18]. При этом доля продаж е-ком в общем объеме розничной торговли в среднем по странам ЕАЭС составила 7,8% за этот же период [17].

Основными драйверами роста рынка е-торговли в регионе являются маркетплейсы. Так, российские потребители увеличили свои расходы 2023 году через онлайн-платформы в 1,5 раза в сравнении с прошлым годом [12], а доля маркетплейсов в составе е-ком продаж Казахстана в 2022 году составила 89% [10]. Ключевые игроки рынка маркетплейсов Ozon и Wildberries, имея совокупную долю в размере 81% от всех онлайн-заказов в России в сентябре 2023 года [14, с. 5], демонстрируют трехзначный рост на рынках Беларуси и Кыргызстана [15], [22].

Первостепенная роль маркетплейсов в развитии международной е-торговли, в том числе в рамках ЕАЭС, определяет растущую актуальность проблем законодательного регулирования правового режима данных торговых площадок, не всегда успевающего адаптироваться под темпы роста цифровой торговли. Изучение особенностей национальных правовых режимов права маркетплейсов в странах-участницах ЕАЭС способствует выявлению потенциала к гармонизации законодательства в рамках Союза для стимулирования последующего экономического роста сектора е-ком.

Анализ особенностей правового регулирования е-торговли на маркетплейсах в международном праве выявляет отсутствие общепризнанного подхода как к самому термину «маркетплейс», так и к принципам правового регулирования их деятельности. Проблемы гармонизации национальных законодательств данной отрасли в странах-участницах ЕАЭС отражены в различных исследованиях [13, 16, 20]

Цель данной работы состоит в проведении сравнительного анализа законодательства Евр-

зийского экономического союза, национальных законодательств стран-участниц ЕАЭС и международных источников права в области регулирования электронной торговли на маркетплейсах для выявления приоритетных направлений развития региональных и национальных правовых режимов в сфере е-ком.

Правовой основой регулирования деятельности маркетплейсов, представляющих собой неотъемлемую часть электронной коммерции, являются нормативные акты, регламентирующие работу сферы е-ком в целом. Как в международном праве, так и в ряде национальных правовых систем до настоящего момента не сложилось единообразного подхода к определению маркетплейса и его базовых признаков, что указано в ряде зарубежных [23, 24] и российских исследований [11, 19, 21]. Дефиниция маркетплейса в различных нормативных документах может отождествляться с такими понятиями как «владелец агрегатора», «цифровой посредник», «оператор цифровой платформы» и др. [21].

Отталкиваясь от ряда определений маркетплейсов, к их ключевым признакам можно отнести [24]:

- наличие цифровой платформы (веб-сайта или приложения), на которой осуществляется е-торговля товарами и услугами;
- участие трех сторон в процессе е-торговли: владелец платформы, продавец, покупатель
- использование информационных технологий и персональных данных в процессе совершения электронных розничных торговых сделок;

Исходя из указанных признаков, определяются ключевые предметы регулирования деятельности маркетплейсов:

- е-торговля в целом, в рамках которой формируются правоотношения между всеми участниками торгового процесса;
- защита прав потребителей как важнейший аспект любой торговой деятельности;
- защита персональных данных физических лиц – участников е-торговли на маркетплейсах.

В рамках данного исследования предлагается сфокусироваться на анализе предметов регулирования е-торговли, носящих общий характер: сделка купли-продажи товаров и услуг посредством сети интернет, правоотношения между участниками торгового процесса, формат электронной торговли, электронный документ (е-документ) электронная подпись (ЭП, ЭЦП) и способы идентификации сторон в сфере е-ком.

Поставленные в ходе данной работы цели позволяют произвести классификацию источников права маркетплейсов по субъектно-территориальной области действия на международные, региональные и национальные [21]. В контексте проведения анализа особенностей законодательного регулирования е-торговли на платформах агрегаторов в странах ЕАЭС с позиции региональных источников права рассмотрены нормативные документы, принятые международными межправительственными организациями ЕАЭС и СНГ. К национальным источникам права предлагается отнести действующие нормативные акты, принятые в странах ЕАЭС: РФ, Кыргызской Республике, Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан.

Таблица 1. Систематизация источников права электронной торговли на маркетплейсах для стран ЕАЭС

Территориальность источников права	Регулирование электронной торговли в целом	Регулирование электронных документов	Регулирование электронных подписей и идентификации участников
Международные	Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле»	1. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных передаваемых записях» 2. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах	1. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях» 2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг»
Региональные	1. Модельный закон государств – участников СНГ «Об электронной торговле» 2. Типовой проект законодательного акта МПА ЕврАзЭС «Основные принципы электронной торговли» 3. Рекомендации МПА ЕврАзЭС по законодательному обеспечению развития электронной торговли в государствах – членах Евразийского экономического сообщества 4. Рекомендации МПА ЕврАзЭС «Электронная торговля»	Типовой проект законодательного акта МПА ЕврАзЭС «Об электронном документе» от 25.03.02 № 2–19	
Российская федерация	1. Гражданский кодекс Российской Федерации 2. ФЗ от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» 3. ПП РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи...»	ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»	ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»

Территориальность источников права	Регулирование электронной торговли в целом	Регулирование электронных документов	Регулирование электронных подписей и идентификации участников
Кыргызская Респ.	1. Гражданский кодекс Кыргызской Респ. 2. Закон Кыргыз. Респ. «Об электронной торговле» от 22.12.2021 г. № 154 3. ПП Кыргыз. Респ. от 30.09.2014 года № 560 «Об упорядочении торговой деятельности на территории Кыргызской Республики»		Закон Кыргыз. Респ. от 19 июля 2017 г. № 154 «Об электронной подписи»
Респ. Армения	1. Гражданский кодекс Респ. Армения 2. Закон Респ. Армения от 21.04.2004 № ЗР-134 «О торговле и услугах»	Закон Респ. Армения от 15.01.2005 г. № ЗР-40 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»	
Респ. Беларусь	1. Гражданский кодекс Респ. Беларусь 2. Закон Респ. Беларусь от 08.01.2014 № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания» 3. Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15.01.2009 г. № 31 «Об утверждении Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли»	Закон Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»	
Респ. Казахстан	1. Гражданский кодекс Респ. Казахстан 2. Закон Респ. Казахстан от 12.04.2004 г. № 544-П «О регулировании торговой деятельности» 3. Приказ и.о. Министра национальной экономики Респ. Казахстан от 27.03.2015 года № 264 «Об утверждении Правил внутренней торговли»	Закон Респ. Казахстан от 7.01.2003 г. № 370-И «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»	

Источник: разработано автором

Таким образом, с учетом территориальности и предмета регулирования предлагается систематизировать основные источники права, регулирующие общие аспекты е-торговли на маркетплейсах в рамках стран-участниц ЕАЭС (Таблица 1).

Анализ источников международного права, как глобальных, так и региональных, регулирующих е-торговлю в целом, позволяет отметить их рекомендательный характер, вытекающий из формата данных нормативных документов: типовых и модельных законов. Их основной задачей является закрепление общепринятых стандартов и норм в области е-ком для последующей имплементации в национальные законодательства с целью унификации правовых режимов и создания правового фундамента для последующего роста объемов торговли в сети Интернет. К базовым источникам международного права в этом контексте следует отнести четыре типовых закона Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНИСТРАЛ): «Об электронной торговле» 1996 г (далее ТЗЭТ), «Об электронных подписях» 2001 г (далее ТЗЭП), «Об электронных передаваемых записях» 2017 г (далее ТЗЭПЗ), «Об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг» 2022 г (далее ТЗИУ).

ТЗЭТ ЮНИСТРАЛ, являясь ключевым сводом международно-признанных норм для формирования правовой базы в сфере е-ком, вводит понятия «сообщение данных» и «электронный обмен данными» (Electronic Data Interchange, EDI), не раскрывая при этом понятия «электронная торговля»

[26], с целью более широкого охвата видов использования EDI. Документ также закрепляет общие принципы регулирования е-торговли, а именно: недискриминации (неправомерности лишения электронных документов юридической силы на основании самой формы документа), технологической нейтральности (отсутствие привязки к конкретным технологиям для большей универсальности содержащихся в законе норм) и функциональной эквивалентности (приравнивание электронного сообщения к сообщениям в бумажной форме).

Принятый в 2001 году ТЗЭП направлен уже на помощь национальным законодателям с гармонизацией правовых норм, регулирующих более узкий предмет – электронные подписи. Документ содержит параметры технической надежности, обеспечивающие эквивалентность электронных и собственноручных подписей, решает проблему неопределенности правовых последствий использования электронных средств идентификации, развивая при этом принцип технологической нейтральности, закрепленный в рассмотренном выше ТЗЭТ. Регулирование ЭП имеет важное значение для функционирования маркетплейсов в связи с широким спектром их применения в процессе торговли: регистрация деклараций соответствия, подписание партнерского договора между продавцом и торговой платформой, использование системы электронного документооборота и пр.

Дальнейшая эволюция международного права е-торговли в рамках деятельности ЮНИСТРАЛ происходит с разработкой и принятием типовых законов ТЗЭПЗ и ТЗИУ. Первый документ регламен-

тирует применение цифровых технологий в виде реестров, токенов, распределенных бухгалтерских книг, способствуя развитию правовой базы для безбумажной торговли с использованием электронных оборотных документов, в том числе при совершении трансграничных сделок. Таким образом, основным предметом его регулирования выступают е-документы. ТЗИУ уже относится к современному этапу развития нормативной базы ЮНИСТРАЛ. Указанный закон регулирует использование личных данных для онлайн-идентификации физических и юридических лиц и доверительных услуг, гарантирующих подлинность электронных данных. ТЗИУ представляет собой первый глобальный законодательный акт такого рода, реализующий правовую базу для глобальной е-торговли [29].

Еще одним значимым источником международного права е-ком является Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах от 2005 г, которую из стран ЕАЭС подписала и ратифицировала только РФ. Указанный документ направлен на решение проблемы подтверждения подлинности электронных данных и их удостоверения электронной подписью.

Таким образом, в сфере регулирования основополагающих аспектов электронной коммерции, ключевые нормативные документы декларативного, рекомендательного, модельного и унифицированного характера были созданы в рамках ЮНИСТРАЛ, которые впоследствии были имплементированы в том или ином виде в правовые базы региональных межгосударственных организаций и национальные законодательства.

Среди региональных источников международного права, регулирующего е-ком в целом, следует выделить модельный закон государств-участников СНГ «Об электронной торговле» от 2008 г. В отличие от соответствующего типового закона ЮНИСТРАЛ, данный документ закрепляет определения базовых терминов сферы е-торговли: непосредственно понятие электронной торговли, как торговли, осуществляемой с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети и электронных процедур. Также в указанном нормативном акте содержатся понятия электронной сделки, электронного договора, информационного посредника (к которому можно отнести в том числе маркетплейсы) и другие определения, используемые для регулирования торговой деятельности в интернете [13].

К наиболее релевантным региональным источникам международного права в е-ком среде для стран ЕАЭС следует отнести результаты нормотворческой деятельности Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), правопреемником которого является ЕАЭС. В целях совершенствования законодательного регулирования электронной торговли и создания правовой базы для её развития между странами ЕврАзЭС, в том числе общего порядка трансграничного электронного документооборота и построения информационных систем, Межпарламентской ассамблеей ЕврАзЭС

были приняты следующие нормативные акты: Типовой проект законодательного акта «Основные принципы электронной торговли» 2004 г (далее ТПОПЭТ) и Типовой проект «Об электронном документе» 2002 г (далее ТПЭД).

Изначально принятый ТПЭД является ключевым нормативным актом ЕврАзЭС для интернет-торговли, предметом регулирования которого выступает электронный документ и порядок его применения в рамках правоотношений между государственными органами, физическими и юридическими лицами в различных сферах деятельности. Кроме того, в нем раскрывается понятие электронно-цифровой подписи (ЭЦП), сформулированное в значительно более упрощенном формате в сравнении с аналогичным понятием в ТЗЭП как набор символов, вырабатываемый средствами самой ЭЦП [6].

Принятый двумя годами позже ТПОПЭТ направлен на общее регулирование е-торговли, стал эталоном для имплементации в законодательства государств ЕврАзЭС, закрепляющий определение е-торговли и регулирующий правоотношения между субъектами данного вида предпринимательской деятельности. В ст. 3 проекта также раскрыто понятие электронного документа как информации, формируемой, отправляемой, получаемой или хранимой с помощью электронных средств связи [7], что, в отличие от аналогичного понятия в ТПЭД, во многом повторяет определение сообщения данных ТЗЭТ, но с привязкой к сфере е-ком. Также проект содержит определения ЭЦП, в точности перенесенное из ТПЭД, и возможных субъектов правоотношений, возникающих в рамках е-торговли (отправитель и получатель е-документа, клиент, информационный посредник, участник е-торговли и др.).

Помимо обозначенных выше типовых проектов МПА ЕврАзЭС были изданы другие документы рекомендательного характера. К их числу относятся Рекомендации по законодательному обеспечению развития е-торговли в государствах – членах ЕврАзЭС 2003 г [5], содержащие в себе положения о принципах регулирования е-торговли рассмотренного ранее ТЗЭТ ЮНИСТРАЛ для трансформации в национальные законодательства стран ЕврАзЭС. В 2009 году были изданы Рекомендации «Электронная торговля» по совершенствованию законодательства государств – членов ЕврАзЭС в сфере е-ком для стимулирования развития национального законодательства и его унификации в рамках объединения ЕврАзЭС. В указанном документе даются прямые рекомендации по разработке национальных законов «Об электронной торговле» с учетом модельных законов ЮНИСТРАЛ и типовых проектов ЕврАзЭС, рассмотренных выше. Помимо этого, всем участникам объединения предлагается присоединиться к Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах, кроме уже подписавшей ее РФ.

На уровне ЕАЭС развитие международного законодательства, предметом регулирования кото-

рого являются е-документы, ЭЦП и идентификация субъектов сделок в е-ком среде, отличается от глобального, имеющего отдельные типовые законы для каждого предмета. МПА ЕврАзЭС разработала единый рекомендательный документ – типовой проект «Об электронном документе» (далее ТПЭД) – который затрагивает как непосредственно е-документы, так и ЭЦП, являющиеся согласно статье 7 ТПЭД особенной частью е-документа. ТПЭД является одним из ключевых источников права ЕАЭС, на котором основывается правовое регулирование е-ком среды в рамках Союза [13]. Несмотря на то, что проект был принят 22 года назад, нормы, содержащиеся в нем, являются достаточно прогрессивными для того периода. В ТПЭД содержится понятие е-документа и ЭЦП, определяется сфера обращения е-документа, в качестве субъектов правоотношений в которой указаны как государственные органы, так и физические и юридические лица, закреплена возможность заключения договоров с его помощью. Статья 11 фиксирует одинаковую юридическую силу электронного и бумажного документа.

Таким образом, анализ приведенных выше региональных нормативных актов, регулирующих е-торговлю в рамках объединений СНГ и ЕврАзЭС, позволяет сделать вывод о рекомендательном характере данных источников международного права, основной целью которых является принятие модельных законов, призванных стимулировать развитие национальных законодательств стран региона с учетом общепринятых международных нормативных актов ЮНИСТРАЛ и других отраслевых организаций, осуществляющих нормотворческую деятельность в сфере е-ком.

Изменение метода правового регулирования е-торговли на маркетплейсах от рекомендательно-го к императивному и диспозитивному прослеживается на уровне национальных законодательств стран ЕАЭС. Как указано в таблице 1, основные нормы права, регламентирующие данный вид деятельности на уровне стран, содержатся в гражданском законодательстве, а именно: в Гражданских кодексах стран ЕАЭС (в рамках общего регулирования правоотношений в процессе купли-продажи), в специальных нормативных актах, посвященных торговой деятельности.

Имманентной характеристикой е-торговли на маркетплейсах является процесс заключения сделки купли-продажи и договора в электронной форме, соответственно такая форма должна быть приравнена к письменной на правовом уровне для того, чтобы считаться действительной. В законодательствах стран ЕАЭС соответствующие нормы закреплены в гражданских кодексах в статьях, именуемых «Письменная форма сделки» или «Письменная сделка»: ст. 160 ГК РФ, ст. 176 ГК Кыргызской Республики (далее ГК КР) (в данной части полностью повторяющая ст. 160 ГК РФ), ст. 296. ГК Республики Армения (далее ГК РА), ст. 161 ГК Республики Беларусь (далее ГК РБ), ст. 152 ГК Республики Казахстан (далее ГК РК). Возможность

заключения договора путем составления электронного документа закреплена в ст. 434 ГК РФ, ст. 395 ГК КР, ст. 450 ГК РА, ст. 404 ГК РБ, носящих название «Форма договора». В ГК РК в одноименной ст. 394 нет прямого указания на приравнивание договора, заключенного путем составления электронного документа к договору, заключенному в письменной форме, однако в ст. 397 «Порядок заключения договора» регламентируется данный процесс посредством электронной оферты.

Основной объем торговой деятельности на маркетплейсах осуществляется в формате розничной дистанционной торговли. Описание данного вида сделки содержится в ст. 497 ГК РФ «Продажа товара по образцам и дистанционный способ продажи товара», ст. 460 ГК КР, ст. 513 ГК РА, ст. 467 ГК РБ, ст. 450 ГК РК, имеющих одинаковое название «Продажа товаров по образцам» и имеющих практически идентичное содержание.

Блок правоотношений, возникающих между самими торговыми платформами (маркетплейсами) и осуществляющими торговлю на них продавцами, регулируются соответствующими главами ГК в зависимости от выбранного формата: договор возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ, глава 31 ГК КР, глава 39 ГК РА, глава 39 ГК РБ, глава 33 ГК РК), договор комиссии (глава 51 ГК РФ, глава 41 ГК КР, глава 41 ГК РА, глава 51 ГК РБ, глава 43 ГК РК) и агентское соглашение (глава 52 ГК РФ, глава 42 ГК КР, глава 42 ГК РА). При этом в законодательстве Республик Беларусь и Казахстан не предусмотрено такого вида договора как агентское соглашение.

Расширенное регулирование торговой деятельности в государствах-членах ЕАЭС отведено соответствующим законам о торговле и подзаконным актам, как правило, постановлениям правительств, утверждающим правила торговли (список соответствующих нормативных документов приведен в Таблице 1). К источникам торгового права, перечень предметов регулирования которых содержит элементы е-торговли, в РФ можно отнести ПП РФ от 31.12.2020 N 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи...». В разделе «Правила продажи товаров при дистанционном способе продажи» регламентируется механизм заключения сделки купли-продажи товара посредством сети интернет на условиях оферты, под который попадает торговля на маркетплейсах.

В Законе Республики Беларусь от 08.01.2014 № 128–3 «О государственном регулировании торговли и общественного питания» к сфере е-ком относится статья 16 «Требования к осуществлению торговли с использованием сети Интернет», не содержащая конкретных механизмов регулирования, дающая отсылку на другие нормативные документы Республики Беларусь. Такие механизмы содержатся в Правилах продажи товаров при осуществлении розничной торговле по образцам, утвержденными Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.01.2009 № 31, регули-

рующих, в том числе, работу интернет-магазинов в целом.

В законодательстве Республики Казахстан элементы е-торговли регулируются законом от 12.04.2004 г. № 544-П «О регулировании торговой деятельности», в котором закреплено определение электронной коммерции, электронной торговли, а также информационно-рекламной торговой площадки как размещенного в интернете ресурса, содержащего рекламную информацию о продавцах, товарах, работах, услугах для обеспечения процесса купли-продажи [8], регламентируется механизм осуществления е-торговли на условиях оферты продавца. Также в документе содержится понятие электронной торговой площадки как интернет-ресурса, обеспечивающего инфраструктуру участникам е-торговли, содержащую в соответствии со статьей 29–1 внутренние требования к участникам е-торговли, возможность безналичного расчета и обеспечение взаиморасчетов между продавцом и покупателем, сервис по доставке товаров и услуг, возможность заключения договора купли-продажи посредством ИКТ с помощью обмена электронными документами и сообщениями. Более расширенный механизм регулирования, применимый к деятельности маркетплейсов, содержится в Правилах внутренней торговли, утвержденных Приказом и.о. Министра национальной экономики Республики Казахстан от 27.03.2015 года № 264. Повторяя все рассмотренные выше определения, содержащиеся в Законе 544-П, Правила содержат параграф 10 «Электронная торговля», в котором состав инфраструктуры е-ком дополняется пунктами об организации разрешения споров между продавцом и покупателем, внутренними процедурами по недопущению некорректных действий селлеров, включая предоставление недостоверной информации, программное обеспечение и технические комплексы для сопровождения е-торговли.

Среди всех государств ЕАЭС отдельный действующий закон, устанавливающий правовую основу для сделок в е-ком среде, существует в настоящее время только в Республике Кыргызстан – Закон «Об электронной торговле» от 22.12.21 № 154. Закон устанавливает такие принципы е-торговли, как принцип законности осуществления электронных сделок, принцип признания юридической силы е-документов, а также принцип свободы заключения договора. Из сферы действия данного закона исключены сделки, подлежащие нотариальному удостоверению и государственной регистрации. Понятийный аппарат документа содержит определения таких базовых понятий, как электронное сообщение и е-документ, включая основные требования к организации обмена ими, а также понятия электронной сделки и непосредственно е-торговли. Таким образом, данный закон разработан с учетом типовых законов об электронной торговле ЮНИСТРАЛ, ЕврАзЭС, а также рассмотренных выше рекомендаций МПА ЕврАзЭ С. Несмотря на то, что в документе нет прямого определения торгов-

ли на маркетплейсах, ряд его положений содержит необходимые критерии для регулирования этого вида торговой деятельности. Так, в законе приводится определение оператора торговой платформы, как субъекта, предоставляющего организационные, информационные и технические решения для взаимодействия участников е-сделки, то есть маркетплейса. В документе закрепляются понятия других субъектов правоотношений, возникающих в рамках торговли на маркетплейсах: покупателя, продавца и восьми видов посредников. Кроме того, отдельной статьей регулируется один из наиболее актуальных правовых аспектов деятельности маркетплейсов – защита прав на объекты интеллектуальной собственности, к которым относится борьба с контрафактной продукцией.

Таким образом, в результате анализа национальных источников права, регулирующих е-торговлю в целом в странах ЕАЭС можно сделать вывод о том, что развитие национального законодательства в них происходит неравномерно, несмотря на наличие совместно разработанных рекомендаций по гармонизации правового поля в данной области. Основными источниками права выступают гражданские кодексы, законы и подзаконные акты о торговле, в которые имплементированы отдельные нормы права, относящиеся к сфере е-ком. Более развитые правовые механизмы регулирования е-торговли имеются в законодательстве республик Казахстан и Кыргызстан, и только в последней существует действующий закон «Об электронной торговле».

Развитие ряда национальных законодательств стран ЕАЭС, регулирующих е-документы и ЭЦП, шло в соответствии с ТПЭД, в статье 4 которого указывается на то, что в их состав должен входить закон об электронном документе, предметом регулирования которого является как непосредственно е-документ, так и ЭЦП. Такой формат регулирования применяется в республиках Беларусь, Армения и Казахстан. Так, ТПЭД был полностью инкорпорирован в право Республики Беларусь в виде одноименного закона от 10.01.2000 года № 357-З, который впоследствии утратил силу в связи с принятием нового закона «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28.12.2009 года № 113-З. В указанном законе содержится расширенный понятийный аппарат, вводится отдельная глава о государственном регулировании в сфере обращения е-документов. При этом сохраняется описание структуры е-документа в соответствии с ТПЭД, согласно которой ЭЦП является особенной частью электронного документа, форма его предоставления, юридическая сила, а также общие положения о ЭЦП. Аналогичные законы с одинаковыми наименованиями существуют и в праве Армении (закон от 15.01.2005 года № ЗР-40), и в законодательстве Казахстана (закон от 7.01.2003 года № 370). Несмотря на некоторые различия в определениях е-документа и ЭЦП в данных законах, в целом с их помощью имплементируются правовые механизмы ТПЭД.

В РФ и Кыргызской Республике регулирование е-документов и ЭЦП сложилось отличным от рассмотренного выше образом. Понятие е-документа в российском праве содержится в федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» как документированной информации, представленная в электронной форме, пригодной для восприятия человеком с использованием ЭВМ и передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [4]. При этом данный закон направлен на регулирование сферы IT в целом и не отражает положений ТПЭД или прочих рассмотренных выше международных источников права. При этом в РФ существует отдельный федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 года № 63-ФЗ, регулирующий правоотношения, возникающие в области использования ЭП, в том числе при заключении гражданско-правовых сделок. В законе более детально разработаны правовые механизмы использования ЭП в сравнении с ТПЭД, прописаны принципы применения ЭП (статья 4), которые по своей сути отражают закрепленные в ТЗЭТ ЮНИСТРАЛ принципы недискриминации, технологической и функциональной эквивалентности. ФЗ «Об электронной подписи» был практически полностью имплементирован в право Кыргызской Республики в виде одноименного закона от 19.07.2017 года № 128. Определение е-документа в кыргызском праве присутствует в рассмотренном выше законе «Об электронной торговле», однако, аналогично российскому праву, отдельного закона, регулирующего правоотношения в области использования е-документов в праве обеих стран нет.

С учетом вышеизложенного, можно обобщить следующие выводы об особенностях законодательного регулирования е-торговли на маркетплейсах в странах ЕАЭС.

Во-первых, основные источники международного права, регулирующие общие аспекты е-торговли на маркетплейсах в рамках стран-участниц ЕАЭС, можно классифицировать по предметному признаку на регулирующие е-торговлю в целом, е-документы и электронные подписи, а также по субъектно-территориальной области действия на международные, региональные и национальные.

Во-вторых, в кругу глобальных международных источников права следует отметить главенствующую роль типовых законов ЮНИСТРАЛ, носящих декларативный, рекомендательный, модельный и унифицированный характер для последующей имплементации в правовые базы региональных межгосударственных организаций и национальное право. На уровне ЕАЭС к региональным источникам международного права следует отнести результаты нормотворческой деятельности МПА ЕврАзЭС и СНГ, разработавших типовые проекты для гармонизации национального права с учетом

нормативной базы ЮНИСТРАЛ и других международных источников права е-торговли.

В-третьих, источники права е-торговли с императивным и диспозитивным характером регулирования содержатся в гражданских законодательствах стран ЕАЭС, включая Гражданские кодексы, регулирующие правоотношения в рамках купли-продажи, а также специальные нормативные акты, посвященные торговой деятельности, электронным документам или электронной подписи.

В-четвертых, развитие национального права е-торговли в странах ЕАЭС происходит неравномерно, несинхронно и не в полной мере соответствует рекомендациям ЮНИСТРАЛ, МПА ЕврАзЭС и прочих авторитетных международных организаций в этой области. Отдельный действующий закон «Об электронной торговле» в настоящее время существует только в Кыргызской республике, тогда как в других странах-участниках ЕАЭС право е-торговли фрагментировано, что вызывает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в указанной области для соответствия текущему уровню развития бизнеса в сегменте е-ком.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005, Россия приняла с заявлениями Постановление Правительства РФ от 24.10.2013 № 940) // Бюллетень международных договоров. 2018. № 6.
2. Об электронной подписи: Федер. закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.04.2024). – Режим доступа: СПС «Консультант плюс».
3. Об электронно-цифровой подписи: Модельный закон государств – участников СНГ [Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 16–10 от 9.12.2000] [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901905022> (дата обращения: 09.04.2024).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31.07.2023). – Режим доступа: СПС «Консультант плюс».
5. О Рекомендациях Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС по законодательному обеспечению развития электронной торговли в государствах – членах Евразийского экономического сообщества (с учетом положений моделей законодательного регулирования, рекомендуемых ООН и Европарламентом): Приложение к Постановлению Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 16.06.2003 г. No4–14. – Режим доступа: ИПС «Эталон-online».
6. О типовом проекте «Об электронном документе»: Приложение к Постановлению Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономиче-

- ского сообщества от 25.03.02 № 2–19. – Режим доступа: ИПС «Эталон-online».
7. О типовых проектах законодательных актов МПА ЕврАзЭС в сфере информационных технологий («Об информатизации», «Об информационной безопасности», «Основные принципы электронной торговли»): Постановление Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 28.05.2004 № 5–20. – Режим доступа: ИПС «Эталон-online».
  8. О регулировании торговой деятельности: Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2004 года № 544-II (ред. от 25.03.2024) [Электронный ресурс], URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1047488 (дата обращения 14.04.2024).
  9. О Рекомендациях «Электронная торговля»: Постановление Бюро Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 02.12.2009 № 12. – Режим доступа: БД «СоюзПравоИнформ».
  10. Анализ рынка розничной электронной коммерции в Республике Казахстан [Электронный ресурс], URL: <https://www.pwc.com/kz/en/publications/e-commerce/pdf/e-commerce-12M2022-rus-final.pdf/> (дата обращения 04.03.2024).
  11. Васильева А.В. Определение границ интересов государства в правовом регулировании деятельности маркетплейсов в РФ: постановка проблемы. Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023;12(3):144–150. [Электронный ресурс], URL: <https://sano.elpub.ru/jour/article/view/599> (дата обращения 03.03.2024).
  12. Итоги года на маркетплейсах: в 2023 году количество покупок выросло на 63% [Электронный ресурс], URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/29012024-marketplaces-year-results-number-of-purchases-increased-by-63-percent-in-2023/> (дата обращения 03.03.2024).
  13. Козинец Н.В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли в СНГ и в рамках евразийской экономической интеграции // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-transgranichnoy-elektronnoy-torgovli-v-sng-i-v-ramkah-evraziyskoj-ekonomicheskoy-integratsii> (дата обращения: 06.04.2024).
  14. Маркетплейсы 2024: тренды, стратегии, точки роста [Электронный ресурс], URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_FedorVirin_SandM_2024.pdf (дата обращения 04.03.2024).
  15. Оборот Ozon в Беларуси за 9 месяцев 2023 года вырос почти в 3 раза // neg.by: ежедн. интернет-изд. 2023. 18 нояб. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/oborot-ozon-v-belarusi-za-9-mesyatsev-2023-goda-vyros-pochti-v-3-raza/> (дата обращения 06.03.2024).
  16. Панфилов П.О. Правовое регулирование деятельности онлайн-платформ на едином цифровом рынке ЕС: возможности для ЕАЭС // Lex russica (Русский закон). 2023. № 76(2). С. 91–100.
  17. Развитие электронной коммерции в ЕАЭС: потенциал и перспективы [Электронный ресурс], URL: <https://e-cis.info/news/566/109994/> (дата обращения 03.03.2024).
  18. Сведения сайта Посольства Российской Федерации в Объединенных Арабских Эмиратах [Электронный ресурс], URL: https://uae.mid.ru/ru/press-centre/news/tempy_rosta_elektronnoy_torgovli_v_stranakh_eaes_prevyshayut_mirovye/ (дата обращения 03.03.2024).
  19. Чучев, М.В. Правовое положение маркетплейсов / М.В. Чучев, Н.Н. Щенин // Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые и организационные проблемы и перспективы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистров и молодых ученых, посвящённой 50-летию юридического образования в Удмуртской Республике, Ижевск, 14–15 апреля 2022 года. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2022. – С. 427–431.
  20. Шибанова Н.А. Охрана персональных данных в государствах – членах ЕАЭС. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 42–51.
  21. Яськов А.А. Сопоставительный анализ основополагающих источников регулирования международной электронной торговли на маркетплейсах // Актуальные проблемы научных исследований: теоретические и практические аспекты. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Уфа, 2023. С. 62–80.
  22. Wildberries в Киргизии. 2023 первое полугодие. Итоги// ecomhub.ru: ежедн. интернет-изд. 2023. 23 авг. URL: <https://ecomhub.ru/wildberries-in-kyrgyzstan-2023-first-half-results/> (дата обращения 04.03.2024).
  23. Jose Alejandro Cano, Abraham Allec Londoño-Pineda, Emiro Antonio Campo, Sergio Augusto Fernández. Sustainable business models of e-marketplaces: An analysis from the consumer perspective // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2023. Volume 9. Issue 3. [Электронный ресурс], URL: <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2023.100121>
  24. Khalid ALAZAB, Martin DICK and Shaghayegh MALEKI FAR. Assessing the Effect of UTAUT2 on Adoption of B2B/C2C E -Marketplaces // Journal of Internet and e-business Studies. 2020. Volume 2020. DOI: 10.5171/2020.690228
  25. Statista. Retail e-commerce sales worldwide from 2014 to 2027 [Электронный ресурс]. // <https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/> (дата обращения: 02.03.2024).

26. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce with Guide to Enactment 1996 with additional article 5 bis as adopted in 1998. [Электронный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-04970_ebook.pdf (дата обращения 13.03.2024).
27. UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures (2001). [Электронный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures (дата обращения 18.03.2024).
28. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). [Электронный ресурс], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/model-law/electronic_transferable_records (дата обращения 19.03.2024).
29. UNCITRAL Model Law on the Use and Cross-border Recognition of Identity Management and Trust Services (2022). [Электронный ресурс], URL: <https://uncitral.un.org/en/mlit> (дата обращения 13.03.2024).

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC COMMERCE ON MARKETPLACES IN THE EAEU COUNTRIES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL LAW

Yaskov A.A.

Slavic Greek Latin Academy

The article identifies the peculiarities of legal analysis of the sources of international law of electronic commerce on marketplaces, substantiates their author's classification by subject matter into those regulating electronic commerce in general, electronic documents and electronic signatures, as well as by subject-territorial area of action into international, regional and national. The author has systematized the international and national sources of law of EAEU member states regulating e-commerce. The priority role in the system of global sources of international e-commerce law is played by UNCITRAL model laws, which are declaratory, recommendatory, model, and unified in nature. Legal documents of the IPA EurAsEC and CIS, relating to regional sources of international e-commerce law contribute to the harmonization of the national law of the EAEU countries, which is currently fragmented, developing non-synchronously, and has the potential for further improvement.

Keywords: UNCITRAL, EAEU, EurAsEC, electronic commerce, model law, electronic document, electronic signature, marketplace.

References

1. United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Treaties (concluded in New York on November 23, 2005, Russia adopted with statements the Decree of the Government of the Russian Federation of October 24, 2013 No. 940) // *Bulletin of International Treaties*. 2018. No. 6.
2. About electronic signature: Feder. Law of 04/06/2011 No. 63-FZ (as amended on 04/04/2024). – Access mode: ATP “Consultant Plus”.
3. On the electronic digital signature: Model Law of the CIS Member States [Adopted by Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States No. 16–10 dated December 9, 2000] [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901905022> (date of access: 04/09/2024).
4. On information, information technologies and information protection: Federal. Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on July 31, 2023). – Access mode: ATP “Consultant Plus”.
5. On the Recommendations of the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC on legislative support for the development of electronic commerce in the member states of the Eurasian Economic Community (taking into account the provisions of the models of legislative regulation recommended by the UN and the European Parliament): Appendix to the Resolution of the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community dated June 16, 2003 No. 14. – Access mode: IPS “Etalon-online”.
6. About the standard project “On an electronic document”: Appendix to the Resolution of the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community dated March 25, 2002 No. 2–19. – Access mode: IPS “Etalon-online”.
7. On standard draft legislative acts of the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC in the field of information technology (“On informatization”, “On information security”, “Basic principles of electronic commerce”): Resolution of the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community dated May 28, 2004 No. 5–20. – Access mode: IPS “Etalon-online”.
8. On the regulation of trading activities: Law of the Republic of Kazakhstan dated April 12, 2004 No. 544-II (as amended on March 25, 2024) [Electronic resource], URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1047488 (date of access: 04/14/2024).
9. On the Recommendations “Electronic commerce”: Resolution of the Bureau of the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community dated December 2, 2009 No. 12. – Access mode: DB “SoyuzPravolnform”.
10. Analysis of the retail e-commerce market in the Republic of Kazakhstan [Electronic resource], URL: <https://www.pwc.com/kz/en/publications/e-commerce/pdf/e-commerce-12M2022-rus-final.pdf> / (access date 03/04/2024).
11. Vasilyeva A.V. Determining the boundaries of state interests in the legal regulation of marketplace activities in the Russian Federation: statement of the problem. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2023;12(3):144–150. [Electronic resource], URL: <https://sano.elpub.ru/jour/article/view/599> (access date 03/03/2024).
12. Results of the year on marketplaces: in 2023, the number of purchases increased by 63% [Electronic resource], URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/29012024-marketplaces-year-results-number-of-purchases-increased-by-63-percent-in-2023/> (accessed 03/03/2024).
13. Kozinets N.V. Features of legal regulation of cross-border electronic trade in the CIS and within the framework of Eurasian economic integration // *Current problems of Russian law*. 2015. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-transgranichnoy-elektronnoy-torgovli-v-sng-i-v-ramkah-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integratsii> (date of access: 04/06/2024).
14. Marketplaces 2024: trends, strategies, growth points [Electronic resource], URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_FedorVirin_SandM_2024.pdf (access date 03/04/2024).
15. Ozon's turnover in Belarus for 9 months of 2023 increased almost 3 times // *neg.by: daily*. Internet ed. 2023. 18 Nov. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/oborot-ozon-v-belarusiza-9-mesyatsev-2023-goda-vyros-pochti-v-3-raza/> (date accessed 03/06/2024).
16. Panfilov P.O. Legal regulation of the activities of online platforms in the EU single digital market: opportunities for the EAEU // *Lex russica (Russian law)*. 2023. No. 76(2). pp. 91–100.
17. Development of e-commerce in the EAEU: potential and prospects [Electronic resource], URL: <https://e-cis.info/news/566/109994/> (access date 03/03/2024).
18. Information from the website of the Embassy of the Russian Federation in the United Arab Emirates [Electronic resource], URL: https://uae.mid.ru/ru/press-centre/news/tempy_rosta_elektronnoy_torgovli_v_stranakh_eaes_prevyshayut_mirovye/ (date accessed 03/03/2024).
19. Chuchev, M.V. Legal status of marketplaces / M.V. Chuchev, N.N. Shchenin // *Ensuring the security of the individual, society and state in the context of globalization: legal and organizational problems and prospects: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference students, masters and young scientists, dedicated to the 50th anniversary of legal education in the Udmurt Republic, Izhevsk, April 14–15, 2022*. – Izhevsk: Udmurt State University, 2022. – P. 427–431.
20. Shebanova N.A. Protection of personal data in member states
21. Yaskov A.A. Comparative analysis of the fundamental sources of regulation of international electronic commerce on marketplaces // *Current problems of scientific research: theoretical and practical aspects. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*. In 2 parts. Ufa, 2023. pp. 62–80.

22. Wildberries in Kyrgyzstan. 2023 first half of the year. Results // ecomhub.ru: daily. Internet ed. 2023. 23 Aug. URL: <https://ecomhub.ru/wildberries-in-kyrgyzstan-2023-first-half-results/> (access date 03/04/2024).
23. Jose Alejandro Cano, Abraham Allec Londoño-Pineda, Emiro Antonio Campo, Sergio Augusto Fernández. Sustainable business models of e-marketplaces: An analysis from the consumer perspective // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2023. Volume 9. Issue 3. [Electronic resource], URL: <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2023.100121>
24. Khalid ALAZAB, Martin DICK and Shaghayegh MALEKI FAR. Assessing the Effect of UTAUT2 on Adoption of B2B/C2C E-Marketplaces // *Journal of Internet and e-business Studies*. 2020. Volume 2020. DOI: 10.5171/2020.690228
25. Statista. Retail e-commerce sales worldwide from 2014 to 2027 [Electronic resource]. // <https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/> (access date: 03/02/2024).
26. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce with Guide to Enactment 1996 with additional article 5 bis as adopted in 1998. [Electronic resource], URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-04970_ebook.pdf (accessed March 13, 2024).
27. UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures (2001). [Electronic resource], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures (accessed March 18, 2024).
28. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). [Electronic resource], URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records (accessed March 19, 2024).
29. UNCITRAL Model Law on the Use and Cross-border Recognition of Identity Management and Trust Services (2022). [Electronic resource], URL: <https://uncitral.un.org/en/mlit> (accessed March 13, 2024).

Нагайев Альберт Рамилович,

преподаватель, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»
E-mail: Albert888n@gmail.com

Колесников Юрий Алексеевич,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права, юридический факультет, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: yakolesnikov@sfedu.ru

Стариков Дмитрий Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий, Российский государственный профессионально-педагогический университет
E-mail: starikov.psv@gmail.com

Митина Светлана Васильевна,

специалист, Негосударственное частное образовательное учреждение высшего образования Технический университет УГМК
E-mail: s.mitina2024@yandex.ru

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,

доктор юридических наук, профессор, полковник полиции, начальник управления учебно-методической работы, Краснодарский университет МВД России
E-mail: kvishneveckiy@mail.ru

В статье представлена эволюция и современное состояние российской правовой системы, формирование которой шло по пути проб и ошибок, но в соответствии с политическим, экономическим, социальным развитием общества. Преобразование системы права в России началось только в конце XX столетия, но с уверенностью можно сказать, что за тридцать лет ее формирования были сделаны определенные успехи, хотя и сегодня российская правовая система еще не вышла на уровень, отвечающий требованиям правового гражданского общества. В статье затронуты проблемы и тенденции развития конституционного, судебного, трудового и административного права. Конституционное право в России является приоритетным, поскольку именно этот тип права затрагивает права и интересы граждан. Но в последние годы происходят глубокие изменения в трудовом и административном законодательстве, что связано с изменениями в трудовой и политической системе России. Подобный вопрос широко рассматривается в данной статье. Учитывая тот факт, что XXI век – это век цифровых и информационных технологий, цифровизация широко затронула и российское право. Поэтому авторы статьи останавливаются на вопросе использования цифровых технологий в процессе совершенствования российской правовой системы. В статье делается вывод, что система российского права на современном этапе носит внутригосударственный и внутринациональный характер, не придерживаясь трендов международного суда, если эти требования противоречат российскому законодательству и российской Конституции.

Ключевые слова: правовая система России, Конституция РФ, судебная система, трудовое право, цифровизация.

Каждая область научных знаний характеризуется наличием определенного круга проблем, которые не столько требуют конкретного решения, сколько вносят посильный вклад в то или иное направление на различных этапах его исторического развития. Юриспруденция за все века ее существования в российском государстве накопила огромное количество проблем, самая важная из которых, на наш взгляд, связана с формированием системы права [9, с. 131].

Правовая система – довольно сложный организм, и формирование этой системы зависит от политических, экономических, социальных и иных факторов, которые находят закономерное отражение в обществе и государстве, где царят идеи равенства и справедливости и находят применение законы, защищающие интересы граждан страны.

Если отбросить научные определения права как стержневого центра юридической науки, то право – это искусство добра, торжество разума и совести, нравственная сила, которая облагораживает человека и общество, не позволяя совершать преступные деяния как против личности, так и против самого государства.

Судьба российского права была сложной и противоречивой. До Октябрьской революции 1917 года российское общество не имело развитой правовой системы. Но еще более сложным, а временами и трагичным периодом в развитии российского права была советская эпоха. Несмотря на то, что за годы советской власти было принято большое количество разного рода правовых документов (законы, декреты и пр.), но, в целом, правовая система СССР была регрессивной, деформированной и отклонялась от основных направлений правового развития, характерных для мировой цивилизации. Вместо того чтобы обрести особый, самостоятельный и чрезвычайно важный статус, став частью мировой правовой системы, советское право стало простым придатком государственной (точнее, партийной) власти. Право при советской власти несло на себе отпечаток тоталитарной системы и коммунистической идеологии [8]. Более того, в разные периоды советской власти уголовное, административное, процессуальное и ряд других отраслей права содержали положения и нормы, узаконивающие карательно-репрессивные меры (например, «по контрреволюционным преступлениям»), административный произвол, внесудебную ответственность, уголовное преследование детей, процессуальные упрощения. С таким подходом к законодательству, советское право было обречено со временем сойти со сцены общественной жизни [7].

Во второй половине XX столетия в праве стали закрепляться некоторые прогрессивные принципы

и положения (такие, как, к примеру, презумпция невиновности). Однако, правовые демократические преобразования в подлинном смысле этого слова начались в РФ только после 1991 года, т.е. когда распался Советский Союз. В первую очередь, в России получил общее признание принцип «верховенства права», потом были упразднены репрессивные и реакционные институты и нормы и, наконец, стала формироваться законодательная и судебная система (появились Арбитражный и Конституционный суды) [1]. Вместе с тем и сегодня российское право еще не вышло на уровень, отвечающий требованиям правового гражданского общества. Российская правовая система не в полной мере выполняет свои функции по защите граждан и общества в целом от произвола, прежде всего государственного. По мнению Н.А. Нестеренко, в России сохраняется правовая культура, ее принципы, ценности и традиции «лишь благодаря глубинному правосознанию населения», что и «даст сопоставимый с западными правовыми обществами результат в правовой культуре России» [9, с. 134].

И в то же время в Российской Федерации, которая, согласно действующей Конституции, является правовым государством, граждане зачастую не хотят участвовать в жизни государства, потому что не видят в нем «опоры» и «поддержки». Социальные институты в стране работают не в полную силу, бюрократия зашкаливает, коррупция и взяточничество достигли таких пределов, что стали уже частью повседневной жизни. В таких условиях развитие России как правового государства и построение гражданского общества на основе «верховенства закона» кажется отдаленной перспективой.

Политико-правовые институты государства давно уже не вызывают доверие у населения, поскольку не могут обеспечить всеобщую занятость населения; бесплатную высококвалифицированную медицину, повсеместное бесплатное образование, достойную заработную плату и достойную пенсию, в связи с чем многие граждане России старшего поколения начинают ностальгировать по советской эпохе, которая, несмотря на несовершенство правовой системы, могла предоставить населению определенный набор социальных благ, которые в настоящее время «относятся к категории труднорешаемых или нерешаемых» [14, с. 11]. По мысли А.Х. Рамазанова, многие из имеющихся в Российской Федерации проблем стали таковыми не в силу изменившегося в России строя, а по вине нелучших представителей государства в лице чиновников-бюрократов и непрофессиональных «управленцев», которые больше думают о себе, чем о народе [14, с. 11].

Озвученные выше проблемы требуют, на наш взгляд, коснуться вопроса реализации норм конституционного права, являющихся «основополагающими по отношению к нормам других отраслей права в Российской Федерации» [2, с. 13], поскольку Конституция – это «ядро» системы права в Рос-

сии. По мнению В.Н. Жадана, особенность российского конституционного права заключается в том, что на данную отрасль правовой системы оказывают непосредственное влияние, во-первых, политические факторы и общечеловеческие ценности, а во-вторых, государственно-властные отношения, сложившиеся в стране [2].

Несмотря на то, что со времени принятия Конституции новой России прошло уже более тридцати лет, этот высший нормативно-правовой акт Российской Федерации продолжает будоражить умы исследователей, проводящих научные исследования и дискуссии по таким вопросам и проблемам конституционного права, как политическая и экономическая системы общества, правовое положение личности, правовой статус союзов, партий, форм политического режима, особенности государственного устройства и конституционного строя России, система конституционного законодательства в РФ и его совершенствование. Причем в контексте обсуждений различных аспектов конституционного права поднимается проблема информатизации современного общества. Как отметил В.Д. Зорькин, современная эпоха – это время конкретизации фундаментальных прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ, применительно к цифровой реальности [4].

Касаясь проблем цифровизации институтов конституционного права, С.М. Шахрай высказывает мысль о необходимости создания цифровой конституции, которая станет своего рода «стартовой площадкой» для функционирования конституционного права в киберпространстве как новой реальности. При этом он подчеркивает, что «речь идет не о разработке параллельной конституции, написанной на одном из языков программирования или о некоем цифровом феномене, созданном с помощью современных компьютерных технологий» [16, с. 1076], а о создании основного закона цифрового общества.

Этот закон, по мысли С.М. Шахрая, необходим, поскольку в информационном обществе XXI века, стратегия развития которого определена принятым в 2017 году документом [12], «на первом месте стоит проблема обеспечения прав человека в цифровом мире» [16, с. 1077]. При этом, как подчеркивает юрист, речь в данном законе не должна идти «о проблемах идентификации пользователей, о безопасности личных данных и о защите граждан от киберпреступлений», а об «обеспечении прав и свобод человека в цифровом мире», где также, как и в мире реальном, «должны соблюдаться основные конституционные права и свободы человека и гражданина» [16, с. 1077]. Так, ст. 24 Конституции РФ, согласно которой «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия» строго запрещены, «может найти свое виртуальное выражение применительно к сетевым аккаунтам или персональным сайтам цифровой личности» [16, с. 1077–1078].

На наш взгляд, вопросы, связанные с цифровизацией общества и государства, должны обя-

зательно получить правовую оценку и быть отражены в соответствующих документах, в том числе и в цифровой конституции, хотя технологическая сторона ее реализации крайне сложна и требует усилий со стороны специалистов в области информационных технологий.

По мнению В.Н. Жадана, «вопрос соблюдения и гарантий прав и свобод человека и гражданина в информационном обществе является не только внутригосударственным, но и международным, поскольку затрагивает права личности и на международном уровне. Именно поэтому в ООН давно уже проводятся исследования, затрагивающие проблемы модернизации прав человека в цифровую эпоху. Целью этих исследований является выработка общей международной стратегии и правовой позиции в отношении соответствия международного правового стандарта и национального законодательства государств» [2, с. 14].

Цифровизация в настоящее время затронула все области права. Так, «с развитием цифровых технологий появилось такое явление, как электронное правосудие, которое регулируется законодательством об электронном документообороте. Термин «электронное правосудие» (e-justice) уже устоялся, и под ним традиционно понимается способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства» [3, с. 36].

Цифровизация судебной системы началась с того, что Правительством РФ была принята Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России», рассчитанная на период с 2013 до 2020 года. В этой программе были обозначены пути, связанные с созданием цифровой судебной системы. Так цифровизация расширяет использование таких процессуальных возможностей, как направление документов в судебные органы, способствует размещению судебных актов в открытом доступе [3, с. 36].

Цифровое судопроизводство, реализует те же принципы, что и реальное судопроизводство – доступность, открытость, гласность, но его платформа в режиме онлайн, являющаяся инструментом судебных инстанций, благодаря современным высокотехнологичным программам, созданным на основе искусственного интеллекта, позволяет решать судебные дела в кратчайшие сроки.

Таким образом, можно констатировать, что развитие информационного общества и активное внедрение цифровых технологий как в общественные институты, так и в жизнедеятельность человека, тесным образом связаны с правовой системой.

В современных условиях особое значение имеет эффективность права. Ощущение защищенности каждого гражданина, гарантия прав и законных интересов населения, неприятие произвола в процессе упорядочения общественных отношений, несомненное действие механизмов реализа-

ции правового порядка во всех сферах общественной жизни, гарантирование и обеспечение системы безопасности, связанной с социальной деятельностью, особенно той, которая представляет потенциальную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства, – вот далеко не полный перечень того, что мы ожидаем от современного права. Успех демократических преобразований во многом зависит от того, насколько закон в обществе поддерживается и уважается как обществами в целом, так и, в частности, каждым человеком.

«Миссия» права, его «конструктивная» нагрузка сегодня, заключается в достижении социальной стабильности в обществе. Именно правовая система в наибольшей степени связана с реализацией задач социального развития, отражает состояние и условия функционирования современного общества в целом. Право, по мысли Д.А. Керимова, «связано с глубинными потребностями и интересами людей в упорядочении общественной и частной жизни в соответствии с их общей волей. Оно должно включать в себя гарантии прав и свобод личности, гуманизм, социальную справедливость, стабильность социальных процессов и многое другое [5, с. 98].

Социально-экономическое развитие России тесным образом связано с изменением трудового законодательства. В первую очередь, изменения в системе трудового права должны коснуться развития новых форм занятости, одной из которых является переход ряда сотрудников частных и государственных компаний, работников бюджетной сферы на удаленную работу на определенных работодателем условиях. Причем период так называемой «удаленки» может быть как временным, так и постоянным.

По мнению Л.Н. Нургалиевой, «дистанционный труд может стать основой решения проблемы эффективной занятости населения», поскольку способствует «повышению гибкости рынка труда как со стороны спроса, так и со стороны предложения», «создает потенциал для кардинальных структурных изменений в трудовой сфере» и «объединяет региональные рынки труда в один федеральный рынок с усилением конкуренции и повышением качества оказания услуг» [10, с. 80].

Ныне существующие реалии в изменившихся условиях трудовой деятельности, которые особенно четко дали о себе знать в тот период, когда мир переживал «нашествие» новой, коронавирусной, инфекции (хотя на практике дистанционная работа в некоторых отраслях трудовой сферы осуществлялась и раньше), привели к тому, что 8 декабря 2020 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удаленной) работы», а с 1 января 2021 года вступили в силу изменения трудового законодательства в части совершенствования правового регулирования онлайн-работы [11].

Каковы особенности этого закона?

Прежде всего, следует отметить, что в нем на законодательном уровне установлены понятия «дистанционная работа» и «удаленная работа», являющиеся, согласно закону, синонимами, а также дается определение понятию «дистанционный работник», которым в данном ФЗ именуется «лицо, выполняющее работу и взаимодействующее с работодателем не только посредством информационно-телекоммуникационных сетей (Интернета), но и сетей общего пользования» [11]. Таким образом, к дистанционной работе теперь относится и взаимодействие с персоналом по телефону, мессенджерам, с помощью SMS и т.п.

В данном законе также

- определен порядок заключения трудовых договоров при удаленной работе (так, закон предусматривает возможность заключения трудового соглашения с использованием квалифицированной электронной подписи);
- предусмотрен порядок регулирования режима работы и отдыха «удаленных» сотрудников;
- предусмотрена оплата рабочего времени, в которое ведется переписка между работником и сотрудниками организации, которые курируют его деятельность.

В законе четко прописано, что дистанционная трудовая деятельность не отражается на заработной плате (факт перевода на удаленную работу не воспринимается как повод для понижения оплаты труда, стимулирующих выплат, премий за эффективность и интенсивность труда), и введен ограниченный перечень специальных оснований увольнения дистанционных работников.

Данный закон также устранил пробел в нормативном регулировании возможности применения работодателями смешанных режимов работы, предусматривающих чередование удаленного труда и работы на стационарном рабочем месте. Закон предусматривает и перевод сотрудника на дистанционную работу без его согласия в отдельных случаях.

Конечно, нельзя сказать, что ФЗ № 407 совершенен, в нем еще много «белых пятен». Так, в законе нет четкого регулирования вопроса порядка компенсации дистанционному работнику использования им в работе собственного оборудования и программных средств [13]. Но тем не менее то, что появился закон, легализующий право граждан на трудовую деятельность в дистанционном режиме, говорит о развитии трудового права, учитывающего адаптацию правовой системы к новым условиям рынка труда.

Начиная с 2020 года, в России начался поэтапный переход на электронные трудовые книжки, что говорит о начале цифровизации в сфере трудового права. Теперь работодатели ведут учет сведений о трудовой деятельности работников в электронном виде. Также в трудовой сфере уже несколько лет ведется перевод документов в электронный формат [10, с. 80].

Еще одно направление, в рамках которого произошли существенные изменения в правовой сфе-

ре, – это система государственного и муниципального управления. Например, «закон предусматривает дисциплинарную ответственность служащих, оказывающих государственные услуги. Граждане дают ежегодную оценку их деятельности. Если значение показателей эффективности работы государственных (муниципальных) служащих составляет менее 70% от значения, указанного в должностной инструкции, или от значения, достигнутого в предыдущем году, то в отношении руководителя проводится служебная проверка в соответствии с законодательством Российской Федерации» [15, с. 1123].

С 2004 года в России действует закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в котором четко прописаны дисциплинарные взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение служащим, находящимся на государственной службе, служебных обязанностей, список которых указан в должностной инструкции. Таким образом, не только рядовые граждане, но и те, которые стоят на верхних ступеньках служебной лестницы, подвергаются наказаниям за нарушения в области административного права. За превышение должностных полномочий государственных служащих административная статья может перерасти в уголовную, если выявится коррупционная составляющая их деятельности.

Следует отметить, что правовая система Российской Федерации долгое время находилась под сильным воздействием европейского права. И по сей день нормы российского права во многом близки к нормам и стандартам ЕС. Статья 15 (ч. 4) Конституции РФ гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [6]. Однако, несмотря на принципы и нормы международного права и международных договоров, прописанные в российской правовой системе, эти нормы и принципы проникают во внутрисударственное право России лишь опосредованно [17, с. 81]. А согласно новой редакции РФ, если решение этого суда «противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации» [6] и российской Конституции, то Конституционный суд РФ вправе вынести решение о неисполнении требований международного суда. Нормы и решения Международного суда ООН также будут имплементироваться в России только в той мере, в которой они не противоречат Конституции РФ, например, по искам Украины не стоит ожидать их положительной имплементации со стороны России, так как они уже сейчас противоречат конституционным требованиям о территориальной целостности РФ. Таким образом, в России в настоящее время начинают действовать законы, устанавливающие фактический приоритет национального права над между-

народным, что, в принципе, соотносится с законами США, где международные нормы не рассматриваются как обязательные к исполнению.

Итак, российская правовая система прошла долгий путь становления. Но, будучи правопреемником советского права, российское право стало развиваться по своему пути. За последние десять лет российское право подверглось кардинальным изменениям, что, в первую очередь, связано с формированием правового сознания российского общества, которое и стало источником преобразования российской правовой системы.

Литература

1. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
2. Жадан В.Н. К вопросу о современных актуальных проблемах конституционного права // Юридическая наука. – 2019. – № 7. – С. 17–18.
3. Жуковина М.Г., Бабкин В.А. Цифровизация судебной системы как способ реализации принципа открытости и гласности // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. – Уфа: Изд-во Башкирского Института социальных технологий, 2021. – С. 35–40.
4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // URL: <https://гражданскийэкзамен.рф/2018/05/30/valerij-zorkin-pravo-v-cifrovom-mire>.
5. Керимов Д.А. Философские проблемы права: монография. – М.: Норма ИНФРА-М. 2019. – 472 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
7. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. – 288 с.
8. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России. – М.: Юрист, 2000. – 255 с.
9. Нестеренко Н.А. Правовое развитие российского государства: опыт, уроки // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2014. – № 3 (17). – С. 131–134.
10. Нурғалиева Л.Н. Современные тенденции развития трудового права в Российской Федерации // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. – Уфа: Изд-во Башкирского Института социальных технологий, 2021. – С. 79–82.
11. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях (Федеральный закон № 407-ФЗ от 8.12.2020 г. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070.
12. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570>.
13. Разбираем новый закон об удаленной работ // URL: <https://kdelu.vtb.ru/articles/razbiraem-novyy-zakon-ob-udalenoj-rabote>.
14. Рамазанов А.Х. Актуальные проблемы эволюции права и государства с точки зрения историко-правовой науки // Юридический вестник ДГУ. – Т. 30. – 2019. – № 2. – С. 9–12.
15. Таева Н.Е. Направления совершенствования системы государственной и муниципальной службы в сфере оказания государственных и муниципальных услуг (нормативное регулирование) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6 (43). – С. 1121–1128.
16. Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально-информационном обществе // Вестник Российской Академии наук. – 2018. – Т. 88. – № 12. – С. 1075–1082.
17. Napalkova I.G., Orlova N.E., Samygin P.S., Vlasova G.V. The Impact of European Law on the Development of Legal System of Russia // European Research Studies. – 2017. – Vol. 20. – № 1. – Pp. 77–86.

CURRENT PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LAW IN RUSSIA

Nagayev A.R., Kolesnikov Yu.A., Starikov D.A., Mitina S.V., Vishnevetsky K.V.
V.F. Yakovlev Ural state law university; Southern Federal University, Russian State Vocational Pedagogical University; UMMC Technical University; Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article presents the evolution and current state of the Russian legal system, the formation of which followed the path of trial and error, but in accordance with the political, economic, social development of society. The transformation of the legal system in Russia began only at the end of the twentieth century, but it is safe to say that for thirty years of its formation certain successes have been made, although today the Russian legal system has not yet reached a level that meets the requirements of a legal civil society. The article touches upon the problems and trends in the development of constitutional, judicial, labor and administrative law. Constitutional law in Russia is a priority, because it is this type of law that affects the rights and interests of citizens. But in recent years there are profound changes in labor and administrative law, which is associated with changes in the labor and political system of Russia. Such a question is widely considered in this article. Given the fact that the XXI century is the century of digital and information technologies, digitalization has widely affected Russian law. Therefore, the authors of the article dwell on the issue of using digital technologies in the process of improving the Russian legal system. The article concludes that the system of Russian law at the present stage is domestic and intra-national in nature, not adhering to the requirements of the international court, if these requirements contradict the Russian legislation and the Russian Constitution.

Keywords: legal system of Russia, the Constitution of the Russian Federation, judicial system, labor law, digitalization.

References

1. Gavrov S.N. Modernization in the name of empire. Sociocultural aspects of modernization processes in Russia. – M.: Editorial URSS, 2004. – 352 p.
2. Zhadan V.N. On the issue of modern topical problems of constitutional law // Legal science. – 2019. – No. 7. – pp. 17–18.
3. Zhukovina M.G., Babkin V.A. Digitalization of the judicial system as a way to implement the principle of openness and publicity // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Internet Conference. – Ufa: Publishing House of the Bashkir Institute of Social Technologies, 2021. – P. 35–40.
4. Zorkin V.D. Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum // URL: <https://civilexam.rf/2018/05/30/valerij-zorkin-pravo-v-czifrovom-mire>.
5. Kerimov D.A. Philosophical problems of law: monograph. – M.: Norma INFRA-M. 2019. – 472 p.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
7. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law. – M.: ICD "Zertsalo-M", 2011. – 288 p.
8. Malko A.V. Political and legal life of Russia. – M.: Lawyer, 2000. – 255 p.
9. Nesterenko N.A. Legal development of the Russian state: experience, lessons // Problems of socio-economic development of Siberia. – 2014. – No. 3 (17). – pp. 131–134.
10. Nurgalieva L.N. Modern trends in the development of labor law in the Russian Federation // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: collection of materials from the All-Russian scientific and practical Internet conference. – Ufa: Publishing House of the Bashkir Institute of Social Technologies, 2021. – P. 79–82.
11. On amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the regulation of remote (remote) work and the temporary transfer of an employee to remote (remote) work at the initiative of the employer in exceptional cases (Federal Law No. 407-FZ of December 8, 2020. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070.
12. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 (Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570>.
13. We analyze the new law on remote work // URL: <https://kdelu.vtb.ru/articles/razbiraem-novyy-zakon-ob-udalennoj-rabote>.
14. Ramazanov A. Kh. Current problems of the evolution of law and state from the point of view of historical and legal science // Legal Bulletin of the DSU. – T. 30. – 2019. – No. 2. – P. 9–12.
15. Taeva N.E. Directions for improving the system of state and municipal service in the provision of state and municipal services (normative regulation) // Current problems of Russian law. – 2014. – No. 6 (43). – pp. 1121–1128.
16. Shakhrai S.M. Digital Constitution. Fundamental rights and freedoms of the individual in a total information society // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – T. 88. – No. 12. – P. 1075–1082.
17. Napalkova I.G., Orlova N.E., Samygin P.S., Vlasova G.V. The Impact of European Law on the Development of Legal System of Russia // European Re-search Studies. – 2017. – Vol. 20. – No. 1. – Pp. 77–86.

Панкратова Ульяна Васильевна,

аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: iulpankratova@gmail.com

В статье рассмотрены некоторые особенности уголовной ответственности за подстрекательство к совершению организации массовых беспорядков, подготовке лица для их организации или участия в них, предусмотренное ч. 1.1 ст. 212 УК РФ. Деяние, закрепленное в анализируемой части ст. 212 УК РФ, предлагается рассматривать как специальное подстрекательство к совершению преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Дано определение специального подстрекательства к совершению преступления, и его отличие от классического подстрекательства. Исходя из предложенного разграничения классического и специального подстрекательства, на примере вовлечения в организацию массовых беспорядков проведено сравнение наказания, грозящего виновному, в том числе в случае неудавшегося подстрекательства. Автор приходит к выводу о том, что понятие «вовлечение» является общим, родовым для «склонения» и «вербовки». Проанализированы предложенные в науке и описанные в материалах правоприменительной практики основания отграничения призывов к массовым беспорядкам от подстрекательства к ним. Формулируется вывод о необходимости совершенствования уголовного законодательства, регламентирующего ответственность специальных подстрекателей к преступлениям, а также об отсутствии необходимости существования анализируемой нормы в Особенной части уголовного закона.

Ключевые слова: соучастие, подстрекательство, вовлечение, призывы, массовые беспорядки, оконченное и неоконченное преступления.

Возможно ли представить становление и развитие общественных отношений без конфликтов? История формирования как общества, так и государства демонстрирует утопичность такого процесса. Выраженное в различных формах противостояние чему-либо или кому-либо оказывает как позитивное, так и деструктивное влияние.

Одним из разрушительных способов проявления публично недовольства, лишаящего состояния защищенности и вносящего в общество хаос, являются массовые беспорядки, запрещенные ст. 212 Уголовного кодекса РФ [9, с. 101].

Уголовная ответственность за подстрекательство к совершению их организации, подготовке лица для их организации или участия в них предусмотрена ч. 1.1 ст. 212 УК РФ, введенной Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». При этом сами вовлеченные лица, совершившие указанные деяния, подлежат самостоятельной ответственности по ч. 1 данной статьи – такой вывод можно сделать исходя из положений ст. 8 УК РФ и отсылочного характера новой нормы.

Примечательно, что первоначальный текст законопроекта, имеющего целью установление дополнительных мер обеспечения общественной безопасности, подобной нормы не содержал, и в официальных документах оценка данной поправки со стороны органов государственной власти не представлена. Тем не менее, в научной литературе выражено мнение о превентивной роли нововведения, которое призвано устранить негативное влияние на неустойчивую и внушаемую личность [6, с. 40; 12, с. 110].

Деяние, закрепленное в анализируемой части ст. 212 УК РФ, возможно рассматривать как специальное подстрекательство к совершению преступления против общественной безопасности и общественного порядка, и на его примере определить некоторые особенности привлечения специальных подстрекателей к уголовной ответственности, а также сформулировать вывод о необходимости существования приведенной нормы в Особенной части уголовного закона.

В настоящей работе под специальным подстрекательством понимается вовлечение кого-либо в совершение преступления, уголовно наказуемое в соответствии с самостоятельными нормами Особенной части уголовного закона, без ссылки на положения ст. 33 УК РФ.

Основное отличие действий специального подстрекателя от подстрекателя «классического» заключается в квалификации содеянного ими – деяние последнего подлежит квалификации по той статье УК РФ, которая регламентирует ответственность исполнителя преступления, со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Исходя из предложенного разграничения классического и специального подстрекательства, на примере одного и того же деяния – вовлечения в организацию массовых беспорядков, но квалифицируемого по-разному, сравним наказание, грозящее виновному в первом и втором случаях.

Законодателем преступление, предусмотренное ч. 1.1 ст. 212 УК РФ, отнесено к категории тяжких, и за его совершение виновному грозит штраф (в размере от 300 тысяч до 700 тысяч рублей или в размере дохода осужденного за период от 2 до 4 лет), принудительные работы (от 2 до 5 лет), либо лишение свободы (от 5 до 10 лет).

Если же квалифицировать содеянное по ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 212 УК РФ, подстрекательство, являющееся в таком случае особо тяжким преступлением, наказуемо только лишением свободы (на срок от 8 до 15 лет).

Таким образом, устанавливая самостоятельную уголовную ответственность, законодатель не оправданно смягчил уголовное наказание (в том числе это повлияло на вид исправительного учреждения, исчисление сроков давности привлечения к ответственности и погашения судимости). Преобразование ст. 212 УК РФ видится противоречащим цели Федерального закона от 06.07.2016 № 375-ФЗ, вытекающей из его названия, приведенного выше.

Принимая во внимание способы вовлечения, упомянутые в диспозиции ч. 1.1 ст. 212 УК РФ, также не представляется возможным установить, достижению какого именно положительного результата способствует введение данной нормы, в целом дублирующей ч. 4 ст. 33 УК РФ, перечень действий подстрекателя в которой является открытым.

Более того, несмотря на то, что термины «склонение», «вербовка» и «вовлечение» в доктрине уголовного права наполняются различным содержанием, отличие между ними лишь в способе воздействия на подстрекаемого позволяет наделять вовлечение статусом общего, родового для них понятия [3, с. 37; 4, с. 23; 7, с. 119]. Таким образом, для квалификации деяния по ч. 1.1 ст. 212 УК РФ способ вовлечения юридического значения не имеет.

Вместе с тем, интерес представляют случаи неудавшегося склонения к организации массовых беспорядков или подготовке лица для участия в них. В соответствии с положениями ч. 5 ст. 34, ч. 2 ст. 66 УК РФ уголовное наказание за неудавшееся подстрекательство (при условии квалификации деяния по ч. 4 ст. 33 УК РФ и ч. 1 ст. 212 УК РФ) не может превышать половины максимального срока, предусмотренного за оконченное преступление, то есть 7 лет 6 месяцев лишения свободы.

В то же время состав преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 212 УК РФ – формальный, и успешность склонения к совершению преступления может оказать влияние на назначение наказания в пределах санкции указанной нормы, без учета положений ст. 66 УК РФ.

Таким образом, в случае неуспеха специальному подстрекателю по-прежнему грозит до 10 лет лишения свободы, что является более строгой мерой по отношению к классическому подстрекателю.

Однако следует отметить, что санкция ч. 1.1 ст. 212 УК РФ предусматривает наряду с лишением свободы самый мягкий вид наказания из предусмотренных уголовным законом – штраф. С этой позиции наказание, грозящее специальному подстрекателю, по-прежнему представляется более лояльным.

Несовершенство законодательной техники неизбежно влечет существование дискуссионной правоприменительной практики.

Так, например, апелляционным приговором судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 7 сентября 2021 г. П. осужден по ч. 1.1 ст. 212 УК РФ к 4 годам 9 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком на 5 лет.

Мужчина изготовил и размещал на своем канале «Ютьюб», видео- и аудиоматериалы, в которых он, обращаясь к пользователям сети «Интернет», побуждал их к совершению массовых беспорядков под видом законных протестных митингов, в том числе к подготовке и отправке людей в разные регионы России для участия в них.

Суд кассационной инстанции, оставляя апелляционный приговор без изменения, указал, что положения ч. 1.1 ст. 212 УК РФ применимы и в случае вовлечения группы лиц, то есть всей аудитории, ознакомившейся с выступлениями осужденного. При этом его действия не подлежат квалификации по ч. 3 ст. 212 УК РФ (как призывы к массовым беспорядкам), поскольку содержание высказываний П. было выражено в форме убеждений, уговоров и приглашений к совершению массовых беспорядков с применением насилия к представителям власти, что выходит за рамки понятия «призывы». Из кассационного определения следует, что разграничение этих составов преступлений по признакам объективной стороны не может производиться исключительно по адресатам и публичности способа доведения до них информации. Кроме того, «вовлечение лица в совершение массовых беспорядков имеет большую степень общественной опасности, нежели просто призывы к этим действиям, так как способ вовлечения адресатов обращений в совершение преступлений предполагает более эффективное и гарантированное для виновного достижение преступной цели в силу используемых при этом методов воздействия на сознание и волю этих лиц» [15].

Неоднозначность этого решения состоит в некотором смешении призывов и форм подстрекания.

тельства, указании судом на то, что обезличенная группа людей, включающая в себя любого пользователя сети «Интернет», обнаружившего видеоролики осужденного, является объектом воздействия именно в рамках подстрекательства, всегда лаконичный характер призывов в противопоставление вовлечению.

Не вызывает сомнений, что как призывы, так и разнообразные способы вовлечения предполагают оказание воздействия на сознание и волю людей с целью их побуждения к совершению определенных действий. Тем не менее в науке уголовного права предлагается отграничить призывы от подстрекательства именно по публичности характера высказываний и по адресатам – они должны быть конкретно определенными при подстрекательстве и могут выступать обезличенной группой при призывах; не менее важна конкретность деяния – призывы носят общий характер, а в случае подстрекательства обращение к лицу более конкретно и определено [5; 8, с. 34; 11]. Соглашаясь с этим, полагаем возможным принять имеющуюся в доктрине позицию, согласно которой непубличный характер призывов к массовым беспорядкам позволяет квалифицировать их как подстрекательство [2, с. 101].

Наряду с этим действия специального подстрекателя должны носить активный характер. Более того, правоприменительная практика свидетельствует о том, что, если предложение преступить закон выражено в форме просьбы, получившей мгновенный отклик вовлекаемых, пожелавших без каких-либо условий принять участие в массовых беспорядках, квалификация по ч. 1.1 ст. 212 УК РФ исключается [16].

Отметим небесспорность приведенного мнения – исследователи занимают и иную точку зрения, согласно которой вполне допустимо расценивать подобного рода предложения в качестве способа вовлечения [1; 13, с. 108]. Приведенная позиция основывается в том числе на правовой позиции, изложенной в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 [14], согласно которой вовлечение может выражаться в форме предложения совершить преступление, что подтверждается и правоприменительной практикой [17].

Подводя итог, подчеркнем, что тенденция дополнения Особенной части уголовного закона нормами, представляющими собой конкретизацию положений Общей части, неоднократно подвергалась конструктивной критике за создание конкуренции уголовно-правовых норм [10, с. 178; 18]. И если в ряде случаев такую законодательную позицию можно признать обоснованной, существование анализируемой в настоящей работе нормы представляется неоправданным. В связи с изложенным полагаем необходимым исключить ч. 1.1 из статьи ст. 212 УК РФ.

Литература

1. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 408 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.05.2024).
2. Балашов А.А. Особенности квалификации призывов к массовым беспорядкам // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 98–101.
3. Бугера Н.Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 35–39.
4. Кудрявцев В.Л. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21–25.
5. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2024).
6. Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. С. 39–42.
7. Палий В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 114–122.
8. Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2016. № 2. С. 28–39.
9. Тутуков А.Ю. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков в аспекте обеспечения общественной безопасности // Проблемы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 101–102.
10. Феоктистов М.В. Ответственность за соучастие в преступлении: некоторые проблемы теории и практики. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции, 29–30 января 2004 г. М.: Изд-во МГЮА, 2004. С. 173–179.
11. Фридинский С.Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // ЮП. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-prizyvyy-k-osuschestvleniyu-ekstremist-skoj-deyatelnosti-ugolovno-pravovaya-harakteristika-i-voprosy-kvalifikatsii> (дата обращения: 12.05.2024).
12. Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 107–122.

13. Щетинина Н.В. Проблемы применения норм Особенной части Уголовного кодекса, связанные с их структурой // Уголовное право. 2020. № 6. С. 105–110.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 26.05.2024).
15. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 № 77–769/2022. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2024).
16. Приговор Свердловского областного суда от 21.01.2019 по делу № 2–1/2019. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.05.2024).
17. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2006 № 1-О06–19. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.05.2024).
18. Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 18.06.2010 № 1/общ-2069 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2024).

SPECIAL INCITEMENT TO ORGANIZE MASS DISORDERS

Pankratova U.V.
Saratov State Law Academy

This article examines some features of criminal liability for incitement to commit the organization of mass riots, preparation of a person for their organization or participation in them, provided for in Part 1.1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. The act enshrined in the analyzed part of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed to be considered as special incitement to commit a crime against public safety and public order. A definition of special incitement to commit a crime is given, and its difference from classical incitement. Based on the proposed distinction between classical and special incitement, a comparison of the punishment threatening the perpetrator is made using the example of involvement in the organization of mass riots, including in the case of unsuccessful incitement. The author comes to the conclusion that the concept of “involvement” is general, generic for “inclination” and “recruitment”. The grounds for distinguishing calls for mass riots from incitement to them, proposed in science and described in the materials of law enforcement practice, are analyzed. The conclusion is formulated about the need to improve the criminal legislation regulating the responsibility of special instigators of crimes, as well as about the lack of need for the existence of the analyzed norm in the Special Part of the criminal law.

Keywords: complicity, incitement, involvement, calls, mass riots, completed and unfinished crimes.

Referents

1. Arutyunov A.A. Complicity in a Crime. Moscow: Statut, 2013. 408 p. [Electronic resource]. Access from the RLS “Consultant-Plus” (date of access: 05/04/2024).
2. Balashov A.A. Features of the qualification of calls for mass riots // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 8. Pp. 98–101.
3. Bugera N.N. The relationship between the concepts of “involvement” and “inducement” in the criminal law of Russia // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2014. No. 3 (29). Pp. 35–39.
4. Kudryavtsev V.L. “Inducement, recruitment or other involvement of a person” as alternative actions of the objective side of facilitating terrorist activity // Advocate. 2012. No. 5. Pp. 21–25.
5. Kunashev A.A. Public calls to commit extremist activities: problems of qualification and distinction from related and competing compositions // Criminal law. 2023. No. 2. [Electronic resource]. Access from the PLS “ConsultantPlus” (date of access: 05/06/2024).
6. Obraziev K.V. The institute of complicity in a crime: modern development trends // Russian investigator. 2024. No. 1. Pp. 39–42.
7. Paliy V.V. Inducement, recruitment, involvement as means of constructing the corpus delicti of a crime // Actual problems of Russian law. 2023. No. 12. Pp. 114–122.
8. Tarbagaev A.N., Moskalov G.L. Public calls to commit terrorist activities (Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of criminal-legal regulation and qualification // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law. 2016. No. 2. Pp. 28–39.
9. Tutukov A. Yu. Criminal-legal characteristics of mass riots in the aspect of ensuring public safety // Gaps in Russian legislation. 2019. No. 5. Pp. 101–102.
10. Feoktistov M.V. Responsibility for complicity in a crime: some problems of theory and practice. Moscow, 2004, pp. 173–179.
11. Fridinsky S.N. Public calls to commit extremist activities: criminal-legal characteristics and qualification issues // UP. 2008. No. 4. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnye-prizvyvy-k-osuschestvleniyu-ekstremist-skoy-deyatelnosti-ugolovno-pravovaya-harakteristika-i-voprosy-kvalifikatsii> (date of access: 12.05.2024).
12. Chuklina E. Yu. Criminal law norms with double prevention: concept, mechanism of preventive action and types // Actual problems of Russian law. 2023. No. 5. Pp. 107–122.
13. Shchetinina N.V. Problems of application of norms of the Special Part of the Criminal Code related to their structure // Criminal law. 2020. No. 6. Pp. 105–110.
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 “On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors.” [Electronic resource]. Accessed from the RLS “ConsultantPlus” (date of access: 05/26/2024).
15. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 03/10/2022 No. 77–769 / 2022. [Electronic resource]. Accessed from the RLS “ConsultantPlus” (date of access: 05/18/2024).
16. Verdict of the Sverdlovsk Regional Court dated 01/21/2019 in case No. 2–1 / 2019. [Electronic resource]. Access from the RLS “ConsultantPlus” (date of access: 18.05.2024).
17. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.08.2006 No. 1-О06–19. [Electronic resource]. Access from the RLS “ConsultantPlus” (date of access: 26.05.2024).
18. Official review of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.06.2010 No. 1 / obsh-2069 “On the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation”. [Electronic resource]. Access from the RLS “Consultant-Plus” (date of access: 27.05.2024).